
Социокультурные аспекты
национальной безопасности
России

КУЛЬТУРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
В УСЛОВИЯХ ГЕТЕРОТОПИИ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**КУЛЬТУРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
В УСЛОВИЯХ ГЕТЕРОТОПИИ**

Монография

Издательский дом «Астраханский университет»
2017

ББК 71
УДК 008
Р69

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту №15-33-11172, не подлежит продаже

Рекомендовано к печати редакционно-издательским советом
Астраханского государственного университета

Рецензенты:

доктор политических наук *М.М. Федорова*
(Институт философии РАН);
доктор философских наук, профессор *Е.В. Морозова*
(Кубанский государственный университет)

Культурная безопасность в условиях гетеротопии : монография / А. П. Романова, С. Н. Якушенков, Л. В. Баева, Е. В. Хлыщева, М. М. Бичарова, И. В. Лебедева, М. С. Топчиев, О. С. Якушенкова, Р. Т. Алиев, М. В. Джумакаева (Ваккасова). – Астрахань : Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2017. – 356 с., ил. – (Серия «Социокультурные аспекты национальной безопасности России»).

Монография посвящена современным проблемам культурной безопасности, деструкции идентичности, трансформации культурного наследия, изменениям семейных ценностей, доминированию массовой культуры и т.д. через призму предложенного М. Фуко гетеротопного подхода. Исследованы различные виды гетеротопий и их роль в трансформации современной культуры.

Содержит анализ современной культурной ситуации, которая характеризуется размыванием национальных границ, формированием новых культурных пространств и того, что М. Фуко называл иными пространствами – гетеротопией. В этих условиях проблема культурной безопасности становится особо актуальной.

Предназначена широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-9926-1034-5 (АГУ, ИД «Астраханский университет»)

ISBN 978-5-98066-209-7 (ГП АО ИПК «ВОЛГА»)

© Астраханский государственный университет,
Издательский дом «Астраханский университет»,
2017

© ГП АО ИПК «ВОЛГА», 2017

© Романова А. П., главы 2, 5, 8, 2017

© Якушенков С. Н., глава 1, 2017

© Баева Л. В., глава 6, 2017

© Хлыщева Е. В., глава 3, 2017

© Бичарова М. М., главы 2, 4, 2017

© Лебедева И. В., глава 5, 2017

© Топчиев М. С., глава 8, 2017

© Якушенкова О. С., глава 7, 2017

© Алиев Р. Т., глава 7, 2017

© Джумакаева (Ваккасова) М. В., глава 2, 2017

ВВЕДЕНИЕ

Большинство реалий современного мира, начиная от глобализации, локальных войн и экологических катастроф и заканчивая появлением новых культурных феноменов, выводят нас на обсуждение проблем безопасности. Проблемы эти обостряются каждый раз, когда появляются новые опасности, угрозы и риски. Все это заставляет человека каждый раз по-новому осмысливать жизненные реалии и основную ценность своего существования – саму жизнь, её безопасность. Писатели-фантасты прошлого времени пытались представить технически и социально развитое общество будущего как наиболее безопасное. Однако практика показывает, что это не так. Существование разумно устроенного общества без угроз и опасностей – это социальная утопия, все попытки воплощения которой в жизнь заканчивались крахом.

Поскольку обеспечение безопасности – это практически всегда реакция на опасность, то появление новых видов опасности рождает и многочисленные локальные теории безопасности – экономическую, экологическую, духовную безопасность и т.д. В сферу концепции национальной безопасности попадают уже не только военные аспекты, но и социум, культура, конфессии и т.д. Топос проблемы «безопасность» прирастает новыми локусами.

Одним из таких локусов становится проблема культурной безопасности, которую можно рассматривать через множество ракурсов как то, что мы можем обозначить как безопасность культуры в целом: культурного наследия, материального и нематериального, сохранение культурной идентичности и т.д., и как роль культуры с её исторически сформированными институтами и национальным менталитетом в обеспечении национальной безопасности. Несмотря на то, что проблемы культурной безопасности в последнее время всё чаще попадают в поле зрения как зарубежных, так и отечественных исследователей, о чём мы пишем ниже, концептуализация этого исследовательского пространства ещё не определена, и, по-видимому, будет постоянно корректироваться в связи с появлением новых опасностей.

Данная монография является ещё одной попыткой теоретического осмысления проблем культурной безопасности, но через призму необычного для данной проблематики подхода – гетеротопного. Не вдаваясь в специфику теории гетеротопии М. Фуко, которой будет посвящена отдельная глава, укажем, что гетеротопия представляет собой *другое* социокультурное пространство, где многие культурные процессы протекают иначе, чем за её границами.

В пространстве культуры гетеротопии возникали с древнейших времен, локализуя важные для человечества моменты, например переход в новое состояние в гетеротопии инициаций или смерти в гетеротопии кладбища. В музейных и библиотечных гетеротопиях аккумулировалось время и информация. Со временем гетеротопии меняли свой функционал, трансформировались. В разные эпохи они могли сохранять культурные паттерны, а в определенных случаях трансформировать их или разрушать. Рассматривая пространство культуры как сеть гетеротопий, мы пытаемся проанализировать в каком направлении гетеротопии «работают» с культурным пространством,

как они меняют его и к чему это может привести. Мы не претендуем на однозначные и окончательные ответы, мы скорее поднимаем вопросы и заостряем внимание на процессах.

Первая глава монографии представляет собой теоретический анализ одного из базовых операциональных понятий исследования – *гетеротопии*. Автором данного термина является французский философ М. Фуко, который в работе «Другие пространства» (“Of Other Spaces”, 1986) обозначил основные принципы существования культурных гетеротопий, тем самым наметив направление их дальнейшего исследования, которые во многом и были реализованы в этой главе.

Именно в гетеротопном пространстве субъект находится в новом, нетипичном для него состоянии. Эта «экстраординарность» создаёт ситуацию «вызова», нарушающую привычную модель бытия человека. Как будет действовать субъект в этой ситуации, зависит от множества причин, в том числе от его традиционных паттернов, предписывающих ему определённую модель поведения. Ряд подобных гетеротопий являются институциональными, модели поведения в них вписаны в общенациональную культурную модель, но некоторые гетеротопии появляются постоянно, они-то и создают вызовы и риски. Общество, традиционная культура ещё не готовы к подобным вызовам и часто находятся в некоторой «растерянности». Всё это, как правило, вызывает панику (оправданную и неоправданную) среди субъектов, настроенных традиционалистски, исходящих из собственных суждений. Вместе с тем, нередко подобные гетеротопии не только не несут опасность обществу, но и обогащают его новыми элементами. Но может быть и обратная ситуация, когда новое, рождённое в рамках гетеротопии, начинает вытеснять общенациональные паттерны, замещая их собой. Подобны явления требуют более тщательной проработки и анализа учёных и общественности.

Вторая глава представляет собой теоретический анализ другого базового понятия данного исследования – *культурной безопасности*. В главе даны его фреймовый и философский анализ, история возникновения и дальнейшего использования, проанализированы современные подходы к концепции культурной безопасности и сложности её концептуализации как в зарубежном, так и в отечественном научном дискурсе. В ней намечены основные векторы её анализа через призму гетеротопности современного пространства.

В третьей главе монографии проанализированы проблемы культурной безопасности с позиции трансформации современной коллективной *культурной идентичности* в глобализованном мультикультурном обществе. Мультикультурная среда представляет собой гетеротопию, влияющую практически на все сферы общества. В главе рассмотрено её влияние на трансформацию культурной идентичности с учётом как миграционных потоков, изменивших культурный ландшафт многих европейских стран, так и политики мультикультурализма. Особое место уделено проблемам, связанным с российской культурной идентичностью.

Четвертая глава монографии посвящена гетеротопии семьи и её роли в системе культурной безопасности. В данном случае акцент сделан на месте

традиционной семьи в современной культуре и её трансформациях, которые мы рассматривали как гетеротопию по отношению к классической семье. Глава анализирует новые нетрадиционные формы семьи – «чайлдфри», однополые браки и т.д. и их влияние на социум и проблемы демографического характера.

В **пятой главе** монографии мы рассматриваем роль *культурного наследия*, как материального, так и нематериального, в системе безопасности культуры. Именно оно во многом помогает формировать и сохранять коллективную культурную идентичность, размывание которой может привести к серьёзным культурным трансформациям. Важную роль в этом процессе на современном этапе могут играть не только аутентичные памятники, но и симулякры, представляющие собой гетеротопии культурного наследия.

В **шестой главе** мы исследуем культурную безопасность в информационном мире и пространстве электронной культуры. Формы электронной культуры рассматриваются как современные гетеротопные пространства, включённые в реальное бытие: социальные сети, игровые порталы, цифровые библиотеки и др., имеющие как традиционные для гетеротопий, так и новые функции. Особое место уделено вопросы безопасности в условиях электронной культуры, в том числе связанные с угрозами кибертерроризма и экстремизма, цифровых войн, замены социокультурной идентичности виртуальными симуляциями, формированием аддикций и девиаций, связанных с существованием человека в информационном пространстве.

Седьмая глава посвящена рассмотрению культурной безопасности в условиях гетеротопии *массовой культуры*. Особое место здесь уделено теоретическому анализу наиболее распространённых по всему миру гетеротопий массовой культуры: тематических парков и диснейлендов, моллов, анти-кафе, караоке-баров, круизов и т.д. Причём объектом исследования они выступают как в реальном, так и в виртуальном пространстве комиксов, фикшн-литературы, фильмов, телесериалов и прочих продуктов мировой поп-культуры.

В последней, **восьмой главе** мы рассмотрели комплекс представленных выше проблем в пространстве современного большого города – *мегаполиса*. Огромное пространство мегаполисных гетеротопий, сосуществующих друг с другом, вступающих в противоречия или конфликтующих, обостряет культурные реалии повседневной жизни и заставляет придумывать новые мифы, формировать новые фронтеры и рожают всё новые гетеротопии.

На обложке нашей монографии фотография пространства, которое с нашей точки зрения символизирует современную культурную гетеротопию. Это женский буддийский монастырь Чи-Лин (Чилинь), совершенно уникальный, построенный без единого гвоздя в первой трети прошлого века, но стилизованный под эпоху Тан (618–907) и находящийся ныне в одном из высотных кварталов Гонконга. «Вывалившись» из одной мегаполисных гетеротопии – суетного гонконгского метро на станции Даймонд Хилл, мы на себе ощутили всю *инаковость* этого пространства, неспешное течение времени, феншуйную упорядоченность территории, завораживающие песнопения мо-

нахинь, гармонию роскошного сада, который уже сам по себе гетеротопен. Данный монастырь, являясь по сути культурным симулякром, представляет собой тройную хронотопию (время нынешнее, время постройки и время эпохи воспроизводимого архитектурного канона в одном пространстве). Гетеротопно данное место ещё и потому, что это действующий монастырь, который попутно выполняет функции туристического комплекса.

Надо отметить, что Гонконг – один из самых высотных и быстро развивающихся мегаполисов мира, но именно на этой территории, где квадратный метр жилья ценится на вес золота, а гостиничные номера четырёхзвездочных отелей похожи на конуру, вальяжное пространство парка воспринимается как *иное*. И то, что, несмотря на жесткую борьбу за квадратные метры, в этом городе сохранилось более шестисот храмовых и монастырских комплексов, позволяет нам говорить, с одной стороны, о сложном гетеротопном конфессиональном пространстве мегаполиса, которое в данном случае сохраняет и культурное наследие, а с другой – об уровне прочности системы культурной безопасности Гонконга. Глядя на идиллическую картинку на обложке, начинаешь думать, а не наступит ли время, когда чуждые культурные паттерны, бережно сохранённые другой культурой, вписанные в современный антураж и представляющие для нас уже не просто *другое*, а *чужое* пространство, займут место наших культурных реалий, утерянных или замещённых, как это происходит сейчас в Европе.

ГЛАВА 1

ГЕТЕРОТОПИЯ: ПРОСТРАНСТВО МНОЖЕСТВ И МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ПРОСТРАНСТВ

Сегодняшнюю же эпоху можно, скорее,
назвать эпохой пространства.

М. Фуко. Другие пространства

Концепция пространства как социального
продукта сталкивалась с известными
трудностями, иначе говоря, с отчасти новой
и неожиданной проблематикой.

А. Лефевр. Производство пространства

Степь да степь кругом: топологический этюд, или история пространства

Мы не случайно выбрали в качестве эпиграфа фразу¹ известного французского социолога и философа Анри Лефевра. Она в полной мере отражает всю сложность проблемы понимания феномена пространства как на уровне нашего сознания, так и на уровне научной проблемы. И не важно, в рамках каких наук исследуется этот феномен: естественнонаучных или гуманитарных. Мы бы лишь изменили временную форму его глагола *сталкивались*, поменяв её на форму настоящего времени, т.е. «концепция пространства как социального продукта *сталкивается* с известными трудностями». И эту сентенцию Лефевр высказал по отношению к «типичному» пространству, т.е. такому, которое очень легко осознать, обнаружить его границы, выявить определённые тенденции. Ведь в большей степени А. Лефевра интересовало пространство города и конструирование этого пространства, недаром первые свои труды² (1968 г.), в которых изучалась эта проблема, он посвятил именно пространству города³. Однако, как правило, под этим пространством Лефевр понимает сугубо социальное пространство. Будучи марксистом и рассматривая вопрос о производстве пространства с точки зрения дихотомии марксистской модели, сводимой к базису и надстройке, он приходит к мысли, что пространство выходило за рамки как базиса, так и надстройки, порой соединяя и даже направляя их⁴.

¹Лефевр А. Производство пространства. М. : Strelka Press, 2015. С. 9.

²Первая работа по социологии и философии пространства «La vallée de Campan – Étude de sociologie rurale» вышла у него в 1963 г.

³Lefebvre H. Writings on Cities. Oxford : Blackwell Publ., 1996.

⁴Лефевр А. Производство пространства. С. 10–11.

Очень сложно выявить в полной мере, кто кого создаёт: мы производим это пространство⁵ или пространство создаёт нас, формирует или оформляет. И не следует эту систему называть лишь социальным пространством, хотя без социального здесь сложно обойтись. Нас формирует сама природа, свойства этого пространства. Но здесь легко скатиться до уровня среды в понимании пространства, будь то социальной или природной. Поэтому мы с осторожностью выйдем за пределы этой скользкой темы, дабы не увеличивать сложность и не порождать неясность, которых и без того слишком много.

Скажем только, что мы согласны с А. Лефевром: всё же мы действительно «производим» пространство, особенно если понимать это «производство» в аспекте осознания его. Мы, как правило, не осознаём, что пространство, как особая категория, осознаваемая человечеством, появляется относительно поздно. До сих пор немногие ощущают разницу между пространством (*topos*) и местом (*locus*). Нам легче осознать пространство в его космическом аспекте, чем обнаружить различие между пространством и местом. Да и там, где, казалось бы, уже должно было сформироваться представление о пространстве, господствовали сумасшедшие идеи по его конструированию («производству»): достаточно вспомнить об идее переброса северных и сибирских рек в Казахстан и Среднюю Азию, чтобы способствовать развитию сельского хозяйства в этих регионах⁶.

Пространство (во всех его проявлениях) оказывается максимально утилитарным, однако субъектам данной идеологии сложно понять, что это иллюзия, порождённая невежеством. И в этом аспекте нам приходится говорить не только об онтологии пространства, но скорее о том, как мы его понимаем и воспринимаем.

Мы уже писали о том, что нередко само понятие пространства ускользает от нас. Попытка определить его, оформить в некую дефиницию в конечном итоге удаляет нас от его понимания⁷. Может быть, поэтому ученые, принадлежащие к таким направлениям, как культурная и гуманитарная география, хотя и используют активно понятие «пространство», так и не дали ему достаточно убедительного определения.

Российский академик, директор Института этнологии и антропологии РАН, говоря о пространстве, называет его «всегда культурно осмысливаемой субстанцией»⁸. Хотя не совсем ясно, что понимает под термином «субстанция» именитый этнолог и в чём проявляется субстанциональность пространства, но с ним можно согласиться в части «культурного осмысления». Однако,

⁵ В данном случае речь не идет о физическом пространстве, а о некой совокупности: социальное – природное.

⁶ Кошелев А. П. О первом проекте переброски сибирских вод в Арало-Каспийский бассейн // Вопросы истории естествознания и техники. 1985. № 3. С. 95–97.

⁷ Якушенков С. Н., Романова А. П. Хоррористический ландшафт Хоры, или Платон vs Тёрнер // Вопросы философии. 2016. № 12. С. 73–81.

⁸ Тишков В. А. Три карты. Теория и общие подходы к проблеме // Культура и пространство: историко-культурные бренды и образы территорий, регионов и мест / ред. В. К. Малькова, В. А. Тишков. Ростов н/Д : ЮНЦ РАН, 2012. С. 7.

соглашаясь с подобным определением, не стоит забывать, что «культурно осмысливаются» самые разнообразные субстанции, поэтому не совсем понятно, чем одна субстанция (осмысленная) отличается от другой. Насколько отличается наше осознание других субстанций от «субстанции» пространства? Воспринимаем ли мы его с помощью органов чувств? Тактильно? Различаем его температуру, вкус, цвет? Или это целая система признаков? А может, всё необходимо свести лишь к визуальным образам? Тогда что же мы осознаем: само пространство или иные объекты, расположенные или вписанные в него? Может быть, поэтому теоретик гуманитарной географии, американский учёный китайского происхождения И-Фу Туань (Дуань Ифу, Туан И-фу, Ифу Туан) среди тем своих основных научных исследований назвал “felt-quality of place”⁹. То есть один из основоположников нового направления, названного “human geography”, своё любимое направление в науке определяет как изучение «ощущаемого свойства места». Сочетание “felt-quality” – это нечто, что воспринимается органами чувств, как, например, «мех, приятный на ощупь»: это некоторое свойство меха, осознаваемое нами через тактильные ощущения. Другими словами, именитого учёного интересует то, как мы воспринимаем те или иные места, т.е. те ощущения, которые возникают от определённых мест. В предыдущих наших работах мы попытались отойти от «места», посвятив наш анализ «ощущаемым свойствам пространства» (“felt-quality of space”)¹⁰. Нам удалось показать, что это “felt-quality of place” во многом порождено особым “felt-quality of space”, которое, в свою очередь, порождено факторами, не связанными напрямую с осознаваемым пространством. То есть то, как мы осознаем его, не зависит от самого пространства, а является всего лишь нашими субъективными ощущениями.

Вместе с тем, возвращаясь к Хоре Платона, можно ещё раз продемонстрировать, сколь непросто это «культурное осмысление», о чём и предупреждает нас античный философ. Следуя за Платоном, мы постоянно должны задавать себе вопрос: а до конца ли мы осмысливаем (т.е. понимаем), чем для нас является пространство(а)? Для А. Лефевра пространство – это то, что творится телом, и, прежде всего, нашим телом¹¹. Да и само тело является пространством. Таким образом, пространство в понимании А. Лефевра – расстояние между телами. При всей гуманитарности подхода Лефевра, его понимание близко к понятию мерного пространства, с той лишь разностью, что «мерность» его пространства сложно измерить. Вместе с тем, А. Лефевр, как и В. Тишков, также говорит о необходимости осмысления пространства: «Пространство как таковое (занимающее-занятое, совокупность локусов) осмысляется материалистически»¹². Почему материалистически? Возможно,

⁹Tuan Y.-F. On Human Geography // *Daedalus*. 2003. Vol. 132, No. 2. P. 135.

¹⁰Якушенков С. Н. На границе тучи ходят хмуро, край суровый тишиной объят // *Журнал фронтальных исследований*. 2016. № 4. С. 7–32; Якушенков С. Н. На границе тучи ходят хмуро, край суровый тишиной объят. Ч. 2 // *Журнал фронтальных исследований*. 2017. № 1. С. 8–36.

¹¹Лефевр А. Производство пространства. С. 172–186.

¹²Там же. С. 175.

потому, что пространство интересовало Лefевра в аспекте города, некоего конструируемого пространства, которое реализует себя в материальных объектах или определённой практике, называемой *городским планированием (урбанизмом)*¹³. И в этом аспекте пространство, или, точнее, пространство форм, может быть осознано, описано и даже «оценено». Правда, сам Лefевр скептически замечает, что реальность не такова, как хотелось бы, так как «не существует¹⁴ эпистемологии городского планирования»¹⁵. Но стоит выйти нам за пределы городского пространства, как ситуация с эпистемологией пространства складывается ещё хуже. Оно постоянно ускользает от нас, теряясь в различных подходах, теоретических построениях и концепциях.

Изучение пространства невозможно свести к какой-то одной научной дисциплине, так как в любом случае нам придется обращаться к различным методологиям и понятиям из различных научных дисциплин. Всё это создаёт определённый хаос, превращающийся в своеобразный художественный ассамбляж, не всегда отвечающий стандартам научного исследования. Может быть, поэтому Туань Ифу в конечном итоге обратился именно к этой форме, написав свое знаменитое произведение «Дорогой коллега: общие и специальные наблюдения»¹⁶, в которой в свободной форме изложил некоторые свои наблюдения на природу и человеческое общество. Интересен сам механизм презентации этого труда: учёный сначала рассылает рукопись своим друзьям и коллегам, а затем направляет её в издательство. И это вполне оправдано: этот околонучный и сугубо личный взгляд маститого учёного на мир представляет глубоко научный интерес для многих исследователей. И в этом ненаучном-научном акте заключён очень важный когнитивный парадокс, обозначаемый или, точнее, намечаемый именитым гуманитарным географом. Когда мы впервые употребили следом за Туань Ифу в нашей работе, посвящённой восприятию фронтального пространства, сочетание “felt-quality of space”, многие учёные (и российские, и зарубежные) в личной переписке нашли этот термин неприемлемым и даже корявым. Но разве не об этом говорил Лefевр, что «пространство как таковое... осмысливается материалистически». Он также поясняет, что пространство можно проклассифицировать в соотношении с «...тем, что телу угрожает или что ему благоприятствует. Его детерминация имеет, по-видимому, три аспекта: жест, след, метка»¹⁷. По сути, Туань Ифу в свойственной ему манере упростил всё это, доведя до состояния ощущения «на ощупь» (“felt-quality”).

Парефразируя ленинское определение материи, скажем, что, таким образом, пространство есть реальность, данная нам в ощущениях. Мы намеренно выкинули из этой фразы понятие объективности, так как речь идёт об

¹³ Lefebvre H. Reflections on the Politics of Space // Lefebvre H. State, Space, World: Selected essays / ed, by N. Brenner and S. Elden. Minneapolis : Univ. of Minnesota Press, 2009. P. 168.

¹⁴ Это было сказано в 1970 г. Однако мы не так уж и далеко продвинулись в этом направлении.

¹⁵ Lefebvre H. Reflections on the Politics of Space. P. 169.

¹⁶ Tuan Y.-F. Dear Colleague: common and uncommon observations. Minneapolis : Univ. of Minnesota Press, 2002.

¹⁷ Лefевр А. Производство пространства. С. 176.

ощущениях, т.е. органах чувств, что, вне всякого сомнения, переводит эту реальность из объективной в субъективную. Правда, мы можем некоторые пространства подвергать исчислению. При этом наши измерительные приборы могут быть самыми разными. Но учитывая тот факт, что тела в пространстве могут нередко перемещаться по отношению друг к другу, результат этих измерений не всегда можно предугадать. С помощью приборов проще измерить расстояние между телами, но не пространство. Расстояние между городами можно, конечно, измерить в метрах или километрах, однако это ни в коей мере не приближает нас к пониманию пространства между конкретными локусами. Можно легко заметить, что это пространство постоянно «пульсирует»: то сжимается, то вновь расширяется. Пространство Москвы – порта пяти морей – последнее время нередко сжимается до МКАДа. Отсюда и ироничная сентенция, выраженная в форме вопроса: «Есть ли жизнь за МКАДом»? В этой сентенции социокультурное пространство Москвы сжато до предела, ограничено чёткими рамками Московской кольцевой автодороги. В то же время политическое пространство Москвы постоянно «пульсирует», порой выходя даже за пределы страны.

Метрическое пространство, хотя и подлежит точному измерению, не остается неизменённым, так как «дано нам в ощущениях». Расстояние в километрах и расстояние в темпоральных затратах на его преодоление – не одно и то же. Пространство в древности измерялось с помощью времени, затраченного на его преодоление. Изменилась ли ситуация в настоящий момент? Конечно, нет. «В этот край таёжный только самолётом можно долететь», – пелось в одной из песен А. Пахмутовой на слова С. Гребенникова и Н. Добронравова. «Только самолётом» мысленно отсылает нас в невероятные дали, максимально отодвигая описываемое пространство таёжного края. И в данном случае нахождение там героев песни не превращает автоматически данный *topos* в *locus*¹⁸. Может поэтому русская культура так полна различными фразеологическими оборотами: «за тридевять земель», «туда, куда Макар телят не гонял», «на кудыкину гору», «у черта на куличиках» и т.д. Всё это показывает, что в отдельных случаях пространство не существует, оно вынесено за грань привычного, того, что можно описать в знакомых ориентирах. В этих фразах нет знакомого локуса. Но и в тех случаях, когда локусные маркеры пространства упомянуты, мы не всегда осознаём это пространство.

Даже пребывание в нём не всегда даёт нам возможность его осознать в полной мере, так как мы осознаём не само пространство, а наше проживание его или переживание себя в нём. Описание известным советским поэтом Н. Заболоцким своего путешествия по Сибири поражает своей жесткостью: «Шестьдесят с лишком дней мы тащились по Сибирской магистрали, проставивая целыми сутками на запасных путях. В теплушке было, помнится, человек сорок народу. Стояла лютая зима, морозы с каждым днём всё крепчали

¹⁸ Субботина Т. В. Локус, топос, урбоним, микротопоним: к вопросу о содержании пространственных понятий // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 24. С. 111–113.

и крепчали. Посередине вагона топилась маленькая чугунная печурка, около которой сидел дневальный и смотрел за нею. Вначале мы жили на два этажа – одна половина людей помещалась внизу, а вторая – вверху, на высоких нарах, устроенных по обе стороны вагона, на уровне немного ниже человеческого роста. Но вскоре нестерпимый мороз загнал всех нижних жителей на нары, но и здесь, сбившись в кучу и согревая друг друга собственными телами, мы жестоко страдали от холодов. Понемногу жизнь превратилась в чисто физиологическое существование, лишённое духовных интересов, где все заботы человека сводились лишь к тому, чтобы не умереть от голода и жажды, не замерзнуть и не быть застреленным, подобно зачумленной собаке...»¹⁹ Пространство, на пересечение которого у нас ушло бы не более недели, растягивается на неопределённое время постоянных страданий автора воспоминаний. В этом пространстве Сибирской магистрали иногда возникают различные локусы, но их описание полностью смазано переживаниями героев, доведённых до отчаяния. Сибирская магистраль для Н. Заболоцкого – это двухмесячное пространство его страдания. Правда, в этом страдании он не одинок. Поэтому здесь мы вынуждены вновь возвратиться к практически универсальному определению различия локуса и топоса: «Пространство превращается в место, поскольку оно приобретает определение и значение»²⁰. Интимное переживание пространства, как мы видим из описания Заболоцкого, еще не превращает переживаемое пространство в место. Конечно, здесь речь идёт о поезде, который постоянно перемещается в пространстве. Но и упоминание отдельных мест, где поезд останавливался, не имеют в его описании определённости или некой идентичности. Они – всего лишь названия, но за ними ничего не стоит. Весь двухмесячный путь – одно сплошное чёрное пятно отторгнутых воспоминаний и переживаний. Может быть, поэтому свои воспоминания о путешествии до лагеря в Комсомольске-на-Амуре он заканчивает своим стихотворением, посвящённым двум старикам, замерзающим где-то около Магадана:

Где-то в поле возле Магадана
Посреди опасностей и бед,
В испареньях мерзлого тумана...²¹

Для Н. Заболоцкого важнее не место, а событийность. «Где-то в поле возле Магадана» не имеет определённой привязки. Судьба двух заключённых подаётся как уход от конкретного места, бегство (пускай и символическое, в состоянии *postmortem*), которое хотя и направлено в сторону родного края, о котором они вспоминают перед смертью, но также не имеет реальной привязки:

¹⁹ Заболоцкий Н. История моего заключения. М. : Библиотека журнала «Огонек», 1991. С. 15–16.

²⁰ Tuan Y.-F. Space and Place: The Perspective of Experience. Minneapolis : Univ. of Minnesota Press, 2001. P. 136.

²¹ Заболоцкий Н. История моего заключения. С. 18.

Обняла их сладкая дремота,
В дальний край, рыдая, повела.
Не нагонит больше их охрана,
Не настигнет лагерный конвой,
Лишь одни созвездья Магадана
Засверкают, став над головой...²²

Перед нами какой-то двусмысленный симбиоз локуса-топоса. И хотя локус как бы указан в стихотворении, но он слишком неопределённый, двусмысленный. «Созвездья Магадана» могут относиться как к определённой местности, так и являться символом определённой судьбы, лагерной участи. Созвездья Магадана оказываются лишь метафорой в этом повествовании. Локус как бы растворяется в большом пространстве северного края. Можно даже сказать, что символика топоса поглощает локус, делая его менее значимым (непроявленным). Схожую ситуацию, в которой топос поглощает локус, встречаем мы и у В. Высоцкого:

Вспоминаю, как утречком раненько
Брату крикнуть успел: «Пособи!».
И меня два красивых охранника
Повезли из Сибири в Сибирь²³.

Из Сибири (локуса как определённого места) субъект, превращённый в объект, перемещается в Сибирь (как определенный топос – пространство неволи, несвободы и т.д.). Сибирь (как место) оказывается подавленным топосом.

Эта локусная неопределенность, невыделенность из топоса встречается во многих произведениях, посвящённых схожей тематике:

По тундре, по железной дороге,
Где курсирует поезд «Воркута – Ленинград».

В этой песне Григория Шурмака, написавшего её в 1942 г. В возрасте 17 лет, очень ярко отразились все национальные культурные парадигмы восприятия фронтального пространства Сибири. У начинающего поэта не было никакого лагерного опыта, никогда он не был на Севере или в Сибири. Песня «По тундре, по железной дороге» («Поезд») была своеобразным откликом на судьбу старшего брата, оказавшегося в Карелии в местах заключения. В этом примере мы встречаем своеобразный прецедент, когда песня молодого неопытного поэта о лагерной жизни оказывается «эталонной» и воспринимается всем советским обществом. На самом деле в этом парадоксе нет ничего удивительного. Российское общество живёт в этот период ощущением особого пространства Крайнего Севера, который в общественном дискурсе в основном ассоциируется с лагерной зоной. Бесконечная Сибирь, тундра – всё это пространство зоны. Но не только общественное сознание «повинно» в этой модели восприятия фронтального пространства. Официальная культура делает многое для такой картины мира. Практически до 1980-х гг. радио

²² Заболоцкий Н. История моего заключения. С. 19.

²³ Высоцкий В. С. Собр. соч. : в 4 кн. М. : Надежда, 1997. Кн. 2. Мы возвращаем Землю, т. 2. С. 257.

и телевидение передавало песни, посвящённые «бегству». Правда, в них рассказывается о судьбе досоветских каторжников. «По диким степям Забайкалья», «Славное море – священный Байкал» и многие другие песни посвящены одной и той же теме, аналогичной бегству из неволи. По сути, перед нами однообразные литании, разворачивающиеся на фоне фронтального пространства. И хотя в некоторых из них упоминаются локусы (Колыма, Воркута, Байкал, Магадан, Акатуй, Нерчинск и т.д.), всё это неполные локусы: это лишь своеобразные ориентиры, по которым выстраивается «маршрут». Беглец перемещается не от локуса к локусу, он перемещается в одном сплошном пространстве фронтальной дистопии. Это в действительности *ou-topos*, кардинальным образом отличающийся от *eu-topos*²⁴:

Будь проклята ты, Колыма,
Что названа чудной планетой.
По трапу войдёшь ты туда,
Оттуда возврата уж нету.
Пятьсот километров тайга,
Живут там лишь дикие звери.
Машины не ходят туда,
Бредут, спотыкаясь, олени.
(«Ванинский порт»)

Здесь *eu-topos* («Чудная планета Колыма») вытеснен *ou-topos*’ом неопределённости, потерянности в пространстве: «Оттуда возврата уж нету / Пятьсот километров тайга, / Живут там лишь дикие звери. / Машины не ходят туда, / Бредут, спотыкаясь, олени». Да и сам переход в это затерянное пространство также сложен:

От качки стонали зэка,
Обнявшись, как родные братья,
И только порой с языка
Срывались глухие проклятья.

Перед нами особое пространство, которое можно и найти на карте, но законы, действующие на этой территории, отличаются от законов, действующих на «стандартном» пространстве метрополии: сюда сложно попасть, ещё сложнее отсюда выбраться. И хотя реальные климатические условия на Колыме кардинально отличаются от описываемых (в лучшую сторону от условий проживания в других северных лагерях), однако для находящихся там эта территория кажется сверхординарной и отличной от стандартных условий «нормативного» пространства. Путешествие в это место, совмещающее локус-топос, аналогично спуску в ад. Символично, что оно соотносимо с катабасисом – движением вниз к морю, в то время как бегство оттуда – анабасис, т.е. возвращение к своим истокам, верхнему миру.

²⁴ Когда Томас Мор написал свою «Утопию», он по сути дела использовал каламбур, отсылающий нас сразу к двум значениям: «*eu-topos*» – греч. «благое место», и «*ou-topos*» – «нигде» (досл. «не-место»).

Всё это маркирует пространства особым образом, наполняя их смыслами. Нередко этот смысл передается нам через ощущения, судьбы других субъектов, кто уже прошёл этот путь, или «этап». Здесь весьма символично сочетание разных смыслов слова «этап»: это и некий отрезок, и часть какого-то процесса, и движение в пространстве арестованных, движущихся к месту заключения. Этап на Севере, часто упоминаемый в нарративах подобного рода («Этап на Север, срока огромные»), легко из пространства географического превращается в пространство судьбы.

Этап на Север – это как движение за тридевять земель, продвижение в подземный мир, из которого нет возврата («Друзья накроют мой труп бушлатиком, / На холм высокий меня снесут»²⁵).

Иногда этот символический катабасис имел и реальные формы реализации, сопровождавшиеся спуском под землю, в шахту, или пересечение моря, как в песне про «Ванинский порт». Но на самом деле, как нам кажется, все эти совпадения не играли существенной роли. Здесь, по нашему мнению, определённую роль играло совпадение с русским архаичным сознанием, в котором Северу отводился символическое место низа, а не верха, как на современных картах. Север – это пространство полных стран, стран зимы, холода и страдания. Петербург – это «...юный град / Полных стран краса и диво» у Пушкина в «Медном всаднике»²⁶. Ту же метафору Севера находим мы и в арии «Садко». В противовес Северу пространство Юга – верх, полуденные страны, страны лета, жары и изобилия. Таким образом, собирательная метафора «этапа на Север» – это метафора спуска в преисподнюю, мучения героя, опасного бегства из лагерного ада и страдания его близких (матери, жены, детей и т.д.). Вместе с тем, здесь следует оговориться, что подобная модель перемещения во фронтальном пространстве не является единственной. Мы уже писали о том, что нередко продвижение в Сибирь было мотивировано поисками там сказочной страны Ирия (Вырея), или Беловодья²⁷. Правда, и в этом случае путешествие в «страну изобилия» было очень опасно и сопряжено с множеством трудностей: «Чего мы там не натерпелись, каких бед-напастей не испытали; сторона незнакомая, чужая и совсем как есть пустая – нигде человекья лица не увидишь, одни звери бродят по той пустыне. Двое наших путников теми зверями при нашем виденье заедены были. Воды в той степи мало, иной раз дня два идешь, хотя б калужинку какую встретить; а как увидишь издали светлую водицу, бежишь к ней бегом, забывая усталость. Так, однажды, увидав издали речку, побежали мы к ней водицы напиться; бежим, а из камышей как прыгнет на нас зверь дикий,

²⁵ Хмельницкий Б., Яесс Ю. Черный ворон. Песни дворов и улиц. СПб : Пенаты, 1996. Т. 2. С. 17.

²⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М. – Л. : АН СССР, 1950. Т. 2. С. 378–379.

²⁷ Якушенков С. Н., Якушенкова О. С. Изобилие ресурсов как одна из черт фронтальных территорий // Человек. Сообщество. Управление. 2013. № 2. С. 4–15.

сам полосатый и ровно кошка, а величиной с медведя; двух странников растерзал во едино мгновение ока... Много было бед, много напастей!»²⁸.

Очень примечательно, что отдалённые пространства мыслятся, да и нередко проживаются человеком, амбивалентно. Всё зависит от его внутреннего настроения на это пространство и специфику пребывания в нём. Пространство Сибири в одном случае для одного субъекта оказывается адом, для другого – раем. Правда, и пребывают они в этом пространстве в разных условиях, как и попадают туда по-разному. Одни идут туда по зову души, других везут (везут) туда под конвоем. У одних надежда на будущее украдена, другие, напротив, строят светлое общество. Но при всех различиях в старых парадигмах восприятия удалённого пространства в них есть нечто общее – вера в то, что там, далеко, есть иная земля. Это удалённое пространство готовит нам массу неизведанного – или рай, или ад.

И здесь мы обнаруживаем снова двойственность пространства. Оно легко структурируется, разделяясь на два: пространство дома и отдалённое пространство. Родное пространство даже называется иначе – это «родные просторы». Просторы потому, что здесь есть где разгуляться: «Раззудись, плечо! Размахнись рука!», – восклицает косарь А.В. Кольцова, воспринимающий пространство степи как бескрайнее поле деятельности, возможность заработать. Правда, и здесь мы обнаруживаем двоякий смысл, так как косаря тянет в бескрайние просторы степи: в родных полях для него нет шансов реализовать себя, собрать необходимую сумму на свадьбу. Пространство Донских степей для него – это возможность вырваться из жёстких рамок традиционных устоев, стать свободным, достичь намеченной цели: «Степь раздольная / Далеко вокруг, / Широко лежит, / Ковылём-травой / Расстилается!.. / Ах ты, степь моя, / Степь привольная, / Широко, ты, степь, / Пораскинулась, / К морю Чёрному / Понадвинулась!»²⁹.

Как мы видим, здесь, хотя и воспевается пространство степи, однако оно опосредовано воспринимается через социально-экономическое. В нём есть условные локусы, но и они слишком размытые, недаром в одном из вариантов стихотворения «Молодая жница» А. Кольцов даёт иную трактовку этого пространства, как бы рассказанную со слов девушки, печальщейся о судьбе друга: «Или милый друг / На чужой степи / Косой вострою / Вырыл гроб себе? / С Дона тихова / Не воротится / С края дальнева / Не придет ко мне?»³⁰.

Отдалённое пространство очень сложно. Это также не пространство географическое, как правило, это некий *ou-topos* – пространство «не-где». Недаром и героя часто отсылают в это «не-где»: «Поди туда – не знаю куда!». Пространство – это место, которому нет названия. Оно запредельно или бес-

²⁸ Мельников-Печерский П. И. В лесах // Мельников-Печерский П. И. Полн. собр. соч. СПб : Т-во А.Ф. Марксъ, 1909. Т. 2. С. 135.

²⁹ Кольцов А. В. Полн. собр. соч. / под. ред. А. И. Лященко. СПб : Изд. Разряда изящной словесности Императорской Академии Наук, 1909. С. 70.

³⁰ Там же. С. 350–351.

крайне: «По тундре, по железной дороге, / Где курсирует поезд “Воркута – Ленинград”». У этого пространства заданы четыре ориентира: Воркута, Ленинград, тундра, железная дорога. Но все эти маркеры условны, они не приближают нас к возможности локализации. Локус здесь не определён.

Но и в более мерном пространстве, там, где, казалось бы, «проложен» маршрут и субъект движется по заданной и практически известной траектории, пространство изнуряет человека. Грусть, тоска производятся в душе человека самим пространством: «По дороге зимней, скучной / Тройка борзая бежит, / Колокольчик однозвучный / Утомительно гремит». («Зимняя дорога», А.С. Пушкин); «Однозвучно гремит колокольчик, / И дорога пылится слегка, И уныло по ровному полю / Разливается песнь ямщика. / Столько грусти в той песне унылой, / Столько грусти в напеве родном, / Что в душе моей холодной, остылой / Разгорелось сердце огнем» («Однозвучно гремит колокольчик», сл. И. Макарова). И, наконец, «Степь да степь кругом» («Степь», И.З. Суриков), посреди которой «умирал ямщик». Последняя песня, написанная в 1869 г., имеет и своеобразный народный прототип, в котором описывается тот же самый мотив смерти ямщика и обращения его к своим друзьям («Степь Моздокская»). Истоки и параллели этой песни были хорошо проанализированы российскими фольклористами Н. Лопатиным и В. Прокуниным³¹.

Правда, ради справедливости следует заметить, что в российском сознании имеются и другие модели пространства. Пространство – это не всегда тоска, трудность и опасность. Пространство (и его «домашний» вариант – «родные просторы») – это возможность реализации: «Широка страна моя родная, много в ней лесов, полей и рек. Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек! // От Москвы до самых до окраин, / С южных гор до северных морей / Человек проходит как хозяин / Необъятной Родины своей» («Песня о Родине», Б. Лебедев-Кумач)³².

Это модернистское ощущение творца, которому покоряется природа, подвластно пространства, господствовало всю вторую половину XX в., хотя берёт своё начало ещё в идеологии XIX в. достаточно вспомнить базаровскую сентенцию: «Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник». А в советскую эпоху это вылилось в максимум: «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у неё – наша задача»³³.

В этих условиях пространство – это нечто, что следует покорить, присвоить и окультурить. В этой парадигме концепция земли становится главным синонимом пространства. Пространство – это земля, покорение нового пространства – это покорение или присоединение новых земель, а главным символом этого покорения выступает процесс обработки земли, её окультуривания. Лучше всего эта концепция была отражена в фильме «Марсианин» (2015, реж. Ридли Скотт), снятого по одноимённому роману Энди Уира (Andy

³¹ Лопатин Н. М., Прокунин В. П. Русские народные лирические песни. М. : Гос. муз. изд-во, 1956. С. 109–116.

³² Русские советские песни (1917–1977). М. : Худ. лит-ра, 1977. С. 167.

³³ Мичурин И. В. Итоги шестидесятилетних трудов. М. : АН СССР, 1950. С. 10.

Weir). Случайно оставленный на Марсе астронавт Марк Уотни (актер Мэтт Деймон), чтобы выжить в суровых условиях планеты, делает оранжерею и начинает выращивать картофель. После того, как ему удалось наладить связь с Землей, он начинает получать регулярно электронные письма с Земли. В одном из писем, отправленных ему из его альма-матер – Чикагского университета, говорилось, что «если ты где-то что-то вырастил, то ты официально “колонизовал” эту землю»³⁴.

Ещё раньше этот идеологический посыл освоения новых пространств звучал в советской песне 1963 г. «И на Марсе будут яблони цвести» (муз. В. Мурадели, ст. Е. Долматовского):

Я со звездами сдружился дальними!
Не волнуйся обо мне и не грусти.
Покидая нашу Землю, обещали мы,
Что на Марсе будут яблони цвести!³⁵

Фуко был прав, говоря, что наше время – это эпоха пространства. Во второй половине XX в. начинается самый настоящий бум «покорения» пространства. Появляется целая плеяда учёных, изучающих пространство, но, главное, что возникает поколение людей, чья жизнь завязана на его «освоении»: путешествия, жизнь в дороге – их главная цель. В США это началось в 1950-е гг. с субкультуры битников, что нашло своё отражение в произведениях американского писателя Дж. Керуака («В дороге», «Бродяги Дхармы»), а также с деятельностью в 1960-е гг. группы «Весёлые проказники» (англ. “Merry Pranksters”) под руководством известного писателя К. Кизи, которые на стареньком школьном автобусе под названием «Дальше» (“Further”) совершили грандиозное путешествие по стране, устраивая концерты, пропагандируя свою субкультуру и т.д. Завязанные на психоделической культуре, они даже свои эксперименты с психоделиками обозначали с помощью слова «трип» (англ. “trip” – «поездка»), т.е. через метафору путешествия.

Но не только битники двинулись по дорогам Америки. Путешествие на автомобиле входит в моду в США, и многие американцы отправились в путь постигать бескрайние просторы своей страны. Всё это даже привело к развитию такого сопутствующего путешествиям явления, как мотели. Мотель, как особый объект отельного бизнеса, был изобретён ещё в первой половине XX в. Но именно в середине 1960-х гг. он становится массовым явлением в американском культурном пространстве³⁶.

Примечательно, что приблизительно в это же время и в СССР начинается «постижение» пространства, правда происходит это совершенно в иных формах – в виде туристических групп, освоения Сибири и пропаганды моло-

³⁴ Англ. “They say once you grow crops somewhere, you have officially ‘colonized’ it. So technically, I colonized Mars” (Weir A. The Martian. London : Del Rey, 2014. P. 147).

³⁵ Долматовский Е. А. Я вам должен сказать : кн. стихов. М. : Современник, 1984. С. 217.

³⁶ Jakle J. A. Motel by the Roadside: America's Room for the Night // Fast food, stock cars, and rock 'n' roll: place and space in American pop culture / ed. G. O. Carney. Lanham, Maryland : Rowman & Littlefield Publishers, 1995. P. 171–188.

дѣжных строек и т.д. По сути это был огромный социально-экономический проект колонизации новых земель:

Колёса диктуют вагонные,
Где срочно увидеться нам...
Мои номера телефонные
Разбросаны по городам.
Заботится сердце, сердце волнуется,
Почтовый пакуется груз.
Мой адрес не дом и не улица,
Мой адрес – Советский Союз.
(«Мой адрес – Советский Союз»,
муз. Д. Тухманова, сл. В. Харитонов) ³⁷.

Номадизм (во всех его вариантах) стал грандиозным действием, направленным на выход за привычные рамки традиционного пространства, обнуления старых ценностей и конструирование новых. И это не удивительно, ведь постижение пространства неукоснительно приводит нас к двум вариантам сценария: перенос на новое пространство старых традиций и норм (см. действия Марка Уотни – приехать на Марс и посадить там картофель, т.е. колонизовать), и переход за грань своей традиции, трансгрессировать, и, таким образом, нарушить старые нормы и создать свои новые, отличные от традиционных. И здесь пространство не только познаётся нами в определённых ощущениях, но и транслирует нам конкретные ощущения. Всё это отражается в определённых культурных парадигмах, получивших название топофилии или топофобии. Топофилия обозначает благоприятное отношение к пространству, а топофобия указывает на наше неприятие пространства. Речь не идет о пространстве вообще. Как правило, притяжение или неприятие проявляется к конкретным пространствам. Нередко наше отношение к пространству строится под влиянием среды в целом.

Надо понимать, что не существует абстрактного пространства. Оно всегда наполнено многочисленными объектами, структурировано и наделено различными смыслами, порой довольно противоречивыми: «Оно как таковое предполагает различия» ³⁸.

Ледяная ночь, мистраль
(Он ещё не стих).
Вижу в окна блеск и даль
Гор, холмов нагих.
Золотой недвижимый свет
До постели лёг.
Никого в подлунной нет,
Только я да Бог.
Знает только он мою

³⁷ Русские советские песни (1917–1977). С. 505.

³⁸ Лефевр А. Производство пространства. С. 175.

Мёртвую печаль,
Ту, что я от всех таю...
Холод, блеск, мистраль.
(И. Бунин «Ночь»³⁹)

В этом стихотворении Бунина пространство наполнено самыми различными объектами и феноменами: горы, холмы, внутреннее пространство дома писателя, холодный ветер мистраль, ощущениями автора (холод, печаль, одиночество и т.д.). Всё пространство вписано в сенсорную картину Бунина.

Направо пойдешь – коня потеряешь

Как правило, наиболее простое различие продиктовано телесностью, точнее нашей билатеральной симметрией: правое / левое, перед / зад, верх / низ⁴⁰. Если к этому добавить центр, то получается довольно сложная и разнообразная картина многочисленных вариантов пространственных структур, сочетающих чётные и нечётные варианты. Подобное деление создаёт определённую иерархию ценностей специальной структуры. Право воспринимается более ценным по сравнению с левым. Верх / низ также семантически оформлены, вписаны в культуру. Наверху живут боги, в середине люди, а в подземном мире, т.е. в самом низу, – демоны. Царь, сидящий на троне, возвышается над своими подданными, хотя в то же время пространство сидящего более значимо по сравнению с пространством стоящего, даже если тот формально и возвышается над сидящим. Его сидение на стуле (скамье и т.д.) символически более значимо, чем поза стоящего, статусно выше. Как мы видим, в основе всех критериев оценки пространства лежит физическое и социальное тело человека. Как здесь не вспомнить слова древнегреческого философа Протагора (V в. до н.э.): «Человек – мера всех вещей».

Дом человека также выступает своеобразным мериллом, точнее точкой отсчёта пространства. Это своеобразный центр, от которого идёт отсчёт. Пространство дома противостоит тому пространству, что находится за порогом. Пространству города противостоит пространство деревни, а жилому пространству – природное пространство (леса, степи, горы и т.д.). Иногда формальный центр превращается в реальный. Столица империи инков, город Куско, выступал реальным и сакральным центром огромной империи Тауантинсуйу – «Четыре соединённые воедино стороны света». Само слово «куско» на языке инков означало «пуп». В центре столицы находился храм Солнца, который и выступал в качестве основного сакрального центра. Не стоит забывать, что и китайское государство до сих пор носит название Чжунго, т.е. «срединное государство».

³⁹ Бунин И. А. Полн. собр. соч. : в 13 т. М. : Воскресенье, 2006. Т. 2. С. 134.

⁴⁰ Tuan Y.-F. Topophilia: A Study of Environmental Perceptions, Attitudes, and Values. New York : Columbia Univ. Press, 1990. P. 27.

Нередко граница между ними маркируется особыми объектами, а переход из одного пространства в другое сопровождается разнообразными ритуалами. Всем с детства известна надпись на камне, которая должна остановить героя: «Как пряму ехати – живу не бывати». Два других варианта пути тоже сомнительны для героя. В одной стороне он теряет коня, в другой – женится. Межевые и приграничные камни являлись важнейшим маркером своего и чужого пространства. Как правило, они были связаны с национальными богами, символизирующими защиту конкретного социума.

За пределами данного пространства власть этого группового покровителя заканчивалась, и герой оказывался без всякой помощи и защиты: «Часто граница отмечена каким-нибудь предметом – столбом, портиком, вертикально поставленным камнем (межевым знаком, термой). В момент установления межевых знаков в каждом конкретном месте совершались обряды освящения. Охрана границы могла быть непосредственной или опосредствованной: она препоручалась божествам границ, Гермесу, Приапу и им подобным. Путём церемониальной закладки межевых столбов или фиксации границ (плуг, шкура, разрезанная на полосы, ров и т.д.) определённое пространство земли становится принадлежащим конкретной группе людей. Проникнуть в закреплённое за этой группой пространство, будучи чужеземцем, означает такое же святотатство, как проникновение непосвящённого в священный лес, храм и т.д. Иногда представления о святости территории, ограниченной таким способом, смешивали с верой в святость земли в целом, как Матери-земли»⁴¹.

Рис. 1.1. В.М. Васнецов «Витязь на распутье» (1882)

⁴¹ Геннел А. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М. : Восточная лит-ра, 1999. С. 19–20.

Водные пространства также могли «запираться» подобным образом. Достаточно вспомнить Геркулесовы столбы – или реальное сооружение в виде двух колон, или природные объекты, одним из которых была высшая точка на Гибралтаре. Эти столбы как бы запирали выход из Средиземного моря или, наоборот, вход в него, выступая своеобразной защитой от злых сил⁴².

Тема выбора пути, по сути, выбора двух разных пространств, широко представлена в мировой художественной культуре ещё с античности. Как правило, герою приходится выбирать между долгом (добродетелью) и удовольствием.

М. Фуко, говоря о многообразии пространств в восприятии человека, писал: «Чтобы весьма грубо вычертить эту историю пространства, достаточно сказать, что в Средние века существовало иерархизированное множество мест: места священные и места профанные, места защищённые и, наоборот, места открытые и незащищённые, места городские и места сельские (это касается реальной жизни людей); в космогонической теории существовали места наднебесные, противопоставленные месту небесному; место же небесное, в свою очередь, противопоставлялось месту земному; существовали места, куда вещи оказались помещёнными, потому что их силой “смещали”, и, напротив, места, где вещи обретали свои естественные местоположение и покой. Вся эта иерархия, это противопоставление, это пересечение мест складывали то, что очень грубо можно было бы назвать “пространством локализации”»⁴³.

Гетеротопия, или пространство множеств

Итак, пространство дискретно. Оно как бы разбивается на множество микропространств. Все это предполагает, что существует огромное количество самых разнообразных пространств. Как правило, большое пространство состоит или является простым набором более мелких пространств.

Ряд из них не пересекаются, так как находятся в разных таксономических уровнях. В то же время, некоторые пространства представляют собой единство нескольких таксонов, соединяющихся тем или иным образом. В результате этого они как бы аннулируют, «приостанавливают, нейтрализуют или переворачивают всю совокупность отношений, которые тем самым ими обозначаются, отражаются или рефлектируются»⁴⁴. Это означает, что они нарушают привычную когнитивную картину, как бы требуют особых характеристик.

⁴²Trumbull Cl.H. The Threshold Covenant. New York : Charles Scribner's sons, 1896. P. 181.

⁴³Фуко М. Другие пространства // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М. : Праксис, 2006. Ч. 3. С. 192.

⁴⁴Там же. С. 195.

Эти пространства могут иметь конкретное местоположение или не иметь его, находиться в постоянном движении, менять свою локацию или вообще являться некими иллюзорными местами. Типичным примером последнего типа пространств являются, по мнению Фуко, утопии. «Утопии – это местоположения без реального места. Это местоположения, поддерживающие с реальным пространством общества обобщенные отношения прямой или обратной аналогии. Это усовершенствованное общество или изнанка общества, но, как бы там ни было, утопии суть пространства, основополагающим образом нереальные»⁴⁵. Подобные пространства могут проявляться в нескольких вариантах, т.е. в позитивном (утопия, или «благое место») и в его противоположном виде – антиутопии или дистопии (какотопии – от греч. *Kakós* – плохой и *topos* – место)⁴⁶.

Хотя Фуко называет утопии иллюзорными пространствами, вместе с тем человеческая история знает и несколько вариантов конструирования утопий, правда, реальные утопии, как правило, в значительной степени отличались от прототипа Томаса Мора. Подобными примерами утопий могут выступать иезуитские миссии в Парагвае, община в Индии Ауровилль и многие другие схожие проекты⁴⁷. Попытки создать новую утопию или обнаружить рай на Земле были и остаются довольно-таки распространённым явлением, начиная с эпохи Великих географических открытий. Мы уже неоднократно указывали на это в связи с восприятием фронтальных территорий⁴⁸. Некоторые проекты были не только утопичны, но даже очень практичны, и нашли свою реализацию в создании действительно «нового общества».

Таким образом, идея утопии выступают в качестве инструмента познания пространства и себя в нём. Как пояснял американский неомарксист, литературный критик Фредрик Джеймисон (Джеймсон), «мы обычно думаем об утопии как о месте, но если вы хотите о не-месте (*non-place*), которое выглядит как место»⁴⁹. Утопия (точнее, сама эта идея особого места, которое может быть и не существует, но обязано существовать), с точки зрения Джеймисона, легко превращается в метод постижения будущего: «Утопия – это не представление, но операция по расчёту пределов нашего собственного воображения будущего, на линии, за которой мы не способны вообразить изменения в нашем собственном обществе и мире (за исключением в сторону антиутопии и катастрофы)»⁵⁰. Таким образом, утопия выступает в качестве «матема-

⁴⁵ Фуко М. Другие пространства Фуко М. Другие пространства. С. 195–196.

⁴⁶ Хотя в российском научном дискурсе принято различать антиутопии и дистопии, мы не будем в этой работе делать подобные различия, употребляя термин «дистопия» для пространств, выступающих негативным вариантом утопии.

⁴⁷ Mueller M. Living in Auroville: Community conflict resolution // *Creating Harmony: Conflict Resolution in Community* / ed. H. Jackson. Hampshire : Permanent Publications, 1999. P. 101–112.

⁴⁸ Якушенков С. Н., Якушенкова О. С. Изобилие ресурсов как одна из черт фронтальных территорий // *Человек, Сообщество, Управление*. 2013. № 2. С. 9–11; Якушенков С. Н. Фронт как культурная парадигма // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2015. № 1. С. 294–295.

⁴⁹ Jameson F. Utopia as Method, or the Uses of the Future // *Utopia / Dystopia: Conditions of Historical Possibilities* / eds. M. Gordin, H. Tilley, G. Prakash. Princeton : Princeton Univ. Press, 2010. P. 21.

⁵⁰ Там же. С. 24.

тической операции» (operation calculated the limits), что и позволяет представить её в виде особого метода. Но в таком случае и антиутопия выступает в качестве такого же метода, так как позволяет «просчитать» (calculated operation) особенности развития определённого общества, создающего утопии и антиутопии, пусть даже в своем воображении. В наших же случаях речь идёт не только о воображаемых, но и реальных попытках конструирования особой модели общества, отличной от основной. Там, где наступает предел, не позволяющий создавать новое («улучшенное») общество в рамках уже существующего, возникает попытка выйти за этот предел (идеологический, политический, социальный, географический и т.д.). Новые территории и фронтальные земли предоставляют возможность начать с нуля, согласно определённому плану. Реализуемая утопия, пусть даже и превращающаяся в антиутопию, – это всего лишь попытка в рамках локального проекта исправить существующее общество, в то время как в рамках национальных масштабов это невозможно.

Таким образом, и утопия, и антиутопия – это всего лишь две стороны одного топологического метода анализа развития идей того или иного социума, позволяющего оценить (calculate), точнее – рассчитать пределы (limits) изучаемого социума. Но, как правило, выход за предел приводит человека к созданию модели, противоположной утопии, – антиутопии (дистопии) или экс-утопии, т.е. такого сценария, в котором построение идеального общества заканчивается дистопией, или нарушением привычных или нормативных связей. Типичными примерами подобной утопии, превратившейся в дистопию, или, точнее, экс-утопию, может служить множество утопических общин на американском континенте: Онеида, Фрутлэнд, Соинтула, Раджнишпурам и многие другие. Собственно, не следует забывать, что многие английские колонии в США возникали как утопические религиозные поселения, а сами колонисты отправлялись в новые земли в стремлении обрести там рай на земле. Ну и параллельно с этим колонистами-идеалистами в Новый Свет отправляли тысячи преступников, от которых английское общество стремилось избавиться. В одном случае часть населения рассматривала новые земли как некий аналог рая, земли обетованной, уникальную возможность выйти из состояния разорванности с природой (природой как изначальным актом божественного творения), в другом – новые земли – это всего лишь новая форма их бывшей тюрьмы, в которой они оказываются под давлением общества.

Целые континенты были превращены в подобные дистопии, или пени-тенциарные территории, наподобие Австралии. Но мало кто знает, что превращение этого континента в колонию для преступников было инспирировано борьбой американских колоний за свою независимость. Потеря колоний в Северной Америке подтолкнула англичан к поиску новых территорий, куда они могли бы сослать своих преступников и неблагонадежных граждан. Такими территориями и стал ряд мест в Австралии, чей статус был подкреплён специальным парламентским актом от 1784 г. С 1788 по 1868 г. в Австралию были вывезены более 139 тысяч человек, признанных английским судом преступниками. В глазах многих россиян Сибирь превратилась в «место катор-

ги»⁵¹, куда Россия массово ссылала осуждённых. Вместе с тем Сибирь была местом невероятных возможностей, страной, за которой находятся райские места (Ирий, Беловодье и т.д.). Эта когнитивная дихотомия, как писал А.И. Герцен «В письмах об изучении природы», есть «неминуемое, мучительное последствие логического эгоизма». «Распадение человека с природой, как вбиваемый клин, разрывает мало-помалу все на противоположные части, даже самую душу человека – это divide et impera логики – путь к истинному и вечному сочетанию раздвоенного»⁵².

Итак, мы подходим к описанию определённых пространств, чья специфика не всегда поддаётся однозначному определению, так как их характеристики часто размыты, не всегда предельно формализованы, создают когнитивный диссонанс и могут быть отнесены одновременно к разному типу пространств. По аналогии с утопиями, М. Фуко назвал их гетеротопиями, подчёркивая их неоднозначность. Утопия сама по себе также гетеротопна, она как бы существует и не существует, трансформируясь в нечто иное. Гетеротопии «принимают весьма разнообразные формы и, возможно, мы не найдем ни единой формы гетеротопий, которая была бы абсолютно универсальной»⁵³. Вместе с тем Фуко мечтал о создании такой научной дисциплины, как гетеротопология, изучающей подобные пространства. Он также попытался предложить некую классификацию, построив её на нескольких принципах. Первый принцип – диахрония, т.е. начинается он с гетерохроний первобытного общества, назвав их кризисными. Под ними учёный понимает «места привилегированные, или священные, или запретные, зарезервированные за индивидами, оказывающимися в кризисном состоянии по отношению к обществу и к человеческой среде, где они живут. Имеются в виду подростки, женщины в период менструаций, женщины при родах, старики и т.д.»⁵⁴ Не совсем понятно, почему Фуко определяет такие пространства через термин «кризисные». Конечно, ряд таких мест, как небольшие хижины для девушек женщин в период менструаций, можно было бы отнести к кризисным, хотя не во всех обществах они таковыми считались. В охотничьих обществах это в большей степени было связано не с идеологией, предписывающей нечистоту женщины в подобный период, а с запахом, способным отпугнуть зверя.

В то же время ряд гетеротопий, которые возникали в связи с временной изоляцией членов социума (подростков в период инициации и т.д.), скорее надо считать лиминальными, или гетеротопиями перехода. И А. ван Геннеп и В. Тэрнер говорят о лиминальности этих институтов и даже вводят в оборот «лиминальный персонаж» (*liminal personae*)⁵⁵. Именно этот персонаж и «творит» новое гетеротопное пространство. Почему здесь возникает гетеротопия? Лиминальный персонаж не может находиться вместе с остальным обще-

⁵¹ Максимов С. В. Сибирь и каторга : в 3 ч. СПб : Тип. А. Траншеля, 1871.

⁵² Герцен А. И. Собр. соч. : в 30 т. М. : АН СССР, 1954. Т. 3. С. 134.

⁵³ Фуко М. Другие пространства. С. 197.

⁵⁴ Там же. С. 197.

⁵⁵ Turner V. *The Ritual Process*. New York : Cornell Univ. Press, 1991. P. 95.

ством. Он требует особого, иного пространства, которое создаётся специально для него и находится за пределами основного. Так, в архаичных обществах на время инициации подростки помещаются в лес, где живут в специальных домах. С одной стороны, они являются частью общества, с другой, они изолированы от него. Новое пространство для них амбивалентно, именно поэтому оно является гетеротопией.

В данном смысле современные воинские части – продолжение подобных гетеротопий. Это особое пространство, где члены гетеротопии изолированы от остального социума. Вход туда «непосвящённым» не разрешён, выход, правда, тоже ограничен. Таким образом, там живут полноправные члены общества (пользующиеся всеми политическими правами), но в то же время их свобода ограничена.

Подобные пространства относятся к типу закрытых гетеротопий. На их территории действуют особые правила, а вход и выход из них ограничен. Всё это происходит из-за того, что в данные гетеротопии помещены лиминальные персонажи. К подобному типу можно отнести тюрьмы, психиатрические лечебницы и т.д. На этих пространствах очень быстро образуется особый социум, с особыми ритуалами и обрядами перехода. Неудивительно, что даже в разных гетеротопиях нередко формируются схожие ритуалы, как, например, в случае с дедовщиной в российской армии. И дело здесь не в импортировании традиций «зоны» в пространство армейской зоны, здесь дело в самих процессах архаизации данного типа гетеротопии. Подобные традиции существовали ранее и существуют до сих пор во многих армиях мира. Нередко схожие ритуалы перехода можно встретить и в других гетеротопиях, функционирующих на принципах корпоративной культуры. Нечто подобное существует до сих пор в ритуалах посвящения в студенты, «прописке» в новый коллектив. Именно в процессе подобных явлений образуются временные гетеротопии. Некоторые из них могут иметь закрытый или открытый характер. В них нет особой лиминальности или кризисности, однако и здесь мы видим особое пространство перехода из другого в своего.

Типичным примером опять же кризисной гетеротопии, по мнению Фуко, является свадьба: «Для девушек до середины XX в. существовала традиция, которая называлась “свадебным путешествием”; это очень древний обычай. Дефлорация девушки могла иметь место только “нигде”, и поезд или отель, где останавливались во время свадебного путешествия, и играли роль места, находящегося нигде: гетеротопия без географических координат»⁵⁶. Интересное замечание, однако оно остаётся всего лишь любопытным наблюдением без какого-либо подкрепления. Ведь нельзя же сводить весь процесс свадебного путешествия лишь к ритуалу дефлорации, которая должна пройти «нигде». По нашему мнению, свадебное путешествие – всего лишь часть сложного явления, под названием «свадьба». По сути, это целый комплекс гетеротопных пространств, которые брачующиеся пересекают. Их все можно раз-

⁵⁶ Фуко М. Другие пространства. С. 197–198.

бить на три части: предбрачные пространства (подготовительные), собственно свадьба и послесвадебные ритуалы, формирующие особое пространство. Эта триада пространств основана на триаде ритуалов перехода, которая «теоретически состоит из обрядов прелиминарных (отделение), лиминарных (промежуток), постлиминарных (включение)»⁵⁷. Однако это не значит, что каждый из этих периодов предполагает одно гетеротопное пространство. Нередко количество и качества этих пространств варьируются, как и сами ритуалы, совершаемые здесь. Так, подготовка невесты в России XIX в. предполагала сложные обряды отделения субъекта от привычного для него социума (родной семьи). При этом часть из них (обмывание невесты, её отпевание, или точнее плачи) напоминали погребальные обряды. Выключение невесты из привычного для неё социума приравнивалось к похоронам. Тем самым, на месте подобных ритуалов формировалось новое гетеротопное пространство, сочетавшее в себе метафоры жизни и смерти.

В современных традициях отделение субъекта от привычного пространства может происходить самым разнообразным способом. Следует понимать, что сам термин «пространство» следует понимать в расширительном смысле. Часто это не конкретное пространство, а совокупность привычных действий индивида, его культурное пространство. Создаваемая гетеротопия призвана выключить (отделить) субъекта из этого привычного образа жизни. Процесс нередко сопровождается различными ритуалами перехода, которые часто предполагают нарушение табу. В качестве подобного примера можно привести получившие в последнее время распространение девичники и мальчишники. Хотя такие мероприятия имеют давнюю традицию выключения субъекта из привычного пространства, но в последнее время такая ритуализированность принимает иные формы, превращаясь в дебоши, оргии и т.д. Молодой человек метафорически прощается с холостяцкой жизнью, а его друзья устраивают ему (ей) различные испытания: приглашают стриптизеров, проституток и т.д. Сексуальные действия, которые нередко случаются на подобных мероприятиях, символизируют откупительную жертву. Последнее время на Западе формируется целая индустрия (бары, ночные клубы, рестораны), специализирующаяся на проведении подобных мероприятий. Интересна и терминология, обозначающая мальчишники (анг. Bachelor party) и девичники (анг. Bachelorette party). Помимо нейтральных, упомянутых выше, можно встретить и другие названия подобных мероприятий: hen party (вечеринка курочек), stag party (вечеринка оленей), stag and doe party (вечеринка оленей и тёлочек) и т.д. Сами названия указывают на модели поведения участников подобных мероприятий, выход за рамки привычного поведения (трансгрессия), создание комичных и романтических ситуаций, сплачивание определённой группы вокруг неких действий, часто интимного характера – вот основное содержание подобных гетеротопий.

⁵⁷ Геннеп А. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. С. 15.

Примечательно, что культура девичников и мальчишников начала формироваться в подобном виде лишь с конца 60-х гг. XX в., что вполне объяснимо в контексте сексуальной революции на Западе. Но вряд ли феномен данной гетеротопии надо сводить лишь к сексуальной трансгрессии, проявляющейся во время вечеринок. Огромное значение имеют именно ритуалы перехода, сопровождающие данное мероприятие. При этом в подобных вечеринках присутствуют две совершенно противоположные тенденции: с одной стороны, вечерника как бы символически знакомит неопита (жениха или невесту) с будущей взрослой жизнью (отсюда различные аксессуары сексуального характера – презервативы, резиновые фаллосы, фрукты, намекающие на фаллический характер и т.д.). С другой стороны, нередки и сексуальные игры с стриптизерами или стриптизершами, символизирующие окончание независимой жизни. Реальные или символические сексуальные отношения на виду у своих подружек или друзей на знаковом уровне знаменуют ритуальный искупительный секс со «жрицей» (стриптизершей, проституткой) или «жрецом» (стриптизером) любви. С помощью этого публичного акта невеста или жених также демонстрирует одновременно и независимость, и окончание свободных отношений, но в то же время «это то место, где невеста может чувствовать свою сексуальную свободу»⁵⁸, одобренную социумом. В этом действии участники ритуала не видят измены, так как стриптизер или стриптизерша лишены личности. Они лишь функция, без которого ритуал перехода невозможен. По сути, их можно приравнять к врачу, совершающему определённые манипуляции над телом пациента. Этим актом женщины заявляют о своем равноправии с мужчинами, а также о том, что у них до свадьбы тоже была независимая сексуальная жизнь, с которой теперь они прощаются⁵⁹.

В последнее время идёт волна осуждения подобных практик и даже делаются попытки запретить их⁶⁰, но, тем не менее, это уже сформировавшееся культурное явление, все более формализующееся и почти институционализованное. На это указывает и тот факт, что всё чаще тема мальчишника или девичника появляется на кинематографической сцене. Она или вплетена в сюжет фрагментом («Предложение», реж. Э. Флетчер, 2009; 4 серия («Mammy Rides Again», 2013) первого сезона ситкома «Мальчики миссис Браун» и т.д.), или является центральной темой фильма («Мальчишник в Вегасе», реж. Т. Филлипс, 2009; «Холостячки», реж. Л. Хэдланд, 2012, документальный сериал 5 Канала Британского телевидения «Курочки ведут себя плохо» («Hens Behaving Badly», 2013 и др.).

Как правило, публика спокойно относится к этим вечеринкам, хотя в отдельных случаях не обходится без эксцессов, когда родственники жениха,

⁵⁸ Montemurro B. *Something Old, Something Bold: Bridal Showers and Bachelorette Parties*. New Brunswick, New Jersey : Rutgers Univ. Press, 2006. P. 88.

⁵⁹ Montemurro B. Sex symbols: the bachelorette party as a window to change in women's sexual expression // *Sexuality & Culture*. 2003. № 7 (2). P. 4.

⁶⁰ Eldridge A. "Drunk, Fat and Vulgar". *The Problem with hen parties // Feminism and the Body: Interdisciplinary Perspectives* / ed. C. Kevin. Cambridge : Cambridge Scholars Publ., 2009. P. 195.

присутствующие на девичниках, становятся свидетелями «неподобающего» поведения невесты и делают всё возможное, чтобы расстроить брак.

Вместе с тем, как и всякая гетеротопия, девичники и мальчишники, как определённый институт ритуалов перехода, развиваются по своим законам. Пространство здесь находится в особом состоянии турбулентности, оно создано для свободного проявления трансгрессии, чтобы потом вернуть всё в «нормальное» состояние. Вряд ли здесь следует видеть какой-то кризис, даже несмотря на то, что нередко это сопровождается девиантным поведением участников. Поэтому не совсем понятно, почему Фуко определяет эти гетеротопии как кризисные. Как нам кажется, что кризисными из перечисленных гетеротопий, бесспорно, являются тюрьмы, психиатрические лечебницы, дома престарелых, больницы и, возможно, бордели, наркопритоны и т.д. Все остальные упомянутые гетеротопии мы бы назвали гетеротопиями перехода, так как их основная функция – создание особого пространства для перехода.

Относя свадебные ритуалы к гетеротопиям перехода, мы должны понимать, что уникальность данной традиции заключается в том, что ее можно отнести и к фестивальным, и к закрытым гетеротопиям. К фестивальным потому, что всё здесь происходит на уровне маскарада, карнавала, где царит перевертывание, трансвестизм (особенно на мальчишниках, когда жениха обряжают в женскую одежду), смена ролей, трансгрессия и веселье. Но это и закрытая гетеротопия, так как участие в ней ограничено, здесь существуют гендерные ограничения (по полу, но не по возрасту). На девичниках, как правило, не участвуют юноши, если только они не являются приглашенными стриптизерами, шаферами и т.д. На мальчишниках нет девушек, если только они не стриптизерши или проститутки.

Уделив особое внимание данному типу гетеротопии, мы бы хотели показать, насколько противоречива и многогранна бывает одна и та же гетеротопия: «на протяжении своей истории общество может весьма по-разному способствовать функционированию гетеротопии, которые существуют, и существуют непрерывно; в действительности, каждая гетеротопия отчётливо и определённо функционирует в рамках общества, и одна и та же гетеротопия – согласно синхронии культуры, где она располагается, – может функционировать так или иначе»⁶¹. М. Фуко видит один из важнейших принципов гетеротопии. Но именно в этом и проявляется характерная черта гетеротопных пространств – разрушение для созидания нового.

Интересно и то, что подобные гетеротопии являются своеобразными маркерами, по которым можно проследить развитие общества, выделить основные тенденции и направления современной культуры. В качестве примера подобной гетеротопии Фуко приводит кладбище. Гетеротопия кладбища проявляется в нескольких направлениях: «Кладбище, разумеется, является иным местом по отношению к обычным культурным пространствам; однако же это пространство находится в связи с множеством всех местонахождений

⁶¹ Фуко М. Другие пространства. С. 198.

города, или общества, или деревни, так как у каждого индивида и в каждой семье есть родственники на кладбище»⁶². Диахронический анализ показывает, как меняется кладбище с развитием общества. Даже его расположение подвержено переменам. От некрополя – города мертвых – кладбище трансформируется в новое образование, где идеи смерти и жизни тесно переплетаются воедино. Забота об усопших и страх мертвых соседствуют друг с другом. Движение от центра города к периферии и даже вынос кладбища за пределы города также свидетельствуют о важных изменениях в идеологии общества. Интересна иерархичность кладбищенского пространства. Несмотря на кажущуюся «равнозначность» смерти (как феномена конца жизни, что уравнивает всех), пространство кладбища неоднозначно. Разные места имеют различную иерархическую ценность. Наблюдение за подобными местами и принципами организации подобных мест даёт нам уникальную возможность понять о значимых акторах (акторах влияния) в данном обществе. Так, могилы деятелей культуры, государственных или общественных деятелей соседствуют с захоронениями преступников, криминальных авторитетов и т.д. Но и в этом проявляется типичный характер гетеротопии, которая, с одной стороны, является слепком общества, с другой – перестраивает его согласно своим правилам. В кладбище мы видим пересечение разных пространств: пространства живых и пространства мертвых, в которые постоянно вторгаются живые, навязывая им свои стереотипы, «приходя к мертвым» для коммуникации с ними, занимаясь их кормлением, обустройством их индивидуального пространства и т.д. Здесь равенство в смерти сочетается с социальным неравенством, выраженным в иерархии кладбищенского места, стоимости надгробия и т.д.

Среди тех гетеротопий, которые совмещают в себе несколько пространств, М. Фуко называет театр и кинотеатр – это так называемые иллюзорные гетеротопии. На определённом пространстве в подобных местах одновременно присутствуют несколько пространств: пространство сцены и пространство зрителя. Пространство зрителя реально, но на сцене (особенно в кинотеатре) происходят иллюзорные события. Чем значительнее наше научно-техническое развитие, тем более реалистичней выглядит «картинка» 3D кинотеатра. Трёхмерное изображение, компьютерное моделирование объектов постоянно стирают грань между реальным и нереальным, зрителем и сценой. Кроме того, в отдельных кинотеатрах к трёхмерному изображению добавляются различные иные эффекты: вибрации, сенсорные раздражители и т.д. Трёхмерная картина моря или океана добавляется запахами моря, дуновением бриза, которые теперь уже не являются иллюзорными, а создаются особыми установками: сцены с землетрясениями сопровождаются реальными толчками, производимыми специальными машинами, расположенными под полом кинотеатров. Единственное, что возвращает зрителя в его реаль-

⁶² Фуко М. Другие пространства. С. 198.

ность, – это коробка с попкорном и бутылка кока-колы, помогающая не забыть, что субъект – всего лишь зритель.

К схожим гетеротопиям Фуко отнес и сад. Как нам кажется, сад требует более внимательного к нему отношения. Говоря о гетеротопии сада, следует различать несколько типов садов, у которых разные функции. Но в этом мы видим и особую суть гетеротопий. Правда, это не исключает наличие и гомогенных гетеротопий, у которых всего лишь одна функция. Как правило, это уже упомянутые лиминальные гетеротопии по типу кризисных: тюрьма, психиатрическая лечебница, дом престарелых и ряд других. Конечно, нам могут возразить, заявив, что и здесь можно обнаружить несколько функций. Например, тюрьма – это не только место изоляции преступников, но и место их исправления. Возможно, в отдельных случаях мы и можем говорить об исправлении заключённых, однако даже в декларировании целей и задач подобных институтов мы не найдем подробного объяснения этого пункта. В первой статье УИК РФ «Цели и задачи уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации» говорится:

«1. Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации имеет своими целями исправление осуждённых и предупреждение совершения новых преступлений как осуждёнными, так и иными лицами.

2. Задачами уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации являются регулирование порядка и условий исполнения и отбывания наказаний, определение средств исправления осуждённых, охрана их прав, свобод и законных интересов, оказание осуждённым помощи в социальной адаптации»⁶³.

Однако вся идеология остальных статей УИК направлена на ограничение свободы заключённых и максимальную регламентацию их действий. Это не означает, что уголовно-исправительные учреждения не ведут воспитательную и просветительскую работу, но осуществляется она лишь в качестве дополнения к их основной цели – наказанию осуждённого. Недаром до сих пор подобная система носит название пенитенциарной, т.е. связанной с наказанием. Всё вышесказанное не является критикой подобной системы. Мы указали на это, чтобы подчеркнуть гомогенный характер подобной гетеротопии.

Нечто схожее можно обнаружить и в отношении психиатрических лечебниц, домов престарелых и подобных учреждений. Особенно это характерно для домов престарелых. Если в отношении пациентов психиатрических лечебниц ещё можно делать определённые исключения, надеясь на их выздоровление, но в случае с престарелыми людьми эта надежда исключена.

В художественном плане можно вообразить и обратную историю – «Загадочная история Бенджамина Баттона» (рассказ американского писателя

⁶³ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : от 08.01.1997 N 1-ФЗ (ред. от 29.07.2017). Ст. 1. Цели и задачи уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/dfd38a7bdf844a9189d098a2f4eaeae0eadabe52/

Ф.С. Фицджеральда) и одноименный фильм (2008, реж. Д. Финчер). В данном произведении мы видим несколько гетеротопий, тесно переплетающихся или взаимоуничтожающих друг друга. Биография главного героя, Баттона, родившегося старым, как бы перечеркивает гетеротопию дома престарелых, в котором он вынужден жить с самого детства. Старый младенец, живущий в доме стариков, медленно превращается в постоянно молодеющего старика. Своей жизнью он отрицает саму идею старости и дома, в который помещают стариков в ожидании смерти. Однако именно фантастичность данного сюжета, уничтожающего первоначальную гетеротопию, и указывает на гомогенность «реальной» гетеротопии дома престарелых.

Но вернемся к гетеротопии сада. Как мы уже сказали, концепт сада может распадаться на множество гетеротопий, которые можно проклассифицировать различным образом. Прежде всего, говоря о гетеротопии сада, следует заметить, что существует множество типов садов: французский сад, английский, русский, японский, китайский, персидский и многие другие сады. Они по-разному организованы, постулируют различные идеи, отражают различные национальные концепции организации садово-паркового пространства. Кроме этого могут быть и различные типы садов, совмещающие разные подходы: открытость / закрытость; кризисность / нормативность. К закрытым садовым гетеротопиям можно отнести императорские сады, куда вход посторонним был воспрещён. Кризисные сады – сады при больницах, психиатрических клиниках и т.д.⁶⁴

Французские и персидские парки являлись моделирующими гетеротопиями. Они были призваны воплотить некий макет микрокосма – космоса в миниатюре. Особенно это справедливо для персидского парка. Английский, японский и китайский сады представляли собой имитационную гетеротопию. Они имитировали природу. Эти сады (парки) были ближе к своей изначальной задумке – воссоздать природу, дать человеку насладиться ей. Здесь царит концепция упорядоченного хаоса природы. При этом подобный сад не обязательно должен состоять только из растений, ведь природа многообразна. В результате появляется сад камней, сад мхов и т.д. В конечном итоге всё это приводит нас к концепции артистического сада, центральными частями которого оказываются уже не растения, а артефакты. Подобные сады могут передавать идею архаики (заполняя некоторые пространства античными скульптурами) или идею городского пространства, наполненного памятниками, скульптурами и т.д. Типичным примером подобного может служить парк искусств «Музеон» на Крымском валу в Москве.

В то же время нельзя сбрасывать со счетов и моделирующую концепцию имитационных английских садов. Такой тип сада возник в Европе (и прежде всего в Англии) в период активных колониальных захватов. Колониальный сад, наполненный растениями со всего мира, как бы в миниатюре

⁶⁴ Якушенкова О. С. Между природой и цивилизацией: культурное наследие и культурная безопасность китайского парка // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 4 (45). С. 283.

воспроизводил этот мир. Всё это в конечном итоге приводит нас к определённой аналогии парка-микрокосма, который как бы символизировал центр мира. Он также аккумулировал все пространства (с помощью переноса растений со всего мира) вокруг единого центра. Несмотря на то, что данный тип сада представляет собой архаичную модель гетеротопии, она воспроизводится во многих местах мира и по сей день. Многие подобные сады помимо своей идеологической или политической направленности несли и определённый научный посыл, так как становились ботаническими центрами, аккумулировавшими не только биоматериал, но и научные кадры.

В этом проявляется особая гетеротопия сада, ведь помимо собственно растений большинство садов совмещало в себе массу других концепций: дизайн, архитектуру, искусство, философию, экологию, религию и т.д. Если европейские сады Нового времени несли утилитарную концепцию нового познания мира: идею покорения новых земель, постижение нового знания, окультуривания природы и т.д., то китайский и персидские парки исходили из важного сакрального посыла, т.е. формирования сакрального центра. Именно поэтому в древности китайские парки имели в центре специальные платформы для совершения жертвоприношений и для молитв. Эти платформы назывались Линтай («платформы духов») и были важнейшим элементом китайских парков. Практика строительства платформ Линтай получила дополнительный стимул после распространения среди китайской знати учения конфуцианского философа Дун Чжуншу (179–104 г. до н.э.), уделявшего особое внимание роли императора в гармонизации инь и ян. Помимо сакральной функции Линтай использовались и в астрономических целях, которые во многом проистекали из стремления императора убедиться в том, что боги приняли его жертву⁶⁵. В дальнейшем подобный сад (парк) получил своё развитие в так называемых храмовых садах, т.е. садах при буддийских и даосских храмах⁶⁶.

Примечательно, что роль традиционного парка в китайской культуре и по сей день довольно высока. Парк остается важнейшим коммуникативным центром, объединяющим различные слои китайского общества. И именно в этом проявляется важная гетеротопная составляющая подобного места.

Говоря о сакральной функции парка (сада), не следует полагать, что подобные парки – удел прошлого: сакральная составляющая может проявляться в разной форме. Так, сакральная составляющая, только основанная не на религиозной, а на политической составляющей, явно проявлялась в таком важном культовом месте СССР, как ВДНХ. Его структура сильно напоминает персидские или китайские парки с сакрализацией пространства, фонтаном в центре, различными павильонами, символизирующими собой все составляющие социалистической жизни и т.д.

⁶⁵ Sun X., Kistemaker J. *The Chinese Sky During the Han: Constellating Stars and Society*. Leiden : Brill, 1997. P. 127, 177.

⁶⁶ Low Q. *Chinese gardens*. Beijing, 2003. P. 6.

Сакральную функцию несёт и мемориальный парк Победы на Поклонной горе в Москве. Эта историческая сакральность (память о Победе) добавляется и сакрализацией пространства с помощью строительства здесь различных храмов.

Обсуждая коммуникативное пространство парка или сада, не следует забывать, что эта коммуникация может быть направлена не только на других людей. Современные формы гетеротопии парка весьма разнообразны. Они могут включать также такие формы, как сафари-парк, который является своеобразной инверсивной гетеротопией зоопарка. В сафари-парке именно люди изолированы от зверей, находящихся на свободе.

Дальнейшим развитием рекреационной функции парка являются парки аттракционов и диснейленды. Основная задача подобных парков – развлечение посетителей, однако нередко парки, созданные по типу Диснейленда, могут иметь ещё и просветительскую функцию. Кроме этого Диснейленд относится к иллюзорной, или имитационной, гетеротопии. Как правило, подобные парки предлагают посетителям определённую атмосферу особых мест, реальных или вымышленных.

Помимо особо организованного пространства, некоторые гетеротопии проявляют себя и через особые темпоральные характеристики. По аналогии с хронотопами Бахтина, мы бы назвали их гетерохронотопами. М. Фуко называет их гетерохрониями. Типичными гетерохрониями являются музеи, аккумулирующие многочисленные артефакты и природные предметы разных эпох. Правда, не все из них представляют собой гетерохронотопы. Различные музеи, расположенные в средневековых замках, можно считать таковыми. Здесь можно наблюдать единство времени и места. В то же время подобные пространства условны, даже если в подобных местах, являющихся музеями или выполняющих подобную функцию, продолжают жить их владельцы. Как правило, музей – это искусственно созданное пространство. Различные предметы собраны здесь для осмотра посетителями. Они искусственно вписаны в новую среду. Средневековый замок, сохраняющий старинные интерьеры, имеющие реальную историю и связанные непосредственно с данным местом, представляет собой единство времени и места, т.е. хронотопию. Однако это не делает его гомотропным пространством. Это пространство современное. Люди, живущие здесь, – субъекты XXI в. со своими технологиями (интернет, телевидение), транспортом, носящие современные одежды, говорящие на современных языках, употребляющие современную пищу и т.д. Всё это вписано в единое пространство гетеротопии замка.

Гетерохрония музея – явление несколько иного типа. Здесь предметы, расположенные в определённом порядке, как правило, не связаны с местом. Исключением опять же будут музеи, связанные с определёнными личностями или элементами их биографии. Такие музеи могут быть вписаны в реальные пространства, где субъект проживал в определённое время. Музей-квартира или музей-усадьба предлагают посетителям для осмотра реальные предметы, принадлежавшие субъекту, или предметы, характеризующие его эпоху.

Вместе с тем, гетерохронии могут проявляться и на другом уровне, создавая особые гетеротопии смешанного типа. Современные технологии, проникая в самые отдалённые уголки нашей планеты, становятся достояниями людей, принадлежащих к архаичным культурам. Антропологам известна масса случаев, когда представители народов, живущих ещё при первобытно-общинном строе, начинают активно использовать технологии современного общества: телевидение, сотовую или спутниковую связь, видеоаппаратуру и т.д. В результате чего в подобных случаях образуется новое уникальное гетеротопное пространство. Типичным примером может служить эксперимент, поставленный съёмочной командой BBC, пригласившей четырёх аборигенов из племени кастам, проживающих на маленьком острове Танна (архипелаг Новые Гибриды). То, как кастам видели западное общество, они могли запечатлеть на видеокамеру. В результате получился интересный фильм, отражающий процесс возникновения множества гетеротопных пространств. Типичным примером гетеротопного пространства является фронтир⁶⁷, т.е. передовое пространство колонизации. Именно здесь проходила встреча цивилизации с дикостью. Белый человек встречался с аборигенной культурой и нередко оказывался частью иной культуры, которая делала его совершенно новым человеком: «Фронтир – это полоса наиболее быстрой и эффективной американизации. Дикая местность подчиняет себе колониста. Он приходит туда европейцем – по одежде, трудовым навыкам, рабочим инструментам, способам передвижения, мыслительным привычкам. Дикая местность выводит колониста из железнодорожного вагона и сажает его в каноэ из березовой коры. Она срывает с него цивилизованную одежду и облачает в охотничью куртку и мокасины. Она селит его в бревенчатой хижине индейцев чероки и ирокезов и окружает это жилище индейским частоколом. Очень скоро колонист начинает сеять кукурузу, пашет землю заостренной палкой; он издаёт боевой клич и, следуя устоявшейся индейской традиции, снимает скальпы. Короче говоря, вся обстановка фронта на первых порах оказывает слишком сильное воздействие на колониста. Он должен либо принять все предъявляемые условия, либо погибнуть, и вот он приспосабливается к жизни на расчищенных туземцами лесных полянах и крадёт по индейским тропам. Шаг за шагом он преобразует дикую местность, но то, что возникает в результате, – это не старая Европа, не просто развитие германских вирусов... Дело в том, что появляется новый, американский продукт»⁶⁸.

К гетеротопиям М. Фуко относил и различные европейские колонии на новых землях: «В известных случаях, на уровне общей организации земного пространства колонии играли роль гетеротопии. Я думаю, например, о первой волне колонизации в XVII в., о пуританских обществах, основанных в Америке англичанами; эти общества были в высшей степени совершенно иными местами»⁶⁹.

⁶⁷ Тёрнер Ф. Дж. Фронтир в американской истории. М. : Весь Мир, 2009.

⁶⁸ Там же. С. 15.

⁶⁹ Фуко М. Другие места. С. 203.

Встреча с Чужим, представляющим иную или даже чужую культуры, очень часто приводит к возникновению гетеротопии. На границе двух культур и образуются особые пространства, которые и относятся к гетеротопиям. Живущие здесь невольно оказываются носителями поликультурности, что выражается в особой модели поведения: частичном отказе от собственных культурных паттернов и использовании паттернов чужой культуры. Такой выход за рамки норм поведения своей культуры принято называть трансгрессией. Именно трансгрессивное поведение, как правило, оказывается одной из общих черт всех гетеротопий, какими бы различными они не были. Конечно, если мы оказываемся в какой-то временной гетеротопии, то не всегда эта трансгрессия проявляется в открытой форме. Часто это происходит на уровне интенций. Смотря какой-то фильм в кинотеатре, мы сопереживаем героям, мысленно совершая какие-то действия, которые в привычной жизни были бы для нас невозможны.

Но нередко, в ряде гетеротопий трансгрессия оказывается основной целью. Мы перемещаемся в эти гетеротопии именно с целью выхода за грани привычных моделей поведения.

Современная культура предлагает нам такие возможности всё чаще и чаще. Обычно основой этой гетеротопной практики являются модель погружения в чужую для нас среду. Различные компании предлагают нам получить уникальный опыт проживания по нормам, например, каменного века. Конечно, не следует ожидать от подобных гетеротопий повторения нормативности устоев жителя каменного века, однако даже условное приближение к некоторым иным стандартам снабжает нас уникальным опытом, раздвигает привычные рамки жизни, формируя новую картину мира.

Следует, однако, оговориться, что трансгрессия – не всегда действие со знаком плюс. Нередко этот новый акт несёт в себе негативный посыл. Сохранится эта форма трансгрессии или быстро исчезнет – зависит от множества факторов. Вместе с тем, мы постоянно находимся в состоянии трансгрессии, так как современное общество всё чаще и чаще погружает нас во все новые гетеротопии.

Городское пространство (как, впрочем, и природное) наполнено гетеротопиями. Любой современный мегаполис постепенно превращается в огромное гетеротопное пространство, точнее, конгломерат различных гетеротопий. Эти гетеротопии могут быть как постоянными, так и временными, возникающими на пересечении разных практик. Мы уже писали о таких гетеротопиях, как парки, музеи, больницы, но гетеротопиями могут быть и целые районы: Чайна Таун, Маленькое Токио, русский Брайтон Бич и многие другие. Оказываясь здесь, мы стремительно перемещаемся в новую для нас среду. Привычные надписи сменяются надписями на других языках, повсюду слышится иная речь, традиционная архитектура подменяется архитектурой иной культуры и т.д. Всё это дополняют рестораны с национальной кухней, магазины, продающие товары иной культурной ориентации, и т.д.

Вообще рестораны, кафе и другие места общественного питания, как правило, сами по себе даже в моноэтнической среде являются гетеротопия-

ми. Здесь как бы совмещается приватное пространство потребления и общественное пространство, в котором мы оказываемся временно. Но особенно ярко гетеротопное пространство проявляется в ресторанах с национальной кухней. Здесь национальный колорит совмещён с пространством коренной культуры, всё перемешано, название национальных блюд, форма подачи, ингредиенты и т.д.

Современный человек всё больше умножает сложные пространства, делает их ещё сложнее. И можно прогнозировать, что гетеротопии не только не исчезнут, их станет ещё больше, и они будут разнообразней.

С усилением процесса глобализации огромные территории превращаются в гетеротопии: язык изменяется, утрачивая национальную лексику и заимствуя иностранную, национальная одежда, кухня, урбанистические принципы всё чаще вытесняются интернациональными, инородными и т.д. При всей неоднозначности этого процесса он неизбежен. Человек не может жить в гомогенном культурном пространстве. Культура, как совокупная практика мыслящих индивидов, сама во многом управляет этим процессом, отказываясь от одних элементов и заимствуя другие. Если чуждые культуре элементы не соответствуют духу культуры, они никогда не станут её частью.

Вместе с тем, стоит понимать, что современный процесс глобализации – отнюдь не новое явление. Человечество на протяжении нескольких тысячелетий постоянно сталкивалось с различными волнами глобализации. У них были разные причины и разные предпосылки. Одной из волн региональной (евразийской глобализации) были завоевания Александра Македонского, который распространил греческую культуру на огромную территорию и привнес элементы других культур на греческую землю. Ещё более мощной, начавшейся два тысячелетия и продолжающейся по сей день, была и остаётся христианизация народов мира. В процессе распространения христианства образуются различные новые культы, старые дохристианские верования принимают новые формы, переосмысливаются и т.д.

Но это не значит, что в мире идёт процесс только формирования новых гетеротопий. Ряд гетеротопий постоянно умирает, а на их месте формируются новые. В советском государстве длительное время гетеротопией были различные формы квазиобщественного быта советского человека, получившие названия «коммуналки», «бараки» и т.д. Малометражные квартиры, переделанные из квартир российской аристократии, стали настоящим испытанием для советских людей. Коммуналка стала большим урбанистическим и социальным экспериментом для советских идеологов. Неудивительно, что подобное явление, вступившее в противоречие с тягой советского человека к индивидуальному жилью, неспособность жить по коммунальным традициям, в конечном итоге устарело и от него отказались.

Советский многоквартирный дом, в котором оказывались жители разных социальных групп, разных конфессий, национальностей, вероисповеданий, также был одной сплошной гетеротопией. Когда на одном этаже жил директор крупного предприятия, а его соседом сверху был безработный алкоголик, было сложно говорить о едином монокультурном пространстве. Оно по-

стоянно распадалось на различные взаимоисключающие части, которые конфликтовали друг с другом и пытались друг друга уничтожить. Всё это приводило к тому, что очень быстро подобное общественное пространство превращалось в сплошную дистопию. Значит ли это, что современный тип многоквартирного жилья будет отражать гомогенное социальное пространство? На этот вопрос нельзя ответить однозначно.

Люди, выросшие в гетеротопии, привносят её в свой новый мир. В этом мире формируются свои культурные паттерны, на месте одной гетеротопии возникнет иная. Эта идея была довольно иронично представлена в проекте «Наша Russia», где изображался элитный район на Рублевке. Героями этого юмористического сериала становятся «элитные» бомжи Сифон и Борода, живущие у мусорных контейнеров на Рублевке, куда российские олигархи выбрасывают свой мусор. Герои постоянно щеголяют в модных одеждах, пьют элитный алкоголь, едят дорогую еду. Иногда на помойке оказываются «выброшенными» не только одежда, техника, еда, но и люди: бывшие любовницы олигархов, футбольные команды и т.д. В конечном итоге Сифон и Борода становятся депутатами Мамоновым и Прониным.

Ряд гетеротопий функционирует уже на протяжении многих веков, некоторые из них – в неизменном виде. К подобным гетеротопиям можно отнести различные шествия, парады, карнавалы и прочее. Карнавалы и различные парады являются фестивальными гетеротопиями. Здесь всё нацелено на праздник; трансгрессия и нарушение привычного порядка вещей обязательны. Мы не будем подробно останавливаться на этих гетеротопиях, так как специфика карнавала была хорошо проанализирована советским учёным М. Бахтиным в его известном труде «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса»⁷⁰.

Мир карнавала, фестиваля, парада и прочих подобных гетеротопий – это мир перевертывания, нарушения привычных норм, и если не реальная трансгрессия, то её имитация. Нередко трансгрессия оказывается не только формой проявления скрытых побуждений участников подобных коллективных акций. Иногда трансгрессия – это инструмент определённых действий, направленный на пропаганду чего-то, привлечение внимания общества к каким-то проблемам, но ещё и центральный элемент конкретной гетеротопии. Типичным примером подобной трансгрессии является Всемирный голый велопробег (World Naked Bike Ride). Его участники с помощью велосипедной прогулки и телесной наготы стараются привлечь внимание общественности к ряду серьёзных проблем: состоянию окружающей среды в городе, насилию, безопасности дорожного движения и телесной свободе. Движение, начавшееся в 2003 г., завоевало популярность во многих странах: к 2010 г. оно уже действовало в 17 странах, организовав подобные акции в 74 городах. Наиболее активно WNBR действует в Великобритании и США. В ежегодных пробегах принимают участие десятки тысяч волонтеров. Нагота участников необя-

⁷⁰ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М. : Худ. лит-ра, 1990.

зательна, в пробеге могут участвовать как совершенно голые люди, так и частично одетые. Никто не выдвигает жёстких требований: поскольку обычно общество относится негативно к публичной наготы, участники могут использовать различные методы «камуфляжа» наготы: бодиарт, жидкий латекс и т.д. Участники с разрисованными телами уже не могут восприниматься совершенно голыми. Некоторые идут от противного, надевая одежду телесного цвета, рисуют половые органы на нижнем белье и т.д. Всё это ещё больше подчеркивает гетеротопный характер подобного мероприятия.

Эпоха постмодерна постоянно порождает различные смешанные формы искусства и повседневности. Сломав связь между участником и художником, заявив относительность художественного акта и художественной формы, мастера постмодернизма создали новую реальность, в которой уже сложно провести грань между творческим актом и повседневностью. Флешмобы оказываются новой формой ситуативной гетеротопии, сформированной на короткое время по определённому случаю. Подобные гетеротопии, как вспышки, возникают, живут какое-то время и так же быстро распадаются, переставая существовать.

Всё это приводит к тому, что в современном мире мы постоянно оказываемся в той или иной гетеротопной среде, «перетекая» или, точнее, перемещаясь из одной гетеротопии в другую, поэтому не всегда ясно, где заканчивается одна гетеротопия и начинается другая. Всё это ещё раз демонстрирует условность подобных пространств, не имеющих границ. Грани этих гетеротопий лишь намечаются, могут быть выявлены лишь знатоком. Но не всегда этим знатоком является учёный или иной профессионал. Специфика подобных гетеротопий заключается в том, что нередко даже обыватель может легко выявить эту грань. В других случаях данная грань незаметна даже для большого специалиста, так как она меняет свои очертания, формы, местоположения и т.д., как, например, расписанное голое тело. Условный рисунок, нанесённый на голое тело, уничтожает его наготу, человек же, одетый в белье телесного цвета с нарисованными на нём половыми органами, как бы обнажает свою наготу, не являясь голым. В этих крайних примерах открытости / закрытости сложно провести грань между пристойностью и непристойностью, искусством и нарушением моральных норм. И в этом примере само тело оказывается гетеротопией. Оно начинает совмещать разные смыслы, разные культурные пространства.

Говоря о гетеротопиях, хотелось бы отметить и такой их вид, как мобильные гетеротопии, т.е. особые пространства, локализация которых постоянно меняется. К мобильным гетеротопиям следует отнести в первую очередь транспортные средства. Они возникают на пересечении личного пространства субъекта и пространства транспортного средства, которое находится в постоянном движении. Чем более развито общество, тем стремительней перемещаются в пространстве подобные гетеротопии, создавая всё новые и новые реальности. Древнейшими видами подобных гетеротопий были суда и кареты. В XX в. к ним присоединились автомобили, самолеты, космические корабли. Нахождение в подобной гетеротопии играет важнейшую

роль в современной художественной культуре. Во многих произведениях путешествие оказывается главной темой, вокруг которой наслаиваются разнообразные сопутствующие действия.

Таким образом, подводя итог, заметим, что гетеротопия – неотъемлемая часть человеческого бытия. Она создаётся человеком и сама творит его. Нередко этот процесс столь взаимообращаем, что не всегда ясно, что же находится в основе того или иного факта. Нередко гетеротопии выступают мерилami человека и человеческого бытия. Они творят его культуру, определяют направления его деятельности.

Можно предположить, что со временем всё больше будут исчезать одни гетеротопии (прежде всего девиантные), а возникать новые, связанные с новыми технологиями, новой средой и новой картиной мира.

Уже сейчас можно говорить о возникновении новой среды взаимодействия общества и компьютера, человека и машины. Типичным примером подобного может служить так называемая *расширенная реальность* (augmented reality), т.е. такая человеческая реальность, которая добавляется виртуальной средой. Типичным примером подобной гетеротопии может служить охота за покемонами, когда с помощью устройства на реальной поверхности мы вдруг видим виртуальный объект, который мы можем условно уничтожить. Подобные технологии могут применяться не только ради развлечений. Они всё больше входят в нашу жизнь, расширяя границы нашей реальности.

ГЛАВА 2

КУЛЬТУРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ПОНЯТИЙНО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Безопасность – это процесс, а не результат.
Б. Шнайер

Что есть безопасность, как мы её понимаем?

Чувство самосохранения присуще всему животному миру. Однако только человек в состоянии теоретически отразить эти процессы.

Осмысление феномена безопасности начинается в эпоху Нового времени, когда оно, как естественное право человека, фиксируется в ряде документов: в английском билле о правах 1776 г., американской Декларации независимости 1776 г., французской Декларации прав человека и гражданина в 1789 г.

В российском дискурсе можно выделить базовый, фундаментальный термин «безопасность», по сути превратившийся в концепт. В англоязычной литературе используется два термина: “safety” и “security”, их различия окажут влияние и на понимание культурной безопасности в англоязычном научном дискурсе.

Для понимания сущности концепта «культурная безопасность» как производного «безопасности», на наш взгляд, уместно первоначально рассмотреть понятия «безопасность» и родственные ему английские “safety” и “security” с позиции когнитивной лингвистики. Для этого мы используем фреймовый анализ.

Концепт, как объект лингвокультурологического анализа, представляет собой языковую форму, которая отражает структуру человеческого сознания, мышления и познания. Фрейм концепта и его характерные признаки являются как бы ключом доступа к когнитивным процессам и механизмам⁷¹. Фреймовый анализ нацелен на изучение контекста концепта, он даёт нам его репрезентацию, определяет ситуацию, маркируя среду её протекания. Фреймы являются универсальной категорией, они не просто представляют собой набор ассоциаций, они содержат основную, типическую и потенциально возможную информацию, которая структурирована данными единицами представления знаний⁷². Фреймированная ситуация является стереотипичной. Фрейм показывает, *что* является важным, характерным, типичным для данной культуры.

Что даёт нам фреймовый анализ предложенных концептов? Для данных концептов это имеет особый смысл, поскольку фрейм выступает некой

⁷¹ Goffman E. Frame analysis: An essay on the organisation of experience. New York : Northeastern, 1974. 600 p.

⁷² Никонова Ж. В. Теория фреймов в лингвистических исследованиях. СПб : СПбГУ, 2006. С. 3.

смысловой рамкой, определяющей границы действия человека. А в сфере безопасности границы очень важны, поскольку безопасность одного актора (государства, сообщества, личности) автоматически не влечёт за собой безопасность другого.

Понятия «безопасность», “safety” и “security” как объекты исследования когнитивной лингвистики имеют ряд особенностей. Во-первых, они находятся в основе психической и культурной деятельности человека, они инвариантны и достаточно масштабны и варьируются от поля значения отдельного слова до картины мира, во-вторых, они характеризуются особой образностью, не имеющей собственных средств языкового выражения. Мы рассматриваем данные концепты как совокупности признаков в результате исследования синонимических рядов, которые показывают множественность средств выражения одного и того же содержания, а также посредством описания внутренней формы слова, которая раскрывает отдельный признак объекта и особенности представления о нём и через определение переносов признаков из одной концептуальной области в другую⁷³.

Мы не будем пошагово описывать методику, применённую в данном случае для описания этих концептов, это было достаточно подробно сделано нами ранее⁷⁴. Здесь мы покажем важные для нашего исследования результаты.

Изучая способы вербализации концептов «безопасность», “safety” и “security” в определённых коммуникативных ситуациях, а также исследуя паремии, отражающие образные признаки концептов, легко убедиться, что данные понятия являются ключевыми концептами в русско- и англоязычном культурных пространствах. Этимологический анализ концепта позволяет выявить мотивирующие признаки, т.е. базовую метафору концепта, обусловившую модель смыслового развития концепта в языке, а анализ словарных дефиниций показывает часть признаков структуры концепта, которая выявляется путём анализа значений слов – основных репрезентантов концепта.

Безопасность – это необходимое условие для дальнейшего развития цивилизации, и потребность в безопасности возникает практически во всех областях человеческой деятельности. Широкая представленность концепта в различных контекстах, отражающих знания о безопасности, доказывает важность и высокое значение концепта во всех культурах. Результаты этимологического и понятийного исследований, а также ядро и основные элементы структуры изучаемых концептов отражены в таблицах 2.1–2.3. Из таблиц 2.1 и 2.2 понятно, что русское понятие «безопасность» близко по структуре и мотивационным признакам к английскому “security”. В пользу этого говорит, во-первых, сложносоставная структура слов, а во-вторых описание мотивирующих признаков. Безопасность и security – это абстрактные понятия, отражающие чувства, состояние, эмоции человека, в то время как “safety” – это чаще физическое состояние либо местонахождение. Первоначальный смысл тер-

⁷³ Fillmore Ch. J. An Alternative to checklist theories of meaning // BSL. 1975. Vol. 1. P. 123–131.

⁷⁴ Романова А. П., Бичарова М. М. Проблема культурной безопасности в научном дискурсе // Человек. Сообщество. Управление. 2015. № 2. С. 36–55.

минов «безопасность» и “security” – это условие бытия, которое способен создать сам человек, а термином “safety” скорее обозначается предмет, создающий такие условия. Вообще для концепта “safety” больше характерны предметно-функциональные признаки, формирующее ядро из конкретных объектов: «место», «предмет», «инструмент», в то время как «безопасность» и “security” формируют ядро с ключевыми понятиями «надежность», «поддержка», «гарантия», «забота», которые определяют дальнейшее их развитие как невещественных, а абстрактных понятий: «состояние отсутствия угрозы в физическом, психологическом, эмоциональном или финансовом отношении».

Таблица 2.1

Фреймовая структура концепта «безопасность»

Мотивирующие признаки Без – отсутствие + опасность (осмотрительность, осторожность, опасение, охрана, охранное свидетельство, осторожность, порядочность, старательность) ← пасу, пасти (пасти, запас, спасти, подстергать, наблюдать, стеречь, сторожить) ← родст. пасти, кормить, корм скоту, охранять, питать, вскармливать, украшать, соглядатай; цель ⁷⁵		Понятийные признаки Состояние, при котором не угрожает опасность, есть защита от опасности Личная безопасность, имущественная безопасность, безопасность дорожного движения, безопасность труда, радиационная безопасность, общественная безопасность, коллективная безопасность, международная безопасность, секьюрити (служба безопасности), безопасность продукции, безопасность товара, пожарная безопасность, экономическая безопасность ⁷⁶					
Ядро							
Безопасность: отсутствие опасности, надежность, поддержка, гарантия, сохранение жизни и здоровья, сохранение материальных ценностей							
Образные признаки <i>(Объективация признаков обосновывается, с одной стороны, ценностно-оценочными отношениями, которые воспроизводятся в каждом конкретном контексте, а с другой – степенью когнитивной выделенности и освоенности этих признаков носителями языка)</i> Отсутствие страха... Отсутствие чувства угрозы...							
Слот 1	Слот 2	Слот 3	Слот 4	Слот 4	Слот 5	Слот 6	Слот 7
Отсутствие угрозы для человека со стороны другого человека	Отсутствие опасности для человека со стороны окружающей среды (природы, животных)	Отсутствие страха за жизнь, отсутствие боязни смерти	Безопасное место (земля (суша), родина, родная страна, родная культура)	Безопасные условия труда, безопасный инструмент	Уверенность в будущем	Отсутствие угрозы со стороны представителей другой нации, культуры, религии	Безопасность как результат деятельности человека – то, что человек создает сам

⁷⁵ Этимологический словарь русского языка. URL: <http://etymological.academic.ru/> (дата обращения: 18.06.2015).

⁷⁶ Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. 736 с.

Таблица 2.2

Фреймовая структура концепта "security"

Мотивирующие признаки		Понятийные признаки					
<p>(Базовая метафора концепта, обуславливающая модель смыслового развития концепта в языке)</p> <p>Состояние защищенности, беззаботности, что-то, что охраняет, сохранность государства, человека и т.д., гарантия ← уверенность, надежность – отсутствие необходимости защиты, отсутствие угрозы, тина, спокойствие, от se- (отсутствие, скрытое) + care озабоченность (забота) ← care – забота, участие, беспокойство, медицинский уход.⁷⁷</p>		<p>(Часть признаковой структуры, которая выявляется путем анализа значений слова – основного репрезентанта концепта)</p> <p>– Состояние отсутствия страха, за физическое, психологическое, эмоциональное финансовое благополучие;</p> <p>– нечто, что защищает;</p> <p>– организация или служба, обеспечивающая безопасность;</p> <p>– (право) гарантия выполнения обязательств⁷⁸;</p> <p>– (право) отсутствие опасения;</p> <p>– (финансы) уверенность в сохранности инвестиций, сбережений;</p> <p>– (финансы) залог;</p> <p>– беззаботность; полное спокойствие</p>					
		Ядро					
		<p>Security благополучие, обеспеченность, обеспечение безопасности; защита; охрана, служба безопасности, чувство защищенности; уверенность; спокойствие</p>					
Образные признаки							
<p>(Объективация признаков обосновывается, с одной стороны, ценностно-оценочными отношениями, которые воспроизводятся в каждом конкретном контексте, а с другой – степенью когнитивной выделенности и освоенности этих признаков носителями языка)</p> <p>Охрана, безопасность, риск, защита, укрытие, гвардия, оплот, охранник, полиция безопасности, безопасность окружающей среды, меры безопасности, проверка безопасности</p>							
Слот 1	Слот 2	Слот 3	Слот 4	Слот 4	Слот 5	Слот 6	Слот 7
Охрана, человек, который охраняет	Отсутствие риска	Предотвращение опасности, превентивные меры	Безопасность окружающей среды (от антропогенных факторов)	Сохранность, защищенность	Бережливость	Осторожность	Безопасность как результат деятельности человека – то, что человек создает сам

⁷⁷ Online Etymology Dictionary. URL: <http://www.etymonline.com/> (дата обращения: 18.06.2015).

⁷⁸ Merriam-Webster Dictionary. URL: <http://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 18.06.2015).

Исследование образной национально-специфичной лексики показало низкую представленность концептов в чистом виде, однако широкая репрезентативность их синонимов и антонимов в поговорках (пословицах, поговорках и афоризмах) позволяет приблизиться к традиционному пониманию терминов «безопасность», “safety” и “security”.

Доминирование в поговорках переносных образных значений, отсылающих к этническим особенностям, характерным житейским ситуациям и обстоятельствам, отражает языковое воплощение таких значимых для любого народа концептов.

В поговорках, содержащих представления о безопасности как “safety”, выражается народная мудрость о том, как избежать опасности или противостоять ей. Они призывают к осторожности, бдительности, здравому смыслу, раскрывают положительное отношение к безопасности:

Caution is the parent of safety – Семь раз отмерь, а один отрежь.

Better safe than sorry – Береженого бог бережет.

Nothing like being on the safe side – Болен – лечись, а здоров – берегись.

Это, возможно, и объясняет преобладание предметных признаков концепта: для того, чтобы сделать свою жизнь безопаснее, необходимо создавать и использовать определённые вещи, предметы, обеспечивающие безопасность. Концепт “safety” чаще всего встречается в сочетании со словами, обозначающими предметы: safety belt – ремень безопасности, safety curtain – защитный занавес, safety razor – безопасная бритва.

Поговорки, содержащие синонимы и антонимы концептов «безопасности» и “security”, отражают сущность безопасности как состояние, т.е. демонстрация смелости и отваги людей, их стремление к риску:

Care killed a cat – Забота и кошку уморит.

Care is no cure – Снявши голову, по волосам не плачут.

What is done, cannot be undone – Сделанного не воротишь.

Концепты «безопасность» и “security” приобретают, таким образом, некую нравственно-оценочную составляющую: безопасность – это не жизненная цель человека ради безопасности физической, а некое эмоционально-психологическое состояние, способное изменяться, формироваться либо регрессировать в процессе социокультурных и психологических изменений состояния личности. Такие ярко выраженные антропоморфные признаки также проявляются в сочетаниях концептов со словами, обозначающими человека или группы людей: Security Council – Совет по безопасности, security guard – охранник, security police – полиция безопасности.

Фреймовый анализ даёт нам понять, какие маркеры мы, интуитивно на уровне коммуникативных процессов закладываем в эти понятия. Мы хотим обратить внимание на значимость понятия «безопасное место», представленное в слотах на таблицах. В таблице 2.3 он вообще занимает первое место. Подсознательная значимость безопасности места для человека позволяет нам в дальнейшем применять гетеротопный подход к этой проблематике.

Таблица 2.3

Фреймовая структура концепта “safety”

<p>Мотивирующие признаки (Базовая метафора концепта, обуславливающая модель смыслового развития концепта в языке) Невредимость, сохранность; спасение; благополучие, уверенность, предохранитель ← невредимый – неповрежденный, целый, не пострадавший; отсутствие угрозы и страдания, в сохранности, защищенный; под наблюдением; уверенный в защите; в добром здравии; здоровый ← от лат. корня sol- и гр. holos – целый; невредимый, фр. XIV в. – спасенный, защищенный; оставшийся в живых, не убитый; отсутствие риска; уверенный, надежный, не в опасности; сохраннный, осторожный⁷⁹</p>		<p>Понятийные признаки (Часть признаковой структуры, которая выявляется путем анализа значений слова – основного репрезентанта концепта) – Состояние пребывания в безопасности; уверенности. “If you push it to the limit, safety is not guaranteed” – «Если нажать это до предела, безопасность не гарантирована»; – (механика) предохранитель, специальный механизм на инструменте или опасном оборудовании, разработанный для предотвращения случайного возгорания. «Be sure that the safety is set before proceeding» –</p>			
		<p>Ядро</p> <p>Safety безопасное место, предохранение, предупреждение, защита</p>	<p>«Удостоверься, что установлен предохранитель, перед началом работы»; – (американский футбол) момент, когда игрока нападения остановили с мячом в своей собственной очковой зоне защитой противника, или когда игрок нападения покинул поле с мячом в руках, находясь в своей очковой зоне⁸⁰</p>		
<p>Образные признаки (Объективация признаков обосновывается, с одной стороны, ценностно-оценочными отношениями, которые воспроизводятся в каждом конкретном контексте, а с другой – степенью когнитивной выделенности и освоенности этих признаков носителями языка)</p> <p>Ремень безопасности, предохранитель, защитный занавес, защитное стекло, лампа безопасности, безопасности матча, подстраховка, офицер безопасности, английская булавка, безопасная бритва, предохранительный клапан, сейф</p>					
Слот 1	Слот 2	Слот 3	Слот 4	Слот 4	Слот 5
Безопасное место	Действия по предотвращению опасности, предохранение	Осторожность	Собственность, ценность	Предмет, обеспечивающий безопасность, предохранитель	Спасение от угрозы, избавление

⁷⁹ Online Etymology Dictionary.

⁸⁰ Merriam-Webster Dictionary.

Исходя из анализа представленных в таблицах слотов, мы можем подтвердить тот факт, что безопасность, несмотря на то, что это важнейшая составляющая человеческого бытия, достаточно сложно определима даже в своём основном качестве, поскольку рассматривается и как состояние, и как действия по её обеспечению, и как механизм защиты.

Итак, безопасность чаще всего рассматривается как *состояние*: состояние *бытия* без угрозы или вреда⁸¹, состояние *свободного выбора* и *осуществления* группой, общностью, народом, нацией своей стратегии международного поведения, духовного, социально-экономического и политического развития⁸², состояние *устойчивого функционирования и воспроизводства* социального объекта / субъекта, поддерживаемое с помощью особо организованной институциональной среды⁸³.

Состояние *без опасности* – это, прежде всего, состояние *защищённости* от целого спектра внутренних и внешних угроз: ядерной атаки, терроризма, глобальных природных катастроф и т.д.⁸⁴ Именно это зафиксировано в Законе РФ «О безопасности» и серии энциклопедических статей⁸⁵. Состояние *без опасности* – это состояние устойчивости как системы в целом, так и отдельного индивида, которое включает в себя «совокупность специальных мер по сохранению целостности, относительной самостоятельности и устойчивости»⁸⁶.

Понимается безопасность и как некая человеческая активность на различных уровнях – от личности до государства и человечества в целом, направленная на выявление (изучение), предупреждение, ослабление, устранение (ликвидацию) и отражение опасностей и угроз, способных погубить их, лишить фундаментальных материальных и духовных ценностей, нанести неприемлемый (недопустимый объективно и субъективно) ущерб, закрыть путь для прогрессивного развития⁸⁷. Таким образом, мы видим, что спектр определений безопасности достаточно широк: от состояния (бытие без угроз, устойчивость, защищённость, свободный выбор) до деятельности (человеческая активность).

Безопасность представляет собой комплексный, многогранный феномен. Некоторые исследователи выделяют три основные сферы изучения безопасности. Одно направление – это подход к безопасности как к многоас-

⁸¹ Caldwell D., Williams R. E. Jr. Seeking Security in an Insecure World. New York : Rowman & Littlefield Publ., 2012.

⁸² Яновский Р. Г. Глобальные изменения и социальная безопасность. М., 1999.

⁸³ Перепелкин Л. Государственная национальная политика и проблемы безопасности в этнической сфере // Конфликт – диалог – сотрудничество. 2000. № 2. С. 9–13.

⁸⁴ Возжеников А. В. и др. Глобальные вызовы, угрозы и опасности современности. Приоритеты политики обеспечения национальной безопасности России. М. : РАГС при Президенте РФ, 2008.

⁸⁵ Яновский Р. Г. Безопасность. Глобалистика : энцикл. М., 2003. С. 63; Бабосов Е. М. Безопасность. Энциклопедия социологии. М. : Книжный Дом, 2003.

⁸⁶ Молчановский В. Ф. Безопасность – атрибут социальной системы // Анализ систем на пороге 21-го века: теория и практика. М. : Интеллект, 1997. С. 170–177.

⁸⁷ Серебрянников В. В., Дерюгин Ю. И., Ефимов Н. Н., Ковалев В. И. Безопасность России и армия. М., 1995. С. 17, 63.

пектному состоянию, второе – как к многогранному представлению о том, каким должно быть такое состояние и каково оно на самом деле, третье – как к цели⁸⁸. При нашем подходе к безопасности мы рассматриваем безопасность как явление комплексное: с одной стороны, это определённое состояние, а с другой – человеческая активность по обеспечению этого состояния, т.е. некий процесс. Учитывая этот фактор, мы можем говорить об объективных характеристиках, показывающих уровень безопасности, и о субъективном его восприятии, т.е. ощущаем ли мы себя в опасности / безопасности или нет.

Объективно состояние безопасности обуславливается комплексом мер, принятых государством, сообществом или единичными лицами для защиты себя от определённого рода угроз. Субъективное восприятие безопасности связано с восприятием себя в состоянии *без опасности* и угроз на любом из уровней безопасности: планетарном, государственном, национальном, городском, региональном, индивидуальном. И это осознание зависит от многих факторов, в том числе и временных, культурных или же вообще манипулятивных. Мы можем ощущать угрозу там, где её нет, и субъективно воспринимать ситуацию как опасность при условии массовой кампании в СМИ (миллениум, пандемия свиного и птичьего гриппа и т.д.).

Каждая эпоха формирует не только свои вызовы и риски, но и своё восприятие людьми безопасности в том или ином историческом и культурном контексте, то, что С.А. Панарин назвал историчностью безопасности⁸⁹, причём мир воспринимался опасным или безопасным по-разному не только в различные эпохи, но и разными поколениями и разными слоями общества в одну и ту же культурную эпоху. Так, например, в сталинские времена те слои общества, которые непосредственно под репрессии не попадали, воспринимали действительность как безопасную. В советское время как безопасную воспринимала жизнь прежде всего молодежь. В современную же цифровую эпоху именно молодежь, «пропадая» в интернете, становится объектом информационных вызовов, и именно её культурные паттерны подвергаются наибольшему риску.

Таким образом, мы видим, что понятие «безопасность» относится к чрезвычайно широкому спектру объектов и феноменов, приобретая, по сути, онтологический характер. Вопрос «быть или не быть», это, в сущности, вопрос безопасности. В этом процессе безопасность личности зависит от безопасности государства, экологической системы, социума, культуры и ещё многого другого.

Однако надо учитывать, что понятие «безопасность» (security), впрочем, как и его альтернатива «небезопасность» (insecurity), представляет собой сугубо социальный конструкт. Само понятие безопасности, несмотря на

⁸⁸Зотова О. Ю. Безопасность России // Живая психология. URL: http://gosfc.ru/upload/media/journal_lp/01_Paper_LP_2014.pdf.

⁸⁹Панарин С. А. Безопасность как историко-культурная категория // Безопасность на Западе, на Востоке и в России: представления, концепции, ситуации / [науч. ред. С. А. Панарин, Д. И. Польшин]; Ивановский гос. ун-т, Ин-т востоковедения РАН. Иваново : ИГУ, 2013.

его очевидность, меняется в зависимости от многих факторов – географических, экономических и др. Зависит оно и от характера артикуляции тех или иных угроз. С одной стороны, безопасность африканца или европейца однопорядкова на уровне обеспечения его бытия в контексте планетарной безопасности, с другой стороны, на уровне индивидуальной и даже национальной безопасности – это не тождественные понятия⁹⁰. Они не тождественны по своему содержанию, по формам её обеспечения, по конкретным ситуациям опасности, которые заставляют нас о ней задуматься. Безопасность африканца будет в той же мере замыкаться на его основные бытийные характеристики, может количественные, но не качественные. К каким-то бытийным проявлениям он будет более незащищенным, чем мы, хотя сам набор угроз может быть и неизменным, а может и варьироваться.

Безопасность зависит от вызовов и угроз, которые возникают в процессе человеческой жизнедеятельности. С появлением новых угроз, таких как пандемии искусственно выращенных вирусов, террористическая опасность, проблемы в экологической сфере и т.д., меняется и понятие безопасности. Кроме того, формируется серия понятий, связанных с безопасностью и отражающих те или иные её стороны. Вплоть до XX в. безопасность традиционно понималась как военно-политическая, физически-телесная, ресурсная, распределительная. Представители классической американской школы безопасности (J.E. Findling, J.S. Nye, S. Lynn-Jones), да и ряд российских исследователей (Л.Н. Анисимов, З.С. Белоусова, Н.С. Бирюков, И.П. Блищенко, С.Н. Власов, В.Д. Кудрявцев и др.) до сих пор отождествляют безопасность с государственной, национальной защищенностью от военных угроз и соответственно включают её поддержание в сферу международных отношений.

Укоренённость такого представления в обыденном сознании подтверждается изучением частотности употребления исследуемых концептов в конкретных коммуникативных ситуациях, касающихся определённых аспектов человеческой деятельности (рис. 2.1).

Из рисунка 2.1 видно, что все три концепта чаще всего употребляются в коммуникативных ситуациях, отражающих военную тематику, причём концепт “security” преобладает. В контексте безопасности как таковой, т.е. состоянии отсутствия угрозы, защищённости, концепт “safety” практически не представлен, в то время как частотность его употребления возрастает в таких сферах, как техника, нефть, строительство и автоматика. Высокая частотность употребления концепта “safety” в таких предметных сферах говорит о преобладании предметных признаков концепта. Интересно также отметить преобладание концепта “security” в таких тематических сферах, как экономика, банковское дело, юриспруденция, деловая лексика, т.е. сферах деятельности, требующих хороших коммуникативных навыков от тех, кто в них занят. Это также говорит в пользу преобладания антропоморфных признаков в концепте “security”, что делает его близким к русскому концепту безопасности.

⁹⁰Caldwell D., Williams R. E. Jr. Seeking Security in an Insecure World.

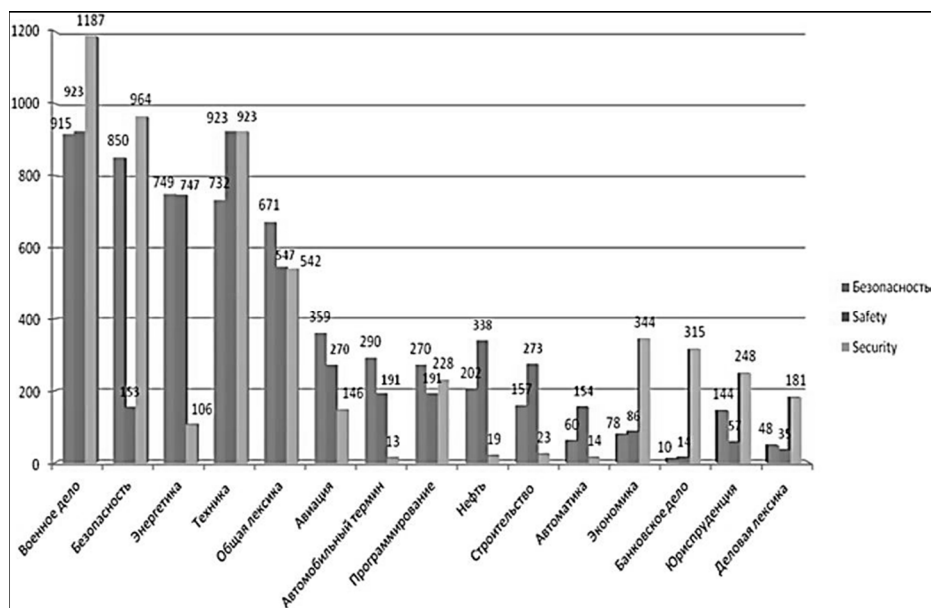

Рис. 2.1. Частотность употребления концептов «безопасность», «safety» и «security» в различных аспектах человеческой деятельности

В связи с такой широкой сферой употребления данных концептов возникла серия уточняющих понятий, использующих базовый термин как основу, но с помощью тех или иных определений локализирующих сферу её обеспечения: цивилизационная безопасность, глобальная или международная безопасность, национальная безопасность, государственная безопасность, социальная безопасность, духовная безопасность, конфессиональная безопасность, экологическая безопасность, культурная безопасность и т.д. Часть из данных терминов была проанализирована нами ранее⁹¹. При необходимости мы далее будем обращаться к этим типам безопасности.

Таким образом, мы видим, что социальный и общекультурный контексты бытия влияют на наше восприятие безопасности. Более того, с точки зрения представителей критического направления в исследовании безопасности именно социальный аспект становится доминирующим, а следуя концепции копенгагенской школы, проблема становится предметом безопасности после правильно артикулированного речевого акта⁹². В зависимости от характера угроз, встающих перед новыми поколениями, они нуждаются в новой артикуляции и новых смыслах безопасности. Поэтому современная

⁹¹ Романова А. П., Мармилова В. О. Культурная безопасность как важнейший фактор национальной безопасности // Человек. Сообщество. Управление. 2008. № 2. С. 84–94; Топчиев М. С., Романова А. П. Конфессиональная политика и конфессиональная безопасность Прикаспия. Астрахань: Сорокин Р.В., 2011.

⁹² Buzan B., Hansen Lene. The Evolution of International Security Studies. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008.

ситуация в области безопасности начинает осмысливаться изначально в зарубежном научном дискурсе, прежде всего с учётом её социально-культурных аспектов. И это европейский научный дискурс, поскольку именно Европа ощущает на себя наиболее остро все социальные аспекты проблемы безопасности.

От военной безопасности к культурной: современные подходы к исследованию

Итак, из вышеприведенной табличной иллюстрации к фреймовому анализу (рис. 2.1) мы видим, что военный аспект безопасности является доминирующим в её повседневном понимании. Долгое время понятие «безопасность» и в научных исследованиях ассоциировалось в основном с военной угрозой и изучалось, преимущественно, в рамках теории международных отношений⁹³. Традиционный для проблемы безопасности подход исходил из положения, что основным объектом, как, впрочем, и основным гарантом безопасности, является государство.

Однако, как показывает фреймовый анализ, в социально политическом и обыденном дискурсе социально-культурные аспекты безопасности занимают не менее важное место, чем военные. Сегодня, по выражению А.В. Торкунова, происходят существенные изменения в способах раздела мира, принципах его функционирования, что ведёт к изменению значений таких отражавших основы международных отношений понятий, как «безопасность», «территориальная неприкосновенность», «государственный суверенитет», «лояльность власти»⁹⁴.

Мировая напряжённость растёт за счёт постоянного возникновения локальных конфликтов в разных точках мира, за счёт увеличения напряжения отношений между Россией, США и Евросоюзом. Однако этим угрозы состоянию безопасности не исчерпываются. Сюда прибавляется целый пласт социальных проблем от появления новых вирусов до климатических изменений, влияющих на здоровье человека, интенсификация, и в определенной степени неуправляемость глобальными миграционными процессами, угрожающими традиционной идентичности, усиливающими демографический дисбаланс, приводящими в отдельных случаях к разрушению памятников культуры. Сюда же относятся и проблемы, поставленные глобализационной парадигмой.

Изменения в системе международных отношений после окончания «холодной войны», усиление глобализации, возникновение новых угроз и вызовов обусловили появление новых теоретических подходов к осмыслению безопасности. Альтернативу традиционному пониманию данного концепта представляют положения так называемых «критических исследований»

⁹³ Юрин А. Н. К понятию безопасность: кто и как определяет угрозу сегодня? URL: <http://regional-dialogue.com/ru/security/>.

⁹⁴ Современные международные отношения / под. ред. А. В. Торкунова. М. : РОССПЭН, 1999.

(“critical security studies”). Они перемещают акценты решения вопросов безопасности из плоскости международных отношений в плоскость социально-культурной проблематики.

В Европе с известными оговорками данный подход разделяют три научные школы: Уэльская (Валлийская), Копенгагенская и Парижская. Сторонники всех трёх школ существенно расширяют рамки безопасности (включая в это понятие помимо военной также экологическую, экономическую, политическую и общественную), а в качестве объекта защиты рассматривают не только государство, но и различные учреждения, отдельных людей, группы и даже биосферу.

Работы представителей так называемой *Уэльской (Валлийской)* школы безопасности (K. Booth, R.W. Jones) одними из первых сместили акцент в объяснении вопросов безопасности от военных в сторону социетальных проблем. Появляется эта концептуальная платформа в 1990-х гг. Её основой и базисом дальнейшего развития стал гобсовский подход к государству, кантовское понимание свободы, а также постулаты Франкфуртской школы.

Один из её основоположников, Кен Бут, исходит из того факта, что при государственном подходе к безопасности не учитываются интересы всех акторов процесса, поскольку безопасность одного актора может представлять собой угрозу для другого. Главным фактором обеспечения безопасности является свобода для всех акторов процесса, постулируемая исследователями в русле концепции эмансипации. Для Бута жизнь ограниченная, без свободы есть простое выживание. Поэтому безопасность – это «выживание плюс свобода от угроз и некоторая свобода выбора, а отсюда и возможности»⁹⁵. Для Бута «безопасность и эмансипация – это две стороны одной медали»⁹⁶.

Исследователи понимают, что такие теоретические выводы должны быть подкреплены практическими предложениями. Представители Уэльской школы не просто пытаются проанализировать сложившуюся ситуацию в сфере безопасности, но и предлагают, пусть и весьма утопичные в духе марксизма, пути её разрешения. С их точки зрения, обеспечение слияния безопасности и эмансипации возможно только при условии появления такого мирового сообщества, которое бы осуществляло соответствующую политику, «при которой любая война была бы практически невыносима и при которой все глобальные проблемы разрешались бы с участием всего сообщества»⁹⁷. Необходимо построить общество, в котором практики в области безопасности обозначали бы расширение пространства эмансипации и наоборот⁹⁸. Современный «холодный монстр государства», являющийся актором политических решений, не может обеспечить необходимый формат безопасности, где соглашения осуществляются преимущественно на уровне государств⁹⁹. Для Бута

⁹⁵ Booth K. *Theory of World Security*. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2007. P. 102.

⁹⁶ Booth K. *Security and Emancipation // Review of International Studies*. 1991. Vol. 17, № 4. P. 319.

⁹⁷ Booth K. *Theory of World Security*. P. 427.

⁹⁸ Там же. P. 115.

⁹⁹ Booth K. *Security and Emancipation*. P. 317–319.

безопасность – не состояние или действие, она инструмент. При этом он осознает не только сложность формирования этого инструмента, но даже определения самого понятия. Но если мы не можем даже грамотно и однозначно дать дефиницию безопасности, «то как мы можем когда-либо надеяться её достигнуть?»¹⁰⁰.

Таким образом, уже начиная с концепции Уэльсской школы, безопасность общества и индивида рассматривается как более значимая, нежели безопасность государства, а главным фактором её обеспечения становится свобода. Таким образом, безопасность из экзистенциальной категории трансформируется в инструментальную.

Ещё ближе к пониманию безопасности как состоянию, зависящему от культурных процессов, подошли представители **Копенгагенской школы** исследований безопасности (B. Buzan, O. Wæver, J. de Wilde).

Б. Бузан и О. Вевер выделили пять направлений (секторов) современного исследования безопасности: военный, политический, экологический, экономический и социетальный. Нас, естественно, интересует последний, поскольку именно в рамках этого аспекта стало развиваться понятие культурной безопасности.

В своей работе “People, States and Fear” (1981), наряду с приведёнными выше секторами безопасности, Б. Бузан также выделяет три уровня функционирования системы безопасности: индивидуальный, государственный и международный, по отношению к которым он разрабатывает критерии силы и слабости государства¹⁰¹. Если ранее оценивалась сила власти, то теперь важную роль играют и внутренние факторы. Как один из них исследователь выделяет и национальный состав населения.

Поскольку система взаимосвязи уровней и секторов достаточно запутанна и сложна, все предложенные концепты не могут отражать сущность безопасности по отдельности. Комплексное исследование этих пластов по сути своей представляет собой методологию в стиле сочетания микро / макро. Важнейшим уровнем функционирования системы становится индивидуальный уровень. С точки зрения Бузана, на уровне индивидуума безопасность состоит из комплекса факторов личной безопасности: «жизнь, здоровье, статус, богатство, свобода»¹⁰². Причём их невозможно заменить или восстановить при утрате. На индивидуальном уровне человеку достаточно просто понять концептуальные рамки своей безопасности, однако продуцировать эти условия и концепты на уровень национальной безопасности невозможно. Здесь уже необходимо учитывать такие акторы, как государство.

Для Копенгагенской школы военный и политический уровни безопасности непосредственно коррелируются с социальным. Даже изучая безопасность на макроуровне, надо принимать во внимание социальные причины

¹⁰⁰ Там же. P. 317.

¹⁰¹ Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: a new framework for analysis. London : Lynne Rienner, 1998. P. 120.

¹⁰² Buzan B. People, States and Fear. 2nd ed. Hertfordshire : Harvester Wheatsheaf, 1991. P. 36.

большинства происходящих в мире конфликтов. Позднее Бузан делает вывод о социетализации даже ряда аспектов военной угрозы. Он называет это третьим военным последствием глобального модерна. И связано это непосредственно с террористической угрозой. И хотя, как отмечает Бузан, об этом должны больше беспокоиться жители Ирака, Пакистана, Афганистана, Ливана, Кении, Нигерии, т.е. жители «глобального Юга» нежели Запада, тем не менее, беспокойство по поводу этих проблемах возникает практически повсеместно. Это связано как с возможностью бесконтрольной закупки оружия локальными группировками, так и с высокой концентрацией людей в мегаполисах и отдельных высотных зданиях. Когда эти предпосылки «сочетаются с экстремистскими настроениями, политическим бесправием, экономическим неравенством и культурным отчуждением, они открывают новое измерение безопасности»¹⁰³.

Под социетальной составляющей безопасности представители Копенгагенской школы понимают прежде всего «масштабную коллективную идентичность», которая может функционировать независимо от конкретного государства, такую как, например, нация или религия¹⁰⁴. И здесь авторы нащупывают основную онтологическую проблему культурной безопасности. Если с традиционно понимаемой военной безопасностью вроде бы все ясно – есть факторы защиты от угроз и мероприятия превентивного характера, то как определить, чем являются изменения в коллективной идентичности – ересью, несущей угрозу её существованию или необходимым этапом её развития? «Способность сохранять поддерживать и воспроизводить язык, совокупность поведенческих традиций или концепцию этической чистоты – всё это можно рассматривать в терминах безопасности»¹⁰⁵.

Поскольку социальная безопасность непосредственно связана с культурной самобытностью индивидов, являясь контекстной и субъективной конструкцией, то представляется весьма сложной для понимания, а нарушение принципов такой безопасности может легко привести к политике дискриминации и отчуждения.

В эпоху глобального модерна перенаправление культурных потоков дестабилизирует существующие модели идентичности и в связи с этим меняет культурный ландшафт, что возбуждает националистические настроения. Поэтому переход от узкого понимания безопасности как защищённости от военной угрозы к более широкому, включающему повседневный набор проблем, вполне обоснован.

Собственно связанной с обществом и культурой в широком смысле является и концепция секьюритизации, предложенная копенгагенской школой и до сих пор обсуждаемая научным сообществом. Она достаточно подробно

¹⁰³ Buzan B., Hansen L. The Evolution of International Security Studies. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2009.

¹⁰⁴ Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: a new framework for Analysis. P. 22–23.

¹⁰⁵ Там же. P. 23.

описана в научном дискурсе¹⁰⁶, поэтому мы не будем останавливаться на ней подробнее. Б. Бузан определил секьюритизацию как процесс, «в ходе которого объект представляется в качестве проблемы безопасности и начинает рассматриваться как угроза»¹⁰⁷.

В основе этой концепции лежит гипотеза о том, что безопасность является социальным конструктом, и для того, чтобы какая-либо проблема попала в сферу интересов, касающихся безопасности, она должна быть артикулирована определёнными влиятельными акторами – государством, политическими партиями, гражданским обществом – как экзистенциальная угроза. Но этого недостаточно, угроза должна быть воспринята принимающей стороной как таковая. Таким образом, по мнению представителей Копенгагенской школы, процесс секьюритизации имеет прежде всего дискурсивную основу, а значит принадлежит не только к политической сфере, но и области культуры.

Важным вкладом одного из основателей Копенгагенской школы Б. Бузана в разработку современной теории безопасности стало введение в оборот понятия социетальной безопасности¹⁰⁸. Это понятие значительно детализирует измерение безопасности, связанное с обществом как объектом, отличным от государства. В основу понятия социетальной безопасности была положена более ранняя идея, указывающая на прямую связь между национальным чувством и государственной безопасностью. Социетальная безопасность была определена как способность общества сохранять свой сущностный характер в изменяющихся условиях под влиянием возможных и реальных угроз, что означает устойчивое развитие традиционных паттернов языка, культуры, сообщества, религиозной и национальной идентичности и обычая¹⁰⁹. Такая трактовка близка к понятию культурной безопасности.

Копенгагенская школа ещё более приближается к пониманию безопасности как культурного атрибута. Расширив понятие безопасности¹¹⁰, они, тем не менее, предупреждали, что здесь есть свои пределы, за которые нельзя переходить, чтобы не превратить понятие безопасности в неоправданно широкое.

Ещё более близка к осмыслению безопасности через культурный контекст **Парижская школа** (D. Vigo, J. Huysmans). Парижская школа исследований безопасности, сформировалась в конце 1980-х гг. вокруг профессора Ин-

¹⁰⁶ Williams M. C. Words, Images, Enemies // *Securitization and International Politics*, *International Studies Quarterly*. 2003. № 47. P. 512; Якушина О. Теория секьюритизации в международных отношениях. URL: <http://geopolitica.ru/article/teoriya-sekyuritizacii-vmezhdunarodnyh-otnosheniyah-ch-2>. Савин Л. В. Геополитика. М., 2012. 110 с.; Арапеева К. Барри Бузан и теория секьюритизации. URL: <https://www.geopolitica.ru/article/teoriya-sekyuritizacii-barri-buzana>; Бартенев В. И. Секьюритизация сферы содействия международному развитию: анализ политического дискурса // *Вестник международных организаций*. 2011. № 3 (34). С. 37–50.

¹⁰⁷ Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: a new framework for analysis. P. 120.

¹⁰⁸ Buzan B., Wæver O. Slippery? Contradictory? Sociologically untenable? The Copenhagen School replies // *Review of International Studies*. 1997. Vol. 23, issue 2. P. 241–250.

¹⁰⁹ Wæver O. Securitization and desecuritization // Lipschutz R. *On security*. New York : Columbia Univ. Press, 1995. P. 62.

¹¹⁰ Buzan B. *People, States and Fear*. P. 20.

ститута политических наук Д. Биго и издаваемого им журнала "Cultures & Conflicts". Его работы и стали концептуальной основой теоретических исследований школы. Другими известными авторами, которых обычно относят к этой группе исследователей, являются Й. Хёйсманс, А. Цукала, А. Джейхан.

Основатель школы, Д. Биго, считал, что окончание холодной войны привело не к новому мировому порядку, а к возникновению эры беспорядка – распространению международного терроризма. По мнению Биго, война с терроризмом породила атмосферу страха и нестабильности, а меры безопасности, которые поначалу представлялись временными и исключительными, стали постоянными¹¹¹.

Подвергая критике определение секьюритизации как риторической структуры, данное Копенгагенской школой, исследователь предлагает рассмотреть данное понятие с точки зрения постоянного, ежедневного взаимодействия представителей органов власти различных стран в области столкновения их интересов и возможной конкуренции в погоне за ресурсами¹¹². Данный подход совершенно противоположен точке зрения сторонников Копенгагенской школы, для которых секьюритизация является результатом успешного публичного акта.

Стирая разделения между внутренними и внешними аспектами, Биго и его последователи трактуют безопасность как процесс «секьюритизации или инсекьюритизации границ, идентичностей и представлений о порядке», а образ «нового врага» политолог видит в лице угрозы с Юга и иммиграции¹¹³.

Представители Парижской школы отмечают неразрывный парадокс в отношении личной инсекьюритизации, которая в равной степени угрожает и в то же время зависит от государства. Так, Й. Хёйсманс считает, что «безопасности многих людей на планете угрожают скорее недостатки их правительств, нежели наполеоновские амбиции своих соседей»¹¹⁴. Сам Дидье Биго вводит понятие «профессионалы безопасности» – это сотрудники полиции, таможенники, судьи, военные и дипломаты, из практики которых и формируется континуум безопасности. В зависимости от отношения власти и принятых ею мер, формируется наличие и отсутствие континуума безопасности¹¹⁵. С позиции Парижской школы «континуум безопасности» – это система представлений о тесной взаимосвязи между такими угрозами, как нелегальная миграция, организованная преступность, наркоторговля и терроризм¹¹⁶. Важно отметить, что тема миграции рассматривается Д. Биго как метапроблема, объединяющая в себе преступность, шпионаж, безработицу и экономический кризис,

¹¹¹ Bigo D. Sécurité(s): Intérieure et Extérieure: le Ruban de Möbius (version française et anglaise présentées à la 38th ISA conference) // Cultures & Conflicts. 1997. № 5. P. 23–27.

¹¹² Bigo D. Les Conflits Post Bipolaires: Dynamiques et Caractéristiques // Cultures & Conflicts. 1992. № 8. P. 3–14.

¹¹³ Bigo D. Sécurité(s): Intérieure et Extérieure: le Ruban de Möbius.

¹¹⁴ Huysmans J. The European Union and the Securitization of Migration // Journal of Common Market Studies. 2000. Vol. 38, № 5. P. 751–777.

¹¹⁵ Bigo D. Les Jeux du Politique et de la Transnationalité // Cultures & Conflicts. 1992. № 5. P. 20–21.

¹¹⁶ Bigo D. Les Conflits Post Bipolaires: Dynamiques et Caractéristiques.

влияние на национальную идентичность, угрозу культурной безопасности. Миграция в концепции Парижской школы становится одним из ведущих культурных факторов, влияющих на состояние безопасности.

Миграционные угрозы в критических исследованиях безопасности

После окончания холодной войны, а также вследствие широких социальных и политических сдвигов, связанных с глобализацией, миграция стала одним из важных контекстных факторов проблем безопасности. Дебаты вокруг данной проблемы отражают изменения, как в характере самой миграции, так и в суждениях о миграции. Трансграничное перемещение людей является ключевым вопросом, который перешёл в сферу исследования безопасности.

Надо заметить, что наиболее употребимый в настоящее время термин «мигрант», подразумевает, следуя некоторым словарным дефинициям, человека совершающего перемещение как внутри страны, так и за её пределами¹¹⁷. Хотя в некоторых случаях он определяется и как лицо, пересекающее государственные границы с целью изменения постоянного места жительства¹¹⁸. Однако последнее определение соответствует скорее терминам «эмигрант / иммигрант», употребляемым в зависимости от позиции по отношению к стране въезда или выезда. Другое дело, что термин «эмигрант» в российском менталитете прочно ассоциируется со временами революционного исхода и оформлением диаспор российского дворянства в Европе. В отличие от термина «эмигрант», имеющего стойкие историко-культурные коннотации, приправленные элементами интеллектуальной ностальгии, унифицированный термин «мигрант» обезличен, обездушен, прагматичен, его облик легко модифицировать из строительного инструмента¹¹⁹ в плохо пахнущего монстра¹²⁰.

Дискурс безопасности, связанный с мигрантами, вызывает революцию в общественной мысли, декларируя в интернете идею «медленного вторжения». В свою очередь, политический дискурс сосредоточен на образе варвара, спешащего в Европу, как в землю обетованную.

Влияние миграции на культурную безопасность особенно чётко отражено в работах представителя Парижской школы Й. Хейсманса. Миграция определяется исследователем как один из основных факторов ослабления национальной традиции и общественной гомогенности¹²¹.

¹¹⁷ Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. М. : ЭКСМО, 2006.

¹¹⁸ Словарь бизнес-терминов. URL: http://onlineslovari.com/slovar_biznes_terminov/.

¹¹⁹ В Петербурге вышла брошюра «Справочник трудового мигранта». URL: http://elport.ru/articles/spravochnik_trudovogo_migranta_priezjayuschim_v_sankt-peterburg.

¹²⁰ Скребцова Е. Г. Образ мигранта в современных российских СМИ // Политическая лингвистика. 2007. Вып. 3 (23). С. 115–118.

¹²¹ Huysmans J. Revisiting Copenhagen: Or, on the creative development of a securities studies agenda in Europe // European Journal of International Relations. 1998. Vol. 4, № 4. P. 479–505.

Присутствие мигрантов, просителей убежища и беженцев формирует ложный миф о национальной культурной однородности. Они представляют собой мультикультурное присутствие в повседневной практике и указывают на то, что культурная идентичность является не постоянной, а переменной. Именно в такой обстановке зарождаются, по выражению Хейсмана, «культурные войны»¹²². Кроме того, широкое освещение в средствах массовой информации участия мигрантов в городских беспорядках, политизация этих беспорядков и выставление их как «проявления невежливости» создают почву для материализации культурной опасности¹²³.

Естественно, основное внимание представителями школы уделяется именно миграции в Европу и политике ЕС в области безопасности, связанной с миграциями¹²⁴. Так, в области миграции и культурной безопасности выделяются три центральные темы в политике ЕС. Первой из них является культурное значение пограничного контроля и ограничения свободного передвижения. Во-вторых, вопрос интеграции или ассимиляции мигрантов внутри общества государств-членов ЕС. В-третьих, отношения между европейской интеграцией и развитием мультикультурного общества¹²⁵. Пограничный контроль, созданный в ЕС, с точки зрения Биго, тоже имеет культурное измерение¹²⁶.

Хотя часто предполагается, что внешние границы были укреплены для всех так называемых граждан третьих стран, на практике это не так однозначно. Пограничный контроль многозначен¹²⁷. Люди, пересекающие границы, часто дифференцированы по нескольким критериям. Внешние границы ЕС более «реальны» для большинства граждан, не являющихся членами ОЭСР, чем для членов стран ОЭСР. Кроме того, под эти ограничения попадают и выходцы из стран «третьего мира»¹²⁸. Хейсман утверждает, что в дополнение к культурным критериям, расизм также играет роль в отношении к мигрантам и их положению в ЕС¹²⁹.

Вторая цель, интеграция мигрантов, может быть частью прогрессивной политики мультикультурализма, которая поддерживает её путём предоставления мигрантам политических прав в качестве средства для создания подлинно многокультурного общества¹³⁰.

¹²² Там же.

¹²³ Huysmans J. The European Union and the securitization of migration // *Journal of Common Market Studies*. 2000. Vol. 38, № 5. P. 751–777.

¹²⁴ Billet C. EC readmission agreements: A prime instrument of the external dimension of the EU's fight against irregular immigration. An assessment after ten years of practice // *European Journal of Migration and Law*. 2010. Vol. 12, issue 1. P. 45–79.

¹²⁵ Huysmans, J. The European Union and the securitization of migration.

¹²⁶ Bigo D. Sécurité(s): Intérieure et Extérieure: le Ruban de Möbius.

¹²⁷ Bigo D. Security and Immigration: Towards a Governmentality of Unease. *Alternatives // Culture & Conflicts*. 2002. № 27. P. 63–92.

¹²⁸ Bigo D. Les Jeux du Politique et de la Transnationalité.

¹²⁹ Huysmans J. The European Union and the securitization of migration.

¹³⁰ Bigo D. Les Jeux du Politique et de la Transnationalité.

Важную роль играет третья цель. Развитие общей миграционной политики представляется в ЕС как инструмент для борьбы с ростом расизма, ксенофобии и экстремальных националистических практик в Европе.

Исследователи Парижской школы подчеркивают, что политика ЕС в области культурной безопасности противоречива¹³¹. С одной стороны, европеизация миграционной политики косвенно поддерживает националистические, расистские и ксенофобские реакции на мигрантов. Она изображает мигрантов и просителей убежища в основном в негативном плане. Они представлены в виде острой проблемы, которая бросает вызов общественной и политической стабильности и эффективной работе внутреннего рынка¹³². При этом ЕС развивает идею о том, что мигранты не принадлежат к европейским общинам, что они являются тяжёлым бременем для европейских обществ и, таким образом, они должны находиться на расстоянии. С другой стороны, ЕС параллельно проводит кампанию против возрождения национализма, расизма и ксенофобских реакций¹³³. Кроме того, европейская интеграция является, по существу, мультикультурным проектом поддержки сосуществования разных национальностей в социальном, экономическом и политическом пространстве.

Видя в миграции основную угрозу, как для индивида, так и для общества в целом, Биго и его сторонники рассматривают мигранта как основной объект секьюризации, подразумевая при этом каждодневную деятельность государственной власти¹³⁴.

Миграция в исследованиях Копенгагенской школы, в частности в работах Б. Бузана, тоже является важной угрозой социетальной безопасности, поскольку несёт в себе распространение болезней и перемещение организованной и неорганизованной преступности, а также столкновение цивилизаций. Этой же точки зрения придерживается и другой представитель Копенгагенской школы безопасности – О. Вевер. С его точки зрения миграция представляет угрозу безопасности общества тем, что оказывает влияние на идентичность народа в результате притока населения и изменения уклада жизни¹³⁵.

Таким образом, в работах европейских исследователей миграция воспринимается как негативное явление, подрывающее устои и безопасность общества, что необходимо учитывать в политике европейских государств.

¹³¹ Bigo D. Sécurité(s): Intérieure et Extérieure: le Ruban de Möbius.

¹³² Bull H. Civilian power Europe: A contradiction in terms? // *Journal of Common Market Studies*. 1982. Vol. 12, № 2. P. 149–164.

¹³³ Bigo D. Les Jeux du Politique et de la Transnationalité.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Wæver O. The rise and fall of the inter-paradigm debate // *International Theory: Positivism and beyond* / ed. by S. Smith, K. Booth and M. Zalewski. New York : Cambridge Univ. Press, 1996. P. 161.

Биометрия как фактор секьюритизации в критических исследованиях

Поскольку в последнее время именно миграционные проблемы выходят на первый план в сфере обеспечения безопасности, появляются технологические варианты решения проблемы. Технологической версией секьюритизации миграции становится биометрия. Биометрические данные теперь требуются для граждан из 27 стран, желающих въехать в Соединённые Штаты, Францию, Великобританию, Испанию, Италию и Германию.

Биометрические технологии могут быть определены как автоматизация методов распознавания или проверки личности живого человека на основе физиологических или поведенческих характеристик¹³⁶. Сегодня биометрические технологии являются наиболее важным нововведением в отрасли информационных технологий в сфере безопасности. В широком смысле – это научное направление, связанное с наблюдениями и измерениями соответствующих признаков отдельных членов общества или целых групп населения с целью выявления уникальных характеристик¹³⁷. Кроме того, биометрия фиксирует изменения, возникающие в данных характеристиках с течением времени¹³⁸.

Биометрия может использоваться двумя способами. Первая – идентификация («Кто этот человек?»). Личность субъекта определяется путём сравнения измеренных параметров с базой данных¹³⁹. Второй способ использования биометрических данных довольно нов, но все же применяется на практике – это составление прогнозов по совершению преступления той или иной личностью на основании физических данных¹⁴⁰. При этом «идентификация» в системе различается по стоимости и сложности исполнения. Ранние технологии биометрической идентификации считались чрезвычайно дорогими, но из-за постоянных разработок в области компьютерных технологий и снижения цен биометрия приобрела популярность¹⁴¹. В результате, биометрические системы разрабатываются во многих странах для таких целей, как обеспечение социальных прав и выплат, а главное – для иммиграционного контроля. Нужно заметить, что большинство наблюдений за мигрантами после 11 сентября связаны именно с биометрией¹⁴².

С развитием технологий биометрия становится полезным инструментом для обеспечения безопасности. Одним из первых исследователей, кто

¹³⁶ Encyclopedia of human biology / ed. R. Dulbecco. San Diego : Academic Press, 1991.

¹³⁷ Encyclopedia of bioethics / ed. S. G. Post. 3rd ed. New York : Macmillan Reference-Thomson Gale, 2003.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Encyclopedia of human biology.

¹⁴⁰ Tomassone R., Dervin C., Masson J. P. Biométrie. Modélisation de phénomènes biologiques. Paris : Masson, 1993.

¹⁴¹ Encyclopedia of bioethics.

¹⁴² Ceyhan A. Towards a Bifocal Control: Border and Welfare Controls in the United States and in France :. Paper presented at the Annual Convention of the ISA, 17–21 March. Minneapolis. 1998.

обратил внимание на данный фактор, является представительница Парижской школы безопасности А. Джейхан. По мнению Джейхан, после событий 11 сентября гетерогенные технологии безопасности были приняты в качестве универсального оружия, способствующего безопасности стран, участвующих в «войне против террора», а основной акцент был сделан на секьюритизацию идентификации личности¹⁴³. Однако по мере развития биометрии появилось множество проблем, связанных с индивидуальными правами (такими как защита персональных данных, конфиденциальность, личная свобода, разница между индивидуальными и коллективными правами). Биометрия является одним из наиболее значимых примеров того, насколько сложным является согласование индивидуальных и коллективных потребностей¹⁴⁴.

Джейхан определяет технологии идентификации как взаимосвязанные системы, работающие вместе для сбора, обработки, хранения и распространения информации среди сотрудников правоохранительных органов¹⁴⁵. Их цель состоит в том, чтобы иметь очень высокий уровень документального подтверждения идентичности и идентификации. Данные технологии включают дактилоскопию, сканирование радужной оболочки и сетчатки глаза, систему распознавания лиц, обработку ДНК, смарт-карты, которые содержат обширную личную информацию, магнитные полосы, микрочипы и т.д. С технической точки зрения, если человек зарегистрирован в системе с одним или несколькими физическими или поведенческими характеристиками, то данная информация переводится в числовой алгоритм. Алгоритм преобразуется в цифровой шаблон, который хранится в базе данных и становится доступным, когда «живые» изображения пальца, руки, лица, глаза или голоса передаются в систему¹⁴⁶.

Таким образом, биометрические данные, как представляется, позволяют распознавать человека системой¹⁴⁷. Но на самом деле цель идентификации в определении человека как «рискованного» и «не рискованного» для того или иного государства. Джейхан подчеркивает, что зачастую «дискриминационный характер этого процесса вытесняет технологический и научный дискурс биометрии. В каком-то смысле мы просто разрешаем “знакомым и друзьям” доступ к определённым ресурсам, правам и льготам, но блокируем доступ для посторонних»¹⁴⁸. Социально-экономическая обделенность, пропасть между образованными европейцами и не получившими образование иммигрантами постоянно увеличивается. Такая социальная дифференциация со-

¹⁴³ Cultures & Conflits: Contrôles: Frontières-Identités / eds. A. Ceyhan, A. Tsoukala // Les enjeux autour de l'immigration et de l'asile. 1997. № 26 / 27.

¹⁴⁴ Ceyhan A. Migrants as a Threat. A Comparative Analysis of Securitarian Rhetoric: France and the United States. 2006.

¹⁴⁵ Ceyhan A. Towards a Bifocal Control...

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ Tomassone R., Dervin C., Masson J. P. Biométrie. Modélisation de phénomènes biologiques.

¹⁴⁸ Ceyhan A. Migrants as a Threat. A Comparative Analysis of Securitarian Rhetoric...

здает условия для формирования значительного слоя люмпен-пролетариев, вызывая напряжённость и угрозу стабильности страны¹⁴⁹.

Биометрия сыграла значительную роль в разделении общества на «своих» и «чужих». Технологизация безопасности постепенно привела к ограничению «свободы» мигрантов. Пограничные службы государств – членов ЕС используют для сверки биометрических данных всех въезжающих и выезжающих на предмет их соответствия содержащимся в визе сведениям¹⁵⁰. Это вкпе с автоматической системой уведомления иммиграционных властей об истечении срока действия виз позволит бороться с теми, кто законно въехал в ЕС, остается там сверх положенного времени. По мнению Джейхан, это ведёт не только к снижению рисков возникновения преступности, но и оказывает положительное влияние на сохранение идентичности населения¹⁵¹.

Кроме того, биометрический контроль вносит изменения в допуск мигрантов к тому или иному государству. На основании полученных биометрических данных проводится не только анализ прошлого (участвовал ли человек в каких-либо незаконных операциях, были ли за ним вспышки агрессивного поведения, состоял ли он на учёте в психологической клинике и т.д.), но и прогнозирование возникновения рисков, которые могут возникнуть при въезде данного человека в то или иное государство¹⁵².

Джейхан считает, что биометрия поможет также бороться и с незаконной миграцией, если ввести в практику сбор биометрических данных у всего населения¹⁵³. Незаконные мигранты не имеют каких-либо трудовых или социальных гарантий, и для того, чтобы сохранить себе жизнь, они вынуждены использовать механизмы этнической солидарности. Часто это приводит к формированию закрытых этнических образований, которые действуют в обществе с организованными преступными группировками. Но в то же время в ряде случаев биометрия «причёсывает» этническую группу под одну гребенку, подводя всех под одни и те же параметры рисков¹⁵⁴.

Основной фундаментальной проблемой биометрии как технологического способа секьюритизации является защита прав физических лиц на частную жизнь. Какие правовые рамки должны быть реализованы для защиты людей от проникновения технологий биометрии в их личную жизнь? В ЕС защита данных утверждена директивой от 24 июля 1995 г.¹⁵⁵ Она основывается на гармонизации законов на всей территории ЕС и обеспечении согласованных уровней защиты для граждан. Кроме того, для обеспечения свободного потока информации личного характера внутри Евросоюза было создано Управление по защите данных в каждой стране ЕС, чтобы следить за соблюдением

¹⁴⁹ Bigo D. Security and Immigration: Towards a Governmentality of Unease // *Alternatives: Global, Local, Political*. 2002. № 27. P. 63–92.

¹⁵⁰ Ceyhan A. Migrants as a Threat...

¹⁵¹ Ceyhan A. Towards a Bifocal Control...

¹⁵² Tomassone R., Dervin C., Masson J. P. Biométrie. Modélisation de phénomènes biologiques...

¹⁵³ Ceyhan A. Towards a Bifocal Control...

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ *Cultures & Conflits: Contrôles: Frontières-Identités*.

правил. Однако на деле директива 1995 г. не смогла решить проблему нарушения прав человека на частную жизнь¹⁵⁶.

Мы видим, что критические исследования в области культурной идентичности, миграционных процессов и биометрических технологий напрямую касаются проблем, входящих в исследовательское поле культурной безопасности.

Проблемы культурной безопасности в зарубежном и российском дискурсе

Итак, как мы видим, понятие безопасности начинает всё больше относиться к сфере социетальных проблем, появляется множество всевозможных субнаправлений в исследовании безопасности: экологическое, экономическое, конфессиональное, культурное и т.д.

Понятие «культурная безопасность» является относительно новым, хотя корни его уходят в XVIII в. Впервые проблема в данном контексте затронута Ж. Боденом в работе «Метод легкого познания истории»¹⁵⁷. Понятие безопасности рассматривается им чрезвычайно широко и охватывает кроме обычного спектра составляющих также экономическую и культурную безопасность. В данном случае под экономической безопасностью понимается обеспечение некоего «единого экономического пространства» посредством установления единой денежной системы и системы мер и весов. Под культурной безопасностью понимается скорее конфессиональная, т.е. защита государства от чужеродных религиозных влияний. Проповедуя веротерпимость, Боден вменяет в обязанность суверену бороться против радикальных учений, посягающих на основы государственности. Всякая свобода веры и убеждений возможна лишь до тех пор, пока это не затрагивает публичного интереса и является вопросом частного выбора.

Непосредственно термин «культурная безопасность» в его английском варианте (“cultural security”) появился приблизительно столетие назад. Роберт Албро, активно занимающийся этой проблемой, поместил в блоге, посвящённом культурной безопасности, диаграмму частоты употребления этого понятия в английской литературе, где убедительно показал значительный рост его использования в научном дискурсе в последние десятилетия¹⁵⁸.

Однако несмотря на почти столетний опыт употребления этого термина, как понятие он так до конца и не прояснён, и существует множество дефиниций и, соответственно, вариантов его использования.

В российском дискурсе наряду с термином «культурная безопасность» можно встретить и часто употребляемый термин «культура безопасности»,

¹⁵⁶ Cultures & Conflits: Contrôles: Frontières-Identités.

¹⁵⁷ Боден Ж. Метод легкого познания истории. М. : Наука, 2000.

¹⁵⁸ Albro R. Risk Assesment in Encounters between Culture and Security. URL: <http://uscpublicdiplomacy.org/blog/risk-assesment-encounters-between-culture-and-security>.

который несёт совершенно иной смысл¹⁵⁹ и в данном исследовании рассматриваться не будет.

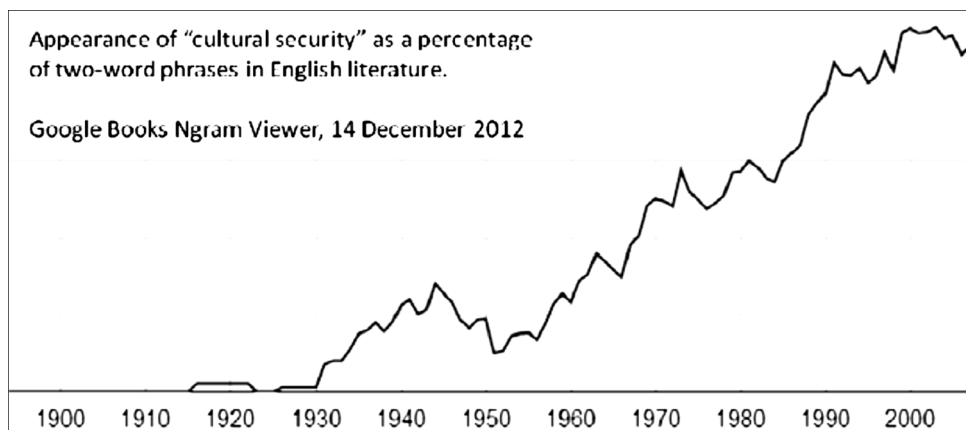

Рис. 2.2

Поскольку в англоязычном научном дискурсе существуют два термина, непосредственно обозначающих безопасность, то и терминов, обозначающих культурную безопасность тоже два: "cultural safety" и "cultural security". Первый термин возник в процессе работы с аборигенным населением Новой Зеландии и формированием системы медсестринского и акушерского обслуживания озвучен на ежегодной конференции медсестер народа Маори в Новой Зеландии (1988) и описан в рекомендации «Совета по Уходу в Новой Зеландии» ("Nursing Council of New Zealand"). Стало понятно, что в процессе этой деятельности необходимо знать и учитывать традиции и обычаи народов, которым оказывается соответствующая медицинская помощь. Следует учитывать, что «культурно небезопасным», по определению "Nursing Council of New Zealand", является любое действие, которое подрывает культурную самобытность и благополучие отдельного индивида¹⁶⁰.

Согласно проделанному нами фреймовому анализу, ядром концепта "safety" является понятие «безопасное место». Базовый момент в этом концепте – среда, комфортная для людей, в которой отсутствуют угрозы их культурной идентичности и их нуждам¹⁶¹. Трактовалось это понятие и как деятельность, которая поддерживает данную среду и основана на уважении

¹⁵⁹ Романова, А. П., Мармилова, В.О. Культурная безопасность как важнейший фактор национальной безопасности.

¹⁶⁰ Bouteillet-Paquet D. Passing the Buck: A Critical Analysis of the Readmission Policy Implemented by the European Union and its Member States // European Journal of Migration and Law. 2003. Vol. 5, issue 3. P. 359–377.

¹⁶¹ Williams R. Cultural Safety – what does it mean for our work practice? // Australian and New Zealand Journal of Public Health. 1999. Vol. 23 (2). P. 213–214.

и доверии к культурной идентичности аборигенных народов¹⁶². В объём понятия “cultural safety” также входит знание и понимание основ культурного бытия народов, с которыми соприкасались медицинские работники – так называемая “cultural awareness”. Таким образом, в основе концепта “cultural safety” лежит идея сохранения культурной целостности, что подтверждается и базовой метафорой концепта – невредимость, сохранность. Говоря о cultural safety применительно к сообществам австралийских аборигенов, в это понятие включается также особая система отношений, способствующая культурному обновлению и возрождению которую эти сообщества должны формировать¹⁶³.

Термин “cultural security” отличается от понятия “cultural safety” и имеет более формализованный юридический смысл – это прежде всего защита, обеспечение, гарантия, охрана¹⁶⁴. Как показывает фреймовый анализ, именно данные термины служат ядром данного концепта. В процессе обеспечения “cultural security” культурные потребности становятся объектом политических решений, которые должны обеспечить любому гражданину равные права для их удовлетворения.

Применительно к аборигенным сообществам наряду с термином “cultural safety” применяется и термин “cultural security”. В данном случае в область безопасности включаются обязанности тех, кто работает с аборигенным населением по согласованию культурной политики и практических действий для адекватного удовлетворения культурных потребностей населения¹⁶⁵.

Чтобы показать на практике различия между этими понятиями и их внутреннюю взаимосвязь, Дж. Коффин¹⁶⁶ приводит блок примеров, в которых лечащий врач восьмилетнего аборигенного мальчика пытается прокомментировать их значение. Уровень обеспечения “cultural awareness” требует от медицинского работника знания о том, что аборигены имеют довольно разветвлённые семьи, каковой является и семья мальчика. На уровне “cultural safety” медицинский работник проявляет заботу о семье и передаёт указания по лечению мальчика не только его маме, но и родственникам, у которых тот часто проживает. На уровне “cultural security” медработник пишет объяснительную записку по уходу за мальчиком и просит специального сотрудника разъяснить им назначение, заставляет его составлять официальные бумаги, связанные со здоровьем мальчика, и осуществляет контроль процедур. Таким образом, достижение “cultural security” по отношению к аборигенам невозможно без осуществления первых двух стадий. Однако последние годы термин “cultural security” выходит за рамки безопасности локальных этносов (“minority”), тре-

¹⁶² Cultural safety. Valuing difference, avoiding assumptions communication. New York, 2003.

¹⁶³ Social Justice Report 2010. URL: <http://www.humanrights.gov.au/our-work/aboriginal-and-torres-strait-islander-social-justice/publications/social-justice-report-1>.

¹⁶⁴ Albro R. Risk Assessment in Encounters between Culture and Security.

¹⁶⁵ Social Justice Report 2010.

¹⁶⁶ Coffin J. Rising to the Challenge in Aboriginal Health by Creating Cultural Security // Aboriginal & Islander Health Worker Journal. 2007. Vol. 31 (3). P. 22–24.

бующих сохранения и приобретает всё более глобальный смысл, особенно в рамках научного зарубежного и российского дискурса.

В зарубежном дискурсе неопределимый вклад в развитие данной концепции внёс П. Бурдьё¹⁶⁷, исследуя безопасность культурного пространства и тиражируя понятие «культурный капитал», понимая под ним накопление достижений в сфере культуры, культурное богатство страны, которое складывается веками и создает культурный имидж государства на мировой арене¹⁶⁸. Чаще всего, по мнению Бурдьё, в культурный капитал превращаются такие элементы культуры, как язык, знания, навыки, опыт, квалификация, самые разнообразные знаки и символы, традиции, устойчивые нормы, ценности¹⁶⁹.

Свой вклад в концептуализацию культурной безопасности внесла и анализируемая нами выше Парижская школа. Рассматривая культуру как знаковый код, в котором каждый индивид представляет региональные и национальные, профессиональные и социально-классовые культуры, Д. Биго определяет культурную безопасность как «способность социума поддерживать его уникальный характер в меняющихся условиях или в присутствии потенциальных миграций. Более всего это относится к устойчивости необходимых условий для развития культуры, религии и национальной идентичности в целом»¹⁷⁰. В частности, культурная небезопасность может проявляться как в массовом импорте чужой материальной культуры, так и в интеграции общества или в массовом неконтролируемом потоке беженцев.

Биго подчеркивает, что базовый термин «безопасность» используется в различных сферах – от социологии до криминалистики. В каждом из направлений используются не только различные методы, но и разные трактовки данного термина. Поиск наиболее точного определения, которое будет охватывать существенное значение понятия, будет, по выражению политолога, напоминать отрывки из поэмы Льюиса Кэрролла «Охота на Снарка»¹⁷¹.

Большинство исследователей международной безопасности не уделяли внимания антропологии и культурологии, за исключением представителей структурализма, которые обращали внимание на историко-социологические процессы. Конечно, некоторые авторы могут с удовольствием изучить этнографические описания для того, чтобы получить один или два примера, являющиеся, на их взгляд, существенными. Однако в таких случаях они отказываются принимать во внимание основные принципы антропологических исследований. В отличие от них, Д. Биго, развивая свою концепцию безопасности, говорит о необходимости применения подобных методов для нахождения различий между двумя наборами культурных кодов и выдвижения гипотез о потенциальной опасности одного кода для другого¹⁷².

¹⁶⁷ Бурдьё П. Социология политики / пер. с фр. Н. А. Шматко ; сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М. : Socio-Logos, 1993.

¹⁶⁸ Бурдьё П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 5.

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ Bigo D. Sécurité(s): Intérieure et Extérieure: le Ruban de Möbius.

¹⁷¹ Bigo D. Les Jeux du Politique et de la Transnationalité.

¹⁷² Там же.

Этой же точки зрения придерживается другой исследователь безопасности, Ксавье Гийом, который, кроме того, уделяет особое внимание деталям повседневной и культурной жизни, видя в них особый смысл, способствующий пониманию процесса безопасности¹⁷³.

Л. Буве, основываясь на концепции секьюритизации Биго, предлагает рассматривать понятие культурной безопасности в двух направлениях. С одной стороны, это экономический и социальный вопрос, который предусматривает связь между культурной безопасностью и социально-экономическим кризисом. Буве видит в наплыве мигрантов основную угрозу вывода населения из состояния эксплуатации. С другой, по его мнению, необходимо изучение секьюритизации в рамках проблемы «Своего» и «Чужого»¹⁷⁴.

Задаваясь вопросом: «Кто выигрывает от глобализации и европейской интеграции?», Люсьен Буве пересматривает понятие идентичности и изучает культурные вопросы, связанные с иммиграцией и теми изменениями, которые она приносит в образ жизни народа.

Интересен социально-экономический подход, применяемый Буве к исследованию культурной безопасности. Согласно его мнению, степень культурной небезопасности индивида определяется разницей между «верхом» и «низом» общества¹⁷⁵. Так, человек, живущий в бедном районе, наиболее доступном для большинства иммигрантов, чаще всего подвержен влиянию культуры другого народа. Необходимо отметить, что основную угрозу культурной безопасности и Биго, и Буве видят в глобализации, воспринимая данный процесс с точки зрения исчезновения границ и давления миграции.

О влиянии глобализации на инсекьюритизацию заявил и антрополог Арджун Аппадурай, вопрос о принадлежности которого к Парижской школе является спорным: он более известен разработкой теории воображаемых ландшафтов (*imaginary landscapes*), чем исследованиями в сфере безопасности¹⁷⁶. Тем не менее, Аппадурай утверждает, что глобализация приводит к возникновению страха у большинства стать меньшинствами, как в социально-экономическом, так и в культурном планах.¹⁷⁷ Таким образом, вопрос культурной безопасности опять сводится в первую очередь к культурной идентичности.

Наиболее существенный вклад в анализ данной проблемы внёс один из самых ярких представителей Парижской школы безопасности – Б. Бади. С позиции Бади, главной угрозой культурной безопасности является также глобализация. Профессор Института политических исследований выделяет три признака глобализации: во-первых, закономерный исторический процесс, развивающийся на протяжении многих веков, во-вторых, жизнь по единым принципам, ценностям, нормам поведения, гомогенизация мира и стремление

¹⁷³ Bouvie L. L'Insécurité culturelle. Sortir du Malaise Identitaire Français. Fayard, 2015. P. 136–149.

¹⁷⁴ Там же. P. 83–118.

¹⁷⁵ Там же. P. 193–215.

¹⁷⁶ Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis, 1996. P. 23–24.

¹⁷⁷ Там же. P. 367–314.

к универсализации мира и, наконец, размывание национальных границ¹⁷⁸. Бади склонен считать, что такая тенденция приведет к «подрыву, разрушению национального государственного суверенитета под напором действий новых акторов общепланетарной системы, которые взаимодействуют на равных основаниях с государствами и друг с другом»¹⁷⁹.

К середине 90-х гг. XX в. Бади выдвигает теорию «конца территории», исходя из которой территория, как базовая категория политической реальности, рассматривается в качестве исчезающей из-за глобализации и окончания холодной войны, разрушившей систему биполярности¹⁸⁰. Иначе говоря, изымается значительная часть территориальной идентичности, пространство освобождается от связи с традиционным понятием нации как культурно-идеологического феномена. Главное действующее лицо этой теории – свободный от национально-ментального фона индивид. Для Бади «размывание границ» – это, прежде всего, увеличение объемов различного рода обменов и взаимодействия за пределами государственных границ, ведущее к формированию мирового рынка товаров и услуг и нового трансграничного взаимодействия. Дидье Биго, в свою очередь, видит в ослаблении роли границ становление более жестких барьеров между этническими, расовыми и другими группами, что ведёт к осложнению межэтнических отношений и возникновению новых угроз культурной безопасности.

В то же время, возводя глобализацию в статус одной из главных угроз безопасности, сторонники Парижской школы подчеркивают, что безопасность сама по себе никогда не бывает абсолютной вне зависимости от сферы охвата. Огромное полотно сигнификаций безопасности в рамках различных сфер знания вызывает ложные представления о данном понятии. Вследствие того, что до сих пор, по мнению Биго, нет универсального определения безопасности, исследователем было предложено рассматривать данное понятие как двоякую структуру по типу инь и ян, или «Ленты Мебиуса»¹⁸¹. Биго считает, что при такой трактовке термина «безопасность» становится ясным, что даже фактор усиления безопасности не гарантирует ослабления чувства незащищённости, поскольку чем больше безопасность, тем сильнее ограничивается свобода.

Трактовка культурной безопасности (“cultural security”), предложенная Скоттом Форрестом, включает в данное понятие «способность общества сохранить специфические характеристики несмотря на изменяющиеся условия и реальные или виртуальные угрозы: более подробно, это включает, постоянство традиционных схем языка, культуры, идентичности, сообществ, национальных или религиозных обычаев, оставляющих для изменения все, что

¹⁷⁸ Badie B., Smouts M.-C. Le Retournement du monde. Sociologie de la scune internationale. Paris : RFNSP et Dalloz, 1995. P. 37–62.

¹⁷⁹ Там же. P. 83.

¹⁸⁰ Badie B., Smouts M.-C. Le Retournement du monde... P. 102–108.

¹⁸¹ Bigo D. "Security and Immigration: Towards a Governmentality of Unease." Alternatives // Culture & Conflits. 2002. № 27. P. 63–92.

должно быть исключено»¹⁸². Давая определение культурной безопасности, Агата Зайтек и Мария Кюри тоже делают акцент на сохранении общества. По их мнению, «культурная безопасность – способность общества сохраниться в его существенных характеристиках при изменяющихся условиях и или фактических угрозах»¹⁸³.

В *отечественной литературе* всплеск интереса к проблематике культурной безопасности наблюдается в последние 10 лет. Исследования в этой области можно разделить на несколько направлений. Наиболее разработанная сфера – это проблематика, связанная с ролью культуры и культурной политики в сфере национальной безопасности. Данным процессам посвящены публикации С.Я. Ковганова С.А. Бокерия, Н.В. Соколовой, Р.П. Кошкина, А.В. Костиной, Е.Н. Сюткиной, О.П. Герасимович, А.В. Бабаевой, Н.В. Шмелева, Н.Ш. Малаксиновой, Б.Б. Цыбикова и др.

Отдельное направление исследований составляет изучение безопасности культурного наследия, связанное не только с варварским разрушением памятников, но и сферой законодательного сопровождения этой области культуры. В этом направлении работают Г.Б. Лялькина, А.Д. Овсянкин, В.И. Юдин, Н.В. Галицкая, Е.Л. Щукина и др.

Собственно термин «культурная безопасность» становится базовым и выносится в заголовки целого ряда публикаций Ю.В. Грицковым, Т. Караченцевой, Е.Л. Щукиной, А.Ю. Голобородько, В.П. Ширяевым, В.В. Сергеевым, А.С. Крапивенским, О.И. Коломок, Н.В. Зениной, Н.А. Абрамовой, М.Ч. Ларионовой, Т.В. Лузиной, О.С. Елфимовой, О.М. Андрюшенковой, Н.В. Узловой, В.П. Богдановой, Г.К. Оврутской.

В российском дискурсе можно выделить два уровня понимания этого термина, связанных с трактовкой термина «культура». Если под культурой понимается прежде всего искусство, то объектом культурной безопасности в узком смысле становится художественная культура, культурное наследие, которое необходимо защищать от утрат времени, бытового и политического вандализма, а также всевозможных подделок. В русле узкой трактовки культурной безопасности особое место занимает сохранение культурного наследия в максимально аутентичном виде, когда на первый план выходит проблема места симулякра в современной культуре, которую обозначили ещё классики постмодернизма¹⁸⁴. Особенно это актуально в связи с наступлением

¹⁸² Scott Forrest. Indigenous Identity as a Strategy of Cultural Security // Northern Research Forum, Plenary on Security. NWT, Yellowknife. 18.09.2004.

¹⁸³ Ziętek A. W., Curie M. Cultural Security: How to Analyze It? URL: http://www.eisa-net.org/bebruga/eisa/files/events/warsaw2013/agatazietek_culturalsecurity.pdf.

¹⁸⁴ Батай Ж. Внутренний опыт. СПб : Аxiома/Мифрил, 1997; Деррида Ж. Позиции. Киев : Д.Л., 1996; Бодрийяр Ж. Система вещей / пер. с фр. С. Зенкина. М. : Всерос. гос. библиотека иностр. лит-ры им. М. И. Рудомино, 1995.

эры симулякров в эпоху развития массового туризма¹⁸⁵ и формирования «человека путешествующего»¹⁸⁶.

В *расширенной* трактовке объектом культурной безопасности является культура как таковая. В рамках такого подхода существуют три вектора использования понятия «культурная безопасность» (“cultural security”). Прежде всего, это, как мы уже видели ранее, сохранение культуры аборигенных этносов, для чего первоначально использовался термин “cultural safety”, которым обозначалось именно бережное сохранение и консервация культуры. Во-вторых, защита национальных культур от постороннего, в первую очередь западного, влияния. В ряде стран (Китай, Иран) это проявлялось как запрет на обращение к творчеству некоторых западных деятелей культуры: на Украине это был запрет на гастроли ряда российских артистов, в активной пропаганде национальной культуры и критике западной. Однако часто эти моменты были связаны с политической ситуацией, и культурная безопасность здесь была скорее ширмой для политических амбиций. Третий из векторов использования термина “cultural security” сопряжён с понятием коллективной культурной идентичности и фактором её сохранения. Сюда же включено и поле сохранения культурного наследия.

В русском языке, в отличие от английского, существует только единое понятие, обозначающее безопасность и, соответственно, культурную безопасность, хотя есть и близкие по звучанию термины: безопасность культуры и культура безопасности, которые могут носить иную смысловую нагрузку, но могут иногда ошибочно употребляться и как синонимы культурной безопасности. «Культурная безопасность» – термин широкий и всеобъемлющий, включающий в себя смыслы обоих англоязычных терминов. В отечественной литературе термин «культурная безопасность» трактуется весьма широко, культура рассматривается не только как объект, но и как фактор обеспечения безопасности.

С юридической точки зрения культурная безопасность рассматривается как «состояние защищенности личности, общества, государства и его территорий от внутренних и внешних угроз в вопросах культурного развития, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства»¹⁸⁷.

С философской позиции некоторые исследователи, например Ю.В. Фетисова, пытаются уйти от традиционного понимания безопасности как отсут-

¹⁸⁵Романова А. П., Якушенков С. Н., Дахин С. А. Подлинник или симулякр: перспективы развития материального культурного наследия // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2011. № 4 (29). С. 281–288.

¹⁸⁶Топчиев М. С., Дрягалов В. С. «Человек путешествующий» и индустрия туризма // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 3. С. 262–267.

¹⁸⁷Сазонникова Е. В. Культурная безопасность как вопрос правовой политики: понятие и содержание // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 5 (11). С. 168–170.

ствия опасности. Они акцентируют внимание на процессуальности идеи безопасности, подчеркивая, что данный феномен реально существует только в процессуально-деятельностном аспекте. В этом случае безопасность как таковую предлагается считать «культурным концептом, присущим человеческой культуре на всех этапах ее истории, но вариативным по содержанию, которое производно от культурно-исторических и социокультурных обстоятельств»¹⁸⁸.

Часто культурную безопасность дефинируют как «общественную и культурную безопасность» или «социокультурную безопасность», что, по сути, не существенно меняет содержание понятия, но вносит некоторый терминологический хаос в исследуемую проблематику. Общественную и культурную безопасность определяют как защищенность культурного многообразия меньшинств и защиту общественного развития от деструктивных тенденций (сохранность культурного своеобразия), а социокультурную – как благоприятные условия для социально-духовного развития личности.

Давая определение культурной безопасности, отечественные исследователи часто дефинируют её весьма расплывчато: либо как «социальный термин, который отражает социокультурные возможности общества и его членов, направленные на преодоление всех видов опасности (риски, угрозы, вызовы), и создание благоприятных условий для культурной жизни общества»¹⁸⁹, либо как «форму безопасности, которая включает социокультурные ресурсы общества, направленные на преодоление рисков и угроз для культурно-духовного состояния общества и духовной культуры его членов»¹⁹⁰. Некоторые исследователи рассматривают культурную безопасность как составную часть информационной безопасности¹⁹¹.

Таким образом, мы видим, что в настоящее время этот термин прочно вошёл в научный оборот и в отечественной науке¹⁹². Но несмотря на достаточное количество публикаций, здесь мы солидарны с другими исследовате-

¹⁸⁸ Фетисова Ю. В. Безопасность и культурный контекст: к обоснованию понятия «культура безопасности» // Омский научный вестник. 2009. № 3. С. 98–100.

¹⁸⁹ Абрамова Н. А., Хатькова К. С. Восток и запад: к вопросу о культурной безопасности // Россия и Китай: проблема стратегического взаимодействия. 2014. № 14. С. 121–124.

¹⁹⁰ Грицков Ю. В., Караченцева Т. Усложнение рисков как угрозы культурной безопасности // Риск и безопасность. Социально-психологические аспекты. Екатеринбург, 2015. С. 70–74.

¹⁹¹ Крапивенский А. С., Коломок О. И., Зенина Н. В. Организации территориального общественно-самоуправления как социальный институт управления региональной культурной безопасностью. URL: <https://science-education.ru/pdf/2014/5/14934.pdf>.

¹⁹² Маршак А. Л., Сергеев В. В. Культурная безопасность московского мегаполиса. М.: Серебряные нити, 2008; Ширяев В. П. Антиномии культурной безопасности // Власть. 2009. № 10. С. 98–100; Разлогов К. Э. Культурная опасность // Компания. 2008. 8 декабря; Разлогов К. Э. Российская культура: развитие или безопасность – что важнее? // Культурологический журнал. 2010. № 2. URL: http://crjournal.ru/files/file/02_2011_20_42_17_1297964537.pdf; Романова А. П., Якушенок С. Н., Хлыщева Е. В., Топчиев М. С. Чужой и культурная безопасность. М.: РОССПЭН, 2013; Рябченко Н. П. Проблема культурной безопасности России // Россия и АТР. 2013. № 2. С. 159–173; Филимонов Г. Ю. Стратегия национальной культурной безопасности и «мягкая сила» современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Международные отношения. 2010. № 3. С. 61–72.

лями¹⁹³, теория культурной безопасности как в зарубежной, так и отечественной науке ещё недостаточно концептуализирована. В основном, кроме публикаций В.П. Ширяева¹⁹⁴, выделяющиеся методологические круги исследования культурной безопасности, большинство исследований использует этот термин в прикладном аспекте.

Что лежит в основе концептуализации культурной безопасности? Исходя из социетальной ориентации современной теории безопасности, нашедшей воплощение в проанализированном нами выше критическом направлении в исследовании безопасности, основной акцент в изучении и обеспечении безопасности переносится с государства на человека. В рамках поля культурной безопасности основным актором становятся люди, гражданское общество и государство, где основным фактором сохранения безопасности является сохранение культурной идентичности как отдельного лица, так и социальных групп, связанных культурной общностью¹⁹⁵, иными словами коллективной культурной идентичностью. Объектом безопасности в глобальном смысле становится человечество, а объектом культурной безопасности – культура. Предметом же культурной безопасности может выступать и культурная целостность нации, этноса, сообщества и культурная идентичность, и культурный код, и культурное наследие, а также совокупность этих объектов в зависимости от контекста исследования, причём как на уровне государства, так и на уровне определённой социальной группы. Необходимо учитывать также, что не всегда задачи сохранения культурной безопасности, которые ставит перед собой государство, будут совпадать с задачами, которые ставит перед собой локальная культурная группа.

Как мы уже писали выше, при употреблении термина «безопасность» мы, как и ряд исследователей¹⁹⁶, в первую очередь подразумеваем защиту от угроз, реальных или мнимых. Когда говорим о культурной безопасности, мы подразумеваем два аспекта: защиту и сохранение культуры, что, как мы видели, отражено в англоязычной лексике. В русском языке сохранение – это действие, направленное на предмет, на его консервацию, вовнутрь. Защита – действие барьерное, отражающее и направленное вовне. Конечно, грань между этими понятиями достаточно условная, и защита подразумевает комплекс мер по сохранению объекта защиты в первоначальной форме.

С нашей точки зрения, культура является не только объектом культурной безопасности, но и фактором сохранения безопасности человечества в целом. Культурная безопасность есть не только поддержание безопасности

¹⁹³Якушенков С. Н. Специфика гетеротопий и проблема культурной безопасности // Евразийский союз ученых. 2016. № 31. С. 5–6; Ширяев В. П. Культурная безопасность: круг проблем (к вопросу о методологии социологического исследования) // Поиск: политика, искусство, обществоведение, социология, культура. 2010. № 4 (28). С. 8–18.

¹⁹⁴Ширяев В. П. Культурная безопасность: круг проблем...

¹⁹⁵Ziętek A. W., Curie M. Cultural Security: How to Analyze It?

¹⁹⁶Waever O., Buzan B. Identity, Migration and the New Security Agenda in Europe; Forrest S. Indigenous Identity as a Strategy of Cultural Security; Ziętek A. W., Curie M. Cultural Security: How to Analyze It?

в культурной сфере (таких, например, как предотвращение религиозных и этнических конфликтов, упадок духовности, разрушение культурных памятников), но и поддержание национальной безопасности через развитие культурного самосознания. Поскольку безопасность есть состояние системного равновесия, то поддержание наработанных культурных паттернов во многом способствует её стабилизации. Таким образом, система культурной безопасности нацелена как на сохранение и защиту культуры, так и на формирование устойчивой системы безопасности в целом. Сохранение культурной безопасности не означает стагнацию культуры, её консервацию и подавление в зародыше всех инновационных тенденций и взаимных культурных влияний. Самым важным аспектом культурной безопасности, как видим, считается защита от всевозможных угроз для целостности культуры. Основными факторами, скрепляющими культурные ценности, считаются традиции, алиментарная культура, язык, общая этническая и религиозная принадлежность, разделяемая данной группой система коммуникаций и т.д. Именно эти элементы наиболее репрезентативно представляют культуру любого народа. Однако в процессе её развития любая культурная традиция, сталкиваясь с чужими культурами, подвергается определённому влиянию. Практически ни один компонент культуры не остается неизменным с течением времени. Например, современный разговорный русский весьма отличается от языка XIX в., тем более от ранних древнерусских языковых традиций. В большинстве культур вестиментарный вектор изменился до неузнаваемости, оставив иногда отдельными вкраплениями части национального декора. Наиболее хорошо сохраняемой является алиментарная культура. В рамках алиментарной культуры мы одновременно и впитываем новые традиции и продукты, и сохраняем традиционные для данной культуры блюда. Но алиментарная культура также постоянно подвергается трансформациям.

Так, при неизбежной динамике изменения культуры, до сих пор открыт вопрос о том, что должно быть «в сухом остатке», чтобы можно было говорить о воспроизводстве именно данной культуры и что из новаций ей угрожает, а что способствует развитию.

В последнее время для исследования динамики изменения культуры в целом и науки как ее части активно используется термин «инновация». Само понятие «инновация» тоже достаточно неоднозначно. Как фундаментальная онтологическая категория, она определяется как «целенаправленное изменение, которое вносит в среду внедрения (организацию, поселение, общество и т.д.) новые, относительно стабильные элементы»¹⁹⁷. Инновация рассматривается и как новшество, не изменяющее общей структуры соотношения полюсов дуальности, но создающее предпосылки для её существенного изме-

¹⁹⁷ Пригожин А. И. Методы развития организаций. М. : Междунар. центр фин.-экон. развития, 2003. 864 с.

нения¹⁹⁸. Важным фактором отнесения какого-либо новшества к инновациям считается также воплощение новых креативных идей на практике¹⁹⁹.

В контексте нашего исследования мы ставим знак равенства между понятиями «новации» и «инновации» и привязываем их к объяснению динамики развития культуры в целом. Под инновациями мы понимаем те изменения, которые влияют как на общий культурный контекст, так и на традиционные культурные паттерны.

Траектории возникновения инноваций могут быть разными. Во-первых, это внешние воздействия на культурные традиции со стороны других культур, прежде всего на территориях их соприкосновения (пограничье, фронтир, колонизация, импорт культуры). Эти инновации могут возникать естественным путём в результате межкультурных контактов, появления смешанных семей, билингвизации, а могут и насаждаться насильственно: христианизация аборигенов, импорт европейской культуры в Россию в эпоху Петра. Во-вторых, это возникновение новаций внутри самих традиций. В-третьих, инновации как возвращение к более древним традициям. Инновации рано или поздно оказывают влияние и на базовые, исторически зафиксированные паттерны той или иной культуры.

Мы не рассматриваем культурную безопасность как инструмент государственной политики, направленной на искоренение любых инноваций и насильственную консервацию традиционных аспектов любой культуры, в том числе и российской. Мы рассматриваем культурную безопасность как систему внутренней саморегуляции и стабилизации общества, направленную на его развитие и сохранение одновременно.

Как любая система, она имеет ряд базисных структур, изменения в которых могут стать индикаторами её устойчивости и нестабильности. Стабильность и устойчивость являются необходимыми составляющими уровня и качества жизни, для измерения которых в мире существует достаточное количество методик. По крайней мере, в трех из них: индекс качества жизни (Better Life Index), индекс процветания стран мира (The Legatum Prosperity Index), уровень счастья населения (World Happiness Report), как параметр, индикатор, показатель, включается такой элемент, как безопасность²⁰⁰.

Во всемирно знаменитом «индексе счастья на планете» при составлении опросника учитывался достаточно сложный комплекс показателей, предложенный «Gallup World Poll»²⁰¹ и постоянно корректируемый. Множественные показатели опросника, среди которых напрямую нет индекса безопасности, но одна из его составляющих – субъективное благополучие – подразумевает безопасность как необходимый бэкграунд. Правда, ощущение себя в без-

¹⁹⁸ Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. М.: Филос. об-во СССР, 1991. Ч. 3.

¹⁹⁹ Лебедева Н. М., Ясин Е. Г. Культура и инновации: к постановке проблемы // Форсайт. 2009. № 2 (10). С. 16–26.

²⁰⁰ Черникова А. Г. Качество и уровень жизни в странах СНГ: зеркало статистики // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2014. № 9 (52).

²⁰¹ Gallup World Poll. URL: <https://worldview.gallup.com/default.aspx> (дата обращения: 27.07.2012).

опасности ещё не гарантирует счастья, но её отсутствие или восприятие своего бытия как небезопасного, индекс счастья явно не повышает.

Культурная безопасность тоже может быть измерена посредством выделяемых специалистами параметров, индикаторов, которые показывают не только уровень сохранности культуры определённого сообщества, но и уровень субъективного восприятия безопасности как своей культуры, так и себя в своем культурном ландшафте. Эти индикаторы в рамках каждого исследования могут варьироваться. Например, в связи изучением культурной безопасности в Иране группа исследователей (S. Iranpoor, A. Rashidpoor, A. Etebarian, M.S. Fadavi) выделяет пять основных сфер, состояние которых показывает уровень культурной безопасности: международный туризм, культурное наследие и институты сохранения культуры, сфера культурных обменов и коммуникаций, сфера культурного потребления, экономика культуры²⁰². Другая группа исследователей (B. Saroukhani, A.A. Naderi) опять-таки в рамках измерения культурной безопасности Ирана предлагает несколько иной набор индикаторов: социальная дезорганизация, социальный капитал, культурный капитал, социальная поддержка²⁰³.

Российский исследователь В.П. Ширяев, пытаясь выявить теоретические основы и методологические принципы исследования проблем культурной безопасности, считает, что необходимо подойти к предложению конкретных вариантов редукции понятия «культурная безопасность» к эмпирическим индикаторам. Он выделяет следующие индикаторы состояния культурной безопасности и рассматривает их как «остро специфичные»: внутренняя социокультурная стабильность, внешние условия культурной устойчивости, преодоление глобального культурного кризиса, обеспечение локальной культурной безопасности²⁰⁴.

На основе уже имеющихся вариантов и с учётом того, что мы исследуем культурную безопасность через призму гетеротопии, мы выделяем несколько сфер, изменения в которых, с нашей точки зрения, могут выступать в качестве индикаторов состояния культурной безопасности: коллективная культурная идентичность; культурное наследие и культурная память; экспансия чужой, преимущественно западной культуры; виртуальная, цифровая культура; семья как фактор безопасности. Именно эти сферы входят в поле исследования культурной безопасности и именно в них формируются гетеротопные пространства, которые могут являться как факторами культурной опасности, так и островами относительной культурной безопасности.

Для того чтобы посмотреть, будут ли работать предложенные нами индикаторы как маркеры проблемных зон, связанных с культурной безопасностью, мы провели в 2017 г. пилотное социологическое исследование среди

²⁰² Iranpoor S., Rashidpoor A., Etebarian A., Fadavi M. S. Indicators of cultural security in field of information and communication technology with an emphasis on cultural development // Kuwait Chapter of Arabian Journal of Business and Management Review. 2014. Vol. 3, № 11. С. 310.

²⁰³ Saroukhani B., Naderi A. A. The Study of Social-cultural Security in Tehran – Iran // International Journal of Business and Social Science. 2013. Vol. 4, № 2. С. 189.

²⁰⁴ Ширяев В. П. Культурная безопасность: круг проблем... С. 16.

молодежи, поскольку именно она наиболее подвержена влиянию культурных изменений в обществе. Необходимо учитывать, что пилотные исследования проводились в Астраханском регионе, где в связи с трансформацией изначальной поликультурности в мультикультурность, как следствие прежде всего интенсивных миграционных процессов, гипотетически могла возникнуть угроза культурной стабильности. В связи с предложенными нами сферами мы выделили следующие индикаторы:

- уровень устойчивости коллективной культурной идентичности;
- состояние культурного наследия и культурной памяти региона;
- устойчивость собственной культуры по отношению к «чужой»/ уровень экспансии чужой культуры;
- уровень безопасности в условиях цифровой культуры;
- институт семьи как пространство опасности / безопасности.

Объем выборочной совокупности – 360 студентов – жителей г. Астрахани и Астраханской области, студентов Астраханского государственного университета²⁰⁵. По всем выделенным индикаторам была задана серия вопросов.

Результаты исследования показали, что ситуация с осознанием угрозы своей культурной идентичности в городе пограничная: 51,4 % опрошенных видят возможную угрозу во внутренней и внешней миграции (рис. 2.3), хотя только 28,6 % опрошенных считают, что уже активно идут процессы по изменению культурных и конфессиональных традиций (рис. 2.4).

Ещё более проблемная ситуация складывается в восприятии устойчивости собственной культуры по отношению к западной. Практически 80 % опрошенных считают, что имеет место доминирование американской культуры (рис. 2.5), а больше половины опрошенных считают, что русская культура не доминирует над культурами других народов России.

Ощущает себя молодежь незащищенной и в сети интернет, как в сфере бесконтрольного использования своих персональных данных (рис. 2.6), так и в отношении социальных сетей и интернета (рис. 2.7).

Гораздо более благополучной воспринимается сфера, связанная с культурным наследием и культурной памятью. Молодежь в принципе не очень опасается за состояние регионального культурного наследия (рис. 2.8).

Только 14,3 % опрошенных считают, что ведётся недостаточная работа по сохранению и реконструкции памятников. Причём 85,7 % опрошенных считают себя осведомлёнными об истории и культуре региона (рис. 2.9).

Основным пространством, сохраняющим культурные традиции и культурную безопасность для 88,6% молодых астраханцев, является семья (рис. 2.10)

²⁰⁵ Подробнее об исследовании: Романова А. П., Топчиев М. С., Рогов А. Культурная безопасность Астраханского региона глазами молодежи // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2017. № 4.

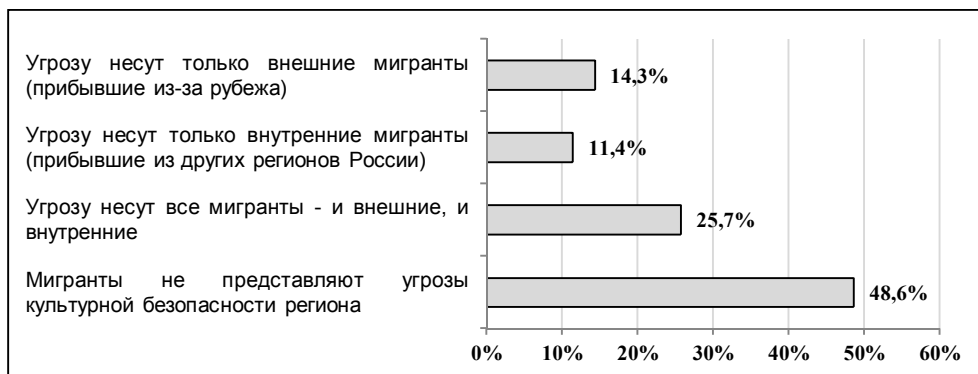

Рис. 2.3. Как Вы считаете, несут ли мигранты угрозу культурной безопасности региона?

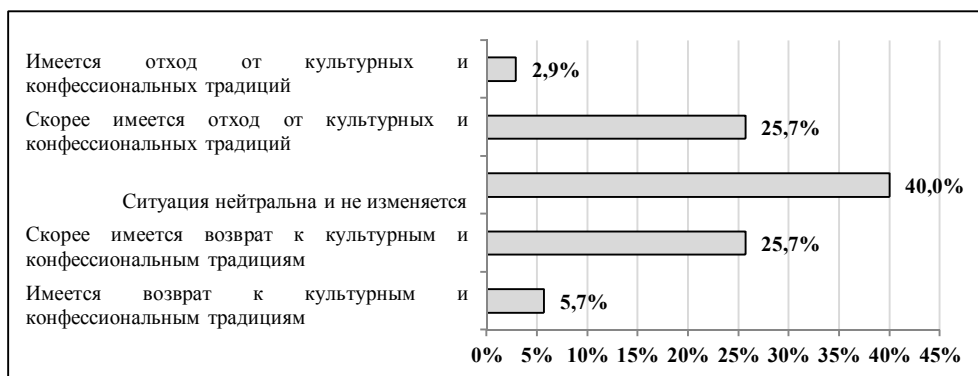

Рис. 2.4. Как Вы считаете, имеется ли на данный момент в регионе отход от культурных и конфессиональных традиций или наоборот имеется возврат к традициям?

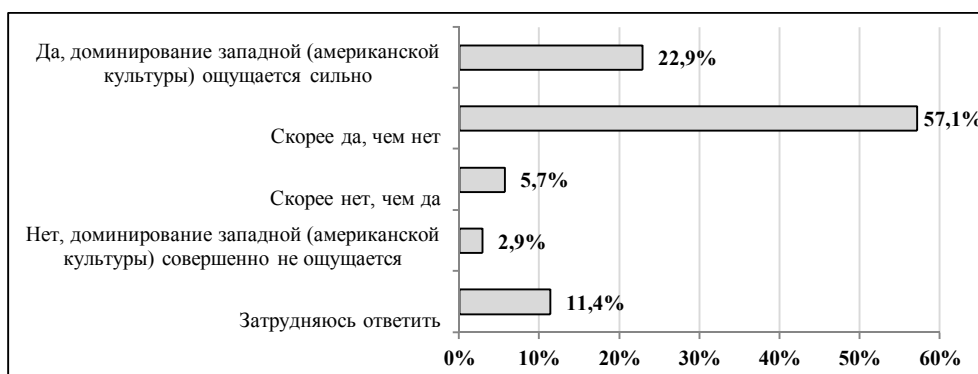

Рис. 2.5. Как Вы считаете, ощущается ли в современном российском обществе доминирование западной (американской) массовой культуры?

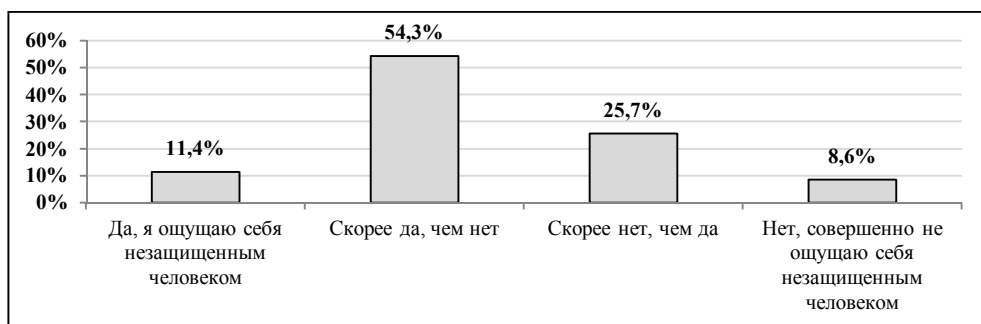

Рис. 2.6. Как Вы считаете, наличие Ваших персональных данных в сети интернет делает Вас незащищенным человеком?

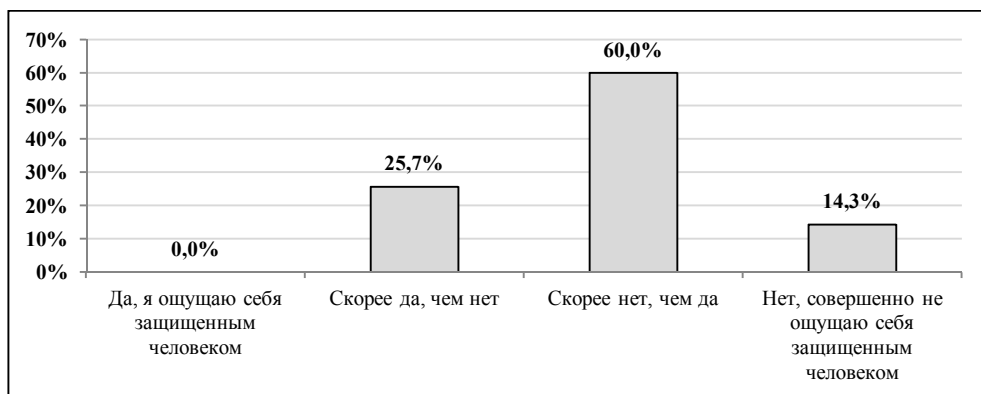

Рис. 2.7. Как Вы считаете, наличие интернета и социальных сетей даёт Вам чувство защищенности?

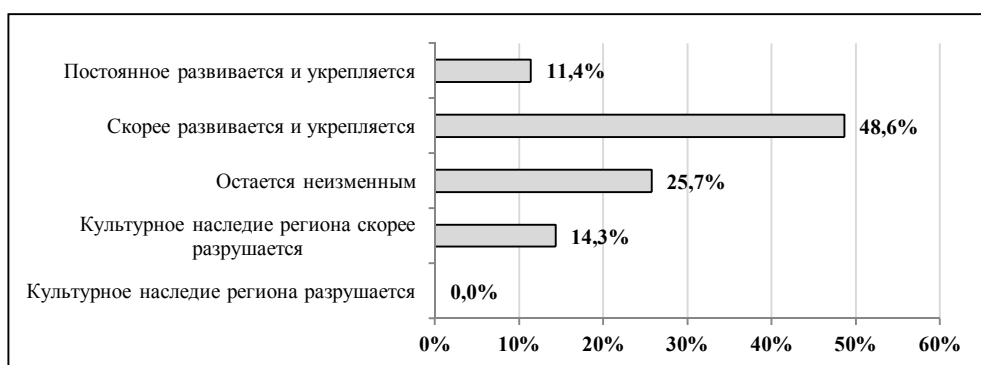

Рис. 2.8. Как Вы можете определить состояние культурного наследия региона на данный момент?

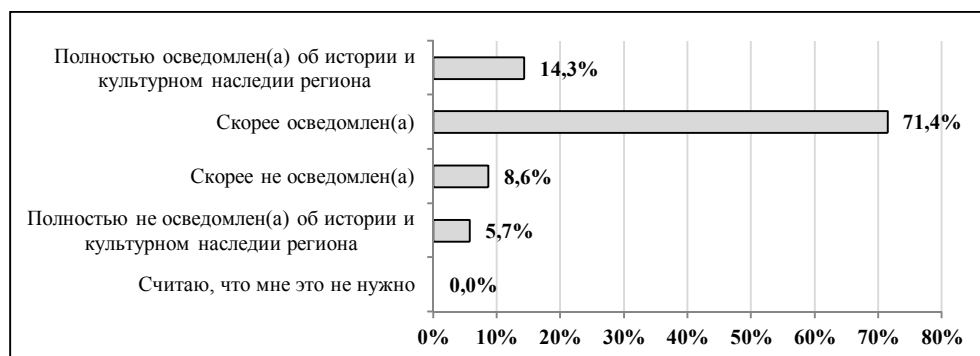

Рис. 2.9. Как Вы можете охарактеризовать свой уровень осведомленности об истории и культурном наследии региона?

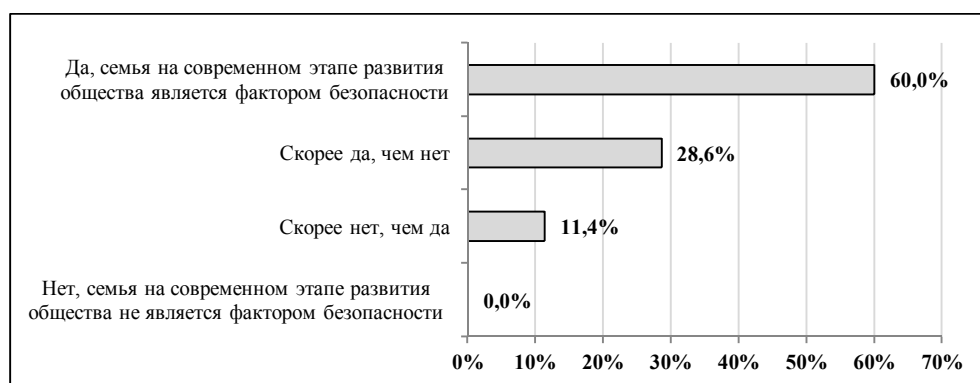

Рис. 2.10. Как Вы считаете, семья на современном этапе развития общества выступает фактором безопасности (является безопасным местом)?

Таким образом, мы можем предположить, что из пяти индикаторов культурной безопасности в регионе как стабильные и обеспечивающие безопасность воспринимаются только семья и культурное наследие. Это те сферы, которые имеют ярко выраженный традиционный характер.

В обыденном сознании молодежи стабильность связывается непосредственно с сохранением традиционной культуры, только 20 % считают, что изменения скажутся положительно на российском обществе (рис. 2.11) и практически подавляющее большинство опрошенных считает, что культурное наследие нужно сохранять обязательно (рис. 2.12).

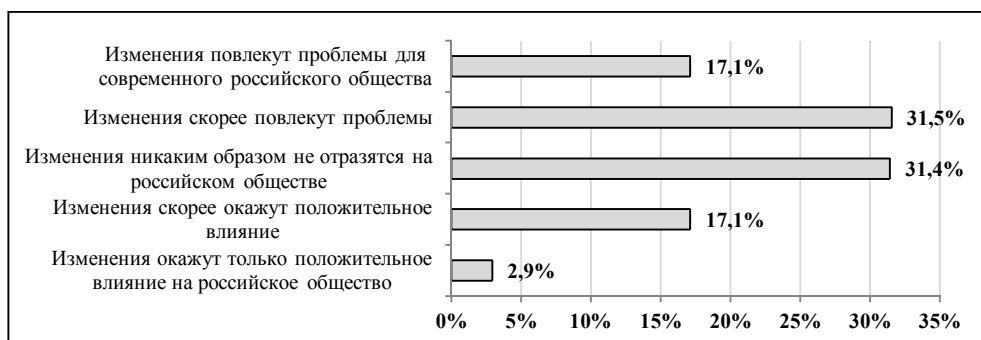

Рис. 2.11. Как Вы считаете, трансформация (изменение) культурных и конфессиональных традиций будет нести угрозу современному российскому обществу?

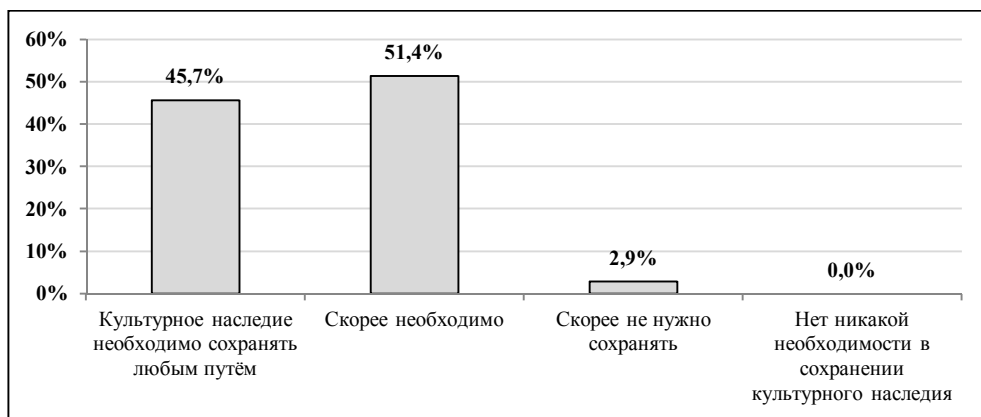

Рис. 2.12. Как Вы считаете, необходимо ли сохранять культурное наследие любым путём или нет?

В данной монографии мы и будем рассматривать именно эти сферы культурной безопасности, однако рассмотрим мы их через призму гетерогенности, неоднородности современного культурного пространства с учётом гетеротопных пространств, в которых социально-культурные процессы протекают несколько иначе.

ГЛАВА 3

КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Политика идентичности есть попытка убедить людей в том, что они – суть одно целое; что они составляют ограниченную, особую, солидарную группу; что их внутренние различия не имеют значения, по крайней мере, для данной конкретной ситуации.
*Р. Брубейкер*²⁰⁶

Сценарий, по которому все двигалось до сих пор, вдруг расслоился на множество побочных линий.
А основная потерялась бесследно.
*Х. Мураками*²⁰⁷

Вызовы культурного разнообразия: в поисках новой формы идентичности

В настоящее время проблема культурной идентичности становится одной из основных в пространстве культурной безопасности. По мнению исследователей Парижской школы (Д. Биго, Д. Агамбен, Й. Хейсманс), культурная безопасность тесно связана с сохранением культурной самобытности²⁰⁸. Любое нарушение такой самобытности представляет угрозу устойчивости всей системы в целом. Самобытность тесно связана с идентичностью, а последняя подвергается существенным изменениям под влиянием иммиграционных процессов. Именно миграция, по мнению представителей Парижской школы, является одним из ведущих факторов, влияющих на состояние безопасности. Иммиграционные процессы дестабилизируют существующие модели идентичности, ослабляют национальные традиции, меняя тем самым культурный ландшафт и подталкивая к поискам новых форм адаптации к окружающему миру. Идентичность в глобализационном пространстве размывается, теряя чёткие границы и становится гетеротопной, выходя через традиционные формы в инновационное коммуникативное пространство.

Логика глобализации через синтез культур уходит от понятия «отдельная культура» и предлагает гетеротопию «калейдоскопа культур»²⁰⁹ с «размытой идентичностью и системой ценностей»²¹⁰, где сосуществуют многочисленные субкультуры, дробя культурное пространство на «множество фраг-

²⁰⁶ Брубейкер Р. Этничность без групп. М. : ВШЭ, 2012. С. 77.

²⁰⁷ Мураками Х. Дэнс, дэн, дэнс. М. : Э, 2017. С. 329.

²⁰⁸ Huysmans J. The European Union and the Securitization of Migration // Journal of Common Market Studies. 2000. Vol. 38, № 5. P. 759.

²⁰⁹ Wadron J. What is Cosmopolitan? // The Journal of Political Philosophy. 2000. № 8 (2). P. 236.

²¹⁰ Бек У. Что такое глобализация? М. : Прогресс-Традиция, 2001. С. 23.

ментов его составляющих»²¹¹. За короткий период в принимающих странах массово возникли группы, характеризующиеся «размытой идентичностью», сознание которых фрагментировано и однозначно ответить на вопрос о своей этнической принадлежности они не могут. Поэтому трансграничное перемещение людей (иммиграция) давно уже стало проблемой не столько экономической, сколько культурной сферы. Это связано с разрушением привычных норм и трудностью интеграции, разных коммуникационных потоков и систем социальных взаимодействий на индивидуальном и коллективном уровнях.

Идентичность формируется под влиянием социокультурного контекста бытия и конкретной привязки к определённой культурной системе. Иными словами, национально-культурная идентичность есть явление «культурно и исторически опосредованное, изменчивое, получающее специфическое содержательное наполнение в конкретном культурном, социальном, политическом, цивилизационном контексте»²¹², поэтому стремление сохранить свою идентичность в новой среде создаёт адаптационные сложности. Как следствие, возрастает потребность в признании, важнейшей чертой которого является «запрос на различие, притязание на самобытность, борьба за идентичность»²¹³. Это выводит на первый план проблему «мобильности в оценке собственной идентичности»²¹⁴ вплоть до отказа от прежней и замены её на новую.

Современная гетеротопная культура предлагает другой вариант – формирование множественной идентичности, что позволяет, с одной стороны, «мобилизовать опыт прежней жизни для нужд настоящей, и, с другой стороны, использовать коллективный опыт новой общности для собственной адаптации»²¹⁵. Такую форму идентичности можно назвать транскультурной, представляющей особое состояние человека, открытого «универсуму различий»²¹⁶, что означает выход за пределы «своей» культуры и диффузию исходных культурных идентичностей.

Исследователи Копенгагенской школы (Б. Бузан, О. Вевер) предполагают, что в процессе адаптации мигрантов в принимающем обществе возникает возможность формирования «масштабной коллективной идентичности»²¹⁷, которая сможет функционировать независимо от конкретного госу-

²¹¹ Мамонова В. А. Глобализация в пространстве культуры: векторы развития // CREDO NEW. 2007. URL: www.CredoNew.narod.ru.

²¹² Костина А. В. Кризисное состояние идентичности в современном мире: причины и предпосылки // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 4. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Kostina_Recessionary/.

²¹³ Малахов В. С. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М.: Новое лит. обозрение, 2014.

²¹⁴ Многоуровневая идентичность / под ред. А. Ю. Шадже. М.: Российское филос. об-во; Майкоп: Качество, 2006. С. 188.

²¹⁵ Тернова Л. О. Глобализация и проблема формирования новых идентичностей // Власть. 2004. № 4. С. 12.

²¹⁶ Мальковская И. А. Многоликий Янус открытого общества: Опыт критического осмысления ликов общества в эпоху глобализации. М.: ЛКИ, 2008. С. 193.

²¹⁷ Wæver O. The rise and fall of the inter-paradigm debate // *International Theory: Positivism and beyond* / ed. by S. Smith, K. Booth and M. Zalewski. New York: Cambridge Univ. Press, 1996. P. 157.

дарства. Трудно заранее сказать, несёт ли такая идентичность угрозу или, напротив, является необходимым этапом адаптации. В любом случае подобные процессы представляют собой риски культурной безопасности. Мигранты остаются чужими для местного населения, но и для «своих» они уже «не совсем свои». Возможно, именно этим объясняется их своеобразное отношение к религии (в основном к исламу). Даже не будучи в большинстве своём практикующими верующими, они начинают идентифицировать себя с исламом. Это так называемая «мобилизованная идентичность»²¹⁸, которая требует пристального внимания. Ибо если она в какой-то момент превратится в угрозу безопасности, то «за этим должны следовать чрезвычайные меры»²¹⁹.

Такая идентификация носит компенсаторный характер, преодолевающая «ту символическую недостачу, которая порождена их социальной маргинальностью»²²⁰. В этом случае мы наблюдаем появление новых вызовов, которые выводят проблему культурной безопасности на другой смысловой уровень, где без комплексных мер, принятых государством, обойтись невозможно. Например, в некоторых европейских странах стали готовить имамов. Объясняется это тем, что предпочтительнее подготовить предсказуемого священнослужителя, чем «импортировать непредсказуемого откуда-нибудь из Саудовской Аравии»²²¹.

Политика идентичности подразумевает символизацию пространства, формирование представлений о «мы-сообществе» и установление границ «свой – чужой»²²². Но не следует забывать, что политика идентичности государства направлена на формирование образа «мы-сообщества» в существующих административно-территориальных границах, она обеспечивает культурную безопасность, поддерживая «уважение и доверие к культурной идентичности индивидуумов»²²³. Однако если человек находится в состоянии отчуждённости от общества, то он лишается социальной поддержки, у него появляются проблемы, которые отражаются на уровне адаптации, проявляясь в форме агрессивности, недоверия, подозрительности, безразличия, обиде, отчаянии, страхе, ожесточении. Это, естественно, подрывает стабильность и устойчивость всей системы. Тогда начинают говорить о культурной дистанции, которая проявляется практически на всех уровнях, от индивидуального до глобального, выраженного в противостоянии культурных миров традици-

²¹⁸ Waever O., Buzan B. Identity, Migration and the New Security Agenda in Europe. P. 56.

²¹⁹ Там же.

²²⁰ Деминцева Е. Сообщества мусульман во Франции: значение понятия «интеграция» сегодня // Государство, миграция и культурный плюрализм в современном мире / под ред. В. С. Малахова, В. А. Тишкова. М.: ИКАР, 2011. С. 174.

²²¹ Малахов В. С. После мультикультурализма: Европа и ее иммигранты. URL: <http://polit.ru/article/2012/01/27/malakhov/>.

²²² Межуев Б. «Остров Россия» и российская политика идентичности // Россия в глобальной политике. 2017. № 2. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Ostrov-Rossiya-i-rossiiskaya-politika-identichnosti>.

²²³ Романова А. П., Хлыщева Е. В., Якушенков С. Н., Топчиев М. С. Чужой и культурная безопасность. М.: РОССПЭН, 2013. С. 171.

онной и постиндустриальной картин мира, разнящихся по своему цивилизационному уровню развития.

Традиционная модель мира выстроена вертикально и чётко структурирована, обеспечивая целостное «стабильное бытие социума, в котором энергия связности элементов превышает внешние воздействия»²²⁴, а значит, всё, что находится за пределами этой культуры, позиционируется как «чужое», т.е. «принципиально неприемлемое»²²⁵. В современном видении «чужое» практически отождествляется с «другим», становясь «иным культурным опытом»²²⁶, поэтому главным является обеспечение наибольшего пространства для межкультурного и межэтнического диалога. Однако даже сама возможность диалога наталкивается на серьёзные трудности, так как ценности либерализма принципиально неприемлемы для традиционных систем.

И если западный мир уже вступил в постнациональную стадию и рассматривает «чужие» общества чаще как традиционные, которые в результате культурного контакта должны приспособиться к постиндустриальному обществу в силу преимуществ последнего, то группы мигрантов из Азии, Африки и Латинской Америки ещё переживают период «этнизации», т.е. рассматривают нацию с точки зрения этнического фактора, что и обуславливает непонимание чужой для них культуры. Дистанция между представителями разных культур бывает слишком велика, что особенно заметно в принимающих обществах. Непривычные формы поведения, демонстрация инаковости (особая одежда, язык, ценности и т.д.) провоцирует этноконфессиональное и социальное неприятие и конфликты.

Противоречия и конфликты в данной ситуации переходят с межличностного уровня на социальный, затрагивая отношения между социальными группами, а «чужой» – с индивидуального плана на уровень социального типа, что выводит проблему типологии Чужого на новый, более сложный этап: если ранее культурная разность была преимущественно внешним фактом, либо фактом временных контактов, то в современном обществе культурная разность превращается во внутреннюю проблему. Точкой отсчёта на шкале развития по сравнению с «другими» лучшей, как правило, признаётся своя культура, что порождает определённые проблемы в процессе культурной коммуникации.

Традиционная культура – это иной мир, «неадаптируемый к собственной системе и, следовательно, определяемый в категориях враждебности и чуждости»²²⁷. Чужой чаще всего воспринимается как представитель другой этнической группы или религиозной конфессии, чей образ жизни кардинально не совпадает с традициями и образом жизни основных культурных групп ре-

²²⁴Морина Л. П. Концептуализация чужого в аспекте проблемы мультикультурализма // Свое и Чужое в культуре. 2011. № 1 (2). С. 17.

²²⁵Романова А. П., Хлыщева Е. В., Якушенков С. Н. Чужой и культурная безопасность. С. 15.

²²⁶Хлыщева Е. В. Изменение картины мира в результате миграционных процессов эпохи глобализации // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2016. № 3 (48). С. 108.

²²⁷Романова А. П., Хлыщева Е. В., Якушенков С. Н. Чужой и культурная безопасность. С. 16.

гиона. Появление такого Чужого создаёт различные точки бифуркаций, которые могут в конечном итоге стать неуправляемыми, так как чрезмерное акцентирование самобытности культур не способствует нахождению общности между ними.

Тем не менее, одна из главных черт гетеротопии – способность смешивать в реальном мире несколько пространств, которые кажутся несовместимыми. Процессы глобализации нарушают традиционные формы идентичности, ставят под сомнение субъективные ощущения самоидентичности человека и этносов, сформированные в рамках прежних традиций. Особенно остро это проявляется по отношению к проблеме идентичности представителей малых групп, этнических, религиозных меньшинств. Происходит разрыв в преемственности, когда «разрушение одного типа идентичности должно компенсироваться идентичностью другого типа»²²⁸. Отсутствие механизма преемственности идентичности сопровождается ощущением внутреннего дискомфорта и даже тревоги, приводящих к замкнутости и усилению изоляционистских тенденций. Поэтому в современных государствах сосуществуют закрытые (традиционные) и открытые (цивилизационные) гетеротопии, и культурная безопасность должна особое внимание обратить на входы и выходы таких гетеротопий.

Исходные уровни идентичности связаны с традиционной культурой, поэтому их устойчивость ведёт к противостоянию с инновационными процессами. В то же время глобализационные процессы в современной культуре представляются (хотя бы теоретически) как развитие нового типа культурных связей, который делает возможным понимание, принятие и уважение иной культурной модели мышления и поведения при сохранении ценностного основания своей индивидуальной и национальной культуры, а значит унификация культуры, равно как и унификация сознания, невозможны в силу своей несостоятельности. Н. Луман вообще считал, что в глобальном обществе «тенденция к дифференциации значительно превалирует над тенденцией к унификации; в результате формирующееся единое цивилизационное пространство всё более разбивается на сегменты, иерархически выстроенные страты, пространство различных, несводимых друг к другу частей»²²⁹. Поэтому в настоящее время говорить о формировании транскультурной идентичности преждевременно, поскольку процесс глобализации вызывает у большинства не потребность в достижении ценностной однородности, а стремление сохранить собственную культуру.

При таком подходе динамика и многообразие социокультурных явлений интерпретируется через разнообразие социокультурных типов, которые в целях обеспечения культурной безопасности должны быть скоординированы как с системой общества, так и между собой. Для этого С. Бенхабиб предла-

²²⁸ Салихов Г. Г. Проблема идентичности в условиях глобализации // Соционауки. 2011. № 1 (7). URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/132583/>.

²²⁹ Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / пер. с нем. И. Д. Газиева ; под ред. Н. А. Головина. СПб : Наука, 2007. С. 44.

гает различать три сферы: политическую, публичную, и частную, приватную. Политическая является культурно нейтральной и имеет дело не с национальностями, а с гражданами. В сфере публичности обсуждаются проекты, возможный экономический и политический курс в стране. Именно здесь можно услышать категоричные заявления от имени той или иной группы по этноконфессиональным проблемам. Однако чаще всего «лидеры», не являясь таковыми, *присваивают* себе право говорить от имени всей группы. В реальности большинство членов этногруппы такие заявления не разделяют. Это «бюрократический эффект, то есть бюрократии удобнее работать с такими людьми, которые назначили себя представителями какой-то группы, но совсем не факт, что они эту группу реально представляют»²³⁰.

И хотя динамика развития мировой культуры в конце XX – начале XXI в. идёт в направлении создания «планетарного» мира с единым информационным и технологическим пространством, в реальности современный мир представлен культурной гетеротопией и требует умения «свободно лавировать среди различных культурных традиций»²³¹, так как жизнь каждого человека уже не проходит в рамках одной культуры, она представляет собой смешение, синтез культурных фрагментов: китайская кухня, французский парфюм, итальянская опера, американская комикс-культура, индийский кинематограф, мода на этнику, кантри-стиль в музыке и т.д. То есть всё, чем мы пользуемся, принадлежит пространству гетеротопии, а потому и выбор человека не может определяться только его этническим происхождением. Такую форму культурной интеграции Уолдрон называет «плюралистической»²³², представляющей процесс заимствования и интеграции значимых элементов других культур. Это как раз вписывается в рамки культурной безопасности, так как такой обмен не угрожает культурной самобытности.

Д.С. Милль считал, что культура общества должна быть богатой и разнообразной, а большая часть этого богатства «приходит путём усвоения плодов других культур. Никто не хочет строить неприступные стены вокруг культуры, чтобы отрезать её от мирового прогресса»²³³. Невозможно «законсервировать» свою культуру в «подлинном» состоянии, если это означает жить так же, как жили предки столетия назад, отрицая любые контакты с другими культурами. Напротив, «культуры демократического общества должны быть космополитами, участвуя в культурном обмене, но оставаясь глубоко привязанными к своим общинным корням»²³⁴.

Однако современные процессы вызвали к жизни проблемы, для которых пока не существует готовых методов решения. Новые угрозы требуют новых смыслов культурной безопасности. Усиливающиеся миграционные по-

²³⁰Benhabib S. *Toward a Deliberative Model of Democratic Legitimacy* // *Democracy and Difference* / ed. by S. Benhabib. Princeton, 1996. P. 75.

²³¹Wadron J. *What is Cosmopolitan?* // *The Journal of Political Philosophy*. 2000. № 8 (2). P. 236.

²³²Там же. P. 239.

²³³Милль Дж. *О свободе* // *Наука и жизнь*. 1993. № 11. С. 10–15 ; № 12. С. 23.

²³⁴Kymlicka W. *Politics in Vernacular: Nationalism, Multiculturalism, and Citizenship*. Queen's University, 2001. P. 289.

токи приводят к структурным изменениям в принимающих обществах и, «в конце концов, порождают новые отношения и модели поведения»²³⁵, разрушая традиционную идентичность. Это сопровождается кризисом базовых ценностей, трансформацией культурного контекста формирования национальной идентичности.

Поэтому степень адаптации иммигрантов определяется не только создаваемыми государством условиями, но и готовностью самих переселенцев интегрироваться в это общество, что и составляет главную проблему. Большая часть мигрантов в мировоззренческом, конфессиональном, этнокультурном, лингвистическом отношении в силу своей картины мира сильно отличается от местного населения, и преодолеть такой барьер за короткий срок невозможно.

Однако «прошлое перестает быть опытом, способным дать уроки будущему»²³⁶. Историческая идентичность в современных условиях становится неспособной определять «индивидуальные» черты, что ведёт к неукоренённости народов, живущих на «чужой» территории. Кризис этнокультурной идентичности, который трактуется У. Беком как «шок денационализации»²³⁷, приводит к утрате привычных ориентиров, в результате чего происходит переоценка мира, усиливается фрагментация идентичности. На размывание этнокультурной идентичности влияет в первую очередь утрата исторических и культурных корней в результате переселения в пространство «другой» культуры; разделение пространства на «мы» и «они»; необходимость в устойчивых ценностях. Результатом становится трансгрессия прежней идентичности. Хорошо это или плохо, говорить пока рано, в каждом отдельном случае своё конкретное наполнение.

Иными словами, с одной стороны, в результате глобализации и растущих потоков иммиграции наблюдается процесс трансформации и размывания этнокультурной идентичности, с другой – активизация процессов самоидентификации, вызванная неукоренённостью в современном социокультурном пространстве. Это объясняется утратой связи с «культурой собственного этноса на ментальном уровне»²³⁸, что представляется закономерным следствием масштабных изменений в современном социуме.

Возможно ли все-таки сохранить культурную идентичность малого народа в условиях глобализации? И хотя уже было отмечено, что любая культурная традиция, попадая в другое пространство, вынуждена изменяться для того, чтобы выжить, в мире до сих пор существуют так называемые «неконтактные народы», которые не поддерживают контактов с внешним миром и современной цивилизацией. Их очень мало и живут они в основном в отда-

²³⁵ Cox R. W. Global "perestroika" // Approaches to world order / ed. by R. W. Cox, T. J. Sinclair. Cambridge, 2006. P. 298.

²³⁶ Мазур Ю. Ю. Идентичность в условиях глобализации и регионализации // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер. Гуманитарные и общественные науки. 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/identichnost-v-usloviyah-globalizatsii-i-regionalizatsii>.

²³⁷ Бек У. Что такое глобализация? М. : Прогресс-Традиция, 2001. С. 90.

²³⁸ Мазур Ю. Ю. Идентичность в условиях глобализации и регионализации.

лѐнных уголках Африки, Восточной Азии и Латинской Америки. Многие из них так или иначе выходят на контакт с цивилизационным миром. Например, народ джарава, живущий на Андаманских островах, в конце 1990-х гг. стал своего рода туристической достопримечательностью. Другим примером может служить «Девятка пинтупиуен», которые вели полностью традиционный образ жизни, а затем также решили перейти к контактам с цивилизацией и осѐдлости²³⁹.

Из-за эксплуатации и разрушения окружающей среды – вырубки лесов для получения стройматериалов и эксплуатации площадей для ферм – многие из этих культур находятся в зоне риска. Эти люди не просто избегают контакта с окружающим миром, но яростно защищают свою изолированность. Многие из них очень агрессивны, атакуют любого, кто ступает на их территорию. Тем не менее, даже самое загадочное племя – сентинельцы – в какой-то степени вступили в контакт с цивилизацией: несколько лет назад на берег острова вынесло пару грузовых контейнеров и туземцы выказали удивительную ловкость, быстро приспособившись к ковке по металлу.

В Западном Папуа в Индонезии живѐт приблизительно около сорока изолированных племѐн. Уточнить их количество сложно. Бразильское правительство ранее организовывало экспедиции так называемого «первого контакта», чтобы найти и защитить племена. Но потом это прекратилось, а на смену пришли редкие проверки. Кроме того, данные племена очень восприимчивы к болезням из внешнего мира.

Однако не только «дикие» племена могут быть отнесены к неконтактным. Часть исследователей такой страной называют, например, Северную Корею, которая живѐт по своим законам. В строгом смысле она не отрезана от остального мира, но тотальный контроль над информацией (нет доступа даже к интернету, только к местным сетям) приводит к изолированности от мирового сообщества.

Так что говорить о том, что процесс глобализации постепенно стирает национально-государственные идентичности, преждевременно. Однако вряд ли у этих народов есть будущее. Они, по сути, выживают, а рисков для их существования очень много. Поэтому учёные-антропологи внимательно следят за их жизнью, и если есть признаки того, что они нуждаются в помощи, если есть признаки физических недугов, то посылают туда группу спасателей-медиков, как это имело место во многих частях Бразилии.

²³⁹ URL: <http://fishki.net/2310066-maloizuchenye-i-nekontaktnye-plemena-i-naroldy-zemnogo-shara.html>.

Мультикультурализм: успехи и провалы

Какой в этом смысл – не задумывайся.
Смысла все равно нет
И не было никогда.

Х. Мураками²⁴⁰

Проблемы культурной безопасности, связанные с «вторжением» Чужого (мигранта) вывели на поиски адекватной модели, которая смогла бы снять образовавшееся напряжение. В этом случае гетеротопное пространство «своих-чужих» стало бы культуuroобразующим, т.е. формирующим современную культуру, так как соприкосновение с другой культурой ведёт к трансгрессии, создавая тем самым новое пространство взаимодействия, «буквально навязывая контакты, предполагая через столкновение прийти к конструктивному культурному диалогу и взаимодействию»²⁴¹.

Такой моделью становится мультикультурализм, предполагающий сосуществование разных культур в одном пространстве с «интеграцией без ассимиляции», что подразумевает право на публичную репрезентацию и сохранение своих особенных черт, образа жизни, продиктованного культурной спецификой, разнообразием социокультурных практик в масштабах национальных и региональных культур. Эта модель рассчитана на принимающие иммигрантов общества, которые отказались в силу определённых обстоятельств от метода ассимиляции.

Мультикультурализм представляет собой сложный полифункциональный феномен, структура и соотношение компонентов которого определяются позицией государства, конкретным состоянием этнической среды, межэтнических отношений, правовых и политических притязаний этнических групп, коммуникационных стратегий, избираемых ими в отношениях между собой и институтами национальных государств.

Необходимо отличать понятия *мультикультурность* как характеристику общественного устройства, связанного с проживанием бок о бок разных народов, и *мультикультурализм* как политику, призванную создать оптимальные условия для такого проживания. В быденном языке «мультикультурализм» чаще всего отождествляется с «этническим, языковым, конфессиональным и жизненно-стилевым разнообразием»²⁴² того или иного общества. Ранее констатация культурного многообразия (этнического, конфессионального, культурного, бытового) обозначалась термином «поликультурность» и объяснялась исторической неоднородностью проживающих на конкретной территории людей.

²⁴⁰ Мураками Х. Дэнс, дэн, дэнс. С. 139.

²⁴¹ Романова А. П., Якушенков С. Н., Хлыщева Е. В. Нижневолжский фронт: культурная память и культурное наследие. Астрахань : Сорокин Р. В., 2014. С. 74.

²⁴² Малахов В.С. Мультикультурализм в Западной Европе: по ту сторону риторики. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1155.

Поликультурное общество является результатом смешения «многообразных основ жизни индивидов и способов мышления в определённом пространстве на определённой территории государства»²⁴³ и вбирает в себя многоэтничность, полилингвистичность и поликонфессиональность. Это своеобразный маркер исторической этнической мозаичности социальной среды или общества, которая складывалась веками и прошла проверку временем. Результатом функционирования поликультурной модели становится формирование региональной культуры, важной характеристикой которой является культурный плюрализм, т.е. нахождение общих, надэтнических ценностей, которые выполняют функцию объединения народов, проживающих на данной территории.

Однако иммиграционные потоки требуют быстрого реагирования, и поликультурная модель уступает место модели мультикультурной, направленной на адаптацию переселенцев. Поэтому в контексте формирования стратегии культурной безопасности мультикультурализм рассматривается как политика, так как добиться «регулируемого обмена различиями»²⁴⁴ можно только на государственном уровне. С этой точки зрения, мультикультурализм – это политика, проводимая по отношению к национальностям (мигрантам). И здесь явно просматривается отличие «поликультурного» от «мультикультурного»: если первое отражает культурно-коммуникативную диффузию, исторически сложившуюся на определённой территории, то второе конкретно указывает на то, что национальное общество, прежде относительно гомогенное, претерпело качественные изменения и в результате иммиграции в его структуре возникли новые этнические меньшинства, несущие свои культурные паттерны. Кроме этого осложняет положение и культурная дифференциация на уровне индивидов, обусловленная системами воспитания, социальным опытом и способами самореализации. Это ведёт к нарастанию культурной неопределённости, и, соответственно, к поиску оснований общей культурной идентичности при обязательном сохранении традиционных идентичностей как мигрантов, так и местного населения. Поэтому на первом этапе задачей политики мультикультурализма стало формирование таких правовых и политических условий в принимающих государствах, которые обеспечили бы равный статус национального большинства и национальных меньшинств, а также равные возможности для сохранения и развития их культур и равные шансы на социальное процветание. Это повлекло за собой необходимость нового толкования дефиниции «этническая идентичность», поскольку за каждой минорити-группой по умолчанию закреплялись паттерны «своей» культуры, которая служила «объяснительной моделью» уникальности и своеобразия. Такое понимание приходило в противоречие с политикой «равных прав», о чём свидетельствует, например, «стратегия культурной защиты», когда в суде рассматриваются не права человека как индивида, а как представителя этнического (расового) меньшинства.

²⁴³ Мальковская И. А. Многоликий Янус открытого общества... С. 194.

²⁴⁴ Там же.

Мультикультурные практики предполагали, что признание всех культур равноценными и достойными внимания и уважения *автоматически* приведёт к преодолению хаоса и дезинтеграции, обеспечит внутренний мир посредством укрепления принципов толерантности и умения сосуществовать с инокультурными группами и индивидами. Но право быть «иным» логически порождает неравенство, а льготы только стимулируют консервацию привычных образов поведения, но не нацеливают на их ликвидацию. Как следствие, происходит этнокультурное расслоение общества, этнизация социальных отношений и политизация повседневных конфликтов, сводя их до конфронтации «своего» и «чужого». Неудивительно, что культивирование уникальности этнических меньшинств привело к обратному процессу, исследователями «реактивным» мультикультурализмом, когда этнические меньшинства активно пропагандируют возврат к своей прежней идентичности, а то, что было «отрицательной характеристикой, получаемой группой извне, вновь становится положительной самохарактеристикой группы»²⁴⁵.

Особую опасность представляет феномен «третьего поколения», которое «ещё может отождествлять себя с этносом своих родителей, но ментально уже принадлежит к другому»²⁴⁶, так как погружено в контекст иной культуры. По сути, мы имеем дело с «маргинальной идентичностью», когда индивид оказывается как бы между «двух огней»: между традиционной идентичностью (по своему рождению) и поиском референтных культурных групп. Для самоутверждения «иммигранты третьего поколения вспоминают то, что пытались забыть иммигранты первого и второго поколений»²⁴⁷, возрождая этнические и религиозные традиции их прародины. Однако в реальности происходит конструирование неких симулякров, плохо соотносимых даже с традиционными этническими паттернами. Эти симулякры, основанные на обязательном сохранении и воспроизведении традиций, когда этническая идентичность становится более важной, чем общенациональные ценности, искусственны и не могут решить реальных проблем культурной безопасности, а только приводят к напряжённости в отношениях минорити-групп, между которыми необходимо не позиционировать «свою специфику», не создавать «беспорядок неуместного и сближения несовместимого»²⁴⁸, а искать точки «соприкосновения», чтобы «определить общее место для тех и других»²⁴⁹.

В такой ситуации резонно встаёт вопрос о границах допустимости возрождения и сохранения культурных паттернов как опоры традиционной картины мира, где демонстрация этноконфессиональных отличий не способствует безопасности, а главное – замыкает представителей конкретных групп в рамки собственной культуры. Так проявляется гетеротопия «закрытого ти-

²⁴⁵ Малахов В. С. Мультикультурализм и идеология «инакости». М. : Новое лит. обозрен., 2007. С. 151.

²⁴⁶ Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской идентичности. М. : Транзиткнига, 2004. С. 29.

²⁴⁷ Hansen M. L. The Problem of the Third Generation Immigrant. Rock Island, IL: Augustine Historical Society, 1938. P. 192.

²⁴⁸ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб, 1994. С. 34.

²⁴⁹ Там же. С. 35.

па», когда группы иммигрантов селятся обособленно, практически не контактируя с «белыми» (местным населением) в «своих» кварталах. Признаками таких многочисленных «гетто», как правило, являются «грязные маленькие домики, неопрятные овощные лавки, женщины в национальных одеждах»²⁵⁰. Такая «общинная» модель интеграции более всего препятствует культурной коммуникации этнокультур, способствуя, напротив, их консервации и самоизоляции от окружающей культурной среды. Однако именно это в первую очередь отвечает интересам этнических элит, которые крайне заинтересованы в сохранении особого статуса их общин. Кроме того, компактное расселение иммигрантов на руку и работодателям, а также чиновникам, материальное процветание которых зависит от «сохранения непрозрачной системы отношений»²⁵¹.

Групповые различия даже становятся своеобразным маркером современного пространства принимающих социумов (в США сувенирные лавки принадлежат индусам, рестораны – итальянцам; роль мелких продавцов выполняют афроамериканцы; в Австралии и Великобритании магазинчики, рестораны принадлежат преимущественно людям турецкого, бенгальского, арабского и индо-пакистанского происхождения; в России узбек, таджик, молдаванин занимаются преимущественно строительством, выходцы с Кавказа, арабских государств – торговлей, казахи, корейцы заняты в сельском хозяйстве и т.д.). Правда, здесь действуют и паттерны традиционной картины мира, которые побуждают иммигрантов к формированию сообществ именно по этническому признаку, что придаёт каждой группе чёткую этническую маркировку, не способствуя социальной интеграции. Это вносит серьёзный дисбаланс в сложившуюся систему идентификации и нарушает культурную безопасность, которая направлена на поддержание не только безопасности в культурной сфере (предотвращение религиозных и этнических конфликтов, разрушения культурных памятников), но и национальной безопасности через развитие культурного самосознания. Тогда как обострение кризиса самоидентификации может привести к полному неприятию ценностей других культур, что, в свою очередь, чревато полной дестабилизацией общества.

Ситуация «культурной двунепринадлежности»²⁵² сложна своей двойственностью: исчезает непосредственная связь со своей культурой, а новые транскультурные ценности как основа нового типа социокультурной идентичности ещё не сформировались. Именно такое состояние характеризует неопределённость, размытость культурной идентичности, что содержит угрозу не только для индивида, но и для культурной безопасности всего общества, прежде всего, в структурах повседневности, где каждая культура демонстрирует «свои» специфические навыки, умения, характерные модели поведения

²⁵⁰ Farvell A. Multi-Ethnic Britain: an exception in Europe? // *Patterns of Prejudice*. 2001. Vol. 35, № 1. P. 36.

²⁵¹ Малахов В. С. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М. : Новое лит. обозрен., 2014. С. 188.

²⁵² Там же.

и взаимодействий. В одних культурах более всего ценится индивидуализм, самостоятельность, активность, в других – коллективизм, послушание, подчинение. Поэтому методы и формы адаптационных стратегий в каждом конкретном случае будут разными, несмотря на общую цель обеспечения культурной безопасности для эффективного функционирования общества, состоявшего из разных этнических, культурных и религиозных групп. Одно дело – Канада, где «мультикультурализм был средством решения проблемы Квебекского сепаратизма, или США, где он был лекарством, смягчавшим последствия расовой сегрегации, и совсем другое дело – Европа, где он был адресован мигрантам»²⁵³.

В США, где мультикультурализм так и не стал официальной политикой, практики его все же активно использовались, и главное внимание обращалось на достижение равноправного сосуществования различных культурных идентичностей, отражающих как «структуру разных иммигрантских потоков»²⁵⁴, так и коренного населения, объединённых едиными универсальными ценностями, зафиксированными в американской Конституции.

В Европе мультикультурализм был направлен на равноценное сосуществование в одной стране разных этнических групп с разными идентичностями для их постепенного слияния в гомогенную общность. Австралийский мультикультурализм главное внимание переносил на обеспечение конституционных прав с акцентом на права социальные, не выделяя при этом конкретные этнические меньшинства и отстаивая право самостоятельного выбора культурной идентичности. Канадская модель нацеливалась на сохранение расовой и этнической специфики меньшинств в рамках культурных автономий.

Страны Юго-Восточной Азии обеспечивают культурную безопасность специфическими, отличными от западной стратегии методами. Мультикультурной политики как таковой здесь практически нет, хотя сам термин «мультикультурализм» присутствует в политических и общественных дебатах. Провести параллели с западной моделью мультикультурализма крайне сложно хотя бы в силу того, что в азиатских странах не существует чёткого категориального деления групп населения. Многие региональные движения в Азии не стремятся, как на Западе, к национальному самоуправлению, а местные племена вполне могут быть недавними «пришельцами» и не иметь исторических прав на эту землю. Иммигранты вообще находятся на положении гастарбайтеров и не рассматриваются властями в качестве «будущих граждан»²⁵⁵.

Всё большее распространение получает концепция «конфуцианских ценностей», сформулированная профессором Гарвардского университета этническим китайцем Ту Вэй-мином. К числу таких ценностей он относит сильное централизованное правительство, берущее на себя ответственность за благополучие и стабильность в обществе; обычаи и ритуалы, способству-

²⁵³ Малахов В.С. После мультикультурализма...

²⁵⁴ Актуальные проблемы Европы // Иммигранты в Европе: Проблемы социальной и культурной адаптации / под ред. Т. Г. Пархалиной. М.: РАН. ИНИОН, 2006. С. 99.

²⁵⁵ Kymlicka W., He B. Multiculturalism in Asia. New York: Oxford Univ. Press, 2005. P. 243.

ющие формированию общественной добродетели и морали; семью, транслирующую ценности от одного поколения к другому; гражданское общество, выступающее посредником между частными и публичными сферами общественной жизни; образование, «которое должно стать гражданской религией общества», а также зависимость качества жизни всего общества от уровня самосовершенствования каждого его члена²⁵⁶. По мнению Ту Вэй-мина, придерживаясь конфуцианских ценностей, народы Юго-Восточной Азии смогли бы «научиться думать одновременно глобально и локально», обеспечить «присутствие традиций в процессе модернизации»²⁵⁷.

В наиболее консервативно настроенных азиатских странах (Пакистан, Афганистан, Иран) культурная безопасность предполагает запрет на использование всего западного. Ведётся активная критика западной культуры и пропагандируется собственная, национальная культура. К сожалению, такой подход часто становится ширмой для прикрытия своих политических амбиций и не способствует установлению реальной безопасности.

Подходы разные, но при этом единственное, что не ставится под сомнение, – это культурные границы, т.е. сохраняется примордиалистский подход к культуре. Группа мигрантов «естественно» связывается с иной (чужой) культурой, а группе в целом приписывается «несуществующая гомогенность»²⁵⁸. То есть культура рассматривается как достояние того или иного этноса и в процессе коммуникации идёт ориентация в первую очередь на этноконфессиональные признаки. А значит «чужой» – это прежде всего представитель другой этнической группы или религиозной конфессии, чей образ жизни кардинально не совпадает с традициями и образом жизни основных культурных групп региона. Главную трудность в этом случае представляет мнение, что этнически различные индивиды не могут принадлежать одной культуре. Как результат появляется идеологический артефакт “identity wars” (войны по поводу идентичности).

Достичь желаемой идентичности возможно через утверждение в социуме искомым норм и ценностей. Однако принимающее общество не может обеспечить такую идентичность для всех иммигрантов. Тогда проблему пытаются решить с помощью культивирования культурных традиций (настоящих или придуманных). В этом случае всегда существует опасность подмены глубинной идентичности внешними симулякрами, а финансовая поддержка государства отдельных этнокультурных групп только усиливает разобщённость общества. Такой подход можно считать одним из главных недостатков мультикультурной политики по причине противоречия обязательной (даже в некоторых случаях навязанной) групповой идентичности принципу равенства индивидуальных возможностей. В этом случае социальные льготы «слабым» оборачиваются дискриминацией «сильных», т.е. государственная поддержка

²⁵⁶ Мигунов Н. И. Конфуцианский путь Ту Вэй-мина // Век глобализации. 2014. № 1. С. 14.

²⁵⁷ Там же.

²⁵⁸ Воронков В. Мультикультурализм и деконструкция этнических границ // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / под ред. В. С. Малахова и В. А. Тишкова. М., 2002. С. 41.

потребностей этнических групп и демонстрация этноконфессиональных отличий сводят на нет социальную интеграцию.

Конструктивным направлением политики мультикультурализма можно назвать попытку выравнивания «степени риска» для большинства и меньшинства. В этом случае государство либо не помогает ни одной из групп населения, либо помогает всем. Однако современное национальное государство является слишком крупным объединением, чтобы сохранять целостность идентичности гомогенного общества. Поиск того, что объединяет (или может объединить) группы представляется более конструктивным подходом, чем выявление и подчеркивание различий, а «культурная дистанция», как и идентичность, не является «статичной данностью»²⁵⁹, она меняется под влиянием процессов адаптации и интеграции; социальных трансформаций и взаимодействий. Она и должна меняться, ибо «ненормально, когда идентичность застывает, не реагируя на вызовы времени»²⁶⁰. Каждый человек несёт сегодня «целый портфель идентичностей»²⁶¹ и пользуется ими по мере необходимости. Граница между «коренным» населением и мигрантами далеко не так очевидна, как это представляется. Многие местные жители «такowymi не являются, поскольку их предки когда-то сами сюда иммигрировали»²⁶². Восприятие, усвоение и адаптация другого культурного опыта может быть стимулом порождения новых культурных форм, и здесь мультикультурализм, объединяющий в себе «и плод, и сорняк», представляет «разнообразие и множество»²⁶³, т.е. становится гетеротопным. Здесь кроется и решение проблемы, и опасность, когда чрезмерное акцентирование различий нарушает культурную безопасность.

Удачи или провалы на пути включения новых членов в общество зависят от множества объективных и субъективных факторов, важнейшими из которых становятся занятость или безработица, уровень образования, наличие у выходцев из мигрантской среды необходимой профессиональной квалификации, достойное жилье, отсутствие явной или скрытой дискриминации в доступе к рабочим местам и т.д. Если эти проблемы не решены, то ни о какой безопасности говорить не приходится. Не поможет даже мультикультуралистская риторика.

Нуждаясь в рабочей силе, индустриальные общества открыли «двери» мигрантам развивающихся стран, которые в своём большинстве являются носителями иных культурных идентичностей, стереотипов и моделей поведения. Такая разность в принципе не способствует формированию единой общности. Многие приезжие не говорят на языке принимающей страны и не выражают стремления его учить. В определённых районах национальные языки даже становятся основными, а владение ими оказывается дополнительным

²⁵⁹ Малахов В. С. Интеграция иммигрантов: концепции и практики. М. : Мысль, 2015. С. 17.

²⁶⁰ Федоров В. Российская идентичность и вызовы времени. М. : ВЦИОМ, 2013. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2014/2014-02-19-ros_identichnost.pdf.

²⁶¹ Там же.

²⁶² Малахов В. С. Интеграция иммигрантов... С. 29.

²⁶³ Мамонтова В. А. Мультикультурализм: разнообразие и множество // Интелпрос. 2007. № 2. С. 4.

основанием для приёма на работу в муниципальные учреждения (это характерно в основном для США и стран Западной Европы).

Действенного механизма инкорпорирования такого Чужого в общество пока не существует и даже пространственная близость мигрантов не гарантирует их полного принятия в группу или сообщество и не является показателем «внутреннего статуса, гражданства или членства в культуре»²⁶⁴.

Общество не может быть стабильным, не конструируя культурную идентичность у своих граждан, которая включает такие измерения, как государственная (национальная) идентичность; политическая (идеологическая) идентичность; территориальная идентичность; религиозная идентичность; этническая, социальная идентичность и т.д. Конструирование идентичностей происходит в пространстве отношений власти, господства и доминирования. Идентичности не только отражают реальность, но и порождают её, обеспечивая для индивидов определённые системы. Поэтому мультикультурное (поликультурное) общество должно прежде всего исходить из признания индивида гражданином определённой страны.

Действительно, в последнее время в странах Европы наблюдается либерализация законов о гражданстве, хотя и ужесточаются правила въезда. Сокращается срок постоянного проживания, необходимый для ходатайства о гражданстве, вводятся элементы «права почвы» для детей мигрантов. В положительную сторону меняется отношение к двойному гражданству и даже вводится избирательное право на выборах в местные органы власти для неграждан, легально проживающих в стране.

Признавая равенство всех культур, мультикультурализм все-таки исходил из наличия двух составляющих: доминирующей культуры и культуры «меньшинства». Баланс между этими культурами по идее должен был открывать каждой возможность свободного выбора в реализации своего культурного потенциала («люди делают, что хотят, и становятся теми, кем хотят быть, стоит им только пожелать этого»²⁶⁵). Однако возникает множество вопросов: какую культуру следует считать доминирующей и почему; какими должны быть отношения между доминирующей культурой и культурой меньшинства; кто к кому должен приспосабливаться; как относиться к традиционным «пережиткам» иммигрантов; считать ли эти «пережитки» культурным наследием? В условиях, когда любая культурная практика, любой образ жизни (кроме фашизма и расизма) одинаково достойны уважения и любая точка зрения признается равноправной с другими и имеет право на существование, вряд ли возможно найти ответы на эти вопросы. Зато такой подход чреват нарушением стабильности общества и может привести к его распаду на ряд взаимно изолированных «этнокультурных» сообществ, между которыми крайне сложно будет найти точки «соприкосновения».

²⁶⁴ Ilcan S. Social spaces and micropolitics of differentiation: an example from Northwestern Turkey // *Ethnology*. 1999. Vol. 38, № 3. P. 248.

²⁶⁵ Moghaddam F. M. *Multiculturalism and Intergroup Relations: Psychological Implications for Democracy in Global Context*. Washington, DC : American Psychological Association, 2007. P. 5.

Это можно представить как совокупность множеств, образованных по разным признакам (этничность, гендер, социальное положение и т.д.) и расположенных на одном уровне, а роль государства в этом гетеротопном пространстве заключается в упорядочивании множеств – определении правил взаимодействия как между ними, так и внутри них. «Культура» же здесь выполняет своеобразную компенсаторную функцию: социальные группы, лишённые власти, наделяются качеством носителей «особой культурной идентичности», что, в действительности, ничего не меняет в их реальном положении, хотя в рамках такого множества все входящие в него группы уравниваются в правах. В этом и проявляется компенсаторный характер мультикультурализма, главной задачей которого в данном случае является снятие основных институциональных и других барьеров, препятствующих полному и равному участию всех граждан в жизни общества.

Особо надо отметить право западного человека по своему выбору быть одновременно частью нескольких множеств, что делает последние пересекающимися. Такая горизонталь как бы подтягивает тех, кто в рамках доминирующей культуры находится в невыгодном положении, без ограничений их прав и утраты их отличительных особенностей. Это могут быть не только этнические меньшинства, но и другие группы (инвалиды, женщины, секс-меньшинства и т.д.).

Однако встает вопрос: какой человек считается интегрированным? В США, например, интегрированным считается человек, у которого есть работа, нормальное жильё, нет сегрегации в расселении (не создаются анклавов по этническому признаку), он платит налоги и т.д. Этнические же и конфессиональные маркеры являются сугубо личным делом каждого. Даже язык принимающей страны можно знать (или не знать вовсе) в известных пределах: везде двуязычие – в одних штатах это китайский и английский, в других – это испанский и английский и т.д.

В Европе и России подход к интеграции несколько другой. Здесь существует «огромное количество бюрократических структур, которые занимаются интеграцией, и масса чиновников, которые получают деньги за то, что решают эту задачу»²⁶⁶. Большое значение придаётся культурной стороне данного процесса: в какую церковь ходит иммигрант, какую музыку слушает, какую кухню предпочитает, как ведет себя, как общается с окружающими? То есть местное население оценивает приезжих не столько с профессиональной стороны, сколько с точки зрения нежелательных соседей по причине их «другости», «инаковости». Например, по результатам опросов местного населения многих российских городов (прежде всего Москвы и Петербурга) можно сделать однозначный вывод о низкой оценке квалификационных возможностей приезжих. Многие местные жители считают, что мигранты нужны только как рабочая сила на улицах (дворники, уборщики мусора и т.д.) и обслуживающий

²⁶⁶ Малахов В. С. После мультикультурализма: Европа и ее иммигранты.

персонал в магазинах, кафе, офисах²⁶⁷. Большинство же вообще склоняется к тому, что мигранты не нужны вовсе (37,5 %)²⁶⁸.

Такое отношение находит своё подтверждение в изданном на русском, киргизском, таджикском и узбекском языках «Справочнике трудового мигранта» (2011), где приезжие изображены в образах малярной кисти, валика, шпателя и кисточки²⁶⁹ (очень милых, но всё же инструментов), для которых прописаны подробные инструкции, как себя вести, куда обращаться в случае возникновения проблем, чего остерегаться (например, ВИЧ-инфекции). Даются полезные советы относительно норм поведения в Санкт-Петербурге (чисто и опрятно одеваться, уступать место женщинам, детям, снимать головной убор в помещении). Указано и то, чего нельзя делать (шуметь в ночное время, везде носить национальную одежду или спортивный костюм, особенно с классическими туфлями, выходить на улицу в домашнем халате, плевать, мусорить и т.д.²⁷⁰). Сделано это с целью объяснить чуждую для приезжих социальную среду. Но главное – чётко указать, что цель каждого приезжего – вернуться домой здоровым и невредимым. Иными словами, даётся понимание, что трудовые мигранты приехали в чужую страну временно, на заработки, но не навсегда. Поэтому логично завершает брошюру-комикс итог трудовых подвигов иностранных строительных инструментов, которые делали ремонт бабушке. Заработали много денег и возвращаются домой, а счастливые питерцы ликуют, провожая гостей на самолет.

В.С. Малахов называет это «иллюзией временности»²⁷¹, т.е. допущением, что тот, кто приехал и живёт в чужой стране длительное время, находится временно и обязательно вернётся туда, откуда приехал. Это хорошо отражает слово «гастарбайтер», временный рабочий. Конечно, не все настроены столь критично. Сорок процентов опрошенных соглашается с фактом проживания и работы приезжих, но подчёркивает необходимость их адекватного поведения²⁷².

С целью укрепления культурной безопасности в Москве в 2017 г. для мигрантов был подготовлен сборник рекомендаций в виде комиксов по поведению в российской столице²⁷³. С правилами приезжих знакомят герои русских сказок: три богатыря, Снегурочка, Василиса Премудрая, Купава, Кашей Бессмертный и др. Памятка состоит из четырех глав и приложения со справочной информацией. Она ориентирована прежде всего на нелегальных мигрантов. Им объясняется, как нужно получить миграционную карту, регистрацию и патент на работу. Цель данного текста – повышение уровня правовой грамотности среди мигрантов, снижение напряжённости среди москвичей и

²⁶⁷ Нужны ли России мигранты? URL: <https://www.pravda.ru/society/how/defendrights>.

²⁶⁸ Мукомель В. И. Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // Мир России. 2016. № 1. С. 47.

²⁶⁹ Справочник трудового мигранта. СПб : Взгляд в будущее, 2011. 48 с.

²⁷⁰ Там же. С. 37–40.

²⁷¹ Малахов В.С. Интеграция мигрантов: концепции и практики. С. 64.

²⁷² Нужны ли России мигранты?

²⁷³ Власти Москвы подготовили для мигрантов сборник рекомендаций по поведению в российской столице. URL: <http://echo.msk.ru/news>.

внутри среды мигрантов, а главное – успешная интеграция мигрантов в российское общество. Не учтён только факт, что приезжие, плохо знающие язык, мало что поймут в предлагаемой книжке. Более того, возможно эта брошюра даже вызовет противодействие и нарушит и без того хрупкий баланс.

Жить в мире культурной гетеротопии, где постоянно происходит диффузия культур, достаточно проблемно. И понятно желание спрятаться за надёжными защитными механизмами своей культуры. Именно поэтому иммигранты стараются как можно дольше сохранить привычный образ жизни. Тем не менее, опыт показывает, что невозможно «на чужой почве»²⁷⁴ сохранить свою культурную идентичность, она в любом случае деформируется и превращается «в некую версию культуры страны происхождения»²⁷⁵. Очень наглядно это демонстрирует пример афроамериканской культуры. Конечно, вывезенные из Африки рабы имели свои традиции, но последние были многообразны, а языки – непохожи друг на друга. В Америке чернокожие создали особую культуру, составленную из «кусочков» африканских, европейских, североамериканских, индейских традиций. Именно здесь «африканцы стали «черными», а европейцы – «белыми»»²⁷⁶.

Закрытые пространственные общины иммигрантов представляют собой вызов, и хотя у западных стран к середине XX в. уже имелся определённый опыт по выработке механизмов адаптации приезжих, столкнувшись с массовой миграцией из стран Азии и Африки, принимающие общества признали неэффективность прежних методов. Даже американское, канадское и австралийское общества, успешно решающие задачу по инкорпорированию «чужого» в социум, сегодня вынуждены были отказаться от прежних ассимиляционных методик адаптации приезжих, которые уже не соответствовали новым условиям. В Европе же мультикультурализм был адресован мигрантам и только им. Поэтому мультикультурный дискурс был «ничем иным, как символической компенсацией низкого социального статуса»²⁷⁷, а именно: работа 3D (dirty, dangerous, difficult – грязная, опасная, тяжёлая) и жильё оставляют желать лучшего, но сам иммигрант уважается «как носитель *инаковости*, представитель другой культуры, другой цивилизации»²⁷⁸. Именно это позволяет перенести социальную проблематику на морально-культурный уровень осознания и перетолкования идентичности.

Однако «культурализация проблематики миграции»²⁷⁹, перевод всех вопросов в план культуры и их политизирование опасно. Ошибочно отождествлять социальные различия с различиями культурными, этнизируя общественные конфликты. Зато это позволяет «закрывать» глаза на структурные проблемы современных обществ, выдвигая на первый план проблемы «куль-

²⁷⁴ Europe – a new immigration continent: Policies and politics in comparative perspective / ed. by P. Thranhardt. Hamburg : Lit, 2012. P. 150.

²⁷⁵ Там же. P. 151.

²⁷⁶ Appliah K. A. The Multiculturalist Misunderstanding. New York : New York Review of books, 1997. P. 148.

²⁷⁷ Малахов В. С. После мультикультурализма...

²⁷⁸ Там же.

²⁷⁹ Там же.

турные», а вопросы совместного проживания индивидов и групп – как проблемы диалога культур (или культурного конфликта). Между тем границы между местными и приезжими пересекаются и даже размываются в ходе коммуникации. Чаще это происходит на индивидуальной основе, когда приезжий в результате коммуникации «сглаживает» черты, отделяющие его от принимающего населения, не подчеркивает свою «другость» и начинает восприниматься как «свой», ну или хотя бы перестаёт приниматься как «чужой», становясь «иным».

Размываться границы между пришлыми и местными могут только на коллективной основе. В ходе коммуникации формируются социокультурные признаки, одинаково ценные мигрантам и местному населению. Этому способствует и билингвизм, который в своё время успешно практиковался в СССР. Сегодня же именно нежелание учить язык принимающей страны превращается в одну из главных проблем коммуникации и обостряет и без того непростую ситуацию в отношениях с мигрантами.

В.С. Малахов считает, что границы между местными и приезжими могут смещаться, что демонстрируют попытки «переопределить национальную идентичность». Это связано с конструктивистскими действиями по сохранению ядра идентичности неизменным с целью избежать «размывания»²⁸⁰. В условиях нестабильности меньшинства часто позиционируют себя обиженными и притесняемыми, а большинство выставляется агрессивным и захватническим. В такой ситуации именно «культурный аргумент» как раз и становится одним из «провокаторов насилия»²⁸¹, хотя большая часть противоречий, возникающих по линии «мигранты – местное население», связана с проблемами социального плана: борьбой за рабочие места, жильё, за определённые привилегии и т.д.

Вызовы российской идентичности

Своя система мышления – вещь неплохая,
но если за нее все время цепляться, можно
и лоб расшибить. Не те сейчас времена.
*Харуки Мураками*²⁸²

Определение собственной культурной идентичности для России является острой проблемой, обсуждаемой в течение как минимум последних трёх столетий. Россия – это сложный микст различных паттернов, мозаично проявляющихся в её культурном ландшафте, поэтому российскому человеку достаточно сложно подобрать необходимую идентичность.

²⁸⁰ Малахов В. С. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М. : Новое лит. обозрен., 2014. С. 83.

²⁸¹ Борисов А. А. Мультикультурализм // Мультикультурализм и этнокультурные процессы в меняющемся мире / под ред. Г. И. Зверевой. М., 2013. С. 18.

²⁸² Мураками Х. Дэнс, дэн, дэнс. С. 315.

Современные вызовы российской идентичности сложны и определяются многими факторами. Это, прежде всего, распад СССР, повлёкший, с одной стороны, пробуждение национального самосознания россиян, а с другой, нанёсший травму российскому самосознанию, так как «императив единства и целостности России всегда был важнейшим элементом российской идентичности»²⁸³. Исходя из этого, современными Вызовами российской идентичности можно назвать:

- обращение в прошлое, а не в будущее;
- концентрация внимания на угрозах, а не на возможностях;
- опора на «особый путь» и официальная «политика памяти»²⁸⁴.

В России этническая пестрота, обусловленная огромной территорией, природными различиями, политикой государства в отношении разнородного населения, существует веками, и общая идентичность жителей страны обеспечивалась сначала подданством царю и православием, а затем советским патриотизмом. Исторически на территории России подразумевалась русская государственность, поэтому и жители воспринимались как «русские», этничность же проявлялась преимущественно на бытовом уровне.

В эпоху империи слово «русский» означало лояльность трону и культурную (прежде всего, конфессиональную) идентификацию. В той мере, в какой подданные считали себя «верными трону» и принимали православие, они считали себя «русскими». Так, «русскими» в ту пору были Бенкендорф, Багратион, Витте и многие другие. Однако сегодня наблюдается совершенно иная ситуация. Термин «русский» за годы советской власти приобрёл устойчивые этнические коннотации (в первую очередь это фиксация национальности в паспорте). В 1990-е гг. категория «этничность» активно использовалась для политических целей. Поэтому сегодня различие индивидов по этническому признаку настолько устоялось, что другое значение не воспринимается. Тем не менее, существует так называемый «русский проект», нацеливающий на достижение культурной гомогенизации и заключающийся в возвращении слову «русский» сверхэтнического значения. Это стратегия построения культурной безопасности на основе ассимиляционной политики. Однако в нынешних условиях данный проект выглядит утопически.

Процесс присоединения земель сопровождался ассимиляцией и освоением «местных» культур и новых пространств, накладывая их одно на другое. В таком способе освоения земель заключается специфика российского общества: как правило, заселение происходило в форме малочисленных поселений, где бок о бок жили славянские и неславянские народы. Численное превосходство и отсутствие опасности гибели этноса привели к тому, что именно русские с лёгкостью воспринимали чужие обычаи, естественным образом включая в собственное культурное пространство элементы жизни других народов, заключали межнациональные браки. Такая максимальная открытость приводила к интересному феномену, который исследователи опреде-

²⁸³ Федоров В. Российская идентичность и вызовы времени.

²⁸⁴ Там же.

ляют как «невывявленность характерных этнических черт», «стертость этнохарактера»²⁸⁵, «размытая идентичность».

Пространственный фактор во многом определил российскую поликультурную модель, где под эгидой Центра сосуществуют пересекающиеся гетеротопные пространства с особыми этническими историями, разной конфессиональной принадлежностью, отличающимся уровнем хозяйственного развития, спецификой бытовой культуры и т.д. Население подобных гетеротопных пространств становится носителем различных идентичностей (этнической, региональной, общероссийской), что открывает возможности для трансгрессии на уровень наднациональной / надэтнической идентичности и «региональной самоидентификации людей разных национальностей»²⁸⁶. Такой подход отразился в проекте создания единой общности «советский народ», что действительно позволило на тот момент укрепить культурную безопасность страны.

С распадом советской системы государственной власти происходит возврат на уровень этноидентификации, так как фактор «этничности» становится практически единственным эффективно функционировавшим институтом. Проблемы культурного самоопределения, обострившиеся в эпоху «перестройки», как правило, сводились к самоопределению этническому, что облегчило бывшим советским республикам выход из состава СССР.

Распад СССР нанёс «тяжелейшую травму российскому самосознанию, заставив почувствовать свою неполноценность»²⁸⁷. Территория России, крупнейшего государства на Земле, всегда была предметом гордости народа, а потому любая территориальная потеря наносила удар по безопасности страны и воспринималась очень болезненно. Более того, события 1990-х гг. поставили вопрос о существовании России как самостоятельного государства и до предела обострили проблемы культурной безопасности.

Сюда добавляется и новая проблема – Россия вступила в «ту колею, в которой наши соседи и конкуренты находятся уже более полувека»²⁸⁸. Миграционные волны этого периода можно условно сравнить с историей заселения США: первоначально шло активное вытеснение русского населения из отделившихся республик в Россию, затем появились беженцы с Кавказа и, наконец, трудовая миграция из стран Средней Азии, Молдавии, Украины. Кроме того, можно говорить о приезде в Россию на заработки выходцев из стран Азии (преимущественно Китая, Вьетнама, Кореи) и Африки (часто это студенты, нежелающие возвращаться на свою родину). Нельзя сбрасывать со счетов и так называемый «транзит» из Азии через Россию в Европу.

«Первая волна» миграции отличалась незначительной культурной дистанцией, так как приезжими оказывались в основном жители постсоветских республик, обучавшихся в советских образовательных учреждениях и обла-

²⁸⁵Костина А. В., Гудима Т. М. Культурная политика современной России: соотношение этнического и национального. М. : ЛКИ, 2007. С. 42.

²⁸⁶Там же.

²⁸⁷Федоров В. Российская идентичность и вызовы времени.

²⁸⁸Малахов В. С. Интеграция мигрантов: концепции и практики. С. 9.

дающих общей системой знаний с населением России. Главное в этом было то, что все они прекрасно знали русский язык, вследствие чего адаптационная способность таких мигрантов была гораздо выше, чем способность к интеграции приезжих из Азии и Африки. Они, по сути, не были чужими, скорее – иными, потому что определённая культурная дистанция всё-таки имела место, однако их шансы вписаться в российское общество были достаточно велики.

Со временем, по мере национальной консолидации постсоветских республик, «молодое поколение усвоило собственные этнические коды, которые начали «окрашиваться» в национальные цвета»²⁸⁹, поэтому такие мигранты, замкнутые на себя посредством своего языка и культурных символов, всё труднее входили в принимающее общество и всё чаще использовали защитные механизмы своей культуры, создавая пригодную почву для межэтнических столкновений. Не способствовал культурному диалогу и низкий образовательный уровень иммигрантов, особенно плохое знание (или вообще незнание) русского языка.

Многих аналитиков беспокоит «способность российской нации абсорбировать миллионные потоки мигрантов из Центральной Азии»²⁹⁰. Россия только недавно стала практиковать использование труда гастарбайтеров, поэтому в российском обществе отсутствует согласие «не только относительно необходимости интеграции мигрантов, но и относительно необходимости самой иммиграции»²⁹¹.

До 2014 г. основными миграционными донорами России являлись страны Средней Азии, в 2015–2016 гг. события на Украине превратили эту страну в основного «миграционного донора» России. В 2016 г. роль Украины в миграционном балансе несколько снизилась, зато восстановился баланс с Узбекистаном и Таджикистаном²⁹². Среди мигрантов из Средней Азии (внешняя миграция) и Северного Кавказа (внутренняя миграция) сильно выражен элемент автономности и дистанцированности не только от принимающего общества, но и по отношению друг к другу. Страхи вторжения «иного», «чужого» заставляют рассматривать «других» как «чужеродных, незваных гостей»²⁹³, что ещё больше увеличивает «этническую дистанцию» и нарушает культурное равновесие.

Трудности адаптации иммигрантов пересекаются с проблемами собственной идентичности в постсоветском пространстве. У России просто не оказалось действенной политики собственной идентичности. Образ Запада как модели для подражания быстро оказался дискредитированным, поиск

²⁸⁹Хлыщева Е. В. Культурное многообразие: граница между «своими» и «чужими» // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. № 2 (39). С. 283.

²⁹⁰Федоров В. Российская идентичность и вызовы времени.

²⁹¹Там же. С. 54.

²⁹²Малева Т. М. 2016: социально-экономическое положение населения- продолжающийся кризис или новая реальность? URL: <http://www.ranepa.ru/images/News/2017-05/24-05-2017-insap-issledovanie.pdf>.

²⁹³Рыбаковский Л. Л. Трансформация миграционных процессов на постсоветском пространстве. М. : РАН. Ин-т соц.-полит. исслед., 2009.

альтернативной модели привёл к проекту «Россия встаёт с колен», который довольно быстро сменился на представление о России как «энергетической сверхдержаве». Далее была предложена концепция «суверенной демократии»²⁹⁴, а сегодня на уровне власти говорят о «патриотизме и народности»²⁹⁵. Такие поиски способствовали возрождению интереса к идеям «особого пути» для концептуализации постсоветской «русской идентичности». Это не лишено оснований, потому как большинство россиян действительно уверены, что российская действительность «отличается и всегда будет отличаться от западной, поэтому российская демократия должна соответствовать специфике страны»²⁹⁶. В этом наглядно просматривается размытая идентичность. Парадокс заключается в том, что, будучи уверенным, что «мы – не такие», россиянин не может сказать, а какие именно. Недаром весь «русский интеллектуальный дискурс, как минимум с XIX века, пронизан непримиримым спором именно на эту тему – существует ли “особый русский путь”»²⁹⁷.

Россия – это очень сложная гетеротопия, где этнокультурное пространство пересекается с территориальным и временным. Находясь территориально между Европой и Азией, Россия мыслит себя по-евразийски как самобытную территорию с глубинным смыслом и статусом: «ни Запад, ни Восток, но вещь-в-себе»²⁹⁸. На таком пересечении образуется особое пространство, жители которого являются носителями поликультурности, проявляющейся в синтезе своих и чужих культурных паттернов. Налицо культурная трансгрессия – прежняя идентичность (советская) была дискредитирована, а новую ещё не нашли. Отчасти поэтому, несмотря на поиски общенациональной идеи, идентификация по признаку «мы – россияне» представляет собой аморфное и абстрактное понятие. В настоящий момент в официальной риторике сосуществуют два дискурса – «интеграция (в мировую цивилизацию) и уникальность (Россия как цивилизация)»²⁹⁹. Оба используются в зависимости от ситуации.

Даже проблема «свой – чужой» проявляется в России специфично. Культурное противостояние идёт не по религиозному или этническому принципу, а по принципу «свой», как представитель традиционно проживающего на данной территории этноса, вне зависимости от его религиозной принадлежности, и «чужой», вновь прибывший. При этом «культурно далеких» переселенцев, сумевших удачно «вписаться» в порядок принимающей страны,

²⁹⁴ Концепция В. Суркова, основанная на представлении о России как демократическом государстве, но с собственной национальной спецификой, была принята как официальная партией «Единая Россия», но после мирового экономического кризиса вышла из употребления.

²⁹⁵ Путин В. В. Патриотизм – это национальная идея России. URL: <http://polytika.ru/info/57623.html>.

²⁹⁶ Федоров В. Российская идентичность и вызовы времени.

²⁹⁷ Травин Д. Теории особого пути России: классики и современники : препринт М43/15. СПб : Европейск. ун-т в Санкт-Петербурге, 2015. С. 64.

²⁹⁸ Хренов Н. Русская культура на перекрестке Запада и Востока // Перекрестки культур. Аспекты изучения. 2013. № 3–4. С. 111.

²⁹⁹ Малахов В. С. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. С. 66.

перестают замечать, а «культурно близких», не интегрировавшихся в жизнь сообщества, игнорируют и пытаются от них избавиться»³⁰⁰.

Любой регион России – это сложная гетеротопия с множеством идентичностей. «Старые» этнические группы, исторически проживающие на этой территории, хоть и различаются по своему языку, культуре, «стажу» проживания в крае, но, так или иначе, живут бок о бок на протяжении столетий. За это время сложились общие традиции внутрикультурного взаимодействия, и было установлено динамическое равновесие между ними. Это пример открытой гетеротопии. Сегодняшние иммигранты далеки от традиций, сложившихся в крае, поэтому воспринимаются населением как «чужие». Это закрытая гетеротопия. Ситуация становится аналогичной происходящему в Западной Европе, где встречаются разные культурные миры, не готовые идти на контакт друг с другом.

Аналогично мигрантам на Западе, в России этнические общности различаются и в отношении профессиональных предпочтений. Приезжие из Азербайджана, Дагестана, Чечни более мобильны в социальном плане, чем местное население, поэтому активно заполняют ниши, образовавшиеся в условиях рыночной экономики. В строительстве особенно востребованы таджики и узбеки, готовые трудиться за гроши. Основная часть приезжих с Кавказа реализуют себя в торговле, создавая при этом довольно замкнутые и малопроницаемые для взаимодействия с внешней средой сообщества. Такая «обособленность и конфликтность придают кавказским общинам полумаргинальный статус»³⁰¹, а добровольная сегрегация таких этнических общин чаще всего является «осознанной стратегией адаптации к принимающему обществу»³⁰², демонстрирующей низкий уровень готовности к интеграции с местным сообществом.

Так же, как и в западных странах, проблемой для России является нелегальная миграция в основном из среднеазиатского региона, Украины и Молдовы. Большинство мигрантов прибывает в поисках работы, однако официальными приглашениями располагает лишь незначительная часть.

Ещё одна достаточно специфичная черта России, осложняющая культурную безопасность, – сезонная миграция (в основном из Вьетнама, Северной Кореи, Средней Азии, Украины и Молдовы), когда временные сезонные работники весной и летом едут в Россию на работу в основном в сельском хозяйстве и строительстве, а осенью возвращаются домой. По примерным оценкам, в южных и центральных регионах России только таджики и узбеки

³⁰⁰ Малахов В. С. «Скромное обаяние расизма» и другие статьи. М. : Дом интеллект. Книги : Комров, 2001. С. 158.

³⁰¹ Разгонникова Н. В. Исследование проблем миграции с Северного Кавказа в Астраханскую область: социальные и экономические факторы адаптации (на материале социологического опроса) // Сборник научных работ аспирантов и студентов ВАГС. Волгоград, 2015. Вып. 11. С. 137.

³⁰² Мукомель В. И. Грани интолерантности (мигрантофобия, этнофобия) // Социологические исследования. 2005. № 2. С. 59.

составляют 75–80 % от общего числа мигрантов сезонных мигрантов³⁰³. Такая миграция имеет ряд негативных последствий для принимающих стран: наблюдается рост теневой экономики, формируются замкнутые этнические анклавы, происходит отток денежных средств из страны. В то же время нагрузка по обслуживанию таких мигрантов и членов их семей ложится на местные учреждения социальной сферы (образования, здравоохранения). В российских школах резко увеличивается количество учеников – детей мигрантов. При этом одна из главных проблем заключается в том, что единой государственной программы социокультурной интеграции, системы языковой адаптации детей мигрантов к условиям жизни в новой для них российской среде нет. Между тем, политика интеграции должна учитывать не только конъюнктурные, но и долгосрочные вызовы. С учётом проблемы второго поколения мигрантов становится очевидным, что если не обращать внимания на социализацию детей мигрантов, России грозит столкнуться с проблемой «трудных кварталов», с которой уже столкнулись страны Западной Европы. И особенное внимание должно уделяться политике интеграции детей гастарбайтеров, родители которых слабо адаптированы к социальным реалиям принимающего общества.

Кроме того, укреплению культурной безопасности препятствует ряд внешних и внутренних факторов: приграничное положение большей части российских территорий, неадекватная оценка миграционной ситуации и мигрантофобия, и как результат – «широкая распространённость этнических фобий, сопровождающаяся консервативностью общественного сознания на фоне относительно низкого уровня развития гражданского общества»³⁰⁴.

В отличие от западных стран, в России даже статус «национального меньшинства» имеет устойчиво негативные коннотации, что объясняется отчасти тем, что выбор этнической идентичности не был результатом культурного самосознания индивида, а совершался в результате административных решений, что фиксировалось записью в паспорте и оформлением прописки. Нация в России воспринимается не как сообщество граждан (как, например, во Франции), а как культурно-политическая (часто этническая) целостность. Поэтому мы говорим о существовании под крышей одного государства различных наций³⁰⁵, вместо того, чтобы говорить о «единой нации россиян, объединённых общим прошлым и будущим».

В российском контексте понятию «этнос», которое тождественно понятию «народ», придаётся культурный смысл, а группе в целом приписывается несуществующая «гомогенность», и в процессе коммуникации идёт ориентация в первую очередь на этнические признаки чужого.

³⁰³ Рязанцев С. В. Трудовая миграция из Центральной Азии в Россию в контексте экономического кризиса. 2016. URL: <http://www.globalaffairs.ru/valday>.

³⁰⁴ Назарова Е. А. Особенности миграционных процессов в южных регионах России // Социологические исследования. 2006. № 6. С. 75.

³⁰⁵ Малахов В. С. Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / под ред. В. С. Малахова, В. А. Тишкова. М., 2012. С. 46.

Серьезную трудность для культурной безопасности представляет дискретность российского пространства и несовпадение региональных границ с этническими и культурными. Теоретически Россию можно рассматривать в нескольких ипостасях: как часть Европы, часть Азии и, наконец, как Евразию. Индивиды могут по факту своего рождения относиться к одной этногруппе, но не разделять её культурной самости или, наоборот, будучи отличным по этнической принадлежности, принадлежать к одной культуре. Это выводит на новый уровень идентичности – транскультурный (на пересечении культурных границ), но на бытовом уровне такая идентичность не одобряется. Поэтому проблема интеграции стоит значительно шире, чем простое включение в сообщество иммигрантов, и касается интеграции полиэтничного населения в целом. Это дорога со встречным движением.

Но и этим сложности в пространстве культурной безопасности не исчерпываются. Будучи имперским по своей сути, российское самосознание не принимает основные либеральные ценности, «опираясь на которые можно модернизировать страну»³⁰⁶, а именно:

- важность сменяемости власти на альтернативной основе;
- ценность разделения властей;
- ценность прав меньшинств и прав человека в целом;
- ценность открытости миру, который воспринимается скорее как источник угроз, а не возможностей»³⁰⁷.

Именно поэтому В.Г. Федотова характеризует сегодняшнюю Россию как «традиционное общество, которое частично модернизировано, частично разрушено»³⁰⁸. При этом традиционная, современная и разрушенная части не изолированы друг от друга, а существуют совместно и одновременно. Россия – страна, которая по целому ряду параметров не вписывается в образец «национального государства» Западной Европы. Россия является в «гораздо большей мере полиэтничной (многонациональной), чем даже самые неоднородные в этническом отношении европейские государства»³⁰⁹. Но главное – то, что не решён вопрос, чем является современная Российская Федерация – «нацией, союзом народов (с русским народом как государствообразующим), империей (пусть и с приставкой пост-)»³¹⁰. Это отражается на стратегии (или её отсутствии) культурной безопасности и на выборе идентичности и проявляется прежде всего в отношениях к мигрантам из бывших советских республик. То есть «националистический дискурс не соответствует имперскому сознанию»³¹¹.

Российская культура не является механическим соединением отдельных этносов и конфессий. Она представляет собой результат взаимодей-

³⁰⁶ Федоров В. Российская идентичность и вызовы времени.

³⁰⁷ Там же.

³⁰⁸ Федотова В. Г. Модернизация «другой» Европы. М.: Прогресс-Традиция, 2015. С. 114.

³⁰⁹ Малахов В. С. Интеграция иммигрантов: концепции и практики. С. 10.

³¹⁰ Там же.

³¹¹ Там же. С.11.

ствия и трансформации различных этнических элементов, поэтому носит над(сверх)этнический характер. Здесь просматривается не ассимиляция, а скорее «взаимная трансформация всех этноконфессиональных элементов, входящих в российский культурный универсум»³¹². В постсовременном социокультурном пространстве одной из важных тенденций становится выход за рамки оппозиции «традиция – современность», когда элементы традиционной национальной культуры или образа жизни взаимодействуют и смешиваются с чертами современности. Это так называемая «постсоветская идентичность», в основе которой лежит выход за грань традиции, трансгрессия, ведущая к созданию новой гетеротопии и требующая особой стратегии культурной безопасности.

Мультикультурализм умер, да здравствует политика культурного разнообразия

Мультикультурализм как «способ обращения с новоприбывшим населением»³¹³ полагает институализацию различий на государственном уровне. При этом происходит определённая социализация проблемы, т.е. иммигранты воспринимаются уже не как индивиды, а как «социальный тип» (группа, коллектив). Такие коллективы или группы образуются по разным признакам: этничность, гендер, социальное положение и становятся объектами поддержки и спонсирования со стороны государства, роль которого заключается в упорядочивании гетеротопного пространства – определении правил взаимодействия как между культурными множествами, так и внутри них. В этом плане мультикультурализм нацелен на поддержание культурной безопасности, целью которой является интеграция и внутренняя стабильность поликультурных и полиэтничных обществ.

Однако стремление к контролируемой интеграции приводит к «патерналистским практикам по отношению к мигрантам, которые блокировали их реальную интеграцию»³¹⁴. А если учесть требование обязательного сохранения иммигрантами своей культуры и передаче традиций из поколения в поколение, то становятся понятным причины появления искусственных границ между меньшинствами, усиливающих их замкнутость. Понятно, что общенациональная идентичность от этого укрепляться не будет.

В мультикультуралистском видении сама культура превращается в эфемерный феномен, который всё время ускользает, меняется. Однако сторонники мультикультурализма видят неисчерпаемые возможности для исследования особенностей речи, акцента, костюмов, не озадачиваясь вопросом смысла. Поэтому чаще всего за словосочетанием «культурные различия» идёт описание каких-либо частных, носящих индивидуальный харак-

³¹² Малахов В. С. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций.

³¹³ Малахов В. С. После мультикультурализма: Европа и ее иммигранты.

³¹⁴ Там же.

тер. Интересно, что если использовать именно такой подход, то действительно эти частности могут характеризовать культуры как абсолютно равные. Но с таких же позиций можно уверенно сказать, что мультикультурализм выступает на этнобытовом уровне, иногда даже сосредотачивается на уровне «гастрономическом», где культура рассматривается как «мир личных пристрастий и игры вкусов»³¹⁵, что удачно связывается с идеей свободного самовыражения личности. В этом русле мультикультурная политика рассчитана на решение частных проблем, которые не несут решения главной проблемы культурной безопасности.

Уже первые результаты политики мультикультурализма были неоднозначными: с одной стороны, можно говорить об изменении общественного климата и утверждении толерантного отношения к «другому», с другой – вместо гражданской консолидации мы получили расслоение общества по этнокультурному признаку. В итоге мультикультурализм явил политику различий, которая «объединяет эгалитарную риторику с упором на аутентичность и отказ от западного универсализма»³¹⁶, а также «модернизм и антимодернизм одновременно»³¹⁷, что подчеркивает различия на основе этнических и расовых признаков.

В таком направлении мультикультурализм признан тупиковым проектом. Достаточно быстро стала понятна его нереализуемость и непрактичность, ведь «чем больше иммигрантов, тем больше потенциальных претендентов на статус меньшинства»³¹⁸. Да и группы меньшинств в реальности не гомогенны, а гетеротопны: внутри каждой группы можно выявить достаточно большое множество подгрупп.

Но самым весомым аргументом для отказа от мультикультурализма становится его дороговизна. Например, к середине 90-х гг. XX в. выяснилось, что уровень безработицы среди мигрантского населения Европы и США в среднем в три раза выше, чем среди местного населения, а среди молодежи – ещё больше³¹⁹, а платить пособие по безработице нужно всем. Нехватка же денег во всех случаях провоцирует социальное напряжение и рост правого популизма.

В начале 2000-х гг. стал заметен отход от плюрализма к ассимиляционизму (чаще употребляется термин «интеграция»), обусловленный кризисом welfare state (государства всеобщего благосостояния). Признаётся, что мультикультурная политика в западных странах – «тема в высшей степени дискуссионная»³²⁰, не способствующая на данном этапе укреплению культурной безопасности, а вызвавшая дестабилизацию и рост ультраправого популизма, позиционирующего миграцию исключительно в образе угрозы: «государ-

³¹⁵ Ceaser J. Multiculturalism and American Liberal Democracy // Multiculturalism and American Democracy / ed. A. Melzer, J. Weinberger, M. R. Zinman. Lawrence : Univ. of Kansas Press, 1998. P. 145.

³¹⁶ Banks M. Ethnicity: Anthropological Constructions. London – New York, 1997. P. 181.

³¹⁷ Haddock B., Sutch P. Multiculturalism, Identity and Rights. New York : Routledge, 2003. P. 19.

³¹⁸ Малахов В. С. После мультикультурализма...

³¹⁹ Там же.

³²⁰ Banks M. Ethnicity: Anthropological Constructions. P. 175.

ству всеобщего благосостояния», безопасности, идентичности, т.е. происходит «культурологизация» миграционной проблемы, которая воспринимается как проявление нежелания мигрантов интегрироваться.

Иными словами, защищая равенство всех культур и сохранность их культурных традиций, мультикультурализм вместо интеграции стал символом сегрегации. В 1990-х гг. политику мультикультурализма стали сворачивать, а в 2010–2011 гг. европейские страны от неё полностью отказались. Осталось только одно государство, в котором термин «мультикультурализм» не исчез из употребления. Это Канада. В других государствах, в частности США, этот термин употребляется скорее для обозначения самого факта культурной неоднородности, чем как обозначение политики. В странах либеральной демократии сегодня вместо мультикультурализма чаще всего используется термин «политика культурного разнообразия»³²¹.

Тем не менее, мультикультурализм вызвал определённые преобразования в обществе, направленные на укрепление государственной идентичности. Так, в странах Европы вводятся обязательные курсы интеграции (ранее они не были обязательными), на которых знакомят с конституцией страны, её историей, правилами поведения и т.д. И только после успешно сданного теста на интеграцию можно подавать документы на получение гражданства. Заслуживают внимания меры «символического характера»: запрет на ношение «демонстративных» религиозных символов в публичных школах во Франции (2004), запрет на строительство минаретов в Швейцарии (2009), запрет на появление в публичных местах в никабе во Франции и Бельгии (2010–2011).

Для включения мигрантов в жизнь принимающего сообщества, разрабатываются специальные учебные программы для детей, плохо знающих язык страны, вводятся дополнительные занятия. Кроме того, учебные программы в полной мере отражают растущее культурное разнообразие (хотя в этих программах появляется отказ от *white man burden*³²² – «бремени белого человека»). Законодательство против дискриминации по этническому или религиозному признаку существует во всех принимающих странах. В то же время можно отметить либерализацию законов о гражданстве, хотя это сопровождается ужесточением правил въезда. Сокращается срок постоянного проживания, необходимый для ходатайства о гражданстве, вводятся элементы «права почвы» для детей мигрантов. Большинство стран Европы начинает более лояльно относиться к двойному гражданству. Вводится избирательное право на выборах в местные органы власти для неграждан, легально проживающих в стране. Демократичные законы не запрещают открывать религиозные школы (иудейские, протестантские, католические, индуистские, исламские) и гарантируют соблюдение конституционных прав и свобод.

³²¹ Малахов В. С. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. С. 83.

³²² Сойсал Я. «Космополитизация» нации и гражданина: европейская дилемма // Государство, миграция и культурный плюрализм в современном мире / под ред. В. С. Малахова, В. А. Тишкова, А. Ф. Яковлевой. М. : ИКАР, 2011. С. 215.

В повседневной жизни культурное многообразие заметно прежде всего в вестиментарной (джелаб, хиджаб, тюрбан и т.д.) и алиментарной культуре (халяльные мясобойни, магазины халяльной и кошерной пищи, этнические кафе и ресторанчики и т.д.). Повсеместно проводятся широкомасштабные фестивали этнических культур, изучается их специфика. В Великобритании даже существует возможность проведения погребальных обрядов по индуистскому образцу.

Такую гетеротопию правомерно назвать «гетеротопией перехода», так как создается особое пространство, направленное на разрушение традиционной идентичности и создание новой, которую можно условно назвать транскультурной.

Современный человек должен обладать множеством разных идентичностей, что служит гарантией культурного диалога. Восприятие, усвоение и адаптация другого культурного опыта является мощным стимулом порождения новых культурных форм, а этническая идентичность является «ситуативным явлением, которое во многом зависит от свободной воли личности»³²³ и может меняться в течение жизни. «Человек со множеством идентичностей легче адаптируется в обществе, лучше понимает людей из различных культурных групп, более толерантен к культурным различиям, не относится предвзято»³²⁴. Тем не менее сегодня большая часть людей первичной считает все-таки этническую идентичность, которую каждый индивид несёт с собой всю жизнь, чётко зная, какая этническая культура ему ближе, пусть он даже по воле обстоятельств живёт в другом месте. Поэтому для лучшей адаптации претендент на гражданство в любой стране обязан владеть языком принимающего общества на уровне «достаточном для общения в устной и письменной форме в условиях языковой среды»³²⁵.

Такая гетеротопия становится маркером, указывающим направление развития общества с точки зрения культурной безопасности. И даже неважно, что многое, кажущееся на первый взгляд итогом мультикультурной политики, в реальности оказывается результатом прагматических соображений. Во Франции, в местах компактного проживания евреев, школы по субботам закрыты, а дети из мусульманских семей во время рамадана учатся по желанию (если не хотят, то ничего не пишут) и т.д. Если цель – включить мигрантов в жизнь принимающего сообщества, то приходится идти на определённые компромиссы, т.к. если сегодня не позаботиться о детях мигрантов, то через какое-то время они будут представлять серьёзную проблему. Да и этнические ниши часто создаются в интересах работодателей, которым выгодно использовать дешёвую (часто нелегальную) рабочую силу, не выплачивая соцпакет, не делая пенсионных отчислений и т.д. Результатом становится структурная

³²³ Тишков В. А. Идентичность и культурные границы // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1997. С. 32.

³²⁴ Дмитриев Г. Д. Многокультурное образование. М., 1999. С. 16.

³²⁵ О гражданстве Российской Федерации : Федеральный закон от 31.05.2002 N 62-ФЗ (послед. ред.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36927/.

маргинализация мигрантов, артикулируемая как проявление нежелания мигрантов интегрироваться. Такой подход особенно популярен в России, где миграционные потоки привели к серьёзным изменениям в этнодемографической и социокультурной ситуации, вызвав усиление конфликтов именно социального плана, которые «окрашиваются» в национальные цвета.

Кроме того, сторонники российского мультикультурализма предлагают использовать эту модель для создания «единого евразийского пространства, на котором воздвигнется геополитическое государство, противостоящее как «атлантизму», так и «европеизму»³²⁶, которое будет базироваться на многообразии этнических сообществ, а инициативу создания новой модели возьмет на себя русский народ»³²⁷. Предполагается, что именно политика мультикультурализма даст России ряд преимуществ в общении с западными странами, которых настораживает образ «славянской православной державы». Получается достаточно искажённое видение самой сути мультикультурной модели.

В.С. Малахов считает, что в России если и существует, то так называемый «автохтонный мультикультурализм»³²⁸, направленный на интеграцию исторических меньшинств, проживающих в Татарстане, Якутии, на Северном Кавказе и др. На всех этих территориях законом гарантировано право на образование на языке той или иной национальности, сохранение культурных традиций и т.д. Сегодня задача усложнилась: в связи с иммиграцией остро встала необходимость приспособить друг к другу «новое население» и местных жителей. Миграционный процесс будет продолжаться, поэтому в России неизбежны поиски общероссийской идентичности как основы для разработки и внедрения стратегии культурной безопасности.

По мнению К. Бута (Уэльская школа), важно не только выживание, но и наличие свободы выбора³²⁹. Это также относится к культурной безопасности. А мультикультурализм, возведённый в идеологию, блокирует демократический плюрализм, подменяя гражданское общество совокупностью конкурирующих друг с другом «культурных сообществ». Установка на использование национальных чувств для достижения тех или иных политических целей может привести к абсолютно непредсказуемой и иррациональной волне национализма, а чрезмерная ориентация на этничность ущемляет права личности, что расценивается как угроза культурной безопасности.

Будучи включённой в современный гетерогенный мир, личность вынуждена выстраивать коммуникативную компетенцию в транскультурном русле с «новыми культурными взаимодействиями, космополитической рефлексией мира и заявленным голосом пограничья»³³⁰. Это «состояние виртуальной

³²⁶ Дерябина С. Р. Россия и опыт мультикультурализма: за и против // Этнопанорама. 2005. № 1–2. С. 15.

³²⁷ Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. 2008. URL: <http://derzava.com>.

³²⁸ Малахов В. С. Миграционной политики у нас нет. 2017. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/03/23/migrant/>.

³²⁹ Booth K. Theory of World Security. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2007. P. 326.

³³⁰ Мальковская И. А. Многоликий Янус открытого общества... С. 192.

принадлежности одного индивида многим культурам»³³¹, новая сфера культурного развития за границами сложившихся национальных, гендерных, профессиональных культур. Появляется пространство «надкультурного» творчества, приводящее к трансгрессии границ этнических, профессиональных, языковых и других идентичностей на новый уровень. Это не связано с переменной географического места жительства, миграцией. Ведь можно, покинув географическое место своей культуры, «до конца жизни остаться пленниками её языка и традиций»³³², а можно попасть в зависимость от иной, новообретённой культуры. Лишь меньшая часть, приобщаясь к двум или нескольким культурам, сохраняет свободу от каждой них. В этом и проявляется культурная безопасность.

Транскультура приобретается на выходе из своей культуры и на перекрёстах с чужими. В этом случае транскультурный мир – это культурная гетеротопия и единство «тех возможностей, которые не были реализованы в существующих культурах»³³³.

Вообще проблематика интеграции мигрантов в гетеротопном пространстве многомерна. Здесь важно соотношение культурных и структурных факторов. С точки зрения административного фактора, интеграция – результат усилий специальных социальных учреждений. Политический фактор проявляется в проблеме установления коммуникативного диалога мигрантов с индивидами и группами местного населения. Немаловажная роль отводится культурным аспектам интеграционных процессов. Долгое время полагалось, что именно культурная дистанция становится непреодолимым препятствием на пути интеграции приезжих. Однако В.С. Малахов полагает, что «культурная дистанция не есть проблема сама по себе»³³⁴, она становится проблемой в результате неудачи в интеграции.

Культурная дистанция не статична. Она может быть совсем небольшой по приезду мигрантов и увеличиться, если будут трудности социального плана. Мигранты остаются чужими для местного населения, но и для «своих» они уже «не совсем свои». В этом случае мы говорим о гетеротопии перехода. Иными словами, Малахов считает основным источником таких явлений, как самоизоляция, геттоизация, анклавизация мигрантов «объективные осложнения в ходе интеграции»³³⁵. Люди переезжают в другую страну не для того, чтобы «пестовать там свою культурную идентичность. Если же они на новом месте избирают такую стратегию поведения, то объясняется эта стратегия прежде всего неснятой структурной дистанцией»³³⁶.

Тема интеграции мигрантов поднимается там, где с ней возникают проблемы. Когда в этой сфере всё нормально, подобные вопросы общество

³³¹ Berry E., Epstein M. *Transcultural Experiments: Russian and American Models of Creative Communication* (with Ellen Berry). New York : St. Martin's Press, 1999. P. 134.

³³² Berry E., Epstein M. *Transcultural Experiments...* P. 25.

³³³ Эпштейн М. *Философия возможного*. СПб : Алетейя, 2001. С. 242.

³³⁴ Малахов В. С. *Интеграция иммигрантов: концепции и практики*. М. : Мысль, 2015. С. 17.

³³⁵ Малахов В. С. *Интеграция иммигрантов: концепции и практики*. С. 18.

³³⁶ Там же.

не волнуют. Например миграции внутри азиатского, африканского и южноамериканского континентов составляют не менее трети всего потока глобальных миграций³³⁷, но эти процессы не сопровождаются публичными и академическими дискуссиями. Приезжающие постепенно вписываются в жизнь принимающего общества и адаптируются к нему. И совсем другое отношение к мигрантам в Западную Европу и США. Здесь проблематика инкорпорирования нового населения обсуждается и на телевидении, и в публичных дискуссиях, и в научных журналах.

Европейская идентичность – это идея общности европейской цивилизации, осознание совместной принадлежности к Европе, так же как и американская – это осознание принадлежности к США. Но у России обнаруживается «дефицит политики собственной идентичности, нацеленной на поддержание статус-кво против попыток радикального пересмотра баланса сил»³³⁸. Поэтому будущее «скорее пугает россиян своей неизвестностью, чем вдохновляет своими шансами»³³⁹. Дело прежде всего в том, что мигранты выстраивают сети взаимодействия поверх национально-государственных границ. В этом смысле они живут в «особом – транснациональном – пространстве»³⁴⁰. Тем не менее, именно государство является самым мощным «идентификатором», так как располагает символическими ресурсами, позволяющими «насаждать категории, классификационные схемы и способы социального подсчёта и отчётности»³⁴¹. Проблема самоидентификации отражает взаимодействие разных уровней идентичности. Именно такая разноуровневая идентичность демонстрирует наличие социального диалога и перспективы развития культурной безопасности.

Современный мир уничтожает привычное пространство, нарушая традиционные формы идентичности и ставя под сомнение субъективные ощущения самоидентичности человека и этносов, сформированные в рамках прежних традиций. Маркеры символических границ между «мы» и «чужие» специфичны для каждой страны. В США таким маркером является язык, в Западной Европе – религия, в России – этничность (как статусная и профессиональная характеристика, так и поведенческие, культурные различия).

Современная гетеротопия «выключает» субъекта из привычного образа жизни, заставляя его искать выход за гранью существующих норм. Происходит разрыв в преемственности, когда разрушение одного типа идентичности необходимо должно компенсироваться идентичностью другого типа. Отсутствие механизма преемственности идентичности сопровождается ощущением внутреннего дискомфорта и тревоги, реализующихся в формах замкнутости и усиления изоляционистских тенденций.

³³⁷ Данные “United Nations Population Division” за 2016 год. URL: <http://www.un.org/en/development/desa/population/>.

³³⁸ Межуев Б. «Остров Россия» и российская политика идентичности.

³³⁹ Федоров В. Российская идентичность и вызовы времени.

³⁴⁰ Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма: новая всемирно-политическая экономия. М. : Территория будущего : Прогресс-традиция, 2007. С. 37.

³⁴¹ Брубейкер Р. Этничность без групп. М. : ВШЭ, 2012. С. 67.

«Открытая» же идентичность хоть и зависима от традиционных, в том числе этнокультурных и конфессиональных факторов, меняет характер их воздействия. Традиции перестают быть жёстко фиксированными установками ценностей и стереотипов, становясь компонентом гетеротопного пространства, позволяющего индивиду приобщаться к бесконечному потоку образов и смыслов для построения образа собственного Я. И поскольку культурная безопасность есть «способность социума поддержать его уникальный характер в меняющихся условиях»³⁴², то трансформация традиционных идентичностей (изначально несовместимых), их синтез и переход на новый транскультурный уровень представляется важным направлением государственной стратегии по стабилизации и инновационному развитию современных обществ. Это и есть «сложно спланированная гетеротопия»³⁴³ с эффективно действующей стратегией культурной безопасности.

³⁴² Bigo D. Sécurité(s): Intérieure et Extérieure: le Ruban de Möbius... P. 24.

³⁴³ Foucault M. Of Other Spaces // Diacritics. 1986. Vol. 16, № 1. P. 25.

ГЛАВА 4

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА СЕМЬИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Семья – это общество в миниатюре, от целостности которого зависит безопасность всего большого человеческого общества.

Ф. Адлер

Семья – это общечеловеческая универсалия, которая отражает все тенденции и изменения, происходящие в современном многополярном обществе. Любые трансформации, происходящие в культуре, политике, экономике государства, неизменно сказываются на изменениях, происходящих в системе социальных, культурных и семейных ценностей общества, и, соответственно, становятся фактором, влияющим на трансформацию института семьи в целом. Будучи одним из самых древних институтов человеческого общества, семья, тем не менее, остаётся также неотъемлемой частью каждого отдельно взятого индивидуума. Поэтому каждая семья единственна в своём роде и имеет свои уникальные особенности, присущие только ей. Возможно, именно эта особенность института семьи и делает его столь привлекательным для изучения философов, культурологов, социологов, педагогов, психологов, а также учёных многих других областей знаний. «Семья, играя роль ячейки общества, является зеркалом, в котором отражаются социальные, правовые, демографические, культурные стороны жизни народов. Множество семей разных социальных слоёв и страт составляет в целом общество и отражает сложную палитру системы общественных отношений»³⁴⁴.

О том, что семья представляет собой микромодель общества, отражая его особенности, тенденции развития, изменения и проблемы, в научном дискурсе говорят уже давно. Известно, что развитие института семьи и прогресс культуры – явления, тесно связанные друг с другом. Любые достижения человечества в процессе развития цивилизации находят своё отражение в семье, которая, в свою очередь, хранит и передаёт устои, традиции, моральные нормы, нравственные принципы и иные ценности, важные для человеческого общества. В духовном смысле семья – это одна из основ социокультурного развития цивилизации, которая принимает непосредственное участие в формировании морального и нравственного облика индивидуума. Во многом это участие осуществляется в процессе развития супружеских отношений, а также взаимоотношений между родителями и детьми и наоборот.

Значимость семьи как универсального культурного концепта сложно преувеличить. Это всеобъемлющая ценностная категория, представляющая аксиологическую универсалию для любой культуры и цивилизации, объеди-

³⁴⁴ Любарт М. К. Семья во французском обществе: XVIII – начало XX века. М. : Наука, 2005. С. 9.

няющая множество параметров, таких как общность и сплочённость, покровительство и, конечно, безопасность.

Таким образом, в аспекте проблем социальной и культурной безопасности институт семьи может стать и объектом изучения, и инструментом, позволяющим отследить трансформации, происходящие как в институте семьи, так и в культурной и социальной жизни общества и государства.

Семья – это своего рода микромодель общества, на примере которой можно выявить основные тенденции и изменения, которые претерпевает социум в определённый период развития. Имея постоянные характеристики, такие как универсализм, семья всё же остается уникальной в каждом отдельно взятом случае и непрерывно меняется, проходя сложный путь развития. С древних времен человек стремился к объединению с сородичами, создавая родоплеменные сообщества, поскольку известно, что существование в абсолютном одиночестве немислимо не только для человека, но и многих других живых существ на нашей планете. Сегодня понятие семьи включает в себя не только её традиционное понимание вроде «большой дружной семьи», в которой в тесном контакте и под одной крышей уживаются несколько поколений, есть мама и папа, а также один или несколько детей, но также множество новых форм семьи, такие как однополые браки с детьми и без детей, неполные семьи, в которых детей воспитывают мать-одиночка либо отец-одиночка, семьи, где роль родителей выполняют бабушки и дедушки, и, наконец, семьи, которые добровольно отказались от рождения детей в пользу материальных, духовных и иных ценностей. При всём этом можно с уверенностью сказать, что семья продолжает сохранять наивысшую ценность и охраняется обществом, культурой, религией и государством. Оставаясь универсальной ценностью и будучи вариативной одновременно, семья, как и в древности, является ориентиром для подавляющего большинства мужчин и женщин.

Национальная значимость семьи в концептосфере любой культуры подтверждается целым рядом исследований данного концепта. Понятие семьи – это всеобъемлющая ценностная категория для представителя любой нации и является «супер-» или «гиперконцептом» для языкового и культурного сознания любого народа, объединяющим в себе множество концептов и фреймов. Можно обозначить целый ряд универсальных ценностных параметров, определяющих концепт «семья» в любой культуре. Такими характеристиками являются сплочённость, солидарность, любовь и уважение всех членов семьи друг к другу, защита, покровительство, значимость деторождения и продолжения рода, преемственность поколений и уважение к старшим.

Рассматривая данный концепт в контексте проблем безопасности, мы будем говорить о семье, прежде всего о пространстве семьи, т.е. в первую очередь обратим внимание на коннотацию концепта, отражающую пространственные отношения. Мы рассмотрим не только традиционные формы семьи, привычные для российского и западного национального самосознания, но также выделим некоторые новые формы семьи, отражающие современные тенденции в процессах трансформации института семьи как неотъемлемой составляющей процесса развития общества. Мы также попробуем соотнести

понятие нетрадиционной семьи с понятием «гетеротопия», рассмотрев основные признаки гетеротопного пространства, описанные М. Фуко, в контексте пространства семьи. Условно обозначив нетрадиционную форму семьи как «гетеротопную семью», мы поразмышляем, насколько такая «другая» семья может считаться безопасной для её членов и для общества в целом, так же как традиционная семья является и индикатором и гарантом национальной, социальной и культурной безопасности.

Семья как ценностная универсалия

Концепт «семья» в русском национальном сознании. Русское национальное сознание воспринимает концепт «семья» как один из важнейших в культурной традиции народа. Для русского человека семья всегда являлась средоточием основных жизненных ценностей, параметром счастья и показателем достатка. Прототипом семьи как всеобщего представления об этом концепте в понимании русского человека является группа людей, связанных друг с другом родственными отношениями и живущими вместе. В понятие родства при этом входят не только кровные родственные связи (родители и дети), но также юридическое оформление отношений (женитьба и замужество). Таким образом, семья всегда ассоциируется с совокупностью людей.

Понятие семьи неразрывно связано с понятием «дом», которое у русского человека всегда ассоциируется с чем-то хорошим, добрым, тёплым. Это место, где человека любят и заботятся о нём, куда он может прийти с любой своей проблемой, не боясь осуждения и непонимания. Это то пространство, где русский человек ощущает себя в безопасности. С количественной и качественной сторон концепт «семья» в русском языке весьма масштабен. Именно для русского менталитета характерно присвоение признаков концепта «семья» большому кругу людей, и именно для русского человека ценны большие группы, входящие в состав семьи. Вот почему чаще всего понятие «семья» замещается равнозначным для русского менталитета понятием «дом» (например, Дом Романовых).

Таким образом, в русском менталитете неперенным атрибутом семьи является дом, очаг, т.е. место, где вся семья проживает. Только в этом случае группа людей, находящихся в родственных отношениях друг с другом, имеет право называться «семьей», после чего и все члены семьи, и само их место проживания начинает именоваться домом. Надо отметить, что важно не только присутствие дома как здания или какой-либо постройки в материальном понимании этого слова, но также важно психологическое осознание того, что это место, куда всегда можно прийти, где всегда примут и поймут, где можно обрести спокойствие и почувствовать безопасность.

Этот психологический аспект наделяет русский концепт семьи ещё одной особенной национальной специфической чертой – приоритет общего над индивидуальным, и это, надо отметить, довольно отчётливо проявляется в отношении русского человека к семье, как своей собственной, так и к семье

в целом как институту. Семья – это определённый регулирующий инструмент, удерживающий человека от нежелательных поступков и действий, либо наоборот, то, что стимулирует человека на выполнение каких-то действий по отношению к ней или к окружающему обществу. В понимании русского человека семейный человек не может называться свободным человеком, это тот, кто постоянно должен считаться с интересами своих родных, а его жизненная позиция должна коррелировать с традициями, целями и ценностями его семьи.

Не менее важным элементом концептосферы «семья» в российском менталитете является понятие общности хозяйства и совместных материальных ценностей. Совместное ведение хозяйства, или общность быта, при этом вовсе не обусловлены общим местом проживания. Это связано с тем, что до недавнего времени для русского человека было характерно проживать в коммунальной квартире или общежитии, а здесь, как известно, речь об общем хозяйстве не ведётся.

Очень характерным для русской женщины также является стереотип о том, что женщина должна быть замужем и иметь детей. Это ещё одна причина того, что значение термина «брак» (причём официальный брак) для русского сознания наряду с «родными» и «домом» является неотъемлемой частью коннотации концепта «семья». Чаще всего этот процесс для русского человека трактуется не как создание «отдельной ячейки общества», т.е. отделение дочери и сына от родительской семьи и создание отдельной новой, а как объединение двух родов. Вот почему вступление в брак в русском сознании – это не процесс отделения, сужения круга семьи, а, наоборот, расширение семейных границ.

Довольно важным фактором существования семьи для русского и западного менталитета является временной показатель, который выражается не столько в длительности существования отдельной семьи с момента заключения официального брака, сколько в длительности существования рода и смене поколений, т.е. в её истории и развитии. Общие признаки в семантике понятий «родство», «единый предок», «поколение», а также «существование во времени» позволяют выстроить синонимическую цепочку: семья – род – династия – фамилия – генеалогия – родословная. Родословная традиционно выстраивается в виде генеалогического древа, стволом которого является родоначальник данной семьи, а его крона – все родственники по крови, как близкие, так и дальние, жившие когда-то и живущие ныне. В то же время в отличие от семьи принадлежность к одному роду обусловлена только лишь родством по крови и не предусматривает обязательного присутствия межличностных отношений (в отличие от семейной организации).

Одной из граней концептосферы «семья» является понятие «фамилия». Это собственное имя, которое передаётся по наследству из поколения в поколение и является своеобразным символом продолжения рода. В русской семейной традиции принято передавать фамилию по мужской линии – от отца к сыну. Так же как и английское слово “family”, русское слово «фамилия» во вторичных значениях может интерпретироваться как «род», «семья»: например, «старинная фамилия» – имеется в виду старинный род, «фамиль-

ное поместье» – имеется в виду родовой поместье, «фамильное сходство» – семейное сходство.

Итак, мы видим, что в русской культуре концепт «семья» содержательно связан с целым рядом понятий, формирующих широкую концептосферу:

- понятия, участвующие в репрезентации хозяйственно-бытовой сферы: «хозяйство», «быт», «уют», «очаг»;
- понятия, определяющие семью как основу жизненного порядка: «дом», «брак», «дети»;
- понятия, отражающие преемственность какой-либо семейной грани: «род», «фамилия», «родословная»;
- понятия, отражающие пространственные отношения: «место», «дом», «безопасное пространство», «приход в семью», «уход из семьи».

Каждый аспект выражается в российской концептосфере семьи очень ярко и отчётливо, что делает её, с одной стороны, схожей с концептосферами понятия «семьи» в западной и восточной культурах, а с другой – по-своему уникальной, поскольку обретает двойственный характер. Это и альянсы, основанные на официальной регистрации отношений (что более характерно для Запада), и совокупность кровных родственников, не обязательно живущих вместе и знающих друг друга (что более свойственно представителю Востока).

Поскольку в русской культуре «семья» – это феномен, который ассоциируется с уютом, бытовым комфортом, который создаёт женщина, и надёжностью и безопасностью, которые создаёт мужчина, важной частью данного концепта становится понятие межличностных отношений. Межличностные отношения проявляются в особенностях взаимодействия членов семьи друг с другом, а также в том, как переживают свою сопричастность с семьёй и взаимосвязь друг с другом её члены. Участники семейных отношений воспринимают друг друга в качестве носителей не только определённых семейных ролей, функций, но и простых человеческих качеств, жизненных ценностей³⁴⁵.

В России семья – это концепт, вобравший в себя максимальное количество коннотаций, поэтому она воспринимается как последний оплот подлинной общности и коллективизма, который крепнет в благоприятных условиях (имеется в виду социальные, экономические, политические и т.д.). В российском обществе семья является олицетворением «мы», а «мы» выражает подлинную сущность коллективизма – фундаментальной ценности российского общества³⁴⁶.

Эта особенность семьи в российском национальном сознании делает институт семьи не только идентификатором социальной и культурной стабильности общества, уровня его социального и экономического развития, но также гарантом национальной, социальной и культурной безопасности.

Концепт семьи и западный менталитет. Интересно, что менталитет русского человека схож с представлениями о семье англичанина. Следует

³⁴⁵ Шапошникова Т. Е. Антропология семьи. Новосибирск : Наука, 2004. С. 53.

³⁴⁶ Ценности России: реальность и мифы. Ч. 1. URL: http://our-russia.ucoz.ru/publ/kultura_filosofija_religija/cennosti_rossii_realnost_i_mify_chast_i/2-1-0-295.

отметить эмоциональную близость в английском национальном сознании понятия “family” («семья») с понятиями “house” («дом», «здание») и “home” («дом», «очаг»).

Рассмотрим определения понятию “house”, которые даёт большой англо-русский словарь, а также контексты, в которых это понятие может употребляться в английском языке:

1. Дом (свой), семья; хозяйство; *house and home* – дом, очаг:

- *noisy house* – шумное семейство;
- *to receive smb into one’s house* – принять кого-л. в свою семью / дом;
- *to keep house with smb* – вести общее хозяйство с кем-л., жить совместно / одним домом / одной семьей с кем-л.

2. Домашние, домочадцы.

Другими словами, концепт «дом» выступает в значениях «строение», «крепость», «средоточие семьи», «семья» как таковая, «домочадцы». Это средоточие частной жизни, символом которого могло бы стать изображение большого ограждения или забора и лозунг: “My house is my castle” – «Мой дом – моя крепость».

По словам большинства коренных англичан, они любят путешествовать и часто это делают, однако находясь в трудной ситуации, никогда не оставят свой дом и не поедут в путешествие, «чтобы развеяться, собраться с мыслями». В сложные жизненные моменты для англичанина лучше находится дома, где комфортно и спокойно, где окружают близкие люди, на чью поддержку можно рассчитывать. Таким образом, понятие «дом» у англичан, так же как и у русских, неразрывно связано с понятием «семья», которые сливаются в единый фрейм концепта «дом» – “house – home – family”. Надо отметить, что при этом, в отличие от русского человека, внутрисемейные отношения англичанина скрыты от посторонних глаз настолько же глубоко, насколько скрыто за высокой оградой его жилище. Это связано с тем, что нуклеарная семья в английской культуре представляет собой замкнутый микромир, проникновение в который затруднено для постороннего человека. Вот почему английская семья часто противопоставляется обществу. В русской культуре понятие «семья» несколько шире: это муж с женой, их дети, бабушки и дедушки, братья и сестры. Эта особенность делает российскую семью схожей с итальянской.

Концепт «семья» в итальянской лингвокультуре ассоциируется у представителей этой нации с большим количеством людей, однако коннотация итальянского концепта значительно шире, чем коннотация концепта «семья» в русской культуре. Жители Италии в принципе считают всех членов своего государства одной большой семьей. Об этом свидетельствует постоянное упоминание так называемой “Grande Famiglia Italiana” («Великой Итальянской Семьи»), причём её важность подчеркивается написанием каждого слова этого словосочетания с заглавной буквы. «Великая Итальянская Семья» в лице государства оказывает серьезное влияние на отдельные семьи как составляющие части всей страны, а, следовательно, влияет и на каждого члена «малой семьи». Повышенный интерес итальянцев к семье и большое значение

института семьи в итальянском менталитете подтверждается также широкой распространённостью так называемых «семейных книг» по сравнению с другими странами, а значит, желанием выразить своё положительное отношение к семье, браку и всему, что связано с институтом семьи.

Ценностные ориентиры во французском менталитете в значительной степени отличаются от русского, английского и итальянского сознания: они смещены в сторону индивидуализма. Понятие «дом» в значении «семья» во французской концептосфере как таковое отсутствует. У французского человека «семья» чаще всего ассоциируется с неким обременением, а в ассоциативный ряд со словом «семья» в одном ряду у француза стоят такие понятия, как «гражданский брак» (что подразумевает абсолютную свободу от каких бы то ни было обязательств), «бракоразводный процесс» (понятие, наводящее на мысль о невозможности создания крепкой семьи), «жизнь холостяка» (т.е. полная свобода, отсутствие обременения, какой-либо ответственности)³⁴⁷. Вероятно, это связано с процессами изменения семейных устоев в современном французском обществе, которые связаны с прогрессивной индивидуализацией западного мышления, а также образа жизни европейской цивилизации в целом. Рамки семьи, так же как и в английском обществе, сузились до так называемой «нуклеарной» семьи, ставшей эталоном модели семьи традиционного типа с чётко определённым репертуаром отношений между супругами, организацией досуга и быта супругов и их детей. С точки зрения распределения обязанностей между супругами в традиционной французской семье, главной обязанностью мужа является финансовое обеспечение семьи, в связи с чем он освобожден от домашних обязанностей и является собой «принцип власти», за которым будет окончательное слово в случае необходимости принятия важного решения, в то время как жена должна заниматься домом и детьми и не должна работать³⁴⁸.

С 1960-х гг. французская семья начала претерпевать преобразования. Наиболее распространёнными тенденциями среди таких изменений стало значительное сокращение количества зарегистрированных браков, легализация «гражданского брака», упрощение процедуры бракоразводного процесса и, как следствие, снижение рождаемости, увеличение количества «неполных» и «повторных семей», а также роста количества людей, живущих вне брака³⁴⁹.

Таким образом, современная модель французской семьи отличается от традиционной, так как сегодня принятие ключевых решений – это не только прерогатива «сильной половины» человечества. Распространение женского наёмного труда, а также «завоевания» феминистского движения 1970-х гг. обусловили трансформацию супружеских отношений в более демократичную

³⁴⁷ Castells M. The Power of Identity. Oxford, 1997. P. 20–25.

³⁴⁸ Segalen M. Sociologie de la famille. Paris, 2006.

³⁴⁹ Современная семья во Франции // Семья в современном европейском обществе. 1997. № 4. С. 13–25.

сторону, и отныне для французской семьи, как и для многих современных западных семей, характерно гендерное равенство³⁵⁰.

Надо отметить, что общеевропейские процессы, связанные с потерей ценностных приоритетов семьи и брака вследствие распространения идей гендерного равенства, затронули и Италию, однако преобладание в менталитете итальянцев традиционных семейных ценностей способствовало тому, что эти процессы происходили там гораздо медленнее, чем во всей Европе. Большую роль в сохранении традиционных семейных ценностей в стране сыграла католическая церковь, а также юридические сложности бракоразводного процесса: в Италии развод был официально под запретом вплоть до 1972 г. Для итальянца «семья» ассоциируется с понятием «брак», однако чаще всего это понятие несёт в себе отрицательную коннотацию. Так, весьма распространён ироничный афоризм, посвящённый браку: "Matrimonio e' la Divina Commedia alla rovescia: prima il Paradiso, poi il Purgatorio, poi l'Inferno" (Аноним) – «Брак – это Божественная комедия наоборот: сначала Рай, затем Чистилище, а потом Ад».

В итальянской литературе также достаточно художественных произведений, посвящённых неблагополучному браку, что объясняется рядом факторов: довольно позднее разрешение на официальный развод по сравнению с другими странами, тяжёлые финансовые обязательства мужа после расторжения брака, а, следовательно, стремление сохранить брак даже в период тяжёлого кризиса семейных отношений, эмансипация женщин, изменение роли женщины в обществе и прочее³⁵¹.

В связи с этим в итальянском менталитете уже давно сформирован целый ряд моделей неблагополучного брака, например, брак-ловушка, когда кто-то из супругов вынужден был выйти замуж или жениться в силу каких-то обстоятельств; брак-делка, когда брак заключается по взаимовыгодному соглашению сторон; брак-презрение, когда супруги, вынуждены жить друг с другом, испытывая при этом взаимную неприязнь, или брак-разочарование, когда ожидания от брака не соответствуют действительности. Кроме того, подобные модели дополняются множеством деталей, связанных, например, с потерей индивидуальности вследствие брака, использование жены как вещи, отсутствие откровенности между супругами, отчуждение, утрата былой духовной связи между супругами, равнодушие. В то же время подобные изменения в той или иной степени затронули все европейские страны, и проблемы, перечисленные выше, могут касаться не только итальянской семьи, но также любой другой европейской или российской семьи. В то же время факт, что в Италии эти проблемы лежат на поверхности, их обсуждают и занимаются поиском их решения, говорит о том, что, несмотря на негативные изменения, происходящие в отношении семейного фактора во всём мире, не затронули существенно ту устойчивую систему традиционных семейных цен-

³⁵⁰ Singly F. de. Sociologie de la Famille contemporaine. Paris, 2005.

³⁵¹ Бутто О. Л. Репрезентация концептов «семья», «брак», «жена» в итальянской лингвокультуре. Краснодар, 2010.

ностей, формировавшихся в Италии столетиями. Вот почему и сегодня «большая дружная семья» и «прочный счастливый брак» остаются важной и неотъемлемой частью ментального мира итальянцев³⁵².

Отсутствие понимания семьи как «дома» во французском менталитете весьма успешно компенсируется трактовкой концепта как места, где реализуется понятие «общности хозяйства и совместных материальных ценностей». Среди французов, которые менее склонны вступать в брак с целью создания семьи, вполне характерно общее ведение хозяйства. Причём, в отличие от российского понимания такого гражданского брака, французы делают это с целью продолжения такого образа проживания в будущем, а не рассматривают это как «пробный вариант», что весьма характерно для российских пар. Во Франции рождение одного или двух детей зачастую не приводит к обязательной регистрации отношений, как это принято в России. Это связано с тем, что французское законодательство наделяло супругов, живущих в гражданском браке, теми же полномочиями и правами, что и зарегистрированные семьи. Что касается официальной регистрации брака, то для французов это скорее некая сделка, призванная породнить две семьи приблизительно одного круга с целью усиления её влияния в обществе, либо улучшения социального статуса одного из супругов. Во французском языке даже существует отдельная коннотация понятия «брак» – «la mésalliance» («мезальянс»). Интересно, что довольно часто именно мужчина был тем супругом, для которого официальный брак означал повышение его социального статуса. В связи с этим главенствования во французской семье как такового нет, а контроль разделяется в равной степени между обоими супругами так, что они оба несут ответственность за принятие важных решений после совместного обсуждения. В то же время существует некий перекосяк в различных бытовых сферах, например для мужа характерно чаще принимать принципиальные решения, касающиеся финансовых вопросов, для жены – хозяйственно-бытовых. Интересно отметить, что женщина во французском обществе уже достаточно давно стремится как можно дольше оставаться незамужней, желая сохранить свою независимость, построить карьеру, добиться определённого успеха в жизни. Это также подтверждает стремление представителя французского общества больше к индивидуализму, нежели к коллективизму.

Важным аспектом семьи в европейском обществе также являются межличностные отношения, однако это также не подтверждает склонность европейца к коллективизму. Например, в восточной культуре сам факт кровного родства обязывает налаживание доброжелательных межличностных отношений и неременную взаимопомощь в любых ситуациях в случае необходимости, даже если родственники по крови никогда не встречались. В противовес этому в западной культуре факт принадлежности к одному роду может не учитываться при выстраивании отношений. Во внимание не принимается даже тот факт, что члены одного рода могут обладать какой-то отличительной

³⁵² Barbagli M., Castiglioni M., Zuanna G. Fare famiglia in Italia. Un secolo di cambiamenti. Bologna : Il Mulino, 2003.

чертой, которая проявляется в физических или психических особенностях индивида (сила, выносливость, патологии), либо внешних данных (рост, телосложение, цвет волос, кожи и т.п.). Сходные черты по родству отражают словосочетания «печать рода», «родовой знак», «семейная черта», которые также характерны больше для восточной культуры. Род может также детерминировать наличие у человека определённого статуса, данного ему с самого рождения: аристократический род, дворянский, рабоче-крестьянский, из рода педагогов, врачей, династия моряков, художников.

Итак, с содержательной точки зрения концепт «семья» в западном лингвокультурном пространстве, также как и в российском, богат множеством трактовок, формирующих широкую концептосферу, которая, обладая похожими понятиями, имеет свои уникальные особенности:

- понятия, участвующие в репрезентации хозяйственно-бытовой сферы: «совместное хозяйство», «общий бюджет», «быт», «очаг»;
- понятия, определяющие семью как основу жизненного порядка: «совместное проживание», «брак», «дети»;
- понятия, отражающие преемственность какой-либо семейной грани: «род», «фамилия», «родословная»;
- понятия, отражающие пространственные отношения: «место», «общее пространство».

Если говорить о серьёзных культурных различиях между российским и западным менталитетом в трактовке концепта «семья», можно выделить две существенные различия. Первая заключается в реализации социальной роли семьи, а именно для русского человека – это стремление стать частью большой семьи (т.е. стремление к коллективизму) и, напротив, возможность отделиться от родной (кровной) семьи (т.е. стремление к индивидуализму) – для носителя западной культуры. Второе отличие – ценностное значение семьи. Если для русского человека семья – это больше оплот духовно-нравственных ценностей и моральных устоев и традиций, то для западного сознания ценность семьи носит больше прагматический характер: например, возможность объединить капиталы семей или улучшить социальный статус одного из супругов.

Семья и безопасность. Аксиома «Семья – ячейка общества» известна нам со школьной скамьи, и ценность института семьи кажется неоспоримой для любого общества. Однако исследователи продолжают задаваться вопросом, действительно ли для представителей современного общества ценность семьи находится всё на том же высоком уровне, что и много лет назад, и действительно ли семья сегодня – это всё тот же оплот духовно-нравственных и моральных устоев, надёжное место, где любят и понимают; пространство, в котором индивид чувствует себя в безопасности. Некоторые социологи бьют тревогу, демонстрируя результаты исследований, в которых говорится о том, что семья уже не несёт в себе ту ценность для современной молодежи, а многие современные тренды, например «чайлдфри», «дауншифтинг», «однополые браки» и пр., только подтверждают это.

Существует ряд социологических исследований, демонстрирующих факт, что значимость ценности «семья» на российском уровне соответствует европейскому уровню, либо находится на более низком уровне³⁵³. Примером служит распределение ответов на вопрос «Насколько для Вас важна семья?» в «Исследовании мировых ценностей» (“World Values Survey”), демонстрирующее, что ценность семьи в западных обществах также высока, как и в России или даже выше³⁵⁴. Но при более глубоком анализе выясняется, что это не совсем так: одно дело – отношение к своей собственной семье, какая бы она ни была (состоящая из супругов, родителей и детей или считая семьи и более дальних родственников), а другое – традиционное отношение к институту семьи в обществе. Здесь, как мы уже подробно описали, имеются существенные отличия в особенностях российского и, например, европейского социумов. Представляется, что уважение к институту семьи в обществе проявляется в отношении к так называемому гражданскому браку, разводам, содомии и пр.

В российском социуме гораздо ниже доля тех, кто когда-либо сожительствовал со своим партнером без заключения официального брака³⁵⁵. И это уже более глубокий показатель, чем просто вопрос об отношении к семье. Та же картина и с долей когда-либо разведившихся респондентов³⁵⁶, что также является свидетельством более высокой ценности семьи в российском обществе. Важно отметить существенную разницу к представителям сексуальных меньшинств, ориентацию которых либеральные западные социологи и прозападные российские исследователи считают «одной из трёх норм»³⁵⁷, а консервативные отечественные учёные зачастую объясняют деградацией института семьи³⁵⁸.

Постулат о ценности семьи в российском и западных обществах имеет разное наполнение с точки зрения преобладания ценности коллективизма. В первом случае (российское общество) семья – это общность, «мирок», в котором можно пережить трудности, спастись, сохранив самого себя и свои ценности, а во втором – это крепость, защищающая индивида от общества, от вмешательства в его частную жизнь. В то же время, несмотря на такие существенные различия, два принципиально разных понимания ценности семьи несут в себе одну схожую черту: семья в обоих случаях – это место, про-

³⁵³Магун В. С., Руднев М. Г. Изучение базовых ценностей россиян на основе Европейского социального исследования. URL: <https://www.hse.ru/data/326/183/1240/present.pdf> (дата обращения: 11.08.2017)

³⁵⁴URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (дата обращения: 11.08.2017).

³⁵⁵Семья и брак в 1989 и 2007 годах. URL: <http://www.levada.ru/2010/01/31/semya-i-brak-v-1989-i-2007-godah/>.

³⁵⁶Брак в России: вчера и сегодня. Пресс-выпуск 2807. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115214>.

³⁵⁷Мондимер Ф. М. Гомосексуальность. Естественная история / пер. с англ. Е. Володиной. Екатеринбург: У-Фактория. 2002. С. 124; Кочарян Г. С. Гомосексуальность: исследование Альфреда Кинси // Журнал психиатрии и медицинской психологии. 2009. № 2 (22). С. 134.

³⁵⁸Цукерман М. Гомосексуализм – болезнь, распространяемая СМИ. Ч. 1 // Realisti.ru. URL: <http://www.realisti.ru/main/homosexuality/gomoseksualizm-bolezn-smi.htm> (дата обращения: 08.11.2017).

странство, гарантирующее безопасность индивиду: физическую, культурную, ценностную, индивидуальную и т.д.

Посмотрим, сохраняется ли такая тенденция, согласно культурологическим и социологическим исследованиям за последние 5–10 лет.

Итак, 29–30 июня 2011 г. в Российском государственном социальном университете состоялся Московский демографический саммит, в котором приняли участие представители Русской православной церкви. По результатам работы была принята декларация, в которой заявлено, что семья является основной ячейкой общества и фундаментальной социальной ценностью, лежащей в основе существования мировых цивилизаций и всего человечества³⁵⁹.

Согласно этой декларации, семья характеризуется следующими признаками:

1. Союзом мужчины и женщины (подчеркнем особенность взаимодействия представителей разных полов).
2. Добровольностью вступления в брак (осознанное решение каждого из супругов).
3. Совместным проживанием супругов (дом, место проживания).
4. Ведением общего домашнего хозяйства (совместный быт, совместная экономическая деятельность).
5. Вступлением в брачные отношения с соблюдением процедуры общественного признания в виде государственной регистрации брака и / или соответствующего религиозного обряда.
6. Стремлением к рождению, социализации и воспитанию детей.
7. Нерасторжимостью брака – изначальными обоюдными намерениями супругов пожизненно быть вместе, несмотря на любые жизненные трудности (по крайней мере, на момент вступления в брак).

Мы видим, что общее понимание концепта «семьи» для современного российского общества существенно не изменилось.

Общественное мнение неоднократно тестировалось по вопросу отношения к семье, браку, детям и в целом понимания того, что есть семья в современном обществе.

17–18 августа 2013 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) провёл исследование о том, какую семью россияне считают идеальной. Были опрошены 1600 человек из 130 населенных пунктов, 42 областей, краев и республик России. Восемьдесят семь процентов респондентов считают, что идеальная семья – это взаимопонимание, поддержка, взаимная защита и уважение между членами семьи. То есть несмотря на те финансовые трудности, которые приходится преодолевать, россияне считают идеальной семью, основанную на принципах взаимной ответственности и понимания, в которой супруги готовы жертвовать личными интересами ради защиты интересов семьи³⁶⁰.

³⁵⁹ Декларация Московского демографического саммита «Семья и будущее человечества». URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1554221.html>.

³⁶⁰ Идеальная семья – 2016. Пресс-выпуск 3148. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115768>.

Мы также сравнили исследования, проводимые в мае 1989 г. по репрезентативной выборке 1766 жителей РСФСР в возрасте от 16 лет; исследования ноября 2007 г. по репрезентативной выборке 2000 человек в возрасте от 18 лет³⁶¹, а также исследования декабря 2014 г. Были опрошены 1600 человек из 132 населённых пунктов, 46 областей, краёв и республик России³⁶². Проанализировав итоги исследований можно сделать вывод, что со времени проведения первого исследования (май 1989 г.) ценности семьи и брака изменились незначительно.

На вопрос «Что на ваш взгляд, предпочтительней в наши дни: вступить в брак и жить в семье или в брак не вступать, жить одному (одной)?» предпочтительнее вступить в брак и жить в семье посчитали: в 1989 г. – 89 %, в 2007 г. – 82 % и в 2014 г. – 79 % населения. Несмотря на то, что количество людей, которые считают «предпочтительнее в брак не вступать», увеличилось с 4 % в 1989 г. до 12 % в 2014 г., видно, что несмотря на снижение ценности брачных отношений, население предпочитает жить в браке³⁶³. Мотивацией для вступления в брак и создания семьи в общественном мнении в России 2007 г. и в 2014 г. является, так же как и в СССР 1989 г., стремление воспитать детей, продолжить род – в 1989 г. – 57 %; в 2007 г. – 61 %; в 2014 г. – 60 %.

Иметь семью и детей по-прежнему воспринимается значительной частью россиян как нравственный долг каждого человека: 1989 г. – 25 %; 2007 г. – 22 %; 2014 г. – 23 %.

В 2014 г. ВЦИОМ представил данные социологического исследования о том, чему, по мнению россиян, должна больше уделять внимания женщина: карьере или семье. Результаты показали, что, несмотря на семейные, социальные проблемы, россияне считают: главное для женщины – семья, а не карьера. Семьдесят два процента опрошенных заявили: женщина должна отдать предпочтение дому и родным, а работу отодвинуть на второй план. Более четверти бездетных респондентов (27 %) порекомендовали женщине сосредоточиться на работе, тогда как среди участников опроса, имеющих детей, таковых было лишь 18 %³⁶⁴.

Мнение россиян разделилось при ответе на вопрос «Как рождение детей влияет на различные аспекты жизни?». Сорок пять процентов опрошенных согласны, что рождение детей ставит преграды на пути карьерного роста родителей, 48 % придерживаются противоположного мнения. То, что появление детей ограничивает свободу и возможность самореализации, считают 48 % участников опроса, 47 % респондентов не согласны с данным предположением. Кроме того, 53 % респондентов считают, что прибавление в семье

³⁶¹ Семья и брак в 1989 и 2007 годах.

³⁶² Брак в России: вчера и сегодня.

³⁶³ Семья и брак в 1989 и 2007 годах; Брак в России: вчера и сегодня.

³⁶⁴ Выбор женщины: карьера или семья? Пресс-выпуск 2533. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114735>.

³⁶⁴ Там же.

может негативно сказаться на её материальном положении, а 44 % опрошенных, в свою очередь, опровергают данное предположение³⁶⁵.

Однако в 2015 г. на вопрос «Что до 30-ти лет должен сделать современный мужчина?» 54 % мужчин и 58 % женщин считают – надо вступить в брак; 38 % мужчин и 41 % женщин ответили, что необходимо родить детей.

На вопрос «Что до 30-ти лет должна сделать современная женщина?» 75 % мужчин и 78 % женщин считают, что надо вступить в брак, 75 % мужчин и 76 % женщин считают, что надо родить детей. Современные гендерные отношения хоть и отличаются от прошлых лет, но результаты этих опросов ещё раз подтверждают, что семья и дети находятся в приоритете у современных людей, женщина всё также остается хранительницей очага, а мужчина – гарантом надёжности и безопасности семьи³⁶⁶.

Вышеописанные социологические исследования также косвенно подтверждают тот факт, что неизменными остаются основные функции классической семьи как основного социального института:

- функция сексуального регулирования – это главный институт, посредством которого общество упорядочивает, направляет и регулирует естественные сексуальные потребности людей;
- репродуктивная функция – воспроизводство новых членов общества;
- функция социализации – копирование детьми моделей поведения взрослых членов семьи;
- статусная функция – семья осуществляет ролевую подготовку ребенка к статусам, близким к таковым его родителей и родственников, прививая ему соответствующие интересы, ценности, образ жизни;
- защитная функция – во всех обществах институт семьи осуществляет в разной степени физическую, экономическую и психологическую защиту своих членов. Мы привыкли к тому, что задевая интересы и безопасность любой личности, мы задеваем и его семью, члены которой защищают своего близкого или мстят за него. В большинстве случаев вину или стыд за человека разделяют все члены его семьи³⁶⁷.

Весьма наглядным представляется социологическое исследование Л.В. Карцевой, проведённое в 2002 г., демонстрирующее то, что современная семья продолжает выполнять свои традиционные функции, в том числе защитную функцию. Был проведён опрос 300 семей, проживающих в трёх поволжских республиках – в Татарстане, Чувашии и Марий Эл. Позиции, которые были избраны автором для анализа, обозначают основные параметры жизнедеятельности семьи, в том числе статусно-ролевые отношения в семье; отношение к детям; отношение к институциональным функциям семьи (ста-

³⁶⁵ Там же.

³⁶⁶ 30-летний рубеж: гендерные роли и стереотипы. 26.08.2015. URL: <http://www.levada.ru/2015/08/26/30-letnij-rubezh-gendernye-rol-i-i-stereotipy/>.

³⁶⁷ Фролов С. С. Социология. М. : Гардарики, 2002. С. 167.

тус, брак, продолжение рода, защита и безопасность), а также удовлетворённость жизнью в семье³⁶⁸.

Основной вывод, сделанный исследователем, состоит в том, что современная семья все-таки не совсем традиционна: она демонстрирует сознательный отказ от патриархальности, несмотря на отмеченные поведенческие и бытовые её проявления в практике. Наблюдается тенденция к снижению нормы брачности. Четверть опрошенных не видит в семейном образе жизни исключительной ценности, около 12 % живут в незарегистрированном браке. Между тем отмечена зависимость между репродуктивной функцией и официальной регистрацией брачных отношений.

Автор исследования констатирует, что семья начала XXI в. уже не сможет вернуться к той модели, которая была ей привычна полтора – два десятилетия назад. Модернизация затронула все сферы её жизнедеятельности, породив широкое многообразие моделей семьи, каждая из которых удовлетворяет потребности определённой части российского общества и, следовательно, имеет право на жизнь.

Однако проведенное исследование подтвердило гипотезу о том, что семья, несмотря на все преобразования, которые она претерпевает в институциональном аспекте, остаётся для индивида одной из важнейших ценностей: и мужчины, и женщины в равной степени сегодня испытывают потребность в интимности, душевности, сочувствии, защите и безопасности, которые реализовываются в брачно-семейных отношениях. Развод, в свою очередь, часто становится следствием утраты душевного понимания, взаимной поддержки, сопереживания и чувства защищённости.

В иерархии ценностей взаимное обеспечение поддержки членов семьи занимает первое место (61 % респондентов). На втором месте оказалось создание нормальных материальных и бытовых условий жизнедеятельности индивида в семье (51 % опрошенных). На третьем месте – ценность любви и заботы о ближнем (47 %), на четвёртом – функция продолжения рода (43 %), на пятом – возможность чувствовать себя полноценным человеком (33 % респондентов). Иными словами, исследование зафиксировало такие тенденции, как первенство интимно-личностных мотивов, доминирование материально-экономического фактора в функционировании семейной группы.

Ещё одна тенденция в брачно-семейной сфере – смена типа лидерства. Всё заметнее утверждаются партнерские отношения: о них сообщают 44 % всех опрошенных. Только 8 % респондентов считают, что в их семье полномочия сосредоточены у мужа или жены. Мужчины в 48 % случаев поддерживают идею паритетности супругов, женщины – в 52 % ответов.

В целом данное исследование показало, что большинство представителей российского общества стремятся к тому, чтобы семья была прежде всего материально обеспечена, а каждый из её членов стремится к сохранению семьи как оплота стабильности и гаранта безопасности и защищённости в их жизни.

³⁶⁸ Карцева Л. В. Семья в условиях трансформации российского общества: теоретическая модель и эмпирическая реальность. Казань, 2002.

Результаты вышеописанных социологических исследований показывают, что ситуация в системе брачно-семейных отношений и ценностных ориентаций не так плачевна, и в российском обществе все-таки преобладают традиционные нормы поведения.

Нетрадиционная семья как гетеротопия

Говоря о будущем семьи, по мнению ряда учёных, современная российская семья находится в процессе модернизации, суть которой в переносе «центра тяжести» в системе взаимодействий «социум – семья – индивид» с общества на индивида. На первый план выходит удовлетворение индивидуально-личностных потребностей отдельных представителей семейной общности в обход решения общесемейных задач и выполнения всей совокупности семейных функций.

На протяжении всей своей истории институт семьи служил в большей степени обществу, чем индивиду. И только в наши дни семья, как малая группа, становится структурой, жизненно необходимой для отдельной личности. Иерархия соподчинённости внутри взаимосвязи «общество – семья – индивид» приобрела противоположный вид, и теперь это взаимосвязь «индивид – семья – общество». В данной перемене – корень модернизации института семьи в России. Сегодня эта перемена проявляется в первую очередь в отсутствии единого исторического типа семьи и наличии возможности выбора. Существует два ключевых варианта: традиционный, восточный (власть мужа, святость супружества, многодетность, непопулярность развода), и модернизационный, западный (супружеское партнерство, малодетность, разнообразие вариантов и типов семейных структур). При этом быстрые и кардинальные изменения испытывает западный вариант, демонстрируя, например, новые формы брака: бигамию, групповой брак, партнерство вне брака и т.п. Также изменения проявляются в разрыве между брачными и семейными отношениями (пробные браки, семейные группы кровнородственного типа, неполные семьи и т.д.)³⁶⁹. Социальной нормой становятся неполные семьи, незарегистрированные браки, семьи, где воспитываются внебрачные дети, семьи с неявным лидерством, партнерские. Определяется явная тенденция к индивидуализации и эгалитаризации, несмотря на то, что российское общество остаётся в своей основе традиционным и коллективистским.

Произошли также изменения в исполнении социальных функций семьи. Репродуктивная функция исполняется в явно редуцированном виде. Число рождённых детей оказалось значительно меньше желаемого, заметно меньше идеального.

Воспитательную функцию родители выполняют не менее пассивно. Лишь более половины супругов в официальном браке уделяют воспитанию

³⁶⁹ Карцева Л. В. Семья в трансформирующемся обществе // Вестник Московского государственного университета. Секц. 18. 2004. № 1. С. 27.

детей достаточное количество времени. Установлена статистическая закономерность: состоящие в браке больше занимаются детьми, чем не состоящие. Причины весьма прагматичны: материальные трудности (34 %), излишние нагрузки на работе (31 %), большой объём работы по дому (14 %), отсутствие необходимых знаний и опыта (8 %) ³⁷⁰.

Все эти изменения дают нам основание предположить, что вместо традиционной семьи всё чаще можно наблюдать так называемую гетеротопную семью, в которой пространство, создаваемое её членами, ломает сформировавшуюся на протяжении веков систему устоев, традиций и ценностных ориентиров, в том числе семейных традиций и ценностей. Идеалы, которые веками определяли специфику и развитие культуры, играли важную роль в процессе формирования национального самосознания и основных форм культурной идентификации, претерпевают в сознании многих молодых (и не только) индивидов такие изменения, которые в принципе не могут быть присущи российскому обществу. Традиционные элементы и ценности высокой культуры начинают видоизменяться под воздействием нового гетеротопного пространства, искусственно созданного либо обоими, либо одним из супругов или их детьми. По-новому интерпретируются понятия свободы, творчества, духовности, смысл существования человека и смысл бытия в целом. С одной стороны, под воздействием различных политических, экономических и социальных изменений, произошедших в России в XX в., претерпевает трансформацию и наполняется новым содержанием традиционный образ женщины. В частности, борьба за равноправие мужчин и женщин во всех сферах жизни приводит к тому, что женщина становится активной участницей производственной и общественно-политической деятельности, приобретает большую самостоятельность и экономическую независимость. С другой стороны, в начале XX в. наблюдались попытки изменить традиционные семейные взаимоотношения, освободить женщину от так называемого «домашнего рабства», обесценить значимость материнства.

Процесс трансформации общепринятых ценностей и вековых традиций, начавшийся в нашей стране ещё в начале XX в., сегодня становится всё более масштабным и приобретает большую остроту. Новые ценности настолько расходятся с традиционными, что их культурообразующий смысл остаётся не всегда ясным и открытым ³⁷¹.

В связи с этим возникает вопрос о том, способствуют или препятствуют такие изменения в структуре и общем облике семьи реализации её основных функций, особенно в контексте проблем безопасности – её защитной функции.

«Чайлдфри» и «чайлдхейт» – бездетные и свободные. Одним из значимых процессов в условиях трансформации культуры в этот период стало изменение духовных приоритетов, ценностей общества, сложившейся культур-

³⁷⁰ Карцева Л. В. Семья в условиях трансформации российского общества...

³⁷¹ Миронов В. В. Современное коммуникационное пространство как фактор трансформации культуры и философии // Вестник Московского университета. Сер. Философия. 2006. № 4. С. 34–48.

ной парадигмы, что стало благодатной почвой, например, для прорастания семян западного течения «чайлдфри».

Сегодня общественные деятели и ученые всё чаще говорят о том, что в процессе развития общества семья перестала выполнять свои функции, в частности основную функцию – продолжение рода. Понимание того, что семья выполняет очень важную функцию – воспитание детей, не входит в сознание молодых людей, как это было издавна на Руси, где воспитанием ребёнка занималась семья, он жил одной жизнью с родителями, усваивал их опыт, традиции и ценности. Это позволяло ему с рождения понимать ценность семьи, уважать старших, любить свою страну. В семье ребёнок получал первые навыки жизни, мальчики подражали отцу, учась быть мужчинами, девочки перенимали навыки матери готовить, ухаживать, быть хозяйками в доме. В семье происходило первоначальное становление личности, однако в современном обществе роль родителей в воспитании снижается. Это происходит в связи с трудовой занятостью, перегруженностью бытовыми проблемами, потерей нравственных ориентиров, переоценкой ценностей, нередко неумением и нежеланием заниматься с детьми, а иногда и просто нежеланием становится родителями. Исследуя проблемы демографического кризиса в нашей стране, социологи и другие учёные всё больше называют среди причин потерю нравственных ориентиров и утрату традиционных семейных ценностей. Так, в исследовании С.С. Сулакшина и Л.И. Кравченко от 2014 г., основными причинами снижения рождаемости были названы:

- ценностный кризис;
- поздняя брачность: снижение числа вступивших в брак в возрасте 18–24 года и рост в диапазоне 25–34 года;
- разводы;
- сексуализация молодежи;
- внебрачная репродуктивность;
- нуклеаризация семьи;
- проблема одиноких людей;
- аборты³⁷².

В целом, по материалам того же исследования видим, что рождаемость в России в последние годы характеризуется увеличением среднего возраста матери при рождении детей и, соответственно, сдвигом рождаемости на старший возраст.

Одновременно с вышеописанными исследованиями, пессимистичными прогнозами и тревожными предпосылками, связанными с распространением идеологии «чайлдфри», наблюдаются и другие положительные и обнадеживающие тенденции в обществе.

Понимание популярности «чайлдфри» как определённого культурного сдвига проясняет механизм формирования новых культурных моделей и их

³⁷² Сулакшин С. С., Кравченко Л. И. Демографическая ситуация в России // Труды Центра научной политической мысли и идеологии. М. : Наука и политика, 2014. Вып. 4. 32 с.

связь с другими процессами в обществе. Развитие России по пути формирования постиндустриального общества, инкорпорация её в такое новое международное явление, как «глобальная деревня», может привести к тому, что наша страна столкнется с множеством проблем, которые встали перед западным обществом несколько десятилетий назад. Чёткое понимание законов не только социально-экономических трансформаций общества, но и развития национальной культуры является залогом преобразования России в передовую страну XXI в. То, что «чайлдфри» являлся частью этих процессов, не вызывает сомнения, а изучение его феномена помогает не только реагировать на зарождающиеся вызовы, но и преобразовывать их из негативных в позитивные. Являясь отражением определённых социальных и экономических процессов, культурные модели «чайлдфри» выступают индикатором, указывающим на определённые тенденции в развитии того общества, в котором существует этот феномен.

Типичная современная семья в Российской Федерации является малодетной – до двух детей. Это в некоторой степени связано с отсутствием «моды» на число детей более двух, откладыванием рождения первого ребенка и значительным числом внебрачной рождаемости. Неустойчивость семьи связана с падением ценности семьи, молодые пары отказываются от официальной регистрации брачных отношений. Одним из важных факторов, определяющих низкую рождаемость, является отсутствие у молодёжи и молодых семей достойных жилищных условий и перспективы их улучшения по мере рождения детей.

Поэтому можно с уверенностью утверждать, что в значительной степени отказ от деторождения может быть обусловлен социально-экономическими процессами, происходившими в нашей стране в конце XX в. С середины 90-х гг. XX в. в России наблюдалась убыль населения. Это связано с распадом СССР, который сопровождался экономическим, политическим, культурным и социальным кризисом.

На фоне таких негативных социально-экономических факторов всё более привлекательной становилась идея «американской свободы». Попытки восстановить ценность свободы личности, которая формально воспринимается многими как одно из прав человека и гражданина привели к тому, что понятие «свобода личности» стало приобретать новые смыслы. Свобода, как она трактуется современной западной философской мыслью, при равнозначности ценностей всегда приоритетна и основана на выборе. Именно такой подход оказался удобным для тех, кто демонстрирует свою свободу выбора в полном отказе от деторождения, и это переворачивает традиционные представления о семейных ценностях, смысле человеческого бытия и сущности деторождения и материнства. Появление таких новых взглядов на жизненные ценности и приоритеты вполне закономерно.

Причинами возникновения нового чаще всего выступает или «социальный заказ», или «пограничная» ситуация, когда мир незримо бросает индивиду вызов и заставляет на него отвечать. Пограничная ситуация вызывает социальное и психологическое напряжение, подталкивающее человека к изменению системы жизненно важных правил: выбору других правил (существу-

ющих в культуре и известных ему) или созданию для себя и своей культуры новых поведенческих основ. В этой ситуации человек может противопоставить себя внешнему давлению и стать законодателем нового порядка, бросив обществу контркультурный вызов, пойти с ним на конфликт³⁷³.

Приверженцы идеологии «свободы от детей», так называемые «чайлдфри», в корне переворачивают идею о высокой нравственности и религиозности процесса создания семьи и деторождения, заявляя, что рожать детей в современных условиях – преступление. Создание полноценной семьи, по их убеждению, – это пережиток прошлого, мешающий вести образ жизни, наполненный чувственными наслаждениями и удовольствиями, удовлетворяя все свои желания и прихоти. Наиболее яркие приверженцы такой идеологии называют полноценные семьи с детьми «рожающим быдлом», полагая, что рождение ребёнка – это самоцель, а не шаг к формированию личности, семьи и общества, полностью перечёркивая высоко этический и христианский подход к вопросам создания семьи и рождения ребёнка. Противоречие, которое кроется, с одной стороны, в желании «получить от жизни всё», в том числе максимум чувственных и физических удовольствий, а с другой – осуждение деторождения как «низшего проявления человеческого существования», говорит о стихийности и нечёткой обоснованности философии «добровольной бездетности». Это, впрочем, не мешает приверженцам добровольного отказа от деторождения пропагандировать идею «свободы от детей».

Необходимо понимать, что семья меняется вместе с теми процессами, которые происходят в истории, обществе, и это неизбежно. Меняется мир, отношения между людьми, меняется отношение к семье.

В то же время многие социологические исследования говорят о том, что ситуация с распространением добровольного отказа от детей в нашей стране не так плачевна, и ещё рано бить тревогу относительно того, что приверженцы «чайлдфри» пагубно влияют на и без того нестабильную демографическую ситуацию. Так, «Левада-центр» на протяжении 1991–2015 гг. проводили опрос на тему «Сколько всего детей, включая тех, которые уже есть, вы хотели бы иметь, если бы у вас были все необходимые для этого условия?». Проанализировав ответы, делаем вывод, что самое оптимально количество детей для семьи – двое, это подтвердили 49 % населения в 2015 г. И даже в самые трудные 1990-е гг. на этот вопрос лишь 2 % ответили «Ни одного» (2003 г., 10 %). В рамках того же исследования рассматривался вопрос о том, насколько женщины готовы совмещать работу, семью и детей, и готовы ли они жертвовать карьерой ради детей. Результаты показали, более половины опрошенных уверены, что ради детей можно и нужно временно оставлять работу, после чего, по достижении детьми трёхлетнего возраста, продолжать карьеру.

В августе 2015 г. суждение «Родив детей, оставить работу и воспитывать детей до трёхлетнего возраста, потом вернуться на работу» было вы-

³⁷³ Миндолина М. В. Контркультура: сущность и существование. Белгород, 2006. С. 45.

брано 44 % опрошенных, высказывание «Родив детей, оставить работу и воспитывать их до школы, потом вернуться на работу» – 20 %, а утверждение «Родив детей, совсем оставить работу и посвятить себя семье» – 10 %³⁷⁴. Суммировав эти результаты, легко понять, что 74 % всех опрошенных не считают детей серьезным препятствием для карьерного роста, либо полагают, что рождение детей в приоритете в жизни человека.

Результаты ещё одного исследования относительно того, сколько детей должно быть в семье и почему люди заводят детей, было представлено ВЦИОМ в 2014 г. Было опрошено 1600 человек из 130 населённых пунктов, в 42 областях, краях и республиках России. Вот эти данные. Каждый второй россиянин (53 %) уверен, что в семье должно быть два ребенка, при этом о том, что имеют двух детей, сообщили 38 % респондентов. Это мнение в равной мере разделяют как мужчины (52 %), 18–24-летние молодые люди (54 %), так и женщины (53 %), респонденты старше 60 лет (50 %), а также одинокородители (52 %) и те, у кого нет детей (55 %). Более четверти наших сограждан (28 %) считают, что семейной паре следовало бы завести троих детей, однако, согласно последним данным, на практике это осуществили лишь 8 % опрошенных. Лишь 1 % участников опроса предполагает, что семья может существовать и без детей³⁷⁵.

По мнению трети наших сограждан (36 %), люди заводят детей, в первую очередь, для продолжения рода. «Забота о чадах – это смысл жизни», – уверены 19 % респондентов. Ещё 14 % опрошенных видят в детях главное предназначение брака. Другие (9 %) считают, что дети должны стать опорой в старости, а для 6 % респондентов – это просто счастье.

Треть респондентов (31 %) не представляют, почему люди не заводят детей. Те же, кто высказал мнение по этому вопросу, прежде всего, посетовали на нехватку финансов (18 %). «Только эгоисты не хотят иметь детей», – убеждены 14 % опрошенных. Каждый десятый россиянин допускает, что причиной отказа от продолжения рода могут быть слабое здоровье (10 %) и невозможность иметь детей (9 %). Семь процентов полагают, что нужно уважать право на личный выбор (иметь или не иметь детей). Боязнь ответственности не даёт людям решиться на то, чтобы родить ребенка – полагают 6 % участников опроса.

Среди опрошенных до 45 лет, не имеющих детей, большинство (56 %) признались, что желали бы завести двух малышей. Иметь одного ребёнка предпочли бы 15 %, а троих – 14 % опрошенных. В свою очередь, треть респондентов моложе 45 лет, уже ставших родителями (32 %), признались, что хотели бы подарить жизнь ещё одному малышу, а пятая доля (20 %) выразили стремление завести ещё двух детей; 27 % респондентов, уже имеющих детей, не готовы к появлению ещё одного ребёнка в семье.

³⁷⁴ Сколько детей нужно для счастья? 30.05.2014. Пресс-выпуск 2595.
URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114842>.

³⁷⁵ Сколько детей нужно для счастья?.

Относительное большинство (45 %) людей зрелого возраста (старше 45 лет) признались, что если бы можно было начать жизнь с начала, то они хотели бы завести двух детей. Стать родителями трёх малышей могли бы четверть респондентов старше 45 лет (24 %). Родить одного ребенка предпочли бы 10 % опрошенных. О том, что вовсе не желали бы иметь детей, «с высоты прожитых лет» заявили 6 % участников опроса.

Итак, во все времена, независимо от социально-экономических условий и государственных режимов именно семья являлась основой общества. Именно семья ответственна за формирование полноценной, нравственно богатой и социально активной личности, которая в свою очередь должна стать творцом культуры. Это, несомненно, обнадеживает и подтверждает, что вектор политики государства и деятельности общественных структур выбран верно. Следует лишь приложить больше усилий в заданном направлении. Однако это не значит, что феномен добровольной бездетности можно игнорировать, а процесс распространения идеи сознательного отказа от рождения пустить на самотек. Приверженцы идеологии «чайлдфри» сегодня умело оперируют вескими аргументами в пользу отказа от роли родителей, умеют грамотно сформулировать причины того, почему не следует рожать детей, и имеют неограниченный доступ к большому числу информационных каналов, к которым такой же доступ имеют современные молодые люди, чьи ценностные ориентиры находятся только на стадии формирования. Судить о том, насколько их мнение значительно в современном обществе можно также по результатам не только социологических опросов, касающихся matrimониального поведения граждан, но также исследованиям о взаимосвязи отношения к деторождению с материально-экономической ситуацией в семье и обществе. Зачастую ограничение числа рождённых детей позволяет семье несколько облегчить материально-экономическое состояние, предохранить себя от более сложных нравственно-психологических испытаний. Переход к малодетности – ярко выраженная адаптивная стратегия. Следует отметить и тот момент, что российская семья демонстрирует тенденцию к запаздыванию за происходящими социально-экономическими переменами. Самостоятельный, без помощи государства, выход из экономических трудностей не состоялся. Ситуация в брачно-семейной сфере такова, что возвращение семьи к успешному и экономически стабильному функционированию станет возможным только после выхода из экономического кризиса и создания благоприятных условий для социально желательного варианта её структуры³⁷⁶.

Но если для зрелого населения ограничение рождаемости часто является вынужденным решением, что для некоторых молодых людей, движение «чайлдфри» становится модной тенденцией, которой он начинает следовать не вполне осознанно. В это случае действительно встаёт вопрос безопасности: социальной безопасности семьи, культурной безопасности общества.

³⁷⁶ Парсонс Г. Л. Человек в современном мире / пер. с англ. под ред. В. А. Кувакина. М. : Прогресс, 1985; Система современных общества / под ред. М. С. Ковалевой. М. : Аспект Пресс, 1997.

Для молодых людей, чьи ценностные ориентиры находятся на стадии формирования, идея «быть свободным от детей» в пользу интеллектуального развития, любимых увлечений, путешествий или карьерного роста кажется довольно привлекательной, а мысль о том, что рождение ребёнка сопряжено с множеством трудностей, начиная с финансовых проблем и заканчивая отсутствием свободного времени, кажется пугающей. Кроме того, если движение «чайлдфри», тех кто сознательно сделал выбор для себя в пользу отказа от деторождения, может и не представлять существенной угрозы для демографической ситуации в нашей стране, что подтверждается целым рядом исследований, связанных с матримониальным поведением и ценностными установками молодежи, то действительно опасение вызывает сообщество так называемых «чайлдхейт», людей, которые не просто равнодушны к чужим детям и не хотят иметь своих, а тех, кто испытывает чувство ненависти к ним и прямо или косвенно выражает агрессию к людям, имеющим детей, и самим детям. Это самое острое, даже радикальное проявление «чайлдфри», когда не просто отрицается появление у себя потомства, но и проявляется ненависть и открытая агрессия по отношению ко всему, что связано с материнством, рождением и воспитанием детей.

Проводя контент-анализ форумов и социальных сетей, в которых общаются приверженцы идеологий «чайлдфри» и «чайлдхейт», можно прийти к выводам о распространении подробного явления среди российской молодежи. Приведём лишь некоторые высказывания молодых людей, отвечающих в социальной сети на вопрос: «Почему вы ненавидите или хотя бы не любите детей?»³⁷⁷. Среди наиболее адекватных аргументов, которые приводятся сторонниками «чайлдхейт», распространены:

1. *Роды.*
2. *Потеря свободы.*
3. *Потеря нормальной сексуальной жизни.*
4. *Финансовые затраты.*
5. *Бессонные ночи.*
6. *Беспорядок и вонь в квартире.*
7. *Дети всегда портят вещи.*
8. *Когда подрастут – будут бухать и воровать у вас деньги.*
9. *Когда вырастут – сдадут вас в дом престарелых.*
10. *Планета и так перенаселена...*

Мы видим, что на первом месте у женщин и девушек – представительниц «чайлдхейт» стоит боязнь физической боли, связанной с родами, далее – это целый ряд неудобств, связанных с изменением привычного образа жизни и домашнего быта, а также страх того, что дети в итоге окажутся неблагодарными и в более старшем возрасте не смогут оправдать ожидания родителей.

³⁷⁷ URL: https://vk.com/topic-43700340_28263065.

Ещё ряд аргументов выглядит следующим образом:

1. *Это не отдохнуть нормально.*
2. *В нашем мире есть такие профессии, где женщина создает конкуренцию мужчине и, чтоб не отставать, «никаких детей»!*
3. *Постоянные вопли и крики (раздражают).*
4. *Кошечку или собачку намного дешевле содержать.*
5. *Можно взять и из приюта уже постарше, если уж так сильно при-спичит.*
6. *Потеряется фигура.*

К уже ранее названным причинам добавляется необходимость выстраивания карьеры, а для женщин, как отмечает участница форума, – это сложнее в связи с конкуренцией мужчин.

Следующий комментарий не содержит объективных причин, а только лишь выражает раздражение и даже агрессию участника форума по отношению к детям: *«Потому что поселяется ЦАРЬ, ну или ЦАРИЦА, и ты теперь вечный придаток этого вечно недовольного, орущего царского величества. Ну и что, что мучает животных, плюётся, тебя бьёт?! “Это же ребенок”! Кости не ломает, да и вообще, животное – не человек, пусть дальше мучает, “он же маленький”!».*

Наконец, вот одно из наиболее агрессивных высказываний по отношению к перспективам материнства, отвечающее на вышеобозначенный вопрос:

1. *Потому что дети – эгоисты, которые никогда не оценят жертв ради них.*
2. *Постоянно орут, вечно им нужна какая-то ***, из-за которой всех на уши поднимут³⁷⁸.*
3. *Страшные и мерзкие.*
4. *Отнимают ценное время на свои примитивные потребности, которое уже никогда не вернётся.*
5. *Всё делается для этих вонючих маленьких ублюдков в ущерб здоровомыслящим людям.*
6. *От них нет никакой социальной пользы, одни убытки.*

7. *Да и вообще за*** эти мамы со своими колясками в транспорте, на улице, в магазинах; их выродкам надо ещё и место уступать, с какого*** я должна это делать после рабочего дня, когда этот дебил весь день отдыхал??? А их мамы группируются и говорят только о том, что их тупой потомок сожрал? а потом как и сколько раз нагадил их деньгами, и считают себя выше остальных, потому что произвели на свет одного из миллиардов ***, который сначала гадит в штаны и орёт, а потом покрывается прыщами и будет тянуть из них ещё больше денег.*

В данной аргументации мы уже не наблюдаем действительно адекватных объяснений чувства неприязни к детям, а видим лишь открытое, ничем не обоснованное презрение и агрессию по отношению к матерям и детям. Мы

³⁷⁸Здесь и далее нецензурная брань заменяется знаком *** (М.Б.).

видим, что мотивы, связанные с неприязнью к детям, весьма разнообразны, однако в большинстве своём они сводятся к непониманию причин заводить детей и необоснованному раздражению и агрессии. Такие аргументы едва ли можно назвать взвешенными и решающими в принятии решения о добровольном отказе от рождения ребёнка. Кроме того некоторые исследования показывают, что подобные мнения зачастую неустойчивы и с возрастом меняются³⁷⁹. Объясняется это возрастными особенностями тех, кто позиционирует себя как приверженцы «чайлдфри» или «чайлдхейт». Как правило, это молодые люди, которым свойственны изменчивость, непостоянство, категоричность и эскапизм. Важно понимать, однако, что именно эта категория современного социума, несмотря на свою сложность и нестабильность, является носителем потенциала развития общества.

В этой связи существующие на сегодняшний день государственные меры социально-экономической поддержки рождаемости, которые нацелены на уже существующую семью и мотивацию родительского труда, по сути, бессильны, поскольку в планах молодых людей изначально отсутствует рождение детей. Решением проблемы многие учёные видят использование, как было отмечено ранее, аксиологического фактора, предполагающего активную работу с молодежью в том возрасте, когда формируются репродуктивные установки, цели и планы на жизнь. Однако это сложный и противоречивый процесс, который сопряжён с целым рядом сдерживающих внешних и внутренних факторов, начиная с модных тенденций и влияния западной культуры и заканчивая элементарным нежеланием молодого человека впитывать «просемейные ценности», кажушиеся порой устаревшими.

Важную роль в решении проблемы может стать система образования, о чём упоминалось в целом ряде исследований, посвящённым репродуктивным установкам молодежи³⁸⁰. Действительно, органичное включение в системы начального, среднего, высшего и дополнительного образования программ репродуктивно-ориентированного образования, направленного на формирование базового матримониального поведения и традиционных брачно-семейных ценностей, может способствовать созданию вокруг моло-

³⁷⁹Камзина О. А., Самыкина Н. Ю. Исследование жизненных сценариев представителей общества child-free // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 1. С. 214.

³⁸⁰Фарафонова А. И., Амбарова П. А. Child-free как социальное явление // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий : в 2 т. Екатеринбург : Уральский ун-т, 2016. Т. 2. С. 316–319; Антонов А. И., Лебедь О. Л., Новосёлова Е. Н., Соколов А. А. Репродуктивные установки и удовлетворенность семейной жизнью в России и Европе (по данным европейского социального исследования – 2006) // III Всероссийский социологический конгресс. М., 2008; Багирова А. П., Шубат О. М. Образ родительства и его развитие в концепции родительского труда // Социологические исследования. 2014. № 4. С. 103–110; Багирова А. П., Шубат О. М., Ворошилова А. И. Развитие семейно-репродуктивных установок студенческой молодежи как направление демографической политики России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 36. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-semeyno-reproduktivnyh-ustanovok-studencheskoy-molodezhi-kak-napravlenie-demograficheskoy-politiki-rossii> (дата обращения: 08.11.2017); Шестаков К. А. Аксиологический фактор репродуктивного поведения россиян. М., 2010.

дэжи необходимой среды, в которой формирование ценностных ориентиров будет проходить с минимальным ущербом от негативного воздействия внешних факторов.

Развитие семьи тесно связано с прогрессом культуры и цивилизации. Это обуславливает актуальность исследования семьи в системе человеческой культуры. Дело в том, что достижения культуры и цивилизации в первую очередь отражаются в семье. Семья же со своей стороны выступает как один из главных хранителей и трансляторов традиций, ценностей, норм, моральных и нравственных установок – всего, что мы называем культурой в её духовном смысле. Другими словами любовь и семья составляют духовные основы цивилизации. С момента возникновения они имеют социокультурный характер и в силу этого оказывают заметное влияние на формирование духовного облика личности. Это влияние осуществляется в рамках супружеских отношений, отношений родителей к детям, и наоборот, детей к родителям.

Феномен «сожалеющего материнства». Институт родительства, так же как и институт семьи, в современном обществе испытывает значительные трансформации и нуждается в новой концептуализации и переосмыслении.

Наряду со знакомыми понятиями «мать-одиночка», «поздний ребёнок», «несовершеннолетняя мать», «приёмные родители», «воскресный отец», мы наблюдаем появление новых явлений, таких как «отец-одиночка», «бабушка и дедушка вместо матери и отца», «однопольные родители», «одиноким родитель-гомосексуалист», «родитель – идейный чайлдфри», «суррогатная мать», «женщина, сожалеющая о своём материнстве» и пр. Такие тенденции в развитии понятия родительства связаны не только с особенностями трансформации современного западного и российского общества, изменениями в системе ценностных ориентаций, но также с воздействием глобальных экономических, культурных, информационных и социальных процессов.

Неограниченный поток информации, получаемый как родителями, так и детьми из средств массовой информации и интернета заставляет по-новому переосмысливать некоторые привычные ценности и наблюдать реакции социума на новые явления и процессы. Это провоцирует возникновение конфликтов, связанных с противоречиями между привычным укладом традиционного общества и новыми чуждыми российскому менталитету трендов и явлений. Копируя какие-то элементы западной культуры и примеривая на себя новые социальные роли, современные молодые люди не всегда способны оценить степень влияния нетрадиционных ценностей на их личностное становление, и зачастую ложные ценностные ориентиры, оказывающие отрицательное воздействие на развитие и укрепление важнейших социальных институтов, подменяют истинные моральные ценности, веками формировавшиеся в российской культуре.

Так, эмансипация, возникшая на почве западных феминистских движений, с одной стороны, стала причиной более активного участия отцов в уходе за маленькими детьми и процессе воспитания подрастающего поколения, что, в общем-то, неплохо, с другой – спровоцировала формирование новой формы родительства, когда бабушки и дедушки полностью заменяют родите-

лей, которые по причине их занятости на рабочем месте перестают уделять время воспитанию ребенка. В таких семьях дети иногда не видят своих родителей месяцами, называют их по имени, а своими настоящими родителями считают бабушку и дедушку, которые проводят с ними большую часть времени. Происходящие трансформации становятся причиной девиантного поведения и маргинализации определённой части населения нашей страны. Это не только усугубляет существовавшие прежде проблемы социального сиротства, увеличения числа родителей, лишённых родительских прав, отказных детей и беспризорных несовершеннолетних, но также становится причиной распространения сожаления о материнстве или опасных идеологий, таких как, например, детоненавистничество (чайлдхейт) и так называемых «групп смерти», формирующих у подростков суицидальные наклонности.

Новые, на первый взгляд безобидные представления о родительстве, которые приходят в российское общество, как правило, с Запада, кажутся отечественному обывателю чуждыми, непонятными, а потому представляющими угрозу. Конечно, государство и администрации популярных социальных сетей направляют усилия на противодействие таким угрозам, но очевидно, что ключевой фигурой в решении проблем, связанных с трансформацией ценностей – общественных и семейных, возникновением явлений, разрушительно действующих на процессы развития и укрепления института семьи в российском обществе, должна в первую очередь стать семья. Неблагополучная семья, где господствует атмосфера эмоционального, психологического напряжения и конфликтности («ссоры-раздоры», «раздражает», «едва себя сдерживает», «бесит», «в упор не видит»), сопровождаемая изолированностью членов друг от друга, чаще всего не способна не только стать инструментом в решении таких проблем, но даже неспособна идентифицировать их наличие.

Ещё одна серьёзная проблема, связанная с семьей и семейными ценностями, о которой в принципе не говорят сегодня в России, но которая активно обсуждается на Западе, – это так называемые «сожалеющие матери» – женщины, имеющие детей, но сожалеющие о том, что их родили. Впервые о феномене “regretting motherhood”, что в переводе с английского языка означает «сожаление о материнстве», так же как и о проблеме добровольной бездетности, заговорили на Западе. В частности, много отзывов получила книга немецкого социолога К. Мундлос «Когда материнство не делает счастливой: феномен сожалеющего материнства»³⁸¹. Возможно, именно в связи с выходом в свет этой книги тема сожаления о материнстве стала популярной. Дело в том, что в обществе, где традиционно главными ценностями и жизненными установками для подавляющего большинства являются семья и дети, не принято говорить о том, что по разным причинам женщина может сожалеть о том, что имеет ребёнка. Это противоречило бы её материнскому предназначению, её социальной роли и традиционно сложившимся функциям

³⁸¹Mundlos Ch. Wenn Mutter sein nicht glücklich macht. Das Phänomen Regretting Motherhood. Mvg Verlag. 240 p.

в обществе³⁸². В этой книге как раз и говорится о том, что подобное явление может возникать довольно часто. Речь идёт не о каких-то крайностях, когда мать, к примеру, отказывается воспитывать своего ребёнка, так как сожалеет о его рождении, а о том, что очень многим женщинам рано или поздно приходят в голову мысли о том, насколько иначе могла бы сложиться их жизнь, если бы они не родили детей, как бы выглядел их достаток или как они могли бы вырасти в карьере.

В этой книге не говорится о вопиющих исключениях и типичных матерях, здесь в большей степени речь идёт о некоем континууме с плавными переходами и перетеканиями. Картина выглядит следующим образом: на одном полюсе находятся матери, которые хорошо справляются со своей ролью и счастливы, а на другом те, кто сожалеет о своём материнстве и несчастлив в этой роли. А между ними находятся все остальные.

Похожие исследования проводились израильским социологом О. Донат. Она говорила о том, что одна из причин тяжёлого переживания некоторых женщин по поводу своего материнства кроется в том, что общество предъявляет слишком высокие требования к матерям и слишком низкие к отцам³⁸³.

«Джессика Розе очень хотела ребенка, её желание было очень сильным. Шесть искусственных оплодотворений за 3 года и в итоге на свет появилась её дочь. «Я ощущаю себя состоявшейся матерью и в то же время одинокой. Неожиданно я осознала, что скучаю по своей старой жизни», – написала она в своем блоге, – «В мою голову все чаще закрадываются мысли, что это не для меня»». Такое заявление вызвало резонанс среди пользователей немецкого интернета, и в первую очередь вопрос о том, может ли мать открыто сожалеть о своем материнстве.

В России подобные исследования не проводятся. Это объясняется, скорее всего, ещё большей консервативностью российского менталитета, чем западноевропейского. Идея о том, что женщина может сожалеть о рождении ребёнка, просто не обсуждается, а нежелание иметь детей воспринимается в российском обществе как отклонение от нормы. Хотя было бы неверным предположить, что среди российских женщин нет тех, которые сожалеют о случившемся материнстве. Это подтверждает ряд проведённых нами глубинных интервью с теми женщинами (возраст от 30 до 35 лет), которые, пожелав остаться неизвестными, всё же назвали ряд причин, по которым они сожалеют о своем материнстве. В отличие от европейских женщин, для которых основной страх заключается в боязни стать плохой матерью, не соответствовать требованиям, предъявляемым обществом, для российских женщин самым тяжёлым последствием материнства является возникновение проблем со здоровьем после родов, появление лишнего веса и, как следствие, потеря внешней привлекательности, влекущая зачастую потерю супруга. Эта

³⁸² Лебедева И. В., Бичарова М. М. Особенности менталитета россиян // Человек в современных научных и философских концепциях мироздания / ред. Н. А. Краснова, Т. Н. Плесканюк. Н. Новгород : Профессиональная наука, 2016. С. 15.

³⁸³ Donath O. Regretting Motherhood: Wenn Mütter bereuen. Knaus Verlag, 2016. 273 p.

типичная для нашей страны ситуация зачастую становится лишь предметом частных разговоров между женщинами в узком кругу, либо в беседе с психологом. В российской научной литературе глубоких исследований на тему сожаления о материнстве не проводилось. Однако сейчас становится очевидным, что вопрос требует внимания. Сам факт обсуждения данной проблемы позволяет многим женщинам открыто говорить о том, что их тяготит, помогая, таким образом, избегать как внутренних конфликтов, так и разногласий с семьей и обществом.

Гомосексуализм: «другой» в семье и «другая» семья. Говоря о гетеротопной семье с позиций сексуальной ориентации, следует учитывать, что здесь может рассматриваться также многообразие вариантов, в том числе, когда либо родители (или один из родителей), либо ребенок оказывается представителем другой ориентации.

«Половое извращение, заключающееся в противоестественном влечении к лицам своего пола», дефиниция термина «гомосексуализм», приведённая в «Большой советской энциклопедии» (БСЭ) в 70-х годах прошлого столетия, сегодня считается не политкорректной, оскорбительной и противоречащей принципам равенства и толерантности. Сегодня наиболее употребим термин «гомосексуальность» как явление и «гомосексуал» как представитель такой сексуальной ориентации в противовес соответствующим «гетеросексуальность» и «гетеросексуал». Существует мнение, в том числе и самих людей, обозначаемых данными понятиями, что они не несут в себе негативную коннотацию в отличие от часто употребляемого «гомосексуалист». Уже давно ученые спорят о том, является ли это явление нормой, объясняемой медицинской наукой, или же это патология, связанная с целым рядом физиологических, психических и нервных отклонений. Невзирая на цифры статистики, говорящей, что более 96 % людей на земле являются гетеросексуалами³⁸⁴, многие называют гомосексуализм вполне естественным явлением, запрограммированным самой природой, не видят особой угрозы со стороны представителей этого меньшинства и даже считают его неким «культурным явлением», приводя примеры из древнегреческой мифологии.

Наиболее распространённым аргументом в пользу естественности гомосексуализма является тот факт, что однополые сексуальные отношения встречаются не только у людей, но и у животных. Антрополог М.Л. Бутовская, например, приводит множество примеров проявления гомосексуального поведения среди шимпанзе, макак и павианов³⁸⁵. Психиатр М. Цукерман называет такие суждения не научными фактами, а домыслами, поскольку то, что приверженцы идеи нормальности гомосексуализма называют «гомосексуальными отношениями», в некоторых сообществах животных есть не что иное, как ритуальная форма поведения, за которой скрывается комплекс действий,

³⁸⁴ Клещенко Е. Одна из трех норм // Химия и жизнь. 2010. № 7. С. 31.

³⁸⁵ Бутовская М. Л. Гомосексуализм в эволюционной перспективе // Химия и жизнь. 2010. № 7. С. 35.

при котором один самец демонстрирует другому своё доминирующее положение в конкретной группе³⁸⁶.

Актуальным среди приверженцев теории естественности гомосексуализма является исследование американского социолога Альфреда Кинси (или Кинзи), который собрал целый ряд статистических данных, опровергающих положение о гомосексуализме как патологическом свойстве личности. Ключевым выводом его исследования было утверждение, что не биологические факторы или наследственность являются определяющими в выборе сексуального партнера, а традиция, социальные запреты, возможности и даже соображения выгоды. Мужчины, по словам учёного, не представляют две дискретные популяции – гетеросексуальную и гомосексуальную, а мир «не делится на агнцев и козлиц»: «Фундаментальный принцип таксономии состоит в том, что в природе редко наблюдаются дискретные категории. Только человеческий ум стремится изобрести какие-то категории и расфасовать факты по конкретным ячейкам»³⁸⁷.

Отчёты Кинси говорили о том, что однополые отношения среди американцев – явление более массовое, чем можно было предполагать. Так, хотя бы один гомосексуальный контакт в своей жизни имели 48 % опрошенных мужчин, причём 37 % из них испытали при этом оргазм, сопровождающийся семяизвержением. Между 16 и 55 годами несколько гомосексуальных контактов имели 25 % мужчин, а 18 % – в течение по крайней мере трёх лет имели одинаковое число гомо- и гетеросексуальных контактов. Десять процентов мужчин были более или менее исключительно гомосексуальны в течение минимум трёх лет между 16 и 55 годами, а 4 % были исключительно гомосексуальны на протяжении всей жизни, начиная с юности³⁸⁸. Такая статистика, с одной стороны, ошеломила США, с другой – способствовала принятию гомосексуализма как нормального явления, поскольку, согласно цифрам, так поступают многие.

Как подмечает И.С. Кон, «статистическая распространённость какого-то явления вовсе не доказывает его “правильности”. В каждом обществе есть преступность, уничтожить её невозможно. Значит ли это, что общество должно отказаться от борьбы с ней, которая только и вводит преступность в определённые рамки? В массовом сознании многие проблемы и цифры упростились и искажались. Самым большим недоразумением было приписанное Альфредом Кинзи заключение, будто каждый десятый американец – гомосексуал. На самом деле Кинзи вообще не разделял людей по этому признаку, он анализировал только их поведение, которое может быть и действительно является разным не только у разных индивидов, но и на разных этапах жизненного пути одного и того же человека»³⁸⁹.

³⁸⁶ Клещенко Е. Одна из трех норм. С. 28–34.

³⁸⁷ Kinsey A. C., Wardell B. P., Clyde E. M. *Sexual Behavior in the Human Male*. Philadelphia : W. B. Saunders, 1948. P. 639.

³⁸⁸ Там же. P. 569–676.

³⁸⁹ Кон И. С. *Любовь небесного цвета*. М. : Продолжение Жизни, 2001. С. 18–19.

Современные исследования гомосексуализма сводятся не столько к характеристике его как нормы или дисфункции, сколько к выявлению причин такого явления. Изучение проблемы выделяет два основных лагеря, поддерживающих два различных подхода: эссенциалистский и конструктивистский. Первый рассматривает сексуальность в качестве фундаментальной культурно-индифферентной характеристики, не зависящей от социального влияния биологии данного влечения, направляемого импульсами или инстинктами³⁹⁰.

Интересное объяснение в этой связи дает Брюс Джериг: «Из-за трудности отслеживания генетических и гормональных влияний, учёные в последнее время обратились к изучению нейрогендерной дифференциации в мозге с использованием косвенных исследований, называемых “корреляты”. Они включают в себя изучение (1) особенностей тела в целом, (2) нейропсихологических функций, и (3) нейроанатомических особенностей мозга. Фундаментальные рассуждения выглядят следующим образом: Если праворукость или леворукость не являются вопросом выбора, а характер чьих-либо отпечатков пальцев не может быть изменён, то очевидно, что гомосексуализм относится к атипичным проявлениям из той же области, и, вероятно, также подразумевает биологические основы»³⁹¹.

Конструктивистский подход, в противовес эссенциалистскому, изучает явление гомосексуальности, которая создана под влиянием социума и культуры. Американские социологи Дж. Гэньон и У. Саймон, авторы теории сексуального сценария, были первыми, кто предложил первую формулировку конструктивизма в сексологии. Согласно этой теории, сексуальная ориентация определяется некоторыми биологическими факторами, а эротические предпочтения вытекают из специфических стимулов и значений, предлагаемых культурой. Большинство людей в нашей культуре считают сексуальный контакт с лицом своего пола качественно отличным от контакта с лицом другого пола, категоризируют такое поведение и его носителей как нечто особенное³⁹².

Основная масса исследований сводится к тому, что гомосексуальность – явление комплексное, обусловленное множеством факторов: биологических, культурных, социальных, психологических и пр. Всё больше учёных склоняются к тому, чтобы принять гомосексуальность наряду с гетеросексуальностью как одну из норм. Социолог и сексолог И. Кон, приводя пример с леворукостью, которая в относительно недалеком прошлом считалась болезнью и подвергалась коррекции, а в наши дни считается нормальным проявлением, не требующим лечения, пишет: «Благодаря биомедицинским исследованиям, мы знаем сегодня о причинах и сопутствующих факторах гомосексуальности неизмеримо больше, чем десять или двадцать лет назад. Именно поэтому спор – наследственность или воспитание – учёных больше не вол-

³⁹⁰ Raley K. N. Essencialist Beliefs About Homosexuality: Structure and Implications for Prejudice – a Replication of Haslam and Levy // Thesis Abstract. Auburn : Alabama, 2008.

³⁹¹ Gerig B. L. Born Gay? // Homosexuality and the Bible. 2004. URL: <http://epistle.us/hbarticles/borngay1.html> (дата обращения: 08.11.2017).

³⁹² Кон И. С. Любовь небесного цвета. С. 95.

нует, а сформулированные с начала этой главы принципы перестали казаться верными. Коль скоро сексуальность автономна от продолжения рода, многообразие её форм – не исключение, а правило, и однополая любовь так же “нормальна”, как разнополая³⁹³».

Подобные заявления, нередко высказываемые авторитетными учёными и подтверждаемые множеством фактов и примеров, привели к тому, что сегодня гомосексуализм воспринимается обществом более терпимо, чем, скажем, полвека назад. Большинство стран мира становятся толерантнее к людям другой сексуальной ориентации и однополым отношениям между партнёрами, достигшими требуемого возраста. По результатам исследования американского центра исследования общественного мнения “Pew Research Center” в 2007 г. наиболее толерантными к гомосексуалам оказались страны Западной и Центральной Европы: более 80 % жителей Швеции, Франции, Испании, Чехии и Германии считают, что гомосексуализм должен приниматься обществом. Не столь терпимыми к «третьему полу» оказались так называемые развивающиеся страны: менее 9 % жителей некоторых стран Африки (Танзания, Кения, Уганда, Сенегал, Эфиопия, Кения, Мали) и Ближнего Востока (Палестина, Кувейт, Иордания, Египет) готовы мириться с гомосексуализмом. В США и странах Латинской Америки людей, толерантно относящихся к гомосексуализму, более половины, чего нельзя сказать о России, где готовы принять людей с нетрадиционной ориентацией всего 20 % жителей³⁹⁴. Следует отметить, что с 2007 г. наблюдается тенденция к возрастанию этих цифр. Так, уже в начале 2011 г. 53 % американцев не только толерантны к гомосексуальности, но и выступают в поддержку однополых браков³⁹⁵. Наша страна, напротив, показывает тенденцию к распространению гомофобии. Исследования Аналитического центра Юрия Левады («Левада-центр») 2010 г. показали, что лишь 15 % российских респондентов считают гомосексуальность равноправной наряду с традиционной сексуальной ориентацией, 39 % считают, что их надо принудительно лечить или иначе изолировать от общества, 4 % высказывают мнение о том, что лиц с нетрадиционной сексуальной ориентацией необходимо ликвидировать³⁹⁶. «Гомофобия в российском обществе чаще всего встречается среди мужчин, респондентов старшего возраста (старше 55 лет), со средним образованием, низким уровнем дохода. <...> Толерантность к лицам нетрадиционной сексуальной ориентации и понимание их проблем проявляют больше женщины, молодые россияне (18–39 лет), более образованные и состоятельные респонденты. <...> Чаще других считают гомосексуальность болезнью, требующей врачебного вмешательства, и что гомосексуалов следует изолировать от общества, респонденты старше 40 лет, лица

³⁹³ Там же. С. 74.

³⁹⁴ Pew Global Attitudes Projec. 2007. URL: <http://pewglobal.org/files/pdf/258.pdf> (дата обращения: 21.04.2013).

³⁹⁵ Большинство американцев нормально относятся к гомосексуальности // GayRussia.Ru. 2011. URL: <http://www.gayrussia.eu/world/1633/> (дата обращения: 22.04.2013).

³⁹⁶ Гомосексуальность в российском общественном мнении. М. : Левада-центр, 2010. URL: <http://old.levada.ru/press/2010080602.html> (дата обращения: 20.04.2013).

с образованием средним и ниже среднего, низким уровнем доходов и жители сёл, т.е. категории граждан, сохраняющие инерцию советского мышления»³⁹⁷.

Гомосексуалисты, представленные в современном обществе в значительном меньшинстве, часто подвергаются дискриминации, которая сегодня хоть и не так широко распространена, как в прошлом, но всё-таки имеет место. Обнародование результатов исследований, уже упомянутых выше, подтверждающих «нормальность» гомосексуализма, а также распространение многочисленных движений и организаций, борющихся за равноправие сексуальных меньшинств во всех сферах общественной жизни, повлияло на формирование толерантного отношения к людям нетрадиционной ориентации. Несмотря на это, гомосексуалы часто становятся объектом предрассудков и дискриминаций. Это может быть открытое выражение отвращения и ненависти к геям и лесбиянкам, к примеру, использование унижительных кличек, отказ в отношении к ним как равным и даже физическое насилие по отношению к сексуальным меньшинствам. Очевидно, что многих людей обычной сексуальной ориентации может раздражать демонстрация гомосексуалами своей «нетипичности», которая может проявляться в стиле одежды, поведении, например, проявлении жеманства геями, вплоть до так называемого каминг-аута, выхода гомосексуалистов «в свет», публичного открытия своей сексуальной ориентации обществу и проведении гей-парадов. Ещё большее возмущение общественности вызывают различные пропагандистские действия гомосексуалов, в которых геи и лесбиянки не только призывают принять их такими, какие они есть, но и стать одним из них. «Активная пропаганда в средствах массовой информации, когда однополые “влюбленные парочки” подаются как образец моды и изыска, делает своё грязное дело: число “поклонников” этого порока растёт год от года»³⁹⁸.

Несомненно, что впервые с этой проблемой приходится столкнуться ребёнку и его родителям. С одной стороны, традиционная семья может и не предполагать, что в ней растёт сын-гей или дочь-лесбиянка, с другой – кажется порой, что родители, сами того не осознавая, способствуют более скорому раскрытию в ребёнке нетрадиционной сексуальной ориентации. Одним из наиболее распространенных стереотипов о причинах возникновения гомосексуальности у несформировавшейся личности является теория о том, что наибольшая вероятность смены ориентации возникает в неполной семье: якобы мальчик, живущий с одной матерью, не видит образца мужчины, и становится более женственным. Однако научно эта гипотеза не подтверждена³⁹⁹. И всё же нельзя полностью отрицать фактор семейного воспитания, так как именно в семье раскрываются или остаются тайными гомосексуальные желания ребёнка. В патриархальной консервативной семье подросток может так и не осознать свою гомосексуальность, жениться, завести детей, но в семье у него будет не всё благополучно, и без вмешательства специалиста,

³⁹⁷ Там же.

³⁹⁸ Цукерман М. Гомосексуализм – болезнь, распространяемая СМИ.

³⁹⁹ Кон И. Лики и маски однополый любви. Лунный свет на заре. М. : АСТ – Олимп, 2003. 496 с.

возможно, будет не обойтись. В этих случаях вероятно так называемое осознание гомосексуальности в зрелом возрасте. По такому поводу часто говорят: «Он вдруг ни с того, ни с сего стал гомосексуалом». Однако научно доказано, что «стать» гомосексуалом невозможно, если это не заложено природой; она может только проявиться и далее осознаваться.

Маловероятно, что раскрытие своей гомосексуальности подростком вызовет у родителей положительную реакцию. Далеко не всегда это происходит по осознанному желанию ребёнка. Родители могут узнать о гомосексуальных интересах своего чада из писем, личного дневника, журналов и литературы, которыми он интересуется. Вслед за таким открытием, как правило, следует скандал. Недостаток родительского понимания, а также скрытое в глубине души чувство возможной ответственности за то, что ребёнок стал гомосексуалом, только обостряют отношения и становятся причиной непонимания между ребёнком и родителями. Родители современных подростков, воспитанные в условиях полного игнорирования гомосексуальности, скорее всего, никогда не встречали людей, открыто демонстрирующих свою сексуальную ориентацию и, возможно, владеют лишь негативной информацией относительно этого вопроса. Общественное отторжение гомосексуальности и отсутствие позитивного подхода к изучению этого вопроса вызывают у них опасения и, возможно, вполне обоснованные страхи за благополучие ребёнка, а также за его отношения с внешним миром. Всё это неизбежно сказывается на взаимоотношениях в семье.

Скандал, разразившийся вследствие раскрытия «страшной тайны» подростка, приводит к подрыву доверия между ним и его родителями. Если гомосексуальность ребёнка была обнаружена родителями в процессе их «вторжения в его личное пространство», неизбежны лживые и неконструктивные отношения в семье. Родители, в свою очередь, полагая, что у ребёнка психическое расстройство, предпринимают попытки его «излечить», отводят сына или дочь к психологу, психиатру, в церковь, надеясь избавиться от этого недуга. Естественной реакцией ребёнка на это – сопротивление и неподчинение, что может привести к полному прекращению контакта между ним и родителями вплоть до изгнания из дома. Отсутствие поддержки со стороны семьи приводит к тому, что подросток начинает искать поддержку в среде сверстников. Не находя понимания среди ровесников, являющихся в своём большинстве гетеросексуальными, гомосексуалы подвергаются гонениям и становятся «чужими» в обществе и отвергнутыми семьей. Утешением становятся алкоголь и наркотики, а горьким итогом – попытка самоубийства.

«Многочисленные исследования суицидального поведения гомосексуальных подростков показывают, что они совершают такие попытки значительно чаще своих гетеросексуальных сверстников. От 20 до 35 % американских юношей-геев совершают попытки самоубийства, это гораздо больше, чем в любой другой социально-возрастной группе. В бывшей ГДР 36 % опрошенных гомосексуалов сказали, что думали о самоубийстве, а 13 % пытались его осуществить. По данным клинических исследований, риск суицида среди юных геев и лесбиянок особенно велик, если они 1) слишком рано открыто

обнаруживают свою гомосексуальность, 2) подвергаются в связи с этим насилию и преследованиям, 3) пытаются решить свои проблемы с помощью алкоголя и наркотиков и 4) отвергнуты своими семьями. Эти молодые люди умирают не от гомосексуальности, а от страха перед ней и от жестокого отношения окружающих»⁴⁰⁰.

Чтобы избежать подобных страшных последствий, некоторые родители стараются создать иллюзию, будто они смирились и приняли гомосексуальность своего ребёнка, с условием, что в их семье никогда не будет обсуждаться этот вопрос. Однако это не становится полным решением проблемы, поскольку напряжённость в семье всё равно сохраняется. Иногда, услышав от ребёнка, что он гомосексуалист, родители просто не желают верить во всю серьёзность их заявления. Не интересовавшись ранее вопросами, связанными с гомосексуальностью, родители просто не верят в существование такого рода ориентации и считают, что ребёнку просто «заморочили голову» другие люди, которые «испортили» их сына или дочь.

Особенно тяжело факт гомосексуальности ребёнка воспринимается отцом в отношениях с сыном с нетрадиционной ориентацией. Как известно, мужчины более подвержены гомофобии, поэтому для любого нормального отца будет ударом известие о том, что его ребенок – гей. Часто это приводит не просто к неприятию и молчаливому конфликту, а к открытой вражде, ссорам, скандалам и физическому насилию. Отец, не готовый принять своего ребенка «другим», вымещает на нём свою злость в бессилии что-либо изменить, обвиняет мать, родных и ближайшее окружение.

В попытке избежать подобных конфликтов ребёнок часто утаивает от родителей то, что его сексуальное развитие происходит по-иному. Известно, что многие подростки-геи намеренно скрывают свою сексуальную ориентацию, делают вид, что интересуются противоположным полом, строят с ним фальшивые отношения, стараясь ничем не выдать свою инаковость. Убеждая себя в том, что создание семьи – правильный шаг, гомосексуал накладывает непосильную ношу не только на себя, но и на супруга, поскольку ложь создаёт дискомфорт и недопонимание в семье. Семья впоследствии рушится. Более того, результатом такого фарса становится полное одиночество гомосексуала, глубокая депрессия, выйти из которой практически невозможно без поддержки со стороны близких людей.

Взрослая жизнь гомосексуалиста не значительно отличается по своей трагичности от подросткового периода. Перед ним снова встает нелегкий выбор: создавать семью с представителем противоположного пола и строить свою жизнь по заложенному традицией сценарию с плачевным исходом, о котором было сказано выше, либо вопреки нормам вступить в однополые отношения и бороться за своё счастье. Нужно отметить, что и в последнем случае гомосексуалист сталкивается с теми проблемами, от которых гетеросексуал весьма далек.

⁴⁰⁰ Кон И. Лики и маски однополый любви... С. 404.

Дело в том, что для гея или лесбиянки такие обычные для любого человека вещи, как знакомство, свидание, ухаживание, предложение руки и сердца, – это очень трудный и мучительный процесс. У гомосексуала нет образца, которому он мог бы следовать при выполнении этих действий, нет того, кто мог бы объяснить ему, как строить отношения с представителем своего пола. Ему сложно вести себя с понравившимся человеком, обнаружить свои чувства, боясь, что его не правильно поймут, отвергнут или воспримут как оскорбление. Это заставляет гомосексуала вести постоянный и мучительный самоконтроль, что порождает дополнительную робость и застенчивость. Тем не менее, если однополый союз создаётся, он довольно устойчив.

Понятно, что, говоря о гомосексуалах, проживающих вместе и ведущих совместный быт, не совсем уместно использовать термин «семья», особенно в российском контексте, однако длительно существующие и выполняющие ряд определённых функций однополые партнерства соответствуют понятию «семья»⁴⁰¹. Это объясняется тем, что в гомосексуальной семье возможно осуществление основных функций традиционной семьи, таких как хозяйственно-бытовая, эмоциональная, экономическая, воспитательная и даже репродуктивная. Выявляемые же отличия от гетеросексуальных семей в социально-статусной сфере и сфере первичного социального контроля «обусловлены социокультурными характеристиками современного общества»⁴⁰².

С одной стороны, гомосексуальные пары сталкиваются с большим количеством проблем, которые незнакомы обычным семьям, с другой – в силу отсутствия гендерных стереотипов, применимых в обычной супружеской паре, избегают многих бытовых сложностей. Так, в однополых парах не применимы гендерные нормы и ожидания, типичные для мужа и жены, поскольку, например, двое мужчин заведомо не могут следовать образцу своих отца или матери, как это делают многие молодые супруги. В связи с этим распределение домашних обязанностей, которые вызывают так много ссор и разногласий в семье, происходит с учётом индивидуальных особенностей обеих сторон: каждый делает то, что он лучше всего умеет или ему больше нравится, а если никому ничего не хочется, то на основе разумного компромисса⁴⁰³.

Отсутствие проблем бытового характера во многом способствует комфорту в эмоциональной сфере отношений, в которой гомосексуальная пара называет себя семьей. Однако внутреннее благополучие однополых пар не умаляет трудностей, с которыми такая пара сталкивается в отношениях с внешним миром. Гендерно-нейтральный брак сегодня не вписывается в идеальную картину семьи, которая сложилась в сознании большинства представителей современного общества, отсюда отсутствие толерантности и агрессия по отношению к однополым союзам. Общеизвестно отношение

⁴⁰¹ Сабунаева М. Л. Однополые семьи как феномен психологического познания // Современные проблемы психологии семьи: феномены, методы, концепции. СПб : ИПП, 2010. Вып. 4. С. 59.

⁴⁰² Куприянова И. С. Однополые семьи в современном обществе: проблемы нормализации // Проблема нормы и патологии: современные дискурсивные практики. Саратов : СГМУ, 2002. С. 31.

⁴⁰³ Кон И. Лики и маски однополых любви... С. 428.

к гомосексуальным бракам в нашей стране, где закон гласит вполне однозначно: брак – это союз мужчины и женщины. Российское общество не готово видеть норму там, где в большинстве своём привыкло видеть извращение. Россияне приходят в ужас, читая о том, как на Западе всё чаще и громче раздаются требования о выводе из обихода таких слов, как «муж», «жена», «отец», «мать», и их замене бесполоыми «супругами» и «родителями» с порядковыми номерами⁴⁰⁴.

Общество с трудом уживается рядом с гомосексуальными парами. Известны случаи, когда, узнав о том, то по соседству живет пара геев или лесбиянок, люди начинают травлю, преследуют их, оскорбляют, унижают. Это чаще всего приводит к разрыву отношений. Таким образом, внешний фактор играет гораздо более значимую роль в совместной жизни гомосексуалов, нежели в семейной жизни обычных людей. Такому отношению способствуют всё те же отрицательные стереотипы, сложившиеся в отношении однополых браков. Основное опасение общества, связанное с однополыми браками, касается предполагаемой угрозы институту семьи и брака. Также считается, что однополые семьи, воспитывающие ребёнка, по сути, воспитывают психически нездоровую личность. Научного подтверждения нет ни тому факту, что все гомосексуальные пары хотят в принципе иметь детей, ни тому, что в результате воспитания в такой семье обязательно вырастет гомосексуал. Рассуждения И. Кона на эту тему сводятся к следующему. По мнению учёного, в российской социологической науке недостаточно исследований, касающихся стиля воспитания детей в однополых браках, и результаты этого воспитания не изучены. Саму проблему автор считает больше политизированной, нежели несущей в себе социальную и этическую значимость. Как выяснил исследователь, противники однополых браков уверены в том, что родители с нетрадиционной сексуальной ориентацией не способны воспитать нормальных детей, в то время как сторонники считают это утверждение недоказанным и говорят о том, что между однополыми и разнополыми семьями нет существенной разницы. Проведя мета-анализ, И. Кон приходит к выводу, что вырисовывается гораздо более сложная картина.

Автор отмечает, что в результате целого ряда исследований (интервьюирование детей, родителей и учителей, тестирование, включённое наблюдение) не было обнаружено никакой социальной или психологической «неполноценности» у детей, воспитанных семьями гомосексуалистов. Учёными также не было выявлено проявление тревожности, неуверенности в себе, склонности к депрессии и других эмоциональных расстройств у детей, воспитанных в однополых семьях, которые, в принципе, ничем не отличаются от детей, воспитанных гетеросексуальными родителями. Им также не свойственно перенимать от родителей их сексуальную ориентацию. Доказано, что большинство детей гомосексуальных родителей вырастают гетеросексуальными, и продолжительность общения ребенка с отцом (в случае развода) ни-

⁴⁰⁴Противоречивое отношение к сексуальным меньшинствам в нашей стране // infopedia.su. 2017. URL: <https://infopedia.su/5x9430.html> (дата обращения: 08.11.2017).

какой роли не играет. Также не было выявлено так называемого «особого гомосексуального стиля родительства»⁴⁰⁵.

В большинстве стран мира, включая Россию, общественное мнение неодобрительно относится к гомосексуалистам, не говоря о том, чтобы доверять им воспитание детей. Людей беспокоит вопрос о возможных расстройствах гендерной идентичности у детей, их склонности к какой-либо определённой сексуальной ориентации или их физическом или психическом благополучии.

Такие опасения не беспочвенны. Например, в обзоре публикаций приверженца американской консервативной христианской организации “Family Research Council”, утверждается о наличии связи между мужской гомосексуальностью и педофилией⁴⁰⁶.

Некоторые оппоненты усыновления детей однополыми парами задаются вопросом: сможет ли такое окружение предоставить ребёнку адекватные гендерные роли, сможет ли он воплотить их в своих будущих гетеросексуальных отношениях? К тому же психологи опасаются, что дети станут копировать сексуальную ориентацию родителей.

В США собран весьма обширный эмпирический материал о взаимоотношениях геев и лесбиянок со своими детьми, о социализации малолетних детей в однополых семьях. Исследования, которые анализирует И.С. Кон, проводились в двух американских штатах – Калифорнии (Сан-Франциско) и Флориде. Автор приходит к выводу, что, во-первых, «дети гомосексуальных отцов, как правило, вырастают гетеросексуальными, причём продолжительность общения с отцами на сексуальность ребенка не влияет»; и во-вторых, в лесбийских семьях «ни стиль материнства, ни его результаты в принципе не отличаются от того, что происходит в обычных разнополых или в неполных, “материнских” семьях»⁴⁰⁷.

Подобные «оптимистичные» выводы кажутся авторам исследования несколько преждевременными. Здесь следует учитывать, что в упомянутых американских штатах (один голливудский, а второй – «богатых пенсионеров» и зимних студенческих каникул) имеют место специфические практики социального родительства.

Обзор американских исследований, касающихся полоролевой идентичности (и шире – личностных особенностей) детей, воспитываемых в гомосексуальных семьях, позволил нам отметить ряд существенных закономерностей⁴⁰⁸:

⁴⁰⁵ Кон И. Лики и маски однополый любви... С. 429.

⁴⁰⁶ Dailey T.J. Homosexuality and Child Sexual Abuse // Insight (N27), Family Research Council. URL: <http://www.frc.org/get.cfm?i=IS02E3>.

⁴⁰⁷ Кон И. С. Любовь небесного цвета.

⁴⁰⁸ Бичарова М. М. Гомосексуализм: «другой» в семье и «другая» семья // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 3 (36). С. 174–187.

- Дети, которых воспитывают матери-лесбиянки, изучены лучше, чем те, которых воспитывают отцы-геи. Скорее всего, это отражает сложившуюся практику родительства.

- Выборки обследованных детей отличаются немногочисленностью (обычно 10–20 человек).

- Возраст обследованных детей обычно не достигает подросткового. В иных случаях используются ретроинтервью без применения стандартизированных методик и сравнения с контрольной группой. Поэтому делать выводы о формировании полоролевой идентичности таких детей преждевременно.

- Остаётся неизвестным и не контролируется очень важный параметр: родились ли обследованные дети в гетеросексуальных семьях и какое-то время воспитывались там или у них такой опыт полностью отсутствовал.

- Вряд ли можно признать валидными исследовательские стратегии, предполагающие опрос отцов-гомосексуалистов о сексуальной ориентации их детей без использования стандартных измерительных средств и контрольной группы.

- Возможно, пол ребенка в сочетании с полом его гомосексуальных родителей влияет на формирование его идентичности и личностных черт. Однако этот параметр контролировался только в одном исследовании.

- «За кадром» исследовательского внимания остались взаимоотношения ребёнка с гетеросексуальным родителем.

Очевидно, что в течение всей жизни представители сексуальных меньшинств подвергаются гонениям со стороны общества, что делает их жизнь более сложной. Возможно, именно это вынуждает гомосексуалов объединяться в сообщества, чтобы бороться за равноправное отношение к ним. Представители сексуальных меньшинств регулярно декларируют своё намерение бороться за право на массовые мероприятия, на вступление в однополые браки, усыновлять детей и другие права, которые они полагают неотъемлемыми правами человека. Проблему нельзя недооценивать, потому что она способна раскалить и расколоть общество со всеми вытекающими конфронтационными последствиями. Люди в нашей стране довольно болезненно и весьма агрессивно реагируют на так называемые гей-парады. В обсуждение вопроса о гомосексуальных браках активно включается Церковь, чья позиция однозначна и категорична во всем мире: единичные случаи освящения гомосексуальных браков моментально становятся сенсациями мирового масштаба⁴⁰⁹.

Взаимное неприятие и непонимание между сексуальными меньшинствами и «натуралами» всё больше разрастается, несмотря на появление многочисленных данных о том, что серьёзной угрозы для общества гомосексуалисты не представляют, и причины этого вполне понятны. Однако если не пытаться найти компромисс, не стремиться устранить конфликт, последствия могут быть плачевны для обеих сторон. Несомненно, невозможно средствами массовой информации или публикациями научных трудов вложить в умы обывателей

⁴⁰⁹Противоречивое отношение к сексуальным меньшинствам в нашей стране.

новые стереотипы, представляющие гомосексуалов с положительной стороны, и сложно избавить общество от гомофобии, которая воспитывалась с малых лет в течение десятилетий, но бездействие не станет наилучшим решением проблемы. Как любой человек, столкнувшись с трудностями, обращается за помощью к самым близким и родным людям, так и в решении этой проблемы, следует обратиться, на наш взгляд, прежде всего к семье.

Семья – это люди, которые всегда поймут и примут, что бы ни случилось. В ситуации, когда один из членов семьи вдруг раскрывает свою гомосексуальность, очень важно, чтобы семья не отвернулась от него, а приняла это и сделала всё возможное, чтобы их близкий человек не только не чувствовал себя «другим» в семье, но и смог бы адаптироваться в обществе. Для этого членам семьи необходимо приложить определённые усилия, чтобы самим принять факт гомосексуальности своего близкого. Прежде всего следует понять, что как человек не выбирает свой пол, цвет кожи или цвет глаз, так и гомосексуальным он рождается, а не становится. Даже очень продвинутых и информированных о секс-меньшинствах родителей новость о гомосексуальности их ребёнка повергает в шок, с которым трудно справиться сразу. Нужно помнить всё же, что со временем, с получением большего количества объективных сведений шок будет уходить, и станет очевидно, что очень многие предрассудки и негативные стереотипы не имеют реальных оснований. Более того, следует понимать, что ребёнок, в свою очередь, тот же шок испытывал постепенно и последовательно в течение нескольких лет в процессе своего развития и взросления. Как и во всех сложных семейных ситуациях, ему нужно дать понять словами или поступками, что, не зависимо от того, что они узнали о своём ребёнке, родные всё равно любят его таким, какой он есть.

Не стоит отмалчиваться и игнорировать тему гомосексуальности. «Геи и лесбиянки обычно говорят, что им было бы гораздо проще расти, если бы их мамы и папы говорили им что-то вроде этого: “Я как-то подумал(а), что ты лесбиянка / гей. Если это так, то я хочу, чтобы ты знала / знал, что это никак не повлияет на ту любовь, которую я испытываю к тебе, как к своему ребёнку. Мне нужно найти больше информации о гомосексуальности, чтобы я знал(а), как лучше всего помочь тебе быть счастливым. Лесбиянка / гей ты или нет, я люблю тебя и, если это поможет, давай поговорим об этом”». Ещё одной распространённой ошибкой родителей является поиск вины в себе. Вместо того чтобы попытаться принять в ребёнке то, о чём они ранее не знали, они начинают винить себя, наказывая таким своеобразным самоистязанием. Задавая себе вопросы: «В чём моя ошибка? Где я был не прав?», родители мучают не только себя, но и своих детей. «Гомосексуальность становится проблемой только в том случае, если считать гомосексуальность “проблемой”. Родители всё делают правильно. Они не делают и не могут сделать ничего такого, что сделало бы их ребёнка гомосексуальным»⁴¹⁰.

⁴¹⁰ Каминат: Руководство для семей и друзей гомосексуалов / пер. с англ. Е. Агафонова // FFLAG Организация семей и друзей лесбиянок и геев. 2006. URL: <http://lesboss.ru/articles/37520/0/Eaieiaoo-Doeiaiaoi-aey-naiae-e-adocae-aiiinaeoaieia/Nodaieoa0.html> (дата обращения: 08.11.2017).

Любой человек – носитель определённого набора стереотипов, установок и предрасположений, что является следствием социализации в конкретном обществе с определённым набором правил. Феномен гомосексуальности, который в нашей стране совсем недавно был исключен из числа патологий, отклонений от нормы, требующих излечения, ещё не может восприниматься обществом как нечто должное и само собой разумеющееся. Это создаёт ряд проблем, связанных с отсутствием толерантности к геям и лесбиянкам со стороны общества и постоянной борьбой сексуальных меньшинств за свои права. Неудивительно, что родители и родственники гомосексуала, узнав об ориентации своего родного человека, опираясь на представления, порой отвлечённые от реальности, испытывают страх, тревогу, беспокойство и другие негативные эмоции по отношению к тому, о чём они узнали. «Такой страх доминирует в общественном сознании и скрыто предписывается всем членам общества. Главное, что стоит понять, – этот страх на самом деле социально обусловленный, а вовсе не врождённый. Всем нам в процессе социализации “объяснили”, что мы должны его испытывать. Таким же образом, вырабатывая определённую социальную политику и корректируя процесс социализации, можно сформировать у людей страх рыжеволосых женщин (как это было в Европе во времена инквизиции), левшей или других представителей человечества, обладающих отдельно взятой характеристикой»⁴¹¹. Однако достаточно осознать, что на формирование тех или иных убеждений влияет не столько сам человек, сколько обрывочная информация, взятая из печати, Интернета, сенсационных новостей и телевизионных шоу, возможно пересмотреть и сформировать более объективную систему представлений об интересующем вопросе. Достоверная непредвзятая информация поможет избавиться от иррациональных страхов и поспособствует формированию толерантного отношения к гомосексуалам и однополым парам, что, в свою очередь, скажется на сглаживании конфликтов между представителями обычной и нетрадиционной сексуальной ориентации.

Международный брак. Национальные различия в оценке и понимании семьи особенно остро проявляются в международном браке, когда в союз вступают партнёры, являющиеся представителями разных культур, имеющие разное происхождение, язык и, возможно, вероисповедание. С точки зрения семейных взаимоотношений вопрос культурных различий рассматривается как важный сопутствующий фактор, влияющий на общение и взаимопонимание внутри семьи. Исследуя феномен международного брака, учёные используют множество терминов, таких как «межкультурный», «межграницный», «транснациональный», «межэтнический» и т.д., акцентируя, судя по всему, внимание на отдельных сторонах этого сложного и многогранного предмета исследования. Мы используем термин «международный брак», являющийся, по нашему мнению, довольно всеобъемлющим и подразумевающим брак, не ограничен-

⁴¹¹ Сабунаева М. Л. Гомосексуалы на приеме у врача: Психологические рекомендации по взаимодействию с пациентами. СПб: РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. С. 17.

ный рамками одной нации, а распространяющийся на представителей разных культур. Такой термин позволит нам рассматривать брак с иностранным партнёром в нескольких аспектах: культурном, национальном, религиозном и пр.

Заключая международный брак, партнёры создают не только прочные связи между двумя людьми, между семьями, а также закладывают основу для тесного взаимодействия двух разных культур. Восприятие семьи как ценности для многих людей определяется правилами поведения, традициями и нормами, принятыми в культуре, к которой они принадлежат, и это, безусловно, влияет на их поведение и поступки внутри вновь созданной семьи. Поскольку «эти нормы очень отличаются в разных обществах и зависят от стереотипов и ожиданий, обусловленных культурой»⁴¹², неизбежно возникновение некоторых противоречий, которые сглаживаются и устраняются в процессе адаптации. На фоне сложных взаимодействий двух культур, каждая из которых обнаруживает свою самобытность или специфику, супруги начинают приспосабливаться к культурным особенностям партнёра, осваивая новые элементы общения и поведения. В результате этого комплексного процесса они, так или иначе, приходят к тому, что можно назвать «культурным равновесием» в новой интернациональной культурной среде. Однако это равновесие довольно хрупкое, поскольку в процессе адаптации к новой культурной среде человек не утрачивает привычки и нормы поведения, усвоенные им в родной культуре. Этот факт даёт нам основание предположить, что интернациональная семья является своеобразной микромоделью гетеротопного пространства, некой «приграничной зоной» между двумя странами, народами, культурами и / или религиями.

Гетеротопия, будучи специфическим пограничным состоянием, обуславливает возникновение особой картины мира, отвечающей новым условиям, в которых оказываются супруги, вступившие в интернациональный брак. В отличие от стереотипных норм поведения, тех, которые были бы очевидны и понятны в их собственной культуре, партнёры вынуждены формировать совершенно новые системы общения и поведения. Традиционная картина мира одного супруга, отражающаяся в его родном языке, литературе, культуре, идеологии и стереотипах, оказывается не отвечающей новым условиям, в которых сталкивается с иной картиной мира другого партнера, также наполненной сложной системой знаков и символов, отражённых в плодах интеллектуальной, материальной или творческой деятельности людей. Две национальные картины мира, сталкиваясь в микропространстве интернационального брака, становятся особой пограничной территорией, своеобразными историческими и культурно-символическими признаками, позволяющими говорить о своеобразном фронтире как процессе и результате социального конструирования реальности⁴¹³.

⁴¹² Heaton T., Albrecht S. The changing pattern of interracial marriage // *Social Biology*. 1996. Vol. 43. P. 203.

⁴¹³ Turner F. J. *The frontier in American history*. New York : Courier Dover Publications, 1996. 375 p.

На уровне международной семьи адаптацию к гетеротопному пространству легко сопоставить с процессом аккультурации при вступлении в отношения с партнером – представителем иной культуры, поскольку один из супругов, так или иначе, становится «принимающей стороной», т.е. доминантной, а второй – «приёмником» чужой семьи, которая в большинстве, представляет собой иную социокультурную среду. Зачастую это происходит посредством маргинализации, когда в силу каких-то внешних либо внутренних причин партнеру сложно сохранить собственную идентичность и одновременно невозможно получить новую, предположим, из-за дискриминации со стороны новой культуры. Так происходит потеря идентификации с собственной культурой одновременно с отсутствием идентификации с культурой принимающего большинства.

Показателем маргинальности международного брака становится, в первую очередь, возникновение недоверия, предубеждения к семье из-за принадлежности одного из супругов к иной этнической группе или конфессии, что выражается в частом акцентировании внимания на этом (например, «она вышла замуж за мусульманина»).

Социокультурная адаптация заключается в умении свободно ориентироваться в новой, другой культуре и обществе, решать повседневные проблемы в семье, в быту и профессиональной деятельности⁴¹⁴. Очень важную роль здесь играет то, как принимающая семья и общество относятся к новой образовавшейся интернациональной семье. Зачастую на фоне стрессогенного воздействия чужеродной культуры, а также в силу отсутствия поддержки со стороны окружающих, адаптация к новой культуре выражается не в приспособлении, а в сопротивлении, попытке изменить среду своего нового обитания, что сводит на нет счастливые брачные отношения и удовлетворённость браком, приводя вместо этого к конфликтам вплоть до развода.

Таким образом, обоим супругам приходится преодолевать определённые трудности в процессе аккультурации. Этот процесс проходит посредством коммуникации. Равно как представители собственной нации приобретают в процессе взросления и обучения культурные особенности своей страны, т.е. проходят инкультурацию, через взаимное общение и взаимодействие, так и представители чужой нации, прибывая в принимающую страну, начинают знакомиться с её культурой и овладевать необходимыми социальными и коммуникативными навыками через общение.

В связи с новыми непривычными условиями, в которых оказывается человек, проходящий аккультурацию в новом для него обществе, меняется его картина мира, происходят существенные изменения в структуре познания. Постигая систему организации другой культуры, они подстраивают свои собственные процессы под те, которые используют носители другой культуры.

⁴¹⁴Thomson C. Culture, Identity and the Dialogique // Dialogue and Cultural Theory. London (Canada), 1995. P. 51.

Основным признаком адаптации человека к чужой культуре можно назвать приобретение соответствующих навыков поведения в конкретных бытовых и жизненных ситуациях: насколько он владеет языком, способен ли делать покупки, знает ли как платить налоги и т.п. Адаптация в психологическом плане выражается в удовлетворённости своей жизнью в новой культуре. Речь идёт и о хорошем расположении духа, психологическом здоровье и чёткой сформированности личной и культурной самоидентичности. Социокультурная адаптация проявляется собственно в тех приобретённых навыках поведения в житейских ситуациях, о которых говорилось ранее. Добиться такого психологического и социокультурного равновесия довольно сложно в связи с тем, что межнациональная семья является гетеротопным пространством. Неизбежно то, что чужая культура, воспринимаемая человеком как нечто чужеродное, непривычное и порой даже опасное, оказывает стрессогенное воздействие на его психологическое состояние, которое сопровождается целым рядом негативных ощущений:

- напряжение из-за усилий, прилагаемых для достижения психологической адаптации;
- чувство потери из-за лишения друзей, своего положения, профессии, собственности;
- чувство одиночества (отверженности) в новой культуре, которое может превратиться в отрицание этой культуры;
- нарушение ролевых ожиданий и чувства самоидентификации;
- тревога, переходящая в негодование и отвращение после осознания культурных различий;
- чувство неполноценности из-за неспособности справиться с ситуацией⁴¹⁵.

На фоне таких ощущений человек начинает либо воспринимать культуру своего супруга как негативное явление, доставляющее ему неудобства и вызывающее негативные эмоции, либо переоценивает собственную культуру в отрицательную сторону, перестает воспринимать её как ценность. Таким образом, когда в международном браке встаёт вопрос о включении чужого культурного мира, социокультурных реалий в своё привычное культурное сознание, можно говорить о проблеме культурной безопасности.

Проблема безопасности чрезвычайно сложна и многослойна, а само понятие «безопасность» распространяется на весьма широкие сферы: от государственной безопасности до безопасности жизнедеятельности. Причём появляются всё новые сферы, требующие особого внимания к безопасности, в том числе культурная и конфессиональная.

Этноконфессиональная безопасность представляет собой основу культурной безопасности и может быть также представлена как «система государственных гарантий и поддержки духовного потенциала народов и наций

⁴¹⁵ Thomson C. Culture, Identity and the Dialogique.

и одновременно противодействий угрозам свободе вероисповедания и меж-религиозному согласию»⁴¹⁶.

В отношениях между супругами международной семьи, как в зеркале, отражаются проблемы культурной и этноконфессиональной безопасности, и главная причина – гетеротопное пространство, в котором приходится сосуществовать представителям двух разных культур.

Каждая культура имеет множество символов и образов, а также стереотипов поведения, с помощью которых мы можем автоматически действовать в разных ситуациях. Когда мы находимся в условиях новой культуры, привычная система ориентации оказывается неадекватной, поскольку она основывается совсем на других представлениях о мире, иных нормах и ценностях, стереотипах поведения и восприятия.

Процесс преодоления возникающих проблем и угроз очень похож, на наш взгляд, на ступени адаптации после культурного шока⁴¹⁷. Первый период называют «медовым месяцем», потому что, оказавшись в другой стране, супруги полны энтузиазма и надежд, к их приезду готовятся, их ждут, и на первых порах они получают помощь и могут иметь некоторые привилегии в «другой» семье. Этот период быстро проходит, и на втором этапе непривычная, «другая» окружающая среда и культура начинают оказывать своё негативное воздействие. Всё большее значение приобретают психологические факторы, вызванные непониманием супруга, местных жителей, уклада жизни. Результатом может быть разочарование, фрустрация и даже депрессия. Поэтому в этот период мигрирующий супруг пытается убежать от реальности, общаясь преимущественно со своими земляками и жалуясь им на жизнь.

Третий этап становится критическим, так как культурный шок достигает своего максимума. Это может привести к физическим и психическим болезням. Часть супругов сдаётся, у них начинаются серьёзные конфликты, непонимания, обиды и некоторые возвращаются домой, на родину. Но если семейные отношения дороги, то супруги находят в себе силы преодолеть культурные различия, учат язык, знакомятся с другой культурой, обзаводятся местными друзьями, от которых получают необходимую поддержку.

На четвёртом этапе появляется оптимистический настрой, партнёры становятся более уверенными в себе и удовлетворёнными своим положением в новом обществе и культуре. Приспособление и интегрирование в жизнь нового общества продвигается весьма успешно.

Полная адаптация к новой культуре достигается на пятом этапе. Индивид и окружающая среда с этого времени взаимно соответствуют друг другу. Пять ступеней адаптации составляют U-образную кривую развития культурного шока, которая характеризуется следующими ступенями: хорошо, хуже,

⁴¹⁶ Нысанбаев А., Кадыржанов Р. Безопасность Казахстана // Казахстанская правда. 19.02.2003. С. 92.

⁴¹⁷ McFadden J. Intercultural marriage and family: Beyond the racial divide // The Family Journal: Counseling and Therapy for Couples and Families. 2001. Vol. 9 (1). P. 41.

плохо, лучше, хорошо.

Процесс аккультурации для обоих партнеров будет проходить в соответствии со стратегией, которую они выберут для себя. Маркофф предлагает следующие схемы взаимодействия культур:

- одностороннее приспособление: один партнёр приспосабливается к культурным особенностям другого;
- попеременное приспособление: осознанно выбирается попеременно культурная модель поведения одного партнёра, затем другого;
- компромисс: партнёры принимают решение действовать в соответствии с создавшейся ситуацией, не отдавая предпочтение ни одной из культур или моделей поведения;
- смешанное приспособление: объединение культур, когда партнёры, действующие строго в рамках своих культур, постоянно совмещают их;
- творческое приспособление: партнёры решают отказаться от своих собственных культурных традиций и стереотипов, и создают новые самобытные, характерные именно для их семьи модели поведения⁴¹⁸.

Итак, международную семью можно считать своеобразной. Также её можно считать гетеротопным пространством, в котором взаимоотношения между супругами определяются системой культурно обусловленных индивидуальных, родительских, общесемейных и общечеловеческих ценностей, составляющих основу самоидентификации личности. Расхождение культурных ценностей, противопоставление «свой – чужой», пограничное положение такой семьи в обществе наблюдается на приватном уровне семейного общения, однако это есть отражение столкновения различных норм и традиций в декодировании одних и тех же знаковых систем разными культурами. В связи с этим разработка техник и моделей разрешения возникающих конфликтных ситуаций, связанных с культурными противоречиями и разногласиями в интернациональной семье, вероятно, может способствовать поиску способов предотвращения угроз культурной безопасности на уровне целого государства.

Очевидно, что сегодняшний облик семьи иногда немного, а иногда существенно отличается от традиционного понимания данного концепта как российским, так и европейским представителем общества. Несложно заметить, что сегодня в обществе кровное родство, также как и родство по браку, не всегда служит серьёзным основанием для существования семьи и рождения детей. Тезис о том, что семья, как и прежде, выполняет свои традиционные функции и вовсе ставится под сомнение. Решение о совместном проживании, ощущение себя членом той или иной семьи, принятие или непринятие индивида в семью зачастую диктуется не традициями, а межличностными отношениями, которые складываются между людьми в повседневной жизни. Семья может прекратить существование в любой момент, стоит только разрушиться отношениям между людьми, и никакие «кровные узы»

⁴¹⁸ McFadden J. Intercultural marriage and family...

и «общие дети – продолжатели рода» – не способны оказать влияние на положительное разрешение ситуации. Наверное поэтому идеальная семья у российского человека ассоциируется с такими понятиями, как «общность», «единство», «сплоченность», «взаимопомощь», «участие», «защита», «безопасность» и всё чаще эти понятия мифологизируются, нежели воспринимаются как норма. Всё чаще в обиходе встречаются понятия «неблагополучная семья», «бракоразводный процесс», «ребенок-сирота», что заставляет задуматься о том, насколько уменьшилась ценность семьи в российском обществе на фоне стремления к индивидуализму и персональному успеху.

Процесс трансформации общепринятых ценностей и вековых традиций, начавшийся в нашей стране ещё в начале XX в., сегодня становится всё более масштабным и приобретает большую остроту. Новые ценности настолько разнятся с традиционными, что их культурообразующий смысл не всегда остаётся ясным и открытым⁴¹⁹.

Пытаясь ответить на поставленный ранее вопрос о том, способствуют или препятствуют все эти изменения в структуре семьи реализации её основных функций, является ли гетеротопная семья гарантом стабильности, безопасности и защиты индивида, скажем: и да, и нет. С одной стороны, новые формы семьи, переход от традиционных форматов к нетрадиционному облику – это своего рода реализация адаптационной способности семьи как института. Являясь неотъемлемой частью социума, его составной частью, семья не может оставаться неизменной в то время, когда трансформации претерпевают абсолютно все аспекты и стороны человеческого существования. Это означало бы её полную неспособность взаимодействовать с обществом и отвечать на вызовы времени. Поэтому появление новых особенностей института семьи неизбежно, независимо от характера их влияния на общество, его развитие и формирование ценностей. Даже гетеротопная семья продолжает прямо или косвенно, частично или полностью выполнять те функции, которые изначально предписаны ей обществом как социальному институту. Так, сожалеющие матери, например, не отказываются от своих детей, несмотря на то, что жалеют о том, что их родили, и продолжают выполнять свои родительские функции. Однополые семьи в Европе берут на воспитание детей, несмотря на физиологическую невозможность зачать и родить ребенка. Мы не говорим здесь о полном отсутствии проблем, а отмечаем лишь тот факт, что даже гетеротопная семья способна наладить своё существование, свой быт и взаимодействие с обществом по традиционным сценариям.

В то же время было бы неверно говорить о том, что гетеротопная семья в дальнейшем способна полностью заменить традиционную, несмотря на все тенденции. Полноценное выполнение всех тех функций, которые она выполняла испокон веков на протяжении тысячелетий, как раз и обусловлено её основными традиционными характеристиками: отношения между представи-

⁴¹⁹Миронов В. В. Современное коммуникационное пространство как фактор трансформации культуры и философии.

телями разного пола, основанные на взаимном уважении и осознанном решении вступить в брак, совместное желание вести быт, рожать и воспитывать детей, продолжать род, создавать уют, обеспечивать стабильность и безопасность. Выпадение какой-либо из традиционных характеристик делает семью ущербной, лишает её возможности полноценно выполнять свои функции. Не всегда гетеротопное пространство способно компенсировать этот ущерб. Когда этот недостаток становится очевидным и начинает перекрывать казалось бы неоспоримые достоинства, гетеротопное пространство перестаёт быть безопасным, так как создаёт атмосферу, вызывающую у индивида желание покинуть эту среду, найти более традиционную, более безопасную. Вот почему нетрадиционные семьи зачастую оказываются менее стабильными и чаще распадаются. Опять же, известны факты довольно длительного существования гетеротопных семей, что, скорее всего, объясняется способностью отдельных индивидов выстраивать межличностные отношения.

Итак, гетеротопная семья – это явление, отражающее современные тенденции, связанные с трансформацией института семьи в современном обществе, которые неизбежны, не всегда безобидны, но имеют место быть как результат адаптации института семьи к реалиям, угрозам и вызовам современности.

ГЛАВА 5

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И КУЛЬТУРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

То, что вчера ещё жило, светясь
Высокой сутью внятного ученья,
Для нас теряет смысл, теряет связь,
Как будто выпало обозначенье.

Г. Гессе. Игра в бисер

Культурное наследие – пространство игры в бисер?

Говоря о культуре, культурном наследии, необходимости его сохранения и об опасностях, которые ему грозят, нельзя не вспомнить роман немецкого писателя Германа Гессе «Игра в бисер», написанный автором в 1942 г.⁴²⁰ Действие романа разворачивается в гетеротопном пространстве вымышленной страны Касталии, своеобразном элитном государстве, существующем внутри обычного, традиционного государства. Появление Касталии внутри традиционного общества обусловлено стремлением сохранить культуру от вырождения, от её так называемой «фельетонизации». Страна Касталия возникла как ответная реакция на процессы, происходящие в современном обществе (события, описываемые в романе, относятся к будущему, однако предпосылки всего происходящего формировались в наше время).

Культура периода, предшествовавшего появлению Касталии, характеризуется автором как «фельетонистическая» (от нем. *Feuilleton*, обозначающего «газетную статью развлекательного характера»). Основу той массовой культуры составляло чтение газет, а именно «фельетонов», которые были адаптированы под массовое сознание, не содержали каких-либо глубоких мыслей, уводили читателя от действительности, погружая его в мир сплетен светской жизни. Авторами фельетонов были не только простые обыватели, но также учёные, профессора. Популярность фельетона зависела от имени автора и от глупости излагаемой им темы: чем известнее был учёный, написавший фельетон, и чем нелепее было содержание написанного им фельетона, тем выше на него был спрос. Фельетоны были порой анекдотичны по своему содержанию, что также отражалось и в названиях статей: «Фридрих Ницше и дамские моды в семидесятые годы девятнадцатого столетия», «Любимые блюда композитора Россини», «Роль комнатных собачек в жизни знаменитых куртизанок». Сами авторы фельетонов осознавали бессмысленность своей так называемой «научной» деятельности и посмеивались над собой. Это было своего рода бегство от действительности, вызванное страхом перед будущим, нежеланием участвовать в политической и экономической жизни страны, потребностью уйти от действительности. Было очевидно,

⁴²⁰ Гессе Г. Игра в бисер. М. : АСТ, 2010.

что такое общество находится в опасности, и во избежание катастрофы было принято решение о формировании Касталии, где могли бы жить и творить лучшие представители интеллектуальной элиты, задачей которых было сохранение традиций духовности и культуры. Основной задачей ученых было занятие игрой в бисер, которая представляла собой синтез всех отраслей знания и видов искусства в нечто общее, взаимосвязанное и взаимообуславливающее. Учёные, живущие и работающие в Касталии, получают своё образование в этой стране с раннего возраста. Задача школ Касталии – готовить будущих специалистов по игре в бисер. Детей в эти школы принимают путём тщательного отбора, однако среди учащихся встречаются и обычные дети, желающие получить элитное образование, чтобы потом вернуться в традиционный социум. Касталия действительно мыслится как гетеротопное пространство, в котором время остановилось: его обитатели далеки от достижений современности, там нет традиционного современного транспорта (там ездят на лошадях). Живущие в замкнутом пространстве, внутри обычного государства, жители Касталии далеки от действительности, не приспособлены к жизни, поскольку посвящают себя только одной задаче: воспитанию интеллектуальной элиты и совершенствованию науки игры в бисер. Главный герой романа – Йозеф Кнехт (от нем. *Knecht* – слуга) является магистром игры в бисер, он достиг самых больших высот во всех начинаниях. Однако в конце романа герой решает покинуть Касталию, не видя смысла в этой игре, поскольку она не имеет практической значимости. Более того, быть иждивенцем традиционного общества может быть опасно, поскольку такое разделение видов деятельности членов социума (традиционное общество, содержащее Касталию, и сами касталийцы, которые лишь практикуют игру и не производят никаких благ) и изоляция науки и искусства от повседневности может однажды привести к осознанию ненужности Касталии – этого хранилища искусства и науки в его чистом, нетронутым виде. Общество, живущее другими ценностями, отличными от тех, что приняты среди касталийцев, может однажды осознать бессмысленность и ненужность такого иждивенца, как Касталия, и избавиться от него. Именно поэтому Кнехт уходит из Касталии в обычный мир и становится учителем (и воспитателем) для сына своего бывшего одноклассника. Теперь он видит смысл своей жизни не в практиковании бесполезной игры в бисер, а в служении, пусть даже одному человеку. Желание донести знания до всех, быть полезным, оказывается для героя намного важнее сохранения и приумножения интеллектуального наследия в его чистом виде.

Кнехт покинул мир чистой науки и искусства ради служения обществу, он искренне верил, что сможет быть полезным и сделает элитные знания достоянием всех. Однако здесь следует задуматься: а нужны ли эти элитарные знания, эта культура современному социуму? Что может дать такая искусственно сформированная гетеротопия реальному изменяющемуся миру? Очевидно, что мир не стоит на месте. Изменениям подвержена любая сфера повседневной деятельности человека. Любое общество испытывает воздействие со стороны соседей. В культуре и в повседневной жизни мы наблюдаем взаимовлияние и взаимопроникновение: изменения заметны в языке, образе

жизни, мировоззрении, стандартах поведения, сфере ценностей. Люди стали больше путешествовать, общаться друг с другом, вступают в разного рода взаимодействия с представителями других культур, перенимают наиболее удобные стандарты поведения. При таком положении дел сложно говорить о культуре в чистом виде, поскольку активное взаимопроникновение культур и мобильность членов социума, которые стали возможными сегодня благодаря процессам глобализации, меняют наше повседневное восприятие культурных ценностей и отношение к ним. Это в некоторой степени представляет угрозу культурному наследию, поскольку изменение восприятия наследия выводит отношение социума к традиционной культуре и культурному наследию на другой уровень. Является ли сегодня сохранение культурного наследия в его первоначальном аутентичном виде игрой в бисер, или у этой культурной гетеротопии есть важные функции в меняющемся мире?

На первый взгляд, какая ещё из социальных сфер так понятна, общедоступна и стабильна, как культурное наследие, поскольку оно фиксируется, регистрируется, сохраняется, консервируется, восстанавливается, находясь в поле пристального внимания гражданского общества. Но даже категориальный аппарат, проблемы и подходы к культурному наследию вызывают научную дискуссию. Культурное наследие, с одной стороны, сохраняя базовые матрицы в неизменном виде, а с другой – приспосабливаясь к окружающей действительности, требует постоянного теоретического осмысления с учётом реалий меняющегося мира.

В мировой научной традиции чаще всего используется английский термин «наследие» (“heritage”), который является достаточно многозначным. Его можно перевести и как «наследование», «наследие», и как «традиция», и как (в библейском варианте) «церковь» и «древний народ Израиля». Такая полисемия является свидетельством того, что данный феномен представляет собой особую систему ценностей, что обуславливает сложность его многослойной дефиниции. Наличие столь богатого терминологического поля зачастую приводит к путанице в использовании понятий. Термин «культурное наследие» в западной традиции вписывается в широкий и довольно сложный терминологический ряд: “cultural heritage”, “cultural patrimony”, “cultural property”, “physical cultural resources”, “indigenous”, “traditional knowledge”, “folklore”. Даже в западной литературе с размежеванием этой терминологии возникают серьёзные трудности⁴²¹. От того, какой именно термин используется специалистами и правительственными чиновниками, часто зависит культурная политика не только отдельных государств, но и всего мирового сообщества в целом, и соответственно, зачастую именно внутреннее содержание понятия определяет, что именно, где, когда и как будет сохраняться.

Среди вышеперечисленных понятий такие термины, как “cultural heritage”, “cultural patrimony”, “cultural property” оказываются тождественными при переводе на русский язык. Обычно их принято переводить как «культур-

⁴²¹ Hoffman B. T. Art and cultural heritage: law, policy, and practice. New York : Cambridge Univ. Press, 2006. P. 14.

ное наследие». В словарях можно встретить некие отличия их перевода. Так, например, термин “cultural patrimony” переводится в некоторых контекстах как «церковное имущество или семейное наследие». Также сложно найти какую-либо единую убедительную расшифровку понятия “cultural property” («культурная собственность», «культурное достояние»), которое наиболее часто использовалось в официальных документах ЮНЕСКО и научной западной литературе последней трети XX в. Двойственность перевода этого термина может сбить с толку, и велик соблазн воспользоваться термином «культурное достояние». Однако в русском языке объёмы понятий «культурное наследие», «культурное достояние» и «культурная собственность» соотносятся несколько иначе, нежели английские “cultural heritage”, “cultural patrimony”, “cultural property”. Русский термин «культурное достояние» является среди них наиболее широким и включает в себя как временные, так и пространственные параметры. «Если наследие в определённых случаях семантически может иметь негативную окраску (тяжёлое наследие тоталитарного режима), то термин «достояние» имеет ярко выраженную положительную аксиологическую характеристику. Термин достояние несёт на себе также характер всеобщности. Он чаще всего применяется крупномасштабно – достояние республики, нации, страны»⁴²².

Содержательное наполнение понятия «национальное достояние» было исследовано в процессе социологического опроса в ряде европейских стран: Франции, Венгрии, Германии, Италии и Финляндии. Более половины опрошенных связали этот термин с историей и образом жизни (от 52 до 42 %), материальной культурой: памятниками (от 63 до 38 %), архитектурой (от 51 % в Венгрии до 28 % в Финляндии), нематериальной культурой: музыкой (28–18 %), литературой (26–25 %), живописью (19–16 %) ⁴²³.

Изучая контекст, в котором звучит термин “cultural property”, в официальных документах и теоретических работах 1970–1980-х гг., можно прийти к выводу, что под ним подразумевают «культурную собственность». Здесь прежде всего имелись в виду выдающиеся памятники истории и культуры, в первую очередь недвижимое наследие, собственность. Такая трактовка связана с принятием в 1972 г. на XVII сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия и появления перечня культурного наследия ЮНЕСКО. К культурному наследию на тот период ЮНЕСКО были отнесены:

- *памятники* – произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, элементы или структуры археологического характера, надписи, пещеры и группы элементов, которые имеют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки;

⁴²²Романова А. П., Якушенок С. Н., Дахин С. А., Топчиев М. А., Якушenkova О. С. Культурный менеджмент и политика сохранения культурного наследия в современном обществе // Человек. Сообщество. Управление. 2010. № 3. С. 58–69.

⁴²³Фирсова С. Что такое национальное достояние? // Вся Европа. URL: <http://www.mgimo.ru/alleurope/2006/10/dostojanie.html>.

- *ансамбли* – группы изолированных или объединённых строений, чья архитектура, единство или связь с пейзажем представляют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки;
- *достопримечательные места* – произведения человека или совместные творения человека и природы, а также зоны, включая археологические достопримечательности, места, представляющие собой выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, эстетики, этнологии или антропологии⁴²⁴.

В этом аспекте термин “immovable cultural property” (недвижимая культурная собственность) был достаточно определен и понятен. Несмотря на это, понятие всё же не было всеобъемлющим, оставляя без внимания объекты другого качества, которые требовали к себе внимания со стороны общества и государства и нуждались в сохранении.

Актуальной оставалась мысль о внесении в понятие “cultural property” также движимых объектов. Это придало бы понятию объёмность и упростило бы употребление термина. Сложность заключалась в том, что движимые объекты вклинивались в религиозные и политические интересы государств, поскольку множество ценностей было вывезено в период войн и другого рода конфликтов за многовековую историю человечества. Кто будет официально являться истинным владельцем этих ценностей? Эта сторона вопроса является тонкой и достаточно щепетильной.

Дж. Мэрриман в статье «Два подхода к культурной собственности», написанной в 1986 г.⁴²⁵, говорит о двух парадигмах движимой культурной собственности. Первая парадигма связана с признанием всех объектов искусства, археологии, этнографии в качестве общечеловеческого культурного достояния, а расположение их считалось независимым от первоначальных прав собственности и национальной юрисдикции. Согласно второй парадигме, все культурные ценности привязывались к стране их происхождения, это означало, что они являются только национальным достоянием страны происхождения. Такая трактовка свидетельствует об ограниченности понятия “cultural property”, которым невозможно описать и охарактеризовать всё богатство обозначаемого объекта. Очевидно, что культура и культурное наследие включают в себя намного больше, чем только материальные движимые и недвижимые объекты. Эта нематериальная составляющая наследия включает в себя обычаи, традиции. Таким образом, термин “cultural property” (культурная собственность) постепенно начал сменяться понятием “cultural heritage” (культурное наследие) в европейских конвенциях и в принципах, на которых они основаны, что в свою очередь обозначило смену культурной полити-

⁴²⁴ Рекомендации об охране в национальном плане культурного и природного наследия. ЮНЕСКО, 16 ноября 1972 г. URL: <http://www.art-con.ru/node/1718>.

⁴²⁵ Merryman J. H. Two Ways of thinking about Cultural Properties // American Journal of International Law. 1986. Vol. 80, № 4, October.

ки»⁴²⁶. В ноябре 2001 г. появляется Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии, а в 2003 – Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия (принята на 32-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО, Париж, октябрь 2003 г.).

Термин “cultural heritage” превращается в культурный концепт. Он выходит за рамки терминологии и становится необходимой составной частью культурного пространства, «многомерной ментальной единицей с доминирующим ценностным элементом»⁴²⁷. Как концепт он начинает определять, формировать под себя окружающее его пространство, выстраивать культурные, этнические, религиозные, политические цепочки взаимодействия в соответствии со своим содержанием. Достигнув уровня концепта, «культурное наследие» не только выявило всю ценностную значимость, но и начало процесса конструирования социальной реальности вокруг себя. Если на культурно-философском уровне «культурное наследие» (“cultural heritage”) – это концепт, то на социальном оно превращается в социальный институт.

Только сейчас, в начале XXI в., значимость объектов культурного наследия для человечества выявляется с особой яркостью. Мы наконец-то начинаем осознавать, что наше культурное наследие – это сложное соединение материальных и нематериальных элементов культуры, обладающих совокупностью ценностей, которая значима уже своим многообразием. Культурный объект может представлять собой социальную, духовную, религиозную, этическую, эстетическую, археологическую, антропологическую, экономическую ценность. Мы начинаем понимать, что любой проект по сохранению культурного наследия должен рассматривать свой объект не только в системе ценностей, но и в совокупности контекстов (социального, культурного, экономического, географического, административного).

Таким образом, объект культурного наследия больше не воспринимается как отдельный храм, историческое здание или монумент. Он стал включать в себя и ландшафт – природный, культурный, социальный, а также совокупность традиций, и даже отдельный ритуал или поселение, сохраняющее традиционный уклад жизни, а также эпос, предание, уникальный музыкальный инструмент или тип музицирования.

Как первый фактор институционализации появляется перечень объектов нематериального культурного наследия, куда включены более 90 разнообразных объектов, в том числе система музыкального исполнения мугам (Азербайджан), музыкальный инструмент дудук и игра на нём (Армения), Гелеле – традиционная церемония народности йоруба с танцами и песнопениями в масках (Бенин, Нигеря, Того), ритуалы, верования и практика целительства племени кальявая в Андах (Боливия), священный индонезийский кинжал – крис, искусство его изготовления и применения, опера «Куницей»

⁴²⁶ Manleo F. Cultural property and cultural heritage: a battle of concepts in international Law // International Review of the Red Cross. 2004. June.

⁴²⁷ Карасик В. И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Волгоград, 2001.

(Китай), театр кабуки (Япония), карнавалы и процессии в Бельгии, Франции, Боливии, Бразилии, традиция разведения тягловых быков и изготовления расписных повозок (Коста-Рика), традиционная обработка крестов и её символика (Литва), культурная среда площади Джамаа-эль-Фна (г. Марракеш, Марокко), культурная среда и устное творчество семейских (Забайкалье, Россия), якутский героический эпос «Олонхо», рисунки аборигенов Вануату на песке и т.д.⁴²⁸

Проблема сохранения культурного наследия превратилась в глобальную не только потому, что практически почти все страны мира подключились к этому процессу и появились десятки зарубежных исследований в этой области⁴²⁹, но и потому, что проблема до сих пор считается дискуссионной. На Западе она перестала оставаться прерогативой узких специалистов, оценивающих историческую или эстетическую ценность памятника как музейного объекта с точки зрения специальных искусствоведческих критериев и вышла за рамки узкопрофессиональной, поскольку культурное наследие является достоянием человечества и требует всеобщего осознания этого факта через подключение к данному процессу широкой общественности, так называемого гражданского общества, и в комплексном виде вошла в поле культурной безопасности.

Несмотря на то, что существует масса всевозможных институтов, работающих в сфере культурного наследия, в том числе и в России, его концептуализация, по крайней мере в российской науке, до сих пор не закончена и остаётся ареной широких дискуссий. «Несмотря на существование института культурного наследия, теоретическая проработка категории в отечественной науке находится у своих истоков. Проблема трансляции наследия и его соотношения с новыми культурными практиками остаётся открытой. В связи с этим возникает целая серия вопросов: каковы границы наследия, что потенциально попадает в круг наследия? Какова связь между традицией и наследием? Всегда ли наследие – это институционально оформленное явление? Если да, то как наследие обнаруживает свою идеологическую и политическую функцию?»⁴³⁰

⁴²⁸Романова А. П., Якушенко С. Н., Дахин С. А., Топчиев М. А., Якушенко О. С. Культурный менеджмент и политика сохранения культурного наследия в современном обществе.

⁴²⁹Smith L. *Cultural Heritage: Critical Concepts in Media and Cultural Studies*. Routledge, 2006; Yehuda E. Kalay, Thomas Kvan, Janice Affleck. *New heritage: new media and cultural heritage*. Routledge, 2008; Hoffman B. T. *Art and cultural heritage: law, policy, and practice*. London : Cambridge Univ. Press, 2006; Navrud S., Ready R. C. *Valuing cultural heritage: applying environmental valuation techniques to historic buildings, monuments, and artifacts*. Cheltenham, UK : Edward Elgar, 2002; Van Grieken R., Janssens K. *Cultural heritage conservation and environmental impact assessment by non-destructive testing and micro-analysis*. CRC Press, 2004; Bell C., Robert K. Paterson, *Protection of First Nations Cultural Heritage: Laws, Policy, and Reform*. UBC Press, Vancouver, 2009; Kasten E. *Cultural heritage: property of individuals, collectives or humankind?* Halle: Max-Planck-Institut, 2002; Cameron F., Kenderdine S. *Theorizing digital cultural heritage: a critical discourse*. Boston : The MIT Press, 2007 и т.д.

⁴³⁰Соловьева С. В. Культурное наследие как стратегия актуализации прошлого // Культурно-познавательный туризм юга России как стратегический ресурс укрепления российской государственности. М. : Альфа-Полиграф, 2015. С. 120.

Можно выделить несколько аспектов культурного наследия, которые становятся базовыми в попытках концептуализации роли культурного наследия в современном мире и которые являются наиболее дискуссионными. Это классическая проблема – *аксиологизация* культурного наследия, рассмотрения его как незыблемой и подлежащей сохранению системы культурных ценностей материального и нематериального характера, как элемента прежде всего духовной культуры. Аксеологизация культурного наследия, по сути, проводит знак равенства между понятиями «культурное наследие» и «культурное достояние», поскольку предполагает, что будучи заведомой ценностью, объекты являются народным достоянием, т.е. достоинством. Подход к наследию через призму системы ценностей имеет как сторонников⁴³¹, так и противников. Некоторые исследователи считают, что размытость дефиниции культурной ценности демонстрирует необоснованность выбора аксиологического подхода и самого термина «культурные ценности» в качестве базовой методологии и ключевого понятия политической практики⁴³². Однако в Гаагская конвенция 1954 г. базовым термином является именно «культурные ценности»⁴³³.

Весьма мощным и перспективным, особенно на Западе, является рассмотрение культурного наследия через призму его *коммерциализации*. Последнее время по всему миру социальный институт культурного наследия вступает во взаимодействие с экономическим полем. Если во второй половине XX в. Запад вкладывал финансы в первую очередь в промышленную и сырьевую экономику, банковское дело и т.д., так как сфера культуры была малорентабельной, то к концу столетия ситуация изменилась коренным образом. Поскольку для многих территорий на Западе сырьевая экономика перестаёт давать стабильный доход и постепенно приходит в упадок по мере исчерпания сырья, то территории естественно начинают искать новые ресурсы для развития экономики. Культурное же наследие априори является «неисчерпаемым сырьём». Условием, при котором наследие будет давать максимальный доход, является переход этой сферы экономики из сырьевой в производящую готовый продукт. Это требует продуманной высококласной инфраструктуры, учитывающей последующие инновации. Как один из основных компонентов туристической индустрии культурное наследие выступает отправной точкой экономического роста и появления новых рабочих мест. Только объявленная в США программа по восстановлению «главных улиц» маленьких городов в Вирджинии вызвала вложение частных инвестиций больше чем на 55 млн долларов, что создало почти 13 тыс. рабочих мест в реги-

⁴³¹Баева Л. В. Сохранение культурного наследия как воплощение ценности традиции // *Философия и общество*. Январь – март 2012. № 1. С. 109–118.

⁴³²Растимешина Т. В. Реализация концепции всемирного культурного наследия в российской и международной правовой и политической практике // *Экономические и социально-гуманитарные исследования*. 2015. № 4 (8).

⁴³³Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (Заключена в г. Гааге 14.05.1954) // *Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами*. М. : Госполитиздат, 1960. Вып. 19. С. 114–142.

оне⁴³⁴. Коммерциализация культурного наследия требует и его институционализации в мировом масштабе, что и было сделано в XX в. по инициативе ЮНЕСКО. Параллельно оно легитимировалось, систематизировалось, ранжировалось и защищалось целым рядом конвенций и хартий и, наконец, стало брендом. Изобилие памятников и сложность их сохранения не позволяют практически ни одному государству в мире достойным образом заботиться о всей целокупности своего культурного наследия. В связи с этим выстроенная иерархия объектов культурного наследия фиксировала значимость объекта в мировой культурной системе и, соответственно, степень его необходимости защиты мировым сообществом. Созданная иерархия в виде классификаторов всемирного наследия, а также государственных реестров на уровне каждой страны (в России – это федеральные, региональные и муниципальные списки памятников, подлежащих охране) способствовала также более эффективной коммерциализации объектов культурного наследия и их определённой «канонизации».

Весьма важным аспектом культурного наследия является его *историческая* составляющая, поскольку культурное наследие представляет собой систему прошлого в настоящем. Более того, именно в русле этих проблем культурное наследие начинает рассматриваться как культурно-ценностное *пространство* (курсив – авт.), составленное из объектов прошлого, упорядоченных в соответствии с выделенными социокультурными критериями⁴³⁵. А такое пространство представляет собой одну из форм гетеротопии – хронотопию.

Культурное наследие имеет и топос, и локус. С одной стороны, мы можем говорить о пространстве культурного наследия в целом на метауровне, с другой стороны, по крайней мере у любого объекта материального культурного наследия всегда есть место. Причём это не только локализация в конкретном географическом пространстве, но и привязка к системе «прошлое – настоящее». По утверждению Г. Эшворта, «тот факт, что существует система обратной взаимосвязи между наследием и его местоположением, может быть не только очевидным или не требующим дополнительных доказательств, но даже являться тавтологией. С одной стороны, место – это продукт наследия, даже если теперь на них нет физически переживших времени остатков прошлого. Место, будь то страна, город или точка на земной поверхности, «сакрализованы» (используя терминологию Д. Макканелла) приписываемыми ему ассоциациями. Точно так же и наследие – это одна из главных детерминант индивидуального характера места. Ни ученых-географов, ни туристов не

⁴³⁴ Greffe X., Pflieger S., Noya A. Culture and Local Development. Los Angeles : Getty Conservation Institute, 2002.

⁴³⁵ Селезнева Е. Н. Теоретико-методологические проблемы актуализации культурного наследия // Культурологический журнал. 2013. № 2 (12). URL: http://www.cjournal.ru/files/file/04_2014_17_06_44_1398517604.pdf.

надо убеждать, что наследие – это один из принципиальных компонентов осуществления реальной дифференциации местности»⁴³⁶.

Такого рода культурно-исторические места – это не только монумент, памятник, архитектурный комплекс, но и связанный с ним комплекс нематериального наследия – легенды, традиции, верования. Это пространство формирования культурной памяти как положительного, так и отрицательного характера – превращенные в места памяти концлагеря, массовые кладбища, памятники жертвам геноцида. Проблема культурной памяти, мест памяти в отечественных⁴³⁷ и зарубежных исследованиях связывается с целостностью культурной идентичности. «Наши взаимоотношения с историческими местами помогают нам определить, кто мы. Они также важны для нашей идентичности чувством преданности и ощущением страны, как и кленовый лист, широкие просторы прерий или Горы Роки. Они предлагают физический контакт с прошлым, которое улучшает наше понимание того, где мы были...»⁴³⁸

Однако именно в рамках такого рода исследований возникает наибольшее количество теоретических вопросов к культурному наследию. Надо ли сохранять его в первозданном виде, должна ли это быть только реставрация, абсолютная подлинность возведенная в фетиш? Эту проблему Е.А. Маковецкий назвал «идеологемой подлинности»⁴³⁹. С его точки зрения, не являясь экспертами в области искусства, большинство из нас не отличит подлинник от его хорошей копии. И она окажет именно такое же «воздействие на душу», как и оригинал. В данном случае исследователь рассматривает культурное наследие как таковое, как идеологему со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Мы посмотрим на пространства культурного наследия с несколько иной позиции. Как мы уже говорили выше, культурное наследие любой страны можно рассматривать как некое метапространство, состоящее из памятников материального и нематериального культурного наследия, мест памяти. К местам памяти мы относим и памятники, не являющиеся наследием в прямом смысле слова. Каждый памятник материального культурного наследия, локализуясь в пространстве, превращается в хронотопию в силу своей историчности. Но редкий памятник остается целым и неповрежденным или не видоизмененным с момента своего появления. Аутентичность многих из них оказывается достаточно спорной. Политика ЮНЕСКО по включению объекта в список культурного наследия достаточно жестка и требует высокого уровня аутентичности. Это длительный и кропотливый процесс, требующий как пуб-

⁴³⁶ Ashworth G. J. From history to heritage – from heritage to identity. In search of concepts and models // *Building a New Heritage. Tourism, Culture and Identity in the New Europe* / eds G. J. Ashworth, P. J. Larkham. London : Routledge, 1994. P. 19.

⁴³⁷ Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке / отв. ред. Н. А. Кочеляева. М. : Совпадение, 2015. 168 с.

⁴³⁸ Cameron C The spirit of place The physical memory of Canada // *Journal of Canadian studies*, Peterborough; spring, 2000. URL: [Proquest base].

⁴³⁹ Маковецкий Е. А. К вопросу о перспективах концепции культурного наследия // *Философия и культура*. 2013. № 12 (72). С. 1794. DOI: 10.7256/1999-2793.2013.12.3978.

личного обсуждения, так и выполнения целого ряда условий, связанных не только с состоянием самого памятника, но и с культурным ландшафтом, поэтому это становится делом всего гражданского общества. Данная политика в западных странах проводится достаточно чётко с помощью кнута и пряника⁴⁴⁰.

В руководстве по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия от 2 февраля 2005 г. пункт II.E. целиком посвящён целостности и / или аутентичности памятников. Следуя требованиям аутентичности, «реконструкция остатков археологических памятников, или исторических зданий или кварталов допустима только при исключительных обстоятельствах. Реконструкции приемлемы только в том случае, если они выполнены на основе полной и исчерпывающей документации, но никоим образом не на предположениях любой степени достоверности»⁴⁴¹. Таким образом, мы видим, что одним из важнейших вопросов данной процедуры является вопрос аутентичности искомого памятника. Тем самым, предполагается отделение зёрен от плевел, аутентичного наследия от позднейших реконструкций и симулякров.

Надо сказать, что вопрос об определении аутентичности памятника не является простым и однозначным, поскольку культурная традиция сохранения памятников материального культурного наследия не является общепринятой для всех государств и социумов. В силу экстравертивности самой европейской культуры она изначально была ориентирована на отождествление объекта культурного наследия с материальным памятником. Такую тенденцию закреплял употреблявшийся в середине прошлого века в англоязычной литературе термин “testimony”, впоследствии вытесненный термином “heritage”, расширивший границы понимания культурного наследия. Вследствие этого первоначально сложившаяся система сохранения и защиты объектов культурного наследия ориентирована прежде всего на материальные объекты и, соответственно, учитывает массу материальных факторов: степень сохранности, уровень износа, экономические и социальные риски, человеческий фактор и т.д. В восточной традиции охраны культурного наследия, например, в Японии, главный упор делается не на самом материальном объекте, а на его духовной составляющей. Восточная культура пытается сохранить не столько брентную оболочку, сколько дух памятника. М. Векко считает, что это связано с культурной спецификой философского видения истории⁴⁴². Согласно же А. Томашевскому, эти два подхода вытекают не только из различных религиозных предпосылок, являющихся частью культуры каждой страны, но и из среды обитания. Западные памятники созданы преимуще-

⁴⁴⁰Миронова Т. Н. Сохранение культурного и природного наследия как главная черта культурной политики стран Европейского региона: Италия // Культурная политика. 2009. № 2. С. 43.

⁴⁴¹Руководство по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия от 2 февраля 2005. С. 20. URL: <http://www.nhpfund.ru/files/operational-guidelines-ru.pdf>.

⁴⁴²Vecco M. A definition of cultural heritage: From the tangible to the intangible // Journal of Cultural Heritage. 2010. № 11. P. 322.

ственно из стойких материалов и в умеренном климате, а восточные – из нестойких и в менее благоприятных условиях, поэтому разрушаются чаще⁴⁴³.

Позволим поставить перед собой два вопроса и попытаемся на них ответить. Так что же все-таки важно для сохранения культурной безопасности в памятнике культурного наследия – его подлинная материальная оболочка, которая имеет обыкновение стареть и разрушаться, или его внутреннее содержание, дух, своеобразное *alter ego*, способное гипотетически существовать вне этой оболочки, например, в виртуальной форме, и которое в наибольшей степени способно влиять на формирование коллективной идентичности?

Сам термин «аутентичность» тоже неоднозначен. В западной литературе различаются два сопредельных понятия – «аутентичность объекта» и «экзистенциальная аутентичность». Второй термин активно используется в исследованиях в области культурного туризма⁴⁴⁴. Надо сказать, что с тех пор, как МакКеннал⁴⁴⁵ ввёл понятие «аутентичность» как предполагаемый повод для туристической деятельности, споры, связанные с использованием этого термина, только усилились. Под «аутентичностью объекта» собственно понимается подлинность памятника в европейской трактовке, когда речь идёт не о реконструкции, а только о реставрации, при которой объект и культурный ландшафт эпохи сохранены максимально. «Старинная вещь чисто мифологична, отсылая к прошлому. Она лишена какого-либо выхода в практику и явлена нам исключительно затем, чтобы нечто означать... у нее есть вполне специфическая функция: ею обозначается время»⁴⁴⁶. Экзистенциальная же аутентичность – понятие ещё более размытое и широкое, чем восточная версия духовной аутентичности. В восточной традиции эта подлинность всё же имеет определённое основание в виде копии, выполненной в максимальном приближении к оригиналу. Именно она сохраняет (а не воссоздает) дух подлинного культурного объекта. Экзистенциальная же аутентичность гораздо более широка и основана не на реставрации, а на реконструкции.

Поскольку объекты культурного наследия вовлечены во всемирную туристическую «паутину», то вопрос исторической подлинности начинает уступать место весьма прагматичным задачам – зрелищности и коммерческому успеху. Под понятие «экзистенциальная аутентичность» прежде всего подпадают новые культурные феномены, являющиеся сегодня поводом для туризма, например, кинотуризм, когда в основу маршрута положена сюжетная линия какого-либо культового фильма, например маршрут по Новой Зеландии,

⁴⁴³Tomaszewski A. Vers une philosophie pluraliste de la conservation pour le xxie siècle, Centre pour la protection du paysage culturel. Varsovie, 2001. P. 9.

⁴⁴⁴Wang N. Rethinking authenticity in tourism experience // Annals of Tourism Research. 1999. № 26 (2). P. 349–370.

⁴⁴⁵MacCannell D. Staged authenticity: Arrangements of social space // Research. 2001. № 28 (1). P. 7–26.

⁴⁴⁶Бодрийяр Ж. Система вещей. М. : Рудомино, 1995; Делез Ж. Платон и симулякр // Интенциональность и текстуальность. Томск, 1998. С. 83.

где происходили съемки «Властелина колец»⁴⁴⁷. Экзистенциальной аутентичности отвечает и «фестивальный туризм», включающий в себя не только традиционные места проведения карнавалов (Венеция, Бразилия и т.д.), но и не связанные с подлинным культурным ландшафтом, такие как, например, Техасский фестиваль эпохи Возрождения. В результате таких процессов появляются новые фестивальные гетеротопии, весьма вольно воспроизводящие культурные реалии представляемого времени. Проводя экспертный опрос участников фестиваля, Х. Ким и Т. Джамал выявили, что они относятся к своему участию в таком мероприятии весьма серьезно, отнюдь не воспринимая его как суррогат, и полностью погружаются в атмосферу эпохи, несмотря на отсутствие объектной аутентичности⁴⁴⁸. Поэтому так называемая «экзистенциальная аутентичность» для них важнее подлинности, а впечатления, испытываемые в процессе, они расценивают как подлинные. В силу этого именно замена объектной аутентичности экзистенциальной делает возможным существование в рамках культурного наследия симулякра. Так формируется двойная гетеротопия. С одной стороны, карнавал уже сам по себе определённый тип гетеротопии, карнавал же воспроизводящий не эпоху, а представление его участников о ней, представляет гетеротопию в гетеротопии. «Экзистенциальная аутентичность, в отличие от аутентичности объекта, часто не имеет никакого отношения к проблеме реальности посещаемого туристами объекта. В поисках туристского опыта, который экзистенциально аутентичен, туристы озабочены экзистенциальным Бытием, активированным определенной туристической активностью»⁴⁴⁹. Постепенно экономические задачи начинают формировать пространство культурного наследия как поле симулякров, превращающихся в сложные гетеротопии.

Культурное наследие, как материальное, так и нематериальное, помогает нам выстраивать свою идентичность, становясь важнейшим фактором культурной безопасности. Важно ли для сохранения культурной идентичности статус кво объекта как памятника ЮНЕСКО, к чему так стремятся практически все страны мира? Насколько важен процент аутентичности объекта для формирования наших представлений о своем прошлом? Что для нас значимо: созерцать подлинные руины памятника, формируя мир искусства для искусства, гетеротопию игры в бисер, или попытаться создать его симулякр? Каково место симулякра в формировании культурной идентичности и не представляет ли он угрозу культурной безопасности?

⁴⁴⁷Buchmann A., Moore K., Fisher D. Experiencing film tourism: Authenticity and Fellowship // *Annals of Tourism Research*. 2010. № 1, Vol. 37. P. 229–248.

⁴⁴⁸Kim H., Jamal T. Touristic quest for existential authenticity // *Annals of Tourism Research*. 2007. № 34 (1). P. 181.

⁴⁴⁹Wang N. Rethinking authenticity in tourism experience.

Культурное наследие: гетеротопия симулякра

Симулякры берут верх над историей.
Ж. Бодрийяр. Символический объект и смерть

Важная часть культурной безопасности – коллективная культурная идентичность, о которой говорили исследователи Парижской школы, довольно часто базируется на общем историческом прошлом, на его памятниках, мифах, традициях. Возможно ли формирование и сохранение культурной идентичности через систему не только абсолютно аутентичных объектов наследия, но и посредством реконструированных копий? У этой проблемы есть не только философская, метафизическая сторона, этакий платоновский эйдос культурного наследия, но и весьма прагматичный аспект. Дело в том, что подход к культурному наследию как к коммерческому предприятию и погружение его в туристическую сферу приводят к тому, что это отрицательно сказывается на сохранении самого наследия. Потоки туристов часто вредят культурному наследию, поэтому в некоторые объекты доступ просто ограничен или закрыт, как это произошло с пещерой Ласко. Туристический спрос на традиции и церемонии малых народов превращает их в шоу, тем самым теряется их истинное значение и даже изменяется структура, поскольку ряд элементов этих церемоний совсем не зрелищны и часто закрыты для непосвящённых, но чрезвычайно важны для сохранения культурной картины мира этноса. Культурный же туризм требует экзотичности, яркости, простоты восприятия. Остатки архаических элементов смешиваются с современными технологиями, появляются культурные симулякры, которые представляют собой гетеротопии культурного пространства.

Понятие «симулякр» (от франц. – стереотип, псевдовещь, пустая форма) введено в научный оборот Ж. Бодрийяром и активно использовалось прежде всего в постмодернистской философии, которая возводит его к Платону, к его теории идей, обозначающей границу между «вещью» как таковой и её образами, оригиналом и копией, моделью и симулякром⁴⁵⁰. Платон допускает существование двух типов копий – подлинных, имеющих сходство с оригиналом, и ложных, такого сходства практически не имеющих, симулякром. «Копия является образом, обеспеченным подобием. Симулякр же – образ, лишённый подобия»⁴⁵¹. Тем не менее, для Платона в симулякре главным является не то, что он – ложная копия, «а то, что он ставит под вопрос вообще всяческие изображения, копии и модели»⁴⁵², т.е. своим существованием он дискредитирует само понятие копии.

По Бодрийяру, симулякр это «субституция, подмена реального знаками реального, т.е. это операция по апотропии всякого реального процесса с помощью его операционной копии, идеально дескриптивного, метастабильного,

⁴⁵⁰ Делёз Ж. Платон и симулякр // Интенциональность и текстуальность. Томск, 1998. С. 226.

⁴⁵¹ Там же. С. 231.

⁴⁵² Там же. С. 229.

программированного механизма, который предоставляет все знаки реального и предотвращает любые перипетии»⁴⁵³.

В отечественном словаре «Культурология. XX век» термин «симулякр» определяют как образ отсутствующей действительности, правдоподобное подобие, лишённое подлинника, поверхностный объект, за которым не стоит какая-либо реальность. Это пустая форма, самореференциальный знак, артефакт, основанный лишь на собственной реальности⁴⁵⁴.

Понятие симулякра эволюционирует от обозначения ложной, но все-таки копии вещи, до приблизительной, иногда сюрреалистичной имитации, виртуальной копии, и употребление этого термина по отношению к какому-либо объекту приобретает уничижительный характер, отождествляя объект с подделкой. Этот термин всё чаще используется различными исследователями для анализа протекающих процессов в различных сферах – в экономике⁴⁵⁵, в коммуникативистике⁴⁵⁶ и т.д. Он всё чаще входит в политический оборот⁴⁵⁷, соотносится с современными массмедиа и рекламой, которая буквально построена на симулякрах.

Ж. Бодрийяр философично рассматривал всю современную культуру как симулякр и выделял три порядка симулякров: 1) подделку как господствующий тип «классической» эпохи, от Возрождения до промышленной революции; 2) производство как господствующий тип промышленной эпохи; 3) симуляцию как господствующий тип нынешней фазы, регулируемой кодом: «Симулякр первого порядка действует на основе естественного закона ценности, симулякр второго порядка – на основе рыночного закона стоимости, симулякр третьего порядка – на основе структурного закона ценности»⁴⁵⁸.

Современная медийная культура, разрушающая границы, порождает целый мир культурных симулякров, имеющий сложную структуру. Появляются трансграничные симулякры, государственные культурные симулякры, симулякры культурных памятников, симулякры этнической культуры, симулякры демократической политической культуры и т.д.

Медийная культура позволяет формировать виртуальные симулякры, заменяющие собой памятники реальной культуры, как более привлекательные, доступные. Современные технологии позволяют не только улучшить их эстетический вид, реконструировать утраченное, но и, включив их в медиакультуру, построить параллельный культурный «мир-симулякр». Он имеет как транснациональные характеристики, так и национальные черты. Нас в данном случае интересует симулякр культурного наследия, активное рас-

⁴⁵³ Бодрийяр Ж. Симулякр и симуляция. URL: <http://existencia.livejournal.com>.

⁴⁵⁴ Культурология XX в. СПб, 1997. С. 423.

⁴⁵⁵ Bougen P. D., Young J. J. Fair value accounting: Simulacra and simulation. CritPerspect Account, 2011. DOI: 10.1016/j.cpa.2011.05.004.

⁴⁵⁶ Durham S. Phantom communities: the simulacrum and the limits of postmodernism. Stanford : Stanford Univ. Press, 1998.

⁴⁵⁷ Бодрийяр Ж. Симулякр и симуляция; Дугин А. Политическая система современной России: симулякры и альтернативы. URL: <http://www.konservatism.org>.

⁴⁵⁸ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М. : Добросвет, 2000. С. 115.

пространение которого заставляет задуматься о дальнейших перспективах существования материального культурного наследия и его функциях в системе культурной безопасности.

Исходя из самого понятия «симулякр», возникает вопрос, как можно провести границу между симулякром и подлинником. Казалось бы, здесь всё достаточно просто. Подлинник – это абсолютно аутентичная вещь, датированная той эпохой, к которой она принадлежит, в большинстве случаев подвергнутая реставрации, не изменившей подлинную основу. Однако простота здесь кажущаяся. Синтоистские храмы Най-ку и Гей-гув в Исе (Япония), разбираемые и вновь отстраиваемые по одним источникам через 21 год⁴⁵⁹, а по другим – через 20 лет⁴⁶⁰, представляют собой точную копию предыдущего, и, соответственно, первоначального храма. Подобная перестройка совершалась уже более 60 раз и последняя была в 2013 г. Можно ли считать этот памятник подлинником, ведь он и аутентичен, и неаутентичен одновременно. Это абсолютное подобие оригинала, но если придерживаться буквы – не оригинал. Японцы считают его подлинным, поскольку сохранён его дух.

Сложность определения аутентичности ещё и в том, что практически любой материальный объект культурного наследия, имеющий на данный момент «товарный вид», в той или иной степени когда-либо реставрировался. Более того, многие из них в процессе своего, подчас многовекового, существования подвергались многочисленным переделкам и достройкам, а иногда вообще создавались поэтапно. Большинство объектов представляют собой «луковицу» из многих культурных наслоений, поэтому так сложен вопрос об изначальной и абсолютной аутентичности. Любой объект, со всеми его историческими слоями, представляет собой немножечко симулякр. И когда, например, реставраторы, снимают более поздние слои «записи» иконы, открывая её первозданный аутентичный вид, то тем самым уничтожают более позднюю аутентичность, которая тоже могла быть «Явлением» для своего времени.

Всё чаще в культурном туризме подлинные объекты культурного наследия начинают замещаться или дублироваться полными либо частичными симулякрами, которым не страшны большие туристические потоки, которые учитывают современные технические достижения и современную виртуальную картину мира. Такие симулякры культурного наследия полифункциональны. С одной стороны, своим существованием симулякры – копии объектов культурного наследия – сохраняют подлинник путём снятия с него части туристической нагрузки. С другой стороны, они выполняют просветительские функции – дают возможность большим потокам желающих познакомиться с объектами культурного наследия, зачастую с меньшими усилиями и с меньшими финансовыми затратами.

⁴⁵⁹Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб : Брокгауз – Ефрон, 1890–1907.

⁴⁶⁰Vecco M. A definition of cultural heritage... P. 323.

Симулякр культурного наследия представляет собой гетеротопию, но несколько иного вида, нежели само культурное наследие. Он в меньшей степени является хронотопией, поскольку не аутентичен. Однако не будучи реальной частью прошлого в настоящем, он гетеротопен в несколько ином смысле, поскольку представляет собой ярлык, маркер историко-культурного пространства, знак прошлого в настоящем.

Вслед за Ж. Бодрийяром можно вычленить несколько базовых типов симулякров культурного наследия, но по несколько другому принципу. В основе будет лежать деление по степени аутентичности симулякра.

К *первому типу* можно отнести симулякры, в основе которых лежит реальный исторический памятник, но реставрированный с элементами реконструкции. Ярким примером тому может служить дом-музей купца Тетюшинова в г. Астрахани. Это деревянный дом XIX в., который в XX в. был жилым домом на несколько соседей, а к началу XXI в. пришёл в упадок, жильцы были выселены, а дом законсервирован в силу своей аварийности. При его реставрации была оставлена подлинная основа здания, реконструирован целый ряд конструктивных элементов, но уничтожены стеновые пластинные панели. И памятник, сохранив свою подлинную аутентичную основу, внешне стал выглядеть как «новодел», зато приобрёл привлекательность для туристов, был обставлен внутри аутентичной мебелью этого культурного слоя и стал музейным досуговым комплексом.

Рис. 5.1. Дом купца Тетюшинова (г. Астрахань) до и после реконструкции

К симулякрам культурного наследия *второго типа* можно отнести реконструированные памятники, когда объект представляет собой новодел, более или менее точную копию, в подлинную величину, воссозданную либо по рисункам, фрагментам, чертежам, либо дублем чего-то уже существующего. «Под предлогом спасения оригинала, посетителям запретили доступ в гроты Ласко, но в пятистах метрах построили их точную копию, так что каждый может увидеть их (взглянуть через глазок на часть настоящего грота, а потом посетить реконструкцию всего остального). Возможно, что сама память об оригинальных гротах постепенно исчезнет из сознания будущих поколе-

ний, и тогда различий не будет: дублирования достаточно, чтобы оба объекта стали одинаково искусственными»⁴⁶¹. К такому типу памятников можно отнести построенную на земле одного из австралийских фермеров достаточно точную копию Стоунхенджа в натуральную величину – Esperance Stonehenge⁴⁶².

К симулякрам *третьего типа* можно отнести новоделы, стилизованные под исторические объекты. Такие симулякры представлены, например, замком Клойстерс, филиалом музея «Метрополитен» в Нью-Йорке, построенным в первой половине XX в., с включением подлинных скульптур и архитектурных фрагментов из пяти французских и испанских монастырей, декорациями оставшимися после съемок фильма «Орда 2012» (реж. А. Прошкин), около Астрахани, на месте бывшей столицы Золотой Орды Сарай-Бату и превратившимися в симулякр и место для проведения фестивалей этнических реконструкций.

Рис. 5.2. Декорации к фильму Орда (фото Л.В. Боевой)

Четвертый тип симулякров – это уменьшенные копии реальных исторических объектов культурного наследия, расположенные в специальном пространстве и представляющие собой репрезентацию мирового либо регионального, прежде всего материального архитектурного наследия, так называемые парки миниатюр или музеи под открытым небом. Такой симулякр явля-

⁴⁶¹ Бодрийяр Ж. Симулякр и симуляция.

⁴⁶² Блог жизни и путешествия по Австралии. URL: <http://thenomadicexplorers.com/ru>.

ется особым гетеротопным пространством, достаточно большим по площади (парк, сад, сквер), на территории которого районированно располагаются уменьшенные копии архитектурных шедевров. Такой парк может располагаться не только в крупном городе, но и в небольшом поселке. Вход туда и доступен, и ограничен покупкой билетов и количеством посетителей. В пространстве данной гетеротопии каждый культурный памятник может быть воспроизведён более или менее адекватно, но может и китчевые элементы. Парки миниатюр – это множество гетеротопных пространств в одной большом гетеротопном пространстве. Данное пространство, с одной стороны, имеет отношение к культурному наследию, поскольку его воспроизводит, но в силу специфики своего проекта таковым является.

Рис. 5.3. Тадж-Махал в парке миниатюр с. Кабардинке (фото А.П. Романовой)

Одним из старейших является парк миниатюр «Аве Мария Гротто»⁴⁶³ в штате Алабама (США), самостоятельно построенный монахом из монастыря св. Бернарда Джозефом Дзоэттисом из подручных материалов. Этот парк изначально не был элементом шоу-бизнеса, а скорее эксцентричным хобби и богоугодным делом. Построенный одним человеком, он весьма приближен с точки зрения аутентичности и ландшафтного дизайна, и не создаёт впечатление коммерциализированного объекта. В настоящее время «Аве Мария Гротто» настолько популярен в США, что ему посвящены стихи и ре-

⁴⁶³Properties on the Alabama Register of Landmarks & Heritage. Alabama Historical Commission. 2009, 4 June. Retrieved 21 July 2009. URL: <http://www.preserveala.org>.

мингтон для сотового телефона⁴⁶⁴. Таким образом, он становится объектом трансмедиа культуры.

Современные же мини-парки, а их около 100 по всему миру, – это профессиональная и весьма дорогостоящая работа большого коллектива архитекторов, дизайнеров, специалистов по культурному наследию. Они представляют культурное наследие либо во всемирном масштабе (парк Мира в Пекине; парк с. Кабардинка в России), либо в масштабе континента (Европарк в Русте, Германия; «мини-Европа» в Брюсселе, Швейцария), либо отдельной страны (мини-Израиль, Испанская деревня «Город мастеров» в Барселоне, «Италия в миниатюре» в Римини, Мадуродам в Голландии, «Франция в миниатюре» в Эланкуре. «Португалия в миниатюре» в Коимбре и т.д.), либо отдельного города (Киев в миниатюре). Это всё уменьшенные копии архитектурных объектов мирового культурного наследия, в основном в масштабе $\frac{1}{25}$ или $\frac{1}{8}$, как в Пекине.

Ещё один, *пятый тип* симулякров культурного наследия, представляет собой пространства этномузейных комплексов и этнодеревень, состоящие как из аутентичных, как и реконструированных архитектурных объектов, которые могут сопровождаться демонстрацией бытовых традиций, песен, легенд и мифов. В отличие от всех предыдущих эти объекты представляют собой уже симулякры не только материального, но и нематериального наследия. Это музеи под открытым небом – скансены (Витославлицы, Шелыковский хутор, Суздальский музей деревянного зодчества), либо этнографические музейные комплексы, этнические парки (Кижы и т.д.) и являются совокупностью подлинников, в первом случае свежённых в одно место из разных деревень, во втором – включающие как памятники, музеефицированные на месте, так и привезённые из других мест, но отвечающие критериям аутентичности. Существуют и полные симулякры, не имеющие аутентичной основы, такие как «Этномир» под Москвой.

Этнопоселения, например деревни малых народов Китая ли и мяо на о. Хайнань, представляют собой реконструированные декорации и зрелищный аттракцион для туристов, причём не столько иностранных, сколько внутренних. Сами представители племени работают как цирковые артисты и шоумены.

Эта гетеротопия культурного наследия представляет собой пространство множества гетеротопий с зафиксированными локусами архитектурных элементов – хронотопий в случае их аутентичности и псевдохронотопий в случае приблизительной реконструкции в обязательном сочетании с элементами карнавальная гетеротопии, воспроизводящей ритуалы и обряды представляемой культуры.

⁴⁶⁴ Ave Maria Grotto Lyrics. URL: <http://www.lyricsfreak.com/k/katecampbell/ave-maria-grotto20739259.html>.

Рис. 5.4. Девушка в национальном костюме народности мяо (фото И.В. Лебедевой)

На самом деле такая типология симулякров культурного наследия достаточно условна, поскольку существует множество гибридных или промежуточных форм, которые бы просто её усложнили. Но некоторые из них представляют любопытную форму гетеротопии. Например такие памятники культурного наследия, которые до сих пор используются для проживания. Это способствует превращению старых домов в маленькие музеи, кафе с историческим, а не псевдоисторическим антуражем, в маленькие фермы, где законсервированы старинные технологии производства продуктов или вещей. Примером тому может служить музей Каса Бальо – памятник архитектуры, спроектированный знаменитым каталонским архитектором А. Гауди. Музей является одновременно жилым домом, в нескольких квартирах до сих пор проживают люди, что делает музей вдвойне ярким примером гетеротопного пространства (музей в доме или дом в музее). Такая практика встречается в Европе довольно часто: так, например, знаменитый в Баварии замок Нойшванштайн доступен для посещения туристам только лишь в небольшой своей части, а всё остальное принадлежит наследникам короля Людвига II. В таких пространствах музейная гетеротопия совмещается с реальной человеческой жизнью.

В последнее время стали чаще совмещать парки миниатюр с элементами экономузея. Под экономузеями понимаются небольшие фирмы и мастерские с культурной коннотацией и оборудованием, которые выпускают традиционную для данной местности продукцию, демонстрируя систему про-

изводства, где посетители могли бы посмотреть, а в ряде случаев и поучаствовать в процессе. Это, по сути, симбиоз мастерской и интерпретирующего центра. Реконструированное старинное ветхое здание становится основой для воссоздания ремесленного процесса и не сносится, а продолжает жить в новом качестве. Экономузеи можно встретить сегодня довольно часто в туристических местах, однако особый интерес, на наш взгляд, представляют мастерские в так называемой «Испанской деревне» (“Poble Espanol”) в Барселоне, где можно побывать в стеклодувной мастерской и поучаствовать в изготовлении изделий из стекла, посмотреть на работу ювелиров, изготавливающих украшения и сувениры по традиционной испанской технологии. Можно также понаблюдать приготовление традиционных испанских блюд. Все эти экономузеи, сами по себе являющиеся гетеротопиями, поскольку сохраняют исторические ремесленные технологии, находятся внутри гетеротопий, симулякров исторических зданий разных эпох, собранных в большой гетеротопии «Испанской деревни».

В последнее время отношение к симулякрам становится всё более терпимым, поскольку массовая культура начала активнее вытеснять элитарную, особенно в молодежной среде. Культура неизбежно трансформируется под влиянием целого комплекса факторов. Человечество пытается судорожно сохранить культурную преемственность любыми путями. Поддержание аутентичных памятников культурного наследия в первоначальной форме становится всё более дорогостоящим и трудоёмким процессом, весьма сложно совместимым с его коммерциализацией. Тем более что и аутентичные памятники культурного наследия, и симулякры различной стадии аутентичности представляют собой гетеротопии – *другое* пространство, аккумулирующее в себе историческое прошлое в материальной и нематериальной формах. Уже поэтому при понимании всей важности и значимости сохранения подлинника речь идёт о возможностях такого сохранения, а отсюда и об утилитарной функции симулякра. В Астрахани, старинном купеческом городе, где центр сохранил во многом свой исторический облик, есть жилые дома, относящиеся к культурному наследию разного уровня. Они очень «историчны» и по-своему красивы, но в них очень сложно жить.

Если вопрос стоит о том, дать ли разрушиться аутентичному памятнику или законсервировать его в полуразрушенном состоянии, или реконструировать с помощью современных технологий, восстановить с максимальным приближением к подлиннику, то, пожалуй, в настоящее время в зоне культурной безопасности находятся все решения. Но, тем не менее, будущее культурного наследия, скорее всего, за симулякрами. Уходящая подлинность оставляет привкус неизбежности и послевкусие утраты.

Культурное наследие и культурная идентичность

Твой автомобиль японский, твоя пицца итальянская, твой кофе бразильский, твоя водка русская, твоё электричество сербское, твои фильмы американские, твой ковер персидский, твой Иисус иудей, твои цифры арабские, твоя демократия греческая, твой шрифт латинский, твой отпуск турецкий, хорватский, испанский, албанский, болгарский. И ты всё ещё говоришь: иностранцы – убирайтесь!⁴⁶⁵

Как много бы ни значили для нас объекты материального культурного наследия, которые мы прежде всего относим к категории «достояние», являющиеся символами, маркерами той или иной культуры – афинский акрополь, римский пантеон, московский кремль, Эйфелева башня и т.д., но не они, а нематериальное культурное наследие в первую очередь формирует нашу коллективную культурную идентичность и культурную и историческую память. Согласно международной конвенции об охране нематериального культурного наследия, к нематериальному культурному наследию относятся обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия. Такое нематериальное культурное наследие, передаваемое от поколения к поколению, постоянно воссоздаётся сообществами и группами в зависимости от окружающей их среды, их взаимодействия с природой и их истории и формирует у них чувство самобытности и преемственности⁴⁶⁶.

Как взаимосвязаны нематериальное культурное наследие и культурная идентичность в ракурсе культурной безопасности, мы рассмотрим на примере ситуации в Европе, прежде всего в Германии. Интерес к этому вопросу возник ещё в рамках участия одного из авторов в стипендиальной программе ДААД (DAAD – немецкая служба академических обменов) 2006–2014 гг. Сегодня европейское наследие, как материальное, так и нематериальное, находится под угрозой. Причина кроется в глобализационных процессах, происходящих в мире и ведущих к увеличению числа мигрантов в странах Европы: Германии, Франции, Австрии, Италии, Великобритании. Причины увеличения потока мигрантов могут быть различными и иметь свою специфику в каждой стране, также как и последствия миграции, однако можно выделить ряд проблем, которые являются общими для всех стран, а именно: рост насилия, преступности, маргинализация, ресентиментальный настрой. Мигранты поки-

⁴⁶⁵ Популярное высказывание на сайте немецких афоризмов (URL: <http://www.spruchmonster.com.w0136d5a.kasserver.com>).

⁴⁶⁶ Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0013/001325/132540r.pdf>.

дают свои страны по причине финансового или экологического кризиса, военных конфликтов или просто в поисках лучшей жизни. Часто им не удается стать частью нового общества, и тогда в принимающей стране возникает много проблем, связанных с возникновением параллельных сообществ, непониманием, дополнительными расходами на программы интеграции. О проблеме параллельных сообществ говорил Хайнц Бушковский⁴⁶⁷ в своей книге «Нойкелль повсюду», а также немецкие авторы турецкого происхождения Некла Келек⁴⁶⁸, Сейран Атеш⁴⁶⁹.

Существование параллельных сообществ возможно благодаря поддержке их социокультурной среды, ведь многие мигранты компактно проживают в европейских городах, ходят в свои храмы, соблюдают только свои традиции и даже совсем не говорят на языке принимающего их государства, а ведь именно язык, являясь нематериальным культурным наследием, выступает основным инструментом интеграции, приобщения к культуре народа. Будучи совершенно чужими для принимающего их сообщества, многие мигранты довольно комфортно ощущают себя в своем мире и не прикладывают усилий для интеграции: они отказываются учить язык принимающей их страны, не пускают своих детей в школу, живут обособленно в своем микросоциуме. Параллельные сообщества представляют собой этнокультурные гетеротопии, которые включают в себя и мегаполисные этноанклавы, о которых будет сказано в другой главе. Эти гетеротопии формируют, укрепляют достаточно плотную коллективную культурную идентичность на основе *другого*, лежащего за пределами принимающей культуры поля культурного наследия, подчас выходящего в противоречие с наследием принимающей стороны. И если материальные памятники остаются на родине, то комплекс нематериальной культуры: конфессиональные особенности, язык, традиции, литература и т.д. увозятся с собой и локализируются в другом пространстве. Естественно, что такое параллельное пространство, оформляясь, расширяясь, получает статус *другого* у принимающего сообщества, поскольку появляются как физические (районы по-го), так и нематериальные (языковые, конфессиональные, вестиментарные и т.д.) границы. Параллельное пространство, в отличие от локализованных территориально анклавов, превращается в сложную гетеротопию с обозначенным топосом, но размытым локусом.

Сравнивая сегодняшнее положение дел с ситуацией 2010 г., когда Т. Саррацин⁴⁷⁰ пугал всех угрозой исламизации Запада, можно утверждать, что на данный момент напряжённость только увеличилась, поскольку сейчас весь мир и Европа живут в страхе перед широким распространением идеологии Исламского Государства (ИГ). В этом контексте мигранты могут рассматриваться как прямая угроза не только культурной, но также общечеловече-

⁴⁶⁷ Bushkovky H. Neukölln ist überall. Berlin : Ullstein Buchverlag, 2012. 400 S.

⁴⁶⁸ Kelek N. Chaos der Kulturen, Die Debatte um Islam und Integration. Verlag : Kiepenheuer & Witsch, 2012.

⁴⁶⁹ Ates S. Der Multikulti-Irrtum. Wie wir in Deutschland besser zusammenleben können. Ullstein, 2010.

⁴⁷⁰ Sarrazin T. Deutschland schafft sich ab. Wie wir unser Land aufs Spiel setzen .Verlag : DVA, 2010.

ской безопасности, поскольку многие из беженцев и мигрантов, приобретя некий официальный статус в европейских странах, могут беспрепятственно возвращаться на свою родину, проходить инструктаж или идеологическую обработку и возвращаться снова в Европу, распространяя идеологию ИГ и привлекая всё больше новых сторонников не только среди таких же мигрантов и беженцев как они, но также вербуя в свои ряды коренных европейцев. Иллюстрацией такого положения дел стала публикация в швейцарской газете "Blick", вышедшая в свет сразу же после того, как в конце июня 2015 г. террорист убил 38 туристов на пляже в Тунисе. Статья под названием «Немецкий джихадист угрожает: ни в одной стране, где вы проводите отпуск, вы не будете ощущать себя в безопасности!» представляет собой интервью с гражданином Германии мусульманского вероисповедания, доктором химических наук Абу Хамса, который приняв положения радикального ислама, стал членом ИГ⁴⁷¹. Абу Хамса говорит на швабском диалекте, что свидетельствует о том, что он родился и вырос в Германии и воспитывался и жил в атмосфере толерантности и взаимопонимания, которая так и не смогла сформировать в нём европейскую гражданственность. В скайп-интервью, которое он дал сразу же после террористического нападения в Тунисе, Хамса заявляет: «В Тунисе, в Египте, в Турции, в Испании, в Италии, в Греции: ни в одной стране, куда вы едете отдыхать, вы не будете больше ощущать себя в безопасности». «Везде вас будет преследовать смерть и кровь», говорит он тем, кого считает неверными. Исламист также угрожает: «Мы с вами в состоянии войны, войны до самого уничтожения». Немецкое ведомство по охране конституции также предупреждает об опасности новых террористических актов и находится в состоянии готовности, поскольку, по оценкам специалистов, в Берлине в 2015 г. находилось 660 исламистов, 340 из которых были ориентированы на совершение терактов⁴⁷².

Эта информация звучит ещё более настораживающе в контексте данных, полученных в результате демографического исследования, проведённого знаменитым американским Институтом Пью в Вашингтоне (Pew-Institute). Исследование показало, что в 2070 г. на Земле будет жить больше мусульман, чем христиан. Эти результаты стали итогом шестилетнего изучения статистических данных из 234 государств и регионов, по которым была составлена конфессиональная карта мира. По данным исследования, почти третья часть населения Земли исповедует христианство: численность христиан на сегодняшний день составляет 2,26 млрд человек, в то время как ислам насчитывает 1,57 млрд верующих, а также 900 млн исповедуют индуизм. Исследователи отметили, что сообщество мусульман растёт быстрее, чем сообщество представителей других религий и даже быстрее, чем население Земли в целом. Все это можно объяснить с биологической и социальной позиций. Основной причиной обозначенных процессов является высокая рож-

⁴⁷¹ Schirra B. Deutscher Dschihadist droht «In keinem Urlaubsland werdet ihr mehr sicher sein!» // Blick. 28.06.2015.

⁴⁷² Там же.

даемость среди мусульман: согласно статистике, на каждую мусульманскую женщину приходится 3,1 ребёнка. Для сравнения следует сказать, что в Германии на каждую женщину приходится по 1,3 ребёнка – это довольно низкий показатель, что, в свою очередь, представляет угрозу выживанию нации. По мнению экспертов, такой показатель, как 2,1 ребёнка на каждую женщину в немецком обществе, мог бы быть достаточным для поддержания численности населения, однако модная идеология «чайлдфри» препятствует росту немецкого населения из числа «бионемцев»⁴⁷³.

Прогнозируя дальнейшее развитие ситуации, исследователи предполагают, что ислам станет победителем в «демографическом марафоне», поскольку мусульмане преимущественно живут в динамичных регионах – Субсахара – Африка или Юго-Восточная Азия, к тому же арабско-исламские сообщества намного моложе, чем христианские. Например, возраст 70 % населения Ирана 25 лет, среднестатистический возраст жителей страны составляет 27 лет, в то время как средний возраст немца составляет в среднем 43 года, японца – 46 лет. Алан Куперман, директор Центра Пью, утверждает: «Мусульманское население сконцентрировано в тех частях мира, которые растут быстрее всех», подразумевая под этим Нигерию, Пакистан, Индонезию и Индию. В Индии, по прогнозам Института Пью, в 2050 г. будет 310 млн мусульман, что будет превышать количество мусульман в исламском Пакистане. Согласно прогнозам, к 2050 г. население Земли будет составлять 9,3 млрд человек, среди которых будет 2,8 млрд мусульман и 2,9 млрд христиан. Согласно сегодняшней демографической динамике, мусульманское население вырастет на 73 %, в то время как количество христиан, также как и всё население Земли, вырастет на 35 %⁴⁷⁴. Эти впечатляющие данные становятся понятны, если учитывать ситуацию с низкой рождаемостью в христианских промышленно развитых странах, демографическую политику Китая и высокую рождаемость в арабско-исламских регионах. Стареющее японское общество с таким же низким уровнем рождаемости, как в Европе, по оценкам специалистов, к 2050 г. будет насчитывать всего лишь 90 млн, что на 30 млн меньше, чем сегодня. Число стран, где большинство населения христиане, изменится со 159 на 151. Согласно прогнозам, к 2050 г. каждый десятый житель Германии будет мусульманином. При прогнозируемом количестве жителей в 70 млн, в стране будут проживать 7 млн немецких мусульман. Для сравнения стоит отметить, что в 2010 г. только каждый 17-й житель Германии был мусульманином. Почти четверть европейцев, а именно 23 %, к 2050 г. будут атеистами. В 2050 г. Великобритания станет европейской страной с самым большим мусульманским сообществом (7,76 млн верующих) после Турции и России, за ней последуют Франция – 7,54 млн и Германия⁴⁷⁵. По большому счёту африканские страны, расположенные южнее Сахары, представляют собой самый мощный и быстрорастущий исламский регион. К середине

⁴⁷³Dietrich A. Muslime – Die Gewinner des demografischen Wandels // Die Welt. 23.06.2015.

⁴⁷⁴Там же.

⁴⁷⁵Там же.

столетия каждый четвертый мусульманин из десяти, живущих на планете, будет жить там. В Нигерии больше не будет христианского большинства, однако несмотря на вышеозначенные данные, Нигерия, наряду с США и Бразилией, будет оставаться страной с наибольшим количеством христианского населения. По утверждению Алана Купера, это исследование является самым масштабным. Учёными были рассмотрены такие факторы, как данные о рождаемости и смертности, миграции и религиозной переориентации, на основании чего были сделаны выводы и прогнозы. Войны, эпидемии, научные открытия, экономические и политические кризисы, природные катастрофы могут повлиять на прогноз развития религий, но несмотря на все эти факторы, числовое преимущество мусульман над христианами будет неоспоримым.

Опасным для Европы является и тот факт, что мигранты, в том числе и граждане Германии турецкого происхождения, не желают интегрироваться в принимающее сообщество, боясь ассимиляции. Ещё в 2008 г. премьер-министр Турции Т.Р. Эрдоган в ходе своей предвыборной кампании, на встрече с турецким населением в германском Кёльне отметил, что «ассимиляция является преступлением против человечности»⁴⁷⁶. Мнение Эрдогана перевесило мнение немецкого правительства. А сегодня, уже будучи президентом Турции, Эрдоган обещает своим приверженцам возврат к былой славе Османской империи. Он не может смириться с тем фактом, что от Османской империи, которая простиралась когда-то от Северной Африки, включая Египет, тянулась через Балканы и достигала Каспийского моря, осталось после Первой мировой войны не так много. «Мы приняли эти границы не добровольно... и до сих пор турецкие мечети стоят на греческих островах»⁴⁷⁷. Считая себя защитником ислама и старых ценностей, Эрдоган планирует введение во всех школах Турции изучение османского языка, предшественника современного турецкого с собственным алфавитом. Школьникам будут прививаться представления о величии Османской империи⁴⁷⁸. По центральным телеканалам телевидения Турции последние годы можно увидеть страну в границах Османской империи, российский интернет также пестрит блогами, документальными фильмами и телепередачами об активности турецкого правительства в этой сфере⁴⁷⁹.

Намеки на возвращение былого величия османов связаны не с пересмотром официальных государственных границ, а с расширением неофици-

⁴⁷⁶Darnstadt Th. Identität als Gefährnis // Der Spiegel. 2008. № 8. S. 46–49.

⁴⁷⁷Hasnain Kazim Zurück ins Osmanische Reich. URL: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/tuerkei-erdogan-fordert-unterricht-in-religion-und-osmanisch-a-1007264.html>.

⁴⁷⁸Hasnain Kazim Erdogans Traum vom Osmanischen Reich. URL: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/tuerkei-recep-tayyip-erdogan-traeumt-vom-osmanischen-reich-a-1118342.html>.

⁴⁷⁹Турецкий Рейх. Как Эрдоган строит новую османскую империю. URL: https://ru.espresso.tv/article/2016/11/02/tureckyy_reykh_kak_erdogan_stroyt_novuyu_osmanskuuyu_ymperiyu; Новая Турция. Почти Султан, или Возрождение Османской империи ТВЦ. URL: <https://yandex.ru/video/search/filmId=1254507247001563589&text=1510815059518443-403067542248721338812466-vla1-1576-V>.

альных. Мигранты из Турции, уже представляющие достаточно значительный процент (1,4 %) ⁴⁸⁰ населения современной Европы, стремятся к его увеличению как за счёт активной миграции, так и демографическим путём. Таким образом, создаётся не только гетротопное параллельное пространство в отдельных европейских странах и городах, но и параллельное пространство виртуальной Османской империи, поскольку большинство граждан европейских стран турецкого происхождения считают своей культурной идентичностью турецкую.

Видя всё происходящее, становится понятным, что вопрос европейского культурного наследия и культурной идентичности требует особого внимания, не просто сохранения, а в некоторой ситуации и реставрации, поскольку европейская коллективная культурная идентичность плохо поддаётся идентификации. Численность коренного населения во многих европейских странах уменьшается, большое количество новых граждан, недавно приехавших из Африки и стран Ближнего Востока, грозит превратиться впоследствии в большинство. Новые жители Европы, несомненно, не будут принимать новую для них культуру Запада и её ценности, а будут стараться сохранить своё наследие и традиции и укоренить их в новом социуме.

Все вышеобозначенные обстоятельства являются предостережением для Европы о том, что её нематериальное культурное наследие и её коллективная идентичность находятся под угрозой. Так, уже сегодня мы можем утверждать, что некоторые традиции коренного населения вступают в противоречие с менталитетом и культурой беженцев, о чём они недвусмысленно начинают заявлять. Одной из таких традиций является немецкий Октоберфест, самый большой фестиваль в мире, олицетворяющий собой всё, что ненавистно мусульманам: алкоголь, свинина, открытая женская одежда, музыка, удовольствия, развлечения, распущенность, флирт. Мусульманин из Голландии, Морад Альморади, разместил 11 сентября 2015 г. на сайте change.org свою петицию, где он требует упразднения в Мюнхене антиисламского праздника Октоберфест. То, что сегодня кажется смешным, завтра может стать реальностью в контексте стремительной исламизации. Петиция направлена в городской совет Мюнхена с целью привлечения внимания к ситуации. По словам автора петиции, Октоберфест является нетолерантным, антиисламским мероприятием. Как утверждает Альмуради, «мусульмане пытались игнорировать этот праздник, но это оказалось невозможным, потому что там есть много элементов, направленных против ислама, таких как алкоголь, открытая нагота (имеются в виду женские национальные костюмы на празднике) и т.д.» С одной стороны, он понимает, что это немецкая традиция, но с другой, выступая от имени всех мусульман Германии, считает невозможным «быть толерантным по отношению к этому антиисламскому мероприятию, потому что оно оскорбляет нас и всех мусульман на земле. Мы требуем немедленной отмены предстоящего праздника Октоберфест. Мы думаем, что

⁴⁸⁰Vincent Kessler 7 Millionen Türken in der EU. URL: <http://diepresse.com/home/ausland/aussenpolitik/5182299/7-Millionen-Tuerken-in-der-EU>.

Октоберфест мог бы быть оскорбительным для всех беженцев-мусульман из Сирии, Афганистана и Ирака. Отмена Октоберфеста поможет беженцам не забыть свое исламское происхождение»⁴⁸¹.

Даже традиционная территория Октоберфеста с его палатками и павильонами превращается в сложную гетеротопию. Праздник Октоберфест уже представляет собой карнавальную гетеротопию: раз в году на одном и том же месте на протяжении многих лет празднуется фестиваль пива, где все события традиционно разворачиваются по запланированному сценарию. Всё остальное время территория пустует. В 2015 г. мюнхенские власти временно использовали её для размещения беженцев⁴⁸², однако к моменту наступления праздника всех беженцев переселили в более комфортабельное жилье, но эта акция вызвала некоторое напряжение. Лагерь также представляет собой гетеротопное пространство, временный анклав беженцев из разных государств. В случае с Октоберфестом одна гетеротопия временно заместила другую, что и создало проблему для беспокойства с обеих сторон.

В европейской культурно-политической деятельности прослеживается несколько векторов решения вопроса сохранения культурной безопасности и нематериального культурного наследия. На официальном уровне – это продолжение традиционной для мультикультурализма политики культурного диалога. Политика мультикультурализма способствует сохранению национальной идентичности всех жителей многонационального государства, но в то же время подразумевает и приобщение к культуре коренного населения. Для этого принимающее сообщество периодически проводит значительное количество культурных и познавательных мероприятий, на которые выделяется достаточное количество денежных средств⁴⁸³. Это карнавал культур в Берлине, дом культур мира (Haus der Kultur der Welt), мероприятия по профориентации и познанию культуры «чужого», организованные немецкими фондами Отто Бенекке и Роберта Боша, проекты Гамбургского фонда мигрантов и т.д. Так, карнавал культур в Берлине является по истине привлекательным зрелищем и несёт в себе много позитивных моментов. Карнавал культур проходит в немецкой столице ежегодно, начиная с 1996 г., в начале июня. Празднование длится три – четыре дня и заключается не только в карнавальной шествии всех культурных объединений и демонстрации национальных костюмов и танцев. Частью карнавала культур являются также дискотеки под открытым небом, сближающие участников данного мероприятия, а также ярмарки, где можно купить этнические товары из разных стран и познакомиться с национальной кухней. Будучи классической карнавальной гетеротопией, он является весьма доходным мероприятием, создающим на короткое время большое количество рабочих мест.

⁴⁸¹Stuerzenberger M. Moslem-Petition will Oktoberfest verbieten. URL: <http://www.pi-news.net/moslem-will-oktoberfest-verbieten-lassen/>.

⁴⁸²München: Zeltstadt auf Theresienwiese soll 6 Millionen Realitätsflüchtlingen Asyl bieten. URL: <http://www.der-postillon.com/2015/09/munchen-zeltstadt-auf-theresienwiese.html>.

⁴⁸³Milliardenkosten für junge Migranten. URL: <http://www.zeit.de/gesellschaft/zeitgeschehen/2017-02/migration-unbegleitete-minderjaehrige-fluechtlinge-kosten>.

Рис. 5.5. Ежегодный карнавал культур в Берлине (фото И.В. Лебедевой)

Большинство проектов диалога культур многовекторные, направленные как на коренных жителей Германии, которые должны учиться познавать культуру своих новых сограждан, так и на различные культурные сообщества, члены которых не должны себя чувствовать «чужими» в Европе.

Тем самым, принимающее мигрантов общество, порой в ущерб своей культурной идентичности, даёт им понять, как *их* культурная идентичность важна для новой многонациональной и мультикультурной Германии. Задача принимающей беженцев и мигрантов стороны – сделать их существование комфортным, поскольку страна рассматривает их как ценный человеческий ресурс. Мигранты и беженцы сегодня представляют собой огромный потенциал для страны с низкой рождаемостью и стареющим населением. По оценкам специалистов, «в 2030 году в Германии не будет хватать 6 миллионов трудоспособного населения, а в 2050 их количество увеличится до 12 миллионов. Именно поэтому Германия охотно принимает беженцев трудоспособного возраста, поскольку они станут гарантом будущих пенсионных выплат населению страны»⁴⁸⁴.

Однако забота о новых гражданах приводит порой к невнимательному и подчас безответственному отношению к своему наследию. Так, немецкие чиновники, не осознавая значимость своего собственного материального наследия, расселяют вновь прибывших беженцев в немецких дворцах и монастырях. Об этом подробно рассказывал немецкий журналист Удо Ульфкотте в своей книге «Индустрия беженцев. Как политики, журналисты и социаль-

⁴⁸⁴Schröder G. Wir brauchen Einwanderung in unser Sozialsystem. URL: <https://www.welt.de/debatte/kommentare/article145776294/Wir-brauchen-Einwanderung-in-unser-Sozialsystem.html>

ные объединения получают выгоду от волны мигрантов» (2015)⁴⁸⁵. Автор посвящает описанию этой ситуации главу под названием «Жить по-графски – мигранты в немецких дворцах». Многие главы книги этого скандально известного журналиста посвящены также проблеме «культуры гостеприимства» в Германии. Само понятие культуры гостеприимства (*Willkommenskultur*) вошло в повседневную жизнь европейцев намного раньше появления мигрантов в странах Европы в таком большом количестве. Основная задача данного явления заключается в том, чтобы новые жители страны, носители другой культуры, как можно скорее адаптировались к новым условиям, интегрировались в принимающее их сообщество и ощущали себя в нём комфортно. Сегодня в Германии, по словам Ульфкотте, культура гостеприимства превратилась в профессию, учебную дисциплину в вузах и школах, идеологию (или даже можно сказать – религию)⁴⁸⁶. Преклонение перед вновь приехавшими мигрантами порой доходит до абсурда: «Мэр города Вайнхайм выступал в роли официанта на празднике культуры гостеприимства, обслуживая мигрантов, которые остановились в отеле его города»⁴⁸⁷.

На первый взгляд, все вышеназванные вопиющие факты имеют косвенное отношение к культурному наследию и культурной безопасности. Однако следует помнить о том, что мигранты прибывают сегодня в страны Европы в том числе и из самых неблагополучных регионов. Большинство из них не имеет никакого представления не только о культуре, ценностях и наследии, но даже о правилах пользования общественными местами и личной гигиене⁴⁸⁸. Известно достаточно ситуаций, когда помещения, предоставляемые беженцам для временного пребывания, спустя короткий срок становились непригодными для использования⁴⁸⁹. Можно только представить, что станет с монастырями и дворцами в Германии после того, как беженцы покинут их и переселятся в места постоянного проживания. В некоторых случаях их сложно уже не только реставрировать, а даже реконструировать. Такая политика руководства страны не только разрушительна в материальном плане (помещения будут нуждаться в капитальном ремонте), она также укореняет в сознании граждан идею потребительского отношения к наследию, мысль о том, что для быстрого решения возникшей проблемы можно жертвовать тем, что принадлежит всему народу и может быть утрачено навсегда.

Несмотря на высокий уровень толерантности граждан и правительства, имеют место разного рода опасения относительно культурной безопасности

⁴⁸⁵Udo Ulfkotte Die Asyl-Industrie Wie Politiker, Journalisten und Sozialverbaende von der Fluechtlingswelle profitieren. Kopp Verlag. Rottenburg, 2015. S. 121–125.

⁴⁸⁶Udo Ulfkotte Die Asyl-Industrie Wie Politiker, Journalisten und Sozialverbaende... S. 18.

⁴⁸⁷ Там же. S. 17.

⁴⁸⁸ Saustall «Asylanten» heim: Sie koten und urinieren im Treppenhaus, in Duschen und neben WC. URL: <https://deuschelobbyinfo.com/2014/10/01/saustall-asylantenheim-sie-koten-und-urinieren-im-treppenhaus-in-duschen-und-neben-wc/>.

⁴⁸⁹ Saustall in Fluchtlingswohnung – ein meneteckel fuer Deutschland. URL: <http://www.zuwanderung.net/2017/10/26/saustall-fluechtlingswohnung-ein-meneteckel-fuer-deutschland/>.

коренного населения. Оно начинает ощущать некий дискомфорт от соседства с мигрантами, терять чувство защищённости, что вызывает беспокойство за будущее своей страны и общества. На уровне гражданского общества об абсурдности такой ситуации начинают говорить известные немецкие деятели, политики, писатели Т. Сарацин⁴⁹⁰, Х. Бушковский⁴⁹¹, Н. Келек⁴⁹², С. Атеш⁴⁹³, П. Орzechовски⁴⁹⁴, А. Шперлинг⁴⁹⁵, У. Ульфкотте⁴⁹⁶, Р. Вендт⁴⁹⁷.

В сложившейся ситуации часть населения обвиняет А. Меркель и её кабинет в том, что они пригласили мигрантов в страну, спровоцировав огромные потоки беженцев. Большую роль сыграло в этом заявление А. Меркель о том, что ислам является частью Германии, принадлежит ей⁴⁹⁸. Коренные жители начинают недоумевать: как возможно, «чтобы страна, будучи опьянённой идеями толерантности и отравленная культурой гостеприимства, продолжала приглашать к себе тех, кто планирует её разрушить, проявляя при этом сердечность и гостеприимство»⁴⁹⁹. Они возмущены тем, что приглашая сотни тысяч мусульман в свою страну, госпожа А. Меркель не могла не знать, что вместе с беженцами, реально нуждающимися в помощи, в страну могут проникнуть джихадисты. Правительство рассматривает мигрантов как трудовые ресурсы, поскольку в стране не хватает специалистов и это влечёт за собой экономические проблемы. Однако факты говорят совсем об обратном: из 1,2 млн мигрантов, приехавших в страну в 2014 и 2015 гг., всего лишь 34 тыс. нашли работу⁵⁰⁰.

Реакция на эту ситуацию начинает проявляться и в форме сопротивления официальной политике властей. Осенью 2014 г. жители Германии, обеспокоенные положением дел в стране, создали движение ПЕГИДА (PEGIDA – «Патриотические европейцы против исламизации Запада»). Странники ПЕГИДА ставят своей целью борьбу с распространением ислама в Европе. Движение ПЕГИДА выпустило манифест, состоящий из 19 пунктов, призыва-

⁴⁹⁰ Sarrazin T. Deutschland schafft sich ab. Wie wir unser Land aufs Spiel setzen.

⁴⁹¹ Bushkovky H. Neukölln ist überall.

⁴⁹² Kelek N. Chaos der Kulturen, Die Debatte um Islam und Integration.

⁴⁹³ Ates S. Der Multikulti-Irrtum. Wie wir in Deutschland besser zusammenleben können.

⁴⁹⁴ Orzechowski P. Der direkte Weg in der dritten Weltkrieg. Wie USA und NATO mit Terror, Migration und Chaos eine neue Welt schaffen. Kopp Verlag, 2015. 285 S.

⁴⁹⁵ Sperling A. Merkels Flüchtlinge: Die schonungslose Wahrheit über den deutschen Asyl-Irrsinn! Taschenbuch – 3. April 2016.

⁴⁹⁶ Ulfkotte U. Die Asylindustrie... Wie Politiker, Journalisten und Sozialverbände von der Flüchtlingswelle profitieren. Kopp Verlag, 2015. 272 S.

⁴⁹⁷ Wendt R. Deutschland in Gefahr: Wie ein schwacher Staat unsere Sicherheit aufs Spiel setzt Gebundene Ausgabe – 16. Oktober 2017.

⁴⁹⁸ Der Islam gehört zu Deutschland. URL: <https://www.freitag.de/autoren/magda/der-islam-gehört-zu-deutschland>.

⁴⁹⁹ Там же.

⁵⁰⁰ Daniel Heiniger Deutschland begeht Selbstmord – Die Deutschen schaffen sich und die christliche Kultur ab! URL: <https://rettung-fuer-deutschland.de/blog/?p=2205>.

ющий к ужесточению контроля потока мигрантов в страны Европы, сохранению христианской культуры в западном мире⁵⁰¹.

Особого внимания достойны отдельные положения манифеста. Согласно первому пункту манифеста, ПЕГИДА поддерживает то, что страна принимает беженцев по причине военных конфликтов, а также людей, преследуемых по политическим или религиозным мотивам, поскольку это является обязанностью любого человека помогать тем, кто оказался в подобной ситуации. Ярким примером может послужить заявление польского премьер-министра Эвы Копач о том, что страна готова принимать беженцев христианского вероисповедания⁵⁰². В девятом пункте манифеста говорится о том, что ПЕГИДА выступает за нулевую толерантность по отношению к мигрантам и беженцам, совершившим преступление. ПЕГИДА также выступает за миграцию, но по образцу Швейцарии, Австралии, Канады и Южной Африки, а также за сохранение устоявшейся в Европе христианско-иудейской культуры. Здесь следует вспомнить заявление директора одной из гимназий в Баварии, который настоятельно рекомендует своим школьницам не носить мини-юбки, не рассматривать и не фотографировать беженцев, поскольку это может их провоцировать⁵⁰³. ПЕГИДА также выступает против радикализма в любой его форме: политической или религиозной, против проповеди религиозной ненависти к любой религии. ПЕГИДА против того, чтобы допускать в своём обществе существование параллельных обществ, судов шариата и полиции шариата. Глядя на эти позитивные положения манифеста движения ПЕГИДА, в первый момент можно проникнуться симпатией к этому движению, поскольку всё, что говорится в манифесте, соответствует базовым потребностям человека, желающего жить в своей стране спокойно и не раствориться в потоке чужих культур. Не будучи специалистом в сфере международных отношений и получая информацию только из российских СМИ, сложно понять, почему правительство и представители общественности Германии против этого движения. Для более полного понимания ситуации, сложившейся вокруг движения ПЕГИДА в Европе, авторами проводилось интервьюирование граждан европейских государств, таких как Германия, Чехия, Франция и Австрия в 2015–2016 гг.⁵⁰⁴ Абсолютно все респонденты высказались против движения ПЕГИДА. Среди негативных высказываний встречалось сравнение с фашизмом, многие отрицали существование или широкую распространённость движения в своих странах, утверждая, что всё это существует лишь в интернете, а не в реальной жизни, или это только германское явление и там оно представляет истинную угрозу. Очевидцы демонстраций описывали своё ощущение

⁵⁰¹ Götze A. Pegida, eine alte Dresdner Eigenheit // Berliner Zeitung. 15.12.2014.

⁵⁰² Winterbauer J. Polen will nur christliche Flüchtlinge aufnehmen // Die Welt. 25.06.2015.

⁵⁰³ Sutthof J. D. Schule warnt vor Flüchtlingen «Könnten Kleidung und Blicke jünger Mädchen falsch deuten» // The Huffington Post. 02.07.2015.

⁵⁰⁴ Лебедева И. В., Бичарова М. М. Мигранты в Европе и культурная безопасность // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 3 (44). С. 330–337.

ние дискомфорта от увиденного, поскольку участники движения внушали ненависть к иностранцам. По словам многих респондентов, немецкоязычная пресса даёт информацию, что лидеры движения – бывшие преступники, наркоманы или хулиганы. Движение ПЕГИДА очень активно ведёт свою деятельность не только на улицах крупных городов, где проживает большое количество мигрантов, проводя демонстрации и поджигая дома для беженцев, но также и привлекая сторонников в социальных сетях.

Зародившись в Дрездене в октябре 2014 г., движение стремительно распространилось по всей Германии, и сейчас имеет свои филиалы в таких городах, как Мюнхен, Бонн, Лейпциг, Ганновер, Берлин, Кассель, Штутгарт, получив свои названия (ЛЕГИДА, БАГИДА, КАГИДА и т.д. по имени федеральной земли). Движение также распространилась в Австрии, Швеции, Дании, Чехии и Великобритании, где активисты ПЕГИДА начали также проводить антиисламские акции. Ответной реакцией европейской общественности стали выступления против движения ПЕГИДА, осуждение её деятельности высокопоставленными лицами, сбор подписей для её запрета.

Председатель Центрального совета евреев в Германии Йозеф Шустер также высказался негативно по отношению к движению, считая абсурдным как возможность исламского завоевания Германии, так и возрождение в ней нацизма. А ведь именно с фашизмом сравнивают толерантно настроенные к мигрантам граждане Европы деятельность движения ПЕГИДА. В своей годоводной речи 2014 г. канцлер Германии обратилась к населению с просьбой не выходить в поддержку антиисламских демонстраций, не вступать в ряды их организаторов⁵⁰⁵.

Движение ПЕГИДА продолжает оказывать существенное влияние на формирование радикальных антимиграционных идей в Европе, являясь причиной беспокойства за культурную безопасность Европы. Ведь под культурной безопасностью мы понимаем не только «поддержание безопасности в культурной сфере, как то предотвращение религиозных и этнических конфликтов, упадка духовности, разрушения культурных памятников, но и поддержание национальной безопасности...»⁵⁰⁶ Размышляя о культурной безопасности, стоит отметить также точку зрения Дж. Фридмана⁵⁰⁷, согласно которой культурную безопасность целесообразно рассматривать с позиции культурной небезопасности. Так, например, возрастающие антимигрантские настроения в Европе представляют собой культурную опасность для всех проживающих в Европе мигрантов, а также граждан Европы с миграционным прошлым. В подтверждение сказанному Фридманом можно привести

⁵⁰⁵ Merkel warnt vor «Pegida». URL: https://www.welt.de/newsticker/dpa_nt/infoline_nt/thema_nt/article135894044/Merkel-warnt-vor-Pegida.html.

⁵⁰⁶ Романова А. П. Культурная безопасность как предмет философских дискуссий // Гуманитарные исследования. 2012. № 4. С. 258–261.

⁵⁰⁷ Friedman J., Randeria Sh. Worlds on the Move: Globalisation, Migration and Cultural Security. Toda Institute Book Series on Global Peace and Policy. Publisher: I. B. Tauris (May 28, 2004). 344 p.

пример вопиющего нарушения прав человека, вызвавшего возмущение также и у самих граждан Германии. В общественном транспорте немецкого города Эссена появились таблички с надписью на английском и арабском языках: «Эти места предназначены для граждан с немецким паспортом», следовательно, иностранцы, мигранты и туристы должны сидеть только на задних сидениях в автобусе или, может быть, только стоять. Этаким пример сегрегации по-германски.

Многие местные жители по настоящему завидуют мигрантам, они также хотели бы жить во дворцах и замках, не работать, посещать музеи и зоопарки, участвовать в интересных мероприятиях по интеграции, получать такое же денежное пособие⁵⁰⁸. Однако коренные граждане являются в первую очередь налогоплательщиками, за счёт средств которых и осуществляются все эти вышеперечисленные мероприятия по поддержке мультикультурализма и интеграции беженцев.

Можно было бы поднять вопрос о сохранении национальной идентичности коренного населения и организации ряда культурных мероприятий по сохранению нематериального наследия местных жителей, однако такой подход к решению вопроса европейским политикам уже не представляется актуальным, поскольку уполномоченная федерального правительства по вопросам интеграции утверждает, что немецкая культура не поддаётся идентификации. «Нет никакой немецкой культуры, и даже нет никакой ведущей культуры», – говорит она. По её мнению, «глобализация и плюрализация жизненного пространства ведут к размножению разнообразия»⁵⁰⁹. При таком положении дел мультикультурализм становится просто традиционной формой существования: «...это культурное многообразие также утомительно, но оно даёт силу нашей нации, позиционируя её как открытое общество. Клятва верности ведущей культуре не создаёт общности, а, наоборот, формирует обособленность. Она подливает масло в огонь, чтобы тем самым согреться»⁵¹⁰.

Этому способствует и безразличное отношение граждан по крайней мере к статусу своего культурного наследия, как, например, в ситуации, сложившейся вокруг памятника ЮНЕСКО «Долина реки Эльба у Дрездена». Иногда памятники наследия ЮНЕСКО выводятся из списка охраняемых объектов по причине какой-либо активности (хозяйственной деятельности, строительства, изменений объекта). В ситуации с дрезденской долиной Эльбы ЮНЕСКО многократно предупреждало руководство города о возможности утраты статуса всемирного наследия в случае каких-либо строительных работ, однако для жителей города строительство нового моста через Эльбу

⁵⁰⁸Kruetzfeldt A. Nehmen Flüchtlinge Obdachlosen was weg? URL: <http://www.jetzt.de/fluechtlinge/gibt-es-bei-obdachlosen-neid-auf-die-fluechtlinge>.

⁵⁰⁹Esmiralda Sturm Özoğuz (SPD): Es gibt keine deutsche Kultur – also auch keine Leitkultur... URL: <https://www.compact-online.de/aydan-oezoguz-spd-es-gibt-keine-deutsche-kultur-also-auch-keine-leitkultur/>.

⁵¹⁰Там же.

в центре города оказалось значительно важнее, чем сохранение статуса объекта наследия ЮНЕСКО. Таким образом, в результате строительных работ по возведению моста Вальдшлоссенбрюке в 2009 г. Дрезден утратил свой статус объекта всемирного наследия ЮНЕСКО⁵¹¹. Видимо, причина столь равнодушного отношения местного населения к статусу наследия (в Дрездене неоднократно проводился референдум по этому вопросу) крылась в неприоритетности этого вопроса для жителей Дрездена, за исключением узкого круга специалистов. Авторы неоднократно общались с жителями Дрездена именно в то время, когда шли дебаты по поводу отмены строительства моста. Большинство респондентов выступали за строительство моста и соглашались с тем фактом, что статус наследия ЮНЕСКО будет утрачен. Незначительная часть опрошенных выразила безразличие по данному вопросу и лишь двое из 12 опрошенных выразили сожаление по поводу утраты статуса наследия, однако при этом отметили, что они не в силах бороться с мнением большинства и не собираются это делать.

Любой человек, независимо от национальной, этнической и религиозной принадлежности, способен в процессе миграции утратить некую часть своей идентичности. Однако едва ли миграция способна стать причиной полной смены идентичности. Именно это во многом определяет проблемы, связанные с миграционными процессами. Управление миграцией и процессами интеграции являются ключевыми социальными регулирующими механизмами для преодоления вызовов, возникающих вследствие миграции, а также определяющими факторами контроля притоков и оттоков населения тех или иных стран. Однако понятно, что бессмысленно призывать к тотальному прекращению приёма мигрантов и полному устранению живущих в принимающей стране иностранцев с целью, например, устранения конкуренции на рынке труда. Политика любого государства, сталкивающегося с проблемой миграции, должна быть направлена на гармонизацию отношений между коренными жителями страны и приезжими и изменение установок в отношении нации и гражданства. Очевидно, что миграция – это не только угрозы и вызовы, с которыми сталкивается народ и правительство принимающего мигрантов государства, но также следствие открытости общества и возможность его культурного, социального и экономического обогащения.

Роль культурного наследия, как материального, так и нематериального, в системе обеспечения культурной безопасности чрезвычайно высока. Культурное наследие помогает нам формировать свою идентичность, ощутить свою принадлежность к определённой культуре и культурному сообществу. Культурное наследие гетеротопно в силу соединения в себе принадлежности к разным временным слоям, эпохам, пространствам. Как в виде аутентичных памятников, так и в форме симулякров, оно является локализованным ин-

⁵¹¹ Evelyn Finger Deutschland als Gespött der Welt. URL: <http://www.zeit.de/online/2009/27/dresden-weltkulturerbe-abererkennung>.

формационным мостом из настоящего в прошлое и *visa versa*. Причём в настоящее время культурных симулякров различных типов становится так много, что они перестают восприниматься, в том числе и научным сообществом, как угроза культурному наследию. Превращаясь в симулякр, та же карнавальная гетеротопия может иметь две траектории развития в поле культурной безопасности. Одна – это продолжение функционирования её как музейной гетеротопии, её консервация и в некоторых случаях «мумификация». Вторая линия развития – это стилизация народных традиций, их модернизация и переход в стадию симулякра с минимальным набором аутентичных характеристик. В рамках культурной безопасности это значит, что мы должны к каждому объекту культурного наследия относиться очень бережно, выбирая индивидуальный подход, воспринимая его как комплексную систему ценностей, так и в совокупности всех вышеназванных контекстов. Главное, чтобы культурное материальное и нематериальное наследие было актуализованным в жизни следующих поколений, а такая актуализация «должна основываться не только на “аутентичных” реконструкциях, но и на живом интересе современных людей к прошлому, воспринимаемому ими не просто как нечто давно отжившее, но как источник сокровенных смыслов и сакральных начал, значимых для современного человека»⁵¹².

⁵¹² Белугина Г. К. Проблема актуализации нематериального культурного наследия // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 2, т. 1 (Гуманитарные науки).

ГЛАВА 6

БЕЗОПАСНОСТЬ В ИНФОРМАЦИОННОМ МИРЕ И ЭЛЕКТРОННОЙ КУЛЬТУРЕ

Угроза человеку идёт даже не от возможного губительного действия машин и технических препаратов. Подлинная угроза подступает к человеку в самом его существе.

М. Хайдеггер

Информационный мир и электронная культура как гетеротопия

Развитие информационных технологий оказало влияние на формирование особой культуры – электронной (цифровой), создавая и новые возможности, и новые угрозы безопасности человеку. Усложнение феноменов культуры, создание «умных» систем, удаленная коммуникация в информационном обществе приводят к усилению как возможностей, так и рисков для человека и его жизнедеятельности. Эта глава будет посвящена изучению влияния информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) на культуру и безопасность, а также вопросам культурной безопасности от кибервоздействия в информационном обществе. В качестве методологии исследования выступит теоретический посыл М. Фуко о гетеротопных пространствах для анализа электронной культуры, экзистенциально-аксиологический подход для изучения угроз культурной и экзистенциальной безопасности, а также методы контекстуального анализа нормативных документов в сфере обеспечения безопасности человека и культуры в информационном мире, разработанных в последние десятилетия международными организациями.

С последней четверти XX в. происходит форсированный рост технологических и социальных изменений, вызванных внедрением в экономику и повседневность цифровых систем, оказавший влияние на характер современной культуры, ставший, по современным определениям исследователей, информационной и глобальной. Суть этих изменений оказывается связанной с качественными трансформациями социума и человека, активно переходящими от реального взаимодействия к информационно-виртуальному, дистанционному, сетевому. Большинство современных развитых стран уже столкнулись с определёнными последствиями виртуализации культуры, межличностной коммуникации, в них параллельно с развитием качества жизни, значительными прорывами в медицине, электронике, робототехнике появляются новые девиации, аддикции, связанные с разрывом отношений индивида и мира и сосредоточением на виртуальной сфере, усиливается отчуждённость человека. Европейские страны, США, Япония, Китай и Россия во многом уже столкнулись с феноменами «бегства от реальности», роста числа подростково-молодежных суицидов, всплеск неуправляемой агрессии, ухода в виртуальные миры, усилением асоциальности в молодежной среде, ростом

зависимости от гаджетов, от присутствия в виртуальной реальности, что квалифицируется сегодня в качестве одной из угроз современной культурной и экзистенциальной безопасности. В то же время формирование новых угроз является одним из следствий другого более значимого и общего процесса – формирования культуры информационного или электронного типа. Этот тип культуры является как источником новых возможностей, так и фактором для новых рисков, многие из которых обусловлены технологическими условиями.

Понятие «электронная культура», “e-culture” (термин, используемый в европейских странах), “online culture” (термин, используемый в США и Канаде) ещё проходит этап становления, однако очевидно, что как явление её невозможно свести к чему-либо прежнему. Это формирует необходимость её пристального изучения, поскольку современный человек, формируясь в её условиях, испытывает влияние не только на мировоззрение, ценностные ориентиры, формы идентичности, но и на здоровье, социальную адаптацию, поведение, способности к познанию окружающего мира.

Проблемами изучения роли и влияния информационных технологий на культуру, общество и человека впервые начали заниматься исследователи-теоретики постиндустриального или информационного общества: А. Тоффлер, П. Дракер, М. Желены, М. Маклюэн, М. Кастельс, Дж. Нейсбит, Дж. Стиглиц и др. Процессы развития общества и человека в эпоху высоких технологий с точки зрения социокультурного подхода анализировали Ю. Хабермас, Н. Луман, У. Бек, Р. Барт, Ж. Бодрийяр, П. Бурдьё, М.Н. Эпштейн.

В последние три десятилетия сформировались научные центры, изучающие общие процессы формирования информационного общества электронной культуры, а также нацеленные на специализированные проблемы: интернет-коммуникации, электронной медиасферы, этики информационного общества, дистанционного обучения, интернет-игровых ресурсов и др. Так, проблемами развития электронной культуры занимаются учёные Миланского университета, например А. Ронки⁵¹³; Института МакЛюэна (Virtual Maastricht McLuhan Institute), Нидерланды во главе с К. Вельтманом⁵¹⁴. Изучением этических и антропологических проблем информационного пространства занимаются исследователи Международного центра по проблемам информационной этики (ICIE) г. Карлсруэ (Германия), например Р. Капурро⁵¹⁵; Лондонской школы экономики, факультета медиа и коммуникации (Великобритания), такие как Л. Хэддон⁵¹⁶; Центра компьютерной и социальной ответственности

⁵¹³Ronchi A. M. E-Culture. New York : Springer-Verlag, LLC, 2009.

⁵¹⁴Veltman K. H. Towards a Semantic Web for Culture // Journal of Digital Information. 2004. Vol. 4, Issue 4. No. 255, 2004-03-15. Special issue on New Applications of Knowledge Organization Systems. URL: <http://jodi.ecs.soton.ac.uk/Articles/v04/i04/Veltman/>.

⁵¹⁵Capurro R. Towards an Ontological Foundation of Information Ethics // Ethics and Information Technology. 2006. Vol. 8 (4). P. 175–186.

⁵¹⁶Haddon L. Information and Communication Technologies // Everyday Life: A Concise Introduction and Research Guide, Berg, Oxford. 2004.

(Монтфортский университет, Великобритания), например С. Роджерсон⁵¹⁷; Центр изучения информационного общества университета г. Хайфы (Израиль), в том числе Д.Р. Рабан⁵¹⁸ и т.д.

В гуманитарных науках такие ученые, как Ж. Бодрийяр⁵¹⁹, Ж.-Ф. Лиотар⁵²⁰, П. Вирильо⁵²¹, П. Б. Хеллер⁵²², М. Хайм⁵²³, Б. Жирар⁵²⁴, П. С. Риволтелла⁵²⁵ и др. изучали проблемы развития виртуальной реальности и культуры.

Относительно новым и активно развивающимся научным направлением является изучение этических и правовых аспектов развития общества и человека в условиях информатизации и новых угроз безопасности. Одним из центров компетенции здесь выступает университет Оттавы (Канада), где на протяжении более десяти лет под руководством профессора Л. Рокки (L. Rossi) ведутся исследования в области изучения влияния развития технологий и техники на этику и межличностную коммуникацию. Этическими проблемами развития интернета занимается профессор Лондонского открытого университета А. Дафф, изучая вопросы авторского права, цифрового неравенства, нарушения права частной жизни⁵²⁶. Изучением этических проблем использования информационных технологий занималась профессор университета Оксфорда Л. Флориди⁵²⁷ и др.

Из российских центров, ведущих исследования в этой области, следует отметить Институт философии РАН; Научный совет РАН по методологии искусственного интеллекта; Институт социологии РАН, где проводится изучение и мониторинг влияния информатизации на социальные процессы. Важными для анализа современных проблем виртуального, сетевого социума стали исследования И.Ю. Алексеевой, Д.И. Дубровского, Д.В. Иванова, В.Л. Иноземцева, Н.А. Носова, Е.В. Таратуа и др.⁵²⁸

⁵¹⁷ Rogerson S. Social Values in the Information Society // FTI Annual Report, Forum of Information Technology. Milan, Italy, 1998.

⁵¹⁸ Raban D. R. Self-Presentation and the Value of Information in Q&A Websites // Journal of the American society for information science and technology. 2009. Vol. 60 (12). P. 2465–2473.

⁵¹⁹ Baudrillard J. Symbolic exchange and death. Aldershot : Ashgate, 1993.

⁵²⁰ Lyotard J.-F. The Postmodern Condition: A Report on Knowledge. Minneapolis : Minnesota Press ; Manchester ; Manchester Univ. Press, 1984.

⁵²¹ Virilio P. The Lost Dimension. New York : Semiotext, 1984.

⁵²² Heller P. B. Technoethics: The Dilemma of Doing the Right Moral Thing in Technology Applications // International Journal of Technoethics. 2012. Vol. 3 (1). P. 14–27.

⁵²³ Heim M. The Metaphysics of Virtual Reality. New York : Oxford Univ. Press, 1993.

⁵²⁴ Girard B., Siochrú S. O. Communicating in the information society. Geneva : United Nations Research Institute for Social Development, 2003.

⁵²⁵ Rivoltella P. C. Knowledge, Culture and Society in the Information Age // Digital Literacy: Tools and Methodologies for Information Society. IRM Press, 2008.

⁵²⁶ Duff A. The Normative Crisis of the Information Society. Cyberpsychology // Journal of Psychosocial Research on Cyberspace. 2008. Vol. 2 (1). URL: <http://cyberpsychology.eu/view.php?cisloclanku=2008051201&article=3> (дата обращения: 01.07.2017).

⁵²⁷ Floridi L. Information Ethics. URL: <http://www.philosophyofinformation.net/books/the-ethics-of-information> (дата обращения: 10.06.2017).

⁵²⁸ Дубровский Д. И. Новая реальность: человек и компьютер // Полигнозис, 2003. № 3; Информационная эпоха: вызовы человеку / под ред. И. Ю. Алексеевой и А. Ю. Сидорова. М. : РОССПЭН, 2010; Иванов Д. В. Виртуализация общества. СПб : Петербургское востоковедение, 2002; Ино-

Опираясь на эти исследования, мы обратимся к изучению такого комплексного явления, как электронная культура, которое объединяет в себе многообразные продукты творчества человека, созданные посредством внедрения информационно-коммуникационных технологий в жизнь индивида и общества. Именно в этой сфере сегодня в значительной мере существует современный человек, возникают новые социокультурные феномены, процессы, метаморфозы, которые способствуют развитию возможностей человека и могут создавать новые риски его безопасности в пространстве культуры.

В наиболее общем значении электронная культура, online culture, e-culture – это сфера деятельности человека и её результаты, связанные с созданием электронных аналогов духовных и материальных объектов, а также собственно виртуальных пространств, процессов и явлений⁵²⁹. К феноменам электронной культуры относятся как аналоги существующих реальных объектов, так и новые по своей сути технологические продукты цифровой индустрии: электронные формы современной коммуникации, включая интернет, социальные сети, виртуальные сообщества, блоги и т.д.; виртуальные музеи, галереи, выставочные залы и др.; платформы для дистанционного образования; цифровые реконструкции объектов культурного наследия в их исторической и пространственной перспективе; компьютерные игры, в том числе сетевые; электронные СМИ (онлайн-журналы, газеты); анимация, кино, музыкальные клипы, созданные с помощью современных IT-технологий; электронные архивы, справочные системы, энциклопедии, словари, библиотеки; электронная реклама и вирусы; информационные программы, обеспечение, формы защиты информации и т.д.

К характерным чертам электронной культуры можно отнести такие, как: свобода доступа, открытость для членов информационного общества; дистанционность, удалённость от субъекта; интерактивность в получении доступа электронной информации, возможность участия в формировании содержания информации из любой точки «информационного сообщества»; либеральность, дискриптивность, отсутствие жёстких правил, норм (в том числе этических); эклектичность и сосуществование различных потоков информации, стилей, жанров, направлений; виртуальность как существование в искусственно созданной реальности; фрагментарность, мозаичность выражения, доминирование визуального над смысловым; инновационность, существование через внедрение и постоянное обновление научно-технологических разработок.

Исходя из этих признаков, можно уточнить приведённое выше общее понятие: *электронная культура* представляет собой совокупность результатов творчества и коммуникации людей в условиях внедрения IT-инноваций, характеризующаяся созданием единого информационного пространства, вир-

земцев В. Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М. : Логос, 2000; Носов Н. А. Манифест виртуалистики. М. : Путь, 2001; Таратута Е. В. Философия виртуальной реальности. СПб : СПбГУ, 2007.

⁵²⁹См.: Баева Л. В. Электронная культура: опыт философского анализа // Вопросы философии. 2013. № 5. С. 75–83; Baeva L. E-culture // Encyclopedia of Information Science and Technology, Third Ed. (10 vol.). Mehdi Khosrow-Pour. Hershey PA, USA : I-Global. 2014. P. 6847–6854.

туальной формой выражения, дистанционной технологией, либеральностью контента, которая включает как собственно виртуальные феномены, так и виртуальные аналоги реальных объектов.

Применение структурно-функционального метода позволяет выделить два основных типа объектов электронной культуры:

- оцифрованные объекты неэлектронной (созданные без использования ИКТ) культуры, например электронные музеи, галереи, библиотеки, дистанционное образование, электронные СМИ и др. Эти объекты являются электронными только по форме, их существование не было опосредовано информационными технологиями, но в современную эпоху обрело новый уровень выражения. Их основная функция – сохранение объектов традиционной (неэлектронной) культуры в цифровых аналогах, их адаптация к условиям информационной эпохи.

- электронные по форме и содержанию объекты культуры, а также объекты реальной культуры, связанные с их ресурсным обеспечением (информационные технологии, компьютерные программы, системы, сети, компьютерные игры, виртуальные сообщества и т.д.), существование которых без ИКТ не было бы возможным. Их функции связаны с удовлетворением новых потребностей человека и общества в условиях информационного общества, в том числе по управлению системами, данными, знаниями, удалённой коммуникации, творчества и рекреации.

По мнению профессора Миланского университета А. Ронки, электронная культура – это одна из современных моделей сохранения существующего культурного наследия⁵³⁰. И с этой позицией можно согласиться, если говорить об объектах электронной культуры первого типа. Однако мы полагаем, что её функции и сферы распространяются и гораздо дальше, поскольку по мере развития современных цифровых технологий возникают новые феномены, назначение которых связано и с наукой, и с образованием, и с бизнесом, и со сферой досуга. Применение принципа гетеротопии для изучения феноменов современной электронной культуры позволяет обнаружить её новые черты и проявления, а также выявить угрозы и риски для личности.

Использование принципа гетеротопии для анализа различных феноменов электронной культуры, включающей всё многообразие современных продуктов творчества в мире информационных технологий, уже проводилось и продолжается в настоящее время. Примерами таких работ можно назвать исследования Р. Топинки⁵³¹, Р. Римарджика и М. Деркена⁵³², К. Хандлекена⁵³³, Н. Харламова⁵³⁴ и др.

⁵³⁰Ronchi A. M. E-Culture.

⁵³¹Topinka R. J. Foucault, Borges, Heterotopia: Producing Knowledge in Other Spaces // Foucault Studies. 2010. Vol. 9. P. 54–70.

⁵³²Rymarczuk M. Derksen Different spaces: Exploring Facebook as heterotopia // Peer-Reviewed Journal of Internet. URL: <http://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/5006/4091> (дата обращения: 10.05.2016).

Проявлениями электронной культуры выступают разнообразные феномены, в том числе интернет, социальные сети, игровые порталы, платформы для дистанционного образования, онлайн СМИ, электронная коммерция, виртуальные библиотеки и др., которые могут быть интерпретированы в качестве гетеротопий. Что же позволяет исследователям, и нам в их числе, рассматривать современную электронную культуру и её проявления в качестве гетеротопии? Прежде всего, это присутствие иного (виртуального) пространства в реальном, живущего по своим законам и принципам, а также объединение в электронных феноменах виртуального и реального пространств, синтез различных пространств в медийных объектах, их многомерность, гипертекстуальность, нелинейность, незамкнутость. Мы можем наблюдать признаки гетеротопий в самых различных формах электронной культуры и первого и второго из указанных выше типов.

В предыдущей главе уже была подробно рассмотрена теория гетеротопии и раскрыта суть этого понятия, поэтому мы только кратко отметим признаки гетеротопий, которые необходимы для проведения анализа некоторых феноменов электронной культуры.

В лекции М. Фуко «Другие пространства» (1967) была изложена концепция гетеротопии как особого пространства, которое разрушает непрерывность и нормальность в общих повседневных местах, потому что они ломают границы, создают зоны «инаковости»⁵³³. Как и утопии, гетеротопии относятся к «другим пространствам» и представлениям и в то же время искажают их. В отличие от утопий, которые недостижимы по своей сути, гетеротопии, согласно Фуко, – это реальные пространства, но представляющиеся аномальными по тем или иным параметрам. В «Других пространствах» М. Фуко сформулировал шесть принципов “heterotopology”, дал системное описание гетеротопий:

Первый принцип гетеротопии предполагает допущение, что каждая культура в мире создаёт свои, присущие ей гетеротопии, хотя одни и те же гетеротопии могут принять различные формы в контексте той или иной культуры (специфика библиотек, театров или музеев в информационную эпоху, например, будет иметь явные отличия от иных эпох).

Второй принцип гласит, что гетеротопии могут иметь одну или другую функцию, в зависимости от истории становления общества, хотя в некоторых случаях функции могут и модифицироваться (например с развитием культуры меняется роль и статус таких гетеротопий, как театр или карнавал).

Третий принцип касается сущности гетеротопии, которая состоит в том, что в одном пространстве соединены несколько несовместимых мест,

⁵³³Handlykken A. K., Digital cities in the making: Exploring perceptions of space, agency of actors and heterotopia // Ciberlegenda. 2011. URL: <http://www.uff.br/ciberlegenda/ojs/index.php/revista/article/view/492/287> (дата обращения: 10.04.2017).

⁵³⁴Харламов Н. Гетеротопии: странные места в городских пространствах постгражданского общества // Журнальный клуб Интелрос «Синий диван». 2010. URL: http://www.intelros.ru/readroom/siniy_divan/sd-15/8933-geterotopiistrannye-mesta-v-gorodskix-prostranstvax-postgrazhdanskogo-obshhestva.html (дата обращения: 12.04.2017).

⁵³⁵Фуко М. Другие пространства. С. 191–204.

топосов, «сайтов». Гетеротопии противоречиво совмещают в себе места частные и общественные, семейные и социальные, культурные и практичные, места отдыха и работы.

Четвертый принцип указывает, что гетеротопии часто связаны со срезами во времени, они разрывают традиционно текущее время в тех или иных зонах. Например фестивали возникают и исчезают, присутствуя в жизни общества лишь временно, внося в него иные временные рамки. При этом кладбища, музеи и библиотеки, напротив, накапливают время, собирают его и оставляют вне изменчивости. М. Фуко отмечает, что инаковость в гетеротопическом пространстве может иметь свои особые режимы времени, гетерохронии: повторяющийся безумный краткий фестиваль или постоянное накопление времени в библиотеке, либо тихая вечность на кладбище.

Пятый принцип говорит, что гетеротопии всегда являются открытыми и закрытыми, что одновременно изолирует их и делает проницаемыми. Системы становятся открытыми при выполнении определённых ритуализированных действий, что создаёт возможность входа и выхода.

Шестой принцип касается функции гетеротопий, она проявляется между двумя крайностями: делает реальный мир иллюзорным и при этом компенсирует в реальности то, что не достаёт до образа совершенного бытия. Гетеротопии создают тревожность, поскольку ставят под вопрос реальность, иллюзорность, совершенство и наличное существование вещей⁵³⁶.

Если обратиться к изучению электронной культуры, применяя данный подход в качестве методологического, то можно отметить, что признаками гетеротопий обладают виртуальные сообщества, игровые порталы, дистанционные системы обучения, электронные библиотеки, виртуальные музеи и т.д. Каждый имеет свои особенности и общие черты, на которых мы остановим своё внимание. Прежде всего отметим, что согласно *первому* признаку М. Фуко, новая информационная эпоха порождает и новые виды гетеротопий, которые как являются продолжением предшествующих (подобно виртуальному музею, библиотеке), так и качественно новые, такие как интернет, виртуальные социальные сети, компьютерные игры и т.д.

В то же время в условиях электронной культуры продолжают своё развитие в новых технологических формах «классические» из них, такие как библиотеки, которые претерпевают серьёзные изменения, как и текст, книги, документы, переходящие на электронные носители, цифровую форму хранения, удалённое использование, сопровождение дополненной реальностью и визуальными и аудиоэффектами. М. Фуко рассматривал библиотеку в качестве гетеротопии, не только как собрание книг и знаний, но как пространство, в котором останавливается время, концентрированно собирается память и образы различных эпох и культур. Современные электронные библиотеки являют собой продолжение прежних гетеротопий в новых глобальных и виртуальных формах. С появлением книгопечатного станка один уникальный

⁵³⁶ Фуко М. Другие пространства...

текст превратился в бесчисленное множество копий, доступных многим, существующих дистанционно от своего автора. Исчезла закрытость, сакральность, эзотеричность, уникальность допечатного текста, изменились пространства его хранения, доступа, однако благодаря этому мир стал просвещённым, духовная культура обрела не только религиозные, но светские формы, человек получил новый импульс для развития. Современный технологический переворот, по словам М. Маклюэна, предопределил принцип отказа от печатной культуры: «Прощай Гуттенберг!»⁵³⁷. Электронный текст превратился из бумажного, книжного в цифровой аналог, поучил большую доступность, обрёл форму гипертекста, в котором понятия и смыслы получили возможность тут же быть пояснёнными, расшифрованными, проиллюстрированными читателем с помощью IT-ресурсов. Бумажная книга, как и некогда рукопись, в чём-то утратила свою ценность как раритет и перестала быть главным источником знаний и информации. При этом современный читатель, пользователь открытых и закрытых электронных книгохранилищ из-за обилия электронных текстов оказывался неспособным к их восприятию в таких масштабах, глубокому прочтению и анализу, освоению, пониманию и запоминанию. По словам У. Эко, способность критически воспринимать информацию и разбираться в потоках литературы осознанно формируется только у тех, кто был воспитан на книжной культуре⁵³⁸. Когнитивные способности и навыки ослабляются при изучении электронной версии информации, простота доступа к информации в момент времени снимает потребность в её запоминании, а ослабление памяти ведёт к утрате способности к рефлексии, навыков критического, аналитического и системного мышления. Современному человеку информация подается во всё более упрощённом виде, в котором анализ заменяется описанием, понятие – образом. Это приводит, согласно мнению канадского лингвиста и культуролога М. Маклюэна, к возрождению визуально-слухового мировосприятия, которое характеризуется коллективностью, иррациональным характером, не связанным с рефлексией, индивидуальным истолкованием смыслов. Это в определённой степени объясняет интерес современного человека к вымышленной реальности, усиливающейся иррациональностью (к мистицизму, вненаучному знанию на фоне бурного роста науки), а также широкому применению символических знаковых форм выражения мыслей и суждений (эמודзи, идеограммы, фото, видео и т.п.). Рациональное мышление сосредоточено на решении практических и научных задач, в то время как мировоззренческие позиции во многом оказываются без логического обоснования и базируются на современных коллективных паттернах, рождающихся в «глобальной деревне» интернета. Эти риски связаны с когнитивной безопасностью современного человека, возможностью ослабления способности к самостоятельному критическому мышлению, рациональному восприятию информации, её творческой обработке и освоению.

⁵³⁷Маклюэн М. Понимание Медиа: внешние расширения человека. М. – Жуковский : Канон-Пресс-Ц, Кучково Поле, 2003.

⁵³⁸Эко У. От Интернета к Гуттенбергу: текст и гипертекст. М., 1998. С. 91–92.

Важную роль в формировании человека как личности играет коммуникация, которая в условиях электронной культуры с появлением социальных сетей, виртуальных сообществ приобретает новые формы и глобальный характер. В условиях «коммуникационной революции» социальные сети становятся значимым социокультурным феноменом, который тоже является характерным для нынешней эпохи примером гетеротопии. Польские учёные М. Румаржек и М. Дексен исследовали с позиции гетеротопного анализа социальную сеть «Facebook», крупнейшую в мире по числу пользователей⁵³⁹ (в 2017 г. их численность составила более 1,7 млрд человек). Авторы исследования «Different spaces: Exploring Facebook as heterotopia» (2014) отмечали, что в социальных сетях, как в любом гетеротопном пространстве, имеются системы входа и выхода, составления своего образа для идентификации себя как участника системы. Социальные сети, как гетеротопии, существуют в ином времени. Это выражается не только в том, что люди проживают в них своё время гораздо быстрее (феномен «всасывания» времени), но и в том, что время становится «сохранённым» на цифровых носителях: в личных страницах запечатлеваются мысли, образы, общение с другими, не только значимые события, но и вся «повседневность», каждый момент жизни, отражённый пользователем. Это сродни дневникам, личной хронике жизни, запечатлённой вербально и визуально, которые сегодня могут быть достоянием других членов виртуальных сообществ. Как и музей, и библиотека (классические гетеротопии), социальная сеть «накапливает» время. В антропологическо-экзистенциальном аспекте фрагментация личной информации, отражение особенности настоящего момента загружаются как нарратив, личная история, «здесь-и-сейчас-бытие». Способствуя сохранению информации и настоящего момента в режиме реального времени, платформа создаёт подробный цифровой журнал личного прошлого. Метка каждой записи подчёркивает временность виртуального журнала. По сравнению с музеем, который «стремится сохранить определённый выбор объектов за пределами времени, прошлое на «Facebook» входит в отношения с настоящим гораздо легче»⁵⁴⁰. В социальной сети происходит соединение личных пространств пользователей в одно, антропологическое переходит в социальное и онтологическое. Существование, экзистенция в информационном мире означает присутствие в качестве источника информации, причём это присутствие может помочь человеку компенсировать телесные ограничения, но также скрывать и истинную личность за её симуляцией.

Второй принцип гетеротопии, по Фуко, связан с тем, что новое пространство начинает менять свои функции в условиях новой культуры. Каковы же функции виртуальной коммуникации? Прежде всего – это адаптация к информационной эпохе, киберпространству, в котором при подобном развитии

⁵³⁹Rumarczuk M. Derksen. Different spaces: Exploring Facebook as heterotopia // Peer-Reviewed Journal of Internet. 2014. URL: <http://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/5006/4091> (дата обращения: 10.05.2016).

⁵⁴⁰Там же.

технологии будет жить, работать, отдыхать и творить человек настоящего и будущего. Это функция самовыражения, рефлексии, манифестации собственного Я. Это, наконец, собственно коммуникация с себе подобными, поиск близких себе людей. В условиях активного развития социальных сетей виртуальная коммуникация превратилась в форму массовой культуры, обретающую глобальные формы. В то же время наряду с глобальными по масштабу социальными сетями, в которых пользователям была важна широкая целевая аудитория, появились и локальные социальные сети, ориентированные на поиск близкого себе человека и общение с локальными социальными группами (например социальная сеть “Highlight” сделала ставку на то, чтобы виртуальные знакомства в конечном итоге находили выход в реальном общении, если люди подходят по заданным в профиле параметрам и оказываются в пешей доступности друг от друга). Появление таких сетей и мобильных приложений показывает, что виртуальная коммуникация, дающая на широту охвата пользователей, не удовлетворяет в полной мере потребность человека физически (тактильно, эмоционально и т.д.) взаимодействовать с Другим. В 2012 г., например, были попытки создания локальных по количеству пользователей социальных сетей, призванных передавать тактильные ощущения (такие как сеть “Pair” для влюблённых, в которой была функция вибрирования, если пользователь передавал поцелуй)⁵⁴¹. В 2016–2017 гг. наблюдается значительный рост использования мессенджеров (так, с 2015 по 2016 г. количество пользователей “WhatsApp” возросло на 50 %), что также указывает на рост значимости локальной коммуникации, осуществляемой без большого количества подписчиков и т.д.). Однако это не снизило роль глобальных социальных сетей, скорее можно сказать, что мессенджеры ещё больше усилили виртуальную коммуникацию и сделали её частью повседневного общения человека.

Виртуальная коммуникация в условиях электронной культуры выполняет ряд важных функций:

в социальном плане: глобальная социализация как создание глобальной коммуникационной среды общения человека «открытого мира»; создание условий для неформального, без влияния цензуры, общения как формы рекреации, отдыха, получения удовольствия; адаптация к социальной активности людей, обдающих проблемами с реальной коммуникацией; снятие границ между социальными статусами, местом нахождения, языками общения; формирование социальных групп для удаленной профессиональной, личной, деловой коммуникации;

в когнитивном плане: выступая в качестве источника знаний, информации, данных. При этом осуществляется мгновенная передача информации (скорость которой становится нулевой), оповещение всех участников общения о происходящих событиях, явлениях;

⁵⁴¹Pair: A Social Networking App Just For Couples. 04.03.12. URL: <http://www.fastcodesign.com/1669435/pair-a-social-networking-app-just-for-couples>.

в мировоззренческом плане: выступая одним из значимых факторов формирования мировоззрения (особенно для молодежной аудитории), включающего в том числе, ценностные ориентиры, паттерны, интересы, стереотипы мышления и поведения.

Социальные сети нивелируют барьеры между частной и общественной жизнью, что становится предметом частых дискуссий о конфиденциальности в виртуальных сообществах и рисках взлома информации о пользователях. Приватность и глобальность сочетаются здесь с невиданной ранее контрастностью. Личное пространство здесь существует внутри общественного, будучи единым с ним. При этом личное пространство имеет заданные программой очертания, оно подведено под некий стандарт с обозначенными параметрами (профилем), его закрытость условна, так как смысл его создания именно в том, чтобы сделать его доступным для других. В социальных сетях пересекаются области нормативного и нарушающего все запреты, свободы выражения идей и ограничения технических параметров при создании контента, реальности и нереальности коммуникации, открытости и анонимности.

Социальные сети, в том числе профессиональные, открывают человеку новые возможности, среди которых следует подчеркнуть:

1. Демократизм и свободный характер как возможность общения без ограничений в пространстве, времени, языке, телесных ограничений, социальной иерархии и др.

2. Плюрализм как множественный выбор, предоставляемый человеку в самоопределении в виртуальных сообществах, в оценке, выборе форм и меры коммуникации.

3. Возможность быть участником любых социальных, культурных, научных и других процессов и событий.

4. Непрерывный доступ к новой информации, знакомству с новыми произведениями творчества (художественного, научного и др.).

5. Возможность манифестации собственного творчества, представления сетевому сообществу собственных идей, произведений, теорий и др.

В то же время, с позиции анализа проблемы культурной безопасности, социальные сети как важнейший компонент электронной культуры могут рассматриваться в качестве источника новых вызовов безопасности личности. Прежде всего, к ним необходимо отнести:

1. Снижение роли реального (контактного) межличностного общения, ослабление социальных связей с теми, кто не использует виртуальную коммуникацию. Поскольку сущность личности во многом социальная, изменение этих связей оказывает влияние и на самого человека, его смыслы и ценности. Социальная общность заменяется, в терминах Ж. Бодрийяра, различного рода симулякрами (виртуальными образами, не имеющими реального аналога). Следствием этого оказываются снижение ценности реального межличностного общения, семьи, Другого, появления различных форм асоциального поведения и др.

2. На фоне роста внимания к виртуальной коммуникации и увеличения контактов в социальных сетях возрастает доверие к получаемой информации

и её источнику, хотя её авторство зачастую неопределенно, а характер общения имеет симулятивный характер. Партнер по коммуникации всё более обезличивается, общение заменяется стремлением к привлечению внимания всё большего числа пользователей. Получаемая информация воспринимается без рефлексии, копируется, становится источником стереотипного, массового сознания.

3. Ослабляются реальные традиционные формы идентичности личности и формируются и укрепляются искусственно-создаваемые, менее прочные и, как правило, не помогающие человеку в решении реальных жизненных и экзистенциальных проблем.

4. Культурный код, сформированный на интеллектуальном и нравственном основании, создаваемый духовной элитой общества, транслируемый через искусство, образование, просвещение, заменяется различного рода медиа продуктами, созданными исключительно с коммерческими целями, что способствует девальвации высших ценностей (прежде всего этических, эстетических, социальных).

5. Неограниченный моральными и социальными регуляторами контент в процессе виртуального общения начинает доминировать над нормативным и этически-ориентированным. Проблемы незрелости информационной этики приводят к нормативному кризису⁵⁴².

6. Визуальная коммуникация (видео, графическая и др.), успешно конкурируя с вербально-текстовой, начинает доминировать, упрощая и сводя к шаблону язык коммуникации.

Виртуальная коммуникация осуществляется не только через социальные сети. Важную роль в этом отношении играет и ещё один феномен электронной культуры, получивший глобальное распространение – *компьютерные игры*, которые также являют собой яркие примеры гетеротопий. Будучи порождением информационной эпохи (*первый* принцип гетеротопии по Фуко), они выполняют прежние функции рекреации, досуга, обучения, адаптации к среде, общения со сверстниками, формирования умения соперничать, преодолевать трудности и побеждать, и приобретают новые функции, такие как глобальная коммуникация, снятие пространственных и языковых барьеров, развитие навыков моделирования, творчества и управления киберобъектами и др. При этом традиционные функции игры подвергаются трансформации: компьютерная игра становится развлечением не только для детей, но и для всех возрастов, оказывается инструментом, облегчающим выполнение учебных, коммерческих, профессиональных задач (обучение, маркетинг, реклама, путешествие и т.д.), позволяет моделировать реальные процессы информационного мира и подготовиться к их решению (симуляторы) (как проявление *второго* принципа гетеротопии).

Третий принцип гетеротопии проявляется здесь особенно ярко: в виртуальной игре соединяются различные пространства, миры, уровни, через

⁵⁴² Duff A. The Normative Crisis of the Information Society. Cyberpsychology.

которые проходит пользователь, преодолевая различные испытания. Игровое пространство в каждом из вариантов представляет собой виртуальную вселенную, существующую не географически, а в цифровом выражении, со своими атрибутами, природой, архитектурой, персонажами. В виртуальном мире могут причудливо соединяться различные эпохи, вымышленные и исторические события, артефакты, герои и т.д. В игровом пространстве соседствуют реальный и виртуальный миры: игрок существует в каждом из обоих миров одновременно; виртуальный мир становится возможным благодаря реальным техническим ресурсам и игровому устройству.

Четвертый принцип (срез времени) имеет здесь множество проявлений: в играх существует и историческая реконструкция реальных событий, и искажённые фрагменты различных эпох, соединённых переходами или полная эклектика. Как и в соцсетях, игровые порталы «ускоряют» время пользователя, «всасывая» его на период игры. Время течёт здесь иначе, ускоренно, с одной стороны, и при этом обратимо – с другой. Поэтому в игре неопасно погибать, поскольку уровень можно пройти снова и снова, вернуться на исходный отрезок существования героя и прожить жизнь ещё раз, подобно своеобразной сансаре⁵⁴³. Игра разрывает рамки обычной жизни, однако это не музей и не карнавал (классические гетеротопии по Фуко), а нечто иное. В игре герой живёт жизнью другого персонажа, своего виртуального героя, тем самым его собственное время жизни останавливается и замещается симулякром. Это позволяет быть супергероем, превзойти смертность, однако для реальной жизни – это утрата своих возможностей и активности.

Пятый принцип гетеротопии – наличие кодов входа и выхода. Ритуализация действий для пребывания в данном пространстве проявляется здесь во множестве актов: создание аккаунта, покупка ключа для скачивания, регистрация, введение пароля – всё, что нужно для входа в игровое пространство. В сетевых играх происходит объединение в команды (по выбору игроков или автоматически), развитие персонажа (покупка оружия, силы, магии и т.д.), возможны выбор карты действий, профиля героев, прохождения этапов игры, наконец, получение наград. Система имеет свои вход и выход, является одновременно открытой и закрытой, поскольку вступить в неё возможно, но кроме формальностей важно обладать навыками, которые придают весь смысл.

Наконец, *шестой* принцип гетеротопии – создание иллюзии и образа совершенства – реализуется здесь максимально. Пользователь выбирает игру как некий мир, в котором ему интересно реализовать свои качества, где он находит выход своей энергии, в том числе деструктивной. Для здорового человека граница между реальным и виртуальным мирами очевидна. Для человека, имеющего расстройство, вызванные в том числе игровой зависимостью, границы между мирами могут смещаться, становиться всё более условными. В случае, когда игрок в большей степени ощущает свою вирту-

⁵⁴³См. подробнее: Баева Л. В. Виртуальная сансара: трансформация модели реальности в условиях информационной культуры // Информационное общество. 2012. № 2. С. 44–52.

альную, а не реальную социальную идентичность, окружающий мир становится для него всё менее значимым – это создает феномен виртуализации самой личности, её симуляции, в крайних случаях «одержимости» своим персонажем. Игровой персонаж, как правило, обладает теми качествами, которые хотел бы приобрести или умножить игрок. Это определяет и его образ «совершенного» мира, в котором он реализует себя как герой и победитель. Соединение реального мира и идентичности игрока с виртуальным персонажем в крайних случаях приводит к социальным конфликтам, психическим патологиям, суицидальным последствиям и другим девиациям, в том числе связанным с угрозами безопасности человеку и сообществу.

Как мы видим, электронная культура и её проявления, такие как социальные сети, игровые порталы и др., представляют собой современные гетеротопии, обладающие новыми функциями и признаками в условиях информационного социума. Их инаковость привлекает человека и позволяет найти убежище от окружающего его реального мира, его проблем и сложностей. Гетеротопии существуют по определённым правилам, в них действуют стандартизированные принципы, шаблоны поведения, которые дают человеку одновременно возможность не задумываться над социальным выбором и скрываться под маской своего персонажа и действовать свободно от жёстких моральных ограничений. В то же время цифровые гетеротопии, особенно игровые пространства, становятся источником новых видов аддикций человека и несут угрозу его безопасности в психическом, социально-культурном, а порой и физическом плане.

Интернет-игровые аддикции как угрозы безопасности человека

Помимо новых возможностей в получении удовольствия, развлечения, отдыха, виртуальные игры порождают новые формы зависимости (их принято называть «интернет-игровые аддикции»), которые охватывают всё больше пользователей и в ряде стран квалифицированы как медицинские патологии. Мы остановимся на этом вопросе более подробно, поскольку он связан с проблемой безопасности человека в современной культуре.

Интернет-игровая зависимость проявляется в развитии у современного человека стремления к постоянному присутствию в игре, в Сети, взаимодействию с виртуальными партнерами и как следствие – в пренебрежении собственным здоровьем, реальными социальными связями, в ослаблении познавательной, творческой активности, усилении пассивной, не перерабатывающей информацию форме восприятия реальности. В Китае, Южной Корее и на Тайване интернет-игровая зависимость как диагноз уже признана медициной, а злоупотребление интернетом воспринимается как общенациональный кризис, поскольку зависимыми в них считаются десятки миллионов человек.

В современной медицинской науке утвердился подход, что человек, проводя значительное свободное время за компьютерной игрой, испытывает удовольствие, в некоторой степени подобное наркотическому. Например,

П. Уайброу сравнивает компьютерную зависимость с наркотической, отмечая, что компьютеры как усиливают возбуждение, так и углубляют депрессию пользователя⁵⁴⁴. Современные исследователи показывают, что воздействие компьютерных игр на человека может иметь сравнение с алкогольной зависимостью⁵⁴⁵. Учёные также отмечают, что время пребывания человека в игре не играет главной роли для развития негативных последствий (таких как тревожность, потеря контроля и др.), а в большей степени связано с принадлежностью к некой группе риска.

В 2013 г., после длительных исследований и дискуссий интернет-игровые расстройства (Internet Game Disorder – IGD) были признаны в качестве психических расстройств личности, подлежащих лечению, и включены в пятое издание «Диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам»⁵⁴⁶. В справочнике отмечалось, когда люди поглощены сетью интернет или видеоиграми, то в их в мозге срабатывают те же импульсы и реакции, что и в мозгу наркомана, находящегося под влиянием психоактивного вещества. У геймера пробуждаются неврологические реакции, которые влияют на чувство удовольствия и вознаграждения, и в результате, в крайних формах, возникает аддиктивное поведение. В то же время, отмечается в издании, эти расстройства относятся к поведению геймеров, в то время как поведение пользователей интернет-сайтов ещё до конца не изучено, чтобы определить его как расстройство.

С позиции психологии исследуются предпосылки, симптомы, типы зависимости людей от интернета, компьютера или IGD, предлагаются способы лечения в клиниках и медицинских центрах. Например региональный Медицинский центр в Брэдфорде (штат Пенсильвания) предлагает консультирование, лечение и восстановление от интернет-зависимости для взрослых в возрасте 18 лет и старше. Здесь разработана программа для тех, у кого преодоление чрезмерного использования интернета и электронных игр самостоятельно не увенчались успехом. Эта программа предполагает добровольное десятидневное пребывание пациента в специальном блоке по аналогии с лечением от наркомании⁵⁴⁷. Интернет-зависимость понимается при этом как любой тип связанного с интернетом компульсивного (зависимого, навязчивого) поведения, которое мешает нормальной жизни и вызывает сильный стресс, влияя на семью, друзей, родных и рабочую среду.

Зависимости от длительного нахождения в виртуальных играх в значительной степени подвержены люди из различных групп риска (с нарушениями

⁵⁴⁴ Whybrow P. Manic Nation. 2012. URL: <http://www.psmag.com/health/manic-nation-dr-peter-whybrow-says-were-addicted-stress-42695/> (дата обращения: 22.05.2016)

⁵⁴⁵ Kornhuber J., Zenses E.-M., Lenz B., Stoessel C., Bouna-Pyrrou P. et al. Low 2D: 4D Values Are Associated with Video Game Addiction // PLoS ONE. 2013. Vol. 8 (11) (дата обращения: 27.12.2016).

⁵⁴⁶ Подробнее см.: Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders URL: <http://www.dsm5.org/Documents/Internet%20Gaming%20Disorder%20Fact%20Sheet.pdf> (дата обращения: 05.03.2016)

⁵⁴⁷ Источник: Университет Калифорнии, Сан-Франциско. URL: <https://www.brmc.com/programs-services/internet-addiction-bradford-pa.php> (дата обращения: 08.12.2015).

психики, находящиеся в трудной жизненной ситуации, имеющие проблемы с общением, пониманием близкими), которые более комфортно и уверенно чувствуют себя не в реальном, а в виртуальном мире. Многие люди обращаются к игре для того, чтобы управлять неприятными ощущениями, такими как стресс, одиночество, депрессия и беспокойство, скука. Человек ищет не просто релаксацию, но и активность, проявление своих способностей, особенно если в реальной сфере они не находят выражения.

К признакам сформировавшейся интернет-игровой зависимости сегодня относят следующие:

- значительная трата времени в игре и интернете: человек проводит там больше времени, чем ожидает, не замечает, что время тратится непродуктивно и др.;
- раздражительность, агрессивность, если прерывается онлайн-время или игровой сеанс;
- возникновение проблем с выполнением задач на работе, в учёбе или дома: потеря интереса и мотивации к работе, связанная со стремлением к проведению досуга за компьютером;
- изоляция от семьи и друзей, переход от реальной социализации к виртуальной коммуникации, когда виртуальные партнёры имеют предпочтение перед реальными, а виртуальные события – приоритет над реальными;
- ложь близким, чтобы скрыть стремление к проведению всего свободного времени за компьютером, игрой;
- пренебрежение другими видами занятий и досуга (чтение, общение с семьей, прогулки, спорт, творчество и др.);
- возникновение чувства эйфории, наибольшего удовлетворения, полноты жизни от участия в интернет-деятельности;
- утрата самоконтроля, неспособность остановить игровой сеанс, принять решение о дозировании своей активности в сети или игре.

В группе риска формирования IGD в первую очередь оказываются те, кто склонен к частой депрессии, обладает слабой волей, тяготеет к различного рода зависимостям (алкогольной, наркотической, азартным играм), лишён социальной поддержки (друзей, близких, позитивных отношений с родителями), те, кто переживает переломный возраст, остро чувствует своё одиночество, непонятность окружающим сообществом, испытывает влечение к тому, что вызывает сильные чувства, эмоции. Детские психологи, в том числе Л. Девис, отмечают, что это прежде всего мальчики с дефицитом внимания, гиперактивностью и девочки с депрессиями или социальными фобиями⁵⁴⁸.

Однако не только дети и подростки оказываются склонными к IGD. Среди взрослых этот феномен также находит своих жертв: так, согласно исследованиям игровой зависимости, среди женщин выявлено большинство

⁵⁴⁸Leslie Davis Risk of Internet Addiction Higher in Teens with ADHD and Depression. URL: <http://www.video-game-addiction.org/video-game-addiction-articles/internet-addiction-higher-in-teens-with-adhd-depression.htm> (дата обращения: 08.12.2015).

испытывавших депрессию, имеющих низкий статус ценности здоровья; мужчины-геймеры показали более высокий индекс массы тела по сравнению с не-игроками, отсутствие ценности здорового образа жизни. И мужчины, и женщины-игроки продемонстрировали большую зависимость от интернета как своей основной социальной поддержки. С. Райтер отмечает в своем исследовании: как и подростки, имеющие интернет-игровую зависимость, взрослые геймеры оказывались социально замкнутыми, жертвовали реальными социальными событиями, чтобы играть в видеоигры, чаще всего вели малоподвижный образ жизни и имели избыточный вес⁵⁴⁹. Исследователь указывает: более половины (53 %) взрослых американцев играют в видеоигры и примерно один из пяти взрослых (21 %) играет каждый день или почти каждый день. Подростки и молодые взрослые чаще всего стремятся доминировать в игре, при этом взрослые – это, как правило, более энергичные игроки, которые играют чаще и, таким образом, также становятся жертвой игромании⁵⁵⁰. Крайние формы характеризуются эскапизмом, эффектом «хикикомори» (hikikomori – японская субкультура, представители которой годами не выходят из собственных квартир, находясь всё время у экранов компьютеров и ведя паразитирующий по отношению к обществу образ жизни). Надо заметить, что в данном случае речь идёт не о всех игроках и пользователях интернета, а о тех из них, кто находится в указанных выше группах риска.

Каковы же масштабы данного явления в России? А.В. Урсу в диссертации «Сверхценное увлечение компьютерными играми детей и подростков. Распространенность и клинико-психопатологические проявления» (медицинские науки) приводил следующие данные: подавляющее большинство детей (68,3 %) играют в компьютерные игры, при этом на основании общепринятых критериев диагностики аддиктивного поведения у каждого десятого подростка (7,7 %) наблюдаются признаки сверхценной увлечённости (91,3 % юношей и 8,7 % девушек). Критериям аддиктивного поведения А.В. Урсу называет психическое влечение, утрату количественного контроля, в случае отмены возможности игры возможное развитие симптомов астении и депрессии, что в итоге негативно влияет на учебную деятельность и отношения в семье⁵⁵¹. Специфическим для сверхценной увлечённости компьютерными играми, отмечает исследователь, является погружение в изменённое состояние сознания, которое создаёт условия для возникновения сильных эмоциональных реакций на события игры и тем самым оказывает стимулирующее действие на играющего. В результате у игроков формируется истощение нервной системы, что имеет негативные последствия для здоровья организма в целом.

В свою очередь психолог М.В. Жукова в работе «Компьютерная зависимость как один из видов аддиктивной реализации» отмечает, что интернет-

⁵⁴⁹Writer S. Never Too Old for Video Games? URL: <http://www.video-game-addiction.org/video-game-addiction-articles/never-too-old-for-video-games.htm> (дата обращения: 14.04.2017).

⁵⁵⁰Там же.

⁵⁵¹Урсу А. В. Сверхценное увлечение компьютерными играми детей и подростков. Распространенность и клинико-психопатологические проявления. М., 2012. 21 с.

пользователи удовлетворяют потребности в коммуникации, познании, игре, однако зависимость возникает в том случае, если эти потребности оказываются фрустрированными в реальной жизни⁵⁵². Для большинства других участников игр и пользователей опасность перейти от вовлечённости к патологическим расстройствам не возникает.

Последствия IGD очень разнообразны: со стороны поведения чрезмерная интернет-игровая зависимость может привести к проблемам с импульсным управлением, поведенческим торможением, исполнительным функционированием, трудностям внимания и общего когнитивного функционирования. В этом смысле IGD можно рассматривать с точки зрения девиаций, связанных с неправильным образом жизни. Интернет-игровая зависимость создаёт условия, где образ жизни и повторяющийся опыт систематически изменяют тело и, таким образом, «попадает под кожу». В этом смысле культурный контекст и образ жизни могут стать болезнью (здесь – зависимостью) путём многократных повторений⁵⁵³. При этом, как отмечают исследователи, формирование интернет-игровой зависимости следует рассматривать с учётом индивидуальных, культурных, социальных контекстов, что представляет актуальность и для выбора способа лечения, поскольку смыслы и цели, вкладываемые игроком в игру в каждом случае, могут быть уникальными⁵⁵⁴.

В системе координат человека, испытующего IGD, происходит девальвация приоритетов: он оценивает реальный окружающий мир, социальное окружение, работу и другое как бытие, обеспечивающее его существование, но не обладающее высокой значимостью. С другой стороны, игровое пространство, предельно захватывающее его внимание, в котором он существует большее время, приобретает характер сверхзначимого бытия. Масштабы игровой зависимости до внедрения ИКТ не вызывали серьёзных опасений для социума. В условиях общества потребления, с форсированным развитием сектора услуг и развлечений виртуально-игровая зависимость становится одной из национальных и глобальных проблем, угрозой культурной безопасности человека. Это мнение разделяют не только специалисты, но и те, кто сам оказывается подверженным этим рискам. По данным ВЦИОМ, в 2016 г. молодежь России на первое место среди наиболее опасных проблем, актуальных для современной аудитории, поставило именно игровую зависимость⁵⁵⁵. Зависимость от компьютерных игр назвали основной проблемой 77 % опрошенных, негативное влияние интернета – 75 % респондентов. Интернет и компьютер в глазах опрошенных обогнали такие угрозы, как алкоголь и

⁵⁵² Жукова М. В. Компьютерная зависимость как один из видов аддиктивной реализации // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2013. № 11. С. 125.

⁵⁵³ Kuss D. J. Internet gaming addiction: current perspectives // Psychol Res Behav Mak. 2013. Vol. 6. P. 125–137.

⁵⁵⁴ Griffiths M. D. The role of context in online gaming excess and addiction: some case study evidence // International Journal Ment. Health Addict. 2010. № 8. P. 119–125.

⁵⁵⁵ ВЦИОМ. Поколение Selfie: пять мифов о современной молодежи. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115996> (выборка 1600 человек из 46 населённых пунктов России).

наркотики. Эта оценка свидетельствует о том, что проблема игровой зависимости должна привлечь самое внимание к её решению специалистов из различных сфер и стать значимым предметом обсуждения (табл. 6.1).

Таблица 6.1

Опрос ВЦИОМ: «По Вашему мнению, молодые люди в современной России сталкиваются или не сталкиваются со следующими проблемами?»
(закрытый вопрос, один ответ по каждой строке, %, 2016 г.)⁵⁵⁶

		Сталкиваются часто	Сталкиваются редко	Не сталкиваются	Затрудняюсь ответить
Зависимость от компьютерных игр	Все опрошенные	77	13	6	4
	18–34 года	72	20	6	2
	35 лет и старше	78	10	5	7
Негативное влияние интернета	Все опрошенные	75	13	6	6
	18–34 года	69	18	9	4
	35 лет и старше	77	10	5	8
Алкоголизм, наркомания	Все опрошенные	64	22	9	5
	18–34 года	64	27	7	2
	35 лет и старше	63	20	10	7
Конфликты молодых людей с родителями	Все опрошенные	62	27	5	6
	18–34 года	67	27	3	3
	35 лет и старше	60	27	6	7

Виды современных интернет-аддикций становятся всё более разнообразными, к ним добавляются ониомания, селфимания, потребность в постоянном присутствии в сети, просматривание разнообразных видео и фото, которые занимают всё больше времени человека, вытесняя учёбу, работу, творчество и реальное общение. Однако эти процессы не являются спонтанными, свойственными самому индивиду, напротив, они формируются целенаправленно, как навязанная человеку потребность, формируемая усилиями пиар-компаний, агентствами по производству и продаже видеопродукции, игровых устройств и др. Игры, как и другие медийные продукты, являются сверхприбыльными товарами на современном рынке, и их продвижение направлено на формирование у современного человека интереса, удовольствия, а затем и потребности от них. В данном случае мы имеем дело уже с экономическим аспектом проблемы формирования интернет-зависимости. Общество подчинено парадигме продажи разнообразных услуг и товаров, многие из которых являются избыточными для человека, и для того, чтобы

⁵⁵⁶ ВЦИОМ. Поколение Selfie: пять мифов о современной молодежи.

убедить его в необходимости их приобретения используются различные приемы, в том числе и формирующие зависимость.

Как мы видим, проблема безопасности человека в электронной культуре может иметь различные грани: это и угрозы ослабления традиционных форм социальности, межличностной коммуникации, рациональности, и новые формы несвобод, зависимостей, которые подчиняют человека возникающим новым потребностям. Эти угрозы имеют как объективный, так и субъективный характер, культурный, экономический, психологический, технологический, когнитивный, коммуникативный аспекты, оказываются связанными с социальными основаниями личности. В то же время информационное пространство оказывается и сферой, сопряжённой с угрозами не только личности, но и социальной, национальной безопасности, о чём пойдет речь далее.

Угрозы культурной и национальной безопасности в информационном мире

В современном мире безопасность становится главной ценностью, объектом защиты, обеспечения и исследования. Прежде всего речь идёт о защите от противоправного и манипулятивного информационно-психологического воздействия, оказываемого на современного человека разнообразными источниками. Безопасность в этих условиях связывается с защитой от возможных деформаций социальных и культурных систем, ведущих к нарушению здоровья, жизни, прав, свободы личности вследствие информационно-психологического воздействия с применением современных электронных ресурсов. Негативность воздействия информационного контента связывается с тем, что он вызывает «психолого-эмоциональную, социально-психологическую напряжённость, искажение нравственных критериев и норм, морально-политическую дезориентацию»⁵⁵⁷. Добавим к этому также возможные деформации культуры, ведущие к её упрощению, нивелированию, открытому или скрытому снижению её ценности, дискриминацию этнических и профессиональных культурных ценностей путём распространения информации, и дезинформации, направленной на разжигание розни, противостояние культур в современном поликультурном сообществе.

Безопасность в целом и информационная безопасность в особой мере становятся одним из важнейших направлений изучения как со стороны учёных, так и со стороны правительств государств, органов безопасности, законодательной сферы, а также международных общественных организаций.

Юридически понятие «безопасность» было введено в «Закон о безопасности» в 1992 г.⁵⁵⁸. В нём указывалось, что «безопасность – состояние

⁵⁵⁷ Федоров А. В., Зиновьева Е. С. Информационная безопасность: политическая теория и дипломатическая практика. М.: МГИМО-Университет, 2017. С. 132.

⁵⁵⁸ О безопасности: ФЗ № 2446 РФ от 05.03.1992 г. (в 2010 году этот Закон был признан утратившим силу).

защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз». Основными объектами обеспечения безопасности были названы «личность – её права и духовные ценности; государство – его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность» (ст. 1).

В 2006 г. был принят Федеральный закон ФЗ № 35 «О противодействии терроризму», в котором были утверждены основные принципы противодействия терроризму, в том числе следующие: «системность и комплексное использование политических, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных и иных мер противодействия терроризму;

едининачалие в руководстве привлекаемыми силами и средствами при проведении контртеррористических операций;

соразмерность мер противодействия терроризму степени террористической опасности»⁵⁵⁹.

В настоящее время главным документом, связанным с обеспечением государственной безопасности, является Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»⁵⁶⁰. В нём даётся такое определение: «национальная безопасность Российской Федерации – состояние защищённости личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации (далее – граждане), достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации» (общие положения). В этом документе выделяются основные сферы безопасности, которые включают оборону страны, государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности. К основным угрозам национальной и общественной безопасности в числе других отнесена «деятельность, связанная с использованием информационных и коммуникационных технологий для распространения и пропаганды идеологии фашизма, экстремизма, терроризма и сепаратизма, нанесения ущерба гражданскому миру, политической и социальной стабильности в обществе» (ст. 43).

В Стратегии национальной безопасности России, в разделе «Культура» отмечается, что «угрозами национальной безопасности в области культуры являются размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей и ослабление единства многонационального народа Российской

⁵⁵⁹О противодействии терроризму : Федеральный закон от 06.03.2006 N 35-ФЗ (ред. от 06.07.2016; с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/.

⁵⁶⁰О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. N 683. URL: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>.

Федерации путём внешней культурной и информационной экспансии (включая распространение низкокачественной продукции массовой культуры), пропаганды вседозволенности и насилия, расовой, национальной и религиозной нетерпимости, а также снижение роли русского языка в мире, качества его преподавания в России и за рубежом, попытки фальсификации российской и мировой истории, противоправные посягательства на объекты культуры»⁵⁶¹.

Наука, технологии и образование отнесены к главным факторам, обеспечивающим национальную безопасность, в том числе отмечается необходимость повышения уровня технологической безопасности, в информационной сфере. В образовании – это «повышение роли школы в воспитании молодежи как ответственных граждан России на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, а также в профилактике экстремизма и радикальной идеологии; повышение качества преподавания русского языка, литературы, отечественной истории, основ светской этики, традиционных религий» (ст. 70). Следует отметить, что информационная безопасность в данном документе не получила развернутого представления, поскольку ей посвящена специальная «Доктрина информационной безопасности Российской Федерации», принятая Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. В его общих положениях дано определение информационной безопасности как состояния «защитённости личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства»⁵⁶². В «Доктрине...» отмечается, что информационная сфера играет важнейшую роль в сфере защиты национальных интересов, которые состоят прежде всего в обеспечении и защите конституционных прав и свобод человека и гражданина в части, касающейся получения и использования информации, неприкосновенности частной жизни при использовании информационных технологий, обеспечения информационной поддержки демократических институтов, механизмов взаимодействия государства и гражданского общества, а также применения информационных технологий в интересах сохранения культурных, исторических и духовно-нравственных ценностей многонационального народа Российской Федерации (ст. 8).

К информационным угрозам, согласно «Доктрине информационной безопасности Российской Федерации...», относятся, в том числе различные террористические и экстремистские организации, которые широко используют механизмы информационного воздействия на индивидуальное, групповое и общественное сознание в целях нагнетания межнациональной и социальной

⁵⁶¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации.

⁵⁶² Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 05.12.2016 N 646. URL: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_208191/.

напряжённости, разжигания этнической и религиозной ненависти либо вражды, пропаганды экстремистской идеологии, а также привлечения к террористической деятельности новых сторонников. Усиливает угрозы и отсутствие международно-правовых норм, регулирующих межгосударственные отношения в информационном пространстве, а также механизмов и процедур их применения, учитывающих специфику информационных технологий, затрудняет формирование системы международной информационной безопасности, направленной на достижение стратегической стабильности и равноправного стратегического партнерства (ст. 3).

Усиление угрозы в информационной сфере связано с её глобальностью и широтой охвата сетевого сообщества. По данным Международного союза электросвязи (2015), за последние 15 лет происходил значительный рост информационно-коммуникационных технологий, открывая возможности для социально-экономического развития государств и народов. С 2000 г. количество и плотность пользователей интернета увеличились в 7 раз (с 6,5 до 43 % мирового населения). При этом отмечалось, что количество преступлений в информационной сфере растёт в геометрической прогрессии, имея своими целями как отдельных граждан, так и политические системы, государства, международные сообщества⁵⁶³.

Что же выступает основными угрозами в сфере информационной безопасности? Прежде всего к ним относят:

- киберпреступность как преступные противоправные действия с использованием ИКТ для нанесения ущерба жизни, здоровью, свободе, ответственности человека и организаций;
- кибертерроризм как преступную деятельность с применением ИКТ с целью устрашения, разрушения, уничтожения или причинения вреда социально-политическим системам, государственному строю, конфессиям, институтам власти и системам правопорядка;
- информационные войны как источник дестабилизации политических систем, подрыва авторитета отдельных лидеров, движений, партий и т.д. в целях борьбы за власть, влияние и распределение ресурсов.
- умышленную и неумышленную дезинформацию с применением ИКТ, способствующую формированию насаждаемых стереотипов, ложных знаний, страхов, суицидальных настроений, паники и т.д. для манипулирования общественным мнением.

Угрозы в сфере культуры связаны в большинстве своём с кибертерроризмом, дезинформацией, информационными войнами, однако не исчерпываются ими. Если систематизировать возможные угрозы в области культурной безопасности с применением ИКТ, то к ним необходимо отнести следующие (табл. 6.2).

⁵⁶³The Measuring the Information Society Report. 2016. URL: <http://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/publications/mis2016.aspx>.

Таблица 6.2

Типология угроз культурной безопасности, связанных с применением ИКТ

Тип угрозы	Направленность
Киберэкстремистская и террористическая деятельность	Угроза культурной и национальной безопасности
Кибертерроризм как преступная деятельность с применением ИКТ с целью устрашения или причинения вреда, разрушения, уничтожения социально-политическим системам, государственному строю, конфессиям, институтам власти и системам правопорядка	Угроза политической стабильности и национальной безопасности
Информационные войны как источник дестабилизации политических систем, подрыва авторитета отдельных лидеров, движений, партий и т.д. в целях борьбы за власть, влияние и распределение ресурсов	Угроза культурной и социальной безопасности
Умышленная и неумышленная дезинформация с применением ИКТ, способствующая формированию насаждаемых стереотипов, ложных знаний, страхов, суицидальных настроений, паники и т.д. для манипулирования общественным мнением	Угроза культурной и экзистенциальной безопасности
Целенаправленное вытеснение определённой культурной традиции, вплоть до её замены другой, посредством использования ИКТ нарушающее права и свободы личности	Угроза культурной безопасности
Массовая Интернет-культура, пропагандирующая обращение к низменным потребностям человека, ориентированная на получение прибыли.	Угроза когнитивной и культурной безопасности
Умышленное и неумышленное искажение традиционной культуры, языковых норм, трансформация роли традиционных социальных институтов (семьи, системы образования, воспитания) в формировании личности	Угроза когнитивной, социальной и культурной безопасности

1. Киберэкстремистская и террористическая деятельность понимается как деятельность, направленная на разжигание национальной, этнической, конфессиональной розни, оскорбляющая честь или достоинство людей как носителей той или иной культурной традиции, дискриминация представителей отдельных социальных групп по тому культурному признаку. Примерами этому является распространение в сети интернет контента с проповедью или презентацией агрессивных, насильственных, оскорбительных действий в отношении представителей тех или иных конфессий, этносов, наций, рас и их культуры; использование социальных сетей, мобильных мессенджеров для коммуникации и обмена информацией среди членов экстремистских и террористических групп при подготовке и проведении атак (не только в киберпространстве, но и в реальной сфере), связанных с религиозной или этнической почвой.

2. Распространение информации и дезинформации, связанной с оскорблением исторической памяти, культурных традиций, верований тех или иных народов, имеющая цель снизить их авторитет в обществе. Например искажение результатов Второй мировой войны, о роли каждой из сторон-участников, распространяемые через информационные ресурсы; контент, направленный на девальвацию культурных ценностей; информационные ата-

ки в отношении лидеров или ярких представителей конфессий, этнических сообществ, культурных объединений.

3. Целенаправленное ослабление роли определённой культурной традиции вплоть до её вытеснения другой посредством использования ИКТ, нарушающее права и свободы личности. Примерами могут выступать различные проявления: от насаждения ценностей определённой этнической группы или конфессии до навязывания через рекламу определённого образа жизни или культуры потребления.

4. Пропаганда и агитация к саморазрушительному поведению, в том числе призывы к суициду, насилию и антигуманным действиям. Эта угроза может проявляться через социальные сети, блоги, виртуальные сообщества («Синий кит» и др.).

5. Массовая интернет-культура, пропагандирующая обращение к низменным потребностям человека для роста популярности и коммерческого спроса, вытесняющая интеллектуальную культуру с установками на просвещение, развитие человека в направлении высших ценностей. Её результатом становится ослабление способности к аналитическому, логическому, критическому, системному мышлению, преобладание клипового, визуально-слухового восприятия упрощённой информации, фрагментация знаний, неспособность к аргументации и обоснованию мировоззрения.

6. Умышленное и неумышленное искажение традиционной языковой культуры, размывание его норм, замена сленгом, упрощениями, заимствованиями и т.д., ведущими к утрате культурно-языковых традиций тех или иных народов.

Влияние информационной сферы на культуру двойственно. С одной стороны, оно даёт возможность для развития новых форм сохранения культурного наследия, проявления творчества человека, преодоления барьеров для коммуникации, образования, доступа к культурным ценностям. С другой стороны, эти ресурсы могут быть использованы как источник манипуляции общественным мнением, распространением угроз жизни, здоровью, правам и свободам личности, деформации норм традиционной культуры и социальным институтам, связанным с её воспроизводством.

К наиболее значительным *рискогенным тенденциям, связанным с внедрением ИТК, сквозь призму проблемы культурной безопасности* можно отнести такие, как:

- ослабление реальной коммуникации, интеллектуальной активности личности, нивелирование её индивидуальности в условиях глобальной массовизации культуры;
- утрата социокультурной идентичности, её замена виртуально-электронной симуляционной формой;
- формирование новых типов зависимостей личности и форм девиаций, связанных с ИКТ (на психологическом уровне);
- зомбирование или программирование поведения, информационные войны и возрастание социальной рискогенности, утрата доверия к социально-

политическим институтам (в результате вбросов дезинформации, информационного мусора, троллинга), незащищённость личности в информационном пространстве (на социальном уровне);

- девальвация ценности реального мира в сознании и жизнедеятельности человека, как следствие – утрата ценности жизни, Другого, социума и др. (на аксиологическом уровне);

- стирание границ между вымышленной и достоверной информацией, утрата доверия к научному знанию, системе образования, мифологизация образов и паттернов коллективного сознания, распространение псевдо- и квазинаучных знаний, иррациональных стереотипов мышления (на когнитивном уровне);

- усиление этического и нравственного плюрализма в информационном пространстве, ослабление моральных регуляторов и их подмена правилами, кодексами, руководствами «пользователей» (на этическом уровне).

Защита человека и его культурных ценностей в информационную эпоху оказывается связанной с такими областями, как:

- усовершенствование законодательства в сфере информационного общества (по предотвращению и наказанию киберпреступлений);

- формирование принципов и норм информационной этики (для профилактики киберугроз и формированию культуры межличностного общения в глобальной и локальных информационных средах);

- сохранение и развитие системы современного образования (с целью формирования рационального, научного мировоззрения, обладающего навыками критического, системного анализа, ограждающим от манипуляций общественным сознанием);

- пропаганда достижений творчества, науки, искусства, ориентированных на духовные, социальные, моральные ценности (противостоящей массовой культуре, ориентированной на пропаганду низших потребностей, асоциальности, эгоцентризма, примитивного гедонизма, консюмеризма, ониомании⁵⁶⁴).

В нашем исследовании мы в большей степени затронем проблемы становления информационной этики, поскольку именно она во многом является условием формирования этического поведения в информационном пространстве, основанном на уважении к другому человеку и его правам.

⁵⁶⁴Ониомания – желание что-либо покупать без необходимости, ради удовольствия самого процесса покупки, которая становится формой отдыха, развлечения, приобретает не инструментальный, а терминальный характер ценности.

Информационная этика как фактор безопасности в условиях электронной культуры

Развитие информационного сообщества предполагает совершенствование не только внедряемых технологий, но и развитие этики и правовых основ для жизнедеятельности в цифровом пространстве. Во многом эти сферы ещё развиваются и нуждаются в совершенствовании, но определённая работа на протяжении поздних десятилетий в этой сфере уже началась. По словам директора Международного центра по проблемам информационной этики Р. Капурро, свободу доступа следует рассматривать как основополагающий этический принцип, аналогичный принципам свободы слова и свободы печати⁵⁶⁵. Капурро относит к понятию информационной этики в узком смысле всё, что касается воздействия цифровых технологий на общество и окружающую среду в целом, а также решения этических проблем, связанных с функционированием онлайн-СМИ (этика цифровых СМИ). Понятие информационной этики в широком смысле, по его определению, охватывает всю информационную и коммуникационную сферу, включая и цифровые средства массовой информации⁵⁶⁶.

Значительный вклад в развитие теории информационной этики внесли работы профессора Оксфордского университета Л. Флориди, который подчёркивает, что информационная этика является одним из разделов философии информации, изучающим этические последствия информационных и коммуникационных технологий и их влияние на жизнь человека и общества⁵⁶⁷. Стоит отметить, что проблемы информационной этики, несмотря на свою актуальность, ещё остаются малоизученными в отечественной науке.

В данном исследовании мы рассматриваем *информационную этику* как область этики отношений людей (а также «умных» кибер-систем) в условиях информационного пространства, направленную на:

- 1) изучение этических аспектов социальной жизни, связанных с внедрением информационных технологий (защита авторских прав, киберугрозы и кибербезопасность, информационное равенство и гарантированность прав личности в доступе к информации, гендерные, социокультурные, социально-политические особенности развития информационного общества);
- 2) разработку и изучение этических норм и принципов коммуникации в информационном обществе, создание на их основе этических кодексов для информационного сообщества;
- 3) изучение этических аспектов развития электронной культуры и медиа (электронных СМИ, социальных сетей, электронных библиотек, виртуальных музеев и объектов сохранения культурного наследия, электронного образования, электронных услуг и др.);

⁵⁶⁵Капурро Р. Информационная этика // Информационное общество. 2010. № 5. С. 6–15.

⁵⁶⁶Там же.

⁵⁶⁷Floridi L. Information Ethics.

4) изучение морально-этических проблем развития (информационно-компьютерных и нано-инфо-био-кибер-социо-технологий (НБИКС-технологий), в том числе киборгизации, искусственного интеллекта и др.).

Вопросы развития информационной этики получили значительное внимание и были существенно проработаны за последние пятнадцать лет на международном уровне, что нашло выражение в создании этических принципов и кодексов информационного общества. Отметим сразу, что создание этих документов, с одной стороны, не охватывает весь комплекс сложившихся и грядущих этических проблем, связанных с ИКТ, а также то, что их реализация во многих странах находится в состоянии формирования и осмысления. Но вместе с тем, это те важные шаги, которые делает международное сообщество для постановки проблемы и привлечения внимания к этим вопросам.

Главными акторами в сфере изучения и обеспечения защиты прав человека в информационном мире выступают ООН и ЮНЕСКО, придавшие данной проблеме международный статус и высокую значимость. В условиях развития информационного глобального общества эти организации определяют формирование глобальных этических принципов и кодексов по кибербезопасности, регулирующих отношения в формирующемся информационном социуме. Миссия ЮНЕСКО связана не с политическим анализом проблем, а с их научным исследованием, и в этом отношении «служит своего рода лабораторией, которая аккумулирует передовые знания лучших учёных мира и формирует рекомендации»⁵⁶⁸. По мере бурного развития ИКТ в ЮНЕСКО, помимо традиционных секторов образования, науки и культуры, в 1990 г. создан Сектор коммуникации и информации, деятельность которого была ориентирована на исследование современных проблем информационного общества через призму образования, науки и культуры⁵⁶⁹. В его сфере внимания находятся два основных направления: 1) свобода выражения мнений и развития СМИ и 2) общество знаний. Основная деятельность оказалась сосредоточена на трёх межправительственных программах ЮНЕСКО: «Развитие коммуникации», «Память мира» и «Информация для всех».

Международная программа «Развития коммуникации», открытая в 1992 г., связана с содействием плюрализму СМИ и свободе выражения мнений, с подготовкой кадров в сфере СМИ, развитием общинных средств массовой информации, использованием новых технологий в целях обеспечения большей эффективности независимых и общественных СМИ.

«Память мира» в качестве программы ЮНЕСКО также была учреждена в 1992 г. и занимается защитой всемирного документального наследия, обеспечением равноправного доступа пользователей к документальному наследию, распространением всеобщей осведомлённости о существовании и зна-

⁵⁶⁸Хаустов Н. Информационная безопасность. Взгляд ЮНЕСКО. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1260>.

⁵⁶⁹Официальный сайт ЮНЕСКО. URL: <http://www.unesco.org/new/ru/communication-and-information/>.

чимости документального наследия и продвижением программы и включённых в её реестр произведений в широкую общественность.

Программа «Информация для всех» учреждена ЮНЕСКО в 2001 г. Её деятельность связана с информационной этикой, информационной политикой, медийно-информационной грамотностью, сохранением информации, языковым разнообразием в киберпространстве и доступом к информации.

Сегодня одним из важных направлений внимания ЮНЕСКО является область создания «общества знаний». В её рамках активно развивается Сектор исследований «Этика информации», где главное внимание обращено к проблемам этических принципов для обществ знаний, которые включают и право на свободу выражения мнений, всеобщий доступ к информации, особенно той, которая является общественным достоянием, право на образование, право на неприкосновенность частной жизни⁵⁷⁰.

В целом, деятельность ЮНЕСКО, связанная с изучением проблем информационного общества, фокусируется на таких вопросах, как: проблема равноправия в получении доступа к информации, защита личности в информационном мире, вопросы развития электронного образования, электронных СМИ, этики информационной коммуникации. Для решения первой задачи был организован ряд международных совещаний экспертов по социальным, юридическим и этическим вопросам использования ИКТ и доступа к информации. С тех пор расширенное обсуждение сконцентрировалось на проблеме доступа к информации, а также на создании рамок для деятельности, направленной на облегчение доступа к многоязычной информации на общедоступных сайтах. В результате многолетней работы такой механизм был создан с принятием в 2003 г. Генеральной конференцией ЮНЕСКО «Рекомендаций о поощрении и использовании многоязычия и всеобщем доступе к киберпространству».

Роль ЮНЕСКО в этой области была позднее подтверждена на Всемирной встрече на высшем уровне по вопросам информационного общества, поручившей ЮНЕСКО координировать на глобальном уровне последующую реализацию шести направлений деятельности: «Доступ к информации и знаниям» (С3), «Электронное обучение» (С7), «Электронная научная деятельность» (С7), «Культурное разнообразие и культурная самобытность, языковое разнообразие и местный контент» (С8), «Средства массовой информации» (С9) и «Этические аспекты информационного общества» (С10).

Важную роль в формировании рекомендаций в этико-правовой сфере, информационной безопасности и культуры играет такая организация, как Международный союз электросвязи (МСЭ), в сфере деятельности которого оказываются и проведение мониторингов развития информационного общества во всех странах мира, и изучение проблем обеспечения безопасности в информационном пространстве.

Одним из магистральных направлений деятельности ЮНЕСКО, ООН и МСЭ является защита прав человека в информационном обществе. Для ре-

⁵⁷⁰ЮНЕСКО. Этика информации. URL: <http://en.unesco.org/themes/ethics-information>.

шения этой многогранной задачи определился ряд направлений, которые обусловлены вызовами человеку в новых технологических условиях.

Анализ тематики международных встреч свидетельствует об активной деятельности ЮНЕСКО в области изучения проблем защиты человека в информационном обществе, его культуры и безопасности на протяжении последних 15 лет. Уже в 2002 г. была принята Декларация Бишкекско-Московской конференции по информационному обществу, в которой были обозначены проблемы развития информационного общества как в странах лидерах (донорах), так и в странах с низким уровнем развития технологий. К проблемам «развивающихся» стран в этой сфере были отнесены: обеспечение доступа к информационным ресурсам развитых стран; создание высокоскоростных каналов связи в сфере образования и науки; создание национальных научно-образовательных сетей; содействие созданию широкой сети пунктов коллективного доступа на местном уровне в регионах; разработка онлайн-переводчиков для тех стран, которые в этом нуждаются и др. Собственно этические проблемы, регулирующие права и свободы человека в информационном обществе, в ней ещё не поднимались.

В 2003 и 2005 гг. в Женеве и Тунисе под эгидой ООН состоялись встречи на международном уровне, связанные с формированием Декларации принципов построения информационного общества, в котором, наряду с признанием сложившихся в мировом правопорядке свобод и прав граждан, отмечалась их особенность в новых технологических условиях. В Декларации освещались международные аспекты развития информационного общества, в том числе проблема цифрового неравенства, в которой отмечалось, что сегодня преимущества революции в области информационных технологий неравномерно распределены между развитыми и развивающимися странами, а также внутри стран⁵⁷¹. В связи с этим, отмечалось в документе, в первую очередь необходимо превратить разрыв в цифровых технологиях в цифровые возможности для всех, прежде всего для тех, кому грозят отставание и дальнейшая маргинализация. В Декларации было отмечено, что в рамках глобальной культуры кибербезопасности важно повышать безопасность и обеспечивать защиту данных и неприкосновенность частной жизни, расширяя при этом доступ и масштаб торговых операций (ст. 35).

Один из разделов документа непосредственно направлен на утверждение этики информационного сообщества. В нём указано, что в информационном обществе необходимо уважать мир и отстаивать основные ценности, такие как свобода, равенство, солидарность, терпимость, коллективная ответственность и бережное отношение к природе (ст. 56); необходимо поддерживать достоинство и ценность человеческой личности (ст. 57); при использовании ИКТ и при создании контента следует уважать права человека и основные свободы других людей, включая неприкосновенность частной жизни и право на свободу мысли, совести и религии, согласно положениям соответ-

⁵⁷¹Женевская Декларация принципов. Всемирная встреча на высшем уровне по вопросам информационного общества, 2003 г.

ствующих международных документов (ст. 58); все участники информационного общества должны предпринимать соответствующие действия и принимать установленные законодательством меры по предотвращению ненадлежащего использования ИКТ, такого как противоправные деяния и прочие действия на почве расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанные с ними проявления нетерпимости, ненависти, насилия, все формы жестокого обращения с детьми, включая педофилию и детскую порнографию, а также торговля людьми и их эксплуатация (ст. 59). В документе отмечались различные аспекты проблемы информационной этики, связанные с сохранением культурного разнообразия и наследия, со свободой и ответственностью СМИ, с созданием благоприятной среды и укреплением доверия в информационном пространстве (ст. 67).

Несмотря на общий характер, Декларация 2003 г. во многом уже обозначила ряд ключевых принципов информационной безопасности, защиты прав и информационной этики. Дальнейшие программы, призванные обеспечить официальную регламентацию жизни в информационном пространстве, сформировать принципы информационной безопасности и этики, нашли отражение в таких документах, как: Декларация Санто-Доминго по инфоэтике (2006); «Заключительные рекомендации», принятые на Европейском региональном совещании на тему «Этика и права человека в информационном обществе» (2007); «Ханойское заявление об этических аспектах информационного общества» (2008).

Защита безопасности в информационном мире потребовала специального рассмотрения и выработки инструкций и руководств для его различных представителей.

В 2007 г. была создана «Глобальная программа кибербезопасности» (МСЭ), ставшая основой для международного сотрудничества, направленного на повышение доверия и безопасности в информационном обществе.

По определению МСЭ, кибербезопасность обеспечивает защиту от несанкционированного доступа, манипулирования критически важными ресурсами и активами, данными и их разрушения⁵⁷².

В «Резолюции 50» по кибербезопасности, принятой в 2012 г. в Дубае, подчёркивалось, чтобы защитить глобальные инфраструктуры электросвязи / ИКТ от угроз и проблем, связанных с меняющейся средой кибербезопасности, требуются согласованные действия на национальном, региональном и международном уровнях, чтобы обеспечить защиту от различных наносящих вред событий и реагировать на них⁵⁷³. В Резолюции отмечаются такие формы кибератаки, как фишинг⁵⁷⁴, фарминг⁵⁷⁵, распределённая атака на отказ в об-

⁵⁷²Глобальная программа кибербезопасности МСЭ. Основа для международного сотрудничества в области кибербезопасности. URL: <http://gosbook.ru/document/23428/23461/preview>.

⁵⁷³Резолюция 50. «Кибербезопасность». URL: https://www.itu.int/dms_pub/itu-t/opb/res/T-RES-T.50-2012-MSW-R.docx.

⁵⁷⁴Фишинг – вид интернет-мошенничества с целью получения доступа к конфиденциальным данным пользователей (логинам, паролям). Фишинг (от англ. «ловить рыбу») связан с проведением массовых рассылок электронных писем от имени популярных брендов, сервисов, банков или

служивании⁵⁷⁶, искажение внешнего вида веб-сайта, несанкционированный доступ и пр., которые имеют серьезные последствия для граждан и компаний.

Информационная безопасность организаций – это важная сфера современного бизнеса, и её обеспечением занимаются специалисты по защите информации. Что касается защиты прав обычных граждан, особенно детей и подростков, то гарантия их интересов и прав в информационном мире зачастую остается вне контроля специалистов. Для обеспечения защиты граждан от вредоносных действий в информационном пространстве ЮНЕСКО и МСЭ разрабатываются руководства и рекомендации для различных групп пользователей (детей, подростков, граждан) и их наставников (родителей, воспитателей, педагогов). Необходимо отметить наиболее значительные документы, разработанные в рамках программ ООН Международным союзом электросвязи, связанные с защитой безопасности детей в информационном пространстве:

- «Руководящие указания для детей по защите ребёнка в онлайн-среде»⁵⁷⁷.
- «Руководящие указания для родителей, опекунов и учителей по защите ребёнка в онлайн-среде»⁵⁷⁸.
- «Руководящие указания для директивных органов по защите ребёнка в онлайн-среде»⁵⁷⁹.

Эти инструкции и рекомендации в доступной для целевой аудитории форме излагают основные принципы и риски, связанные с онлайн-коммуникацией, поведением в случае киберугроз, защитой личности и собственной свободы в интернете. Руководства регулярно обновляются, и сегодня могут эффективно применяться педагогами и родителями для защиты детей и подростков от угроз информационного пространства.

Проблемы информационной этики также находятся среди приоритетов деятельности ЮНЕСКО. В 2011 г., на 36-ой сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО был утвержден «Кодекс этики для информационного общества», в котором подчёркивалось, что в информационном пространстве, как и в ре-

внутри социальных сетей и содержит вредоносный контент, который затем приводит к взлому персональных аккаунтов. Пользователь, получивший письмо от ложного источника, отвечает на него, тем самым запуская механизм кибератаки.

⁵⁷⁵ Фарминг – механизм скрытого перенаправления пользователей на фишинговые сайты, когда хакер распространяет на компьютеры пользователей специальные вредоносные программы, которые после запуска на компьютере перенаправляют обращения к заданным сайтам на поддельные сайты. При фарминге обеспечивается высокая скрытность кибератаки, когда пользователь не принимает решения открыть ложное письмо, а только заходит на сайты, которые отслеживаются хакерами. Вредоносные программы, реализующие фарминг-атаку, используют два основных приёма для скрытого перенаправления на поддельные сайты: манипулирование файлом HOSTS или изменением информации DNS.

⁵⁷⁶ Распределённые сетевые атаки связаны с организацией хакерами такого количества ложных входов на сервер жертвы (компании), которое превышает его лимит и вызывает сбой в его работе. См. подробнее: URL: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/threats/ddos-attacks>.

⁵⁷⁷ URL: http://www.un.org/ru/ecosoc/itu/guidelines_for_children.pdf.

⁵⁷⁸ URL: <https://www.itu.int/en/cop/Documents/guidelines-educ-r.pdf>.

⁵⁷⁹ URL: http://www.un.org/ru/ecosoc/itu/guidelines_for_policymakers.pdf.

альной жизни, должны оставаться незабываемыми права и свободы человека⁵⁸⁰. Это основной документ в области этики информационного общества на сегодня, принятый представителями большинства стран. В Кодексе отмечается, что государства-члены должны стремиться побуждать провайдеров и распространителей информации придерживаться таких этических принципов и ценностей, как честность, искренность, правдивость, достоверность, надёжность и объективность, включая справедливость, а также создавать условия для обеспечения доступа к информации для всех. Кодекс касается вопросов обеспечения права граждан в получении информации, свободе слова в информационной среде, в защите частной жизни, творческом использовании интернета (создании контента, собственных интерфейсов и др.), обеспечения демократии и законности, безопасности в отношении ксенофобии, расизма и т.д., защиты прав на интеллектуальную собственность. В разделе «Свобода выражения мнений» даётся ответ на вопрос о возможной цензуре в отношении к информационным ресурсам: «Государствам-членам не следует подвергать Интернет-контент каким-либо особым ограничениям, которые превышают ограничения, уже применяемые в отношении других средств распространения контента; этим государствам следует поощрять меры по собственному или совместному регулированию контента, распространяемого через Интернет»⁵⁸¹. Это не мешает установке фильтров для защиты малолетних, особенно в таких доступных для них местах, как школы или библиотеки, или для защиты интернета от таких эндогенных угроз, как вирусы, вредоносные программы, спам и другие технологии. С одной стороны, Кодекс утверждает, что никакой фильтрации информации или блокировки доступа к интернету быть не должно, с другой стороны, все действия в интернете, имеющие характер киберугроз, должны пресекаться. Особое внимание уделено гарантии прав на интеллектуальную собственность, которое подвергалось существенным нарушениям в последние десятилетия.

При разработке программных документов и кодексов ООН и ЮНЕСКО отстаивают принципы толерантности, культурного многообразия, свободы личности и демократии, в том числе в связи с возможностями образования. Значительное внимание ЮНЕСКО в 2014 г. в сфере ИКТ было связано с вопросами начального образования, поскольку принципы жизнедеятельности в информационном мире необходимо формировать как базовые.

В 2015 г. на Генеральной ассамблее Экономического и социального союза ООН Генеральным секретарём были подведены определённые итоги развития информационного общества в докладе «Прогресс, достигнутый в осуществлении решений и последующей деятельности по итогам Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества на региональном и международном уровнях». В нём были приведены данные о развитии информационных ресурсов в мире, в том числе подчёркивалось, что в

⁵⁸⁰Ethical code of Information society. 36 general conference of UNESCO. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0021/002126/212696e.pdf> (дата обращения: 5.01.2017).

⁵⁸¹Там же.

настоящее время сетями мобильной связи на тот момент были охвачены более 90 % мирового населения⁵⁸². Число абонентов мобильной связи стало почти равно численности населения мира. По оценкам, почти 50 % населения мира подключены к интернету, а порядка 44 % домашних хозяйств имеют доступ к интернету и примерно 39 % являются его пользователями. В то же время было отмечено, что имеет место значительный «информационный разрыв»: в развитых странах доступ к интернету имеют 78 % домашних хозяйств, в наименее развитых странах этот показатель составляет лишь 5 %. Равенство в доступе к информационным ресурсам рассматривается как важный фактор демократизации общества и обеспечения прав личности. Собственно этические вопросы, затронутые в докладе, касались защиты прав личности, в том числе слежения за сообщениями, их перехвата, сбора личных данных в целях защиты права на неприкосновенность личной жизни.

В 2016 г. тематика ЮНЕСКО по вопросам инфоэтики оказалась связанной с новыми направлениями, что было продиктовано новыми социальными вызовами, прежде всего миграционным кризисом в Западной Европе и крупными терактами в европейских странах. Для профилактики экстремистских действий среди мигрантов правительства многих стран начали предпринимать меры по ограничению прав пользователей в соцсетях и мессенджерах в связи с потенциальной возможностью киберугроз, угроз физической безопасности граждан, организация которых могла быть связана с применением ИКТ. В Гвадалахаре в декабре 2016 г. на 11-ом Форуме «Управление и использование Интернета» в рамках семинара «Социальные медиа и молодежная радикализация» ЮНЕСКО инициировала обсуждение этой сложной проблемы. Руководитель Сектора ЮНЕСКО «Общество знаний» И. Банерджи призвал заинтересованные стороны подвергнуть сомнению тезис о радикализации молодежи в интернете и не допустить нарушения прав граждан. Против усиления процесса радикализации, по его мнению, следует использовать возможности образования, посредством которого формировать критическое мышление, терпимость и уважение прав человека⁵⁸³. На этом Форуме также обсуждался вопрос о защите конфиденциальности и свободы выражения мнений через использование интеллектуальных технологий путем шифрования. Отмечалось, что это будет способствовать обеспечению конфиденциальности и свободы человека, включая специальные меры защиты для журналистов, представителей средств массовой информации и уязвимых пользователей, таких как женщины, девочки и меньшинства. Исследование в рамках Форума высказали рекомендации правительствам по включению вопро-

⁵⁸²Прогресс, достигнутый в осуществлении решений и последующей деятельности по итогам Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества на региональном и международном уровнях. URL: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/a70d63_ru.pdf.

⁵⁸³ЮНЕСКО инициировала дебаты о социальных сетях и радикализации молодежи в эпоху цифровых технологий. URL: http://www.unesco.org/new/en/media-services/single-view/news/unesco_triggered_debates_on_social_media_and_youth_radicaliz/ (дата обращения: 03.07.2017).

сов о защите прав человека в свою политику шифрования, чтобы это могло стать частью национальной политики⁵⁸⁴.

Следует отметить, что угрозы от применения ИКТ в экстремистской деятельности носят инструментальный характер, поскольку эти ресурсы могут быть использованы таким образом, но не нацелены на это. В РФ в 2017 г. в Государственной думе обсуждался вопрос о роли мессенджеров (в частности, "Telegram") в организации кибер- и социальных угроз. Если учесть, что использование мессенджеров в мире с 2015 по 2016 г. увеличилось на 50 %, то внимание к ним носит вполне обоснованный характер. В то же время установление контроля над контентом или запрет на использование таких ресурсов оказывается связанным с нарушением прав граждан. Эта двойственность и ограничения заставляют законодателей с осторожностью выносить те или иные решения. Мессенджеры могут быть использованы террористами для контактов для подготовки атак, однако это может быть сделано и посредством СМС, анонимно. В некоторых странах введены запреты на использование тех или иных ресурсов (например "Telegram" запрещён в Иране) как источник потенциальной угрозы. Но подобные меры не остановили теракты в данной республике.

ЮНЕСКО и правозащитные организации отстаивают права пользователей мессенджеров и соцсетей на защиту частных данных, в то время как государственная политика направлена прежде всего на обеспечение национальной, а не личной безопасности. Вопрос о безопасности использования ИКТ остается во многом открытым. Сами ресурсы являются нейтральными для человека, поскольку всё зависит от того, чем они наполнены. Также как нельзя обвинить книги (типографии или библиотеки) в том, что в них могут содержаться опасные сведения, столько же неэффективно направлять борьбу на цифровые системы. Цифровые системы – только орудия в руках человека, который может их направить в любое русло. Несмотря на быстрое развитие современной цивилизации, человек всё также остается главной угрозой самому себе. И это угроза только усиливается и становится глобальной в эпоху обретаемых в информационном мире сверхвозможностей.

Анализ содержания и тематики международных документов ООН и ЮНЕСКО по изучаемой проблеме позволил нам выделить следующие основные тенденции в обсуждении этических проблем информационного общества в период последнего десятилетия:

1. В целом намечается перенос внимания от вопросов доступа к информации и проблем цифрового неравенства к обсуждению региональных проблем, ситуации в регионах, имеющих низкие показатели развития технологий.

2. Важнейшим является вопрос о роли СМИ в информационном обществе, однако, несмотря на риски и возможные угрозы социальной стабильно-

⁵⁸⁴ЮНЕСКО выпустила новую публикацию по правам человека и шифрованию на 11-м IGF. URL: http://www.unesco.org/new/en/media-services/single-view/news/unesco_launches_new_publication_human_rights_and_encryption/ (дата обращения: 3.07.2017).

сти, утверждается их свобода в рамках демократического развития общества и гарантии свободы слова.

3. Ключевым остается вопрос о гарантии прав человека в информационной среде и его защиты перед киберугрозами, при этом всё большее внимание уделяется отдельным целевым группам (детям, подросткам, родителям, учителям, работникам ИКТ-сферы и т.д.).

4. Акцентирование внимания на развитие социальных сетей, интерактивных служб, оказывающих влияние на образ жизни, коммуникацию, социализацию человека, а также возможные угрозы социальной безопасности.

5. Появление новых парадигм управления, связанных со спецификой электронного менеджмента, электронных правительств, управления интернетом и др.

6. Защита персональных данных и конфиденциальности становится приоритетным направлением на фоне роста кибератак со стороны преступных действий, а также усиления контроля со стороны государственных органов, обеспечивающих безопасность.

Итак, развитие ИКТ оказывается главным фактором изменения современного мира. Характер этих изменений оказался связан с дестабилизацией, усложнением социальных взаимодействий, рискогенностью и при этом многогранными позитивными достижениями и улучшениями. Эта амбивалентность не позволяет дать однозначную оценку их влиянию на культуру, человека, безопасность и требует разрешения с позиции правовых и этических регуляторов.

Несмотря на стремление и попытки международных организаций создать единые этические правила в сфере использования ИКТ и жизни в информационном обществе, значительные проблемы в сфере этики информационного мира остаются. Главным образом, это проблемы, порождённые несформированностью культуры виртуальной коммуникации и использования информации, а также отсутствием контроля над информационным пространством, позволяющим эффективно пресекать все правонарушения и угрозы. Первую задачу необходимо решать на уровне системы образования, вторая связана с системой правоохранительной деятельности (как законодательной, так и исполнительной). Современные исследователи все больше склоняются к тому, что «благо» и «зло» от интернет-коммуникации столь значительно, что требуют пристального внимания и контроля⁵⁸⁵. В информационной среде пересечение правового и морального аспектов значительно сближается, поскольку человек здесь в большей степени действует анонимно. Важно подчеркнуть, что формирование этических норм и принципов в этой среде не может произойти спонтанно, как и формирование информационной культуры коммуникации, этому следует уделить внимание со стороны гуманитарных наук, поскольку от этических проблем высоких технологий в конечном итоге могут оказаться зависящими все участники информационного общества. Ис-

⁵⁸⁵Еляков А. Д. Благо и зло: жгучий парадокс Интернет // *Философия и общество*. 2011. № 2. С. 58–76.

ходя из оптимистического подхода, можно прогнозировать, что формирование этики в виртуальной сфере придёт на смену современному плюрализму, несмотря на то, что интернет во многом оказался вариантом свободы от обязательств и норм реального мира.

Для совершенствования информационной культуры в ряде стран появляются специальные учебные курсы, тренинги, призванные помочь адаптации человека в сети и формированию определённых поведенческих ориентиров, которые могут быть ценными и в реальной сфере. Пример тому описывает С. Чанг, говоря об обучении студентов курсу информационной этике в Китае⁵⁸⁶. Обучение основам информационной этики было бы эффективно и в России: на первом этапе это могло бы быть знакомство с существующим международным опытом в этой сфере (Кодексами ООН, ЮНЕСКО, руководствами для детей и взрослых, подготовленными МСЭ и т.д.), на втором этапе – изучение этических аспектов развития виртуальной коммуникации и авторского права, на более продвинутом, третьем уровне – этический анализ развития высоких технологий в различных сферах современной науки и их влияния на человека.

Культурная безопасность в информационном мире также должна стать темой пристального внимания, поскольку она связана не только с возможностью утраты традиционных форм деятельности человека и их виртуализацией, но и с изменением самого человека, его экзистенциальных, социальных, ценностных, телесных и когнитивных оснований.

⁵⁸⁶Chang C. L. The effect of an information ethics course on the information ethics values of students – A Chinese guanxi culture perspective // *Computers in Human Behavior*. 2011. Vol. 27. P. 2028–2038.

ГЛАВА 7

КУЛЬТУРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ГЕТЕРОТОПИЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Музыка звучит из Белого дома,
А под Парижем стоит Микки Маус.
Мы все живем в Америке.

Rammstein. Amerika

Живя в XXI в., мы не можем не сталкиваться ежедневно с различными проявлениями массовой культуры. Причём нередко массовая культура воспринимается как гегемония конкретных государств в мировом культурном поле. Однако так ли это на самом деле? Для начала необходимо разобраться с терминологией.

Термин «массовая культура» впервые появляется в 1940-х гг. в трудах немецкого философа и социолога М. Хоркхаймера⁵⁸⁷, хотя интерес к этому явлению зародился намного раньше в рамках анализа дихотомического противопоставления культуры элиты культуре масс.

В рамках подходов понимания термина «массовой культуры» стоит отметить подход структуризации по признаку творческой потенции Х. Ортега-и-Гассета⁵⁸⁸. Здесь формируется бинарное представление о «творческой» элите и «массах». Первые составляют меньшинство в обществе, вторые остальную большую часть. В контексте данного подхода выделяются понятия «культура элиты» – элитарная культура и «культура массы» – массовая культура. Именно в XVIII и XIX вв. происходит подобное разделение культуры путём выделения из общества значительных слоёв, получивших доступ к образованию, но не к элите. Их коммуникационная связь с массами не прерывается, а наоборот, только укрепляется. Путём доступа к эстетическому восприятию культурных ценностей эти слои общества создают условия для восприятия «элитарной» культуры в огромных масштабах, но, с другой стороны, проявляют интерес и к «массовой культуре»⁵⁸⁹.

Американский философ Д. Макдональд, введший в обиход слово «маскульт», характеризовал это явление достаточно негативно. По его мнению, несмотря на то, что маскульт является продолжением народного искусства, связь между массовой и другими формами культуры во многом может быть передана «через связь гусеницы и листа»⁵⁹⁰, и массовая культура истощает традиционную также, как фронтирмены истощают землю, и потому не может считаться «хорошей». Он же понимает массовую культуру как средство политического контроля и доминирования.

⁵⁸⁷Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. М., 1997. С. 185.

⁵⁸⁸Ортега-и-Гассет Х. Запах культуры. М. : Алгоритм, Эксмо, 2006. С. 18–19.

⁵⁸⁹Там же. С. 20.

⁵⁹⁰Macdonald D. A theory of Mass Culture // Popular Culture: A Reader / ed. by R. Guins, O. Zaragoza Cruz. London : Sage Publication Ltd, 2005. P. 39–46.

Однако такой взгляд не единственный. Понимание массовой культуры и осознание «массового человека» как субъекта явления прослеживается в трудах К. Ясперса⁵⁹¹. По его мнению, массовая культура – это «результат совокупности процессов упадка сущности искусства и духовной жизни общества». Любовь, творчество, человечность и другие гуманистические качества, как считал философ, начали вырождаться вследствие формирования нигилистического мышления, как парадигмального типа у масс⁵⁹². Он отмечает, что «человек трансформируется в космополита, а его связь с корнями прерывается. Он превращается в гражданина всей планеты без обычаев, традиций и прочего». В качестве примеров духовного упадка К. Ясперс выделяет стремление людей к сенсациям, порнографии, играм, массовым видам спорта и т.д.⁵⁹³

Немецкий философ О. Шпенглер также затрагивает проблему культуры масс. Он говорит, что «воцарение цивилизации» противопоставляется культуре вообще. Приближают его приход так называемые «массы» в качестве доминанты в культурной и общественной форме бытия. Следствием чего можно наблюдать «закат культуры»⁵⁹⁴.

Российский семиотик и культуролог В.П. Руднев отмечает, что массовая культура формируется в XX в. не только благодаря развитию техники, но и в связи с развитием демократии в мире. Именно поэтому она наиболее активно формируется в демократических обществах⁵⁹⁵. По его мнению, в тоталитарном обществе не может быть массовой культуры⁵⁹⁶.

Примечательно отношение к «массе» Г. Лебона. Его концепция отождествляет «массу» с самостоятельной логической структурой, цельную и не разрушаемую общность с равными характеристиками и уникальными чертами. Входя в эту структуру, человек перестаёт быть субъектом, он превращается в объект этой самой общности, обезличивается, перестаёт выражать осознанные и неосознанные интересы, потребности и прочее⁵⁹⁷. Культура в данном случае становится результатом бессознательного, а не волевого решения⁵⁹⁸.

Выдающийся русский философ Н.А. Бердяев замечает, что трансформация культуры есть итог воцарения демократии в мировом обществе. Она, демократия, не характеризует себя ни ценностью, ни качеством. «Культура делается более дешёвой, более доступной, более широко развитой, более полезной и комфортабельной, но и более плоской, пониженной в своём качестве, некрасивой, лишённой стиля. Культура нужна лишь немногим. Для средней массы человечества нужна лишь «средняя культура»⁵⁹⁹.

⁵⁹¹ Ясперс К. Власть массы // Призрак толпы. М.: Алгоритм, 2007. С. 21.

⁵⁹² Там же. С. 25.

⁵⁹³ Там же. С. 30.

⁵⁹⁴ Шпенглер О. Закат Европы. М. 1993. С. 144–188.

⁵⁹⁵ Руднев В. П. Словарь культуры XX века. М.: Аграф. 1999. 384 с.

⁵⁹⁶ Там же. С. 385.

⁵⁹⁷ Лебон Г. Психология народов и масс. СПб, 1995. С. 114–140.

⁵⁹⁸ Там же. С. 115–140.

⁵⁹⁹ Бердяев Н. А. Философия свободы. Харьков – М., 2002. С. 698–711.

В вышеперечисленных подходах понимания массовой культуры можно выделить общую закономерность. Все они характеризуют массовую культуру как негативное явление в жизни общества. Д. Белл первым из мыслителей дал кардинально противоположную оценку этому феномену. Он подходит к пониманию этого явления с позиции системного анализа, а причинами формирования массовой культуры он называет массовое производство и потребление, стирание сословных различий и урбанизацию. Д. Белл даёт оптимистический взгляд на феномен «массовости»⁶⁰⁰.

По сути, отношение к явлению массовой культуры в современной социологии, философии и культурологии не является однозначным. Если К. Ясперс назвал массовую культуру «упадком сущности искусства и духовных ценностей»⁶⁰¹, а Ж. Бодрийяр указывал на то, что сферы современной культуры «входят в трансэстетическую сферу симуляции»⁶⁰², то в 60–70-х гг. двадцатого столетия эти позиции были пересмотрены в русле течения постмодернизма. Сторонники его деконструировали бинарное противопоставление массовой и элитарной культур, в частности, его качественного оценочного смысла⁶⁰³. Такие учёные, как Ж. Делёз, Л. Триллинг, Н. Подгорец и некоторые другие, стоят на позиции, что массовая культура, как феноменальное явление, не несёт в себе угрозы для культуры высокой, а уж тем более людям, причисляющим себя к ней, а также обществу в целом⁶⁰⁴. Они подходят к пониманию массовой культуры с позиции выстраивания её внутренней структуры. Вливание в неё элементов традиционной и элитарной культур есть явление позитивное для социума.

Примерно тех же взглядов придерживается и А.В. Захаров: «Массовая культура усиливает взаимосвязь и взаимодействие всех видов и жанров культурного творчества – народного (фольклорного), самодеятельного и профессионального искусства, институциональных форм, отмеченных сильным влиянием идеологий, и тех видов, которые наиболее непосредственно связаны с бытовыми, повседневными сторонами общественной жизни»⁶⁰⁵.

Таким образом, оценив различные подходы в понимании массовой культуры, мы приходим к выводу, что они разнятся как в своём содержательном, так и в качественно-оценочном аспектах. Традиционалисты, сторонники системного подхода, психоаналитики и постмодернисты по своему отношению к этому явлению варьируются от негативной до положительной или нейтральной позиции. Следовательно, представив культуру как простран-

⁶⁰⁰ Bell D. The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties: with «The resumption of history in the new century». Cambridge, 2000. P. 20–24.

⁶⁰¹ Ясперс К., Бодрийяр Ж. Призрак толпы. М.: Алгоритм, 2007. С. 21.

⁶⁰² Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / пер. Л. Любарской, Е. Марковской. М.: Добросвет, 2000. С. 31.

⁶⁰³ См.: Теоретическая культурология / под ред. К. Э. Разлогова. М.: Российский ин-т культурологии, 2005.

⁶⁰⁴ Пронькина А. В. Массовая культура как культурологическая категория // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2012. № 34. С. 72.

⁶⁰⁵ Захаров А. В. Возможен ли симбиоз традиционной и массовой культуры? // Массовая культура на рубеже веков / под ред. Е. В. Дукова, Л. И. Левина. СПб, 2005. С. 17.

ственное явление, мы можем визуально расположить массовую, элитарную и традиционную культуры с позиции различных подходов. Это позволяет нам дать оценку массовой культуре как явлению пространственному, что, в свою очередь, поможет нам визуализировать её место среди других структурных элементов культуры в общем.

Условно разделим вышеупомянутые подходы на две группы:

1. Позиция критики массовой культуры (Х. Ортега-и-Гассет, К. Ясперс, О. Шпенглер, Г. Лебон, К. Маркс, П.А. Сорокин, Н.А. Бердяев и др.).

2. Позиция нейтрального или положительного отношения к ней (Д. Белл, Ж. Делёз, Л.Триллинг, Н. Подгорец, А. В. Захаров и др.).

Тогда мы получаем две схемы, которые визуально объясняют нам положение массовой культуры в культурном пространстве.

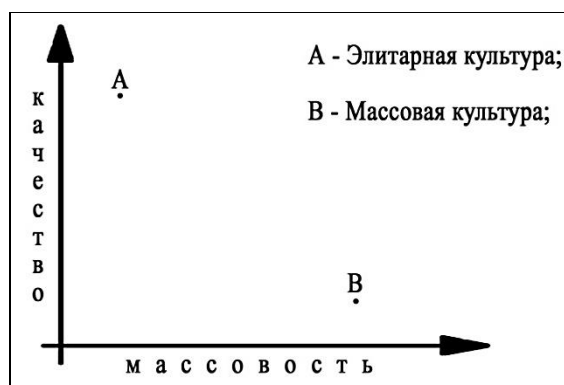

Рис. 7.1

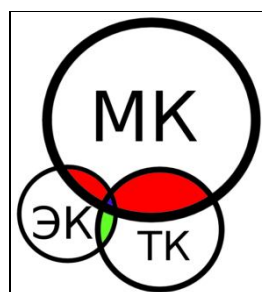

Рис. 7.2

На рисунке 7.1 мы можем наблюдать соотношение массовой и элитарной культур в плоскости по качественному и количественному показателям. Схема явно объясняет нам подход первой группы: бинарное противопоставление элитарной культуре массовой (Х. Ортега-и-Гассет⁶⁰⁶) и качественное

⁶⁰⁶Ортега-и-Гассет Х. Запах культуры. С. 18–25.

отличие последней от первой (К. Ясперс⁶⁰⁷). К сожалению, подобный классический подход не позволяет раскрыть всю сущность массовой культуры, её структуру и взаимоотношения с другими видами культуры в общем.

Вторая же схема (рис. 7.2) указывает на отказ от бинарного противопоставления элитарной культуре массовой. В ней показана структура культурного пространства и места видов культур в ней, а также отмеченная А.В. Захаровым «взаимосвязь и взаимодействие всех видов и жанров культурного творчества – народного (фольклорного), самодеятельного и профессионального искусства, институциональных форм»⁶⁰⁸. Здесь мы видим, что область массовой культуры в пространстве общей культуры достаточно обширна, но в то же время она может включать в себя (иногда частично, а иногда полностью) элементы элитарной и народной (традиционной) культур.

Таким образом, массовая культура – культура, не имеющая социальных, этнических и гендерных границ. Она призвана обслуживать любые группы населения. То есть массовая культура – это культура широких масс, она не противостоит элитарно культуре, поскольку теперь элита также является потребителем массовой культуры.

Исходя из вышесказанного, мы приходим к выводу, что массовая культура – это особая область культурного пространства, вобравшая в себя совокупности явлений в жизни общества, легкодоступных и широко распространяемых среди населения с помощью масс-медиа и возникших в результате трансформации содержания и формы социума, увеличения массового производства и потребления, а также частичного включения элементов традиционной и элитарной культур в массы в контексте процессов глобализации.

Таким образом, массовая культура во всём своём многообразии представляет собой уникальный феномен, охватывающий различные уровни мирового социума и включает в свою структуру определённые элементы, позволяющие охарактеризовать тот или иной феномен.

Что касается вопроса культурного доминирования в массовой культуре, здесь всё не так однозначно. Британские исследователи Л. Виллнат и К. Вилкинс, анализируя влияние масс-медиа на традиционную культуру Гонконга, пришли к выводу, что, хотя непосредственное воздействие СМИ на формирование оценочных суждений в обществе невозможно отрицать, однако эффект воздействия может иметь самый разнообразный оттенок⁶⁰⁹. Часть зрителей, отдавая предпочтение западным объектам масскульта, проявляет лишь слабые подвиги в восприятии собственной традиционной культуры. Иными словами, массовая культура, формирующаяся при воздействии культур других регионов, едва затрагивает базовые паттерны, а глобальный эффект может быть замечен лишь при длительном воздействии на несколько поколений носителей изначальной культуры.

⁶⁰⁷Ясперс К., Бодрийяр Ж. Призрак толпы. С. 21–26.

⁶⁰⁸Захаров А. В. Возможен ли симбиоз традиционной и массовой культуры?

⁶⁰⁹McIntyre B. T. Mass Media in the Asian Pacific. Clevedon : Multilingual Matters Ltd, 1998. P. 42.

Кроме того, массовая культура не является лишь продуктом какого-то конкретного государства или региона, хотя бы потому, что масскульт формируется при совмещении технических возможностей и, как мы отмечали выше, политических условий. В современном мире, в котором активно происходят процессы глобализации и глокализации, мы видим, как различные волны популярности тех или иных объектов массовой культуры идут одновременно из множества разных точек, перекрывая друг друга и смешиваясь. В качестве примера стоит привести небывалую популярность южнокорейской поп-музыки на Западе, которая стала возможной именно благодаря совмещению технических средств и смешению различных культурных контекстов. Корейская волна, или Халлю, как ее прозвали в КНР, в 1990-е гг. захлестнула близлежащие страны, а в 2012 г. самым популярным видеороликом в мире стал клип корейского музыканта Psy, набравший 2,2 млрд просмотров. Некоторые исследователи усматривают в подобной популярности ярко выраженную гибридность к-попа (т.е. корейской поп-музыки), совмещающую западные и восточные музыкальные традиции, что, в свою очередь, свидетельствует о том, что у Южной Кореи получается балансировать на грани двух казалось бы противоположных факторов – принятия эффектов глобализации и роста национального самосознания⁶¹⁰.

Ещё одним важным моментом, который необходимо отметить, является мультинациональность и глобальность корпораций, поставляющих основные продукты массовой культуры, и ориентирование на максимально широкий рынок. Здесь в качестве примера стоит привести тот факт, что многие современные западные фильмы снимаются либо в сотрудничестве, либо при финансовой поддержке китайских компаний. Это накладывает определённые обязательства на производителя, вынужденного включать в продукт пункты, которые обеспечат популярность в КНР, либо наоборот, подвергать жёсткой цензуре моменты, которые не будут восприняты достаточно консервативным китайским обществом. В качестве примера подобного финансирования можно привести фильм "Warcraft" (2016), собравший в США всего 47 млн (при бюджете в 160 млн), при этом в КНР он набрал 149 млн (1 млрд китайских юаней).

С одной стороны, транснациональные компании создают продукт, нацеленный на потребление широкими массами, однако, с другой стороны, сейчас мы можем наблюдать, как те или иные элементы массовой культуры дают возможность личностной реализации. Любой человек теперь может включиться в процесс создания объекта массовой культуры, создав свой блог, видео-канал и т.д. По сути, в таких условиях посредник в виде кинокомпании уже становится не столь необходим, так как заинтересованные лица теперь могут создавать любимый продукт самостоятельно, как это было, например, с многочисленными ответвлениями сериала «Стартрек» ("Paragon's Paragon", 1974; "Star Trek: Axanar", 2014; "Star Trek Horizon", 2016 и многие другие) или даже Гарри Поттера ("Voldemort: Origins of the Heir"). По-

⁶¹⁰ Marinescu V. The Global Impact of South Korean Popular Culture: Hallyu Unbound. Lanham : Lexington books, 2014. P. 2.

добные проекты финансируются за счёт краудфандинга, т.е. народно-общественного финансирования – ещё одного явления эпохи масскульта. По сути, теперь любой человек может собрать деньги на свой проект, если он в состоянии заинтересовать пользователей краудфандинговых платформ.

Если говорить о менее глобальных примерах, необходимо упомянуть мемы. Мем – это понятие, введённое английским эволюционным биологом Р. Докинзом в его работе «Эгоистичный ген» (1976), характеризующее единицу культурной информации. Поскольку для мемов, как и для генов, выживание зависит от успешности репликации, об их культурной актуальности можно судить по популярности мема. Примерами мемов, по его мнению, могут быть мелодии, идеи, устойчивые языковые выражения, мода, технология постройки арок⁶¹¹. С развитием интернета любой его пользователь может выступить создателем интернет-мема – фразы, картинки или даже разговорной конструкции, которые распространятся вне зависимости от желания своего создателя. Мемы, проникающие в СМИ и влияющие на жизнь общества, американский медиавед Д. Рашкофф называет медиавирусами⁶¹². По мнению исследователя, они способны вызывать серьёзные изменения в восприятии обществом того или иного явления. И хотя есть вирусы, созданные неким третьим лицом для достижения конкретных целей (продвижения продукта или лица), существуют также самозарождающиеся вирусы, реплицирующиеся самостоятельно. Особо стоит отметить вирусные видео, поскольку они дают возможность проследить реальный охват аудитории. Уже упомянутый выше клип “Gangnam style”, собравший миллиард просмотров за пять месяцев, или видео “Kony 2012”, собравшее 100 млн просмотров всего за 6 дней.

Для создания вирусного хита вовсе не всегда используются какие-то особо затратные технологии. Японский вирусный хит PIKOTARO – PPAP (Pen Pineapple Apple Pen) с длительностью всего в 45 с умудрился попасть в чарты, а видео, на создание которого потратили около 1000 долларов, собрало 123 млн просмотров и более 500 тыс. лайков.

В новых условиях особую популярность получают фильмы, снятые на мобильные устройства. Причём некоторым из них удается получать престижные премии. Тут достаточно упомянуть документальный фильм режиссёра М. Бенджеллуля “Searching for Sugar Man” (2012), снятый частично при помощи “iPhone 4” и получивший несколько престижных премий, в том числе «Оскар».

Новые технологии открывают доступ к творчеству более широким массам населения. Музыкальное произведение, картина или авторское кино могут быть созданы теперь без особых финансовых затрат. Это замечательный пример того, как, казалось бы, не совсем положительное явление – масскульт – рождает нечто новое, идущее в разрез с собственно массовой культурой. Теперь массовое рождает элитное и даёт возможность реализации творческой индивидуальности и креативности.

⁶¹¹Dawkins R. The Selfish Gene: 40th Anniversary edition. Oxford : Oxford Univ. Press, 2016. P. 249.

⁶¹²См.: Рашкофф Д. Медиавирус! Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание. М. : Ультра. Культура, 2003.

Возвращаясь к определению массовой культуры, необходимо отметить, что она гетерогенна и не имеет конкретного локуса, или места-привязки. Развитие средств коммуникации и интернета в первую очередь позволяет почти любому продукту достигать зрителя в любой точке мира и, по сути, из любой точки мира этот продукт производить. При этом массовая культура сама активно порождает гетеротопии.

Все пространства в нашем обществе определяются через их функциональность. Пространство может быть описано через совокупность отношений, согласно которым некий объект-пространство может быть определён в пространстве-среде. При этом часть пространств, по мнению М. Фуко, противостоит всем иным, поскольку эти места нейтрализуют, искажают или отражают отношения и законы, типичные для культуры, которая их создаёт. Данные пространства связаны со всеми остальными пространствами и при этом противостоят им. Подобные пространства М. Фуко по аналогии с утопией называет гетеротопиями⁶¹³. Если утопии – изначально иллюзорные, т.е. существующие где-то лишь гипотетически, то у гетеротопий всегда есть четкая географическая привязка, даже если это иногда может показаться иначе. В качестве примера, совмещающего в себе утопию и гетеротопию, М. Фуко приводит зеркало, поскольку оно показывает искажённое изображение реальности, иллюзорное по сути. В то же время зеркало – объективно существующий предмет, т.е. его местоположение не вызывает особых сомнений.

Гетеротопии «наследуют» от утопий принцип «пространства наоборот», поскольку в них совмещены все варианты пространств, существующих в этом обществе, но они отражены и перевернуты, и, более того, в них не всегда работают привычные нам временные связи. Как мы уже отмечали выше, в них нарушаются традиционные связи или отношения, но при этом гетеротопии находятся в связи со всеми остальными типами пространств, присущими для данной культуры. Сам Фуко отмечает, что гетеротопии создаются всеми культурами, и это один из базовых моментов концепции. В традиционных обществах гетеротопии существовали для помещения туда людей, находящихся на грани, т.е. это «лиминальные» пространства для не менее лиминальных личностей. Фуко называет их «кризисными»: это всевозможные священные или запретные места, доступ к которым открыт лишь особым социальным группам, которые сами могут находиться в состоянии кризиса. М. Фуко отмечает, что в современном мире подобных мест становится всё меньше, и им на смену приходят так называемые девиантные гетеротопии, созданные для изоляции лиц, чье поведение не вписывается в общепринятые представления о норме. В качестве примера можно привести тюрьмы, больницы, психиатрические лечебницы и дома престарелых, причём, как мы видим, некоторые из них подходят под определение как кризисных, так и девиантных гетеротопий.

⁶¹³Foucault M. Of Other Spaces // *Diacritics*. 1986. Vol. 16, № 1. P. 22–27.

Особым образом М. Фуко выделяет фестивальные гетеротопии, существующие лишь небольшой период времени. Их характеристики наследуют сравнительно новые гетеротопии, которые также обладают способностью к накоплению времени. В качестве примера подобных гетеротопий Фуко приводит законсервированные для туристических целей «традиционные» деревни, куда отправляются, чтобы отдохнуть «от цивилизации». По сути, будучи симулякрами, они представляют собой совмещение идеи эфемерности и вечности, так как должны отражать весь накопленный опыт традиционной культуры.

Говоря о гетеротопии, необходимо определить её связь с двумя другими важными понятиями – это «топос» и «локус». Как мы уже косвенно отмечали выше, у гетеротопий всегда есть топос, т.е. некое гипотетическое, безграничное пространство, которым, по сути, и является гетеротопия. С локусом – местом фактической привязки, т.е. по сути «граничной» категорией – всё несколько сложнее, поскольку, как отмечает сам М. Фуко, отнюдь не у всех из них можно выделить таковое. Некоторые гетеротопии, такие как тюрьма и больница, совмещают в себе топос и локус, однако другие могут существовать и без географической привязки. Это некое «нигде», которое помогает другим пространствам связываться между собой – корабли, поезда, самолеты и т.д.

Суммируя сказанное выше, необходимо подчеркнуть, что массовая культура является частью культурного ландшафта, но это пространство условно предполагаемое, т.е. сама по себе она не может являться гетеротопией, однако благодаря ей в нашем обществе активно возникает всё больше новых гетеротопий.

Реальные топосы

Тематические парки и Диснейленд. Одной из важнейших черт гетеротопий, по мнению М. Фуко, является их способность смешивать в одном реальном месте несколько пространств, которые порой могут казаться совершенно несовместимыми. Одними из подобных гетеротопий являются парки. В качестве примера М. Фуко приводит персидские парки, отмечая, что существующие веками, эти парки и сады были своеобразным воплощением микрокосма, сочетая в себе символику четырёх сторон света. Самой сакральной частью парка был центр, символизовавший также центр всего мира: здесь высаживались все основные растения из других частей парка, что обеспечивало «единство» композиции, а значит, и самого мира. По аналогичному же принципу строили и китайские парки. Первые упоминания о них относятся к династии Шан (1600–1046 до н.э.). Китайский исследователь Лоу Циньси предполагает, что у первых парков, помимо утилитарной функции (охотничьих угодий), была и сакральная, т.е. парк выступал и местом связи с богами⁶¹⁴. Один

⁶¹⁴Lou Q. Chinese Gardens. Beijing : China Intercont. Press, 2003. P. 7.

из самых знаменитых парков принадлежал последнему правителю этой династии и представлял собой идеальную «фуконианскую» иллюзорную гетеротопию, поскольку состоял из винных озёр и «мясной» земли⁶¹⁵, что, как ни удивительно, не является метафорой. Другой правитель – цинский император Цин Ши Хуан, потерпев неудачу в поиске эликсира бессмертия и священной горы, повелел построить парк, в центре которого возвышалась бы копия последней.

Иными словами, парки нередко становились отражением идеи единого государства-микрокосма, поэтому такое пристальное внимание уделялось проектировке и включению в пространство «натуральных» элементов – рек, озёр, гор и растений со всех концов государства-мира.

На наш взгляд, парки могут совмещать в себе различные типы гетеротопий. Здесь могут быть и открытые, и закрытые гетеротопии, доступ в которые открыт только определённой группе людей, как это бывает с императорскими садами или платными парками, или даже так называемые девиантные и кризисные гетеротопии, которыми являются парки при больницах и тюрьмах.

Создавая иллюзорную и символическую копию мира, парки, как гетеротопии, отражают реальность, делая её ещё более «реальной», но в то же время и более совершенной и структурированной. Особый тип подобных, иллюзорных гетеротопий – это популярные сейчас парки развлечений. Предтечей подобных мест можно назвать ярмарки с их зоопарками, аттракционами, жонглерами и шоу уродцев. Иными словами, парки развлечений рождаются из фестивальных гетеротопий, закрепившихся в пространстве. К таковым можно отнести старейший в мире из существующих сейчас парков – **Дирехавсбаккен** (или Баккен, т.е. холм). История парка восходит к 1583 г., когда недалеко от Копенгагена был обнаружен источник с водой. Поскольку качество воды в остальных местах оставляло желать лучшего, а вода из этого источника быстро получила славу целебной, к месту стекались толпы людей, и вокруг источника выросла ярмарка⁶¹⁶. В 1669 г. Фредерик III создал здесь парк животных (по сути, охотничьи угодья), закрыв тем самым доступ простым смертным до 1756 г.⁶¹⁷ С отменой запрета на посещение парк снова привлекает к себе посетителей: сюда возвращаются таверны и рынок с различными уличными артистами. Наплыв посетителей был столь значителен, что для защиты парка от дальнейшего разрушения в 1885 г. владельцы бизнеса создали ассоциацию, которая занялась обустройством парка, обеспечив его сбором мусора, электричеством и т.д., а мир – новой практикой паркового менеджмента.

Второй старейший парк развлечений в мире, Тиволи, также находится в Дании. Построен он по инициативе Г. Карстенсена в 1843 г. «для отвлечения

⁶¹⁵Raphals L. A. *Sharing the Light: Representations of Women and Virtue in Early China*. New York : SUNY Press, 1998. P. 63.

⁶¹⁶Steinkrüger J. *Thematisierte Welten: Über Darstellungspraxen in Zoologischen Gärten und Vergnügungspark*. Bielefeld, transcript Verlag, 2014. S. 247.

⁶¹⁷Там же.

людей от политики»⁶¹⁸. Парк отражал европейское представление об иллюзорном Востоке. Здесь же в конце XIX в. проходили печально известные выставки человеческих зоопарков. Особенно интересно, что, будучи, по сути, симулякром имажинативного Ориента, этот парк получил и собственный симулякр: миниатюрная версия парка была воссоздана в 1876 г. в американском Анахайме⁶¹⁹, именно в том городе, в котором через 79 лет откроется первый Диснейленд.

Через несколько лет после постройки Тиволи начала работу первая так называемая Всемирная ярмарка (World's Fair), или **Великая выставка промышленных работ всех народов**, ставшая ещё одним шагом к появлению парков развлечения современного типа. Проходила она с 1 мая по 15 октября 1851 г. в Лондоне и являла посетителям основные достижения промышленной революции. Для её проведения был построен так называемый Хрустальный дворец – строение из стекла и стали, ставшее символом новой эпохи⁶²⁰. Успех этой ярмарки был столь оглушитель, что вслед за Лондоном подобные мероприятия стали проходить и в других городах мира. К примеру, на Всемирной выставке в Чикаго посетители могли насладиться первым в мире колесом обозрения и египетскими танцами, а на выставке в Сент-Луисе даже посетить азиатские и африканские этнографические поселения с аборигенами и попробовать первые в мире хот-доги⁶²¹.

Иными словами, в отличие от современных парков развлечения, само «развлечение» не было главной целью мероприятия, однако, по сути, подобные ярмарки предоставляли тот же спектр услуг, без которых сложно представить себе любой современный парк развлечений – аттракционы, всевозможные шоу и еда⁶²².

С развитием технологий и СМИ в XX в. родился совершенно новый тип парков. Термин «тематический парк» появился через несколько лет после открытия Диснейленда, созданный журналистом «Лос-Анджелес Таймз», когда стало очевидно, что традиционной терминологией это явление не охватить⁶²³. Исследователи М. Кинг и Дж. О'Бойл отмечают, что современные медиа зачастую используют термины «тематический парк» и «парк развлечений» как синонимы, опираясь на то, что многие парки развлечений используют тематические области. Они опираются на мнение, что тематический парк – это общественное произведение искусства, выполненное в виде четырёх-

⁶¹⁸Hariharan G. Almost Home: Finding a Place in the World from Kashmir to New York. New York : Restless Book, 2014. P. 215.

⁶¹⁹Harris R. Early Amusement Parks of Orange County. Chicago : Arcadia Publ., 2008. P. 8.

⁶²⁰Более подробно значение Crystal palace как символа наступающей эпохи рассматривается в: Victorian Prism: Refractions of the Crystal Palace / ed. by J. Buzard, J. W. Childers, E. Gillooly. Charlottesville : Univ. of Virginia Press, 2007.

⁶²¹Carlisle R. P. Encyclopedia of Play in Today's Society. Los Angeles : SAGE Publ., Inc, 2009. Vol. 1. P. 21.

⁶²²Там же.

⁶²³King M. J., O'Boyle J. G. The Theme Park: The Art of Time and Space // Disneyland and Culture Essays on the Parks and Their Influence / ed. by K. Merlock Jackson and M. I. West. Jefferson : McFarland & Company, Inc., 2011. P. 15.

мерного символического пространства, чтобы вызывать впечатления от мест и времен, как реальных, так и ирреальных⁶²⁴. По их мнению, отличие тематических парков от обычных парков развлечения заключается в ограниченности последних, ставящих главной целью исключительно мгновенный отклик на физическое воздействие. Тематические же парки, выражаясь терминологией М. Фуко, представляют собой сложно спланированную гетеротопию, в которой карусели и американские горки могут и вовсе отсутствовать (чего не скажешь об обычных парках развлечений). Тематические парки реализуют в символическом, но реальном пространстве ирреальный мир книг, кино и мультипликации, стирая границу между самой реальностью и фантазией.

Любые аттракционы и карусели здесь нужны не сами по себе, но для включения в общее символическое поле. Иными словами, вполне возможно, что посетитель парка взаимодействует с «новой» реальностью и вовсе без них, поскольку само пространство, окружающее его, гораздо важнее, а процесс взаимодействия с этим пространством может быть осуществлён без их участия, что опять-таки невозможно представить в обычном парке развлечений.

Хотя, как мы отметили выше, появление Диснейленда стало причиной рождения этого термина: за 9 лет до его открытия, в 1946 г., был построен другой парк – Санта Клаус Лэнд (Земля Санты до 1984 г., сейчас называется *Holiday World & Splashin' Safari*). Парк предлагал встречу с Сантой, магазин игрушек, ресторан и аттракционы, зал с восковыми фигурами знаменитых людей. В 1984 г. тематика парка была расширена, а парк разделен на четыре ключевые секции, включающие важнейшие праздники США: Рождество, Хеллоуин, День благодарения и День независимости. Иными словами, в рамках одного пространства выстраивается своего рода гетерохрония, ведь теперь для погружения в атмосферу любого из этих праздников достаточно просто перейти в соответствующую часть парка.

Уже упомянутые выше исследователи М. Кинг и Дж. О'Бойл полагают, что изобретение тематических парков было связано с появлением в обществе целевой аудитории – среднего класса⁶²⁵, и, как следствие, массовой культуры. Последняя позволила создать общество, разделяющее примерно одинаковый круг культурных ценностей, памяти, опыта и кодов, а тематические парки стали четырёхмерным воплощением этого поля. Подтверждением подобного тезиса является тот факт, что за год до запуска Диснейленда на телевидении был выпущен сериал, главной целью которого было подготовить потенциального потребителя к новому опыту. Сериал делился на те же части, из которых должен был состоять сам парк, а сам У. Дисней выступал в роли добродушного «хозяина». Первый эпизод сериала раскрывал замысел парка и рассказывал историю создания аттракционов, а последующие шоу должны были углубиться в эту тему. Успех подобной рекламы был столь оглушительен, что в первый день парк посетило 35 тыс. людей, вызвав его полнейший коллапс, поскольку он был не готов к такому наплыву. Несмотря на отрица-

⁶²⁴King M. J., O'Boyle J. G. The Theme Park: The Art of Time and Space... P. 16.

⁶²⁵Там же. P. 20.

тельные отзывы критиков, последовавшие за этим, за первые семь недель парк посетило более миллиона человек.

Как мы уже упоминали выше, тематические парки становятся четырёхмерным пространством. Хотя мы воспринимаем реальность как трёхмерную, тематические парки позволяют испытывать её четырёхмерно, и четвёртым измерением становится время⁶²⁶. Они предлагают нам не реальность в том виде, в котором мы к ней привыкли, но гиперреальность – изменённую, стилизованную и сфокусированную на конкретном нарративе⁶²⁷. Они не являются реконструкцией реальности, поскольку их задачей является создание реальности ещё более реальной. В то же время реальность тематических парков немного искажена, поскольку мы знаем, что это заведомо безопасное пространство. Однако определённая доля пространства и ощущений отводится на страх, поскольку ощущение контролируемого страха позволяет усилить восприятие пространства, тем самым делая его гиперреальным. При этом некоторые парки, к примеру Диснейленд, при помощи искажённой перспективы и работы с пространством строятся так, чтобы даже взрослый ощутил себя здесь ребёнком⁶²⁸, т.е. по сути, совершил акт регрессии, вернувшись в детство. В то же время, благодаря влиянию массовой культуры, Диснейленд становится обязательным местом «паломничества» каждого ребёнка, своеобразным пунктом инициации. Причём в пункт инициации включена даже смена одежды – многие дети и взрослые стараются приобрести тут атрибутику диснеевских персонажей и стать принцессой или Микки Маусом и т.д. Таким образом, Диснейленд превратился в квазирелигиозное пространство, посещение которого даёт возможность получить определённые «реликвии», дающие чувство принадлежности и включённости в группу тех, кто уже прошёл данную инициацию. В таких условиях типичные для тематических парков *аттракционы ужаса* превращаются в аналоги испытаний для прохождения инициации.

Посетители тематических парков вовлечены в постоянный процесс познания и решения различных вопросов, что должно помочь посетителям адаптироваться к специфике парковой гетеротопии, и переходя из одного отсека в другой, не терять остроты ощущений. Существуют целые аттракционы, построенные по принципу квеста, вынуждающие посетителей принимать решения, делать выводы и максимально быстро адаптироваться к новой среде.

Возвращаясь к специфике пространства Диснейленда, необходимо отметить, что он изначально планировался как «пространство в пространстве». На момент открытия в нём были четыре основные «реальности»: Fantasyland (т.е. земля фантазии, с упором на «магическую» составляющую, ключевой темой является замок Спящей красавицы), Adventureland (земля приключений, ключевой темой являются дикие земли вдали от цивилизации), Frontierland (фронтир с тематикой Дикого Запада), Tomorrowland (иллюстри-

⁶²⁶King M. J., O'Boyle J. G. The Theme Park: The Art of Time and Space... P. 21.

⁶²⁷Там же.

⁶²⁸Там же. P. 23.

рующая будущее с космическими кораблями и т.д.). В дальнейшем деление усложнилось, а наряду с Диснейлендом появился ДиснейСи, аквапарк, посвящённый морской тематике. По сути, Диснейленд – это не просто парк в обычном понимании, это мир в миниатюре со своими гостиницами, отелями, метро, морями и вулканами. Кроме того, как мы уже отмечали выше, Диснейленд относится к гетеротопиям, аккумулирующим время, а сам он в совокупности является гетеротопией «безвременья», поскольку в нём одновременно сосуществуют части, относящиеся к прошлому (такие как Frontierland), будущему (Tomorrowland) и фантазийные (Fantasyland) и т.д. Диснейленд при этом создаёт исторические «симулякры», адаптируя культурные традиции других народов под собственные нужды. По сути, он аккумулирует время от древности до далекого будущего, включая разделы на любой вкус. Некоторые темы парка даже могут представлять собой «будущее в прошлом», как это можно наблюдать, например, с “Star Wars: Galaxy's Edge”, нарратив которого происходит «давным-давно, в далёкой-далёкой галактике». То же можно сказать и о других «футуристических» аттракционах, поскольку с развитием технологий, то, что казалось футуризмом вчера, становится реальностью сегодня или устареваает быстрее, чем успеваает поменяться контекст, что рождает своеобразное явление «ретрофутуризма».

Рис. 7.3. Гетеротопное пространство токийского Диснейленда (фото О.С. Якушенковой)

Как мы уже отмечали выше, особое внимание М. Фуко уделял системам входа и выхода у гетеротопий. Если анализировать Диснейленд с этой позиции, то можно отметить, что он является условно закрытой гетеротопией, поскольку вход в неё ограничен (необходимо приобрести билет), а выход – нет. Кроме того, парк, как мы говорили выше, включает своеобразную буферную зону (т.е. отели), куда могут отправиться люди, чтобы подготовиться к погружению в иную реальность.

Разумеется, Диснейленд не является единственным тематическим парком, материализующим персонажей из мультфильмов и фильмов. Старейшая из ныне существующих голливудских киностудий “Universal” также открыла собственные одноименные тематические парки. “Universal Studios Hollywood” начала проводить тематические экскурсии в 1964 г., и в кратчайшие сроки студия превратилась и в тематический парк, первым аттракционом которого стала башня из фильма «Властелин войны» (1965). В дальнейшем он был дополнен Школой животных-актеров, приключению «Звездного пути» (“Star Trek Adventure”), шоу Флинстоунов, Парком юрского периода и т.д. Пожалуй, наиболее знаменитыми экспозициями в различных парках “Universal” стали посвященные франшизе «Гарри Поттер». «Волшебный мир Гарри Поттера» – это тематическая область в парках в Орландо и Голливуде, также существуют тематический аттракцион в Осаке (Япония). «Гарри Поттер и Запретное путешествие» – основной тематический аттракцион, суть которого заключается в путешествии через воссозданную школу Хогвартс. С момента своего открытия аттракцион не раз получал призовые места премии “Golden Ticket Awards”. Также парки включают в себя рестораны и сувенирный магазин, позволяющие попробовать «магическую» еду и приобрести «трофеи» из путешествия, а парк во Флориде предоставляет доступ к полномасштабной рабочей копии Хогвартс-экспресса, принимающей гостей между двумя реальностями.

Ещё одним магическим пространством может похвастаться тематический парк, выросший из съёмочной площадки трилогии «Властелин колец». Хоббитон представляет собой декорации к дому Бильбо Беггинса и других частей толкиеновского Шира. Экспозиция была расширена со съёмками другой трилогии и продолжает расширяться по сей день.

Интерес к кинопроизводству и мультипликации, как мы видим, нередко выступает стимулом к созданию парков-музеев, которые, в свою очередь, становятся неплохой рекламой франшизы или кинокомпании. Однако не только киноиндустрия рождает тематические парки. Одним из самых примечательных европейских тематических парков является **Леголенд** (*Legoland*, т.е. «Страна ЛЕГО») – группа парков развлечений, построенных из конструктора LEGO. Первый Леголенд был открыт в 1968 г. в г. Биллунде (Дания), за ним последовали парки в Гюнцбурге (Германия), Виндзоре (Англия), Калифорнии (США), Флориде (США) и Джохор Бару (Малайзия). Леголенды состоят из нескольких частей, некоторые из них перекликаются с Диснейлендом (магический мир, Дикий запад и т.д.). Тематическая часть *Миниленд* представляет собой миниреплику Мира.

Другой европейский парк – **Мини-Европа** – является, по сути, симулякроем реальных мест в масштабе $1/25$. Как гласит каталог-гид парка, через каждый памятник в парке репрезентуются определённые европейские ценности: демократия, дух приключений, предпринимательства, многонациональность и т.д.⁶²⁹

⁶²⁹Mini-Europe catalog guide. URL: <http://www.minieurope.com/en/catalog-guide/>.

Говоря о российских тематических парках, необходимо упомянуть **Этномир**. Официальный сайт парка позиционирует его как «туристический кластер и культурно-образовательный центр, в котором у каждого посетителя появляется возможность “прожить” опыт разных народов через материальное и нематериальное наследие, понять их культурные коды, приблизиться к пониманию единства в многообразии всех народов Земли»⁶³⁰. Делая уклон в этнографическую составляющую, парк также содержит реплики и аутентичные разных народов постройки, музеи, рестораны с экзотической кухней и всевозможные аттракционы. Немалая доля внимания уделена образовательной составляющей.

Таким образом, на примере тематических парков мы видим, как массовая культура становится стимулом к созданию четырёхмерной гетеротопии с самым широким спектром функций – от рекреационных до образовательных и т.д. Тематические парки появляются, чтобы продвигать массовую культуру, но при этом сами они продвигаются с её помощью, поэтому здесь зачастую сложно разделить источник и конечный пункт, ведь оба этих «объекта» взаимосвязаны и взаимодополняют друг друга.

Фаст-фуд vs. Антикафе. Описывая каждый из вышеупомянутых парков, мы не раз отмечали наличие кафе или ресторана как отличительной черты парка. Так, Диснейленд предлагает тематические рестораны в каждом из отделов парка. Вы можете попробовать кухню Дикого Запада, доколумбовой Америки или отведать любимое блюдо Микки Мауса. Еда, включённая в контекст массовой культуры, сама по себе становится аттракционом. Однако совершенно очевидно, что тематическими парками расположение таких алиментарных пространств не ограничивается. «Кока-кола» и «МакДональдс» давно превратились в символ глобализации, и всё больше национальных кухонь вплетается в канву фастфуда.

Эндрю Смит отмечает, что изобретение фастфуда было связано с появлением автомобилей. Они оказали влияние на ресторанный бизнес, упростив меню и ускорив время подачи еды. Как только автомобили стали доступны среднему классу, тенденция на «быструю еду» стала общераспространённой в США⁶³¹. Для привлечения водителей, ресторанам потребовалось переключиться на новый тип оформления, делая его таким, чтобы посетитель мог заметить потенциальное место обеда издали. Помимо этого, теперь каждому ресторану требовалась парковка. Конкуренция вызвала снижение цен, а оно в свою очередь – снижение себестоимости еды и сокращение меню. Теперь в него входили только блюда, которые не требовали долгой кулинарной обработки и особых редких продуктов. Простое меню также исключало необходимость в кулинарных мастерах и большом штате сотрудников. Приготовить полуфабрикат мог любой человек после недолгого обучения прямо на месте работы, а организация ресторана по конвейерному типу сокращала количество времени и служащих. Пик развития фастфуд-ресторанов

⁶³⁰Этномир сегодня. URL: <http://ethnomir.ru/etno/>.

⁶³¹Smith A. F. Encyclopedia Of Junk Food And Fast Food. Westport : Greenwood, 2006. P. xxviii.

приходится на послевоенное время, когда вернувшиеся с войны ветераны стали селиться в пригородах, и вместе с ними туда пришли заведения, направленные на максимально дешевое и быстрое питание. Беби-бум и рост дохода у среднего класса также внесли определённый вклад в успех фаст-фуда. В начале 1960-х фастфуд выходит за пределы США, впитывая в себя и особенности национальных кухонь.

Самая популярная фастфуд-сеть – «МакДональдс» – была открыта в 1940 г. братьями Ричардом «Диком» и Морисом «Маком» Макдональдами. В 1948 г. они внедрили аналог конвейерной ленты в ресторанный бизнес, уменьшив время подачи блюд и стоимость на производство⁶³².

В отличие от других ресторанов, «МакДональдс» отказались от привязки к внутриресторанному пространству, создав «МакАвто» – сервис, позволявший пользоваться услугами, не покидая машины. Таким образом, посетители находились одновременно в двух пространствах – пространстве «МакДональдса» и пространстве собственного авто.

За «МакДональдсом» последовали и другие сети. Владелец ресторанного бизнеса К. Грамер после посещения «МакДональдса» в 1952 г. модернизировал свой бизнес, тем самым создав ещё одну глобальную фастфуд-сеть – «Бургер Кинг». Аналогичные события положили начало таким крупным заведениям, как «Carl's Jr.», «Taco Bell» и KFC.

Несмотря на наличие большого числа конкурентов, «МакДональдс» значительно отличается от них. Эта компания затратила больше средств на рекламу, чем любая другая сеть фастфуда⁶³³, а её слоганы плотно вошли в обиход. В 1950-е гг., период, когда другие почти не уделяли внимание детям – группе населения, не обладающей собственными финансовыми средствами, «МакДональдс», тем не менее, сделал основную ставку на них, поскольку именно дети особенно чутко реагировали на рекламу (т.е. поле массовой культуры) и приводили родителей в это заведение. Создавая специальные меню, они тем самым завоевывали самую молодую аудиторию. Спустя некоторое время компания пошла ещё дальше, открывая собственные парки (McDonaldland Park) и работая с мультипликацией. В 1979 г. появляется одна из самых примечательных черт «МакДональдса» – это детский завтрак «Хеппи Мил». Продукт, как правило, дополняется игрушкой (зачастую, из «трендовых» фильмов и мультфильмов). Благодаря этому, компания быстро превратилась в крупнейшего дистрибьютора игрушек, а в 1980-е гг. благодаря прицельной «детской» рекламе, маскот «МакДональдса» – клоун Рональд МакДональд – был вторым самым узнаваемым персонажем в США, уступая место только Санта Клаусу⁶³⁴.

«МакДональдс» не только становится местом «паломничества» всех американских детей, ведь, по сути, эта компания воспитала своего потребителя самостоятельно: за время существования на её «кухне» выросло не од-

⁶³²Smith A. F. Encyclopedia Of Junk Food And Fast Food. P. xxxvi.

⁶³³Там же. P. 173.

⁶³⁴Там же.

но поколение, которое, в свою очередь, привело сюда и приобщило уже своих детей к культуре фастфуда.

К концу 1960-х концепция авторесторанов уступила место классическим типам заведений, и фастфуд-сети стали обзаводиться внутренними помещениями для посетителей. Первыми новую модель обслуживания запустили «Бургер Кинг», а годом позже она пришла и в «МакДональдс». С этого начинается построение фастфуд-ресторанов как пространства не только для еды, но и для совместного времяпрепровождения. Благодаря нововведению, фастфуд-рестораны становятся не только местом, где можно быстро перекусить, но и пространством для проведения детского праздника и т.д.

Одним из самых знаменитых «социальных» пространств стал «Старбакс». Эта компания, изначально создававшаяся как кофейный магазин, сделала ставку на индивидуализацию обслуживания. Любой покупатель может не только выбрать продукт из предложенных, но и заказывать свой уникальный вариант напитка, определяя температуру, различные сиропы и наполнители, количество сахара и т.д.⁶³⁵ Особое внимание уделяется обслуживанию, поскольку корпоративной задачей является установление доверительных отношений между работниками и покупателями⁶³⁶, включая даже повторный бесплатный заказ напитка, если первый был пролит⁶³⁷. «Старбакс» создаёт уютное пространство, подходящее как для индивидуального употребления напитков, так и для встреч с друзьями и работы. Именно эта компания популяризовала такие термины, как «фраппучино», «бариста» и т.д.⁶³⁸, а также ввела в массовую культуру *chai* (*chai tea*) и *chai latte* (*chai latte tea*), являющиеся аналогами индийского чая масала.

Вышеописанные примеры замечательно показывают, как массовая культура формирует нашу реальность. Когда мы заказываем в «Старбаксе» «venti chai frappe», мы не задумываемся, что название смешивает в себе три культурные традиции и три языка, где «chai» восходит к индийскому масала, «frappe» – к французскому «взбиванию», а «venti» – к итальянскому «двадцать», в данном случае обозначая, что объём жидкости будет 20 унций⁶³⁹. Среднестатистическому посетителю «Старбакса» совершенно не нужно знать и ориентироваться в происхождении этих слов, чтобы сделать заказ в большинстве кофеен сети. Однако это не означает, что массовая культура приводит к стопроцентной унификации продукта. Выходя на новые рынки, компании вынуждены подстраиваться под местные традиции, адаптируя меню под местные вкусы, и «воспитывать» будущего потребителя. Работники «МакДональдс», обученные широко улыбаться в США, могли лишь вызывать недо-

⁶³⁵ Michelli J. A. The Starbucks Experience. 5 Principles for Turning Ordinary Into Extraordinary. New York : McGraw-Hill, 2006. P. 12.

⁶³⁶ Там же.

⁶³⁷ Там же. P. 15.

⁶³⁸ Там же. P. 4.

⁶³⁹ Hardin J. M. Pedagogy of dining out: Learning of consume culture // Sublette C. M., Martin J. Devouring Cultures: Perspectives on Food, Power, and Identity from the Zombie Apocalypse to Downton Abbey. Fayetteville : Univ. of Arkansas Press, 2015. P. 47.

умение в странах, где улыбка без особой причины не приветствуется, не говоря уже о том, что для многих культур сама идея фастфуда и гамбургеров была достаточно чуждой, что требовало определённых вложений в рекламу и подготовку покупателя к новой концепции питания. В Рио-де-Жанейро, к примеру, помимо стандартного набора напитков подается шампанское, а в КНР – чай из грибов. В Венесуэле работники не только усаживают посетителей, но и разносят заказы, а в Корее нормальным считается подсаживать посетителей к уже занятым столикам⁶⁴⁰. Для Индии и Нидерландов создаётся серия вегетарианских бургеров, а для Уругвая упор делается на яйца, в Норвегии же вводится “McLaks” – сэндвич с лососем⁶⁴¹.

Все вышеупомянутые заведения попадают под определение того, что американский социолог-урбанист Р. Олденбург называл «третье место» или «пространство 3.0»⁶⁴². Термин был введён в 1989 г. как антитеза двум другим – домашнему и рабочему пространствам. Он включает в себя все места, предлагающие комфорт и уют вне дома: кофейни, парки и т.д. Такие пространства нивелируют социальные различия, и основополагающим в них становится коммуникация. Нейтральность места 3.0 выражается в том, что попадающее сюда большинство не является ни хозяином, ни гостем, а каждый из посетителей в равной степени обладает одинаковыми правами. Помимо этого, как отмечает автор, третьи пространства действуют как сортирующие зоны, распределяя людей по интересам и создавая новые мини-сообщества.

Особенно интересны в этой связи пространства, которые существуют достаточно недолго и бросают вызов одновременно дорогому ресторанному бизнесу и фастфуду, – это рор-ур кафе. Подобные заведения открываются на очень непродолжительный период времени, как правило, всего один день, и привлекают потенциальных посетителей, заранее определяя тему и специфику заведения. Важнейшим фактором существования подобных заведений является интернет и социальные сети, в частности, позволяющие оповещать потенциальную публику об открытии нового заведения и, соответственно, бронировать места. Подобная форма организации бизнеса позволяет пробиться молодым поварам и рестораторам без угрозы банкротства, поскольку спонсируется она, как правило, владельцами близлежащих магазинов, чья выручка сильно увеличивается в день открытия рор-ур кафе⁶⁴³ за счёт притока покупателей. В 2011 г. в Финляндии с помощью организации через “Facebook” была проведена ярмарка рор-ур кафе, объединившая 45 энтузиастов

⁶⁴⁰Smith A.F. Encyclopedia Of Junk Food And Fast Food. P. 174.

⁶⁴¹Там же. P. 7.

⁶⁴²Oldenburg R. The Great Good Place: Cafes, Coffee Shops, Community Centers, Beauty Parlors, General Stores, Bars, Hangouts, and How They Get You Through the Day. New York : Paragon House, 1989.

⁶⁴³Warren R. Rail and the City: Shrinking Our Carbon Footprint While Reimagining Urban Space. Cambridge : MIT Press, 2014. P. 197.

по всей стране⁶⁴⁴, а в 2013 г. подобное явление пришло в Россию и процветает и по сей день.

Говоря о третьих пространствах, необходимо отметить ещё одно явление, на этот раз преимущественно российское, – это антикафе. Первым заведением подобного рода было свободное пространство «Циферблат». Как позиционирует его официальный сайт, «это социальный эксперимент, первое в мире место с поминутной оплатой. В каждом Циферблате есть кофе, WiFi, пианино и мягкие кресла. Мы создаём место, удобное для работы, неформального общения и отдыха»⁶⁴⁵. Как видно из описания, еда является отнюдь не ключевым моментом для существования антикафе (некоторые заведения предоставляют еду и напитки бесплатно или позволяют приносить их с собой), поскольку главную роль теперь играет само пространство, которое должно рождать ощущение уюта и желания вернуться сюда. Антикафе – это идеальное место 3.0, ведь целью его посещения является социальное взаимодействие. Многие заведения предоставляют свободный доступ Wi-Fi, конференц-залы с оборудованием, подходящие для совместной работы или проведения мастер-классов и лекций, а также пространство для настольных и других игр. Иными словами, гетеротопия антикафе может выполнять любой спектр функций, позволяя посетителю самому выбирать специфику пространства, в котором он хочет находиться.

Моллы. Торговые центры, без которых нам сейчас сложно представить себе городское и пригородное пространство, приходят на смену рынкам и ярмаркам. В отличие от классических рынков, они удобнее, предлагают защиту от неприятных погодных условий и т.д. В то же время, как и у ярмарок, их функция не ограничивается только продажей товара.

Первые крытые торговые центры появляются в США на волне автомобильного бума⁶⁴⁶, как и фастфуд-рестораны. В условиях стремительно меняющейся городской культуры и пространства требовались новые решения, и одно из таких решений было предложено архитектором австрийского происхождения В. Грюэном, который предложил и реализовал в 1950-х гг. идею закрытых супермаркетов. Его торговые центры должны были стать «сердцем и мозгом» города, своеобразным «утопическим экспериментом»⁶⁴⁷. Позаимствовав структуру у европейских средневековых городов с центральными площадями и расходящимися от них улицами, он стремился создать идеальный безопасный мир-город, увеличивающий время нахождения в магазине и расширяющий само понятие шоппинга, а также дающее возможность для свободной коммуникации и рекреации.

⁶⁴⁴Интервью с организатором: Kirsti Tuominen. On Restaurant Day and the making of a grass root movement URL: <http://blancajutiblog.com/kirsti-tuominen-on-restaurant-day-and-the-making-of-a-grass-root-movement/>.

⁶⁴⁵Циферблат. URL: <http://ziferblat.net/>.

⁶⁴⁶Scharoun L. America at the Mall: The Cultural Role of a Retail Utopia. Jefferson : McFarland, 2012. P. 7.

⁶⁴⁷Там же. P. 9.

Примерно в это же время появляются и первые гипермаркеты. В 1963 г. во Франции открылся первый гипермаркет сети «Carrefour». В США магазины подобного типа получили название “big-box stores”, поскольку они строились, как правило, как прямоугольные или кубические бетонные коробки высотой в один (реже два и больше) этаж. Гипермаркеты чаще всего располагаются за пределами города, вне пешей доступности. Планирование околомагазинного пространства ориентировано на транспорт, а не на пешеходов, и обязательной чертой является большая парковка. Спектр продаваемых товаров может быть весьма широк (продают как технику, так и товары первой необходимости и продукты), так и весьма узок (только электронику, только книги и т.д.).

Торговые центры, как мы уже отмечали выше, также зачастую находятся за чертой города, однако их околомагазинное пространство может быть организовано в виде ресторанного двора, прогулочной зоны или детского парка аттракционов, а парковка помещена внутрь здания. Помимо очевидной роли – продажи товаров, современные торговые центры очень близки к идее утопии В. Грюэна. Центральные площади многих торговых центров заменяют собой парковое пространство, а климат-контроль делает нахождение здесь приятным в любую погоду. В торговый центр теперь идут не только за покупками, но и в целях отдыха. Многие самостоятельные пространства, чье существование в рамках других до недавнего времени казалось невозможным, теперь включаются в утопию Грюэновского молла: во многих из них находятся кинотеатры, музеи, зоопарки, стадионы или даже концертные залы, церкви и мечети. Торговые центры могут использовать некие ключевые концепты в оформлении: эксплуатируя морскую тематику и устанавливая аквариумы по всему периметру или же создавая реплику реально-существующих мест с их достопримечательностями.

Рис. 7.4. Фрагмент аллеи славы в московском торговом центре

Торговые центры сложно представить без ресторанного двора, нередко представляющего из себя фастфуд-микс из кухонь народов мира, что превращает питание в них в отдельный аттракцион. Огромное внимание уделяется детскому досугу – всевозможные детские игровые комнаты, конкурсы и другие мероприятия «занимают» детей, пока родители заняты покупками,

что, в свою очередь, в дальнейшем создаёт дополнительный стимул к возвращению в торговый центр.

Суммируя вышесказанное, следует отметить, что торговые центры в варианте Грюэна – это гетеротопия с самым широким спектром функций: от развлекательной до сакральной. Её связь с массовой культурой безусловна, поскольку торговые центры являются местом манифестации масскульта и идеи глобального потребления. В то же время различные общества могут варьировать наполнение торговых центров, включая или исключая из них необходимые элементы.

Караоке-бары. Многие азиатские торговые центры не обходятся без караоке-баров. И хотя в нашем понимании бар – это место, связанное с напитками и едой, в караоке-барах они не являются ключевым моментом.

Караоке – это форма социального взаимодействия, при которой один из членов группы исполняет под музыку песню, текст которой высвечивается на экране. Изобретение караоке приписывают японскому клубному музыканту Дайске Иноуэ, который придумал специальную машину для развлечения публики в перерыве между выступлениями. В 1971 г. он сделал 12 караоке-аппаратов и продал их барам в Кобе, не запатентовав своё изобретение⁶⁴⁸. К концу столетия караоке-индустрия плотно захватила азиатский масскульт.

Исследователи глобального феномена караоке С. Чжоу и Ф. Тарокко отмечают, что к концу 1990-х гг. работа в караоке-барах в Бирме стала одним из немногих способов заработка для молодежи, а жизнь в Янгуне (бывшей столице) буквально вращается вокруг караоке-баров, ставших центром отдыха высокопоставленных чинов⁶⁴⁹. На Филиппинах караоке также стало одним из видов национального досуга, а иметь дома караоке-аппарат важнее, чем иметь туалет, ведь доступ к последнему может быть параллельно у нескольких семей, а караоке должно быть собственным. Как ни парадоксально это звучит, популярность караоке дошла до того, что стало формой развлечения даже в тюрьмах: в 2005 г. филиппинское правительство запретило караоке-ночи в тюрьмах в целях сокращения потребления электроэнергии⁶⁵⁰. С 1990-х гг. отделение психиатрии Госпиталя принца Уэльского в Гонконге использует караоке-терапию для лечения пациентов⁶⁵¹, а во Вьетнаме караоке применяется как часть лингвистических курсов.

Караоке-бары (KTV в КНР и “Noraebang” в Южной Корее) давно уже стали частью городского ландшафта. Молодежь нередко проводит ночи за исполнением песен. С. Чжоу и Ф. Тарокко рассматривают караоке-бары не только как место социального взаимодействия и психологической разрядки, но и как пространство ретрансляции традиций, поскольку караоке-бары стали местом, где встречаются разные поколения, а старые мелодии переделыва-

⁶⁴⁸De Mente B. L. *Amazing Japan! Why Japan Is One of the World's Most Intriguing Countries!* London : Cultural-Insight Books, 2009. P. 136.

⁶⁴⁹Zhou X., Tarocco F. *Karaoke: The Global Phenomenon.* London : Reaktion Books, 2013. P. 76.

⁶⁵⁰Там же.

⁶⁵¹Там же. P. 81.

ются под новые потребности⁶⁵². Но в то же время – это пространство, через которое масскульт влияет на традиционную культуру и размывает культурные границы.

Флешмобы. Упомянутый выше пример с фудмаркетом, когда несколько незнакомых людей открывают на один день ресторан, можно условно окрестить термином «флешмоб». Флешмобы – это относительно новое явление, которое представляет собой публичное собрание незнакомых людей в определённом месте и в определённое время с целью выполнить некий набор на первый взгляд бессмысленных действий, а затем снова разойтись. При этом такое «случайное» собрание выстраивает определённое культурное пространство, что рождает парадоксальное сочетание случайности и структурности.

Как правило, организация подобных мероприятий происходит через социальные сети. Появление термина приписывают американскому журналисту Б. Васику⁶⁵³. Его проект был направлен на создание новостных материалов из ничего, используя коммуникативный потенциал новых технологий⁶⁵⁴. Ключевой идеей флешмоба являются спонтанность, достижение которой возможно лишь при взаимодействии незнакомцев и мобилизации больших групп, что позволяет завладеть вниманием общества. Исследователь К. Рамфорд ставит под сомнение возможность политического использования флешмобов, поскольку, как мы уже отмечали выше, для организации пространства «моба» необходима спонтанность, обеспечивающая ощущение погружения толпы в событие, а любой выход на политическое поле уничтожает саму суть явления⁶⁵⁵. При этом, конечно, нельзя исключать идеологичность флешмоба как явления.

Флешмоб – это идеальный пример эфемерной гетеротопии, существующей лишь на время присутствия там группы незнакомцев, условившейся о проведении события, чьё взаимодействие будет ограничено исключительно гетеротопией флешмоба. Однако бывают случаи, когда у флешмобов нет не только локуса, но и топоса, ведь для его проведения порой достаточно и виртуального пространства. Многие флешмобы на данный момент проводятся в социальных сетях, вроде “Facebook” и “Twitter”, и количество участвующих, равно как и время проведения флешмоба, теперь ничем не регулируется, поскольку подобного рода события перетекают в вирусные, о чём мы упоминали выше.

Мобильная гетеротопия рок-фестиваля. Музыка является одной из самых явных манифестаций массовой культуры. XX век подарил миру множество музыкальных жанров, отвечавших потребностям активно формирующегося среднего класса. Первые поп- и рок-фестивали появились в 1960-е, развившись из джаз- и блюз-фестивалей. Джаз-фестивали формировались как продолжение джазовой клубной культуры, а их выход за пределы поме-

⁶⁵²Zhou X., Tarocco F. Karaoke: The Global Phenomenon. P. 83.

⁶⁵³Rumford C. The Globalization of Strangeness. London : Palgrave Macmillan UK, 2013. P. 127.

⁶⁵⁴Там же.

⁶⁵⁵Там же.

щений давал посетителям и самим артистам гораздо большую свободу⁶⁵⁶. Проводились они, как правило, на открытом воздухе за пределами городского пространства, либо в парках и на стадионах. Первым джазовым фестивалем, отреагировавшим на модные тенденции и включившим в список выступавших и поп-рок группы, был “Jazz & Blues Festival” в 1964 г.⁶⁵⁷

Один из самых значительных фестивалей этого периода – Вудсток, прошёл с 15 по 18 августа 1969 г. на одной из молочных ферм в пригороде Нью-Йорка и собрал более 400 тыс. человек. Фестиваль получил своё имя в честь одноименного города. Область, где проводился фестиваль, и близлежащие территории, Катскилл (Catskill), являются весьма знаковыми для американской культуры, так как именно они стали источником вдохновения для многих картин Гудзонской школы. Её также можно встретить в новелле «Рип ван Винкль» В. Ирвинга и рассказах Г. Лавкрафта «Скрытый ужас» и «За стеной сна».

Хотя фестиваль стартовал как попытка собрать деньги на строительство звукозаписывающей студии, со временем он превратился в символ контркультуры 1960-х гг. Официальное название фестиваля – “an Aquarian Exposition: 3 Days of Peace & Music” («Выставка Водолея: 3 дня мира и музыки») отражает основные идеи американской культуры этого периода, характеризующегося появлением движения New Age, так называемой эры Водолея, хиппи и смешения музыкальных стилей.

Именно в этот период определяется атмосфера музыкальных фестивалей, и она становится важнее, чем само музыкальное содержание: сложно представить фестиваль без кемпинга, вечеринок на открытом воздухе, огромных толп и свободных нравов.

Один из самых неординарных американских фестивалей “Burning Man” («Горящий человек») – восьмидневное событие, проходит в последнюю неделю августа в пустыне Блэк-Рок. Фестиваль собирает вокруг себя всевозможных деятелей искусств. Он вырос из арт-события на пляже Сан-Франциско, в ходе которого Л. Харви и Д. Джеймс сожгли фигуру человека и собаки, представив это как акт самовыражения. Впоследствии организаторы были вынуждены перейти из Сан-Франциско после запрета полиции на проведение мероприятия в городе, так как толпа зрителей была слишком большой⁶⁵⁸. Выбор места неслучаен, поскольку пустыня – это место, где человек не чувствует социальных и пространственных ограничений: можно пойти куда угодно, когда угодно и вести себя как угодно громко.

Со временем фестиваль привлекал всё больше людей, а территория из заброшенной фронтальной зоны превратилась в динамичный город, рассчитанный на 50 тыс. человек, расцветающий всего на восемь дней в конце августа, а затем исчезающий в никуда. Таким образом, фестиваль превратился во временную, воспроизводимую раз в год гетеротопию. Особенно интересно,

⁶⁵⁶Robinson R. Music Festivals and the Politics of Participation. London : Routledge, 2016. P. 23.

⁶⁵⁷Millward S. Changing Times: Music and Politics in 1964. Leicester : Troubador Publ. Ltd, 2017. P. 184.

⁶⁵⁸Raiser J. Burning Man: Art on Fire. Race Point Publ., 2016. P. 9.

что он, подобно флешмобу, представляет собой самоорганизующуюся гетеротопию. Гетеротопия массовой культуры, как мы видим, постоянно захватывает незанятые свободные пространства, занимая периферию, поскольку именно там она может проявить себя в максимальной форме.

Круизы. Корабль или лодка – это один из самых распространённых в мифологиях архетипов. На корабле может путешествовать солнце, корабль перевозит людей в потусторонний мир. Корабль выступает воплощением идеи спасения, как в случае с Ноевым ковчегом, или, наоборот, всеобщей гибели: в германо-скандинавской мифологии «Нагльфар», корабль из ногтей мертвецов, привозит по льду армию великанов ётунов для сражения с асами в Рагнарёк (условно – конец света). Корабль может быть представлен метафорически, как в истории с пророком Ионой, которого проглатывает кит. В честь этого сюжета получает своё название один из этапов в структуре Дж. Кэмпбелла (5 – «Во чреве кита», или вступление в царство ночи)⁶⁵⁹, воплощающий нисхождение героя в нижний мир и его лиминальность.

В то же время, корабль – это гетеротопия, которую М. Фуко обозначает как нигде, причисляя его к гетеротопиям без конкретной географической привязки. Гетеротопия корабля, как и многих транспортных средств, проистекает именно из отсутствия локуса, поскольку плывущие в нём пассажиры находятся где-то и нигде, а само пространство корабля одновременно статично и динамично. Пространство корабля рождает свои ритуалы, язык, совершенно особенное отношение к жизни. Очень часто корабль ассоциируется с «женщиной», и даже в английском языке, где нет гендерной специфики предметов, корабль обозначается как she (она). Вместе с тем, вплоть до XX в. доступ женщин на корабли ограничивается, а путешествие на корабле рассматривается как задача для самых смелых и сильных.

Развитие техники приводит к изменению самой концепции плавания. С появлением пароходов корабль из утлого суденышка превращается в «плавающий континент» с садами и плавательными зонами, и теперь нет такой услуги, которая не могла быть предоставлена на корабле.

Первые концепции туристических пароходов появляются вместе с самими пароходами в первой половине XIX в. Первые же реальные круизы датируются 1844 г., когда активно развивающаяся паромная компания «Peninsular Steam Navigation Company» (P&O), до этого осуществлявшая маршруты между Англией и Пиренейским полуостровом, а также доставку почты, занялась круизными турами в Виго, Мальту, Лисабон и Александрию⁶⁶⁰. В 1869 г. Марк Твен упоминает круиз P&O из Лондона на Чёрное море в своей книге «Простаки за границей», которая стала самой продаваемой книгой Твена, изданной при жизни⁶⁶¹, а также самым продаваемым травело-

⁶⁵⁹Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. М. : Аст, 1997. С. 25.

⁶⁶⁰Gross S., Klemmer L. Introduction to Tourism Transport. Boston : Cabi, 2014. P. 158.

⁶⁶¹Hart J. D. The Popular Book: A History of America's Literary Taste. Berkeley : Univ. of California Press, 1950. P. 148.

гом столетия⁶⁶², после путешествия на первом в мире американском круизе в 1867 г. Путешествие включало такие страны, как Франция, Испания, Италия, Греция, Турция, Израиль и т.д.⁶⁶³

Пожалуй, самым популярным круизным судном является печально известный «Титаник», затонувший 12 апреля 1912 г., а самым первым судном, построенным эксклюзивно для круизов, была «Виктория Луиза». Период между двумя мировыми войнами считается расцветом круизного бизнеса, так как компании активно привлекали туристов и иммигрантов, а корабли становились символами наций⁶⁶⁴.

С 1980-х гг. круизы предлагают самый широкий спектр услуг: бассейны, казино, спа, фитнес, кинотеатры, библиотеки, бары и all-inclusive рестораны, театры и шоу бродвейского типа, баскетбольные площадки и теннисные корты и т.д. Особый вклад в популярность круизного бизнеса в массовой культуре внес американский сериал «Лодка любви» (англ. "The Love Boat")⁶⁶⁵, который транслировался на канале ABC с 24 сентября 1977 г. по 24 мая 1986 г. В основу его лёг сюжет о богатом круизном корабле и его пассажирах. Как видно из названия, важную роль в фабуле играл образ корабля как места для развития романтических отношений.

На данный момент особую роль в круизном бизнесе играют тематические круизы. Поскольку описать все из них не представляется возможным, остановимся лишь на некоторых:

1. Ранее мы рассмотрели музыкальные фестивали как гетеротопию. Со временем, помимо пригородов и стадионов, пространством для реализации подобной гетеротопии стали и корабли. Такие фестивали, как Monsters of rock и Southern rock перенесли свои концертные площадки в пределы морских круизов.

2. Арт-круизы могут быть представлены корабельными арт-выставками или даже аукционами.

3. Крафт-круизы – это путешествия, главной темой которых становится творчество, причём не в варианте созерцания, как с рок-фестивалями, а в варианте активного творца. Подобные путешествия, как правило, являются тематическими и учат отдыхающих, к примеру, вязать или вышивать крестиком.

4. Фитнес-круизы являются сочетанием лекций, мастер-классов и активных тренировок. Современное оснащение кораблей позволяет включить практически любое оборудование – от спортзала до бассейна. Некоторые компании предлагают также круизные беговые марафоны, сочетающие путешествие на корабле и пробежки на суше.

5. Круизы с ориентацией на еду и выпивку совмещают гетеротопию ресторана / бара и корабля, реализуя новое пространство, в котором ос-

⁶⁶²Melton J. A. Mark Twain, Travel Books, and Tourism: The Tide of a Great Popular Movement. London : Univ. of Alabama Press, 2002. P. 1.

⁶⁶³Gross S., Klemmer L. Introduction to Tourism Transport. Boston : Cabi, 2014. P. 158.

⁶⁶⁴Там же.

⁶⁶⁵Там же. С. 160.

новной целью является корабельный отдых посредством дегустации блюд от шеф-повара.

6. Тематические круизы нередко становятся пространством для построения объектов, до этого существовавших только в рамках киновселенной, в реальном мире. Подобные мероприятия позволяют погрузиться в иллюзорный мир произведения и стать участником событий любимого сюжета. Некоторые подобные круизы (“Star Trek – the cruise”, “Walker stalker cruise”) помимо дизайна, соответствующего атмосфере киновселенной, предлагают также сопровождение в виде актёров и создателей оригинальных работ. Таким образом, корабль превращается в место, где размывается граница между выдуманным миром и реальностью.

Гибридные пространства. Упомянутые выше тематические круизы иллюстрируют переход объекта из виртуального мира в реальную гетеротопию. Гибридные пространства – это термин, который описывает ситуацию, когда виртуальные пространства, ранее существовавшие в пределах киберреальности, благодаря технологиям перемещаются в пределы нашей реальности⁶⁶⁶. Они отражают, как использование технологий, вроде планшетов, телефонов, смарт-часов и очков, меняют наше представление о реальности и стирают границу между реальным и виртуальным или digital-миром. Подобные пространства рождаются из сообществ, чатов, MMORPG онлайн-игр и т.д. Однако есть и более глобальные примеры стирания границ, например становящиеся всё более популярными голографические шоу и парки. Голограмма подобна фуконианскому зеркалу, одновременно находясь здесь и нигде, она являет нам любые виды пространств и при этом искажает то, в котором находится. 7d-Голограммы могут создавать иллюзии любого пространства и предмета, обеспечивая ощущения взаимодействия со зрителем. Они позволяют воссоздать пространство популярного фильма или дикой природы, испытать путешествие в космосе или любой другой спектр ощущений, недоступный ранее в рамках привычной реальности.

Помимо голографических парков необходимо также отметить и голографические концерты. Подобные явления давно уже не редкость в мире масскульты и используются как для замены на сцене умерших музыкантов, так и тех, кто не может присутствовать в зале, или даже и вовсе не существующих в рамках нашего пространства персонажей. Хатсуне Мику – японская виртуальная певица, созданная в 2007 г. на базе семплирования голоса через программу “Vocaloid”. Быстро набрав популярность и став поп-идолом, Мику начала «давать» и концерты: первое подобное мероприятие состоялось в 2009 г. благодаря использованию голограмм.

⁶⁶⁶De Souza e Silva, A. From cyber to hybrid: mobile technologies as interfaces of hybrid spaces // Space & Culture. 2006. Vol. 9 (3). P. 261–278.

Виртуальные топосы

Выше мы уже описывали и анализировали реальные гетеротопии, с которыми человек, будучи вовлечённым в массовую культуру, сталкивается почти каждый день. Но кроме реальных, существуют и виртуальные, являющиеся проекцией на настоящие культурные пространства. Ими могут быть миры, города, больницы, бары, гостиницы и т.д., выдуманные авторами комиксов, фикшн-литературы, фильмов, телесериалов и прочих продуктов поп-культуры. И в контексте медиакультуры этот вид гетеротопии очень важен, так как «человек, захваченный и погружённый в медиакультуру, сам становится продуктом новых медиа»⁶⁶⁷. Не зря главный герой второй серии первого сезона телесериала «Чёрное зеркало» (Э. Лин, 2011) – Бинг Мэдсен – в своей попытке выступить против грязного и циничного телешоу с лёгкой руки главы телеканала становится ведущим своей передачи. Бинг неосознанно вступает в процесс медиатизации, начав вести небольшие, но очень экспрессивные монологи с куском стекла у горла на камеру. Данный эффект описал словенский культуролог и философ С. Жижек следующим тезисом: «тело, которое почти полностью “медиатизировано”, функционирует с помощью протезов и говорит искусственным голосом»⁶⁶⁸. Таким образом, мы можем говорить о человеке не как о субъекте, а как об объекте массовой культуры, и, следовательно, влияние виртуальных гетеротопий на картину мира современности ещё более существенно, чем может показаться на первый взгляд, так как они являют собой искажённые и гротескные проекции на реальные пространства. Более того, они также могут выстраивать новый культурный ландшафт за счёт своей привлекательности у фанатов: тематические парки, парки-аттракционы, музеи, квест-румы, сообщества и т.д.

Феномен «не такого, как все», странного и чуждающегося поселения (деревни, города), жителей которого мы боимся, опасаемся, высмеиваем, удивляемся их находчивости, прочно вошёл в фольклор многих культур. Таких примеров довольно много: это деревня Готэм и графство Вильтшир в Англии, и городок Лепе (Испания, Андалуссия), и коммуна Шильд в Германии⁶⁶⁹. А сколько анекдотов о жителях Одессы ходит в России и странах СНГ, или шуток о полувывымышленном городе Бобруйске? Проживающие в них предстают перед нами чуждающимися, глупыми, иногда безумными людьми.

Лейтмотив безумия прочно входит в искусство и прослеживается до наших дней, став неотъемлемой частью теле- кинопродукции, литературы и комиксов современности. Первым на этот феномен обратил внимание известный французский философ, постструктуралист М. Фуко. Он проследил

⁶⁶⁷Кириллова Н. Б. От медиакультуры к медиалогии // Культурологический журнал. 2011. № 4. С. 4. URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/98.html&j_id=8.

⁶⁶⁸Жижек С. Киберпространство, или Невыносимая замкнутость бытия // Искусство кино. 1998. № 1. С. 125.

⁶⁶⁹Романова А. П., Хлыщёва Е. В., Якушенков С. Н., Топчиев М. С. Чужой и культурная безопасность. М.: РОССПЭН, 2013. С. 59.

отражение безумия в искусстве и литературе, начиная от переходного периода между Средневековьем и Ренессансом до XX в., выявив и проанализировав, как каждая эпоха воспринимает данную категорию культуры⁶⁷⁰. Но самое главное, что М. Фуко даёт объяснение, почему подобное явление становится достаточно популярным среди людей, и они им интересуются: «Притягательность фантастических образов обусловлена тем, что для человека они открывают мрачные глубины его души. Поэтому образами безумия в живописи становятся фантастические чудовища <...> Также эти фантастические образы являются символами потаённого, эзотерического знания и поэтому являются столь притягательными для человека»⁶⁷¹.

Рис. 7.5. Баннер при въезде в городок Кloverдейл, ставший прообразом сериального Смолвилля. Надпись на баннере: «Дом Смолвилля»

Ничего удивительного в том, что вымышленные, виртуальные города или целые миры, которые предстают перед нами на страницах комиксов, научно-фантастической литературы, экранах кино или телевидении, населены чудачковатыми фриками, безумцами, дураками или «мудрецами». Все они поступают не так, как мы поступили бы согласно социальным законам и правилам; они мыслят по-другому, по-другому живут. Такой виртуальный город мифологичен, он переполнен всем, чего нет в реальности. Это Другое место, где всё другое и населено Другими. Но в то же время он реален, в нём мы видим нашу повседневность, в его жителях – самих себя, наши низменные страсти, «мрачные глубины души». Иными словами виртуальный город, согласно фуконианскому определению, – это типичная гетеротопия.

⁶⁷⁰См.: Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб, 1997.

⁶⁷¹Бобрикова К. О. Мишель Фуко и репрезентация образов безумия в искусстве и литературе // Studia culturae. 2013. № 16. С. 212.

Исследователь городских пространств П.А. Путинцев в своей статье «Феноменология города и его образа» обращает внимание на то, что «некоторые города из индустрии комиксов, видеоигр, фильмов и книг играют роль своеобразных инструментов псевдопродвижения реальных территорий»⁶⁷². Под псевдопродвижением он понимает процесс, когда «невероятные или игровые действия по сюжету происходят в черте конкретных регионов (штатов) или даже неподалеку от реальных городов, формируется и, возможно, закрепляется определённое впечатление о зоне действий и её окрестностях. В воображении происходит совмещение реального и вымышленного пространств»⁶⁷³. Именно это совмещение и создаёт эффект двойственности: пространство, воспринимаемое до этого однозначно, теперь обрастает новыми ирреальными свойствами, становится гетерогенным. Но такой город имеет реальную географическую привязку, хотя и не постоянную. Например, родной городок Супермена, Смолвилль, в зависимости от комиксов или их экранизации, географически перемещался по всему США. В популярном журнале “Amazing World of DC Comics”, № 14 (1977) этот город был расположен в штате Мэриленд⁶⁷⁴, а в комиксе “Legion of Super-Heroes”, vol. 2, № 313 (июль, 1984) Смолвилль вдруг переключивается в штат Пенсильвания⁶⁷⁵. Здесь интересна семантика названия города – «Смолвилль» (“Smallville”): “small” с английского языка «маленький», а вот “ville” имеет несколько значений. С одной стороны, “ville” – слово, обозначающее «городок», но с другой – в английском языке “ville” также может образовывать существительные и прилагательные преимущественно с пренебрежительным оттенком (например, “dullsville” – скучотища; “freaksville” – извращённый). Поэтому Smallville приобретает собирательное значение захолустного маленького городка, в контексте комиксов про Супермена олицетворяя не один конкретный, а множество подобных городков по всему США, что, в свою очередь, создаёт конкретное представление об этом явлении у человека, не знакомым с ним напрямую.

Отражение социальной гетеротопии в виртуальном топосе романа Н. Геймана «Никогда». Город современности, безусловно, можно назвать тем пространством, в котором «социальная и культурная виртуализация достигают максимума, проявляют себя с особой силой, интенсивно влияют на действительность»⁶⁷⁶. Он всегда представлялся ирреально-реальным⁶⁷⁷. Именно таким предстаёт Лондон, а, точнее, так называемый Нижний Лондон на страницах фантастического романа Н. Геймана «Никогда» (в другом пере-

⁶⁷² Путинцев П. А. Феноменология города и его образа // Известия вузов. Архитектон. 2011. № 1 (33). URL: http://archvuz.ru/numbers/2011_1/010.

⁶⁷³ Там же.

⁶⁷⁴ См.: Amazing World of DC Comics // DC Comics. Mar. 1977. № 14.

⁶⁷⁵ См.: Legion of Super-Heroes // DC Comics. 1984. Vol. 2, № 313.

⁶⁷⁶ Туркина В. Г. Город как виртуальный феномен // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Право. 2009. № 16 (71). С. 52.

⁶⁷⁷ Железняк О. Е. Город: мифология места и «Виртуальная реальность» // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2011. № 7 (54). С. 211.

воде «Задверье»; ориг. “Neverwhere”)⁶⁷⁸. Сама аннотация романа уже раскрывает то, что помимо реального города существует параллельный, отражённый, перевёрнутый: «Под улицами Лондона существует мир, о котором большинство людей и не подозревает. В нём слово становится настоящей силой. Туда можно попасть, только открыв Дверь. Этот мир полон опасностей, населен святыми и монстрами, убийцами и ангелами...»⁶⁷⁹

Сюжет романа крутится вокруг главного героя, Ричарда Мэхью, который предстал перед читателем в образе обычного жителя современного Лондона, переехавшего сюда из Шотландии. Он – самый простой офисный работник, ведёт ничем не примечательную жизнь и состоит в обычных любовных отношениях со своей девушкой. Эта рутина длится до той поры, пока он однажды не встречается на улице, по дороге на ужин к боссу своей будущей невесты, потерявшую сознание и лежащую в крови незнакомку. Ричард решает помочь девушке, на что невеста сначала делает вид, что не замечает нуждающуюся в помощи, продолжая говорить про ужин: «Вдруг впереди открылась дверь, и кто-то шагнул на улицу. Секунду, показавшуюся очень долгой, человек покачивался из стороны в сторону, а потом рухнул на тротуар. Ричард вздрогнул и замер. Джессика резко дернула его вперед»⁶⁸⁰, а потом и вовсе уговаривала Ричарда не обращать на неё внимание: «А, ну да. Знаешь, Ричард, если станешь обращать внимание на всяких бродяг, придётся заниматься только ими. Поверь, у них у всех есть квартиры. Она проспится и придет в себя»⁶⁸¹. И всё же Ричард помог девушке, которая оказалась жительницей скрытого от глаз Нижнего Лондона, а звали её «Дверь» за способность открывать любые двери в любое место.

В этой вроде бы непримечательной сцене происходит очень важное событие для читателя – наступление идеологического фронта. Нижний Лондон хоть и предстаёт в качестве мифологического пространства, якобы несуществующего в реальности, но он – самый настоящий и реальный. Именно в этой сцене, когда Джессика, невеста Ричарда, «не замечает» девушку, лежащую без сознания в крови, в оборванной одежде, нам становится ясно, что подразумевается под фразой: «Этот мир полон опасностей, населён святыми и монстрами, убийцами и ангелами». Жители Нижнего Лондона – это нищие, умалишённые, убийцы – все те, кто был отвергнут обществом, и это общество предпочитает их не замечать. Именно здесь и раскрывается озабоченность автора романа социальной несправедливостью, которую он мифологизирует, а в дальнейшем и романтизирует.

Вторым важным моментом начала романа, раскрывающим его идеологическую плоскость, является сцена, когда Ричард становится невидимым для всех. После того, как он помог Двери, он узнаёт от неё, что за ней охотятся двое наёмных убийц, господин Круп и Вандемар, которые являются к нему

⁶⁷⁸Гейман Н. Никогда. М. : АСТ, 2009.

⁶⁷⁹Там же. С. 2.

⁶⁸⁰Там же. С. 14.

⁶⁸¹Там же.

в квартиру в поисках своей жертвы. На следующий день после этих событий главный герой замечает, что стал как будто невидим для окружающих: домовладелец приводит в его квартиру новых жильцов и показывает им ванную комнату, пока Ричард там моется; на работе на него не обращают внимания, будто он там и не работал никогда, а по телефону не могут слышать его голос. Этот момент очень важен для читателя, так как по всем законам мономифа⁶⁸² главный герой переходит в другой мир и умирает для своего. Именно последнее особо символично в контексте другой, предыдущей сцены, когда Джессика на ужине, оправдываясь, почему Ричард не пришёл с ней, говорит, что он «неожиданно скончался»⁶⁸³. Весть о смерти человека зачастую в нашем современном обществе может значить не буквальную гибель, а символический его уход в другое социальное пространство. Иногда люди говорят: «Он (для меня) умер», когда отрекаются от спившегося родственника, наркомана или убийцы и т.п., подчёркивая полный разрыв связи с человеком, который скатился вниз по социальной лестнице, иными словами ушёл в «нижний город».

Теперь главный герой решается найти Дверь и разобраться со сложившейся ситуацией. Знаковым становится тот факт, что из всех людей его замечает только бродяга, который показывает ему путь в Нижний Лондон. Изначально это место кажется Ричарду весьма хаотичным, бессмысленным, опасным, лишённым централизованной структуры. Иными словами, Нижний Лондон предстаёт в форме дистопии, где обитают лишь преступные или опустившиеся на дно социальной лестницы элементы. Здесь можно провести параллель с британскими колониями, использовавшимися в качестве пениitenciарных поселений⁶⁸⁴. Изначально кажущаяся аструктурность подобных пространств весьма ошибочна. Как типичные гетеротопии, они создают свой «перевернутый» или «искажённый» по отношению к гомотопиям мир. Так и Нижний Лондон при всей его мифологичной опасности структурируется по определённым законам, но с другим вектором направления. Здесь чётко выстроена социальная дифференциация, с которой главный герой встречается на протяжении всего романа: крысиный король, Пастушья королева, король Лудд, Маркиз Карабас, король крокодилов, чёрные монахи и т.д. Если попытаться рассмотреть подобное пространство через призму топофильной и топофобной когнитивных моделей, то естественным становится тот факт, что «там, где наступает предел, не позволяющий создавать новое общество в рамках уже существующего, возникает попытка выйти за предел (идеологический, политический, социальный, географический и т.д.)»⁶⁸⁵. Изгнанные за пределы социального пространства, эти элементы создают свой мир вне обычного, который, в свою очередь, мифологизируется и кажется хаотичным,

⁶⁸²См.: Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой.

⁶⁸³Гейман Н. Никогда. С. 15.

⁶⁸⁴Якушенко С. Н. Топофилия vs топофобии как когнитивные парадигмы фронтального пространства // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 3 (44). С. 263.

⁶⁸⁵Там же. С. 262.

опасным и аструктурным. Гетерогенность данного пространства подтверждается наличием в нём особых структур, аналогичных гомотопиям, но, как и сама гетеротопия, функционирующих по особым законам. В «Никогде» такими структурами выступают Плавучий рынок, вагон-резиденция графа, музей-тюрьма и др. Все они играют очень важную роль в путешествии главного героя.

В Плавучем рынке Ричард находит Дверь, но в данном контексте куда интереснее само место. В романе рынок описывается как особое пространство (гетеротопия в гетеротопии), которое постоянно меняет место своего положения – без привязки к настоящему месту: «Он каждый раз в новом месте. Он перемещается. А чтобы попасть туда сегодня, – она нервно теребила кварцевые бусы, – придётся пройти очень неприятное место»⁶⁸⁶. Таких явлений в реальной жизни очень много: от реальных рок-фестивалей («Нашествие», «Рок над Волгой») и конференций фанатов фантастики и комиксов (кроме «Comic Con», который проходит в Санд-Диего, США; здесь идёт речь об его аналогах) до виртуальных магазинов и рынков в Даркнет (от англ. «darknet» – «тёмная сеть», «частная сеть», соединения которой устанавливаются только между доверенными пирами, иногда именующимися как «друзья»⁶⁸⁷). Последние, кстати, функционируют как чёрные интернет-рынки, где можно купить практически всё: от оружия и наркотиков до рабов. Местоположение подобных магазинов / рынков трудно определить, так как в основе организованной сети лежит принцип полной анонимности и подмены IP-адресов. И чтобы подключиться к нему, необходимо, чтобы компьютер пользователя стал одним из элементов этой сети, подобием моста, через который проходят пакеты данных. Так и Ричард, чтобы попасть в Плавучий рынок, проходит через загадочное место – мост, в конце которого теряет своего спутника. При этом важность рынка подчёркивается тем фактом, что во время его функционирования объявляется перемирие: «На рынке действует перемирие. Никто не посмеет причинить кому-то вред, иначе на него ополчится весь Нижний Лондон»⁶⁸⁸. Данное явление подобно киплинговскому «Water truce» («Водяному перемирию»), важному элементу в мире джунглей, где жил Маугли. Во время засухи животные объявляли территорию водопоя свободной от агрессии и атак хищников на травоядных. По сути своей, Плавучий рынок кажется единственной экономической структурой предложенного гетеротопного пространства (нигде больше не упоминается какой-либо способ производства благ). Оно и понятно, так как Нижний Лондон является проекцией мира асоциальных элементов: воров, убийц, грабителей, монстров. Поэтому для поддержания экономической стабильности на таких пространствах и устанавливается «водяное перемирие».

Таким образом, роман «Никогде» отлично иллюстрирует опыт пребывания человека в социальной гетеротопии. Нижний Лондон становится отлич-

⁶⁸⁶Гейман Н. Никогде. С. 45.

⁶⁸⁷Mansfield-Devine S. Darknets // Computer Fraud & Security. 2009. Vol. (12). P. 4–6. DOI:10.1016/S1361-3723(09)70150-2.

⁶⁸⁸Гейман Н. Никогде. С. 45.

ной метафорой того мира, который существует параллельно нашему, но в силу социальных законов и правил он скрыт от наших глаз. Данному пространству свойственны все особенности гетеротопии, что отлично иллюстрирует дихотомия главного героя, проявляющаяся изначально в топофобии, а затем к топофилии, когда в конце романа Ричард не желает возвращаться к своей обыденной жизни, где его всё угнетает, и хочет попасть снова в Нижний Лондон.

Реалити-шоу как виртуальная гетеротопия (на примере х/ф «Шоу Трумана»). Интенсивное развитие массовой культуры в XX в. было обусловлено широким распространением средств массовой коммуникации и информации: печати, радио, телевидения и т.д. «Переориентация с вербальной сущности мира на аудиовизуальную возводит на центральное место электронные виды информации, а именно телевидение и Интернет»⁶⁸⁹. Последние и породили такой феномен массовой культуры, как реалити-шоу, родственный документальному кино, но акценты в котором смещены, как правило, в сторону драмы, личных конфликтов и развлечений⁶⁹⁰. Отличительная медиакультурная особенность данного явления состоит в том, что «привычные границы между реальностью и иллюзией начисто стираются, оставляя стойкий эффект размытой действительности, в которой зрителю всё сложнее становится отделять реальную жизнь от вымышленных событий»⁶⁹¹. Иными словами, зритель становится важным участником реалити-шоу, укрепляя сам феномен. Например, создатели в попытках поднять рейтинги и привлечь внимание зрителей к телеэкранам часто вводят интерактивное взаимодействие последних с главными героями, в конечном счёте выводя реалити-шоу в обыденную повседневность и делая телезрителей такими же его участниками. Граница между мифологическим электронным пространством и реальностью стирается, тем самым театрализуя повседневность.

Нельзя сказать, что реалити-шоу гомогенны по своей сути. В погоне за рейтингами их создатели придумывают новые и новые драмы, вводят новые элементы, героев, актёров, испытания. Таким образом, в реалити-шоу любое событие крайне «быстро обрастает повседневной банальностью или, наоборот, страданиями безумия»⁶⁹².

В нашем современном постмодернистском обществе среди режиссёров кино стали актуальны идеи и взгляды французского философа и мыслителя Ж. Бодрийяра, который уделит своё внимание теории гиперреальности, основанной на симуляции⁶⁹³, и вводит понятие «симулякр». Этот термин означает, по словам философа, «копию, оригинал которой безвозвратно утерян»⁶⁹⁴. Другими словами, симулякр представляет собой семиотический знак, не имеющий обозначаемого объекта в реальности. И анализ многих телеви-

⁶⁸⁹ Савенко А. А. Реалити-шоу в контексте позитивных и негативных тенденций функционирования массовой культуры // Вопросы культурологии. 2011. № 10. С. 82.

⁶⁹⁰ «Docu-soup». Merriam-Webster. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/docusoap>.

⁶⁹¹ Савенко А. А. Реалити-шоу в контексте позитивных и негативных тенденций... С. 83.

⁶⁹² Делёз Ж. Логика смысла. М., 1998. С. 326/

⁶⁹³ Ушкин С. Г. Симулякры и симуляция в зеркале современной киноиндустрии // Гуманитарий: актуальные проблемы науки и образования. 2010. № 3. С. 94.

⁶⁹⁴ Грицанов А. А. Жан Бодрийяр. Минск: Книж. дом, 2008. С. 4.

сионных реалити-шоу показывает, что последние как раз и выступают в качестве симуляции реальной жизни, становясь транслятором гиперреальности, когда реальность утрачивает черты реального. Пример подобного явления отлично отражён в первой серии телесериала «Чёрное зеркало» (О. Батерст, 2011), в сюжете которого лежит история о том, как неизвестные похищают всеми любимую британскую принцессу и выдвигают сумасбродное условие. Они хотят, чтобы по телеканалам всего мира в прямом эфире транслировали акт сношения премьер-министра со свиньёй. В конечном итоге, британское правительство соглашается на условия похитителей, а те, в свою очередь, отпускают принцессу за полчаса до шоу. Очень символической кажется сцена, когда все жители Лондона прильнули к телеэкранам, чтобы лицезреть мерзкое соитие высокопоставленного политика с животным, и никто не замечает одиноко идущую по улицам принцессу, которой нужна была помощь. Здесь реальность искажается, теряет черты реального и перемещается на экраны телевизоров. Людей захватывает не сам акт похищения всеми любимой принцессы, а то, что творится в прямом эфире, они готовы забыть обо всём, лишь бы стать участниками такого грандиозного события века. А реальность оказывается пустыней⁶⁹⁵, по которой бредёт уставшая принцесса.

Мотив искажения реальности, симуляции жизни за счёт помещения человека в виртуальное пространство, прекрасно передаёт фильм «Шоу Трумана» (реж. П. Уир, 1998), в сюжете которого лежит идея беспрецедентного реалити-шоу. Главный герой, Труман Бёрбанк – житель небольшого городка в США, идеального по меркам американской мечты. У него есть работа страхового агента, свой дом, машина. Он живёт размеренной жизнью день за днём от самого рождения и не подозревает о том, что каждый его шаг, каждый миг его жизни наблюдают миллионы людей по всей планете. Труман Бёрбанк – герой реалити-шоу, названного в его честь.

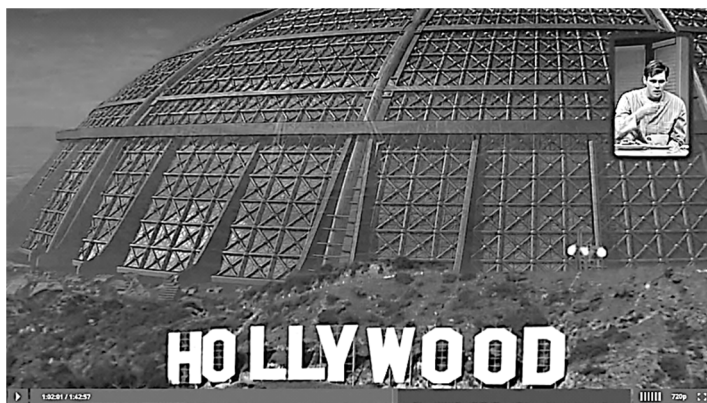

Рис. 7.6. Кадр из х/ф «Шоу Трумана» (съемочный павильон-городок в Голливуде)

⁶⁹⁵См.: Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального / пер. с англ. А. Смирного. М. : Прагматика культуры, 2002.

Выше мы отметили беспрецедентность идеи такого реалити-шоу, так как в реальности подобного никогда не существовало. По сути, в структурном аспекте такая передача будет отличаться от классического реалити-шоу, в котором герои, помещённые в виртуальную гетеротопию, не способны не замечать камер и вынуждены мириться с третьим элементом своего пространства – телезрителями. Но со временем структура «зритель – телешоу – герой» приобретает несколько иной вид: последние, став частью гиперреальности, начинают вести себя как в реальности, их поступки мотивируются тем, чем бы мотивировались в жизни. Создаётся эффект реальности телешоу, тогда как «Шоу Трумана» лишено подобной инверсии изначально и «перевёрнуто» по отношению к ней. Главный герой не знает, что является объектом миллиона пристальных взглядов, наблюдающих его жизнь от самого рождения. Для него пространство, в котором он живёт, гомогенно изначально. Кажется, что Труман живёт в гомотопии: в его жизни нет Другого, нет чего-то из ряда вон выходящего, а его попытки уехать в путешествие пресекаются работниками канала под различными подстроеными предложениями. Проводя анализ данного художественного фильма, социолог С.Г. Ушкин приходит к выводу, что в фильме «мы наблюдаем уже не только построение вокруг героя своеобразной гиперреальности, но и аспекты общества потребления и даже то, что так яростно критикует Бодрийяр, – нигилизм и инертность постмодернистского общества... <...> Образы реального в фильме образуют структуры гиперреальности. Лишь в конце фильма герой окончательно понимает, что всё существующее для него ранее было неподлинным. Актерская игра подставных людей из его окружения соответствует моделям развития событий и принимает форму специфических знаков, образующих интегрированную систему межличностных отношений.»⁶⁹⁶ Но стоит ли в данном случае сочувствовать главному герою? В конечном итоге, он соприкасается с реальностью, понимая, что вокруг него – шоу, а он главный его герой. И, как только у Трумана возникают первые сомнения по отношению к происходящему вокруг (реальность вторгается в его пространство, начиная со сцены, когда с «неба» падает осветительный прибор, и подкрепляется сначала появлением отца главного героя, а потом признанием Сильвии, объекта любви Трумана, в том, что всё вокруг – шоу), он начинает вести себя подозрительно, а потом и вовсе впадает в безумие, пытаясь выбраться за город. В конце фильма Труман обретает свою «свободу», но какой ценой...

С психоаналитической точки зрения, возвращению реального предшествует акт насилия, которым и является «свобода»: «Свобода – это не блаженное состояние гармонии и равновесия, а предельно насильственный акт, который нарушает это равновесие»⁶⁹⁷. И Джим Керри прекрасно показал психологические страдания своего персонажа. На первый взгляд, именно этот акт насилия и превращает гомотопию в гетеротопию, подобно древнему

⁶⁹⁶Ушкин С. Г. Симулякры и симуляция в зеркале современной киноиндустрии. С. 96.

⁶⁹⁷Жижек С. Киногид извращенца: Кино, философия, идеология: сборник эссе : пер. с англ. / предисл. А. Павлова. Екатеринбург : Гонзо, 2014. С. 442.

жертвоприношению во имя какого-либо божества ради изменения существующего порядка вещей. Но мы забываем о другом важном персонаже фильма, который изначально находится в этом приграничном гетерогенном состоянии, – зрителе реалити-шоу. Он постоянно включён в данное пространство и является его неотъемлемой частью. Искусство, по мнению Ж. Бодрийяра, должно нести в себе критическую и терапевтическую функции, суть которых заключается в возвращении реальности⁶⁹⁸. И если искусство как семиотическая система имеет обозначаемый объект, тем самым возвращая реальность, то симулякр как знак, лишённый обозначаемого, не способен сделать это, переводя субъект обратно в нереальное, гетеротопию, созданную им. Образуется определённая цикличность: субъект, в конце-концов, сам становится объектом нереального, подобно современному человеку, превратившегося в продукт массовой культуры⁶⁹⁹. Разорвать порочный круг приграничного гетерогенного состояния может только акт насилия, уничтожения системы или выход за её грань.

В данном контексте логичным кажется вопрос: кто является источником этого насилия в фильме? И если на первый взгляд, как мы описали выше, это сам Труман, то с другой стороны – это зритель реалити-шоу. Именно здесь и происходит мифологизация фильма П. Уира, направленная на сокрытие существующей идеологии⁷⁰⁰. Истинными заложниками гетеротопии реалити-шоу являются как раз именно те, кто смотрит данное шоу, а не Труман в истинной своей сущности. Это насилие необходимо им для возвращения реального, а сам акт метафорически аналогичен действиям героев фильмов Д. Линча «Синий бархат» (1996) и «Психо» А. Хичкока (1960). В них главные герои находятся в ситуации подглядывания за объектом своего сексуального влечения («Психо») или за сексуальным актом («Синий бархат»). Не является ли это аналогом телезрителя, который следит за жизнью других людей в реалити-шоу? В каком-то смысле, да. И подобно Норману из «Психо», убивающему объект своего вожделения лишь для того, чтобы выбраться из нестабильного пространства нереального (сексуальной страсти к девушке), зрители, пытаясь вырваться из гетерогенной гиперреальности телевизионного шоу, организуют движение в поддержку свободы Трумана. Весьма символично, что в данном случае это движение организует Сильвия, объектом любви которой и является Труман. Но только эта акция направлена не на Трумана, а на них самих, не способных по-другому выйти из своего приграничного состояния. Конечно, демонстрации у телестудии – это не революционное движение (П. Уир не стал бы показывать подобное в своём фильме), но близкое к нему. Так что, следуя логике С. Жижека, «если акты революционного насилия должны быть “деяниями любви” в самом строгом кьеркегоровском смысле, то вовсе не потому, что революционное насилие “в реаль-

⁶⁹⁸См.: Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. А. Качалова. М.: Рипол-классик, 2015.

⁶⁹⁹Кириллова Н. Б. От медиакультуры к медиалогии // Культурологический журнал. 2011. № 4. С. 4. URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/98.html&j_id=8.

⁷⁰⁰Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Рипол Классик, 1994. С. 18.

ности” стремится к установлению свободной от насилия гармонии; ровно наоборот, по-настоящему революционное освобождение оказывается связано с насилием гораздо более непосредственно – именно насилие как таковое (насильственный жест отказа, установление различий, прочерчивание разделительных линий) освобождает⁷⁰¹, то единственным носителем подлинной любви является Сильвия, которая противопоставляется Труману и воплощает в себе образ этого самого телезрителя реалити-шоу.

Таким образом, проанализировав реалити-шоу на примере х/ф «Шоу Трумана», мы приходим к выводу, что подобные телевизионные передачи создают особое приграничное состояние, вводят как героев этих шоу, так и зрителей в особую гетеротопию. Гиперреальность подобных пространств не создают символического обмена за счёт отсутствия у симулякра обозначаемого, что не даёт возможности для возвращения реального. В конечном счёте, пребывание в такой гетеротопии «быстро обрастает повседневной банальностью или, наоборот, страданиями безумия»⁷⁰², что выливается в насильственный акт по отношению либо к объекту, либо к самому субъекту, как символическое стремление к избавлению от симулякра и возвращению к реальному.

Комиксный Готэм как виртуальная гетеротопия. Выше мы уже затрагивали тематику феномена «деревни дураков», который прочно вошёл в фольклор многих культур. И, наверное, самой знаменитой на сегодняшний день подобной «деревней» является английский Готэм, благодаря одноимённому вымышленному городу, в котором живёт один из самых популярных супергероев комиксов XX–XXI вв. – Бэтмен.

Многие наверняка знают детскую потешку, являющуюся авторским переводом С.Я. Маршака⁷⁰³ английского оригинала⁷⁰⁴:

Три мудреца в одном тазу
Пустились по морю в грозу.
Будь попрочнее старый таз,
Длиннее был бы мой рассказ⁷⁰⁵.

Первая строчка “Three wise men of Gotham” («Три мудреца из Готэма») является английской идиомой, обозначающей простоватых и глуповатых людей. Жители деревни Готэм (Gotham), что располагается в Ноттингемшире, прославились в истории своей простотой, поэтому им и дали подобное про-

⁷⁰¹ Жижек С. Накануне Господина: сотрясая рамки. М. : Европа, 2014. С. 146.

⁷⁰² Делёз Ж. Логика смысла. М., 1998. С. 326.

⁷⁰³ Маршак С. Избранные переводы. М. : Гос. изд-во худ. лит-ры, 1955. Т. 2: Стихи, сказки, переводы. С. 528.

⁷⁰⁴ Opie I., Opie P. The Oxford Dictionary of Nursery Rhymes. 2nd ed. Oxford : Oxford Univ. Press, 1951. P. 193.

⁷⁰⁵ Оригинал: Three wise men of Gotham, / They went to sea in a bowl, / And if the bowl had been stronger / My song had been longer.

звище. Героям популярной детской потешки в «Индексе народных песен» (“Roud Folk Song Index”) присвоен номер 19695⁷⁰⁶.

Существует легенда, согласно которой в конце XII в. английский король Иоанн Безземельный захотел устроить рядом с деревней свою личную резиденцию. Крестьяне же, не желая содержать за свой счёт королевский двор, решили прикинуться слабоумными перед королевскими послами. Так, в книге G. Seal “Encyclopedia of folk heroes” приводятся описания событий следующего характера: «всюду, куда ни шли послы, перед ними представляли сельяне, которые занимались бессмысленной и бесплодной работой. Король Иоанн, ознакомившись с отчетом, решил поставить свой охотничий домик в другом месте, а хитрые крестьяне хвастались по этому поводу: “мы считаем, что больше дураков проходит через Готэм, чем остаётся в нём”»⁷⁰⁷.

В документах землевладения 1874 г., составителем которых был Томас Блаунт, приводятся описания встречи послов с жителями деревни, а также содержится стихотворение, которое навсегда закрепило за Готэмом прозвище «Деревня дураков»:

Не говорите мне о дураках из Готэма,
И об их угрях в лужах,
Коиx, как говорят, они топили;
И о телегах, которые они тянули на крыши,
Когда люди короля Иоанна глазели на них,
И о сыре, который они катили с холма,
И о кукушке, сидящей на кусте,
Когда они обносили его забором;
Такое о них рассказывали давно
Болтуны молодые и старые
В пьяном угаре.
Я думаю, что дураки – это те, кто пойдут
Поглазеть на куст с кукушкой,
На телегу, амбар и угрей,
Такие встречаются везде,
И без усмешки мимо ходят
Лишь истинные дураки⁷⁰⁸.

В стихотворении описывается то, что послы короля, когда приехали в Готэм, увидели, как несколько человек пытались утопить угря в луже воды, другие затаскивали телегу на крышу амбара, чтобы защитить древесину от солнечного света. Третьи отправляли с холма головки сыра, чтобы те сами катились в Ноттингем на рынок. Четвёртые пытались построить ограждение вокруг кукушки, чтобы та не улетела⁷⁰⁹. От вида всего происходящего слуги короля действительно решили, что жители Готэма – слабоумные дурачки, от

⁷⁰⁶Elias G. The Tales Of The Wise Man Of Gotham. Nottingham : Nottinghamshire County Council, 1991. P. 42.

⁷⁰⁷Seal G. Encyclopedia of folk heroes. ABC-CLIO, 2001. P. 272–273.

⁷⁰⁸Blount Th. Tenures of Land. London, 1874. P. 133.

⁷⁰⁹Opie I., Opie P. The Oxford Dictionary of Nursery Rhymes. P. 194.

чего в сознании англичан они получили уничижительное прозвище «готэмские умники» или «готэмские дураки», а само их поселение – «деревня дураков».

С тех самых пор выражения “Men of Gotham” и “Fool of Gotham” стали носить нарицательный характер и использоваться для обозначения слабоумных поступков. Интересен тот факт, что название деревни Готэм вышло за рамки обычного фольклора и нашло своё отражение в искусстве и литературе. Так, к примеру, выдающийся американский писатель-романтик, чьё имя некоторые возводят в статус «отца американской литературы», Ирвинг Вашингтон в 1807 г. в цикле сатирических рассказов «Сальмагунди» сравнивает Нью-Йорк со знаменитой «деревней дураков», и вскоре за Нью-Йорком закрепляется прозвище «Готэм»⁷¹⁰. Это прозвище используется для обозначения знаменитого мегаполиса до сих пор.

В 1939 г. в истории комиксов произошло знаменательное событие, был выпущен “Detective Comics” № 27, главным героем которого стал доселе неизвестный никому человек, переодетый в костюм летучей мыши⁷¹¹. И имя он получил соответствующее – Бэтмен (“bat” – «летучая мышь», “man” – «человек»). На обложке этого комикса изображён сам герой на фоне крыш домов. Индустриальный пейзаж намекает читателю, что действие комикса происходит в городе, но остаётся загадкой его название. И на протяжении ещё двух лет фанатам комиксов остаётся лишь гадать, в какой виртуальный город был помещён данный супергерой. Сначала читатель может лишь предполагать по знакомым зданиям, что на страницах комикса известный Нью-Йорк, изображённым там. Особенно по повторяющейся несколько раз башне, очень похожей на Эмпайр-стейт-билдинг. Со временем Бэтмен обрастает биографией, своей мифологией, сюжетные линии его повествований усложняются. И авторам становится необходимым поместить его уже не в анонимное пространство, а в какой-то конкретный город.

Успех персонажа показал его устойчивость на рынке комиксов, поэтому весной 1940 г. он получает свою собственную линейку журналов с одноимённым названием “Batman”⁷¹². И с первого же номера битва Бэтмена с суперзлодеем переносится на крышу уже узнаваемого здания, которое читатель мог спутать с Эмпайр-стейт-билдинг. Теперь же бывшее до этого сомнением, что Бэтмен проживает в Нью-Йорке, подтверждается на визуальном уровне. Усиливается это при помощи деталей в самих комиксах: «В июльском выпуске “Detective Comics” Робин и Бэтмен читают газету “New York World” – реально существующую популярную городскую газету. В следующих выпусках супергерой неоднократно узнаёт новости из нью-йоркских газет. И хотя авторы комикса так ни разу напрямую и не указали название города, читатель может быть уверен, что речь идёт об этом мегаполисе»⁷¹³.

⁷¹⁰Burrows E. G., Wallace M. Gotham: A History of New York City to 1898. Oxford : Oxford Univ. Press, 1999. P. 417.

⁷¹¹Detective Comics. New York // DC comics. spr., 1939. № 27

⁷¹²Дмитриева Д. Г. Между Готэмом и Метрополисом: образ Нью-Йорка в комиксах о супергероях 1938–1945 гг. // Теория и практика общественного развития. 2013. № 8. С. 259.

⁷¹³ Там же.

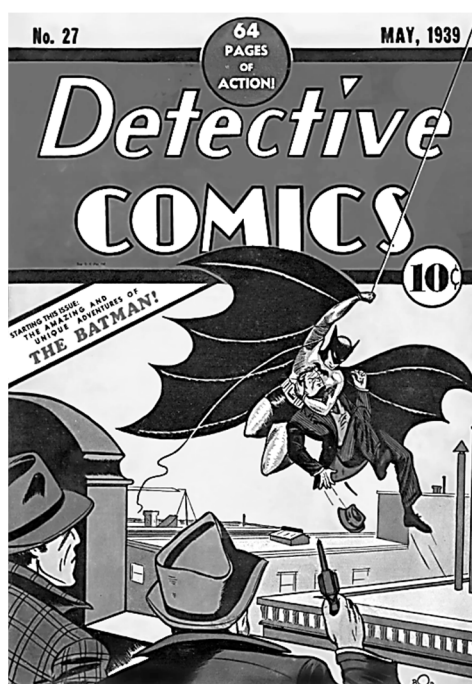

Рис. 7.7. Обложка первого комикса о Бэтмене

Но ситуация коренным образом меняется, когда авторы в выпуске “Batman” № 4 заменяют “New York World” новой газетой под названием “Gotham City Gazette”⁷¹⁴. Подмена названия города в данном случае весьма символична: с одной стороны, читатель всё ещё в Нью-Йорке, так как Готэм – это одно из популярных прозвищ города; с другой – Готэм становится самостоятельным топонимом, а не каким-то прозвищем. Теперь городское пространство мифологизируется – это не Нью-Йорк в привычном понимании его жителя, это Готэм как параллельное пространство Нью-Йорка: «между читателем и городом встает миф – реальные вещи больше нельзя называть своими именами, прямое указание делается невозможным»⁷¹⁵. Писатель и автор комиксов о Бэтмене, Б. Фингер, рассуждая о названии города, говорит: «Изначально я собирался назвать его “Гражданский город”. Затем были варианты “Столичный город” или “Побережье”. Но после того как я пролистал телефонную книгу Нью-Йорка и заметил причудливое название “Ювелирная Готэма”, родилось название “Gotham City”. Мы не хотели оставлять Нью-Йорк из-за того, что нашей целью было, чтобы житель любого города мог ассоциировать его с Готэмом»⁷¹⁶. Как мы здесь можем видеть, виртуальный топоним-

⁷¹⁴Batman. New York // DC comics. wnt., 1941. № 4.

⁷¹⁵Дмитриева Д. Г. Между Готэмом и Метрополисом...

⁷¹⁶Steranko J. The Steranko History of Comics. Reading, Pa. : Supergraphics, 1970. P. 44.

мический диссонанс был создан авторами специально, чтобы не привязывать Готэм к Нью-Йорку, а создать виртуальную гетеротопию, где всё как бы происходит в Нью-Йорке, но по-другому.

Весьма примечательным оказывается и расхождение в этимологии английской деревни Готэм и одноимённого города из комиксов. Название первого Готэма происходит от староанглийского “gat” – «козёл» и “ham” – «дом» и означает буквально «приусадебная постройка, где содержатся козы»⁷¹⁷. При этом название комиксного Готэма (Gotham) резонирует с “goth”, буквально «гот», «готический», или “gost” – «призрак». Довольно интересным оказывается и тот факт, что архитектурный ландшафт вымышленного города по большей своей части выполнен в неоготическом стиле.

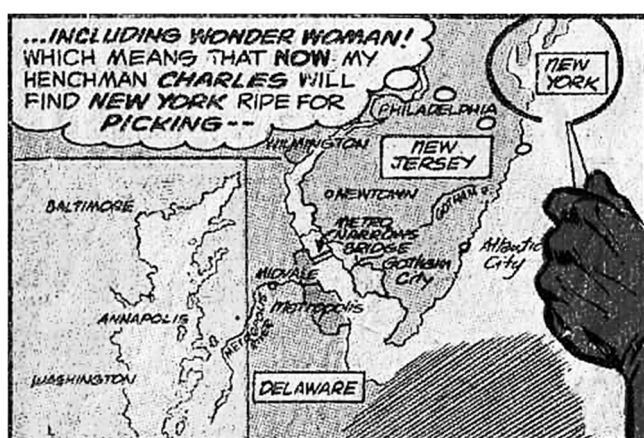

Рис. 7.8. Карта расположения Готэма, Нью-Йорка и Метрополиса в комиксе “Amazing World of DC Comics. DC Comics” (March 1977, № 14)

Выдуманная история Готэма также схожа с историей Нью-Йорка. Известный писатель и культовая фигура в мире комиксов А. Мур написал вымышленную историю Готэма, которая появилась в комиксе “Swamp Thing” № 53⁷¹⁸. Согласно ей, Готэм был основан норвежским наёмником, капитаном Джоном Логерквистом в 1635 г. Примечательно, что поселение на Манхэттене, организованное голландцами и получившее название Новый Амстердам, было основано в 1624 / 25 гг.⁷¹⁹ Позже, в 1664 г., англичане захватили город у голландцев, благодаря командованию захватчиками герцога Йоркского, и переименовали его в Нью-Йорк⁷²⁰. Так же и Готэм был захвачен британ-

⁷¹⁷Harper D. “Gotham”. Online Etymology Dictionary. 2001. URL: <http://www.etymonline.com/index.php?search=gotham>.

⁷¹⁸Swamp Thing // DC Comics. Oct. 1986. Vol. 2, № 53.

⁷¹⁹“Battery Park”. New York City Department of Parks & Recreation. URL: <https://www.nycgovparks.org/parks/battery-park/history>

⁷²⁰Hombberger E. The Historical Atlas of New York City: A Visual Celebration of 400 Years of New York City's History. Owl Books, 2005. P. 34.

цами. Данная аналогия в очередной раз указывает на сходство с реально существующим городом. Так, например, в комиксе “Swamp Thing” № 85 подробно описывается ключевое событие, произошедшее в Готэме во время войны за независимость от британской короны⁷²¹, аналогичное известной битве при Бруклине 1776 г.⁷²²

Но аналогия с настоящим американским Нью-Йорком через географическую привязку не совпадает, так как традиционно авторы комиксов размещают Готэм в штате Нью-Джерси⁷²³, в то время как виртуальный Нью-Йорк в мире Бэтмена действительно существует⁷²⁴. Этот факт диссонирует с изначальными представлениями читателей: «Готэм – это аналог Нью-Йорка». Это укрепляет гетеротопность виртуального города: он как бы и Нью-Йорк, но не совсем, да и расположен не там, но сходства однозначны. Совершенно естественно, что в данном случае всё зависит от авторов и художников комиксов. Многие из них по-разному видят Готэм или его элементы. Например, автор и редактор комиксов о Бэтмене Д. О'Нил говорил, что Готэм похож на «Манхэттен ниже Четырнадцатой улицы в одиннадцать минут после полуночи в самую холодную ночь в ноябре»⁷²⁵. Напротив, один из художников комиксов про человека-летучую мышь, Н. Адамс, ассоциирует Готэм больше с Чикаго нежели с Нью-Йорком, апеллируя к сходству преступных структур с чикагскими криминальными элементами и приводя пример некоторых характерных для Чикаго городских ландшафтов⁷²⁶. Известный американский режиссёр, подаривший миру оскароносную трилогию о тёмном рыцаре⁷²⁷, К. Нолан в своих экранизациях Бэтмена при конструировании Готэма вдохновлялся именно Чикагской архитектурой⁷²⁸.

Другими словами, чтобы понять гетеротопию виртуального Готэма, нужно учитывать, что она не является проекцией лишь одного американского города, а представляет собой собирательный образ нескольких подобных. Как и в случае с комиксным Смолвиллем, о котором мы говорили выше и который вобрал в себя образ сотен маленьких городков Америки, виртуальный Готэм представляет собой аллюзию на крупнейшие мегаполисы США.

На первый взгляд, как и с вышеописанным случаем в романе Н. Геймана «Никогда», пространство Готэма представляется хаотичным, неструктурным. Но это не так. При детальном рассмотрении данной виртуальной гетеротопии становится возможным анализ пространства Готэма как мифологи-

⁷²¹Swamp Thing // DC Comics. Apr. 1989. Vol. 2, № 85.

⁷²²См.: McCullough D. 1776. New York : Simon and Schuster Paperback, 2006.

⁷²³См.: Amazing World of DC Comics // DC Comics. Mar. 1977. № 14; Montgomery P. The Secret Geography of the DC Universe: A Really Big Map. 2011. URL: <http://ifanboy.com/articles/the-secret-geography-of-the-dc-universe-a-really-big-map/>; World's Finest Comics // DC Comics. Oct.–Nov. 1979. № 259; World's Greatest Super Heroes // DC Comics. Aug. 1978.

⁷²⁴Amazing World of DC Comics // DC Comics. Mar. 1977. № 14.

⁷²⁵O'Neil D. Afterword. Batman: Knightfall, A Novel. New York : Bantam Books, 1994. P. 153.

⁷²⁶Dark Knight's kind of town: Gotham City. URL: <http://www.today.com/id/25774413#.WaBd-nVJbZt>.

⁷²⁷Одно из прозвищ Бэтмена в комиксах.

⁷²⁸Dark Knight's kind of town: Gotham City. URL: <http://www.today.com/id/25774413#.WaBd-nVJbZt>.

ческой модели. Известный семиотик, один из представителей московско-тартуской школы, Ю.М. Лотман пишет: «любая деятельность человека как homo sapiens'a связана с классификационными моделями пространства, его делением на "своё" и "чужое" и переводом разнообразных социальных, религиозных, политических, родственных и прочих связей на язык пространственных отношений»⁷²⁹. Эта бинарная оппозиция проявляется в этимологии слова «город». В русском языке оно известно с XI в. и значило «ограда, забор, укрепление, крепость»⁷³⁰. Иными словами, город противопоставлен открытому месту, опасному, неструктурированному, «чужому» пространству. Его приграничное состояние заставляет пространство структурироваться согласно человеческой картине мира, чтобы защититься от природного хаоса, смерти. Но стоит отметить, что гетеротопия переворачивает традиционное назначение пространства и порождает другие законы его функционирования. Эти бинарные оппозиции исходят из бессознательных архаических представлений о пространствах. Так, в мифах, сказках и прочем фольклоре «"Чужое" пространство всегда наполнено семантикой смерти, потенцией скрытой угрозы»⁷³¹. Под такими пространствами «скрывается изначальная культурная оппозиция "живые – мертвые", выступающая как универсальная сущность бытия»⁷³². Закрытость, замкнутость городского пространства, его приграничное состояние в оппозиции «своё – чужое», «жизнь – смерть», «цивилизация – дикость» заставляет гетеротопию мифологизироваться, а то и вообще переворачивать данную оппозицию. «Важнейшая предпосылка формирования всякой городской мифологии – ...представление о "genius loci", т.е. о "душе местности", только ей присущем характере»⁷³³, – пишет известный исследователь городской мифологии Д.К. Равинский. На первый взгляд, виртуальный Готэм обладает всеми вышеперечисленными свойствами и структурными элементами, чтобы выступать в качестве определённого приграничного пространства, огораживающего человека от хаоса. Но в то же время, будучи гетеротопией, Готэм переворачивает эту бинарную оппозицию, становясь местом мистического, сакрального, безумного, Другого. Сама история Готэма связана с оккультизмом. Так, например, в комиксе под авторством П. Миллигана «Тёмный рыцарь, Тёмный город» раскрывается, что несколько американских отцов-основателей участвовали в вызове демона, который впоследствии оказывается в ловушке под Готэмом, но продолжает магически влиять

⁷²⁹Лотман Ю. М. Избранное : в 3 т. Таллинн : Александра, 1992. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. С. 142.

⁷³⁰Этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / сост. А. К. Шапошников. М. : Флинта : Наука, 2010. Т. 1. С. 189.

⁷³¹Петренко С. Н. Структура мифологического пространства в современном фольклоре и литературе // Актуальные вопросы филологической науки XXI века / под общ. ред. Ж. А. Храмушина, А. С. Поршнева, Л. А. Запелалова, А. А. Ширшикова. Екатеринбург : Уральский фед. ун-т им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2013. С. 109.

⁷³²Семенов В. А. Традиционная духовная культура коми-зырян: ритуал и символ. Сыктывкар : Сыктывкарский гос. ун-т, 1991. С. 7.

⁷³³Равинский Д. К. Городская мифология // Современный городской фольклор. М., 2003. С. 412.

на город⁷³⁴. Похожая история рассказывается в комиксе “Shadowpact” № 5, который вышел под авторством Б. Уиллингема. В ней автор расширяет оккультное наследие Готэма и рассказывает о существе, которое 40 тыс. лет спит под городом⁷³⁵.

Подобная мистификация пространства подкрепляется архитектурным ландшафтом Готэма, представленным в основном ответвлением неоготики, получившей в комиксах название “Gotham Style”⁷³⁶. Примечательно, что тема безумия (выходящего за рамки нормального, «своего» поведения феномена), согласно М. Фуко, «появляется в искусстве также в связи с распадом готической символики. Готическое искусство было тесно связано с религиозными представлениями Средневековья. Образы святых и праведников были проникнуты возвышенной красотой, а грешники и жители inferнального мира были подчеркнута ужасны и уродливы»⁷³⁷. Но распад готического искусства принёс за собой перегруженность образов смыслами и появление новых денотатов. «Химера больше не напоминает человеку в сатирической форме о его духовном предназначении, позабытом в безумном угаре желаний. Отныне она – безумие, ставшее искушением»⁷³⁸, – пишет М. Фуко. Весьма символичной кажется связь неоготической архитектуры (как логическим развитием готики) с той атмосферой безумия, произвола, преступлений, которые творятся в Готэме.

Кроме перевернутой бинарной оппозиции «свой – чужой» в гетеротопии Готэма особого анализа заслуживает и вертикальная осевая мифологическая структура. Во многих комиксах о Бэтмене и его экранизациях центральным элементом города является башня «Уэйн», построенная отцом главного героя. Находясь в центре города, башня объединяет городское пространство и его различные районы на трёх уровнях (нижний, средний и небесный миры), благодаря транспортной развязке и построенной разветвлённой системе метро, сходящихся именно в Башне Уэйна⁷³⁹. Не зря главный злодей Р’ас аль Гул в х/ф «Бэтмен: начало» (реж. К. Нолан, 2005) направил напичканный взрывчаткой вагон метро именно в Башню Уэйна. Этот акт насилия был обращён на разрушение прежде всего мифологической структуры города.

⁷³⁴ Milligan P. Dark Knight, Dark City // DC Comics. 1990.

⁷³⁵ Willingham B. Shadowpact // DC Comics. Nov. 2006. Vol. 1, № 5.

⁷³⁶ Grayson D. Batman Secret Files and Origins. New York : DC Comics, 1997.

⁷³⁷ Бобрикова К. О. Мишель Фуко и репрезентация образов безумия в искусстве и литературе // Studia culturae. 2013. № 16. С. 211.

⁷³⁸ Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб, 1997. С. 40.

⁷³⁹ О структурных элементах города, которые выделил К. Линч (пути, границы, районы, узлы и ориентиры) см.: Линч К. Образ города / пер. с англ. В. Л. Глазычева ; сост. А. В. Иконников ; под ред. А. В. Иконникова. М. : Стройиздат, 1982.

Рис. 7.9. Отличительной чертой неоготики Готэма является наличие огромного числа горгулий как элементов зданий города. Комикс "Batman" (DC Comics. December 2011. vol. 2, № 2)

Весьма символичным выступает и тот факт, что владельцем данной башни является Брюс Уэйн (он же Бэтмен). Этот герой комиксов всегда описывался как демон, вышедший из преисподней (нижнего мира), чтобы карать за грехи и преступления. Его мрачность подкрепляется цветовой гаммой и формой костюма (преобладающие чёрные цвета костюма, стилизованного под летучую мышь). Но гетеротопия Готэма переворачивает традиционную мифологическую структуру, возводя Бэтмена к верхнему миру (Брюс Уэйн – выходец из династии крупной буржуазии, которая находится на вершине социальной лестницы). Именно поэтому слова главного злодея х/ф «Бэтмен против Супермена: на заре справедливости» (реж. З. Снайдер, 2016), Лекса Лютора о том, что «демоны спускаются с небес», хотя и были адресованы к Супермену (противоположности тёмного рыцаря), лишь в очередной раз подчёркивают перевёрнутое мифологическое пространство гетеротопии Готэма.

В идеологическом плане такая мифологическая структура очень важна, чтобы понять мотив главного героя. В начале XX в. в США разгорается социально-экономический кризис, получивший название Великой Депрессии. Очень важным моментом в этот период истории США являются социальные взаимоотношения внутри общества. Переоценить обстановку во время Великой депрессии очень сложно. Американская промышленность снизила произ-

водство до 56 %, национальный доход сократился на 48 %, примерно 40 % банков обанкротилось, это, в свою очередь, привело к тому, что миллионы рядовых американцев лишились своих сбережений. Уровень безработицы на протяжении всей Великой депрессии возрос с 4 до 25–30 %. Примерно 17 млн человек потеряли свои рабочие места⁷⁴⁰.

Рис. 7.10. Башня Уэйнов. Центральное здание города Готэма.
Кадр из х/ф «Бэтмен. Начало» (реж. К. Нолан, 2005)

На фоне этого правительство очень опасалось всплесков социального кризиса, которые могли вылиться в столкновения. Промышленные лидеры боялись революции. Дж. Кеннеди позже написал: «...В те дни я чувствовал и говорил, что охотно расстался бы с половиной своего достояния, если бы был уверен, что сохраню в условиях поддержания законности и порядка вторую половину»⁷⁴¹. В идеологическом плане необходимо было обезопасить репутацию представителей буржуазии, промышленных миллиардеров. И именно в конце Великой депрессии и возникает образ Бэтмена. Его вымышленная биография тем и интересна, что тайным альтер-эго персонажа выступает миллиардер Брюс Уэйн, филантроп, промышленник.

Будучи ребёнком, Брюс становится свидетелем убийства родителей. И тогда он клянётся, что посвятит свою жизнь борьбе за справедливость. Выдумав костюм и подготовившись физически, он вступает на улицы родного города, чтобы противостоять преступности⁷⁴². Особо символичным становится тот факт, что убийцей родителей Брюса был обычный безработный, который оказался на «дне» жизни из-за кризиса и деятельности промышленных гигантов, представителями которых и были родители будущего Бэтмена. Это и побуждает Брюса Уэйна встать на путь борьбы не с мелкими преступниками, а с крупнейшими криминальными элементами, тем самым показывая, что обычные люди не виноваты в том, что с ними случилось, что они становятся преступниками не по своей воле. Причинами этого выступают личности, которые пытаются нажиться на кризисе и бедствиях других. Кто, как не предста-

⁷⁴⁰Alter J. The Defining Moment: FDR's Hundred Days and the Triumph of Hope. Simon and Schuster, 2007.

⁷⁴¹Laurence L. The Kennedy Men: 1901–1963. HarperCollins, 2001. P. 86.

⁷⁴²Beatty S. The Batman Handbook: The Ultimate Training Manual. Quirk Books, 2005. P. 40–44.

витель «честных» капиталистов, промышленных миллиардеров, может противостоять злу, укоренившемуся в обществе. Именно поэтому в начале своего становления главный герой х/ф «Бэтмен: начало» (реж. К. Нолан, 2005) на машине в буквальном смысле сквозь городской мост-туннель спускается в трущобы Готэма, чтобы разобраться с мафиозными элементами. Но там он терпит фиаско, и борьба теперь уже Бэтмена переносится на верхний мир, где он противостоит другим злодеям. В этой плоскости и выступает Бэтмен как новый образ героического.

Рис. 7.11. Лечебница Аркхем. Комикс "Arkham Asylum in Detective Comics" (January 2013, vol. 2, № 14)

Другим важным структурным элементом гетеротопии Готэма является центральная «Лечебница Элизабет Аркхем для душевнобольных преступников»⁷⁴³. И хотя название никак не связано с английским Готэмом и было заимствовано из творчества Г. Лавкрафта⁷⁴⁴, психбольница-тюрьма, куда попадают суперзлодеи, становится лейтмотивом концепции инаковатости Готэма, темой дурачков. Именно оттуда сбегают они, чудаки из Готэма, чтобы творить свои сумасбродные дела.

Весьма примечателен тот факт, что психбольница в рассказах Г. Лавкрафта обозначается словом "Sanitarium", в то время как лечебница Готэма использует в качестве названия "Asylum". Если первый вариант можно

⁷⁴³ Моррисон Г. Бэтмен: Лечебница Аркхем / пер. с англ. И. Смирновой. СПб : Азбука, Азбука-Аттикус, 2015.

⁷⁴⁴ Лавкрафт Г. Хребты безумия. СПб : Домино, 2010.

перевести как «санаторий», другими словами «место для отдыха» (значение будет резко резонировать с мистификацией лечебницы в рассказах Лавкрафта), то второй вариант, “Asylum”, переводится прямо, как «психиатрическая больница», т.е. изолятор душевнобольных.

М. Фуко писал, что в классическую эпоху изоляции подвергаются все, кто мешает общественному порядку⁷⁴⁵. Под такую категорию, в принципе, могли подпадать многие: колдуны, самоубийцы, безбожники, развратники, преступники и т.д. При этом в классическую эпоху «само неразумие является воплощением небытия»⁷⁴⁶. Поэтому классическая бинарная оппозиция, приобретающая форму «разум – неразумие», «бытие – небытие» воплощается в категориях света и мрака. Но со временем такое безумие «утрачивает связь с неразумием»⁷⁴⁷. И тогда подобные изоляторы утрачивают своё первоначальное назначение и становятся источником зла, опасности, сосредоточием тайных запретных желаний: «Царящий в них ночной мрак любят населять всевозможными недоступными наслаждениями; изъеденные порчей лица превращаются в лики сладострастия; в этих тёмных углах рождаются формы, соединяющие боль и усладу...»⁷⁴⁸ Поэтому изначальная мифологическая оппозиция «свет – тьма» в комиксах Бэтмена невозможна. Тёмный рыцарь – это и есть сосредоточие тьмы, опасности и, возможно, тайных желаний. Именно она, тьма, в комиксах и помещает преступников в лечебницу Аркхем.

Эта разорванная связь неразумия и безумия хорошо передана в культовом графическом романе «Бэтмен: Убийственная шутка», вышедшем под авторством писателя А. Мура. По сюжету, Джокер, желая доказать, что сойти с ума может любой за один день, ломает жизнь комиссару Гордону, жестоко истязая его племянницу: «Садизм появляется в тот самый момент, когда неразумие, более столетия обретавшееся в заточении и обречённое на нищету, вновь выходит на свободу – уже не как одна из фигур мироздания, не как образ, но как дискурс и как желание»⁷⁴⁹.

В таком насильственном акте мы не можем наблюдать неразумие, характерное для классической эпохи. Садизм Джокера направлен не на демонстрацию безумия, а на диалог между безумием и разумом, превращая его в какой-то степени в дискурс. Бэтмен же, включённый в этот дискурс, предстал перед читателями лишь одной из сторон центрального лейтмотива романа. Последняя сцена комикса показывает, как Бэтмен, будто по-дружески, вместе с Джокером смеётся над шуткой, рассказанной последним. В своём интервью А. Мур указывает на то, что «психологически Бэтмен и Джокер – зеркальные образы друг друга»⁷⁵⁰, подобно тому, как «поэтический образ неразумия ил-

⁷⁴⁵См.: Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб, 1997.

⁷⁴⁶Бобрикова К. О. Мишель Фуко и репрезентация образов безумия в искусстве и литературе // *Studia culturae*. 2013. № 16. С. 214.

⁷⁴⁷Фуко М. История безумия в классическую эпоху. С. 375.

⁷⁴⁸Там же. С. 359.

⁷⁴⁹Там же. С. 361.

⁷⁵⁰“Alan Moore Interview”, interview with Brad Stone, Comic Book Resources. 2001. URL: <http://www.cbr.com/alan-moore-interview/>.

люстрирует иллюзорность мира, двойственность человеческой природы, диалектику жизни и смерти»⁷⁵¹.

По сути своей оказывается, что психиатрическая больница Аркхем представляет собой лишь проекцию на весь олицетворяемый Бэтменом Готэм, гетеротопность которого притягивает к себе безумцев, отбросы, преступников, убийц, пророков и прочее, подобно тому, как в Аркхем попадают те же самые элементы. Поэтому в графическом романе Г. Моррисона «Бэтмен: лечебница Аркхем», Джокер, провожая Бэтмена из лечебницы, говорит ему: «Хорошо тебе повеселиться там, снаружи... в психушке. Только не забудь: если там когда-нибудь припрёт... здесь для тебя всегда найдётся место»⁷⁵².

Иными словами, Готэм – это пограничное пространство между безумием и нормальностью. Эта гетерогенность делает Готэм новой «деревней дураков», а супергерои и суперзлодеи становятся «людьми из Готэма» (досл. “Men of Gotham”) или теми самыми «мудрецами из Готэма». Слово «мудрец» приобретает в данном контексте двойное значение: первое – переносное, в уничижительном смысле, «сам себе на уме», «сам себе мудрец», и второе – сакральное, «мудрец, обладающий тайными от обычного человека знаниями, умениями, навыками, умеющий применить их на практике». Такими и выступают персонажи вымышленного города Готэма.

Таким образом, массовая культура находится в уникальном положении в пространственной структуре культуры. Она вобрала в себя многие процессы и явления, возникающие в обществе, тем самым демонстрируя свою важную роль в контексте социальных взаимоотношений. Одновременно гетеротопия в массовой культуре очень сильно влияет на социокультурный ландшафт современности.

Культурообразующая роль виртуальных гетеротопий. Возможно, самое заметное влияние массовая культура оказала на возникновение фан-культуры, которая начала формироваться, с одной стороны, в рамках типичной молодежной субкультуры, с другой – быстро переросла эту «субкультурность», вовлекая в свои процессы самые различные направления и выстраивая современную массовую культуру по своему подобию. Одежда и аксессуары героев комиксов, сериалов, мультфильмов и т.д. – всё это стирало тонкую грань между воображаемым и реальным. Мы не случайно употребили здесь эпитет «тонкую», так как именно для мифологического мышления и мифологического поведения характерна эта размытость границы между воображаемым и реальным. Поведение любого субъекта архаичной эпохи подчинено мифологическому. Его жизнь вписана в мифологический и в то же время реальный ландшафт, соотносится с ним, подчиняется определённому ритму и идеологизируется согласно мифонаративу.

⁷⁵¹ Бобрикова К. О. Мишель Фуко и репрезентация образов безумия... С. 216.

⁷⁵² Моррисон Г. Бэтмен: Лечебница Аркхем...

Одеваясь как персонаж его любимого фандома⁷⁵³, подражая его жестам, привычкам, поведению, субъект фанкультуры неизменно ощущает себя причастным к этой новой реальности, отличной от его «собственной» (реальной). В этом мы видим проявление неомифологического поведения. Но если героическое в мифологическом как в эпоху Античности, так и в эпоху раннего Средневековья несёт в себе функцию этнической самоидентификации того или иного народа и племени, то героическое в неомифе современности – это прежде всего инструмент глобализаторской функции массовой культуры.

В то же время связь мифологического с современностью позволяет выстраивать новые конструкты социальных взаимодействий внутри общества.

На фоне повышенного внимания к комиксам, наряду с развитием игровой индустрии и популяризации японских манга и аниме, в современном мире получили широкое развитие такие явления, как косплеи, фестивали комикона и др. В XX в. появилось даже такое понятие, как “fan convention” – явление, при котором поклонники (фанаты, фаны) того или иного фильма, телесериала, комиксов и другого собираются вместе, чтобы поделиться впечатлениями, встретиться с экспертами, известными личностями и т.д. Некоторые из таких fan convention имеют коммерческую деятельность. Самым известным из них стал так называемый “San Diego Comic-Con International” – международный ежегодный фестиваль, проходящий в городе Сан-Диего⁷⁵⁴. Основанный в 1970 г., он получил популярность по всему миру и существует по сей день. Наряду с различными мастер-классами и семинарами со специалистами по комиксам, там происходят анонсы предстоящих фильмов и обзоры на топ-комиксы и видеоигры. По вечерам происходят церемонии награждения в ежегодном конкурсе маскарадного костюма. Традиционные мероприятия включают в себя программу кинофестиваля, просмотра залов, посвящённых японской анимации, играм, программам. Основной идеей данного фестиваля является объединение фанатов комиксов, игры, фильмов и прочего. В современной культуре это напоминает больше неомифологический ритуальный праздник или обряд, где участники собираются, чтобы инсценировать миф, «возродить» героя, оживить его своим действием. И действительно, когда попадаешь на подобное мероприятие, где собралось огромное количество фанатов, переодетых в любимых героев комиксов, чувствуется определённая ритуальность. Формируется неомифологический симулякр, направленный на формирование отдельной гиперреальности. Это позволяет нам говорить о симулякре самого ритуала. Молодые люди, собравшись вместе, не просто копируют идею того или иного продукта массовой культуры, а воссоздают её персонажа, который посредством своих фанатов реализуется в жизни.

Но это не единственный пример подобного рода в современной массовой культуре. Во многом современная американская культура ориентирована

⁷⁵³Под данным термином понимается неформальное субкультурное сообщество, участники которого объединены единым интересом, связанным с произведениями искусства – пристрастием к определённому фильму, книге, сериалу и т.д. Транслитерация английского “Fandom”.

⁷⁵⁴Серебрянский С. Comic Con – теперь и в России // Мир фантастики. 15 мая 2014.

на культивирование общества капиталистического, где человек поддерживает определённые коммунальные рамки, но с другой стороны, стремится на выражение собственной непохожести. Особенно это ярко выражено в молодёжной культуре. Косплей (“costume play”), или «костюмированная игра»⁷⁵⁵, является отражением той действительности, в которой происходит взаимодействие культурных элементов с социумом.

Популярность косплея в Японии создаёт ошибочное мнение о том, что это явление по своему происхождению азиатское. И хотя термин «косплей» имеет восточное происхождение (это спорный факт, яп. «косупэро» происходит от англ. “costume play”), в США костюмированная игра была известна намного раньше. По мнению Р. Миллера, первым объектом косплея является персонаж научно-фантастического романа “Mr. Skygack from Mars”⁷⁵⁶. Этимология слова «косплей» сводится к соединению двух английских слов: “costume” – «костюм» и “play” – «игра», и означает «костюмированную игру». Сам термин был впервые предложен Набаюки Тахаши в 1984 г. на конференции «Фатастика. Наука. Мир», проходившей в Лос-Анджелесе⁷⁵⁷.

Это явление приобрело огромное значение для современного мира, заняв большую нишу в индустрии развлечений. Главным атрибутом косплея является костюм, в который переодеваются молодые люди для того, чтобы копировать героев своих любимых героев аниме, комиксов, фильмов или игр. Это в свою очередь привело к появлению промышленного производства самих костюмов. И хотя некоторые косплееры создают их сами, в сети интернет, в специализированных магазинах или на фестивалях косплея можно приобрести уже готовые и за определённую сумму. Так, к примеру, японские производители косплей-костюмов сообщили о прибыли в 35 млрд иен в 2008 г.⁷⁵⁸ Это в свою очередь создаёт огромную нишу на рынке труда, которую могут заполнить профессионалы, занятые изготовлением специализированных костюмов, реквизитов, париков для косплееров.

4 сентября 2014 г. на веб-сайте информационного портала lenta.ru появился фоторепортаж I. Kato под названием «Герои нашего двора. Как живут супергерои, о которых не снимают фильмов». Обзорно-развлекательная статья рассказывает нам о жизни людей из разных уголков Земли, которые по тем или иным причинам оделись в костюмы супергероев комиксов и вышли на улицы своих городов, чтобы творить того или иного рода поступки, связан-

⁷⁵⁵ Clements J., McCarthy H.. The Anime Encyclopedia: A Guide to Japanese Animation Since 1917. Stone Bridge Press, 2006. С. 30.

⁷⁵⁶ Miller R. Was Mr. Skygack the First Alien Character in Comics? URL: <http://io9.com/was-mr-skygack-the-first-alien-character-in-comics-453576089>.

⁷⁵⁷ Raymond A. K. 75 Years Of Capes and Face Paint: A History of Cosplay // Yahoo! Movies. July 24, 2014.

⁷⁵⁸ Hayden C. The Rhetoric of Soft Power: Public Diplomacy in Global Contexts. Lexington Books. 2012. P. 115.

ные с благотворительностью, социальными работами и даже борьбой с преступностью⁷⁵⁹.

Некоторые из них скрывают по личным убеждениям свою личность, другие нет. Так, например, «Мистер Полнолуние, или, как его ещё называют в Японии, Mangetsu-man не борется с преступностью и не спасает красавиц. Неизвестный мужчина, скрывающийся под маской, выбрал своей миссией уборку мусора на улицах Токио. Впервые Mangetsu-man вышел на улицы мегаполиса в прошлом году. Чаще всего супергерой и присоединившиеся к нему добровольцы орудуют метлой у старинного каменного моста в деловом районе Нихонбаси»⁷⁶⁰. Это яркий пример пассивного супергеройства. Человек, надевший костюм «Мистера Полнолуние», ставит целью не активную борьбу с преступностью, а социальные работы, своим примером показывая и вдохновляя молодёжь к «правильным» с точки зрения социума поступкам.

Примечательны несколько других примеров «костюмированных героев» современности. Так, в той же статье описывается: «Аргентинский супергерой Менганно вышел на улицы Буэнос-Айреса в 2010 году. Мужчина, одетый в чёрный костюм и синий шлем, патрулировал улицы города в поисках преступников. В начале 2013 года полиция задержала борца с преступностью после того, как он обстрелял показавшихся ему подозрительными людей. Правоохранители выяснили, что под маской Менганно скрывался бывший полицейский Оскар Лефоссе. Чем закончилась встреча супергероя с полицией, неизвестно. Сейчас борец с преступностью продолжает патрулирование аргентинских улиц и регулярно публикует обновления в своем Facebook, на который подписаны больше 40 тысяч человек»⁷⁶¹. Или другой пример: «Британец Кен Андре – один из немногих супергероев, который не скрывает своей личности. По ночам отставной военный, который воспитывает двоих сыновей, прячет лицо под повязкой и меняет имя на Тень. Андре владеет боевыми искусствами, но всегда пытается вразумить нарушителей порядка без применения силы. При этом для особо настойчивых хулиганов в арсенале Тени имеется деревянная дубинка»⁷⁶². Эти примеры показывают нам активное пребывание субъекта в воображаемом. Яркая трансплантация большинства элементов комиксов, как продукта массовой культуры, в социальные отношения между людьми. Что побуждает этих людей бороться «за справедливость» именно таким образом?

Изучая проблемы невротических расстройств, известный психоаналитик Ж. Лакан приходит к выводу, что акт «кастрации» в контексте взаимодействия субъекта с Другим является символическим действием. Невротик «изображает, что Другой требует его кастрации»⁷⁶³, лишь для того, чтобы Другой

⁷⁵⁹Kato I. Герои нашего двора. Как живут супергерои, о которых не снимают фильмов. URL: <http://lenta.ru/photo/2014/09/04/superhero#0>.

⁷⁶⁰ Там же.

⁷⁶¹ Там же.

⁷⁶² Там же.

⁷⁶³ Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном. М. : Русское феноменологич. об-во, 1997. С. 104.

сумел этим насладиться⁷⁶⁴. Ж. Лакан понимает подобное явление с позиции символизма. Но сам акт «кастрации» несёт в себе рефлексию по отношению к образу Другого / Чужого. То есть данный процесс имеет и обратное направление.

Подходя к пониманию тела Другого, необходимо акцентировать внимание на том, что образ Другого / Чужого зиждется на трёх основных свойствах, отражающих их суть⁷⁶⁵:

1. Вестиментарность (внешность).
2. Алиментарность (вкусовые предпочтения).
3. Сексуальность⁷⁶⁶.

Супергерой или суперзлодей прекрасно вписываются в эту триединую формулу образа Другого / Чужого. Вестиментарность супергероя отражается в его костюме как элементе тела, где он символически лишён определённых органов (части лица, глаз, половых органов). Этот факт отсылает нас к такому понятию, как «тело без органов»⁷⁶⁷, а это в свою очередь прекрасно отражает принцип символической кастрации, описанный Ж. Лаканом⁷⁶⁸.

Люди, надевающие костюм супергероя, бессознательно «кастрируют» самих себя, тем самым трансформируясь в образ Другого / Чужого, что прекрасно воссоздает формула «Субъект – Кастрация – Другой».

«Кастрированные», лишённые органов, как большинство супергероев комиксов, эти «костюмированные персонажи» отсылают нас к марвеловскому фильму режиссёра Мэтью Вона «Пипец». Сюжет фильма крутится вокруг этого самого феномена. Молодой человек, Дэйв Лизевски, воодушевлённый героями комиксов, но не обладающий сверхспособностями, надевает специфический костюм и начинает «борьбу» с преступностью, параллельно попадая в неловкие, а порой даже опасные для жизни ситуации. Потом оказывается, что он не один такой.

Чем же обосновывается такой поступок главного героя? Если попытаться глубже проанализировать сам феномен, становится понятным, что поступок Дэйва направлен на самого себя. Надев костюм, он «кастрирует» себя, бессознательно лишается человеческого облика, он становится Другим, тем самым «телом без органов». Происходит «снятие» субъекта до логического завершения: целостность тела разлагается на множество единичных ощущений. Если быть точнее, это тело, которое лишено образа, отстранённое взаимодействием Я со средой⁷⁶⁹.

⁷⁶⁴ Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном. С. 105.

⁷⁶⁵ Якушенков С. Н. Тело Варвара: конструирование образа чужого на китайском фронтире // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 4. С. 243.

⁷⁶⁶ Там же. С. 244.

⁷⁶⁷ Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и Шизофрения / пер. с фр. и послесл. Д. Кралечкина. М.: У-Фактория, 2007. С. 241.

⁷⁶⁸ Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном. С. 104.

⁷⁶⁹ Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и Шизофрения. С. 245.

Вот яркий пример Делёзовского шизоанализа. Субъект «кастрирует» сам себя, чтобы удовлетворить бессознательную (психическую) потребность в (экономическом) производстве «справедливости» в обществе⁷⁷⁰. Он проявляет агрессию и акты насилия по отношению к преступникам. Но эта агрессия и насилие направлены прежде всего на самого себя. Такое явление было описано С. Жижекком на примере анализа фильма М. Скорсезе «Таксист» в документальной киноленте «Киногид извращенца: идеология» (2012, реж. С. Файнс). С. Жижек даёт трактовку актов насилия главного героя в финале фильма, указывая на то, что «насилие» субъекта прежде всего направлено на самого себя⁷⁷¹. Таким же образом происходит и мотивация вышеописанных костюмированных персонажей, рассказанных на портале lenta.ru.

Молодые люди, пытаясь подражать любимым героям аниме, комиксов, фильмов или игр, наряжаются в костюмы, копируя уже выдуманные образы. Иными словами, они осознанно делают себя Другими, не такими, как все. С одной стороны, этот феномен можно рассматривать как стремление субъекта выразить свою оригинальность. С другой, беря во внимание концепцию «эстетической симуляции» Ж. Бодрийера, это явление представляет собой не что иное, как уход от реальности⁷⁷² и попытки конструирования гиперреальности. С позиции анализа Другого / Чужого это явление предстаёт в качестве осознанного лишения самого себя частей «тела» (переодевание в костюм супергероя как Другого), иными словами, проявление «кастрации» самого себя, согласно неопсихоаналитической концепции Лакана.

Весьма примечательна в данном случае реплика одного из персонажей фильма «Пипец-2» (реж. Дж. Уодлоу 2013), доктора Гравитона, который, после того как главный герой положил начало моде «костюмированных героев», надевает супергеройский наряд и выходит патрулировать улицы родного города. Он говорит: «Я даже не профессор физики. Я копирайтер в рекламном агентстве. Поэтому я и обожаю всё это – ты можешь быть кем угодно». Отягощённость молодых людей современными реалиями, в которых общество требует от них примитивной модели поведения, складывающейся в формулу «рождение – обучение – диплом – работа – семья – старость – смерть», подогревается отсутствием «героического» элемента в их ритуале инициации. Они находят недостающее в комиксах, играх, литературе, кино и других продуктах массовой культуры, которые предлагают это своим потребителям. В конечном итоге симулякр превращается в особую реальность, в которой и пребывают субъекты долгое время, трансформируясь в «тени ценности», ко-

⁷⁷⁰ Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и Шизофрения. С. 247.

⁷⁷¹ Жижек С. Киногид извращенца: Кино, философия, идеология. С. 422.

⁷⁷² Бодрийер Ж. Симулякры и симуляция. С. 162.

торые «на этой стадии формического разделения как бы упаковывают ценность в кокон, а затем выражается в развернутой начинательной форме»⁷⁷³.

Таким образом, мы можем наблюдать, как виртуальная гетеротопия массовой культуры влияет на культурный ландшафт современности, видоизменяя старые, традиционные формы социальных связей и детерминируя новые. Именно поэтому анализ явлений гетеротопии массовой культуры очень важен в рамках культурной безопасности, так как позволяет нам проследить их воздействие на современное культурное пространство.

⁷⁷³Греймас А. Ж., Фонтаний Ж. Семиотика страстей. От состояния вещей к состоянию души. М., 2007. С. 38.

ГЛАВА 8

ГЕТЕРОТОПИИ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА (МЕГАПОЛИСА)

Внутри всякого города всегда есть другой
город.

Жиль Делез

– Города, мистер Вандемар, очень похожи
на людей, – торжественно объявил мистер
Круп. – Мало кто знает, что таится глубоко
внутри.

Н. Гейман. Никогда

Пространство мегаполиса

В последнее время проблемы культурной безопасности всё чаще поднимаются в дискурсе, связанном с пространством мегаполисов и больших городов. Современный мегаполис (megacity), будем называть его так, хотя как аналоги используются и другие термины: мегалополис, метрополис – это город с населением от 10 млн человек. Под мегалополисом (megalopolis) понимается город-агломерация, сросшийся из нескольких городов-агломераций и пригородов. Этот термин был введён в научный оборот франкоамериканским исследователем Ж. Готтманном для обозначения высокоурбанизированной зоны на восточном побережье США⁷⁷⁴. Метрополисом (metropolis) чаще обозначается центральный город страны, штата, региона⁷⁷⁵.

В России в полном смысле мегаполисом можно назвать только Москву. Однако те угрозы культурной безопасности, которые мы рассматриваем в нашей книге, характерны не только для мегаполисов, но и для больших городов с населением свыше полумиллиона человек. Поэтому мы будем применять этот термин ко всем крупным городским пространствам, учитывая, что чем больше населён город, тем исследуемые нами процессы более ярко выражены и более обострены. Стилистически как аналог ему мы также будем использовать термин «город».

Мегаполисы являются неотъемлемой и постоянно развивающейся частью современного мира. «Ещё раз – надо признать истину: постепенное укрупнение городов и рождение мегаполисов такой же естественный эволюционный процесс, как развитие промышленности, появление ТНК (транснациональных корпораций), как развитие средств связи и т.д.»⁷⁷⁶ Более пятидеся-

⁷⁷⁴Вершинина И. А. Понятийный аппарат социологической урбанистики: критический анализ // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2015. № 2. С. 11.

⁷⁷⁵Wetherick M., Ross S., Small J. A modern dictionary of geography. New York, 2001. P. 168.

⁷⁷⁶Моисеев Н. Н. Мегаполисы как естественный фактор развития человечества и развитие России // С мыслями о будущем России. М. : Фонд содействия развитию соц. и полит. наук, 1997. URL: <http://www.leadnet.ru/moiseev/m11.htm>.

ти городов мира имеют численность населения свыше 5 млн человек, и она постоянно растёт.

Мегаполисы привлекают к себе население своими возможностями как в области получения работы, так и в сфере культурной жизни. Жителя маленького провинциального городка мегаполис манит как киносказка. Однако расширяя возможности человека, большой город и увеличивает его проблемы. В пространстве большого города легче потеряться, остаться одному, впасть в стрессовое состояние. Интернет-блоги и «Живой Журнал» (“Livejournal”) пестрят стихами и афоризмами, посвященными проблемам, возникающим в мегаполисе, его называют «схематично, систематизированной версией ада»⁷⁷⁷. У многих пользователей интернета огромный обезличенный муравейник вызывает чувство дискомфорта:

И никотин, здоровья не щадя,
Вишнёвым вкусом сядет на губах.
Лишь по московским улицам пройдя,
Я понимаю смысл слова «страх»...
Когда одна в толпе, среди чужих...
Я лишь представила на миг... И ставлю крест.
Ах, мегаполис, ты красив в огнях своих,
Но в моем сердце нет свободных мест⁷⁷⁸.

В конце прошлого тысячелетия академик Н.Н. Моисеев предупреждал, что «масштабы проблемы мегаполисов мы ещё полностью не осознаём. И для её решения ещё не скоро будут выработаны необходимые подходы. Ибо, с одной стороны, мегаполисы служат основой растущей общественной производительности труда, а с другой – источником экологического неблагополучия и даже, может быть, вырождения человека»⁷⁷⁹.

Проблемы мегаполиса в XXI в. начали активно поднимать СМИ. Было снято несколько документальных фильмов о проблемах мегаполиса и одиночестве в нём. Был снят документальный сериал «Мегаполис. Среда обитания | Большой скачок» (2005–2006, “National Geographic”), где крупнейшие мегаполисы мира были представлены через призму одной из его инфраструктур: Париж – через подземные сточные каналы, Нью-Йорк – через подземку, Мумбаи – через его транспортную железнодорожную артерию и т.д. Серия передач французского телевидения «Мегалополис 2010» с А. Леруа рассмотрела каждый мегаполис (Мумбаи, Нью-Йорк, Чикаго, Токио, Каир, Москву, Буэнос-Айрес) как уникальное, многослойное ячеистое пространство не только со своими проблемными зонами, но и с зонами позитива, гетеротопными пространствами, делающими каждый мегаполис особым, другим, непохожим. Мегаполис – это уже не просто город-монстр, Молох, пожирающий души одиноких и неприкаянных, это пространство обитания человека.

⁷⁷⁷ Афоризмы А. Ж. Мусина. URL: <http://letter.com.ua/aphorism/zhumabekovich148.php>.

⁷⁷⁸ Ким Лена. Мегаполис. URL: <http://www.stihi.ru/2008/03/28/743>.

⁷⁷⁹ Моисеев Н. Н. Мегаполисы как естественный фактор развития человечества и развитие России.

Мы будем говорить о современном большом городе как о многослойном гетеротопном пространстве, не только архитектурном или инфраструктурном, но и культурном, этническом, конфессиональном. Мы посмотрим на него с точки зрения влияния его гетеротопности на культурную безопасность.

Само понятие пространства весьма широко и неоднозначно. Мы все интуитивно понимаем его смысл, характеризуемый протяжённостью и последовательностью, но дефинируем его по-разному. Практически каждая из отраслей научного знания имеет свою специфику понимания и определения пространства. Общефилософское понимание пространства сводится к его определению либо как философской категории, отображающей неоднородность мира⁷⁸⁰, относящейся скорее к сфере научного дискурса, либо как формы существования материи, способа существования объективного мира⁷⁸¹. В западной науке пространство определяется более конкретно, осязаемо, как протяжённая область, территория, свободная, доступная и незанятая (“a continuous area or expanse which is free, available, or unoccupied”)⁷⁸² или как территория вокруг всего, что существует, продолжается во всех направлениях (“the area around everything that exists, continuing in all directions”)⁷⁸³. Однако ни одно из этих определений не даёт адекватного понимания пространства.

Пространственный дискурс менялся неоднократно. По мнению Д.Е. Замятина, можно выделить пять эпох в изменении пространственного дискурса: архаическое общество, античная модель мира, Средневековье, Возрождение и модерн⁷⁸⁴. Эту схему предлагает несколько модернизировать В.А. Щипков, сведя её к двум принципиальным эпохам: традиционное общество (архаическое общество, Античность, Средневековье) и посттрадиционное общество (Возрождение, модерн и постмодерн)⁷⁸⁵. Пространство в дискурсе традиционного общества представлено в мифологии, оно синкретично и является единой ойкуменой. Пространство это неоднородно, поскольку представлено различными комплексами мифов, осью координат которого выступает бинарная оппозиция «свой – чужой».

Пространство в модерне из мифологического и религиозного дискурса перетекает в научный, а затем вновь возвращается в систему «неомифа». Появляется серия геополитических концепций пространства: «хартленд» К. Маккиндера, «римленд» М. Спайкмена, теории И. Валлерстайна и А. Баттлера. Постмодерн, характеризующийся многовариантностью, текучестью, поликонцептуальностью, уходит от монопространства в плоскость множественности миров и их социального обоснования. Одной из важнейших

⁷⁸⁰Философия / под ред. А. А. Ивина. М. : Гардарики, 2004. 1072 с.

⁷⁸¹Новая философская энциклопедия : в 4 т. / под ред. В. С. Стёпина. М. : Мысль, 2001.

⁷⁸²URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/space>.

⁷⁸³URL: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/space>.

⁷⁸⁴Замятин Д. Н. Культура и пространство. Моделирование географических образов. М. : Знак, 2006. 488 с.

⁷⁸⁵Щипков В. А. Трансформация дискурса пространства // Вестник МГИМО – Университета. 2015. № 3. С. 76–84.

концепций, определяющих понятие пространства постмодерна, наряду с ризомой Ж. Делеза и Ф. Гваттари, становится гетеротопология М. Фуко.

В последние годы гетеротопология, хотя «так и не стала континентом, а оказалась лишь архипелагом довольно разнородных островков»⁷⁸⁶, тем не менее, весьма востребована в разных областях социального знания. Термин «гетеротопия» становится «рабочим понятием современной гуманитаристики»⁷⁸⁷ и начинает использоваться как методологическая основа для гуманитарных исследований, причём не только в урбанистике, но и в филологии, философии, культурологии и т.д.

Концепция гетеротопии М. Фуко в определённой степени связана с теорией пространства А. Лефевра. Анализируя современное состояние науки о пространстве, Лефевр в своей работе «Производство пространства» (1974) предполагает, что в её основе лежит унитарная концепция пространства, в которой оно рассматривается в единстве физического поля, ментального и социального. Сам Лефевр предлагает три ракурса видения пространства. Во-первых, это *репрезентации пространства*, «связанные с производственными отношениями, с “порядком”, который они устанавливают, и тем самым – со знаниями, знаками, кодами, “прямыми” отношениями»⁷⁸⁸, это пространство глазами профессионалов. Во-вторых, это *пространства репрезентации*, «предлагающие сложную (кодированную и нет) символику, связанную с потаённой, подпольной стороной общественной жизни, а также с искусством, которое в данном случае можно определить не как код пространства, но как код пространств репрезентации»⁷⁸⁹. Это так называемое «проживаемое пространство», где собственно и формируются возможности появления «других пространств». В-третьих, это *практики производства* социального пространства, связывающие первые и вторые.

Многослойность пространства, в котором можно выделить три основных плана, подчёркивается и ещё одним известным исследователем городских пространств – Э. Сойя. Его концепцию называют триалектикой пространства. Он рассматривает как «первое» – реальное физическое и географическое пространство, которое измеряемо и воспринимаемо; в терминологии Э. Соджа – “firstplase”⁷⁹⁰, «второе» – это пространство ментальностей, в том числе рефлексии о пространстве, третье пространство – обживаемое, одновременно реальное и воображаемое, актуальное и виртуальное, место струк-

⁷⁸⁶Харламов Никита. Гетеротопии: странные места в городских пространствах постгражданского общества. Рецензия // Синий диван. 2010. № 15. С. 190.

⁷⁸⁷Шестакова Э. Г. Гетеротопия – рабочее понятие современной гуманитаристики: литературоведческий аспект // Критика и семиотика. 2014. № 1. С. 58.

⁷⁸⁸Лефевр А. Производство пространства.

⁷⁸⁹Там же.

⁷⁹⁰Soja E. W. Thirdspace // Journeys to Los Angeles and Other Realand-imagined Places. Cambridge – Oxford : Blackwell Publ., 1996. P. 74–78.

турированного индивидуального и коллективного опыта и действия⁷⁹¹. Все три пространства взаимосвязаны между собой.

Возникает вопрос: какие пространства мы можем считать гетеротопией? Мы считаем, что термин «гетеротопия» можно применять не только к территориям, как это часто делается в современной гетеротопологии, но и к пространству как таковому. Оно может быть как архитектурной гетеротопией (русская часть турецкого Карса), локализованными городскими пространствами (кладбища, гетто), специализированными локализованными структурами (библиотеки, театры, молы). Однако в последнее время эта терминология получила более широкое применение: мы говорим о гетеротопности ныне весьма широко понимаемого фронтального пространства, о гетеротопности мегаполиса.

На территории города испокон веков, начиная с Античности, были гетеротопные пространства – театры, музеи, кладбища, библиотеки, бордели. Были гетеротопии кризиса – пространства инициаций. Позднее возникли гетеротопии девиаций: тюрьмы, дома престарелых, санатории, больницы. Ряд из них проанализирован в других главах нашей монографии. В данной главе мы рассмотрим несколько гетеротопий, часть из которых существовала в больших городах с древнейших времен, но претерпела определённые трансформации, а часть является новыми формами гетеротопий, присущими современному мегаполису. Но все они в определённой степени находятся в том поле культурных трансформаций, которое входит в сферу интересов безопасности.

Гетеротопия городского рынка

– Ради Аллаха, путник, что у вас творится здесь в Бухаре?
– Базар, – кратко ответил Ходжа Насреддин.

Одной из древнейших и неотъемлемой гетеротопией большого города является рынок или базар. До сих пор ни один город не обходится без целой серии рынков, которые представляют важный экономико-культурный вид его гетеротопного пространства. Рынками обладают не только крупные городские районы, стихийные рынки возникают на городских улицах в сезон поспевания фруктов и овощей. Но в данном случае мы рассматриваем как гетеротопию прежде всего центральное рыночное пространство большого города.

В древности пространство рынка ассоциировалось с городской площадью, большим открытым пространством. Одним из древнейших рынков древнего мира была Афинская площадь, название которой – Агора́ (др.-греч. ἀγορά) – происходит от глагола со значением «собираться, созывать». Боль-

⁷⁹¹Soja E. Thirdspace: Expanding the Scope of the Geographical Imagination // Human Geography today / D. Massey, J. Allen, P. Sarre. Cambridge : Polity, 1999. P. 260–278.

шинство сохранившихся контекстов трактуют этот термин в значении главной (а зачастую единственной) площади поселения, использовавшейся для всевозможных общественных нужд – проведения собраний, торговли и обмена, религиозных обрядов и праздников и т.д.⁷⁹² Агора была в любом греческом городе, но на примере афинской можно лучше увидеть всю гетеротопность этого места. Афинская агора представляла собой достаточно большое пространство, которое аккумулировало различные функции, локусами которых были соответствующие подпространства. Агора выступала как сакральное место. И хотя сакральность была атрибутом всей площади, именно её пересекали, проходя на акрополь, знаменитые панафинейские процессии, локусами сакральности становились храмы, такие как, например, храм Гефеста.

Рис. 8.1. Афинская агора. Храм Гефеста (фото А.П. Романовой)

Агора была политическим центром с локализацией правительства в Толосе, совета – в Булевтерии, с резиденцией Архонта, возглавляющего судопроизводство. Агора была и социальным центром. Там находилась библиотека, концертный зал на тысячу мест. Но частных домов на агоре не было. Рынок на агоре можно сказать был переносным. Он сворачивался практически сразу после полудня. И это было не столько место торга, сколько общения. Здесь вели беседы философы, общались горожане. Агора притягивала всех. «Ведь каждый из вас имеет обычай заходить куда-нибудь: один – в парфюмерный магазин, другой – в цирюльню, третий – в сапожную мастерскую, четвертый – куда придется; чаще всего заходят куда-нибудь поблизости от рынка и очень редко – куда-нибудь далеко от него»⁷⁹³, – так описывал александрийский рынок известный риторик Лисий.

⁷⁹²Юзефович Г. Л. Агора в сочинении древнегреческих авторов: основные типы контекстов // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Сер. Исторические науки. 2011. № 14. С. 158.

⁷⁹³Лисий. Речи. XXIV. Речь о том, что не дают пенсии инвалиду. М. : Ладомир, 1994. URL: <http://simposium.ru/node/726>.

С одной стороны, агора не была замкнутой, огороженной и недоступной для всех пространством, однако доступ на неё был ограничен «межевыми столбами, отделявшими её от частных владений; множество таких столбов было обнаружено в Афинах»⁷⁹⁴. Таким образом, пространство агоры было гетеротопией с множеством внутренних гетеротопных пространств: публичного, сакрального, карнавального, хронотопий.

На востоке рынок назывался «базар», (от перс. “bazar”), либо «бозор», «сук», «джуба»⁷⁹⁵, и он тоже был местом необычным, многофункциональным, куда по особым дням стекались жители со всех окрестностей. Слово «базар» использовалось также для обозначения шума, гама, крика⁷⁹⁶.

Центральные большие базары восточных городов также строились на площадях рядом с мечетями и занимали практически половину площади. Тем самым сакральность мечети распространялась и на рыночное пространство. По территории рынка, как «атомы сакрального пространства», бродили дервиши. По описаниям путешественников, в Средней Азии существовали базары, на которых торговали сакральными предметами, принадлежавшими конфессиям, вытесненным исламом с данных территорий. Описывая бухарский базар, путешественники заостряли внимание на торговле идолами. Когда-то жители Бухары были огнепоклонниками, как и царь Мох, именем которого был назван базар, расположенный вокруг одноимённой мечети. Позже, приняв ислам, Мох повелел, «чтобы все плотники и ваятели целый год, от базара до базара, выделывали идолов и в назначенный для торга день доставляли на базар и продавали, чтобы люди могли покупать идолов. Каждый, кто потерял или сломал своего идола, или у кого он пришел в ветхость, все приходили в день торга и покупали себе новых идолов, а старых выбрасывали»⁷⁹⁷.

Базар представлял собой мир в миниатюре, город в миниатюре со своими главными улицами, от которых отходили переулки. Эти улицы имели названия, вмещающая в себя не только торговые лавки, но и постоянные дворы, чайханы, мастерские ремесленников, в Средней Азии их называли дукканами. В восточных городах прошлых веков на базаре протекала жизнь многих жителей – одни покупали, другие продавали, третьи бродили по базару и общались, сидя в чайханах, под навесами.

Если восточный дом был пространством закрытым и охраняемым, то как любая городская гетеротопия, восточный базар был и закрытым, и открытым пространством. В крупных восточных городах главные рынки представляли собой закрытые помещения с монументальными восточными арками над выходами и входами, но он был открыт для всех.

⁷⁹⁴Куле К. СМИ в Древней Греции: сочинения, речи, разыскания, путешествия / пер. с франц. С. В. Кулланды. М. : Новое лит. обозрен., 2004. С. 3.

⁷⁹⁵Тарихи Наршахи. Новая Бухара. Литогр. изд., 1904. С. 17.

⁷⁹⁶Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Рипол Классик, 2006.

⁷⁹⁷Лыкошин Н. Мухаммад Наршахи. История Бухары. Ташкент, 1897. С. 31–32.

Так, знаменитый квартал Большого базара (Гранд базар, или Karalı Carsi) в Стамбуле уже в Средневековье представлял собой пространство «города в городе» с сетью из 67 улиц, двух бедестанов, множество хане, лавок и мастерских. Бедестаны – это два больших каменных здания, представляющих собой «два замкнутых внутри почти крепостных стен пространства, каждое из которых равно городской площади средних размеров, имеет мощные ворота и покрыто сводом, опирающимся на множество колонн»⁷⁹⁸.

Рис. 8.2. Рынок в Касабланке, Марокко (фото А.П. Романовой)

Рис. 8.3. Гранд базар в Стамбуле (фото Н.С. Канатъевой)

⁷⁹⁸Мантран Робер. Повседневная жизнь Стамбула в эпоху Сулеймана Великолепного. URL: http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9C/mantran-rober/povsednevnyaya-zhiznj-stambula-v-epohu-sulejmana-velikolepnogo#sec_7.

Считается, что бедестаны и были прародителями крытых рынков. На Гранд базаре они были хорошо охраняемы, поскольку богатые негодяи, располагающиеся там, содержали «особый штат ночных сторожей и охранников, состоящий “из надежных и верных мусульман, которых следует отличать от прочих ночных сторожей в Стамбуле; они имеют право заниматься своим делом на основании патента (гедик), выданного падишахом, и получают жалованье от префекта города”, а также широко прибегают к услугам маклеров и комиссионеров, которые располагают патентом на совершение посреднических сделок. Иначе говоря, бедестаны являют собой, помимо прочего, и рынок ценных бумаг»⁷⁹⁹.

По воспоминаниям путешественников прошлых времен, деловая сосредоточенность обитателей Гранд базара делала это пространство амбивалентным. С одной стороны, пышность и красота предлагаемых товаров, а с другой – молчаливое пространство заключаемых сделок. «Вы перешли пространство, отделяющее набережную от базаров. Какое множество предметов представляется глазам, когда вступили вы под их стеклянные аркады! Какое богатство! какая пышность! Все продукты света разложены в таком количестве, что изумленный взор не знает, на чём остановиться. В сем, так сказать, волшебном месте, где все торговцы мира выставляют, по крайней мере несколько образцов промышленности их отечества, на каждом шагу вы удивляетесь сколько глубокой тишине, в которой производятся дела, столько и отличному порядку. В пространственных галлереях раздаются лишь только шаги толпящихся людей: звуки голоса человеческого едва слышны»⁸⁰⁰. Тем не менее, современный Гранд базар встречает посетителей традиционным базарным гулом.

Базарная площадь в праздники становилась карнавальная гетеротопией. Но в определённые дни могла превращаться в гетеротопию девиации. На восточных базарах нередко устраивались показательные казни, описываемые путешественниками: «Оказалось, что сегодня хан уже разбирает судные дела и всех приговорённых к казни привели на базар и заперли в одну из пустых мясных лавок, откуда они, а их было шесть человек, через двери и щели в деревянной степе лавки, смотрели на казнь и переговаривались с родственниками, торопясь проститься и передать последние приказания, пока ещё не дошла до них очередь быть зарезанными»⁸⁰¹. Преступников наказывали и на рыночных площадях России вплоть до конца XIX в.⁸⁰² Выполнял восточный базар и политические функции⁸⁰³.

Рынок мог служить местом локализации и других социальных функций. На верхних этажах египетского рынка специй в Стамбуле заседали судьи, верша приговоры. Но самое главное, рынок служил локусом активных, подчас

⁷⁹⁹Мантран Робер. Повседневная жизнь Стамбула в эпоху Сулеймана Великолепного.

⁸⁰⁰Каченовский М. Т. Описание Константинополя. Политические и другие происшествия // Вестник Европы. 1825. Ч. 140, № 1. С. 23.

⁸⁰¹Трионов К. К. В гостях у хана Наср-Эддина // Исторический вестник. 1910. № 7. С. 134.

⁸⁰²Пясецкий Г. Забытая история Орла. Орёл : ГТРК, 1993. С. 83.

⁸⁰³Keshavarzian A. Bazaar and state in Iran: The politics of the Tehran market-place. Cambridge ets. : Cambridge Univ. Press, 2007. P. 298–302.

весьма шумных, межкультурных коммуникаций. «Кто не слышал или не читал о базарах Востока? Очутившись под сводами базаров, вы попадете в такую суету, выше которой и представить трудно. Вы увидите там лавки, закусовые, чайные и мастерские, где работают портные, сапожники, кузнецы и прочие ремесленники; непрерывной вереницей плетутся верблюды и мулы, вскачь несутся ослики и лошади; всё это суетится, кричит, стучит. И среди этой неутомимой деятельности вы заметите бездну празднующихся, которые убивают время разносом и сбором городских вестей. Базар для них – сборное место, где правоверные слышат и видят всё новое, и где встретят они всякого, с кем хотя бы поговорить»⁸⁰⁴.

Большинство базаров имело свое имя, функциональное либо образное: Гранд базар и «Мысыр Чаршысы» – египетский рынок специй в Стамбуле, «Сук ал-Аташ» («Базар жажды»), «Сук ал-Джирар» («Базар кувшинов») и «Сук ар-Рийи» («Базар пресыщения») в Багдаде, рынок «Чрево Парижа».

В городе могло быть много базаров, что говорило о его благоустроенности и высоком статусе. «В Самарканде XVI столетия имелось большое количество специализированных базаров: базар кузнецов, прядильщиков, продавцов веревок, продавцов войлока, овощной, корзинщиков, свечников..., базар Мечети, Мечети войлочников, которые не смешивались друг с другом»⁸⁰⁵. Среди этих специализированных базаров особое место занимали невольничьи рынки. В Стамбуле это был скорее рынок невольниц – *эсирпазары*, который в отличие от других рынков был особой гетеротопией. Во-первых, здесь торговали себе подобными: в отличие от социального, онтологический, бытийственный статус продавца и покупателя был одинаковым. Во-вторых, эти рынки не были общедоступными: вход в эту гетеротопию был избирательным. Невольники, продававшиеся там, были вставлены на всеобщее обозрение, но посмотреть на невольниц мог только потенциальный покупатель в отдельной камере. Иноверцам же, по крайней мере в XVI–XVII вв., невольники не продавались вообще⁸⁰⁶.

Специализированные рынки начинались от главных ворот и тянулись вплоть до центрального рынка, который в древности и Средние века воспринимался как микрокосм, а вся инфраструктура рыночного пространства города – как гигантская пищеварительная система. Так, рынок Ле-Аль в Париже с легкой руки Э. Золя так и стал называться – «Чрево Парижа».

Отдельное место в рыночной гетеротопии занимают **блошинные рынки** (во французской культуре «*Marché aux puces*», в англоязычной «*Flea market*», «*Car boot sale*», в немецкой «*Flohmarkt*»). В русской повседневной культуре («барахолка», «толкучка») чётко обозначено, что и как мы можем получить в этом пространстве – барахло в толчее. «О барахолка, толкучка, толчок, уди-

⁸⁰⁴ Д. К. Персидский эндерун. Письма из Тегерана // Вестник Европы. 1886. № 10.

⁸⁰⁵ Мукминова Р. Г. Вакфное имущество медресе Шейбани-хана. Сведения о ремесле и торговле // К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI в. По материалам «Вакф-наме». Ташкент : Наука, 1966.

⁸⁰⁶ Мантран Робер. Повседневная жизнь Стамбула в эпоху Сулеймана Великолепного.

вительный сколок человеческого мира, где обман не позор, а напротив, дело чести... О знаменитая одесская барахолка, великий блошинный рынок, один из немногих, чудом уцелевших, и при этом официально узаконенных, сказочных островков частной инициативы и предпринимательства! Под открытым небом, на огромном пространстве, огороженном со всех четырёх сторон высоким забором, кипит, пылит, кричит, хохочет и сокрушается несметное, неисчислимое человеческое множество, оно выплескивается на прилегающие улочки и переулки, перемахивает через ограду находящегося в непосредственном соседстве с блошиным рынком еврейского кладбища⁸⁰⁷, – это очень яркое описание блошиного рынка А. Галича раскрывает и отдельные элементы его гетротопности. Одна гетротопия, более временная (блошинный рынок) периодически соединяется с другой, постоянной (кладбище), хотя сама барахолка в определённой степени представляет собой кладбище вещей.

Принято считать, что блошинные рынки появились в конце XVII в. в Европе, во Франции. Продавцы (*chiffonniers*) знаменитой парижской барахолки Клиньянкур приносили на продаваемых старых вещах огромное количество блох, отсюда и название рынка. Однако рынки старых вещей упоминаются и при описании Стамбула XVI–XVIII вв.⁸⁰⁸ Исследователи пишут о существовании блошиного рынка в Германии ещё в конце XV в.⁸⁰⁹ В настоящий момент блошинные рынки являются практически обязательным элементом любого крупного города мира, в том числе и восточного⁸¹⁰.

Блошинный рынок представляет собой ещё более сложную гетротопию. Помимо гетротопных характеристик, присущих классическому рынку, есть и специфические, принадлежащие только данному типу рынков. Мировые известные блошинные рынки в настоящее время представляют собой комбинацию классического рынка старья и рынка антиквариата, винтажных вещей и изделий ручной работы. Это практически музей под открытым небом, правда без музейной систематизации, только если по видам товара и коллекционной атрибуции. Однако такой «музей» – это сочетание постоянного локуса – географического места рынка и размытого пространства вещей, поскольку продавцы меняются, многие из них временны, что делает непостоянным как внутреннюю структуру рынка, так и его культурное пространство.

В отличие от рынков и базаров, торгующих преимущественно продуктами и новыми вещами, «блошка» представляет собой особый тип хронотопии. На блошином рынке «формируется другая, возможностная, форма общения человека и предмета (где вектор повернут в будущее), в котором

⁸⁰⁷Галич А. Блошинный рынок // *Время и мы*. 1977. № 24. С. 7–8.

⁸⁰⁸Мантран Робер. *Повседневная жизнь Стамбула в эпоху Сулеймана Великолепного*.

⁸⁰⁹Heller H. *Ueber den Umgang mit Tradition auf Troedelmaerkten. Otto Koenig 70 Jahre. Kulturwissenschaftliche Beitrage zur Verhaltensforschung. Matreier Gespräche. Heidelberg : Ueberreuter-Verlag, 1984.*

⁸¹⁰Singerman D. *Avenues of Patricipation: Family, politics and networks in urban quarters in Cairo*. Princeton : Princeton Univ. Press, 1995.

предмет имеет силу не только информировать, но и трансформировать субъектов взаимодействия»⁸¹¹.

В России и в некоторых других странах бывшего соцлагеря блошиный рынок представляет собой пространство ностальгии⁸¹². Причём это не только реальная ностальгия пожилых людей по времени своей молодости, поскольку значительная часть прилавков российских барахолок заполнена вещами, произведёнными в СССР. Это и фантомная, мифологизированная ностальгия молодых по несвершившемуся прошлому, ставшему модным брендом. В гетеротопном пространстве российской стихийно возникшей барахолки, более чем в выстроенном в рамках туристической концепции артпространстве хенд-мейд маркета, по сути, симулякра блошиного рынка, формируется пространство с многовекторным течением времени. Для одной категории посетителей и торговцев прошлое в настоящем, для молодых – романтизированное, трансформированное прошлое в будущем.

Будучи первоначально гетеротопией девиации, куда скидывались товары для бедных и торговали ими представители беднейших слоев – старьевщики, ниже которых во французской иерархии стояли только крючники, вытаскивавшие эти товары из мусорных куч, «блошка» большого мегаполиса трансформировалась в гетеротопию карнавала. На европейских рынках торгуют не только из финансовых соображений, но и для получения удовольствия от общения, часто одеваясь в причудливые, броские костюмы, создающие временное буффонадное пространство и ощущение праздника⁸¹³.

Для жителей мегаполисов с их транспортными и временными проблемами, в условиях развивающегося интернета заменой реальному рынку часто становится моллы, супермаркеты или интернет-рынок, например “AliExpress” («АлиЭкспресс»), где всё можно заказать и получить, не выходя из дома. Однако пока виртуальная форма рынков ещё не вытеснила реальную.

Кратко проанализировав историю рыночных гетеротопий, можно заметить, что многие из черт традиционного рынка, базара остаются и в облике современного рынка. Реставрация и даже реконструкция многих его исторических сегментов встраивается в современную туристическую индустрию, делая эти объекты, с одной стороны, весьма притягательными для туристов, а с другой – обозначающими в центре мегаполиса некий культурный остров, *другое* пространство, которое в этом случае выступает как инструмент консервации культурных характеристик культурного пространства города. Но если рынок является важным атрибутом любого городского пространства, то метрополитен – это привилегия большого города.

⁸¹¹ Шипулина Н. Б., Щеглова Е. В., Шипицын А. И., Плужникова Н. Н., Елистратов Е. А. Антропология вещей в городской культуре: концептуальные основы и поиск метода. Волгоград, 2016.

⁸¹² Воронкова Л. В., Сотников Е. В. Паченков О. В. «Это не рынок»: игра с форматами // Практики и интерпретации. 2016. Т. 1 (4).

⁸¹³ Там же.

Метро как гетеротопия

Толпы торопливых парижан устремились к метро, точно к глубокой пропасти, куда бросаешься, чтобы принести себя в жертву некоему сумрачному божеству.

Э.М. Ремарк. Триумфальная арка

...Ехать в метро – всё равно как сидеть в самих часах. Станции – это минуты.

Х. Кортасар. Тайное оружие

Метрополитен, метро, подземка является не только обязательным атрибутом практически каждого мегаполиса мира, но и большинства крупных городов с населением более миллиона человек. По некоторым подсчётам, сейчас таких городов насчитывается более 120. Наличие метрополитена становится знаком принадлежности к развивающимся крупным элитным городам, городам будущего. В интернете появляются всевозможные рейтинги мировых метрополитенов: самое длинное, самое глубокое, самое загруженное, самое красивое, самое разветвлённое.

Первое метро появилось в Лондоне в 1863 г. в связи с ростом населения города и постоянным расширением городского пространства. Добираться лондонцам куда-либо пешком или надземным транспортом становилось сложно. Первая линия лондонского метро, построенная компанией “Metropolitan Railway”, связывала два вокзала с Сити, что соединяло внутригородской и межгородской транспорт в единую систему. В 1868 г. открывается надземное метро в Нью-Йорке, в 1892 г. – в Чикаго, в 1896 г. – в Будапеште и Глазго. На рубеже веков метро появляется и в Париже. Именно название парижского метро «Chemin de fer métropolitain» («столичная железная дорога»), сокращённо «métro» стало общеупотребимым для этого вида транспорта. Лондонцы чаще пользуются термином “underground” («подземка») или на сленге “tube” («труба»). Американцы используют термин “subway”.

Первые новации происходят именно в самом старом лондонском метро, оно первым переходит на электротягу. Постепенно единственная ветка обрастает всё новыми и новыми ответвлениями, и метрополитен начинает превращаться в подземный город, который навсегда изменит облик мегаполисов как таковых⁸¹⁴. Подземка становится гигантской подземно-надземной транспортной артерией большого города, а пространство метро превращается в гетеротопию. М. Фуко в работе «Другое пространство» упоминал о том, что транспорт является одной из форм гетеротопии. «Корабль – это в конечном счёте плавучий кусок пространства, место без места, которое живет само собой, будучи замкнутым на себе, и в то же время предоставленным бесконечности моря, и которое плывет из порта в порт, от посадки к посадке..»⁸¹⁵

⁸¹⁴Wolmar C. The Subterranean Railway: how the London Underground was built and how it changed the city forever. Atlantic, 2004. 384 p.

⁸¹⁵Фуко М. Другие пространства. С. 204.

В кораблях, поездах, самолетах, где люди оказываются запертыми в ограниченном пространстве на относительно продолжительный срок, и перемещаются достаточно далеко от дома, возникает пространство временных коммуникаций, которые за счёт их временности становятся более открытыми. Всем известно, что именно в поездах, «под жареную курочку» люди становятся более откровенными. Эти виды транспорта не имеют жёсткой привязки к одному реальному пространству, они курсируют между... В метро, как и в другом городском наземном транспорте, в отличие от поездов, самолетов, кораблей, люди находятся вместе временно и хаотично, что не способствует формированию новых коммуникационных связей. Наоборот, физическая теснота, телесный контакт, превышающий порой зону допустимого, вызывает отторжение. В японском метрополитене на каждой станции есть профессиональные толкатели («oshiya»), которые помогают утрамбовать людей в вагонах. Поэтому людская масса внутри вагонов метрополитена не воспринимает себя как мини-модель социума, а скорее как калейдоскоп. Мера совместного зафиксированного существования внутри – это перегон, промежуток «между». Это задаёт ритм, который гарантирует привычное существование внутри метро, а значит, и его безопасность. Любое нарушение ритма, техническая незапланированная остановка воспринимается как опасность, ЧП. Именно эта ситуация лежит в основе ряда триллеров, связанных с метро («Диггеры», 2016, реж. Т. Корнев; «Крип», 2004, реж. К. Смит).

В метро в той или иной степени мы обнаруживаем практически все принципы гетеротопии, обозначенные Фуко. Метро, как «одна и та же гетеротопия – согласно синхронии культуры, где она располагается, – может функционировать так или иначе». Развиваясь, расширяясь, усложняясь, метро выполняет уже не только транспортные функции, но и эстетические, образовательные, музейные, карнавные, функцию сохранения безопасности. Метро – это город в городе, вернее, под городом. Оно представляет собой многокилометровую инфраструктуру с туннелями, депо, станциями, эскалаторами. Оно имеет свой институт обслуживания от топ-менеджеров до машинистов и ремонтников. «Гетеротопия имеет свойство сопоставлять в одном единственном месте несколько пространств, несколько местоположений, которые сами по себе несовместимы»⁸¹⁶. С одной стороны, подземка – это дневное гетеротопное пространство находящихся в состоянии броуновского движения пассажиров, с другой – достаточно оформленное и относительно постоянное вспомогательное обслуживающее пространство метро, с третьей – пустое или заполненное «призраками» пространство ночного метро.

«Гетеротопии всегда предполагают некую систему открытости и замкнутости, которая одновременно и изолирует их, и делает их проницаемыми»⁸¹⁷. Метро действительно является и открытой, и закрытой системой. Исходя из классической мифологической структуры мира, метро – это мир подземный, inferнальный, сакральный. Попасты в этот мир может каждый, но

⁸¹⁶ Фуко М. Другие пространства. С. 200.

⁸¹⁷ Там же. С. 202.

надо заплатить, как и перевозчику Харону. Однако, как и в некоторых метрополитенах, например, в Гонконге, необходимо предъявить свой билет на выходе, иначе ты рискуешь «навсегда остаться в подземном царстве» или, скорее, иметь проблемы с администрацией. А вот попасть в «святая святых» подземки вы можете только в случае принадлежности к этой корпорации либо в чрезвычайной ситуации («Мебиус», 1996, реж. Г. Москера).

Вход и выход в метро в некоторых случаях тоже превращаются в гетеротопию. Так, станция франкфуртского метро «Бокенгеймер Варте» была оформлена по мотивам Р. Магрита как вросший в землю вагон, показывая, что метро буквально «вгрызлись» в жизнь больших городов⁸¹⁸. Самая дорогая в мире станция нью-йоркского сабвея построена возле подножия башен-близнецов Всемирного торгового центра. В память о трагедии она выполнена в виде крыльев белой птицы, однако посетителям подземки изнутри это напоминает скорее ребра динозавра.

Утверждение М. Фуко о том, что гетеротопия «связана с “раскрытием” времени»⁸¹⁹, тоже применимо к метро. С одной стороны, метро в прямом смысле сокращает нам время, оно его экономит, поскольку исключает сложности современного мегаполисного трафика, с другой – гетеротопия метро его консервирует на тех станциях, которые были построены при другом предыдущем режиме, и отражают его атрибутику и символику, как, например, центральные станции московского метрополитена «Киевская», «Площадь Революции».

«Наконец, последняя черта гетеротопии заключается в том, что они выполняют некую функцию по отношению к остальному пространству»⁸²⁰. Метро действительно выполняет целый комплекс функций по отношению ко всему остальному пространству, без которого пространство современного мегаполиса практически существовать не может. Выход из строя станции или ветки метро парализует жизнедеятельность города. Так, в Нью-Йорке теракт 11 сентября 2001 г. разрушил ближайшую станцию метро, что заставило людей в состоянии транса ещё и добираться пешком домой.

К какому типу можно отнести гетеротопию метрополитена? Она весьма неоднозначна. Подземка не является гетеротопией девиации в чистом виде, как, например, тюрьмы, больницы, дома престарелых. Метро никогда нельзя было назвать транспортом деклассированных элементов, а в последнее время под землю спускается всё больше состоятельных людей, прежде всего экономя время. Однако элементы девиации в гетеротопии метрополитена всё же есть. Следуя не только мифологии метро, но и её отображению в художественном творчестве и документалистике, в подземке обитает сообщество бездомных и безработных. В 1985 г. Люк Бессон выпустил художественный фильм «Подземка», главный герой которого прячется в таком подземном сообществе. В 1993 г. была опубликована документальная книга Д. Тот «Люди-

⁸¹⁸Красота метрополитенов // Mansden. URL: <https://mansden.ru/krasota-metropolitenov>.

⁸¹⁹Фуко М. Другие пространства. С. 200.

⁸²⁰Там же. С. 203.

кроты: жизнь в тоннелях под Нью-Йорком»⁸²¹, которая описывала деклассированных обитателей подземки. Несмотря на то, что к книге был проявлен интерес, работа получила достаточно жёсткие отклики в связи с выявленными неточностями и фальсификацией⁸²². Тем не менее, тема была продолжена. В 1995 г. М. Мортон выпустила альбом фотографий о бездомных нью-йоркской подземки⁸²³, а в 2000 г. режиссер М. Сингер снял документальный фильм «Тёмные дни», где он погружается на несколько дней в жизнь такого подземелья и раскрывает судьбы его обитателей. Книга Д. Тот вдохновила и писателей на создание художественного романа, в котором описывалось вполне реальное пространство подземки с её обитателями⁸²⁴.

Рис. 8.4. Кадр из документального фильма М. Сингера «Тёмные дни» (2000)

Однако в отличие от других гетеротопий-девиаций, обитатели подземки не согнаны туда насильно или подчиняясь закону. Для них это скорее пристанище или убежище, которое защищает от непогоды и даёт им, пусть и весьма сомнительный, но кров. Подземка действительно носит на себе черты гетеротопии убежища и прежде всего для всех жителей мегаполиса на случай военных действий. Во время Второй мировой войны она служила бомбоубежищем в Москве, Лондоне и т.д. «Когда-то давно Московское метро замышлялось как гигантское бомбоубежище, способное спасти десятки тысяч жизней. Мир стоял на пороге гибели, но тогда её удалось отсрочить. Дорога, по которой идёт человечество, вьётся, как спираль, и однажды оно снова окажется на краю пропасти. Когда мир будет рушиться, метро окажется последним пристани-

⁸²¹Toth J. The Mole People: Life In The Tunnels Beneath New York City. Chicago Review Press, 1995 (first published October 1st 1993).

⁸²²Brennan J. Fantasy in The Mole People. URL: <http://www.columbia.edu/~brennan/abandoned/mole-people.html>.

⁸²³Morton M. The Tunnel: The Underground Homeless of New York City. New York : Yale Univ. Press, 1995.

⁸²⁴Престон Д., Чайлд Л. Реликварий. М., 2009.

щем человека перед тем, как оно канет в ничто»⁸²⁵. Идея подземки как убежища легла в основу изданного в 2005 г. романа Д. Глуховского «Метро 2033», который дал начало серии книг апокалиптической фантастики «Вселенная Метро 2033». В серии разворачивается жизнь подземки в постапокалиптическую эпоху, когда жизнь сохраняется и развивается только внутри метро. «Традиционный жанрообразующий признак антиутопии – замкнутость пространства – трансформируется в произведениях 2000-х годов в кольцевое пространство. При том время так же приобретает цикличность, вписываясь в общую “кольцевую” концепцию пространства и времени»⁸²⁶. Даже циркулирующая система мифов вокруг правительственной подземной ветки московского метро, «Метро 2», вошла в серию-антиутопию. Это метро также было предназначено выполнять функцию убежища для правительства, причём не только на время ядерной войны, но и во время всевозможных социальных переворотов.

При моделировании ситуации всемирной катастрофы становится более выпуклым то, что было скрыто в обычной жизни: метрополитен – это самостоятельное, отдельное, *другое* пространство, живущее своей жизнью, и при необходимости только оно может становиться инкубатором новой жизни. Общество, которое строится в подземке, структурно воспроизводит надземное общество со всеми аллюзиями и реминисценциями. «После десятка лет человеческого обитания под землей, оно стало представлять собой полуразрушенное сооружение с различными образованиями: федерациями, конфедерациями, союзами, городами и т.д. Трансформация пространственного облика повлекла за собой и трансформацию восприятия среды обитания её жителями»⁸²⁷.

Многослойность гетеротопии метро проявляется ещё и в том, что в отдельных локусах оно начинает выполнять функции хронотопии. Из некоторых станций метро делают музеи и арт-площадки. Журналисты называют столичный метрополитен подземным музеем. В метро начинают ходить вагоны, представляющие собой своеобразный вернисаж, как, например, вагон московской ветки метрополитена «Акварель». Унифицированные, безликие станции метро тоже предполагается обновить с учётом эстетики и близлежащего городского пространства⁸²⁸.

Естественно, что гетеротопию метро мы не можем назвать карнаваль-ной, но отдельные элементы временных шоу в метро можно обнаружить. На станциях и в фойе проводятся выставки, вернисажи. Карнавальным становится оформление не только отдельных станций, но и тоннелей, как, например, тоннель под рекой Пу в Токио, который сияет и переливается всеми цветами радуги. Необычные арт-объекты и инсталляции можно увидеть на станциях токийского метро, причудливые световые инсталляции на тайваньской

⁸²⁵ Глуховский Д. А. Метро 2033. М. : Астрель, 2009. С. 3.

⁸²⁶ Ловицкий Н. Хронотоп романа Д. Глуховского «Метро 2033» // Международный журнал экспериментального образования. 2014. № 6.

⁸²⁷ Сухова Ж. В. Специфика пространства и его отражение в романе «Метро 2033» // Вектор развития современной науки. София, 2016. С. 176.

⁸²⁸ Мацуки Такахиро, Тору Огата, Казуаки Секи. Возобновленный проект станции метро Шонандай. Чрезмерный людской поток // Вопросы теории и истории в градостроительстве, архитектуре и дизайне. 2014. Т. 1: Новые идеи нового века. С. 368.

станции “Formosa Boulevard”, в лондонской подземке были осуществлены проекты «Искусство в метрополитене» (“Art on the Underground”) и «Стихи в метрополитене» (“Poems on the Underground”).

Вокруг метро, как никакой другой современной городской гетеротопии, возникает система мифов. Это мифы о расположенном под привычным нам всем московским метрополитеном ещё более глубокой паутины правительственного метро, так называемого «Метро-2». Интернет пестрит мифами о правительственных ветках пхеньянского, токийского и других метрополитенов мира⁸²⁹. Достаточно устойчивы и мифы о подземных обитателях метрополитена. Ещё в Лондоне с конца XIX в. сохранились легенды о замурованных в пространстве тоннелей ирландских рабочих, которые со временем мутировали в троглодитов, поедающих крыс и бездомных. Эти версии нашли свое воплощение и в кинематографе, в уже упомянутом нами российском фильме «Диггеры». Целая серия мифов посвящена призракам метрополитена – путевому обходчику, неприкаянно бродящему среди тоннелей, чёрному машинисту, поезду-призраку, появляющемуся каждый месяц на станциях московского метрополитена, крысам-мутантам и т.д., воплощённая в документальных фильмах и передачах⁸³⁰.

Таким образом, метро представляет собой огромную, постоянно меняющуюся подземную мегаполисную гетеротопию, которая представляет собой *другой мир* города, без которого мы не можем представить себе современную городскую культуру.

Городские анклав: история и современность

Большой город – это лагерь беженцев.
Салман Рушди. Стыд

Значимое место в городском пространстве всегда занимали культурно и этнически отличающиеся от основного пространства города кварталы, жители которых не принадлежали к этническому и конфессиональному большинству, так называемые анклав. Термин «анклав» обычно употребляется для определения существования инородного фрагмента внутри определённой среды⁸³¹. Под анклавами в данном случае мы будем понимать компактное городское пространство, населённое представителями одного этноса, конфессии, культуры, которые представляют собой городские гетеротопии. В последнее время информация, связанная с функционированием таких

⁸²⁹ Секреты токийского метро. URL: <http://www.vsiaco.org.ua/post134892644>; Какие тайны скрывают подземелья столицы Северной Кореи. URL: <https://sozero.livejournal.com/1293390.html>.

⁸³⁰ Призраки московского метро. URL: <http://mirtayn.ru/prizraki-moskovskogo-metro/>; Поезд призрака в Московском метро. Невыдуманная легенда. URL: <http://gloom.name/poezd-prizrak-v-moskovskom-metro/>; Призраки в московском метро. Фильм из серии «Земля». Территория загадок. Другое метро. 14.12. 2015. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=cYdINp7i0KE>; Передача из серии «Городские легенды. Призраки московского метро». 14.10.2015. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=50ME3JANETQ>.

⁸³¹ Винокуров Е. Ю. Теория анклавов. Калининград : Терра Балтика, 2007. С. 16.

анклавов в мегаполисах, фигурирует при обсуждении проблем безопасности и сохранения культурной идентичности многих европейских держав.

В истории городов этнокультурные и конфессиональные анклавы присутствовали с давних времен. Это могли быть как компактные поселения иностранцев, прибывших в город по торговым и иным делам, так и этнических и конфессиональных меньшинств, давно проживавших на данной территории. Иностранцы могли группироваться, например, вокруг торговых дворов, представлявших собой замкнутое пространство построек, обеспечивающих жизнедеятельность данной коммуны. Гостиные дворы, или караван-сарай, или, как в Астрахани их до сих пор называют, «подворья», – одна из ярчайших примет торгового города. Традиционно принято считать, что торговые подворья появились в Астрахани в первой половине XVII в.: «Первый гостинный двор в Астрахани появился в 1625 г., выстроенный в складчину иноземцами»⁸³². Однако исследовательница Е.В. Гусарова нашла доказательства, что гостиные дворы уже существовали на данный момент на территории Астрахани⁸³³, а следовательно, возникли гораздо раньше. Так, в «Памятниках дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией» есть ряд упоминаний о гостинных дворах: в статейном списке посланника Г.Б. Васильчикова (1589) упоминается о гилянце с гостинного двора в Астрахани, в переписке персидского посла Ази Хосрова (1593) – упоминание о тезицком дворе и т.д.⁸³⁴ Как об уже существовавших русском, бухарском, кизылбашском (а также «крымском», позже бесследно исчезнувшем) торговых дворах упоминает русский купец Ф.А. Котов в своем «Хождении» в 1623 г.⁸³⁵ В другом источнике говорится, что «в 1625 г. персияне, армяне и индийцы построили... гостинные дворы: армянские, персидские и индийские каменные по обряду азиатскому, неподалеку от Спасского монастыря»⁸³⁶. В Астрахани, как в городе, испокон веков находившемся на перекрестке караванных путей и мировых религий, имеющем как западные, так и восточные черты, до сих пор сохранились в полном или фрагментарном состоянии Персидский торговый двор, Армянский торговый двор, Индийский торговый двор. Персидское подворье, называемое также Усейновским двором, построенное в XVIII в. по типу восточного караван-сарая на пересечении улиц Индийской, Почтовой и Екатерининской, своим мезонином третьего этажа нарушало городской указ о разрешении строительства в центре города только двухэтажных зданий, однако персы использовали третий этаж как молельню, поэтому мансарда была сохранена.

⁸³²Штылько А. Иллюстрированная Астрахань. Очерки прошлого и настоящего города, его достопримечательности и окрестности. Саратов, 1896. С. 22.

⁸³³Гусарова Е. В. Астраханские находки. СПб, 2009. С. 55–92.

⁸³⁴Веселовский Н. И. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб, 1890. Т. 1. С. 15, 198.

⁸³⁵Хождение купца Котова в Персию. М., 1958. С. 39.

⁸³⁶Васильев К. Ключаревская летопись: история о начале и возобновлении Астрахани, случившихся в ней происшествиях, об архиереях в оной бывших, а также о воеводах, градоначальниках и губернаторах. Астрахань : Тип. Губернского Правления, 1887. С. 89.

Рис. 8.5. Персидское подворье в Астрахани (фото Д.В. Сидельниковой)

Обособленно селились и представители различных коренных этносов, напоминание о чём до сих пор сохранилось в топонимике города и региона – Татар-базар, Татаро-Башмаковка и т.д. До сих пор село Солянка, населённое татарами и находящееся внутри Астрахани, считается селом и представляет собой относительно локализованное в рамках города пространство с тремя главными въездами-выездами, в центре которого находится мечеть, язык коммуникации – татарский, а продукты огородничества продаются по всей территории села. И это поселение тоже можно рассматривать как анклавную гетеротопию.

В XVI в. в Москве существовали не только иноземные торговые дворы, но и поселенческие слободы, такие как, например, Панская (польская)⁸³⁷, Немецкая слобода. В последней жили европейцы разной этнической и конфессиональной принадлежности, которых обобщённо называли «немцами», не говорящими по-русски⁸³⁸. В Немецкой слободе никогда не было деления улиц по этническому или конфессиональному признаку. Дворы нередко переходили от одних владельцев к другим... Многие жители вступали в смешанные браки. Языком общения в слободе был в основном немецкий, т.к. там преобладали выходцы из германских земель⁸³⁹. Эта слобода периодически уничтожалась в результате военных столкновений и политических интриг, но сохраняла европейскую культуру и порядок. С начала XVIII в. как локализо-

⁸³⁷ Снегирев В. Московские слободы. Очерки по истории Московского посада XIV–XVIII вв. // Московский рабочий. 1956.

⁸³⁸ Смирнова Т. Б. Т.С. Киссер. Многообразие немцев в России // Уральский исторический вестник. 2017. № 2 (55). С. 45.

⁸³⁹ Ковригина В. А. «Немецкий город большой и людный»: Немецкая слобода Москвы XVII–XVIII вв. // Русские и немцы. 1000 лет истории, искусства и культуры. М., 2012. С. 254.

ванное обособленное европейско пространство слобода исчезает, сливаясь с постройками европейского типа по всей Москве. Вместо неё появляется район немецкой слободы – Лефортово, хотя отдельные архитектурные памятники сохранились до сих пор.

В истории такого мегаполиса, как Стамбул, а он уже практически в XVII в. достигал по некоторым оценкам почти миллионного населения, компактные этнические и конфессиональные кварталы играли определённую роль. Все иностранцы селились в особой части города, называвшейся Галатой и находившейся через залив Золотой Рог на противоположной стороне от старой части Стамбула. До сих пор Галата считается наиболее европейским районом мегаполиса. Иностранцы представляли собой купеческие, а потом и посольские общины венецианцев, франков и т.д. Этноконфессиональные азиатские меньшинства были представлены в основном христианами – греками, частично оставшимися на этой территории после падения Константинополя, но в основном репатрированными из Анатолии, армянами и иудеями, а также цыганами-мусульманами и рядом других этнических групп. «Если мусульмане и члены религиозных меньшинств смешиваются в уличной толпе и по необходимости общаются между собой, то проживают они всё же порознь... Меньшинства группируются вокруг своей квартальной церкви или синагоги... Даже если отсутствуют взаимные симпатии между данной группой и окружающей средой, меньшинству в любом случае не приходится опасаться насилия или хотя бы проявления враждебности со стороны большинства»⁸⁴⁰.

Наиболее гетеротопным и сохранившимся до последнего времени в Стамбуле был цыганский квартал. Несмотря на то, что местные цыгане исповедовали ислам, образ жизни и культурные реалии заставляли их селиться компактно. К началу XXI в. цыганский район Сулукуле (Sulukule) представлял собой настоящую гетеротопию девиантного типа и был отведён под снос. Однако достаточно долгое время эти труппы привлекали любителей погадать и посмотреть на *другую* жизнь. В Сулукуле снималась одна из серий Бондианы, а очевидцы, побывавшие в этих кварталах, всё время проводили аналогии с фильмами Кустурицы.

На территории других государств Европы наиболее яркими историческими анклавными гетеротопными пространствами являлись еврейские гетто, которые существовали во многих европейских городах (Прага, Венеция, Варшава). Первое гетто возникло в Венеции в 1516 г. и своим названием было обязано литейной – территории возле плавильного цеха. Венецианское гетто не было изначально принудительной территорией поселения евреев. Это было добровольно обозначенное желание проживать компактно и поддерживать некую ауру людей единой культуры. «Гетто не было продуктом чьего-либо умысла, скорее оно было невольной кристаллизацией потребностей и практик, укоренённых в религиозных и светских обычаях и наследиях самих

⁸⁴⁰Мантран Робер. Повседневная жизнь Стамбула в эпоху Сулеймана Великолепного.

евреев. Задолго до того, как гетто сделалось принудительным, евреи в западных странах жили в обособленных частях городов по собственной воле. Евреи стекались в обособленные культурные ареалы без всякого внешнего давления и без всякого умысла. Факторы, которые вели к образованию еврейскими локально обособленных сообществ, следует искать в характере еврейских традиций, в привычках и обычаях, причём не только самих евреев, но и вообще средневекового горожанина»⁸⁴¹. Однако задолго до появления гетто в Венеции, в 1239 г., испанским Арагонским правителем Хайме I Конкистадором были издан указ, предписывающий евреям селиться в определённых районах. В Марокко чуть позже, в 1280 г., появляются кварталы плотного заселения евреев. Еврейские гетто были типичны для многих европейских городов: Йозефов район – район компактного проживания евреев в Праге, римское гетто, гетто во Франкфурте-на-Майне. Во время Второй мировой войны фашисты превратили европейские гетто в районы планомерного уничтожения еврейского народа. Позднее термин «гетто» вообще приобретёт негативную окраску: социальные гетто, негритянские гетто и т.д.

Такие этноконфессиональные, а также профессионально однородные анклавов, возникшие на основе этносов, исторически живущих на территории данной страны, существуют до сих пор и практически не влияют на культурную безопасность города. Как квазигеттеротопию можно отметить Маншият-Насир, город мусорщиков в Каирском мегаполисе. Это локализованный район с чёткой производственной ориентацией его жителей на сбор и переработку мусора огромного города⁸⁴². Соответственен и культурный антураж района. Город ещё называют Заббалин, а его обитателей – заббалины (от араб. “zebāla” – «мусор»). Необходимо учесть, что эта геттеротопия не является исторической. Около 70 лет назад оказавшиеся без работы крестьяне – копты – приехали на эту территорию, сменили род деятельности и стали мусорщиками. Город мусора имеет свою инфраструктуру, связанную с обслуживанием жителей: школы, больницы, магазины. Жители района в основном христиане, копты, потомки древних жителей Египта, поэтому в процессе переработки мусора участвуют выкармливаемые ими свиньи, что абсолютно неприемлемо для всего остального мусульманского пространства страны. Жители мусорной геттеротопии не любят чужаков, представителей официальных властей на своей территории, там практически нет полицейских, и все внутренние конфликты решаются общиной. С одной стороны, по утверждениям съёмочной группы фильма “Marina of the Zabbaleen”, жители Заббалина счастливы жить вместе в своей религиозной общине и не хотели бы никуда перебираться⁸⁴³. Однако в другом документальном фильме, снятом на российском телеканале РТД, большин-

⁸⁴¹Wirth L. The ghetto // Community life and social policy: Selected papers by Louis Wirth. Chicago : Univ. of Chicago Press, 1956. P. 262

⁸⁴²Epstein J. From Cairo's trash, a model of recycling / Old door-to-door method boasts 85 % reuse rate. URL: <http://www.sfgate.com/news/article/From-Cairo-s-trash-a-model-of-recycling-Old-2495640.php>.

⁸⁴³Marina of the Zabbaleen, directed by Engi Wassef. Produced by “Torch”.

ство давших интервью мечтают о другой участи для себя и своих детей, поскольку жизнь и тяжела и монотонна⁸⁴⁴.

Ещё одним профессионально-кастовым гетеротопным пространством мегаполиса является мумбайский район мужчин-прачек – Махалакшми Дхоби Гхат (Mahalaxmi Dhobi Ghat)⁸⁴⁵. Во-первых, этот квартал преимущественно мужской, работающих женщин там практически нет. Во-вторых, все его обитатели принадлежат к отдельной касте – дхоби, мужчин-прачек, которая в свою очередь является частью касты далитов – неприкасаемых. В третьих, в XXI в., когда технология машины стирки вошла в каждый дом, в гигантском мегаполисе сохраняются практически средневековые практики.

Таким образом, мы видим, что в пространстве как исторического города, так и современного мегаполиса всегда существовало достаточно большое количество гетеротопных культурно-этнических и конфессиональных пространств, не представляющих угрозу культурной безопасности. Более того, в силу своей гетеротопности, они становились культурной изюминкой на карте туристических маршрутов.

Рис. 8.6. Улица в старом Иерусалиме, разделяющая два квартала: слева – еврейский, справа – армянский

Те анклавов, которые мы рассматривали выше, представляют собой гетеротопии-убежища. Они более или менее исторически зафиксированы, культурно определены, вписаны в культурный ландшафт города, и если меняют свою дислокацию, а соответственно, и локус, то преимущественно по инициативе властей. Получается, что если какой-либо «чужой этнос», даже не желая ассимилироваться, имеет исторические корни проживания на данной территории, соблюдает правила межкультурных коммуникаций, не пытается агрессивным путём расширить свои границы, он вписывается в культурный ланд-

⁸⁴⁴ «Заббалин, город мусорщиков», реж. А. Сомов, 2016. URL: <https://doc.rt.com/filmy/zabballin-gorod-musorshnikov1/>.

⁸⁴⁵ Глобальная индийская стирка. URL: <http://www.kulturologia.ru/blogs/191015/26781/>.

шафт города. Тогда что мы имеем в виду, когда говорим об опасности анклавизации современных городов? Когда же этноконфессиональные анклавы становятся угрозой не только культурной безопасности, но и просто безопасности общества? Что представляет собой современный, не имеющий вековых корней этнокультурноконфессиональный анклав?

Пространство города традиционно, со времен Античности, рассматривавшееся как бинарная оппозиция: публичное, политическое (агора), частное, экономическое (ойкос), ныне дополняется неким третьим пространством. Л. Лофланд⁸⁴⁶ называет его парохияльным, а Дехаан и Декаутер⁸⁴⁷ определяют его, следуя Гипподамовой схеме, как священное. Локализованные этнические анклавы-гетеротопии представляют собой парохияльное (иногда его переводят как местечковое) пространство внутри города. Современные локальные анклавные пространства-гетеротопии могут рассматриваться, с одной стороны, как девиационные гетеротопии, поскольку объединяют людей, которые не смогли или не захотели полноценно интегрироваться в социальное пространство принявшего их сообщества, с другой – как убежища (ультимативные гетеротопии). Таким образом, этот тип гетеротопии объединяет в себе гетеротопию девиации и гетеротопию убежища, но на этот раз уже от натиска социальных требований и давления государства. Если культурные анклавы представляют собой культурную девиацию – ЛГБТ сообщества, неформалы всех видов, клубы по интересам, территории которых могут не иметь чётко выраженных границ и представлять собой свободное публичное пространство⁸⁴⁸, то этнические анклавы в большинстве случаев имеют территориальные границы.

Это третье, «другое» пространство не является ни чисто публичным, ни локализовано частным. Хотя внутри такого пространства обособляется частная жизнь другой культурной группы (своя экономическая инфраструктура, культурные связи, традиции, язык), это пространство имеет и политические характеристики. Внутри таких анклавов возникают протестные движения, оформленные чаще всего в виде стихийных бунтов, погромов, избиений, а на по ту сторону границы анклава возникают контрпротестные явления, выражающиеся как в политических лозунгах, так и в сознательном обострении системы межкультурных коммуникаций (запреты на ношение хиджаба в школе, строительство высоких минаретов, появление на общественных пляжах в буркини, публичные заявления политиков).

Каждый мегаполис имеет свою анклавную специфику. Анализируя политическую ситуацию в Парижском мегаполисе, вслед за французским исследователем С. Дюффуа можно прийти к выводу, что Париж гетеротопен прежде всего в силу своей многокультурности и анклавности. Парижские анклавы не появились стихийно, «задуманные и сконструированные как

⁸⁴⁶Lofland L. The public realm. Transaction Publ., 1998.

⁸⁴⁷Dahaene M., De Cauter L. Heterotopia and the city. Routledge, 2008.

⁸⁴⁸Allweil Ya., Kallus R. Public-space heterotopias: heterotopias of masculinity along the Tel Aviv shoreline // Dahaene M., De Cauter L. Heterotopia and the city. Routledge, 2008. P. 191–202.

вполне автономные образования, – со своими магазинами, школами и службами, которые обеспечивают всем необходимым, – они трансформировались в настоящие гетеротопии. Когда коренные французы покинули эти кварталы, и “три блестящих десятилетия” (имеется в виду послевоенное время) подошли к концу, обитатели этих пригородов лишились работы, выпали из города, из общества»⁸⁴⁹. Эти территории стали территориями «избегания» для жителей соседних кварталов, власти и полиция тоже перестали обращать на них внимание, они стали «пространственными символами обратной стороны общества»⁸⁵⁰. Все бунты и конфликты, происходившие исключительно ночью, были символами неподчинения этой территории юрисдикции официальной администрации.

Анклавы как гетеротопии амбивалентны. С одной стороны, они являются тем самым парохильным пространством, а с другой – публичным. Амбивалентны анклавы и в том, что дают возможность усиленного контроля над их населением со стороны государства, одновременно являясь пространствами, аккумулирующими протестные настроения и потому, как это было в Париже, неконтролируемыми силовыми структурами. Современное общество культурно, этнически, экономически фрагментированное в мегаполисах способствует появлению гетеротопных анклавов как исключаяющих, вытесняющих пространственных устройств (exclusionary spatial device).

Современные анклавы сами становятся дисперстными, и часть из них аккумулируется в этнических пригородах мегаполисов. Так, китайское население Нью-Йорка сосредоточено на данный момент не в одном, а в трёх чайна-таунах: старейший на Манхэттене, численность обитателей которого постепенно сокращается, самый населенный – бруклинский и догоняющий его Флашинг (Квинс) (Flushing Queens). Флашинг – не просто этнический анклав, это весьма дисперстная территория, где даже чайна-таун представляет собой комплекс мини-анклавов. Внутри большого китайского квартала существуют более узкие этнические сообщества: мандарин-таун, маленький Тайвань, маленький Гонконг и т.д. Здесь можно услышать множество китайских диалектов, увидеть рестораны различных провинциальных китайских кухонь – тайваньской, шанхайской, хунаньской, сычуаньской и даже малоизвестной дунбэйской⁸⁵¹. Рядом с чайна-тауном – корейский анклав со всей атрибутикой корейской культуры. Рядом расположены и мини-анклавы малазийцев, шриланкийцев, индусов и т.д. Азиатская часть Флашинга наиболее весома – 44,3 %. Около 20 % населения Флашинга – сообщества белых европейцев: ирландцев, греков, итальянцев, испанцев, русских⁸⁵².

⁸⁴⁹Дюфуа С. Больше чем бунт: политические вопросы. URL: <http://dialogs.org.ua/ru/cross/page9043.html> <http://riotsfrance.ssrc.org/Dufoix/>.

⁸⁵⁰Там же.

⁸⁵¹Moskin J. Northeast China Branches Out in Flushing // The New York Times. February 9, 2010.

⁸⁵²Table PL-P3A NTA: Total Population by Mutually Exclusive Race and Hispanic Origin. New York : Neighborhood Tabulation Areas*, 2010, Population Division – New York City Department of City Planning, March 29, 2011. Accessed June 14, 2016.

Флашинг действительно гетеротопен: рядом на одной улице вы можете увидеть китайский, тайский и вьетнамский рестораны. В одном квартале – индуистские храмы, соседствующие с католическими и конфуцианскими, а в церкви святого Георга середины XIX в., принадлежащей англиканской церкви, службы идут на китайском, испанском и английском языках. Растёт и политический вес Флашинга. Активная целенаправленная деятельность в русле выстроенной этнически ориентированной политики, направленная не против, а в русле государственной политики, позволила членам китайской общины Флашинга стать новыми членами Нью-Йоркского городского совета и даже членами Конгресса. Таким образом, модернизированные гетеротопные анклав перестают быть гетеротопиями-убежищами в силу их интенсивного и быстрого развития и представляют собой совмещение культурной обособленности с культурным соседствованием.

В какой ситуации одни анклавные гетеротопии встраиваются в мегаполисный культурный ландшафт, принимая на себя функцию культурного соседствования, а в какой доводя фактор обособленности до жёсткого противостояния? Осмеливаемся предположить, что это происходит прежде всего в том случае, когда территория мегаполиса превращается во фронтир, характеризуемый именно подвижными границами, стремящимися к расширению.

Мегаполис как фронтирная гетеротопия

Классический фронтир, в том смысле как понимал его Ф. Тёрнер, представлял собой территорию подвижных границ, характеризуемую следующими чертами: окраинность заселённой территории; противостояние дикости и цивилизации; сопротивление властям, свобода, демократизм, либерализм; полиэтничность и поликонфессиональность, религиозная свобода; индивидуализм, отрицание старого, новое поле возможностей и т.д.⁸⁵³ Однако классик фронтирной теории полной систематизации фронтирных характеристик так и не закончил.

Позднее варианты такой систематизации были предложены российскими исследователями. Систематизируя теоретические представления о фронтире, И.П. Басалаева выделяет следующие характерные для фронтирной территории черты: этнокультурная неоднородность групп; неравная численность фронтлирующих групп; амбивалентно-конфликтное взаимодействие фронтлирующих групп; изначальная гендерная диспропорция в доминантной фронтлирующей группе; дальнейшая социокультурная и этническая ассимиляция фронтирных групп; маргинальное («окраинное», «украинное») геополитическое расположение фронтирной территории; отсутствие чётких границ, как государственных, так и внутренних; квазиграничность (наличие «естественных пограничных рубежей», зонизирующих пространство фронта); центриро-

⁸⁵³Turner F. J. The frontier in American history. New York : Courier Dover Publ., 1996.

вание фронтальной зоны очагами «городской жизни»; де-факто колониальный статус территории; отсутствие теоретически осмысленной целенаправленной региональной политики; номинальный характер государственной власти; отличие системы управления от таковой в метрополии, рыхлость административно-управленческой структуры; компрадорская по своей сути «местная» элита-нерезидент; «административное бесправие» и произвол; более высокая, чем в метрополии, степень горизонтальной и вертикальной мобильности, несформированность постоянного (местного) населения⁸⁵⁴. Ряд корректив в эту схему были внесены С.Н. Якушенковым⁸⁵⁵.

В последнее время понятие «фронт» всё чаще стало выходить за рамки традиционного употребления, только применительно к американской истории, так как его понимал Ф. Тёрнер. Расширилась не только география фронта, он стал применяться к ряду других территорий: Индия (R.V. Remberton, G.Th. Bayfield, S. Cotton, S.S. Jeyaseela), Канада (E. Furniss), Афганистан (V. Schofield), Австралия (E. Furniss), Африка (О.М. Есаулова), Россия (М. Khodarkovsky, J.L. Weiczynski, D.P. Show). В России появились школы региональных фронтальных исследований: сибирского (А.Д. Агеев, А.С. Хромых), дальневосточного (А.П. Забияко), южнороссийского (С.Н. Якушенков, О.С. Якушенкова), кавказского (А.Т. Урушадзе). Всё чаще ведётся речь о *пространстве* фронта, которое может быть и сетевым⁸⁵⁶, и информационным⁸⁵⁷, в том числе и пространством мегаполиса.

Концепцию мегаполиса как фронта в течение ряда лет разрабатывала американская исследовательница С. Сассен. Сассен считает, что современный город, особенно мегаполис, представляет собой новый фронт, поскольку в первую очередь – это место встречи акторов из разных миров, где нет чётких правил взаимодействия. Следуя Сассен, можно рассматривать мегаполис как фронт с нескольких сторон. С одной стороны, это место встречи акторов различных культур, с другой – это стратегический фронт для корпоративного капитала. Современная экономика конструирует в мегаполисах некие формальные инструменты для создания регулируемой среды обеспечения бесперебойно действующего глобального пространства финансовых операций. И эти инструменты Сассен считает некими аналогами старых военных фортов на историческом фронте.

С третьей стороны, мегаполис – это политический фронт для тех, «кому не хватает власти, тех, кто находятся в неблагоприятном положении,

⁸⁵⁴Басалаева И. П. Критерии фронта: к постановке проблемы // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2.

⁸⁵⁵Якушенков С. Н. Фронт как культурная парадигма // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 1. С. 288–298.

⁸⁵⁶Морозова Е., Мирошниченко И., Рябченко Н. Фронт сетевого общества // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60, № 2. С. 83–97.

⁸⁵⁷Баева Л. В. Типология и проблемы изучения Южно-российского фронта // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 1. 2014. № 2.

посторонних, ущемляемых меньшинств»⁸⁵⁸. Мегаполис – это пространство, являющееся компасом внутренних конфликтов и различий⁸⁵⁹. Житель мегаполиса не получает «своего места в пространстве автоматически, его нужно обрести, приложив определённые усилия в “завоевании места под солнцем”»⁸⁶⁰. Именно эта черта была характерна для классического американского фронта.

Фронтир мегаполиса – это пространство его подвижных, меняющихся границ. Мегаполис наступает на прилегающие территории, подминая их под себя, как, например, Москва Московскую область. Или превращается в мегаполис. Меняется соотношение пространства центра и пригородов, традиционного, часто монокультурного пространства и этноанклавов. Сассен считает, что за последние десятилетия изменилась концепция современной границы, она вышла за рамки государственно-национального разделения территорий. Всё больше границ обозначает наше соприкосновение не с внешними территориями, а внутри определённого пространства, являясь так называемыми внутренними границами. Иногда эти внутренние границы обозначают пространство чужой территории, как, например, полные анклавы или посольства.

В рамках данной работы мы не будем подробно рассматривать характеристические черты мегаполиса как фронта и сравнивать его с моделями, предложенными как Ф. Тёрнером, так и другими исследователями. Отметим только наиболее важную для нас характеристику мегаполисного фронта: территория фронта перестаёт быть окраинным пространством, что является важнейшей чертой исторического фронта, а точно формируется в различных частях национальных территорий, именно там, где развиваются мегаполисы и крупные города.

Однако нельзя забывать один важный момент: любой фронт – это гетеротопное пространство, хотя не любая гетеротопия – фронт. Фронт гетеротопен в силу того, что он представляет собой «другое» пространство, включающее в себя множественные подпространства. Возникает он часто как гетеротопия девиации, собирая на свою территорию маргинализированные личности, позже в фольклоре наделяемые героическими чертами. Фронт может накапливать время, сохраняя традиции. Соединяя фронтную и гетеротопную методологии исследования применительно к изучаемому нами пространству, мы расширяем возможности анализа сложных социальных пространств. Специфика межкультурных коммуникаций на гетеротопных пространствах фронта в диахронном аспекте достаточно подробно описана нами ранее на примере кейса кавказского фронта⁸⁶¹.

⁸⁵⁸Sassen S. The city: today's frontier zone // *Glocalism: journal of culture, politics and innovation*. 2014. № 3. P. 3. DOI: 10.12893/gjcp.2014.3.1.

⁸⁵⁹Sassen S. When the center no longer holds: Cities as frontier zones // *J. Cities*. 2012. URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.cities.2012.05.007>.

⁸⁶⁰Газнюк Л. М. Экзистенциально-антропологический статус человека в мегаполисе // *Научный результат. Сер. Социальные и гуманитарные исследования*. 2015. Вып. 3.

⁸⁶¹Романова А. П. Специфика межкультурных коммуникаций на фронтных территориях // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2015. № 3. С. 266–271.

Если мы не принимаем во внимание базисные принципы, характеризующие фронтир, такие как окраинность, то чем в данном случае является понятие фронта – неким клише, метафорой или все-таки термином, который ставит на одну линию классический фронтир и фронтир современный? Часть пространства мегаполиса, прежде всего на местах соприкосновения районов проживания граждан традиционной для данного мегаполиса культуры и современных анклавных районов, можно рассматривать как фронтир, поскольку это пространство «между», поле активных межкультурных коммуникаций, достаточно подвижное, с расплывчатыми, постоянно передвигающимися границами, со своими конфликтогенными зонами. С другой стороны, современный мегаполис, как пространство множественных локализованных, но в определенных ситуациях пересекающихся культурных и социальных пространств, представляет собой гетеротопию. Напомним, что мегаполис является гетеротопией, поскольку он представляет собой другое, густозаселённое многоэтажное пространство, локализованное в менее плотном и многоэтажном пространстве. Он гетеротопен и в силу того, что имеет внутри себя ряд гетеротопных подпространств. Именно подвижные границы этих подпространств, в данном случае этнических анклавов, формально весьма прозрачные, а неформально – достаточно чётко обозначенные, и представляют собой эту самую мегаполисную фронтирную гетеротопию. Именно она олицетворяет собой концентрацию культурной инаковости на ограниченном пространстве.

Гетеротопия элитного кондоминиума

Мы способны построить небоскребы высотой в шестьсот метров, создавать подводные отели и искусственные острова в форме пальм, способные изобрести «умные материалы», абсорбирующие атмосферные выбросы, как органические, так и неорганические, способны создать самодвижущийся пылесос и лампу, которая включается сама по себе, как только тыходишь в дом. Мы способны оставить людей жить на обочине окружной дороги.

Д. де Виган

Ещё одной гетеротопией современного мегаполиса является кондоминиум. Он представляет собой гетеротопию уже не массовой культуры, рассмотренной нами выше, а элитарной. Элитарность городского пространства может быть разномасштабной: элитные города, такие как мегаполисы, в которые стремятся жители близлежащих окрестностей, элитные районы внутри города, элитные жилые дома и комплексы. Рядом с элитным жильём находятся дома массовой типовой застройки с экономичными вариантами квартир и совсем ветхое жильё, и даже целые районы – гетто, как в латиноамериканских странах. Грани соприкосновения элитарных и массовых районов превращаются в новый городской фронтир.

Рис. 8.7. Квартал № 31, Буэнос-Айрес, Аргентина (URL: <http://varlamov.ru/1072270.html>)

Слово «кондоминиум» латинского происхождения (“con” – «вместе», “dominium” – «владение») и использовалось в первую очередь в римском праве. Некоторые исследователи считают, что термин “condominium” является синонимом понятия “communio”⁸⁶². Экономически и юридически кондоминиум – это совместное владение, обладание недвижимым имуществом. Уже в Древнем Риме этот термин применялся к жилищу, находящемуся в общей собственности. Только эволюция жилища была здесь обратной – от элитарной постройки, которой владела одна семья, до многоквартирного кондоминиума, населённого жителями среднего достатка⁸⁶³. В последнее время кондоминиум стал весьма распространённой формой собственности во многих государствах. Термином «кондоминиум» стали называть элитные жилые комплексы, которые вполне можно рассматривать как «другое» пространство. Элитные кондоминиумы распространены в мегаполисах и крупных городах, где живёт население с достаточно высоким достатком.

Типичный современный элитный кондоминиум, особенно в тёплых странах, представляет собой жилой комплекс повышенной комфортности с современными квартирами и целым рядом мест коллективного пользования для создания высокого уровня комфорта. Туда входят тренажерный зал, серия спортивных комплексов, такие как, например, площадка для игры в

⁸⁶²Бартошек М. Римское право (понятия, термины, определения) : пер. с чеш. М. : Юридическая лит-ра, 1989. 448 с.

⁸⁶³Альберто Анджела. Один день в древнем Риме. Повседневная жизнь, тайны и курьезы. М. : Колибри, 2010.

сквош, бассейн, джакузи, сауна, часто небольшой сад внутри, вокруг кондоминиума или на крыше, бар, ресторан, фитнес-зал, косметологический салон, гаражи, магазины и т.д. Комплексы закрыты для посторонних, снабжены охраной⁸⁶⁴. Если рассмотреть приведённые нами выше принципы гетеротопии применительно к исследуемому нами объекту, то практически большинство из них описывает кондоминиум. Во-первых, пространство кондоминиума закрыто для посторонних, тех, кто не вошёл в элитный список его жильцов, оно имеет секьюритизированный вход и выход. В пространстве кондоминиума, как мы видим, находится не только множество жилых пространств, но и мест, где оказываются всевозможные дополнительные услуги, создающие закрытую зону повышенного комфорта. Причём набор этих пространств может меняться в зависимости от элитности кондоминиума: как от цены квартиры, так и от территориального расположения комплекса. Например, один из кондоминиумов в г. Хайко (КНР), в котором нам удалось побывать в качестве гостей, есть даже бассейны с горячими термальными водами в цокольном этаже здания, открытый бассейн в парковой зоне, куда можно спустится на лифте в купальных костюмах. Техническое оснащение кондоминиума обновляется по мере устаревания технологий.

За стенами кондоминиума протекает другая жизнь, не обеспеченная таким комфортом и возможностью получить массу необходимого и желаемого не просто в шаговой доступности, а не выходя из дома. Причём большинство этих возможностей связано как с поддержанием здорового образа жизни, так и с экономией времени. Кондоминиумы, особенно в тропических странах, представляют собой эстетически продуманные островки жизни, нацеливающие на гедонистический отдых от работы, требующей постоянной концентрации внимания. И в то же время во многих из них есть круглосуточные бизнес-центры, оборудованные всем необходимым для быстрого реагирования на рабочие ситуации, что позволяет вывести бизнес-пространство за пределы зоны домашнего быта. Проживание в таких кондоминиумах придаёт владельцу особый социальный статус в глазах окружающих.

Наличие кондоминиума расширяет круг элиты, поскольку создать комплексный комфорт такого уровня на индивидуальной вилле могут себе позволить только супербогатые люди, а небольшое жильё в кондоминиуме покупают в кредит даже представители среднего класса. Несмотря на свою замкнутость, самодостаточность и элитарность, кондоминиумы не отрезаны от окружающей действительности, они обслуживаются городской инфраструктурой, местными фирмами, а его жители работают в городской системе. Таким образом, практически все основные черты гетеротопии в кондоминиуме проявляются.

Если попытаться определить элитные кондоминиумы как тип гетеротопии, то, скорее всего, к нему применимо понятие гетеротопии убежища. Они действительно таковы, поскольку контрастируя с окружающей средой, они

⁸⁶⁴Ультрасовременный высотный кондоминиум в Бангкоке. URL: <http://www.superbank.ru/forum/thailand/showthread.php?t=74>.

дают обитателям ощущение защищённости, избранности, бытовой независимости, комфорта и максимально предназначены для отдыха, отделяя зону работы от зоны домашнего проживания. По сути, это убежища, но не от властей предержащих, а от социальных проблем города. Данные гетеротопии не являются политическими акторами, не представляют собой источник социальных и политических волнений, они скорее могут выступить не как субъект, а как объект политической провокации.

Однако гетеротопия кондоминиума даёт простор для её трансформации и интерпретации. В последнее время появился тип кондоминиумов, которые представляют собой убежища уже не в переносном, а в прямом смысле⁸⁶⁵. Это подземные жилые комплексы, построенные в США, Новой Зеландии, Германии, в России (на Алтае). Они представляют собой подземные жилые комплексы, совмещающие характеристики элитного жилья со всеми перечисленными преимуществами надземного кондоминиума, с защитной функцией бункера от ядерной войны. Такие бункеры-кондоминиумы оснащены всем необходимым оборудованием для автономного, но весьма комфортного существования. В них, как в фантастических романах прошлого века, даже есть гидропонные сады для выращивания фруктов и овощей и рыбноводческое хозяйство для разведения тилапии, сады и бизнес зоны, ресепшены⁸⁶⁶. Они могут обеспечить автономию такого подземного «улья» на срок до полугода без выхода во внешний мир. Такой кондоминиум ещё более гетеротопен, во-первых, поскольку он совмещает в себе ещё и гетерохронию. В настоящее время этот жилой комплекс, который построен для сценария мировой катастрофы, предназначается для возможного будущего, но одновременно его используют и поддерживают в настоящем. Например, его используют как экзотическую дачу, поскольку детям там нравится больше, чем в Диснейленде⁸⁶⁷. Некоторые комплексы, такие как «Euroпа one» (Германия), трансформированы из исторических бункеров партийной элиты советских времен. Во-вторых, такие комплексы противопоставлены уже не просто массовому жилью, они находятся в оппозиции по отношению ко всему миру, поскольку предполагают, что в скором времени он исчезнет в пламени ядерной войны. Если обычный кондоминиум находится в пространстве города, он виден, заметен и социально обозначен, то ядерное убежище скрыто, засекречено и уходит глубоко в недра. Даная форма гетеротопии представляет собой футурологическую фантазмагорию, основанную на страхе и ненависти, а если ядерный сценарий реализуется, у неё есть большой шанс превратиться в дистопию.

⁸⁶⁵Элитный кондоминиум готов к ядерной войне. URL: http://ufospace.net/news/ehlitnyj_kondominium_gotov_k_jadernoj_vojne/2014-11-12-4080.

⁸⁶⁶США зарываются: частный бункер – кондоминиум, способный выдержать ядерный удар. URL: <http://zagopod.com/blog/43706350714/SSHA-zaryivayetsya--chastnyiy-bunker-kondominium,-spособnyiy-vy>.

⁸⁶⁷Элитный кондоминиум готов к ядерной войне.

Правда, шансы превратиться в дистопию у кондоминиума есть и вне сценария ядерной катастрофы. Такой гетеротопный комплекс легко может маргинализироваться и вследствие этого подвергнуться разрушению в результате дисбаланса не только технической инфраструктуры, но и его социальной составляющей. Именно такой вариант развития сценария был показан в фильме «Высотка» (2015, реж. Б. Уитли). Всё экранное время занимает жизнь элитного кондоминиума, внутри которого есть всё необходимое для удобной жизни и процветания, все бонусы, о которых мы говорили выше. Покидать такой комплекс можно только для походов на работу, а можно и не покидать, к чему практически и придут все герои фильма. В кондоминиуме создаётся своё стратифицированное элитное общество, разбитое на более и на менее элитных жильцов в зависимости от этажности и цены за квартиру. По сути, социум кондоминиума стратифицирован, как и обычный социум, поэтому он подвержен всем конфликтам, основанным на социальном неравенстве, и достаточно быстро становится не только гетеротопией, но и фронтиром. И этот новый фронт развивается не так, как классический, – от дикости к цивилизации, а как рефронт. Люди перестают ходить на работу, грабят, опускаются до первобытного существования.

Надо сказать, что эта фантазмагория имеет прототипы в реальной жизни. Одна из участниц документального фильма «Мегаполис. Среда обитания» (2016) агент по недвижимости К. Никонова утверждает, что она практически уже полгода не выходит за пределы небоскрёба, в котором и живёт, и работает, и такой статус-кво её вполне устраивает⁸⁶⁸. Тем самым она избегает «ужасов» реальной жизни, превращая своё жизненное пространство в гетеротопию. Реальным прототипом фильма «Высотка» может послужить и история маргинализации жилого комплекса «Pruitt-Igoe» в американском городе Сент-Луисе, построенном в середине прошлого века как образец социального жилья. Жилой комплекс был предназначен для молодёжи среднего достатка. Будучи построенным в эпоху сегрегации, он был задуман как комплекс из двух частей – для афроамериканцев и для белых. В течение нескольких лет он превратился в афроамериканское гетто, криминализованное и маргинализованное, и к 1972 г. был полностью снесён. Эта история была зафиксирована в документальном фильме «Коянискаци» (1983, реж. Г. Реджио). Таким образом, мы видим, что при таком развитии сценария новая мегаполисная гетеротопия, будь то маргинализованный этнический анклав или элитный кондоминиум, имеют шансы превратиться в дистопию, а значит стать проблемой в области культурной безопасности.

⁸⁶⁸Мегаполис. Среда обитания. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=kc-us8UkfiE/>

Современный мегаполис представляет собой гетерогенное пространство, включающее в себя различного рода гетеротопии: от классических – театров и библиотек, больниц и тюрем, кладбищ и домов престарелых – до современного метро и элитных кондоминиумов. Практически все виды гетеротопий сосредоточены в пространстве большого города. Ряд из них связан функционально с культурной безопасностью, поскольку репродуцирует и накапливает культурное наследие и культурную память: библиотеки, театры, музеи. Будучи «другим» пространством гетеротопии, не только меняют свой локус, как, например, кладбища, перемещаясь из центра города на окраины и за его пределы, но и усложняют функционал, как, например, кладбища в Каире, которые стали местом обитания не только мертвых, но и живых.

Мегаполисные гетеротопии, например, этноконфессиональные анклавы и кондоминиумы, могут стать угрозой для культурной безопасности, если начнут превращаться из пространств-убежищ в пространства дистопии и, соответственно, в новый фронт. Мегаполис как фронт представляет собой пространство активного межкультурного, экономического, политического взаимодействия, внутренние границы и центры тяжести которого постоянно перемещаются, что позволяет говорить о формировании новых фронтальных пространств не только на периферии, но и в центральных районах современной гетеротопии внутри мегаполиса. Это пространства, чутко реагирующие на все изменения социума.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная культура гетерогенна и нестабильна, она трансформируется так быстро и непредсказуемо, что в процессе её изучения в каждой новой точке бифуркации появляется веер векторов и возможностей исследования. И поставить точку в каком-либо направлении становится весьма проблематичным. После завершения работы стало понятно, что её результатом являются не только монографические труды коллектива, представляющие новый взгляд на проблему культурной безопасности, но и новые проблемы, которые были выявлены в процессе исследования и требуют дальнейшей разработки.

В будущем исследовании можно выделить несколько перспективных направлений. Во-первых, понятно, что далеко не все проблемы гетеротопности современной культуры были затронуты в данном исследовании. М. Фуко, как мы писали выше, только наметил, обозначил основные принципы и типы гетеротопий, не давая им всем подробного анализа. Часть из них была затронута нами в связи с проблематикой культурной безопасности. Однако в данном исследовании основным предметом являлась все же культурная безопасность, а гетеротопия была скорее призмой, через которую рассматривались те или иные её аспекты. Проанализированные гетеротопные пространства культуры показали, что необходимо комплексное исследование культуры через призму её гетеротопности. Отдельного внимания требует эволюция таких гетеротопий, как музей, библиотека, карнавал, кладбище. Эти исследования могут иметь и региональные аспекты.

Во-вторых, дальнейшей концептуализации требует проблема культурной безопасности, которая может пойти по пути выбранных нами направлений исследования, а может, учитывая будущие трансформации культуры, найти новые векторы. В связи с этим важно постоянно учитывать негативные возможности идеологизации этого понятия и последствия данного процесса, поскольку культурная безопасность ни в коем случае не должна превратиться в прокрустово ложе научных исследований.

В-третьих, ещё одним вектором развития данной проблематики является изучение параллельных культурных пространств как гетеротопий, которые формируются во многих европейских странах, в больших количествах принимающих миграционные потоки из Азии и Африки. Эти пространства существуют параллельно с культурным пространством принимающего общества и не только воспроизводят свою культурную идентичность, свои традиции и обычаи, но и влияют на размывание чужих.

В-четвертых, важным вектором развития исследований являются возможности появления новых гетеротопий, основанных на информационных технологиях и расширяющемся и усложняющемся виртуальном пространстве. Уже сейчас такие пространства, как социальные сети, сайты по интересам, фандомные пространства, не только забирают и аккумулируют реальное время его участников, но и могут трансформировать и управлять его дей-

ствиями на расстоянии, например сообщества самоубийц или вербовочные сайты экстремистских организаций.

В-пятых, важной перспективой исследования является изучение городского фронта, которым становятся анклавные гетеротопии, формирующиеся в больших городах и превращающиеся подчас в зоны особого напряжения, связанного со сложным процессом межкультурных коммуникаций.

Поле исследований культурных гетеротопий неисчерпаемо, именно они создают неповторимый культурный ландшафт любого региона, объединяющего в себе старые и новые гетеротопные пространства и дающие постоянную пищу для исследований.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Романова Анна Петровна, доктор философских наук, профессор, директор Гуманитарного института Астраханского государственного университета. Специалист в области философии культуры и религии. Автор более 170 опубликованных научных работ. Основные направления научной деятельности – культурная безопасность, проблема Свой / Чужой в современном мире, исследования религиозного комплекса, фронтальные исследования.

Якушенко Сергей Николаевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры зарубежной истории и регионоведения Астраханского государственного университета. Автор более 170 опубликованных научных работ. Основные направления научной деятельности – история и культуры индейцев аймара, фронтальные исследования. гетеротопные пространства и трансгрессия, проблема Свой / Чужой в современном мире, культурная безопасность.

Баева Людмила Владимировна, доктор философских наук, профессор, декан факультета социальных коммуникаций Астраханского государственного университета, профессор кафедры философии. Автор более 200 научных публикаций по проблемам аксиологии, философской антропологии, социокультурных аспектов развития информационного общества.

Хлыщева Елена Владиславовна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой культурологии Астраханского государственного университета. Специалист в области теории культуры, культурной антропологии, регионалистики. Автор более 120 опубликованных научных работ. Основные направления научной деятельности – теория культуры, культурная идентификация, картина мира, исследования региональной культуры, диалог культур.

Бичарова Мария Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка Каспийского института морского и речного транспорта (филиал Волжского государственного университета водного транспорта). Специалист в области лингвокультурологии, социолингвистики и социологии. Автор более 90 опубликованных научных работ. Основные направления научных исследований – концепты семьи, брака и родительства, матримониальное поведение молодежи, ценностные ориентиры в сфере семьи и родительства, добровольная бездетность.

Лебедева Ирэна Валерьевна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка Каспийского института морского и речного транспорта (филиал Волжского государственного университета водного транспорта). Специалист в области миграции социологии семьи и социологии миграции. Автор более 120 опубликованных научных работ. Основные направления научной деятельности – достоверность данных, нематериальное культурное наследие стран Европы, Другой в семье, добровольная бездетность.

Топчиев Михаил Сергеевич, кандидат политических наук, старший научный сотрудник лаборатории по исследованию социально-политической и культурной динамики региона Нижнего Поволжья и Северного Прикаспия, автор более 50 работ. Основные направления научной деятельности – государственная конфессиональная политика, конфессиональная безопасность, проблема Чужой / Другой, религиозная трансгрессия.

Якушенкова Олеся Сергеевна, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии Астраханского государственного университета. Автор более 40 научных работ. Основные направления научной деятельности – проблема Чужой / Другой в гетеротопии, гетеротопные пространства и трансгрессия, фронтальные исследования.

Алиев Растям Туктарович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории по исследованию социально-политической и культурной динамики региона Нижнего Поволжья и Северного Прикаспия, доцент кафедры культурологии Астраханского государственного университета, специалист в области современной культуры. Автор более 20 опубликованных научных работ. Основные направления научной деятельности – фронтальные и этнофронтальные исследования, культурная безопасность, проблема Другого / Чужого в современном мире и массовой культуре, исследования массовой культуры США.

Джумакаева (Ваккасова) Марина Валижоновна, аспирант исторического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук. Основные направления научной деятельности – гендерная история и феминология, культурная безопасность, биометрические исследования в международных отношениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 30-летний рубеж: гендерные роли и стереотипы. – 26.08.2015. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/2015/08/26/30-letnij-rubezh-gendernye-rol-i-steriotipy/>.
2. Абрамова Н. А. Восток и запад: к вопросу о культурной безопасности / Н. А. Абрамова, К. С. Хатькова // Россия и Китай: проблема стратегического взаимодействия. – 2014. – № 14. – С. 121–124.
3. Агапеева К. Барри Бузан и теория секьюритизации / К. Агапеева. – Режим доступа: <https://www.geopolitica.ru/article/teoriya-sekyuritizacii-barri-buzana>.
4. Актуальные проблемы Европы // Иммигранты в Европе: Проблемы социальной и культурной адаптации / под ред. Т. Г. Пархалиной. – М.: РАН. ИНИОН, 2006. – С. 99.
5. Альберто Анджела. Один день в древнем Риме. Повседневная жизнь, тайны и курьезы / Альберто Анджела. – М.: Колибри, 2010.
6. Антонов А. И. Репродуктивные установки и удовлетворенность семейной жизнью в России и Европе (по данным европейского социального исследования – 2006) / А. И. Антонов, О. Л. Лебедь, Е. Н. Новосёлова, А. А. Соколов // III Всероссийский социологический конгресс. – М., 2008.
7. Афоризмы А. Ж. Мусина. – Режим доступа: <http://letter.com.ua/aphorism/zhumabekovich148.php>.
8. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта / А. С. Ахиезер. – М.: Филос. об-во СССР, 1991. – Ч. 3.
9. Бабосов Е. М. Безопасность. Энциклопедия социологии / Е. М. Бабосов. – М.: Книжный Дом, 2003.
10. Багирова А. П. Образ родительства и его развитие в концепции родительского труда / А. П. Багирова, О. М. Шубат // Социологические исследования. – 2014. – № 4. – С. 103–110.
11. Багирова А. П. Развитие семейно-репродуктивных установок студенческой молодежи как направление демографической политики России / А. П. Багирова, О. М. Шубат, А. И. Ворошилова // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2013. – № 36. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-semeyno-reproduktivnyh-ustanovok-studencheskoy-molodezhi-kak-napravlenie-demograficheskoy-politiki-rossii> (дата обращения: 08.11.2017).
12. Баева Л. В. Виртуальная сансара: трансформация модели реальности в условиях информационной культуры / Л. В. Баева // Информационное общество. – 2012. – № 2. – С. 44–52.
13. Баева Л. В. Сохранение культурного наследия как воплощение ценности традиции / Л. В. Баева // Философия и общество. – Январь – март 2012. – № 1. – С. 109–118.
14. Баева Л. В. Типология и проблемы изучения Южно-российского фронта / Л. В. Баева // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 1. – 2014. – № 2.
15. Баева Л. В. Электронная культура: опыт философского анализа / Л. В. Баева // Вопросы философии. – 2013. – № 5. – С. 75–83.
16. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М.: Рипол Классик, 1994. – С. 18.
17. Бартенев В. И. Секьюритизация сферы содействия международному развитию: анализ политического дискурса / В. И. Бартенев // Вестник международных организаций. – 2011. – № 3 (34). – С. 37–50.
18. Бартошек М. Римское право (понятия, термины, определения) : пер. с чеш. / М. Бартошек. – М.: Юридическая лит-ра, 1989. – 448 с.
19. Басалаева И. П. Критерии фронта: к постановке проблемы / И. П. Басалаева // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 2.
20. Батай Ж. Внутренний опыт / Ж. Батай. – СПб.: Аxioma/Мифрил, 1997.
21. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – М.: Худ. лит-ра, 1990.
22. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма: новая всемирно-политическая экономия / У. Бек. – М.: Территория будущего : Прогресс-традиция, 2007.
23. Бек У. Что такое глобализация? / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2001.
24. Белугина Г. К. Проблема актуализации нематериального культурного наследия / Г. К. Белугина // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – № 2, т. 1 (Гуманитарные науки).

25. Бердяев Н. А. *Философия свободы* / Н. А. Бердяев. – Харьков – М., 2002.
26. Бичарова М. М. Гомосексуализм: «другой» в семье и «другая» семья / М. М. Бичарова // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. – 2013. – № 3 (36). – С. 174–187.
27. Блог жизни и путешествия по Австралии. – Режим доступа: <http://thenomadicexplorers.com/ru>.
28. Бобрикова К. О. Мишель Фуко и репрезентация образов безумия в искусстве и литературе / К. О. Бобрикова // *Studia culturae*. – 2013. – № 16. – С. 212.
29. Боден Ж. *Метод легкого познания истории* / Ж. Боден. – М. : Наука, 2000.
30. Бодрийяр Ж. *Прозрачность зла* / Ж. Бодрийяр ; пер. Л. Любарской, Е. Марковской. – М. : Добросвет, 2000.
31. Бодрийяр Ж. *Символический обмен и смерть* / Ж. Бодрийяр. – М. : Добросвет, 2000.
32. Бодрийяр Ж. *Симулякры и симуляция* / Ж. Бодрийяр ; пер. А. Качалова. – М. : Рипол-классик, 2015.
33. Бодрийяр Ж. *Симулякры и симуляция* / Ж. Бодрийяр ; пер. О. А. Печенкина. – Тула, 2013.
34. Бодрийяр Ж. *Система вещей* / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр. С. Зенкина. – М. : Всерос. гос. библиотека иностр. лит-ры им. М. И. Рудомино, 1995.
35. Большинство американцев нормально относятся к гомосексуальности // *GayRussia.Ru*. – 2011. – Режим доступа: <http://www.gayrussia.eu/world/1633/> (дата обращения: 22.04.2013).
36. Борисов А. А. *Мультикультурализм* / А. А. Борисов // *Мультикультурализм и этнокультурные процессы в меняющемся мире* / под ред. Г. И. Зверевой. – М., 2013. – С. 18.
37. Брак в России: вчера и сегодня. – Пресс-выпуск 2807. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115214>.
38. Брубейкер Р. *Этничность без групп* / Р. Брубейкер. – М. : ВШЭ, 2012.
39. Бунин И. А. *Полн. собр. соч. : в 13 т.* / И. А. Бунин. – М. : Воскресенье, 2006. – Т. 2.
40. Бурдьё П. *Социология политики* / П. Бурдьё ; пер. с фр. Н. А. Шматко ; сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. – М. : Socio-Logos, 1993.
41. Бурдьё П. *Формы капитала* / П. Бурдьё // *Экономическая социология*. – 2002. – Т. 3, № 5.
42. Бутовская М. Л. *Гомосексуализм в эволюционной перспективе* / М. Л. Бутовская // *Химия и жизнь*. – 2010. – № 7. – С. 35.
43. Бутто О. Л. *Репрезентация концептов «семья», «брак», «жена» в итальянской лингвокультуре* / О. Л. Бутто. – Краснодар, 2010.
44. В Петербурге вышла брошюра «Справочник трудового мигранта». – Режим доступа: http://elport.ru/articles/spravochnik_trudovogo_migranta_priezjayuschim_v_sankt-peterburg.
45. Васильев К. *Ключаревская летопись: история о начале и возобновлении Астрахани, случившихся в ней происшестввах, об архиереях в оной бывших, а также о воеводах, градоначальниках и губернаторах* / К. Васильев. – Астрахань : Тип. Губернского Правления, 1887. – С. 89.
46. Вершинина И. А. *Понятийный аппарат социологической урбанистики: критический анализ* / И. А. Вершинина // *Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология*. – 2015. – № 2. – С. 11.
47. Веселовский Н. И. *Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией* / Н. И. Веселовский. – СПб, 1890. – Т. 1.
48. Винокуров Е. Ю. *Теория анклавов* / Е. Ю. Винокуров. – Калининград : Terra Балтика, 2007.
49. *Власти Москвы подготовили для мигрантов сборник рекомендаций по поведению в российской столице*. – Режим доступа: <http://echo.msk.ru/news>.
50. Возжеников А. В. *Глобальные вызовы, угрозы и опасности современности. Приоритеты политики обеспечения национальной безопасности России* / А. В. Возжеников и др. – М. : РАГС при Президенте РФ, 2008.
51. Воронков В. *Мультикультурализм и деконструкция этнических границ* / В. Воронков // *Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ* / под ред. В. С. Малахова и В. А. Тишкова. – М., 2002. – С. 41.
52. Воронкова Л. В. «Это не рынок»: игра с форматами / Л. В. Воронкова, Е. В. Сотников, О. В. Паченков // *Практики и интерпретации*. – 2016. – Т. 1 (4).

53. ВЦИОМ. Поколение Selfie: пять мифов о современной молодежи. – Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115996> (выборка 1600 человек из 46 населённых пунктов России).
54. Выбор женщины: карьера или семья? – Пресс-выпуск 2533. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114735>.
55. Высоцкий В. С. Собр. соч. : в 4 кн. / В. С. Высоцкий. – М. : Надежда, 1997. – Кн. 2: Мы вращаем Землю, т. 2.
56. Газнюк Л. М. Экзистенциально-антропологический статус человека в мегаполисе / Л. М. Газнюк // Научный результат. Сер. Социальные и гуманитарные исследования. – 2015. – Вып. 3.
57. Галич А. Блошинный рынок / А. Галич // Время и мы. – 1977. – № 24. – С. 7–8.
58. Гейман Н. Никогда / Н. Гейман. – М. : АСТ, 2009.
59. Геннеп А. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / А. Геннеп. – М. : Восточная лит-ра, 1999.
60. Герцен А. И. Собр. соч. : в 30 т. / А. И. Герцен. – М. : АН СССР, 1954. – Т. 3.
61. Гессе Г. Игра в бисер / Г. Гессе. – М. : АСТ, 2010.
62. Глобальная индийская стирка. – Режим доступа: <http://www.kulturologia.ru/blogs/191015/26781/>.
63. Глобальная программа кибербезопасности МСЭ. Основа для международного сотрудничества в области кибербезопасности. – Режим доступа: <http://gosbook.ru/document/23428/23461/preview>.
64. Глуховский Д. А. Метро 2033 / Д. А. Глуховский. – М. : Астрель, 2009.
65. Гомосексуальность в российском общественном мнении. – М. : Левада-центр, 2010. – Режим доступа: <http://old.levada.ru/press/2010080602.html> (дата обращения: 20.04.2013).
66. Городские легенды. Призраки московского метро. – 14.10.2015. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=50ME3JANETQ>.
67. Греймас А. Ж. Семиотика страстей. От состояния вещей к состоянию души / А. Ж. Греймас, Ж. Фонтаний. – М., 2007.
68. Грицанов А. А. Жан Бодрийяр / А. А. Грицанов. – Минск : Книж. дом, 2008.
69. Грицков Ю. В. Усложнение рисков как угрозы культурной безопасности / Ю. В. Грицков, Т. Караченцева // Риск и безопасность. Социально-психологические аспекты. – Екатеринбург, 2015. – С. 70–74.
70. Гусарова Е. В. Астраханские находки / Е. В. Гусарова. – СПб, 2009.
71. Д. К. Персидский эндерун. Письма из Тегерана / Д. К. // Вестник Европы. – 1886. – № 10.
72. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рипол Классик, 2006.
73. Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия / В. И. Даль. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. – 736 с.
74. Данные “United Nations Population Division” за 2016 год. – Режим доступа: <http://www.un.org/en/development/desa/population/>.
75. Декларация Московского демографического саммита «Семья и будущее человечества». – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1554221.html>.
76. Делёз Ж. Анти-Эдип. Капитализм и Шизофрения / Ж. Делёз, Ф. Гваттари ; пер. с фр. и послесл. Д. Кралечкина. – М. : У-Фактория, 2007.
77. Делёз Ж. Логика смысла / Ж. Делёз. – М., 1998.
78. Делёз Ж. Платон и симулякр / Ж. Делёз // Интенциональность и текстуальность. – Томск, 1998.
79. Деминцева Е. Сообщества мусульман во Франции: значение понятия «интеграция» сегодня / Е. Деминцева // Государство, миграция и культурный плюрализм в современном мире / под ред. В. С. Малахова, В. А. Тишкова. – М. : ИКАР, 2011. – С. 174.
80. Деррида Ж. Позитивизм / Ж. Деррида. – Киев : Д.Л., 1996.
81. Дерябина С. Р. Россия и опыт мультикультурализма: за и против / С. Р. Дерябина // Этнопанорама. – 2005. – № 1–2. – С. 15.
82. Дмитриев Г. Д. Многокультурное образование / Г. Д. Дмитриев. – М., 1999.

83. Дмитриева Д. Г. Между Готэмом и Метрополисом: образ Нью-Йорка в комиксах о супергероях 1938–1945 гг. / Д. Г. Дмитриева // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 8. – С. 259.
84. Долматовский Е. А. Я вам должен сказать / Е. А. Долматовский. – М. : Современник, 1984.
85. Дубровский Д. И. Новая реальность: человек и компьютер / Д. И. Дубровский // Полигнозис. – 2003. – № 3.
86. Дугин А. Политическая система современной России: симулякры и альтернативы / А. Дугин. – Режим доступа: <http://www.konservatism.org>.
87. Дюфуа С. Больше чем бунт: политические вопросы / С. Дюфуа. – Режим доступа: <http://dialogs.org.ua/ru/cross/page9043.html> <http://riotsfrance.ssrc.org/Dufoix/>.
88. Еляков А. Д. Благо и зло: жгучий парадокс Интернет / А. Д. Еляков // Философия и общество. – 2011. – № 2. – С. 58–76.
89. Железняк О. Е. Город: мифология места и «Виртуальная реальность» / О. Е. Железняк // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2011. – № 7 (54). – С. 211.
90. Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального / С. Жижек ; пер. с англ. А. Смирного. – М. : Прагматика культуры, 2002.
91. Жижек С. Киберпространство, или Невыносимая замкнутость бытия / С. Жижек // Искусство кино. – 1998. – № 1. – С. 125.
92. Жижек С. Киногид извращенца: Кино, философия, идеология: сборник эссе : пер. с англ. / С. Жижек ; предисл. А. Павлова. – Екатеринбург : Гонзо, 2014.
93. Жижек С. Накануне Господина: сотрясая рамки / С. Жижек. – М. : Европа, 2014.
94. Жукова М. В. Компьютерная зависимость как один из видов аддиктивной реализации / М. В. Жукова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2013. – № 11. – С. 125.
95. «Заббалин, город мусорщиков», реж. А. Сомов, 2016. – Режим доступа: <https://doc.rt.com/filmy/zabballin-gorod-musorshnikov1/>.
96. Заболоцкий Н. История моего заключения / Н. Заболоцкий. – М. : Библиотека журнала «Огонек», 1991.
97. Замятин Д. Н. Культура и пространство. Моделирование географических образов / Д. Н. Замятин. – М. : Знак, 2006. – 488 с.
98. Захаров А. В. Возможен ли симбиоз традиционной и массовой культуры? / А. В. Захаров // Массовая культура на рубеже веков / под ред. Е. В. Дукова, Л. И. Левина. – СПб, 2005. – С. 17.
99. Зотова О. Ю. Безопасность России / О. Ю. Зотова // Живая психология. – Режим доступа: http://gosfc.ru/upload/media/journal_lp/01_Paper_LP_2014.pdf.
100. Иванов Д. В. Виртуализация общества / Д. В. Иванов. – СПб : Петербургское востоковедение, 2002.
101. Идеальная семья – 2016. – Пресс-выпуск 3148. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115768>.
102. Иноземцев В. Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы / В. Л. Иноземцев. – М. : Логос, 2000.
103. Интервью с организатором: Kirsti Tuominen. On Restaurant Day and the making of a grass root movement. – Режим доступа: <http://blancajutiblog.com/kirsti-tuominen-on-restaurant-day-and-the-making-of-a-grass-root-movement/>.
104. Информационная эпоха: вызовы человеку / под ред. И. Ю. Алексеевой и А. Ю. Сидорова. – М. : РОССПЭН, 2010.
105. Какие тайны скрывают подземелья столицы Северной Кореи. – Режим доступа: <https://sozero.livejournal.com/1293390.html>.
106. Камзина О. А. Исследование жизненных сценариев представителей общества child-free / О. А. Камзина, Н. Ю. Самыкина // Вестник Самарского государственного университета. – 2014. – № 1. – С. 214.
107. Каминат: Руководство для семей и друзей гомосексуалов / пер. с англ. Е. Агафонова // FFLAG Организация семей и друзей лесбиянок и геев. – 2006. – Режим доступа: <http://lesboss.ru/articles/37520/0/Eaieiaoo-Doeiaianoai-aeu-naiae-e-adocae-aiiinaenoaeia/Nodaieoa0.html> (дата обращения: 08.11.2017).

108. Капурро Р. Информационная этика / Р. Капурро // Информационное общество. – 2010. – № 5. – С. 6–15.
109. Карасик В. И. О категориях лингвокультурологии / В. И. Карасик // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. – Волгоград, 2001.
110. Карцева Л. В. Семья в трансформирующемся обществе / Л. В. Карцева // Вестник Московского государственного университета. Секц. 18. – 2004. – № 1. – С. 27.
111. Карцева Л. В. Семья в условиях трансформации российского общества: теоретическая модель и эмпирическая реальность / Л. В. Карцева. – Казань, 2002.
112. Каченовский М. Т. Описание Константинополя. Политические и другие происшествия / М. Т. Каченовский // Вестник Европы. – 1825. – Ч. 140, № 1. – С. 23.
113. Ким Лена. Мегалополис / Ким Лена. – Режим доступа: <http://www.stihi.ru/2008/03/28/743>.
114. Кириллова Н. Б. От медиакультуры к медиалогии / Н. Б. Кириллова // Культурологический журнал. – 2011. – № 4. – С. 4. – Режим доступа: http://www.cjournal.ru/rus/journals/98.html&j_id=8.
115. Клещенко Е. Одна из трёх норм / Е. Клещенко // Химия и жизнь. – 2010. – № 7. – С. 31.
116. Ковригина В. А. «Немецкий город большой и людный»: Немецкая слобода Москвы XVII–XVIII вв. / В. А. Ковригина // Русские и немцы. 1000 лет истории, искусства и культуры. – М., 2012.
117. Кольцов А. В. Полн. собр. соч. / А. В. Кольцов ; под. ред. А. И. Лященко. – СПб : Изд. Разряда изящной словесности Императорской Академии Наук, 1909.
118. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов / Н. Г. Комлев. – М. : ЭКСМО, 2006.
119. Кон И. Лики и маски однополю любви. Лунный свет на заре / И. Кон. – М. : АСТ – Олимп, 2003. – 496 с.
120. Кон И. С. Любовь небесного цвета / И. С. Кон. – М. : Продолжение Жизни, 2001.
121. Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (Заключена в г. Гааге 14.05.1954) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – М. : Госполитиздат, 1960. – Вып. 19. – С. 114–142.
122. Костина А. В. Кризисное состояние идентичности в современном мире: причины и предпосылки / А. В. Костина // Знание. Понимание. Умение. – 2009. – № 4. – Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Kostina_Recessionary/.
123. Костина А. В. Культурная политика современной России: соотношение этнического и национального / А. В. Костина, Т. М. Гудима. – М. : ЛКИ, 2007.
124. Кочарян Г. С. Гомосексуальность: исследование Альфреда Кинси / Г. С. Кочарян // Журнал психиатрии и медицинской психологии. – 2009. – № 2 (22). – С. 134.
125. Кошелев А. П. О первом проекте переброски сибирских вод в Арало-Каспийский бассейн / А. П. Кошелев // Вопросы истории естествознания и техники. – 1985. – № 3. – С. 95–97.
126. Крапивенский А. С. Организации территориального общественного самоуправления как социальный институт управления региональной культурной безопасностью / А. С. Крапивенский, О. И. Коломок, Н. В. Зенина. – Режим доступа: <https://science-education.ru/pdf/2014/5/14934.pdf>.
127. Красота метрополитенов // Mansden. – Режим доступа: <https://mansden.ru/krasota-metropolitenov>.
128. Куле К. СМИ в Древней Греции: сочинения, речи, разыскания, путешествия / К. Куле ; пер. с франц. С. В. Кулланды. – М. : Новое лит. обозрен., 2004.
129. Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке / отв. ред. Н. А. Кочеляева. – М. : Совпадение, 2015. – 168 с.
130. Культурология. XX в. – СПб, 1997.
131. Куприянова И. С. Однополюе семьи в современном обществе: проблемы нормализации / И. С. Куприянова // Проблема нормы и патологии: современные дискурсивные практики. – Саратов : СГМУ, 2002. – С. 31.
132. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой / Дж. Кэмпбелл. – М. : Аст, 1997.
133. Лавкрафт Г. Хребты безумия / Г. Лавкрафт. – СПб : Домино, 2010.
134. Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном / Ж. Лакан. – М. : Русское феноменологич. об-во, 1997.

135. Лебедева И. В. Мигранты в Европе и культурная безопасность / И. В. Лебедева, М. М. Бичарова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2015. – № 3 (44). – С. 330–337.
136. Лебедева И. В. Особенности менталитета россиян / И. В. Лебедева, М. М. Бичарова // Человек в современных научных и философских концепциях мироздания / ред. Н. А. Краснова, Т. Н. Плесканюк. – Н. Новгород : Профессиональная наука, 2016. – С. 15.
137. Лебедева Н. М. Культура и инновации: к постановке проблемы / Н. М. Лебедева, Е. Г. Ясин // Форсайт. – 2009. – № 2 (10). – С. 16–26.
138. Лебон Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. – СПб, 1995.
139. Лефевр А. Производство пространства / А. Лефевр. – М. : Strelka Press, 2015. – 432 с.
140. Линч К. Образ города / К. Линч ; пер. с англ. В. Л. Глазычева ; сост. А. В. Иконников ; под ред. А. В. Иконникова. – М. : Стройиздат, 1982.
141. Лисий. Речи. XXIV. Речь о том, что не дают пенсии инвалиду. – М. : Ладомир, 1994. – Режим доступа: <http://simposium.ru/node/726>.
142. Ловицкий Н. Хронотоп романа Д. Глуховского «Метро 2033» / Н. Ловицкий // Международный журнал экспериментального образования. – 2014. – № 6.
143. Лопатин Н. М. Русские народные лирические песни / Н. М. Лопатин, В. П. Прокунин. – М. : Гос. муз. изд-во, 1956.
144. Лотман Ю. М. Избранное : в 3 т. / Ю. М. Лотман. – Таллинн : Александра, 1992. – Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры.
145. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Н. Луман ; пер. с нем. И. Д. Газиева ; под ред. Н. А. Головина. – СПб : Наука, 2007.
146. Лыкошин Н. Мухаммад Наршахи. История Бухары / Н. Лыкошин. – Ташкент, 1897.
147. Любарт М. К. Семья во французском обществе: XVIII – начало XX века / М. К. Любарт. – М. : Наука, 2005.
148. Магун В. С. Изучение базовых ценностей россиян на основе Европейского социального исследования / В. С. Магун, М. Г. Руднев. – Режим доступа: <https://www.hse.ru/data/326/183/1240/present.pdf> (дата обращения: 11.08.2017)
149. Мазур Ю. Ю. Идентичность в условиях глобализации и регионализации / Ю. Ю. Мазур // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер. Гуманитарные и общественные науки. – 2013. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/identichnost-v-usloviyah-globalizatsii-i-regionalizatsii>.
150. Маклюэн М. Понимание Медиа: внешние расширения человека / М. Маклюэн. – М. – Жуковский : Канон-Пресс-Ц, Кучково Поле, 2003.
151. Маковецкий Е. А. К вопросу о перспективах концепции культурного наследия / Е. А. Маковецкий // Философия и культура. – 2013. – № 12 (72). – С. 1794. – DOI: 10.7256/1999-2793.2013.12.3978.
152. Максимов С. В. Сибирь и каторга : в 3 ч. / С. В. Максимов. – СПб : Тип. А. Траншеля, 1871.
153. Малахов В. С. «Скромное обаяние расизма» и другие статьи / В. С. Малахов. – М. : Дом интеллект. книги, 2001.
154. Малахов В. С. Интеграция иммигрантов: концепции и практики / В. С. Малахов. – М. : Мысль, 2015.
155. Малахов В. С. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций / В. С. Малахов. – М. : Новое лит. обозрен., 2014.
156. Малахов В. С. Миграционной политики у нас нет / В. С. Малахов. – 2017. – Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2015/03/23/migrant/>.
157. Малахов В. С. Мультикультурализм и идеология «инакости» / В. С. Малахов. – М. : Новое лит. обозрен., 2007.
158. Малахов В. С. Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / В. С. Малахов ; под ред. В. С. Малахова, В. А. Тишкова. – М., 2012.
159. Малахов В. С. После мультикультурализма: Европа и её иммигранты / В. С. Малахов. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2012/01/27/malakhov/>.
160. Малахов В. С. Мультикультурализм в Западной Европе: по ту сторону риторики / В. С. Малахов. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1155.

161. Малева Т. М. 2016: социально-экономическое положение населения – продолжающийся кризис или новая реальность? / Т. М. Малева. – Режим доступа: <http://www.ranepa.ru/images/News/2017-05/24-05-2017-insap-issledovanie.pdf>.
162. Малоизученные и неконтактные племена и народы земного шара. – Режим доступа: <http://fishki.net/2310066-maloizuchenye-i-nekontaktnye-plemena-i-naroldy-zemnogo-shara.html>.
163. Мальковская И. А. Многоликий Янус открытого общества: Опыт критического осмысления ликов общества в эпоху глобализации / И. А. Мальковская. – М. : ЛКИ, 2008.
164. Мамонова В. А. Глобализация в пространстве культуры: векторы развития / В. А. Мамонова // CREDO NEW. – 2007. – Режим доступа: www.CredoNew.narod.ru.
165. Мамонтова В. А. Мультикультурализм: разнообразие и множество / В. А. Мамонова // Интелрос. – 2007. – № 2. – С. 4.
166. Мантран Р. Повседневная жизнь Стамбула в эпоху Сулеймана Великолепного / Р. Мантран. – Режим доступа: http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9C/mantran-rober/povsednevnauzhiznj-stambula-v-epohu-sulejmana-velikolepnogo#sec_7.
167. Маршак А. Л. Культурная безопасность московского мегаполиса / А. Л. Маршак, В. В. Сергеев. – М. : Серебряные нити, 2008.
168. Маршак С. Избранные переводы / С. Маршак. – М. : Гос. изд-во худ. лит-ры, 1955. – Т. 2: Стихи, сказки, переводы.
169. Мацуки Такахиро. Возобновленный проект станции метро Шонандай. Чрезмерный людской поток / Мацуки Такахиро, Тору Огата, Казуаки Секи // Вопросы теории и истории в градостроительстве, архитектуре и дизайне. – 2014. – Т. 1: Новые идеи нового века. – С. 368.
170. Мегалполис. Среда обитания. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=kc-us8UkfiE/>
171. Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия. – Режим доступа: <http://unesdoc.unesco.org/images/0013/001325/132540r.pdf>.
172. Межуев Б. «Остров Россия» и российская политика идентичности / Б. Межуев // Россия в глобальной политике. 2017. – № 2. – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Ostrov-Rossiya-i-rossiiskaya-politika-identichnosti>.
173. Мельников-Печерский П. И. В лесах / П. И. Мельников-Печерский // Мельников-Печерский П. И. Полн. собр. соч. – СПб : Т-во А.Ф. Марксъ, 1909. – Т. 2. – С. 135.
174. Мигунов Н. И. Конфуцианский путь Ту Вэй-мина / Н. И. Мигунов // Век глобализации. – 2014. – № 1. – С. 14.
175. Милль Дж. О свободе / Дж. Милль // Наука и жизнь. – 1993. – № 11. – С. 10–15 ; № 12. – С. 23.
176. Миндолина М. В. Контркультура: сущность и существование / М. В. Миндолина. – Белгород, 2006.
177. Миронов В. В. Современное коммуникационное пространство как фактор трансформации культуры и философии / В. В. Миронов // Вестник Московского университета. Сер. Философия. 2006. № 4. С. 34–48.
178. Миронова Т. Н. Сохранение культурного и природного наследия как главная черта культурной политики стран Европейского региона: Италия / Т. Н. Миронова // Культурная политика. – 2009. – № 2. – С. 43.
179. Мичурин И. В. Итоги шестидесятилетних трудов / И. В. Мичурин. – М. : АН СССР, 1950.
180. Многоуровневая идентичность / под ред. А. Ю. Шадже. – М. : Российское филос. об-во ; Майкоп : Качество, 2006.
181. Моисеев Н. Н. Мегалполисы как естественный фактор развития человечества и развитие России / Н. Н. Моисеев // С мыслями о будущем России. – М. : Фонд содействия развитию соц. и полит. наук, 1997. – Режим доступа: <http://www.leadnet.ru/moiseev/m11.htm>.
182. Молчановский В. Ф. Безопасность – атрибут социальной системы / В. Ф. Молчановский // Анализ систем на пороге 21-го века: теория и практика. – М. : Интеллект, 1997. – С. 170–177.
183. Мондимер Ф. М. Гомосексуальность. Естественная история / Ф. М. Мондимер ; пер. с англ. Е. Володиной. – Екатеринбург: У-Фактория. 2002.
184. Морина Л. П. Концептуализация чужого в аспекте проблемы мультикультурализма / Л. П. Морина // Свое и Чужое в культуре. – 2011. – № 1 (2). – С. 17.

185. Морозова Е. Фронтр сетевго общества / Е. Морозова, И. Мирошниченко, Н. Рябченко // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2016. – Т. 60, № 2. – С. 83–97.
186. Моррисон Г. Бэтмен: Лечебница Аркхем / Г. Моррисон ; пер. с англ. И. Смирновой. – СПб : Азбука, Азбука-Аттикус, 2015.
187. Мукминова Р. Г. Вакфное имущество медресе Шейбани-хана. Сведения о ремесле и торговле / Р. Г. Мукминова // *К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI в. По материалам «Вакф-наме»*. – Ташкент : Наука, 1966.
188. Мукомель В. И. Грани интолерантности (мигрантофобия, этнофобия) / В. И. Мукомель // *Социологические исследования*. – 2005. – № 2. – С. 59.
189. Мукомель В. И. Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики / В. И. Мукомель // *Мир России*. – 2016. – № 1. – С. 47.
190. Мураками Х. Дэнс, дэн, дэнс / Х. Мураками. – М. : Э, 2017.
191. Назарова Е. А. Особенности миграционных процессов в южных регионах России / Е. А. Назарова // *Социологические исследования*. – 2006. – № 6. – С. 75.
192. Никонова Ж. В. Теория фреймов в лингвистических исследованиях / Ж. В. Никонова. – СПб : СПбГУ, 2006.
193. Новая Турция. Почти Султан, или Возрождение Османской империи ТВЦ. – Режим доступа: <https://yandex.ru/video/searchfilmId=1254507247001563589&text=1510815059518443-403067542248721338812466-1a1-1576-V>.
194. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / под ред. В. С. Стёпина. – М. : Мысль, 2001.
195. Носов Н. А. Манифест виртуалистики / Н. А. Носов. – М. : Путь, 2001.
196. Нужны ли России мигранты? – Режим доступа: <https://www.pravda.ru/society/how/defendrights>.
197. Нысанбаев А. Безопасность Казахстана / А. Нысанбаев, Р. Кадыржанов // *Казахстанская правда*. – 19.02.2003. – С. 92.
198. О гражданстве Российской Федерации : Федеральный закон от 31.05.2002 N 62-ФЗ (посл. ред.). – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36927/.
199. О противодействии терроризму : Федеральный закон от 06.03.2006 N 35-ФЗ (ред. от 06.07.2016; с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017). – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/.
200. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. N 683. – Режим доступа: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>.
201. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 05.12.2016 N 646. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_208191/.
202. Ортега-и-Гассет Х. Запах культуры / Х. Ортега-и-Гассет. – М. : Алгоритм, Эксмо, 2006.
203. Официальный сайт ЮНЕСКО. – Режим доступа: <http://www.unesco.org/new/ru/communication-and-information/>.
204. Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире / А. С. Панарин. – 2008. – Режим доступа: <http://derzava.com>.
205. Панарин А. С. Безопасность как историко-культурная категория / А. С. Панарин // *Безопасность на Западе, на Востоке и в России: представления, концепции, ситуации* / [науч. ред. С. А. Панарин, Д. И. Польшванский]. – Иваново : ИГУ, 2013.
206. Парсонс Г. Л. Человек в современном мире / Г. Л. Парсонс ; пер. с англ. под ред. В. А. Кувакина. – М. : Прогресс, 1985.
207. Перепелкин Л. Государственная национальная политика и проблемы безопасности в этнической сфере / Л. Перепелкин // *Конфликт – диалог – сотрудничество*. 2000. № 2. С. 9–13.
208. Петренко С. Н. Структура мифологического пространства в современном фольклоре и литературе / С. Н. Петренко // *Актуальные вопросы филологической науки XXI века* / под общ. ред. Ж. А. Храмушина, А. С. Поршнева, Л. А. Запелалова, А. А. Ширшикова. – Екатеринбург : Уральский фед. ун-т им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2013.
209. Поезд призрака в Московском метро. Невыдуманная легенда. – Режим доступа: <http://gloom.name/poezd-prizrak-v-moskovskom-metro/>.

210. Престон Д. Реликварий / Д. Престон, Л. Чайлд. – М., 2009.
211. Пригожин А. И. Методы развития организаций / А. И. Пригожин. – М. : Междунар. центр фин.-экон. развития, 2003. – 864 с.
212. Призраки в московском метро. Фильм из серии «Земля». Территория загадок. Другое метро. – 14.12.2015. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=cYdINp7i0KE>.
213. Призраки московского метро. – Режим доступа: <http://mirtayn.ru/prizraki-moskovskogo-metro/>.
214. Прогресс, достигнутый в осуществлении решений и последующей деятельности по итогам Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества на региональном и международном уровнях. – Режим доступа: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/a70d63_ru.pdf.
215. Пронькина А. В. Массовая культура как культурологическая категория / А. В. Пронькина // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. – 2012. – № 34. – С. 72.
216. Противоречивое отношение к сексуальным меньшинствам в нашей стране // infopedia.su. – 2017. – Режим доступа: <https://infopedia.su/5x9430.html> (дата обращения: 08.11.2017).
217. Путин В. В. Патриотизм – это национальная идея России / В. В. Путин. – Режим доступа: <http://polytika.ru/info/57623.html>.
218. Путинцев П. А. Феноменология города и его образа / П. А. Путинцев // Известия вузов. Архитектон. – 2011. – № 1 (33). – Режим доступа: http://archvuz.ru/numbers/2011_1/010.
219. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 6 т. / А. С. Пушкин. – М. – Л. : АН СССР, 1950. – Т. 2.
220. Пясецкий Г. Забытая история Орла / Г. Пясецкий. – Орёл : ГТРК, 1993.
221. Равинский Д. К. Городская мифология / Д. К. Равинский // Современный городской фольклор. – М., 2003. – С. 412.
222. Разгонникова Н. В. Исследование проблем миграции с Северного Кавказа в Астраханскую область: социальные и экономические факторы адаптации (на материале социологического опроса) / Н. В. Разгонникова // Сборник научных работ аспирантов и студентов ВАГС. – Волгоград, 2015. – Вып. 11. – С. 137.
223. Разлогов К. Э. Культурная опасность / К. Э. Разлогов // Компания. – 2008. – 8 Декабря.
224. Разлогов К. Э. Российская культура: развитие или безопасность – что важнее? / К. Э. Разлогов // Культурологический журнал. – 2010. – № 2. – Режим доступа: http://crjournal.ru/files/file/02_2011_20_42_17_1297964537.pdf.
225. Растимешина Т. В. Реализация концепции всемирного культурного наследия в российской и международной правовой и политической практике / Т. В. Растимешина // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2015. – № 4 (8).
226. Рашкофф Д. Медиавирус! Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание / Д. Рашкофф. – М. : Ультра. Культура, 2003.
227. Резолюция 50. «Кибербезопасность». – Режим доступа: https://www.itu.int/dms_pub/itu-t/opb/res/T-RES-T.50-2012-MSW-R.docx.
228. Рекомендации об охране в национальном плане культурного и природного наследия. ЮНЕСКО, 16 ноября 1972 г. – Режим доступа: <http://www.art-con.ru/node/1718>.
229. Романова А. П. Культурная безопасность Астраханского региона глазами молодежи / А. П. Романова, М. С. Топчиев, А. Рогов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2017. – № 4.
230. Романова А. П. Культурная безопасность как важнейший фактор национальной безопасности / А. П. Романова, В. О. Мармилова // Человек. Сообщество. Управление. – 2008. – № 2. – С. 84–94.
231. Романова А. П. Культурная безопасность как предмет философских дискуссий / А. П. Романова // Гуманитарные исследования. – 2012. – № 4. – С. 258–261.
232. Романова А. П. Культурный менеджмент и политика сохранения культурного наследия в современном обществе / А. П. Романова, С. Н. Якушенков, С. А. Дахин, М. А. Топчиев, О. С. Якушенкова // Человек. Сообщество. Управление. – 2010. – № 3. – С. 58–69.
233. Романова А. П. Нижневолжский фронтир: культурная память и культурное наследие / А. П. Романова, С. Н. Якушенков, Е. В. Хлыщева. – Астрахань : Сорокин Р. В., 2014.

234. Романова А. П. Подлинник или симулякр: перспективы развития материального культурного наследия / А. П. Романова, С. Н. Якушенков, С. А. Дахин // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2011. – № 4 (29). – С. 281–288.
235. Романова А. П. Проблема культурной безопасности в научном дискурсе / А. П. Романова, М. М. Бичарова // Человек. Сообщество. Управление. – 2015. – № 2. – С. 36–55.
236. Романова А. П. Специфика межкультурных коммуникаций на фронтальных территориях / А. П. Романова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2015. – № 3. – С. 266–271.
237. Романова А. П. Чужой и культурная безопасность / А. П. Романова, С. Н. Якушенков, Е. В. Хлыщева, М. С. Топчиев. – М. : РОССПЭН, 2013.
238. Руднев В. П. Словарь культуры XX века / В. П. Руднев. – М. : Аграф. 1999. – 384 с.
239. Руководство по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия от 2 февраля 2005. С. 20. – Режим доступа: <http://www.nhpfund.ru/files/operational-guidelines-ru.pdf>.
240. Руководящие указания для детей по защите ребенка в онлайн-среде. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/ecosoc/itu/guidelines_for_children.pdf.
241. Руководящие указания для директивных органов по защите ребенка в онлайн-среде. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/ecosoc/itu/guidelines_for_policymakers.pdf.
242. Руководящие указания для родителей, опекунов и учителей по защите ребенка в онлайн-среде. – Режим доступа: <https://www.itu.int/en/cop/Documents/guidelines-educ-r.pdf>.
243. Русские советские песни (1917–1977). – М. : Худ. лит-ра, 1977.
244. Рыбаковский Л. Л. Трансформация миграционных процессов на постсоветском пространстве / А. П. Романова, С. Н. Якушенков, Е. В. Хлыщева. – М. : РАН. Ин-т соц.-полит. исслед., 2009.
245. Рябченко Н. П. Проблема культурной безопасности России / Н. П. Рябченко // Россия и АТР. – 2013. – № 2. – С. 159–173.
246. Рязанцев С. В. Трудовая миграция из Центральной Азии в Россию в контексте экономического кризиса / С. В. Рязанцев. – 2016. – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/valday>.
247. Сабунаева М. Л. Гомосексуалы на приеме у врача: Психологические рекомендации по взаимодействию с пациентами / М. Л. Сабунаева. – СПб : РГПУ им. А.И. Герцена, 2009.
248. Сабунаева М. Л. Однополые семьи как феномен психологического познания / М. Л. Сабунаева // Современные проблемы психологии семьи: феномены, методы, концепции. – СПб : ИПП, 2010. – Вып. 4. – С. 59.
249. Савенко А. А. Реалити-шоу в контексте позитивных и негативных тенденций функционирования массовой культуры / А. А. Савенко // Вопросы культурологии. – 2011. – № 10.
250. Савин Л. В. Геополитика / Л. В. Савин. – М., 2012. – 110 с.
251. Сазонникова Е. В. Культурная безопасность как вопрос правовой политики: понятие и содержание / Е. В. Сазонникова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 5 (11). – С. 168–170.
252. Салихов Г. Г. Проблема идентичности в условиях глобализации / Г. Г. Салихов // Социология. – 2011. – № 1 (7). – Режим доступа: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/132583/>.
253. Секреты токийского метро. – Режим доступа: <http://www.vsiaco.org.ua/post134892644>.
254. Селезнева Е. Н. Теоретико-методологические проблемы актуализации культурного наследия / Е. Н. Селезнева // Культурологический журнал. – 2013. – № 2 (12). – Режим доступа: http://www.cr-journal.ru/files/file/04_2014_17_06_44_1398517604.pdf.
255. Семенов В. А. Традиционная духовная культура коми-зырян: ритуал и символ / В. А. Семенов. – Сыктывкар : Сыктывкар. гос. ун-т, 1991.
256. Семья и брак в 1989 и 2007 годах. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/2010/01/31/semya-i-brak-v-1989-i-2007-godah/>.
257. Серебрянников В. В. Безопасность России и армия / В. В. Серебрянников, Ю. И. Дерюгин, Н. Н. Ефимов, В. И. Ковалев. – М., 1995.
258. Серебрянский С. Comic Con – теперь и в России / С. Серебрянский // Мир фантастики. – 15 мая 2014.
259. Система современных общества / под ред. М. С. Ковалевой. – М. : Аспект Пресс, 1997.

260. Сколько детей нужно для счастья? – 30.05.2014. – Пресс-выпуск 2595. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114842>.
261. Скребцова Е. Г. Образ мигранта в современных российских СМИ / Е. Г. Скребцова // Политическая лингвистика. – 2007. – Вып. 3 (23). – С. 115–118.
262. Словарь бизнес-терминов. – Режим доступа: http://onlineslovari.com/slovar_biznes_terminov/.
263. Смирнова Т. Б. Т.С. Киссер. Многообразие немцев в России / Т. Б. Смирнова // Уральский исторический вестник. – 2017. – № 2 (55). – С. 45.
264. Снегирев В. Московские слободы. Очерки по истории Московского посада XIV–XVIII вв. / В. Снегирев // Московский рабочий. – 1956.
265. Современная семья во Франции // Семья в современном европейском обществе. – 1997. – № 4. – С. 13–25.
266. Современные международные отношения / под. ред. А. В. Торкунова. – М.: РОССПЭН, 1999.
267. Соисал Я. «Космополитизация» нации и гражданина: европейская дилемма / Я. Соисал // Государство, миграция и культурный плюрализм в современном мире / под ред. В. С. Малахова, В. А. Тишкова, А. Ф. Яковлевой. – М.: ИКАР, 2011. – С. 215.
268. Соловьева С. В. Культурное наследие как стратегия актуализации прошлого / С. В. Соловьева // Культурно-познавательный туризм юга России как стратегический ресурс укрепления российской государственности. – М.: Альфа-Полиграф, 2015. – С. 120.
269. Справочник трудового мигранта. – СПб.: Взгляд в будущее, 2011. – 48 с.
270. Субботина Т. В. Локус, топос, урбоним, микротопоним: к вопросу о содержании пространственных понятий / Т. В. Субботина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 24. – С. 111–113.
271. Сулакшин С. С. Демографическая ситуация в России / С. С. Сулакшин, Л. И. Кравченко // Труды Центра научной политической мысли и идеологии. – М.: Наука и политика, 2014. – Вып. 4. – 32 с.
272. Сухова Ж. В. Специфика пространства и его отражение в романе «Метро 2033» / Ж. В. Сухова // Вектор развития современной науки. – София, 2016. – С. 176.
273. США зарываются: частный бункер – кондоминиум, способный выдержать ядерный удар. – Режим доступа: <http://zagorod.com/blog/43706350714/SSHA-zaryivayetsya--chastnyiy-bunker-kondominium,-sposobnyiy-vy->
274. Таратута Е. В. Философия виртуальной реальности / Е. В. Таратута. – СПб.: СПбГУ, 2007.
275. Тарихи Наршахи. Новая Бухара / Тарихи Наршахи. – Литогр, изд., 1904.
276. Теоретическая культурология / под ред. К. Э. Разлогова. – М.: Российский ин-т культурологии, 2005.
277. Тёрнер Ф. Дж. Фронтир в американской истории / Ф. Дж. Тёрнер. – М.: Весь Мир, 2009.
278. Тернова Л. О. Глобализация и проблема формирования новых идентичностей / Л. О. Тернова // Власть. – 2004. – № 4. – С. 12.
279. Тишков В. А. Идентичность и культурные границы / В. А. Тишков // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. – М., 1997. – С. 32.
280. Тишков В. А. Три карты. Теория и общие подходы к проблеме / В. А. Тишков // Культура и пространство: историко-культурные бренды и образы территорий, регионов и мест / ред. В. К. Малькова, В. А. Тишков. – Ростов н/Д.: ЮНЦ РАН, 2012. – С. 7.
281. Топчиев М. С. Конфессиональная политика и конфессиональная безопасность Прикаспия / М. С. Топчиев, А. П. Романова. – Астрахань: Сорокин Р.В., 2011.
282. Топчиев М. С. «Человек путешествующий» и индустрия туризма / М. С. Топчиев, В. С. Дрягалов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2012. – № 3. – С. 262–267.
283. Травин Д. Теории особого пути России: классики и современники: препринт М43/15 / Д. Травин. – СПб.: Европейск. ун-т в Санкт-Петербурге, 2015.
284. Трионов К. К. В гостях у хана Наср-Эддина / К. К. Трионов // Исторический вестник. – 1910. – № 7. – С. 134.
285. Турецкий Рейх. Как Эрдоган строит новую османскую империю. – Режим доступа: https://ru.espreso.tv/article/2016/11/02/tureckyy_reykh_kak_erdogan_stroyt_novuyu_osmanskiyu_ymperiyu.

286. Туркина В. Г. Город как виртуальный феномен / В. Г. Туркина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Право. – 2009. – № 16 (71). – С. 52.
287. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : от 08.01.1997 N 1-ФЗ (ред. от 29.07.2017). Ст. 1. Цели и задачи уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации // КонсультантПлюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/dfd38a7bdf844a9189d098a2f4eaeae0eadabe52/.
288. Ультрасовременный высотный кондоминиум в Бангкоке. – Режим доступа: <http://www.superbank.ru/forum/thailand/showthread.php?t=74>.
289. Университет Калифорнии, Сан-Франциско. – Режим доступа: <https://www.brmc.com/programs-services/internet-addiction-bradford-pa.php> (дата обращения: 08.12.2015).
290. Урсу А. В. Сверхценное увлечение компьютерными играми детей и подростков. Распространенность и клиничко-психопатологические проявления / А. В. Урсу. – М., 2012. – 21 с.
291. Ушкин С. Г. Симулякры и симуляция в зеркале современной киноиндустрии / С. Г. Ушкин // Гуманитарий: актуальные проблемы науки и образования. – 2010. – № 3. – С. 94.
292. Фарафонова А. И. Child-free как социальное явление / А. И. Фарафонова, П. А. Амбарова // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий : в 2 т. – Екатеринбург : Уральский ун-т, 2016. – Т. 2. – С. 316–319.
293. Федоров А. В. Информационная безопасность: политическая теория и дипломатическая практика / А. В. Федоров, Е. С. Зиновьева. – М. : МГИМО-Университет, 2017.
294. Федоров В. Российская идентичность и вызовы времени / В. Федоров. – М. : ВЦИОМ, 2013. – Режим доступа: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2014/2014-02-19-ros_identichnost.pdf.
295. Федотова В. Г. Модернизация «другой» Европы / В. Г. Федотова. – М. : Прогресс-Традиция, 2015.
296. Фетисова Ю. В. Безопасность и культурный контекст: к обоснованию понятия «культура безопасности» / Ю. В. Фетисова // Омский научный вестник. – 2009. – № 3. – С. 98–100.
297. Филимонов Г. Ю. Стратегия национальной культурной безопасности и «мягкая сила» современной России / Г. Ю. Филимонов // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Международные отношения. – 2010. – № 3. – С. 61–72.
298. Философия / под ред. А. А. Ивина. – М. : Гардарики, 2004. – 1072 с.
299. Фирсова С. Что такое национальное достояние? / С. Фирсова // Вся Европа. – Режим доступа: <http://www.mgimo.ru/alleurope/2006/10/dostojanie.html>.
300. Фролов С. С. Социология / С. С. Фролов. – М. : Гардарики, 2002.
301. Фуко М. Другие пространства / М. Фуко // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. – М. : Праксис, 2006. – Ч. 3. – С. 191–204.
302. Фуко М. История безумия в классическую эпоху / М. Фуко. – СПб, 1997.
303. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – СПб, 1994.
304. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской идентичности / С. Хантингтон. – М. : Транзиткнига, 2004.
305. Харламов Н. Гетеротопии: странные места в городских пространствах постгражданского общества / Н. Харламов // Синий диван. – 2010. – № 15. – Режим доступа: http://www.intelros.ru/readroom/siniy_divan/sd-15/8933-geterotopii-strannye-mesta-v-gorodskix-prostranstvax-postgrazhdanskogo-obshhestva.html (дата обращения: 12.04.2017).
306. Хаустов Н. Информационная безопасность. Взгляд ЮНЕСКО / Н. Хаустов. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1260>.
307. Хлыщева Е. В. Изменение картины мира в результате миграционных процессов эпохи глобализации / Е. В. Хлыщева // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2016. – № 3 (48). – С. 108.
308. Хлыщева Е. В. Культурное многообразие: граница между «своими» и «чужими» / Е. В. Хлыщева // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2014. – № 2 (39). – С. 283.
309. Хмельницкий Б. Черный ворон. Песни дворов и улиц / Б. Хмельницкий, Ю. Яесс. – СПб : Пенаты, 1996. – Т. 2.
310. Хождение купца Котова в Персию. – М., 1958.
311. Хоркхаймер М. Дialeктика просвещения / М. Хоркхаймер, Т. Адорно. – М., 1997.
312. Хренов Н. Русская культура на перекрестке Запада и Востока / Н. Хренов // Перекрестки культуры. Аспекты изучения. – 2013. – № 3–4. – С. 111.

313. Ценности России: реальность и мифы. Ч. 1. – Режим доступа: http://our-russia.ucoz.ru/publ/kultura_filosofija_religija/cennosti_rossii_realnost_i_mify_chast_i/2-1-0-295.
314. Циферблат. – Режим доступа: <http://ziferblat.net/>.
315. Цукерман М. Гомосексуализм – болезнь, распространяемая СМИ. Ч. 1 / М. Цукерман // *Realisti.ru*. – Режим доступа: <http://www.realisti.ru/main/homosexuality/gomoseksualizm-bolezn-smi.htm> (дата обращения: 08.11.2017).
316. Чайлдхейт/Чайлдфри против БЫДЛО овулях и овулей! – Режим доступа: https://vk.com/topic-43700340_28263065.
317. Черникова А. Г. Качество и уровень жизни в странах СНГ: зеркало статистики / А. Г. Черникова // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. – 2014. – № 9 (52).
318. Шапошникова Т. Е. Антропология семьи / Т. Е. Шапошникова. – Новосибирск : Наука, 2004.
319. Шестаков К. А. Аксиологический фактор репродуктивного поведения россиян / К. А. Шестаков. – М., 2010.
320. Шестакова Э. Г. Гетеротопия – рабочее понятие современной гуманитаристики: литературоведческий аспект / Э. Г. Шестакова // *Критика и семиотика*. – 2014. – № 1. – С. 58.
321. Шипулина Н. Б. Антропология вещей в городской культуре: концептуальные основы и поиск метода / Н. Б. Шипулина, Е. В. Щеглова, А. И. Шипицин, Н. Н. Плужникова, Е. А. Елистратов. – Волгоград, 2016.
322. Ширяев В. П. Антиномии культурной безопасности / В. П. Ширяев // *Власть*. – 2009. – № 10. – С. 98–100.
323. Ширяев В. П. Культурная безопасность: круг проблем (к вопросу о методологии социологического исследования) / В. П. Ширяев // *Поиск: политика, искусство, обществоведение, социология, культура*. – 2010. – № 4 (28). – С. 8–18.
324. Шпенглер О. Закат Европы / О. Шпенглер. – М., 1993. – С. 144–188.
325. Штылько А. Иллюстрированная Астрахань. Очерки прошлого и настоящего города, его достопримечательности и окрестности / А. Штылько. – Саратов, 1896.
326. Щипков В. А. Трансформация дискурса пространства / В. А. Щипков // *Вестник МГИМО – Университета*. – 2015. – № 3. – С. 76–84.
327. Эко У. От Интернета к Гуттенбергу: текст и гипертекст / У. Эко. – М., 1998.
328. Элитный кондоминиум готов к ядерной войне. – Режим доступа: http://ufospace.net/news/ehlitnyj_kondominium_gotov_k_jadernoj_vojne/2014-11-12-4080.
329. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. – СПб : Брокгауз – Ефрон, 1890–1907.
330. Эпштейн М. Философия возможного / М. Эпштейн. – СПб : Алетейя, 2001.
331. Этимологический словарь русского языка. – Режим доступа: <http://etymological.academic.ru/> (дата обращения: 18.06.2015).
332. Этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / сост. А. К. Шапошников. – М. : Флинта: Наука, 2010. – Т. 1.
333. Этномир сегодня. – Режим доступа: <http://ethnomir.ru/etno/>.
334. Юзефович Г. Л. Агора в сочинении древнегреческих авторов: основные типы контекстов / Г. Л. Юзефович // *Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Сер. Исторические науки*. – 2011. – № 14. – С. 158.
335. ЮНЕСКО выпустила новую публикацию по правам человека и шифрованию на 11-м IGF. – Режим доступа: http://www.unesco.org/new/en/media-services/single-view/news/unesco_launches_new_publication_human_rights_and_encryption/ (дата обращения: 3.07.2017).
336. ЮНЕСКО инициировала дебаты о социальных сетях и радикализации молодежи в эпоху цифровых технологий. – Режим доступа: http://www.unesco.org/new/en/media-services/single-view/news/unesco_triggered_debates_on_social_media_and_youth_radicaliz/ (дата обращения: 03.07.2017).
337. ЮНЕСКО. Этика информации. – Режим доступа: <http://en.unesco.org/themes/ethics-information>.
338. Юрин А. Н. К понятию безопасность: кто и как определяет угрозу сегодня? / А. Н. Юрин. – Режим доступа: <http://regional-dialogue.com/ru/security/>.
339. Якушенков С. Н. Изобилие ресурсов как одна из черт фронтальных территорий / С. Н. Якушенков, О. С. Якушенкова // *Человек. Сообщество. Управление*. – 2013. – № 2. – С. 4–15.

340. Якушенков С. Н. На границе тучи ходят хмуро, край суровый тишиной объят / С. Н. Якушенков // Журнал фронтальных исследований. – 2016. – № 4. – С. 7–32.
341. Якушенков С. Н. На границе тучи ходят хмуро, край суровый тишиной объят. Ч. 2 / С. Н. Якушенков // Журнал фронтальных исследований. – 2017. – № 1. – С. 8–36.
342. Якушенков С. Н. Специфика гетеротопий и проблема культурной безопасности / С. Н. Якушенков // Евразийский союз ученых. – 2016. – № 31. – С. 5–6.
343. Якушенков С. Н. Тело Варвара: конструирование образа чужого на китайском фронтире / С. Н. Якушенков // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2012. – № 4. – С. 243.
344. Якушенков С. Н. Топофилия vs топофобии как когнитивные парадигмы фронтального пространства / С. Н. Якушенков // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2015. – № 3 (44). – С. 263.
345. Якушенков С. Н. Фронт как культурная парадигма / С. Н. Якушенков // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2015. – № 1. – С. 288–298.
346. Якушенков С. Н. Хоррористический ландшафт Хоры, или Платон vs Тёрнер / С. Н. Якушенков, А. П. Романова // Вопросы философии. – 2016. – № 12. – С. 73–81.
347. Якушенкова О. С. Между природой и цивилизацией: культурное наследие и культурная безопасность китайского парка / О. С. Якушенкова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2015. – № 4 (45). – С. 283.
348. Якушина О. Теория секьюритизации в международных отношениях / О. Якушина. – Режим доступа: <http://geopolitica.ru/article/teoriya-sekjuritizacii-vmezhdunarodnyh-otnosheniyah-ch-2>.
349. Яновский Р. Г. Безопасность. Глобалистика / Р. Г. Яновский. – М., 2003.
350. Яновский Р. Г. Глобальные изменения и социальная безопасность / Р. Г. Яновский. – М., 1999.
351. Ясперс К. Призрак толпы / К. Ясперс, Ж. Бодрийяр. – М.: Алгоритм, 2007.
352. "Alan Moore Interview", interview with Brad Stone, Comic Book Resources. – 2001. – Режим доступа: <http://www.cbr.com/alan-moore-interview/>.
353. "Battery Park". New York City Department of Parks & Recreation. – Режим доступа: <https://www.nycgovparks.org/parks/battery-park/history>.
354. "Docu-soup". Merriam-Webster. – Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/docusoup>.
355. Albro R. Risk Assessment in Encounters between Culture and Security / R. Albro. – Режим доступа: <http://uscpublicdiplomacy.org/blog/risk-assessment-encounters-between-culture-and-security>.
356. Allweil Ya. Public-space heterotopias: heterotopias of masculinity along the Tel Aviv shoreline / Ya. Allweil, R. Kallus // Heterotopia and the city / M. Dohaene, L. De Caeter. – Routledge, 2008. – P. 191–202.
357. Alter J. The Defining Moment: FDR's Hundred Days and the Triumph of Hope / J. Alter. – Simon and Schuster, 2007.
358. Amazing World of DC Comics // DC Comics. – Mar. 1977. – № 14.
359. Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization / A. Appadurai. – Minneapolis, 1996. – P. 23–24.
360. Appliah K. A. The Multiculturalist Misunderstanding / K. A. Appliah. – New York : New York Review of books, 1997. – P. 148.
361. Ashworth G. J. From history to heritage – from heritage to identity. In search of concepts and models / G. J. Ashworth // Building a New Heritage. Tourism, Culture and Identity in the New Europe / eds G. J. Ashworth, P. J. Larkham. – London : Routledge, 1994. – P. 19.
362. Ates S. Der Multikulti-Irrtum. Wie wir in Deutschland besser zusammenleben können / S. Ates. – Ullstein, 2010.
363. Ave Maria Grotto Lyrics. – Режим доступа: <http://www.lyricsfreak.com/k/katecampbell/ave-maria-grotto20739259.html>.
364. Badie B. Le Retourneement du monde. Sociologie de la scene internationale / B. Badie, M.-C. Smouts. – Paris : RFNSP et Dalloz, 1995. – P. 37–62.
365. Baeva L. E-culture / L. Baeva // Encyclopedia of Information Science and Technology, Third Ed. (10 vol.). Mehdi Khosrow-Pour. Hershey PA, USA : I-Global. 2014. – P. 6847–6854.
366. Banks M. Ethnicity: Anthropological Constructions / M. Banks. – London – New York, 1997. – P. 181.
367. Barbagli M. Fare famiglia in Italia. Un secolo di cambiamenti / M. Barbagli, M. Castiglioni, G. Zuanna. – Bologna : Il Mulino, 2003.

368. Batman. New York // DC comics. – Wnt., 1941. – № 4.
369. Baudrillard J. Symbolic exchange and death / J. Baudrillard. – Aldershot : Ashgate, 1993.
370. Beatty S. The Batman Handbook: The Ultimate Training Manual / S. Beatty. – Quirk Books, 2005. – P. 40–44.
371. Bell C. Protection of First Nations Cultural Heritage: Laws, Policy, and Reform / C. Bell, R. K. Paterson. Vancouver : UBC Press, 2009.
372. Bell D. The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties: with "The resumption of history in the new century" / D. Bell. – Cambridge, 2000.
373. Benhabib S. Toward a Deliberative Model of Democratic Legitimacy / S. Benhabib // *Democracy and Difference* / ed. by S. Benhabib. – Princeton, 1996. – P. 75.
374. Berry E. Transcultural Experiments: Russian and American Models of Creative Communication (with Ellen Berry) / E. Berry, M. Epstein. – New York : St. Martin's Press, 1999. – P. 134.
375. Bigo D. "Security and Immigration: Towards a Governmentality of Unease." *Alternatives / D. Bigo // Culture & Conflits*. – 2002. – № 27. – P. 63–92.
376. Bigo D. Les Jeux du Politique et de la Transnationalité / D. Bigo // *Cultures & Conflits*. – 1992. – № 5. – P. 20–21.
377. Bigo D. Les Conflits Post Bipolaires: Dynamiques et Caractéristiques / D. Bigo // *Cultures & Conflits*. – 1992. – № 8. – P. 3–14.
378. Bigo D. Sécurité(s): Intérieure et Extérieure: le Ruban de Möbius (version française et anglaise présentées à la 38th ISA conference) / D. Bigo // *Cultures & Conflits*. – 1997. – № 5. – P. 23–27.
379. Bigo D. Security and Immigration: Towards a Governmentality of Unease. *Alternatives / D. Bigo // Culture & Conflits*. – 2002. – № 27. – P. 63–92.
380. Billet C. EC readmission agreements: A prime instrument of the external dimension of the EU's fight against irregular immigration. An assessment after ten years of practice / C. Billet // *European Journal of Migration and Law*. – 2010. – Vol. 12, issue 1. – P. 45–79.
381. Blount Th. Tenures of Land / Th. Blount. – London, 1874. – P. 133.
382. Booth K. Security and Emancipation / K. Booth // *Review of International Studies*. – 1991. – Vol. 17, № 4. – P. 319.
383. Booth K. Theory of World Security / K. Booth. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2007.
384. Bougen P. D. Fair value accounting: Simulacra and simulation / P. D. Bougen, J. J. Young // *CritPerspect Account*. – 2011. – DOI: 10.1016/j.cpa.2011.05.004.
385. Bouteillet-Paquet D. Passing the Buck: A Critical Analysis of the Readmission Policy Implemented by the European Union and its Member States / D. Bouteillet-Paquet // *European Journal of Migration and Law*. – 2003. – Vol. 5, issue 3. – P. 359–377.
386. Bouvie L. L'Insécurité culturelle. Sortir du Malaise Identitaire Français / L. Bouvie. – Fayard, 2015. – P. 136–149.
387. Brennan J. Fantasy in The Mole People / J. Brennan. – Режим доступа: <http://www.columbia.edu/~brennan/abandoned/mole-people.html>.
388. Buchmann A. Experiencing film tourism: Authenticity and Fellowship / A. Buchmann, K. Moore, D. Fisher // *Annals of Tourism Research*. – 2010. – № 1, Vol. 37. – P. 229–248.
389. Bull H. Civilian power Europe: A contradiction in terms? / H. Bull // *Journal of Common Market Studies*. – 1982. – Vol. 12, № 2. – P. 149–164.
390. Burrows E. G. Gotham: A History of New York City to 1898 / E. G. Burrows, M. Wallace. – Oxford : Oxford Univ. Press, 1999. – P. 417.
391. Bushkovky H. Neukölln ist überall / H. Bushkovky. – Berlin : Ullstein Buchverlag, 2012. – 400 S.
392. Buzan B. People, States and Fear / B. Buzan. – 2nd ed. – Hertfordshire : Harvester Wheatsheaf, 1991. – P. 36.
393. Buzan B. Security: a new framework for analysis / B. Buzan, O. Wæver, J. de Wilde. – London : Lynne Rienner, 1998.
394. Buzan B. Slippery? Contradictory? Sociologically untenable? The Copenhagen School replies / B. Buzan, O. Wæver // *Review of International Studies*. – 1997. – Vol. 23, issue 2. – P. 241–250.
395. Buzan B. The Evolution of International Security Studies / B. Buzan, L. Hansen. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2009.
396. Caldwell D. Seeking Security in an Insecure World / D. Caldwell, R. E. Williams Jr. – New York : Rowman & Littlefield Publ., 2012.

397. Cameron F. *Theorizing digital cultural heritage: a critical discourse* / F. Cameron, S. Kenderdine. – Boston : The MIT Press, 2007.
398. Cameron C. *The spirit of place The physical memory of Canada* / C. Cameron // *Journal of Canadian studies*. – Petersborough. – Spring, 2000.
399. Capurro R. *Towards an Ontological Foundation of Information Ethics* / R. Capurro // *Ethics and Information Technology*. – 2006. – Vol. 8 (4). – P. 175–186.
400. Carlisle R. P. *Encyclopedia of Play in Today's Society* / R. P. Carlisle. – Los Angeles : SAGE Publ., Inc, 2009. – Vol. 1. – P. 21.
401. Castells M. *The Power of Identity* / M. Castells. – Oxford, 1997. – P. 20–25.
402. Ceaser J. *Multiculturalism and American Liberal Democracy* / J. Ceaser // *Multiculturalism and American Democracy* / ed. A. Melzer, J. Weinberger, M. R. Zinman. – Lawrence : Univ. of Kansas Press, 1998. – P. 145.
403. Ceyhan A. *Migrants as a Threat. A Comparative Analysis of Securitarian Rhetoric: France and the United States* / A. Ceyhan. – 2006.
404. Ceyhan A. *Towards a Bifocal Control: Border and Welfare Controls in the United States and in France* : Paper presented at the Annual Convention of the ISA, 17–21 March / A. Ceyhan. – Minneapolis. 1998.
405. Chang C. L. *The effect of an information ethics course on the information ethics values of students – A Chinese guanxi culture perspective* / C. L. Chang // *Computers in Human Behavior*. – 2011. – Vol. 27. – P. 2028–2038.
406. Clements J. *The Anime Encyclopedia: A Guide to Japanese Animation Since 1917* / J. Clements, H. McCarthy. – Stone Bridge Press, 2006. – P. 30.
407. Coffin J. *Rising to the Challenge in Aboriginal Health by Creating Cultural Security* / J. Coffin // *Aboriginal & Islander Health Worker Journal*. – 2007. – Vol. 31 (3). – P. 22–24.
408. Cox R. W. *Global "perestroika"* / R. W. Cox // *Approaches to world order* / ed. by R. W. Cox, T. J. Sinclair. – Cambridge, 2006. – P. 298.
409. *Cultural safety. Valuing difference, avoiding assumptions communication*. – New York, 2003.
410. *Cultures & Conflits: Contrôles: Frontières-Identités* / eds. A. Ceyhan, A. Tsoukala // *Les enjeux autour de l'immigration et de l'asile*. – 1997. – № 26 / 27.
411. Dahaene M. *Heterotopia and the city* / M. Dahaene, L. De Caeter. – Routledge, 2008.
412. Dailey T. J. *Homosexuality and Child Sexual Abuse* / T. J. Dailey // *Insight* (N 27), Family Research Council. – Режим доступа: <http://www.frc.org/get.cfm?i=IS02E3>.
413. *Daniel Heiniger Deutschland begeh Selbstmord – Die Deutschen schaffen sich und die christliche Kultur ab!* – Режим доступа: <https://rettung-fuer-deutschland.de/blog/?p=2205>.
414. *Dark Knight's kind of town: Gotham City*. – Режим доступа: <http://www.today.com/id/25774413#.WaBd-nVJbZt>.
415. Darnstadt Th. *Identität als Gefaengnis* / Th. Darnstadt // *Der Spiegel*. – 2008. – № 8. – S. 46–49.
416. Davis L. *Risk of Internet Addiction Higher in Teens with ADHD and Depression* / L. Davis. – Режим доступа: <http://www.video-game-addiction.org/video-game-addiction-articles/internet-addiction-higher-in-teens-with-adhd-depression.htm> (дата обращения: 08.12.2015).
417. Dawkins R. *The Selfish Gene: 40th Anniversary edition* / R. Dawkins. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2016. – P. 249.
418. De Mente B. L. *Amazing Japan! Why Japan Is One of the World's Most Intriguing Countries!* / B. L. De Mente. – London : Cultural-Insight Books, 2009. – P. 136.
419. De Souza e Silva A. *From cyber to hybrid: mobile technologies as interfaces of hybrid spaces* / A. De Souza e Silva // *Space & Culture*. – 2006. – Vol. 9 (3). – P. 261–278.
420. *Der Islam gehört zu Deutschland*. – Режим доступа: <https://www.freitag.de/autoren/magda/der-islam-gehört-zu-deutschland>.
421. *Detective Comics*. New York // DC comics. – Spr., 1939. – № 27.
422. *Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders*. – Режим доступа: <http://www.dsm5.org/Documents/Internet%20Gaming%20Disorder%20Fact%20Sheet.pdf> (дата обращения: 05.03.2016)
423. Dietrich A. *Muslims – Die Gewinner des demografischen Wandels* / A. Dietrich // *Die Welt*. – 23.06.2015.

424. Donath O. *Regretting Motherhood: Wenn Mütter bereuen* / O. Donath. – Knaus Verlag, 2016. – 273 p.
425. Duff A. *The Normative Crisis of the Information Society. Cyberpsychology* / A. Duff // *Cyberpsychology. Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*. – 2008. – Vol. 2 (1). – Режим доступа: <http://cyberpsychology.eu/view.php?cisloclanku=2008051201&article=3> (дата обращения: 01.07.2017).
426. Durham S. *Phantom communities: the simulacrum and the limits of postmodernism* / S. Durham. – Stanford : Stanford Univ. Press, 1998.
427. Eldridge A. "Drunk, Fat and Vulgar". *The Problem with hen parties* / A. Eldridge // *Feminism and the Body: Interdisciplinary Perspectives* / ed. C. Kevin. – Cambridge : Cambridge Scholars Publ., 2009. – P. 195.
428. Elias G. *The Tales Of The Wise Man Of Gotham* / G. Elias. – Nottingham : Nottinghamshire County Council, 1991. – P. 42.
429. *Encyclopedia of bioethics* / ed. S. G. Post. – 3rd ed. – New York : Macmillan Reference-Thomson Gale, 2003.
430. *Encyclopedia of human biology* / ed. R. Dulbecco. – San Diego : Academic Press, 1991.
431. *English Oxford Living Dictionaries*. – Режим доступа: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/space>.
432. Epstein J. *From Cairo's trash, a model of recycling* / Old door-to-door method boasts 85 % reuse rate / J. Epstein. – Режим доступа: <http://www.sfgate.com/news/article/From-Cairo-s-trash-a-model-of-recycling-Old-2495640.php>.
433. Esmiralda Sturm Özoğuz (SPD): *Es gibt keine deutsche Kultur – also auch keine Leitkultur...* – Режим доступа: <https://www.compact-online.de/aydan-oezoguz-spd-es-gibt-keine-deutsche-kultur-also-auch-keine-leitkultur/>.
434. *Ethical code of Information society. 36 general conference of UNESCO*. – Режим доступа: <http://unesdoc.unesco.org/images/0021/002126/212696e.pdf> (дата обращения: 5.01.2017).
435. *Europe – a new immigration continent: Policies and politics in comparative perspective* / ed. by P. Thranhardt. – Hamburg : Lit, 2012. – P. 150.
436. Evelyn Finger *Deutschland als Gespött der Welt*. – Режим доступа: <http://www.zeit.de/online/2009/27/dresden-weltkulturerbe-abererkennung>.
437. Farvell A. *Multi-Ethnic Britain: an exception in Europe?* / A. Farvell // *Patterns of Prejudice*. – 2001. – Vol. 35, № 1. – P. 36.
438. Fillmore Ch. J. *An Alternative to checklist theories of meaning* / Ch. J. Fillmore // *BSL*. – 1975. – Vol. 1. – P. 123–131.
439. Floridi L. *Information Ethics* / L. Floridi. – Режим доступа: <http://www.philosophyofinformation.net/books/the-ethics-of-information> (дата обращения: 10.06.2017).
440. Forrest S. *Indigenous Identity as a Strategy of Cultural Security* / S. Forrest // *Northern Research Forum, Plenary on Security*. – NWT, Yellowknife. – 18.09.2004.
441. Foucault M. *Of Other Spaces* / M. Foucault // *Diacritics*. – 1986. – Vol. 16, № 1. – P. 22–27.
442. Friedman J. *Worlds on the Move: Globalisation, Migration and Cultural Security* / J. Friedman, Sh. Randeria // *Toda Institute Book Series on Global Peace and Policy*. – Publisher: I. B. Tauris (May 28, 2004). – 344 p.
443. *Gallup World Poll*. – Режим доступа: <https://worldview.gallup.com/default.aspx> (дата обращения: 27.07.2012).
444. Gerig B. L. *Born Gay?* / B. L. Gerig // *Homosexuality and the Bible*. – 2004. – Режим доступа: <http://epistle.us/hbarticles/borngay1.html> (дата обращения: 08.11.2017).
445. Girard B. *Communicating in the information society* / B. Girard, S. O. Siochrú. – Geneva : United Nations Research Institute for Social Development, 2003.
446. Goffman E. *Frame analysis: An essay on the organisation of experience* / E. Goffman. – New York : Northeastern, 1974. – 600 p.
447. Götz A. *Pegida, eine alte Dresdner Eigenheit* / A. Götz // *Berliner Zeitung*. – 15.12.2014.
448. Grayson D. *Batman Secret Files and Origins* / D. Grayson. – New York : DC Comics, 1997.
449. Greffe X. *Culture and Local Development* / X. Greffe, S. Pflieger, A. Noya. – Los Angeles : Getty Conservation Institute, 2002.
450. Griffiths M. D. *The role of context in online gaming excess and addiction: some case study evidence* / M. D. Griffiths // *International Journal Ment. Health Addict*. – 2010. – № 8. – P. 119–125.

451. Gross S. *Introduction to Tourism Transport* / S. Gross, L. Klemmer. – Boston : Cabi, 2014. – P. 158.
452. Haddock B. *Multiculturalism, Identity and Rights* / B. Haddock, P. Sutch. – New York : Routledge, 2003. – P. 19.
453. Haddon L. *Information and Communication Technologies* / L. Haddon // *Everyday Life: A Concise Introduction and Research Guide*. – Berg, Oxford, 2004.
454. Handlykken A. K. Digital cities in the making: Exploring perceptions of space, agency of actors and heterotopia / A. K. Handlykken // *Ciberlegenda*. – 2011. – Режим доступа: <http://www.uff.br/ciberlegenda/ojs/index.php/revista/article/view/492/287> (дата обращения: 10.04.2017).
455. Hansen M. L. *The Problem of the Third Generation Immigrant* / M. L. Hansen. – Rock Island, IL: Augustine Historical Society, 1938. – P. 192.
456. Hardin J. M. Pedagogy of dining out: Learning of consume culture / J. M. Hardin // Sublette C. M. *Devouring Cultures: Perspectives on Food, Power, and Identity from the Zombie Apocalypse to Downton Abbey* / C. M. Sublette, J. Martin. – Fayetteville : Univ. of Arkansas Press, 2015. – P. 47.
457. Hariharan G. *Almost Home: Finding a Place in the World from Kashmir to New York* / G. Hariharan. – New York : Restless Book, 2014. – P. 215.
458. Harper D. "Gotham". *Online Etymology Dictionary* / D. Harper. – 2001. – Режим доступа: <http://www.etymonline.com/index.php?search=gotham>.
459. Harris R. *Early Amusement Parks of Orange County* / R. Harris. – Chicago : Arcadia Publ., 2008. – P. 8.
460. Hart J. D. *The Popular Book: A History of America's Literary Taste* / J. D. Hart. – Berkley : Univ. of California Press, 1950. – P. 148.
461. Hasnain Kazim *Erdogans Traum vom Osmanischen Reich*. – Режим доступа: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/tuerkei-recep-tayyip-erdogan-traeumt-vom-osmanischen-reich-a-1118342.html>.
462. Hasnain Kazim *Zurück ins Osmanische Reich*. – Режим доступа: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/tuerkei-erdogan-fordert-unterricht-in-religion-und-osmanisch-a-1007264.html>.
463. Hayden C. *The Rhetoric of Soft Power: Public Diplomacy in Global Contexts* / C. Hayden. – Lexington Books, 2012. – P. 115.
464. Heaton T. The changing pattern of interracial marriage / T. Heaton, S. Albrecht // *Social Biology*. – 1996. – Vol. 43. – P. 203.
465. Heim M. *The Metaphysics of Virtual Reality* / M. Heim. – New York : Oxford Univ. Press, 1993.
466. Heller H. *Ueber den Umgang mit Tradition auf Troedelmaerkten* / H. Heller // *Otto Koenig 70 Jahre. Kulturwissenschaftliche Beitrage zur Verhaltensforschung. Matriere Gesprache*. – Heidelberg : Ueberreuter-Verlag, 1984.
467. Heller P. B. *Technoethics: The Dilemma of Doing the Right Moral Thing in Technology Applications* / P. B. Heller // *International Journal of Technoethics*. – 2012. – Vol. 3 (1). – P. 14–27.
468. Hoffman B. T. *Art and cultural heritage: law, policy, and practice* / B. T. Hoffman. – New York : Cambridge Univ. Press, 2006. – P. 14.
469. Homberger E. *The Historical Atlas of New York City: A Visual Celebration of 400 Years of New York City's History* / E. Homberger. – New York : Owl Books, 2005. – P. 34.
470. Huysmans J. *Revisiting Copenhagen: Or, on the creative development of a securities studies agenda in Europe* / J. Huysmans // *European Journal of International Relations*. – 1998. – Vol. 4, № 4. – P. 479–505.
471. Huysmans J. *The European Union and the Securitization of Migration* / J. Huysmans // *Journal of Common Market Studies*. – 2000. – Vol. 38, № 5. – P. 751–777.
472. *Identity, Migration and the New Security Agenda in Europe* / eds O. Wæver, B. Buzan, J. de Wilde. – London : Pinter, 1993. – 221 p.
473. Ilcan S. *Social spaces and micropolitics of differentiation: an example from Northwestern Turkey* / S. Ilcan // *Ethnology*. – 1999. – Vol. 38, № 3. – P. 248.
474. Iranpoor S. *Indicators of cultural security in field of information and communication technology with an emphasis on cultural development* / S. Iranpoor, A. Rashidpoor, A. Etebarian, M. S. Fardavi // *Kuwait Chapter of Arabian Journal of Business and Management Review*. – 2014. – Vol. 3, № 11. – C. 310.

475. Jakle J. A. Motel by the Roadside: America's Room for the Night / J. A. Jakle // *Fast food, stock cars, and rock'n'roll: place and space in American pop culture* / ed. G. O. Carney. – Lanham, Maryland : Rowman & Littlefield Publishers, 1995. – P. 171–188.
476. Jameson F. Utopia as Method, or the Uses of the Future / F. Jameson // *Utopia / Dystopia: Conditions of Historical Possibilities* / eds. M. Gordin, H. Tilley, G. Prakash. – Princeton : Princeton Univ. Press, 2010. – P. 21.
477. Kalay Ye. E. New heritage: new media and cultural heritage / Ye. E. Kalay, T. Kvan, J. Afleck. – Routledge, 2008.
478. Kasten E. Cultural heritage: property of individuals, collectives or humankind? / E. Kasten. – Halle: Max-Planck-Institut, 2002.
479. Kato I. Герои нашего двора. Как живут супергерои, о которых не снимают фильмов / I. Kato. – Режим доступа: <http://lenta.ru/photo/2014/09/04/superhero#0>.
480. Kelek N. Chaos der Kulturen, Die Debatte um Islam und Integration / N. Kelek. – Verlag : Kiepenheuer & Witsch, 2012.
481. Keshavarzian A. Bazaar and state in Iran: The politics of the Tehran market-place / A. Keshavarzian. – Cambridge ets. : Cambridge Univ. Press, 2007. – P. 298–302.
482. Kim H. Touristic quest for existential authenticity / H. Kim, T. Jamal // *Annals of Tourism Research*. – 2007. – № 34 (1). – P. 181.
483. King M. J. The Theme Park: The Art of Time and Space / M. J. King, J. G. O'Boyle // *Disneyland and Culture Essays on the Parks and Their Influence* / ed. by K. Merlock Jackson and M. I. West. – Jefferson : McFarland & Company, Inc., 2011. – P. 15.
484. Kinsey A. C. Sexual Behavior in the Human Male / A. C. Kinsey, B. P. Wardell, E. M. Clyde. – Philadelphia : W. B. Saunders, 1948. – P. 639.
485. Kornhuber J. Low 2D: 4D Values Are Associated with Video Game Addiction / J. Kornhuber, E.-M. Zenses, B. Lenz, C. Stoessel, P. Bouna-Pyrrou et al. // *PLoS ONE*. – 2013. – Vol. 8 (11) (дата обращения: 27.12.2016).
486. Kruetefeldt A. Nehmen Flüchtlinge Obdachlosen was weg? / A. Kruetefeldt. – Режим доступа: <http://www.jetzt.de/fluechtlinge/gibt-es-bei-obdachlosen-neid-auf-die-fluechtlinge>.
487. Kuss D. J. Internet gaming addiction: current perspectives / D. J. Kuss // *Psychol Res Behav Mak*. – 2013. – Vol. 6. – P. 125–137.
488. Kymlicka W. Multiculturalism in Asia / W. Kymlicka, B. He. – New York : Oxford Univ. Press, 2005. – P. 243.
489. Kymlicka W. Politics in Vernacular: Nationalism, Multiculturalism, and Citizenship / W. Kymlicka. – Queen's University, 2001. – P. 289.
490. Laurence L. The Kennedy Men: 1901–1963 / L. Laurence. – Harper Collins, 2001. – P. 86.
491. Lefebvre H. Reflections on the Politics of Space / H. Lefebvre // *Lefebvre H. State, Space, World: Selected essays* / ed. by N. Brenner and S. Elden. – Minneapolis : Univ. of Minnesota Press, 2009.
492. Lefebvre H. Writings on Cities / H. Lefebvre. – Oxford : Blackwell Publ., 1996.
493. Legion of Super-Heroes // DC Comics. – 1984. – Vol. 2, № 313.
494. Lofland L. The public realm / L. Lofland. – Transaction Publ., 1998.
495. Lou Q. Chinese Gardens / Q. Lou. – Beijing : China Intercont. Press, 2003. – P. 7.
496. Lyotard J.-F. The Postmodern Condition: A Report on Knowledge / J.-F. Lyotard. – Minneapolis : Minnesota Press ; Manchester ; Manchester Univ. Press, 1984.
497. MacCannell D. Staged authenticity: Arrangements of social space / D. MacCannell // *Research*. – 2001. – № 28 (1). – P. 7–26.
498. Macdonald D. A theory of Mass Culture / D. Macdonald // *Popular Culture: A Reader* / ed. by R. Guins, O. Zaragoza Cruz. – London : Sage Publication Ltd, 2005.
499. Manleo F. Cultural property and cultural heritage: a battle of concepts in international Law / F. Manleo // *International Review of the Red Cross*. – 2004, June.
500. Mansfield-Devine S. Darknets / S. Mansfield-Devine // *Computer Fraud & Security*. – 2009. – Vol. (12). – P. 4–6. – DOI:10.1016/S1361-3723(09)70150-2.
501. Marinescu V. The Global Impact of South Korean Popular Culture: Hallyu Unbound / V. Marinescu. – Lanham : Lexington books, 2014. – P. 2.
502. McCullough D. 1776 / D. McCullough. – New York : Simon and Schuster Paperback, 2006.

503. McFadden J. Intercultural marriage and family: Beyond the racial divide / J. McFadden // *The Family Journal: Counseling and Therapy for Couples and Families*. – 2001. – Vol. 9 (1). – P. 41.
504. McIntyre B. T. Mass Media in the Asian Pacific / B. T. McIntyre. – Clevedon : Multilingual Matters Ltd, 1998.
505. Meaning of “space” in the English Dictionary. – Режим доступа: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/space>.
506. Melton J. A. Mark Twain, Travel Books, and Tourism: The Tide of a Great Popular Movement / J. A. Melton. – London : Univ. of Alabama Press, 2002. – P. 1.
507. Merkel warnt vor «Pegida». – Режим доступа: https://www.welt.de/newsticker/dpa_nt/infoline_nt/thema_nt/article135894044/Merkel-warnt-vor-Pegida.html.
508. Merriam-Webster Dictionary. – Режим доступа: <http://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 18.06.2015).
509. Merryman J. H. Two Ways of thinking about Cultural Properties / J. H. Merryman // *American Journal of International Law*. – 1986. – Vol. 80, № 4, October.
510. Michelli J. A. The Starbucks Experience. 5 Principles for Turning Ordinary Into Extraordinary / J. A. Michelli. – New York : McGraw-Hill, 2006. – P. 12.
511. Miller R. Was Mr. Skygack the First Alien Character in Comics? / R. Miller. – Режим доступа: <http://io9.com/was-mr-skygack-the-first-alien-character-in-comics-453576089>.
512. Milliardenkosten für junge Migranten. – Режим доступа: <http://www.zeit.de/gesellschaft/zeitgeschehen/2017-02/migration-unbegleitete-minderjaehrige-fluechtlinge-kosten>.
513. Milligan P. Dark Knight, Dark City / P. Milligan // DC Comics. – 1990.
514. Millward S. Changing Times: Music and Politics in 1964 / S. Millward. – Leicester : Troubador Publ. Ltd, 2017. – P. 184.
515. Mini-Europe catalog guide. – Режим доступа: <http://www.minieurope.com/en/catalog-guide/>.
516. Moghaddam F. M. Multiculturalism and Intergroup Relations: Psychological Implications for Democracy in Global Context / F. M. Moghaddam. – Washington, DC : American Psychological Association, 2007. – P. 5.
517. Montemurro B. Sex symbols: the bachelorette party as a window to change in women's sexual expression / B. Montemurro // *Sexuality & Culture*. – 2003. – № 7 (2). – P. 4.
518. Montemurro B. Something Old, Something Bold: Bridal Showers and Bachelorette Parties / B. Montemurro. – New Brunswick, New Jersey : Rutgers Univ. Press, 2006. – P. 88.
519. Montgomery P. The Secret Geography of the DC Universe: A Really Big Map / P. Montgomery. – 2011. – Режим доступа: <http://ifanboy.com/articles/the-secret-geography-of-the-dc-universe-a-really-big-map/>.
520. Morton M. The Tunnel: The Underground Homeless of New York City / M. Morton. – New York : Yale Univ. Press, 1995.
521. Moskin J. Northeast China Branches Out in Flushing / J. Moskin // *The New York Times*. – February 9, 2010.
522. Mueller M. Living in Auroville: Community conflict resolution / M. Mueller // *Creating Harmony: Conflict Resolution in Community* / ed. H. Jackson. – Hampshire : Permanent Publications, 1999. – P. 101–112.
523. München: Zeltstadt auf Theresienwiese soll 6 Millionen Realitätsflüchtlingen Asyl bieten. – Режим доступа: <http://www.der-postillon.com/2015/09/munchen-zeltstadt-auf-theresienwiese.html>.
524. Mundlos Ch. Wenn Mutter sein nicht glücklich macht. Das Phänomen Regretting Motherhood / Ch. Mundlos. – Mvg Verlag. – 240 p.
525. Navrud S. Valuing cultural heritage: applying environmental valuation techniques to historic buildings, monuments, and artifacts / S. Navrud, R. C. Ready. – Cheltenham, UK : Edward Elgar, 2002.
526. Oldenburg R. The Great Good Place: Cafes, Coffee Shops, Community Centers, Beauty Parlors, General Stores, Bars, Hangouts, and How They Get You Through the Day / R. Oldenburg. – New York : Paragon House, 1989.
527. O'Neil D. Afterword. Batman: Knightfall, A Novel / D. O'Neil. – New York : Bantam Books, 1994. – P. 153.
528. Online Etymology Dictionary. – Режим доступа: <http://www.etymonline.com/> (дата обращения: 18.06.2015).
529. Opie I., Opie P. The Oxford Dictionary of Nursery Rhymes / I. Opie, P. Opie. – 2nd ed. – Oxford : Oxford Univ. Press, 1951.

530. Orzechowski P. Der direkte Weg in der dritten Weltkrieg. Wie USA und NATO mit Terror, Migration und Chaos eine neue Welt schaffen / P. Orzechowski. – Kopp Verlag, 2015. – 285 S.
531. Pair: A Social Networking App Just For Couples. – 04.03.12. – Режим доступа: <http://www.fastcodesign.com/1669435/pair-a-social-networking-app-just-for-couples>.
532. Pew Global Attitudes Projec. – 2007. – Режим доступа: <http://pewglobal.org/files/pdf/258.pdf> (дата обращения: 21.04.2013).
533. Properties on the Alabama Register of Landmarks & Heritage // Alabama Historical Commission. – 2009, 4 June. – Retrieved 21 July 2009. – Режим доступа: <http://www.preserveala.org>.
534. Raban D. R. Self-Presentation and the Value of Information in Q&A Websites / D. R. Raban // Journal of the American society for information science and technology. – 2009. – Vol. 60 (12). – P. 2465–2473.
535. Raiser J. Burning Man: Art on Fire / J. Raiser. – Race Point Publ., 2016. – P. 9.
536. Raley K. N. Essentialist Beliefs About Homosexuality: Structure and Implications for Prejudice – a Replication of Haslam and Levy / K. N. Raley. – Auburn : Alabama, 2008.
537. Raphals L. A. Sharing the Light: Representations of Women and Virtue in Early China / L. A. Raphals. – New York : SUNY Press, 1998. – P. 63.
538. Raymond A. K. 75 Years Of Capes and Face Paint: A History of Cosplay / A. K. Raymond // Yahoo! Movies. – July 24. – 2014.
539. Rivoltella P. C. Knowledge, Culture and Society in the Information Age / P. C. Rivoltella // Digital Literacy: Tools and Methodologies for Information Society. – IRM Press, 2008.
540. Robinson R. Music Festivals and the Politics of Participation / R. Robinson. – London : Routledge, 2016. – P. 23.
541. Rogerson S. Social Values in the Information Society / S. Rogerson // FTI Annual Report, Forum of Information Technology. – Milan, Italy, 1998.
542. Ronchi A. M. E-Culture / A. M. Ronchi. – New York : Springer-Verlag, LLC, 2009.
543. Rumford C. The Globalization of Strangeness / C. Rumford. – London : Palgrave Macmillan UK, 2013. – P. 127.
544. Rymarczuk M. Derksen. Different spaces: Exploring Facebook as heterotopia / Rymarczuk M. Derksen. // Peer-Reviewed Journal of Internet. – 2014. – Режим доступа: <http://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/5006/4091> (дата обращения: 10.05.2016).
545. Saroukhani B. The Study of Social-cultural Security in Tehran – Iran / B. Saroukhani, A. A. Naderi // International Journal of Business and Social Science. – 2013. – Vol. 4, № 2. – С. 189.
546. Sarrazin T. Deutschland schafft sich ab. Wie wir unser Land aufs Spiel setzen / T. Sarrazin. – Verlag : DVA, 2010.
547. Sassen S. The city: today's frontier zone / S. Sassen // Glocalism: journal of culture, politics and innovation. – 2014. – № 3. – P. 3. – DOI: 10.12893/gjpci.2014.3.1.
548. Sassen S. When the center no longer holds: Cities as frontier zones / S. Sassen // J. Cities. – 2012. – Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.1016/j.cities.2012.05.007>.
549. Saustall «Asylanten» heim: Sie koten und urinieren im Treppenhaus // Duschen und neben WC. – Режим доступа: <https://deutschelobbyinfo.com/2014/10/01/saustall-asylantenheim-siekoten-und-urinieren-im-treppenhaus-in-duschen-und-neben-wc/>.
550. Saustall in Flüchtlingwohnung – ein meneteckel fuer Deutschland. – Режим доступа: <http://www.zuwanderung.net/2017/10/26/saustall-fluechtlingswohnung-ein-meneteckel-fuer-deutschland/>.
551. Scharoun L. America at the Mall: The Cultural Role of a Retail Utopia / L. Scharoun. – Jefferson : McFarland, 2012. – P. 7.
552. Schirra B. Deutscher Dschihadist droht «In keinem Urlaubsland werdet ihr mehr sicher sein!» / B. Schirra // Blick. – 28.06.2015.
553. Schröder G. Wir brauchen Einwanderung in unser Sozialsystem / G. Schröder. – Режим доступа: <https://www.welt.de/debatte/kommentare/article145776294/Wir-brauchen-Einwanderung-in-unser-Sozialsystem.html>
554. Seal G. Encyclopedia of folk heroes / G. Seal. – ABC-CLIO, 2001. – P. 272–273.
555. Segalen M. Sociologie de la famille / M. Segalen. – Paris, 2006.
556. Singerman D. Avenues of Participation: Family, politics and networks in urban quarters in Cairo / D. Singerman. – Princeton : Princeton Univ. Press, 1995.
557. Singly F. de. Sociologie de la Famille contemporaine / F. de Singly. – Paris, 2005.
558. Smith A. F. Encyclopedia Of Junk Food And Fast Food / A. F. Smith. – Westport : Greenwood, 2006. –P. xxviii.

559. Smith L. *Cultural Heritage: Critical Concepts in Media and Cultural Studies* / L. Smith. – Routledge, 2006.
560. Social Justice Report 2010. – Режим доступа: <http://www.humanrights.gov.au/our-work/aboriginal-and-torres-strait-islander-social-justice/publications/social-justice-report-1>.
561. Soja E. *Thirdspace: Expanding the Scope of the Geographical Imagination* / E. Soja // *Human Geography today* / D. Massey, J. Allen, P. Sarre. – Cambridge : Polity, 1999. – P. 260–278.
562. Soja E. W. *Thirdspace* / E. W. Soja // *Journeys to Los Angeles and Other Realand-imagined Places*. – Cambridge – Oxford : Blackwell Publ., 1996. – P. 74–78.
563. Sperling A. *Merkels Flüchtlinge: Die schonungslose Wahrheit über den deutschen Asyl-Irrsinn!* / A. Sperling // *Taschenbuch* – 3. – April 2016.
564. Steinkrüger J. *Thematisierte Welten: Über Darstellungspraxen in Zoologischen Gärten und Vergnügungspark* / J. Steinkrüger. – Bielefeld, transcript Verlag, 2014. – S. 247.
565. Steranko J. *The Steranko History of Comics* / J. Steranko. – Reading, Pa. : Supergraphics, 1970. – P. 44.
566. Stuerzenberger M. *Moslem-Petition will Oktoberfest verbieten* / M. Stuerzenberger. – Режим доступа: <http://www.pi-news.net/moslem-will-oktoberfest-verbieten-lassen/>.
567. Sun X. *The Chinese Sky During the Han: Constellating Stars and Society* / X. Sun, J. Kistemaker. – Leiden : Brill, 1997. – P. 127, 177.
568. Sutthof J. D. *Schule warnt vor Flüchtlingen «Könnten Kleidung und Blicke jünger Mädchen falsch deuten»* / J. D. Sutthof // *The Huffington Post*. – 02.07.2015.
569. *Swamp Thing* // *DC Comics*. – Apr. 1989. – Vol. 2, № 85.
570. *Swamp Thing* // *DC Comics*. – Oct. 1986. – Vol. 2, № 53.
571. *Table PL-P3A NTA: Total Population by Mutually Exclusive Race and Hispanic Origin*. – New York : *Neighborhood Tabulation Areas**, 2010, Population Division – New York City Department of City Planning, March 29, 2011. Accessed June 14, 2016.
572. *The Measuring the Information Society Report*. – 2016. – Режим доступа: <http://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/publications/mis2016.aspx>.
573. Thomson C. *Culture, Identity and the Dialogique* / C. Thomson // *Dialogue and Cultural Theory*. – London (Canada), 1995. – P. 51.
574. Tomassone R. *Biométrie. Modélisation de phénomènes biologiques* / R. Tomassone, C. Dervin, J. P. Masson. – Paris : Masson, 1993.
575. Tomaszewski A. *Vers une philosophie pluraliste de la conservation pour le xxie siècle, Centre pour la protection du paysage culturel* / A. Tomaszewski. – Varsovie, 2001.
576. Topinka R. J. *Foucault, Borges, Heterotopia: Producing Knowledge in Other Spaces* / R. J. Topinka // *Foucault Studies*. – 2010. – Vol. 9. – P. 54–70.
577. Toth J. *The Mole People: Life In The Tunnels Beneath* / J. Toth. – New York : Chicago Review Press, 1995.
578. Trumbull Cl. H. *The Threshold Covenant* / Cl. H. Trumbull. – New York : Charles Scribner's sons, 1896. – P. 181.
579. Tuan Y.-F. *Dear Colleague: common and uncommon observations* / Y.-F. Tuan. – Minneapolis : Univ. of Minnesota Press, 2002.
580. Tuan Y.-F. *On Human Geography* / Y.-F. Tuan // *Daedalus*. – 2003. – Vol. 132, No. 2. – P. 135.
581. Tuan Y.-F. *Space and Place: The Perspective of Experience* / Y.-F. Tuan. – Minneapolis : Univ. of Minnesota Press, 2001.
582. Tuan Y.-F. *Topophilia: A Study of Environmental Perceptions, Attitudes, and Values* / Y.-F. Tuan. – New York : Columbia Univ. Press, 1990.
583. Turner F. J. *The frontier in American history* / F. J. Turner. – New York : Courier Dover Publications, 1996. – 375 p.
584. Turner V. *The Ritual Process* / V. Turner. – New York : Cornell Univ. Press, 1991. – P. 95.
585. Udo Ulfkotte. *Die Asyl-Industrie Wie Politiker, Journalisten und Sozialverbände von der Flüchtlingswelle profitieren* / Udo Ulfkotte. – Kopp Verlag, Rottenburg, 2015. – S. 121–125.
586. Ulfkotte U. *Die Asylindustrie... Wie Politiker, Journalisten und Sozialverbände von der Flüchtlingswelle profitieren* / U. Ulfkotte. – Kopp Verlag, 2015. – 272 S.
587. Van Grieken R. *Cultural heritage conservation and environmental impact assessment by non-destructive testing and micro-analysis* / R. Van Grieken, K. Janssens. CRC Press, 2004.

588. Vecco M. A definition of cultural heritage: From the tangible to the intangible / M. Vecco // *Journal of Cultural Heritage*. – 2010. – № 11. – P. 322.
589. Veltman K. H. Towards a Semantic Web for Culture / K. H. Veltman // *Journal of Digital Information*. – 2004. – Vol. 4, issue 4, № 255. – 2004-03-15. – Special issue on New Applications of Knowledge Organization Systems. – Режим доступа: <http://jodi.ecs.soton.ac.uk/Articles/v04/i04/Veltman/>.
590. *Victorian Prism: Refractions of the Crystal Palace* / ed. by J. Buzard, J. W. Childers, E. Gillooly. – Charlottesville : Univ. of Virginia Press, 2007.
591. Vincent Kessler 7 Millionen Türken in der EU. – Режим доступа: <http://diepresse.com/home/ausland/aussenpolitik/5182299/7-Millionen-Tuerken-in-der-EU>.
592. Virilio P. *The Lost Dimension* / P. Virilio. – New York : Semiotext, 1984.
593. Wadron J. What is Cosmopolitan? / J. Wadron // *The Journal of Political Philosophy*. – 2000. – № 8 (2). – P. 236.
594. Wæver O. Securitization and desecuritization / O. Wæver // Lipschutz R. *On security* / R. Lipschutz. – New York : Columbia Univ. Press, 1995. – P. 62.
595. Wæver O. The rise and fall of the inter-paradigm debate / O. Wæver // *International Theory: Positivism and beyond* / ed. by S. Smith, K. Booth and M. Zalewski. – New York : Cambridge Univ. Press, 1996. – P. 161.
596. Wang N. Rethinking authenticity in tourism experience / N. Wang // *Annals of Tourism Research*. – 1999. – № 26 (2). – P. 349–370.
597. Warren R. *Rail and the City: Shrinking Our Carbon Footprint While Reimagining Urban Space* / R. Warren. – Cambridge : MIT Press, 2014. – P. 197.
598. Weir A. *The Martian* / A. Weir. – London : Del Rey, 2014.
599. Wendt R. *Deutschland in Gefahr: Wie ein schwacher Staat unsere Sicherheit aufs Spiel setzt* / R. Wendt. – Riva, München, 2016.
600. Whybrow P. Manic Nation / P. Whybrow. – 2012. – Режим доступа: <http://www.psmag.com/health/manic-nation-dr-peter-whybrow-says-were-addicted-stress-42695/> (дата обращения: 22.05.2016)
601. Williams M. C. Words, Images, Enemies / M. C. Williams // *Securitization and International Politics, International Studies Quarterly*. – 2003. – № 47. – P. 512.
602. Williams R. Cultural Safety – what does it mean for our work practice? / R. Williams // *Australian and New Zealand Journal of Public Health*. – 1999. – Vol. 23 (2). – P. 213–214.
603. Willingham B. *Shadowpact* / B. Willingham // DC Comics. – Nov. 2006. – Vol. 1, № 5.
604. Winterbauer J. Polen will nur christliche Flüchtlinge aufnehmen / J. Winterbauer // *Die Welt*. – 25.06.2015.
605. Wirth L. *The ghetto* / L. Wirth // *Community life and social policy: Selected papers by Louis Wirth*. – Chicago : Univ. of Chicago Press, 1956. – P. 262.
606. Witherick M. *A modern dictionary of geography* / M. Witherick, S. Ross, J. Small. – New York, 2001. – P. 168.
607. Wolmar Ch. *The Subterranean Railway: how the London Underground was built and how it changed the city forever* / Ch. Wolmar. – Atlantic, 2004. – 384 p.
608. World Values Survey. – Режим доступа: <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (дата обращения: 11.08.2017).
609. *World's Greatest Super Heroes* // DC Comics. – Aug. 1978.
610. *World's Finest Comics* // DC Comics. – Oct.–Nov. 1979. – № 259.
611. Writer S. Never Too Old for Video Games? / S. Writer. – Режим доступа: <http://www.video-game-addiction.org/video-game-addiction-articles/never-too-old-for-video-games.htm> (дата обращения: 14.04.2017).
612. Zhou X. *Karaoke: The Global Phenomenon* / X. Zhou, F. Tarocco. – London : Reaktion Books, 2013. – P. 76.
613. Ziętek A. W. Cultural Security: How to Analyze It? / A. W. Ziętek, M. Curie. – Режим доступа: http://www.eisa-net.org/be-bruga/eisa/files/events/warsaw2013/agatazietek_culturalsecurity.pdf.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Гетеротопия: пространство множеств и множественность пространств (<i>С.Н. Якушенко</i>).....	7
Глава 2. Культурная безопасность: понятийно-концептуальный анализ (<i>А.П. Романова, М.М. Бичарова, М.В. Джумакаева (Ваккасова)</i>)	41
Глава 3. Культурная идентичность как фактор культурной безопасности (<i>Е.В. Хлыщева</i>).....	81
Глава 4. Трансформация института семьи в контексте социальной и культурной безопасности (<i>М.М. Бичарова</i>)	116
Глава 5. Культурное наследие и культурная безопасность (<i>И.В. Лебедева, А.П. Романова</i>)	164
Глава 6. Безопасность в информационном мире и электронной культуре (<i>Л.В. Баева</i>)	201
Глава 7. Культурная безопасность в условиях гетеротопий массовой культуры (<i>Р.Т. Алиев, О.С. Якушенко</i>).....	238
Глава 8. Гетеротопии современного городского пространства (мегаполиса) (<i>А.П. Романова, М.С. Топчиев</i>)	294
Заключение	328
Сведения об авторах	330
Список литературы	332

**Анна Петровна Романова,
Сергей Николаевич Якушенков,
Людмила Владимировна Баева,
Елена Владиславовна Хлыщева,
Мария Михайловна Бичарова,
Ирэна Валерьевна Лебедева,
Михаил Сергеевич Топчиев,
Олеся Сергеевна Якушенкова,
Растям Туктарович Алиев,
Марина Валижоновна Джумакаева (Ваккасова)**

**КУЛЬТУРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
В УСЛОВИЯХ ГЕТЕРОТОПИИ**

Монография

Редактирование, компьютерная правка, верстка
С.Н. Лычагиной, Ю.А. Яценко

Заказ № 3708. Тираж 300 экз.
Уч.-изд. л. 22,0. Усл. печ. л. 30,8

Издательский дом «Астраханский университет»
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
тел. (8512) 48-53-47 (отдел маркетинга), 48-53-45,
48-53-44, тел./факс (8512) 48-53-46
E-mail: asupress@yandex.ru

Заказ № 2652. Формат А4, 60×84 1/8. Печать офсетная.
Отпечатано с оригинал-макета в ГП АО ИПК «ВОЛГА»
414000, г. Астрахань, ул. Набережная 1 Мая, 75 / Шаумяна, 48
тел. (8512) 44-55-59, 44-33-20